

Зарубежная

фантастика

МИР-ЗЕМЛЕ

МИР-ЗЕМЛЕ

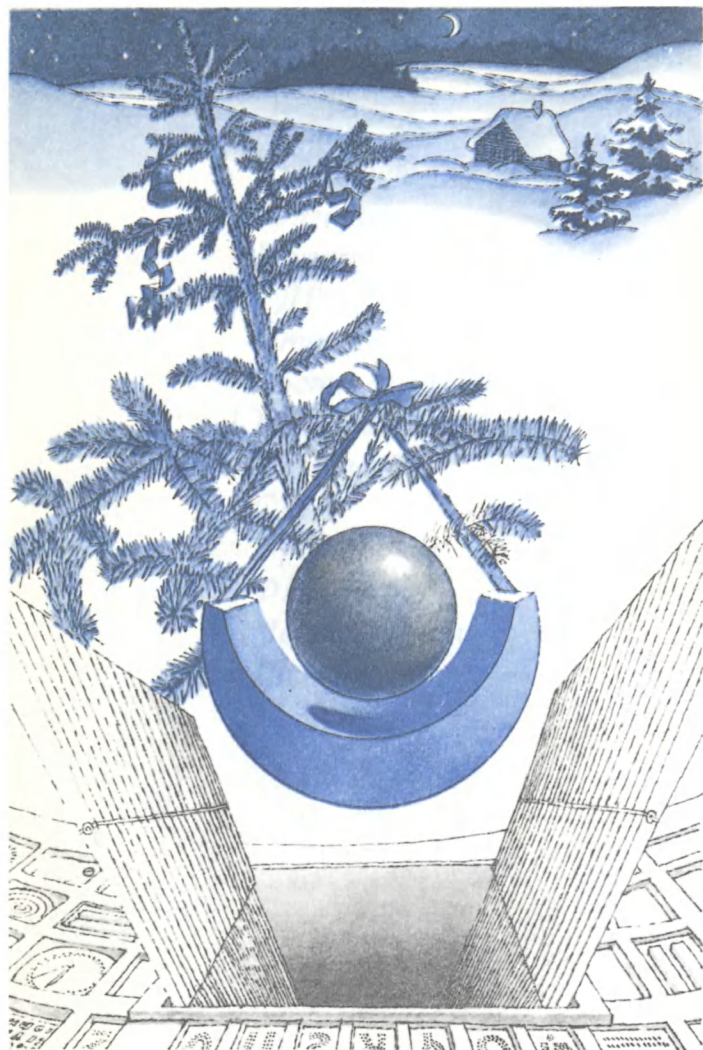
Сборник
научно-фантастических
произведений

Издательство «Мир» Москва

Англия
Аргентина
Болгария
Венгрия
ГДР
Италия
Коста-Рика
Норвегия
Польша
США
Франция
ФРГ
Чехословакия
Швеция
Япония

Зарубежная фантастика

Зарубежная

фантастика

МИР – ЗЕМЛЕ

Сборник

антивоенных научно-фантастических
произведений

Перевод с английского, болгарского,
испанского, немецкого и др.

Составитель В. ГОПМАН

Путеводитель по сборнику
В. СКОРОДЕНКО

МОСКВА «МИР» 1988

ББК 84(0)6
М63

Мир–Земле: Сб. научно-фантаст. произведений;
М63 Пер. с англ., болг., исп., нем. и др./Сост. В. Гоп-
ман; Путевод. по сб. В. Скороденко.– М.: Мир,
1988.–573 с.–(Зарубежная фантастика)

В сборник включены антивоенные научно-фантастические произведения писателей из 15 стран мира (Англии, Аргентины, Венгрии, Польши, США, Японии и др.). На его страницах наряду с именами хорошо знакомых фантастов (С. Комацу, Г. Гаррисон, Й. Несвадба) читатель встретится с новыми авторами из Болгарии, Норвегии, Коста-Рики, ГДР. Всех этих писателей, независимо от их политических убеждений и национальной принадлежности, объединяет тревога за судьбы человечества, вера в возможность победы сил разума над милитаризмом.

Всем, кому дорог мир на Земле.

М **4703000000–490** **185–87, ч. 1**
041(01)–87

ББК 84(0)6

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

© состав, путеводитель по
сборнику, «Мир», 1988

Мир Земле

Итак, тема сборника: война и мир.

Жанр – фантастика.

Мир – понятие многоемкое. Каждое государство, каждый народ, каждый человек вкладывает в него свое: историческое, национальное и личное. Страна, пережившая за нынешнее еще не завершившееся столетие три опустошительные войны – первую империалистическую, гражданскую и Великую Отечественную, – знает цену миру, ибо у народов этой страны война вошла в историческую, а, может быть, и генетическую память поколений. Вот почему в Советском Союзе лучше, чем где бы то ни было, понимают и чувствуют то главное, что составляет самое существо мира и вбирает в себя все возможные истолкования этого слова: мир – отсутствие войны. Условие необходимое и достаточное. Все остальное, сколь бы существенным оно ни было, есть производное от этого основного условия.

В ядерную эпоху, когда война из международного и национального бедствия превратилась в реальную угрозу для существования человечества, а проблема войны и мира – в глобальную проблему сохранения жизни на планете Земля, свойственное советским людям понимание мира позволило Советскому Союзу первым перейти на позиции нового мышления – поставить перед мировым сообществом вопрос о последствиях ядерного противоборства держав во всей его неприкрытой и чудовищной наготе и предпринять конкретные практические шаги для устранения самой возможности всеобщего уничтожения в горниле ядерного кошмара.

Человечество, похоже, все больше осознает, что фигура умолчания, самообольщение, самообман и тактика страуса бесперспективны в этой области и даже убийственны. Чтобы лечить, нужно знать о болезни все. Чтобы бороться с угрозой ядерного смерча, необходимо ясно представлять себе все его

последствия. Теперь они перестают быть собственностью узкого круга «посвященных», выходят за стены лабораторий и закрытых комиссий, становятся достоянием гласности, и этому процессу содействуют ученые и политики, писатели и общественные деятели, понимающие меру своей личной ответственности перед людьми. Кошмар понемногу начинает обретать четкие контуры. Необратимое разрушение экологической среды, генетическое вырождение, «ядерная зима» – все это переходит из области воображения в разряд научно обоснованного прогноза, обнажающего оскал тотальной смерти со всеми его атрибутами вплоть до гротескных – типа того, что единственным существом, способным выжить, будет какая-то разновидность таракана.

Катастрофа приблизилась и остановилась за дверями. От доброй воли всех государств, всех народов, всех людей – и только от нее – зависит, останется ли дверь закрытой.

Но и сегодня старому доброму воображению, не знакомому с инструментами научного предвидения, едва ли стоит давать отставку. Многого оно, конечно, не знало, однако его питали смутная прапамять сгинувших в глубинах доистории глобальных катаклизмов и ясное понимание некоторых далеко не привлекательных сторон человеческой природы. Сопрягая одну с другим, оно постигало возможность катастроф – вселенских битв перед концом света. Оно говорило об этих войнах на темном метафорическом языке мифов, но говорило вполне определенно – в древнеиранской «Авесте», в «Апокалипсисе», в германо-скандинавском «Прорицании вёльвы», в пророчествах средневекового мистика Нострадамуса. Изобретение ядерного оружия и трагедия Хиросимы и Нагасаки придали воображению новый стимул, обновили язык, отвлекли от мифических сказаний и умозрительных спекуляций и вывели к современности – в научную фантастику.

И тут художественное воображение явило примечательную способность проникать в суть вещей, обгоняя научное познание, военные и политические концепции. Ученые разрабатывали новые типы бомбы, стратеги рассматривали модели боевых операций, политики кое-где серьезно обдумывали возможность перехода от ядерного шантажа к ядерной войне; еще проводились испытания в атмосфере и под водой, еще мнилось, что мало мегатонн произведено и накоплено, а писатели

уже почуяли, куда все это ведет и чем может закончиться.

На страницах научной фантастики возникло видение всепожирающего огня – «Вышивание» Рэя Брэдбери.

И видение последних людей на Земле – «Каникулы» Брэдбери.

И видение Земли без людей – «Будет ласковый дождь...» все того же Брэдбери (нейтронной бомбы еще не было).

Подключилось кино, и Стэнли Креймер перенес на экран видение угасающей жизни – роман австралийского писателя Невилла Шюта «На берегу».

И видение кровавого апокалипсического заката пало на мертвую американскую пустыню в фильме итальянского режиссера Микеланджело Антониони «Забриски Пойнт», снятом в США.

Чем ближе к сегодняшнему дню, тем конкретнее и пластичнее становились видения; фантастика насыщалась приметами реальности. Ширилось понимание того, что речь идет не о чем-то проблематичном, а о возможном и даже, в известных условиях, вероятном.

«Наша Земля удивительно прекрасна, – это редкая жемчужина нашей Галактики. Жизнь на Земле – явление уникальное. Может быть, есть какие-то другие цивилизации, но такой мы наверняка не встретим на бескрайних просторах Вселенной. И эту жизнь надо сберечь... Об этом особенно задумываешься, когда видишь нашу Землю из космоса – прекрасную и какую-то беззащитную» (космонавт Владимир Джанибеков).

Взгляд из космоса позволяет охватить Землю целокупно, увидеть ее обжитой, домашней и действительно беззащитной, как беззащитен дом человека, его очаг, перед мощью ядерных арсеналов.

Человечество живет в тени угрозы, и эта тень скрадывает масштабы цивилизации. Понятие «дом», напротив, существенно расширилось. Новое мышление, которого требует от народов и правительств нынешнее положение в мире и которого последовательно придерживается Советский Союз, исходит, помимо прочего, и из такого постулата: «дом» – это не только свой дом, свой город, страна или даже континент, но вся Земля. Безопасность каждого немыслима без безопасности всех. Либо мы выживем все вместе, либо вместе погибнем, другой альтернативы нет.

Эта суровая истина определила сюжет и поэтику новеллы английского ученого и известного писателя-фантаста Артура Кларка. Рассказ создан в 1954 году, однако одушевляющая его идея и сквозная метафора Земли как родного дома человечества и его дивного наследия таковы, что он мог быть написан сегодня, и сегодня скорее, чем вчера. Им открывается сборник о мире и о Земле—

«И если я, Земля, тебя забуду...»

Артур Кларк

Когда Марвину исполнилось десять лет, Отец повел его длинными гулками коридорами, что забирались все выше и выше через горизонты Управления и Энергопитания, и вот они поднялись на самый верхний уровень, в царство быстрорастущей зелени Питомных Земель. Марвину тут нравилось—было занятно видеть, как длинные хрупкие стебли чуть ли не на глазах жадно ползут вверх навстречу солнечному свету, который сеется сквозь пластиковые купола. Здесь все пахло жизнью, и этот дух будил в его сердце неизъяснимое томление—так непохож он был на прохладный сухой воздух жилых горизонтов, очищенный от всех запахов, кроме слабого привкуса озона. Ему очень не хотелось уходить, однако Отец повел его дальше. Они дошли до портала Обсерватории—в ней Марвин еще не бывал,—но и тут не остановились, и возбуждение волной накатило на Марвина, потому что он понял: цель у них может быть только одна. Первый раз в жизни ему предстояло выйти во Внешний Мир.

В огромном зале обслуживания он увидел с десятков самых разных вездеходов, все на широких баллонах и с

Пер. изд.: Clarke A. C. „If I Forget Thee, oh Earth”: в сб. Clarke A. C. Expedition to Earth.—Lnd.: Sidgwick and Jackson, 1954.

© перевод на русский язык, «Мир», 1988.

герметичными кабинами. Отца, судя по всему, ждали: их сразу же провели к маленькому «разведчику», что стоял наготове перед массивной овальной дверью шлюзовой камеры. Пока Отец включал двигатель и проверял датчики, Марвин устроился в тесной кабинке и замер от нетерпения. Дверь шлюза скользнула в сторону, пропустила их и вернулась на место; рев мощных воздушных насосов постепенно сошел на нет, давление упало до нуля. Вспыхнуло табло «Вакуум», створки наружных дверей разошлись, и Марвину открылась поверхность, на которую ему еще не доводилось ступать.

Он, конечно, видел ее на фотографиях и сотни раз смотрел по телевизору. Но теперь она расстилалась во весь оком, горела под неистовым солнцем, которое медленно-медленно ползло по черному-черному небу. Отвернувшись от его слепящего блеска, Марвин поглядел на запад – и увидел звезды. О них он слышал, но поверить в них до конца так и не мог. Он долго не сводил с них глаз, дивясь, что они, такие крохотные, так ярко горят. Они прокалывали небосвод иглами недвижных огоньков, и ему вдруг пришел на память стишок, вычитанный когда-то в одной из отцовских книжек:

Ты мигай, звезда ночная!
Где ты, кто ты – я не знаю*.

Ну, уж *он*-то знал, что такое звезда, а тот, кто задавался такими вопросами, был, верно, очень глупым. И потом, что значит «мигай»? С одного взгляда было понятно, что звезды горят ровным немигающим светом. Он перестал ломать голову над этой загадкой и обратился к тому, что их окружало.

Делая около ста миль в час, они неслись по плоской долине, вздымая за собой громадными баллонами фон-

* Начальные строчки хрестоматийного английского стихотворения для детей даны в переводе О. А. Седаковой. – *Прим. перев.*

танчики пыли. О Колонии уже ничто не напоминало: за те несколько минут, что он глядел на звезды, ее купола и радиомачты провалились за горизонт. Зато появились другие признаки присутствия человека. Примерно за милю по курсу Марвин заметил необычные сооружения, которые теснились вокруг наземного корпуса шахты; из приземистой трубы время от времени вырывались и мгновенно таяли клубы пара.

Минута – и шахта осталась позади. Отец гнал вездеход так, что захватывало дух, сноровисто и отчаянно, словно – неожиданное для ребенка сравнение – хотел от чего-то спастись. Через несколько минут они достигли края плато, на котором находилась Колония. Поверхность внезапно обрывалась из-под колес головокружительным спуском, и конец его терялся в тени. Впереди, насколько хватал глаз, раскинулась беспорядочная пустыня кратеров, горных цепей и провалов. Под лучами низкого солнца гребни и пики горели в море мрака огненными островами, а над ними все тем же пристальным светом сияли звезды.

Пути вниз не могло быть – и однако он был. Марвин стиснул зубы, когда «разведчик» перевалил через гребень плато и начался долгий спуск. Но тут он различил еле заметную колею, уходящую вниз по склону, и ему полегчало. Они, похоже, были не первыми, кто здесь спускался.

Они пересекли тeneвую черту, солнце скрылось за краем плато – и пала ночь. Зажегся парный прожектор, бледно-голубые полосы света заплескали на скалах по курсу, и уже не нужно было глядеть на спидометр, чтобы узнать скорость. Так они ехали долгие часы, огибая подножия гор, которые своими острыми вершинами, казалось, прочесывают звезды, пересекая долины и время от времени на считанные минуты выныривая из тьмы под солнце, когда взбирались на перевал.

И вот справа, вся в складках, легла припорошенная

пылью равнина, а слева, вознося – милю за милей – неприступные бастионы уступов, стеной встала горная цепь, уходящая в дальнюю даль до самой границы обозримого мира, за которой исчезали ее вершины. Ничто не говорило о том, что здесь когда-либо бывал человек, если не считать остова разбитой ракеты да пирамидки камней рядом, увенчанной крестом из металла.

Марвин решил, что горам не будет конца, но миновали часы, и гряда завершилась последней вздыбленной кручей, которая отвесно восставала из нагромождения невысоких холмов. Они съехали на гладкую равнину, исполинской дугой забирающую к далекому горному краю, и до Марвина постепенно дошло, что с ландшафтом начинает твориться что-то непонятное.

Холмы справа застили солнце, и в открывшейся перед ними долине должна была бы царить непроглядная тьма. Однако долину омывало холодным бледным сиянием, что лилось из-за скал, под которыми они теперь проезжали. Но вот они выскочили на равнину, и источник света возник перед ними во всем своем великолепии.

Двигатели смолкли, в кабинке стало совсем тихо, только еле-еле посвистывал кислородный баллон да изредка потрескивал, отдавая тепло, металлический корпус машины. Ибо ничуть не грел величественный серебряный полумесяц, что висел низко над горизонтом и заливал всю поверхность жемчужным сиянием. Это сияние ослепляло, и прошли минуты, прежде чем Марвин наконец заставил себя поднять глаза и в упор посмотреть на весь этот блеск. Мало-помалу он различил и очертания континентов, и зыбкий ореол атмосферы, и белые острова облаков. А отсвет солнца на ледовых полярных шапках можно было разглядеть даже на таком расстоянии.

Прекрасна была планета, и ее зов достиг его сердца через бездну пространства. Там, на этом сияющем по-

лумесяце, крылись все чудеса, какие ему не довелось пережить, – краски закатного неба, жалобы моря в шорохе гальки, дробь и шелест дождей, неспешная благодать снегопада. Все это и многое другое принадлежало ему по праву рождения. Но он знал про них только из книг и старых звукозаписей, и эта мысль отозвалась в нем горькой болью изгнания.

Почему им нельзя вернуться? Планета выглядела такой мирной и тихой под текучим облачным одеялом. Но когда его глаза притерпелись к ослепительному блеску, Марвин увидел, что та часть диска, которой полагалось пребывать во мраке, слабо лучится зловещим мертвенным светом, – и вспомнил. Он смотрел на погребальный костер человечества – на радиоактивное пепелище Армагеддона *. Между ними лежали четверть миллиона миль, но все еще можно было видеть тление атомного распада, это вечное напоминание о гибельном прошлом. Пройдут века и века, прежде чем смертоносное свечение угаснет на окаменелой земле и жизнь сможет вернуться и заполнить собою этот пустой безмолвный мир.

И вот Отец заговорил. Он рассказывал Марвину о том, что до той минуты значило для мальчика не больше, чем слышанные в раннем детстве волшебные сказки. Многое было выше его разума – он не умел и не мог вообразить сияющую многоцветную радугу жизни на планете, которую никогда не видал. Не мог он постигнуть и природу тех сил, что в конце концов ее уничтожили, так что на всем свете осталась одна лишь Колония, да и та уцелела только потому, что была на отшибе. Но агонию тех последних дней, когда в Коло-

* Армагеддон – в христианской мифологии – место последней битвы перед концом света, «на исходе времен»; в переносном смысле – гибель цивилизации, человечества в горниле всеуничтожающей войны. – *Прим. перев.*

нии наконец осознали, что никогда уже не сверкнет среди звезд выхлопное пламя грузовой ракеты, доставившей подарки из дома, – эту агонию он был способен прочувствовать. Одна за другой умолкли радиостанции; померкли и угасли на затененной стороне планеты огни городов; и люди остались в одиночестве, какое до тех пор было неведомо человеку, и будущее всей расы легло им на плечи.

А потом пошли годы отчаяния, долгая битва за выживание в этом чуждом и лютом мире. Они победили, но победа была ненадежной: крохотный оазис жизни оградил себя от самого страшного, чем грозил Космос, однако без цели, без будущего, ради которого стоило бороться. Колония утратила бы волю к жизни, и тогда ее не спасли бы никакие машины, ни наука, ни опыт и сноровка колонистов.

Только теперь до Марвина дошел смысл их паломничества. Сам он не пройдет берегами рек потерянного и канувшего в легенду мира, не услышит раскатов грома над мягко круглящимися его холмами. Но когда-нибудь – кто знает когда? – потомки его потомков возвратятся, чтобы вступить во владение своим наследием. Дожди и ветра соберут отраву с выжженных земель, снесут ее в океан, и там, в бездне морской, она лишится своей губительной силы и не сможет вредить жизни. Тогда огромные корабли, терпеливо ждущие своего часа здесь, на пыльных безмолвных равнинах, снова поднимутся в космос и направят полет к родному дому.

Так вот она, заветная мечта; придет время – Марвин познал это в единый миг озарения – и он передаст ее своему собственному сыну, здесь, на этом самом месте, где за спиной высятся горы, а лицо омывает серебристым сиянием.

Марвин не оглянулся ни разу, когда они тронулись в обратный путь. Видеть, как ледяной блеск Земли постепенно истаивает на окружающих скалах, было ему не

под силу – ведь он возвращался к своему народу, чтобы разделить со всеми их долгое изгнание.

Итак, погребальный костер человечества – или многоцветная радуга жизни. Третьего не дано.

Повествования о судьбах мира нередко тяготеют к всеобщности: диктует тема, она же подсказывает и художественную форму – притчу или нечто ей близкое. Рассказ норвежского писателя Одда Солумсмуена выдержан именно в этом жанре.

Сочно, как на полотне П. Кончаловского, выписаны здесь умиротворенность и мягкая прелесть мирного земного дня: «В такой день так хорошо бродить вокруг, и жара не докучает, под деревьями много тени, дрожащие блики солнечного света проникают сквозь листву в глубину трав». Утраченное наследие Марвина из новеллы А. Кларка – реальное достояние героев Солумсмуена. Но призрак войны, мысль о ее неотвратимости и о том, что люди недостаточно сделали, чтобы отвести эту угрозу, запускает щупальца в их жизнь и убивает ее многоцветную радугу.

Страх смерти бывает сильнее смерти; предошущение Армагеддона – страшней самого кошмара. Нормальные люди не могут не ощущать незримого присутствия в мире мегатонн смерти. Тревога, беспокойство, стресс – для этого есть много слов – признак нормальной, естественной реакции человека. Только «возлюбивший войну» (как назвал свой роман американский писатель Д. Херси) спокоен и самодоволен, но его состояние – как раз признак отхода от нормы.

«Мы верили в то, что сможем противостоять мировому злу с помощью блюдечка с молоком», – сетует героиня рассказа. Одним молоком для ежика, понятно, мирового зла не обороть, но в борьбе с ним ничто не лишнее, и малая толика добра к тем, кого С. Есенин называл меньшими братьями человека, тоже способна внести в нее свою крохотную лепту. Однако защитить она действительно не может, ибо, как справедливо сказано в притче Солумсмуена, зло столь огромно, что одна только мысль о нем сводит с ума. Мысль-пагуба о том, что в будущем маячит война, что в перспективе –

Грядущая катастрофа

Odd Solumsmoen

Ненастью, казалось, не было конца. Дул сильный ветер, лил дождь, пока однажды утром вдруг не прояснилось, брызнули солнечные лучи, и гляncем заблестела зеленая листва деревьев. Горделиво стоял красный бук, всем своим видом заявляя, какой он вырос крепкий и могучий, какая у него пышная, раскидистая крона. Среди ее зелени медью сияли красные листья. Ближе к стволу зеленели маленькие веточки, листья на них еще не распустились до конца. Как воплощение мира и покоя выстроились в ряд елочки с молодыми побегами, тонкими и прозрачными.

Солнце припекало все сильнее, воздух был напоен ароматом цветов. В зарослях чайных роз жужжали пчелы, купаясь в солнечных лучах, заливался жаворонок. Поверхность пруда сплошь заросла желтыми кувшинками, которые как бы скользили по его глади, оставался лишь один незаросший участок, где резвились водоплавающие птицы. Чуть шелестел листвой ветерок. Трепетали листья осины, пробегала рябь по ивовой листве.

Под тентом на лужайке за завтраком сидели муж и жена. Они не разговаривали между собой, лишь изредка раздавались их восклицания.

– Какой чудесный день, – говорила она.

– Наконец-то дождались, – вторил он.

И они вновь замолкали, стараясь ничем не нарушать окружающей их гармонии; продолжали есть, выпили еще по чашечке кофе, просмотрели вчерашние газеты.

Пер. изд.: Solumsmoen O. Den siste venn: в сб. Solumsmoen O. Den siste venn. – Oslo: Aschehoug, 1983.

© Н. Aschehoug Company (W. Nygaard), 1983

© перевод на русский язык, «Мир», 1988.

Они испытывали умиротворение, чувствовали себя под защитой этого чудесного дня. То, чего им так не хватало, наконец пришло. Сияние солнечных лучей, аромат роз, шелест листвы.

Наступил день, когда можно разуться и ходить босиком, размять, наконец, затекшие в ботинках пальцы, скинуть с себя одежду, в которую закован большую часть зимы...

– Как по бархату ступаешь, – произнес он, хотя, собственно говоря, ему еще никогда не доводилось ступать по бархату.

Как хорошо в такой день бродить вокруг, и жара не докучает, под деревьями много тени, дрожащие солнечные блики проникают сквозь листву в глубину травы.

В такой день останавливаешься у розового куста и обрываешь увядший лепесток, срываешь несколько цветков в саду, чтобы поставить их в вазу на обеденный стол. В такой день так хорошо сидеть и тихо разговаривать просто так, ни о чем.

– Пережить в своей жизни день такого совершенного покоя! – произнесла она.

– К тому же сегодня воскресенье, и мы слышим звон колоколов, как неотъемлемый аккомпанемент к царящему вокруг МИРУ, хотя это всего-навсего перезвон металлических колоколов.

– Колоколовцев более не существует. Об этом, насколько я припоминаю, не раз писалось в «Приходской газете», хотя мы совершенно не обязаны ее читать, а следовательно, и знать это.

До них снова донесся звон церковных колоколов, призывающих верующих, но отнюдь не их. И все же они не могли быть совсем равнодушными к «благой вести» только потому, что избегали проповедей.

– Мне так не хватает существования того, кого можно было бы возблагодарить за такой день. У меня с дет-

ства осталась привычка всегда благодарить за незабываемое.

Он улыбнулся и легонько похлопал ее по руке:

– Давай возблагодарим Судьбу, – сказал он. – Во всяком случае, это то, что можно себе представить.

Солнце садилось. Тени стали длиннее. На небе не было ни облачка. Вечер тоже обещал быть прекрасным.

День угасал. Они «сорвали день», словно цветок или фрукт, как сказал древнеримский поэт. С явной грустью вспомнил муж школьные годы, уроки, когда изучали Горация: как давно это было! Сейчас это время кажется ему еще более далеким, чем нетерпеливый крик матери, зовущий его из соседского сада: «Иди домой кушать, немедленно».

Он снова коснулся ее руки.

– Как прекрасно осознавать себя счастливыми, правда? Ведь чаще всего это понимаешь, когда счастье уже ушло, когда слишком поздно.

– Да, – прошептала она. – Но я не смею говорить о нем вслух. Счастье такое хрупкое. Сразу же рассыпается в прах, как только заговоришь о нем.

– Тогда это не настоящее счастье, если оно такое непрочное.

На террасе стояло блюдечко с молоком для ежика, который каждый вечер доставлял им радость своим приходом. А сегодня вечером? Разве он не приходил? Она крепко сжала его руку.

– Ежик убит! – произнесла она.

Теперь они оба уже заметили: по траве тянулся кровавый след, ежик, вероятно, шел от проезжей части в сторону дома, чтобы спокойно умереть под ступеньками их крыльца.

– Что это означает? – спросила она.

– Боже мой – «означает»! Что же может такое особенное означать тот факт, что еж попал под машину? Разве

мы, кстати говоря, не опасались этого? Ведь на нашей тихой улочке движение постепенно становится все более оживленным. «Означает», сказала ты. Означает ли что-нибудь тот факт, что ты моргаешь глазами? Или то, что я сейчас чихнул? Утром я закопаю ежа.

– Ты его закопаешь, но это отнюдь не означает, что история с ежом будет закончена.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что мы были слишком счастливы. Какое мы имели на это право!

– Возьми себя в руки, – неестественно громко проговорил он. – Мы ведь с тобой не суеверны. Ты просто чересчур насмотрелась фильмов ужасов по этому чертову телевизору, – решительно добавил он.

– Блюдечко с молоком! – повторяла она как заклинание.

– Неужели мы должны чувствовать угрызения совести из-за того, что слишком мало заботились о еже?

– Мы верили в то, что сможем противостоять мировому злу с помощью блюдечка с молоком, – сказала она с горькой усмешкой.

Вечером она прикорнула в его объятиях и никак не хотела уходить в свою постель.

– Можно я останусь у тебя?

– Но разве тебе совсем не хочется спать?

– Я не смогу заснуть в своей постели, мне там так одиноко.

– Оставайся со мной, – сказал он великодушно, – но чего же ты боишься?

– Ах, если бы я только знала это определенно, тогда бы я не боялась, – проговорила она загадочно.

Кажется, она даже расплакалась.

– Мы не должны предаваться унынию, – проговорил он с деланной бодростью. – Утро вечера мудренее.

– Ничего подобного, – прошептала она. – Мир не меняется с воскресенья на понедельник.

Глубокой ночью он перенес ее в ее собственную постель. Она проснулась с криком.

– Мне приснился такой ужасный сон, он был такой явственный! Его галстук был забрызган кровью!

– Чей это – «его»?

– Того, кто пришел убить меня. Ведь он пришел именно за этим. И у меня не было другого выхода, как громко закричать, чтобы проснуться и тем самым спастись.

– Ну вот и хорошо, – проговорил он успокаивающим тоном. – Ну кому же придет в голову убивать такую хорошую девочку, как ты?

– Не говори глупостей. Все было так реально, как то, что я разговариваю с тобой. Представь себе, я даже успела заметить на его левой руке перстень. Широкий золотой перстень с плоским черным камнем. Я подумала: «Разве убийцы носят перстни?» Представляешь, в момент смертельного страха я задавала себе этот вопрос.

– Сны бывают странные, – сказал он.

– Сны бывают вещице, – закончила она.

На следующий день он похоронил ежа в самом дальнем уголке сада. Выкопал аккуратную глубокую ямку: пусть земля ему будет пухом.

Она ждала, пока он войдет в дом.

– Ты подумал о том, какие приготовления нам нужно сделать на тот случай, если начнется война? – спросила она.

Он пошел в ванную, чтобы помыть руки и закричал оттуда:

– Боже мой, что за странный переход от ежа к войне. У тебя совсем сместились представления о масштабах событий. Никакой войны не будет. И ты не имеешь никакого права говорить: «Если начнется война». Тот, кто произносит такие слова, сам накликает войну. Кроме того, никто не осмелится начать войну первым. Речь может идти только об ответном ударе.

– По-моему, и в прежние времена говорили то же, – ответила она. – Почему мир не пытается противостоять этому? А сильные мира сего? Политические лидеры, которые, казалось бы, должны осознавать это не хуже нас. Ты видишь, куда мы идем? Ты осмеливаешься посмотреть правде в глаза? Недолго нам осталось! Ты помнишь то воскресенье, когда мы целиком погрузились в состояние сентиментального счастья. А кровавый след ежа на траве возник, как черное облако на горизонте, предвещающее ненастье в ясный день.

– Попытаемся найти правильные ориентиры. – произнес он слегка нравоучительным тоном.

– Их не существует. Пытаться найти их – значит, выдавать желаемое за действительное. Что мы будем делать, когда начнется война? Я требую прямого ответа на прямой вопрос. Не можем же мы просто сидеть и ждать!

Он снисходительно вздохнул.

– Прежде всего тебе нужно успокоиться. Чего, собственно, ты страшишься, ведь мы все находимся в равном положении!

– До начала войны всего один шаг, рано или поздно она начнется!

– Но ведь угроза смерти существует всегда. Мы ведь знаем, что рано или поздно умрем, но все же сначала стремимся жить!

Может быть, она уже жаждала катастрофы, коль скоро катастрофа неизбежна? У нее даже появилось чувство торжества, что именно ей выпало знать о грядущем, тогда как другим оно было неизвестно, и меньше всех ее мужу. Она не желает идти ко дну как слепой котенок. Она хочет видеть все до последней минуты, хочет осознавать происходящее.

Несколько дней спустя им понадобилось вызвать водопроводчика из-за пустяковой неполадки, неисправности крана с горячей водой. Когда сняли раковину и по-

ставили ее на пол, обнаружилось, что задняя стенка дома сплошь покрыта плесенью, та самая стена, которую архитектор в свое время охарактеризовал как «безумно надежную», поскольку она была облицована по последнему слову строительной техники. «Полная гарантия от мышей и крыс», – добавил он тогда. А вот теперь водопроводчик, напротив, заверяет их, будто «ничто в этом мире не может считаться подлинно надежным».

– Я вижу плесень и в других местах. – Она оживилась. – Весь мир покрыт плесенью, – воскликнула она патетически. – Можно снести эту стену, и архитектор спроектирует новую. Это не составит труда. Но какую стену можно воздвигнуть против всех мировых невзгод?

– Ты становишься такой же фаталисткой, как Пандора, – заметил он нехотя. Эта плесень его тоже насторожила. Если в доме завелась плесень... – Хорошо, что мы заметили ее вовремя, – сказал он нерешительно.

– Напротив, мы обнаружили ее слишком поздно. Постоянно пытаемся успокоить себя чем-то. Вроде того, как пишут в газетах: «Современная ситуация не дает никаких оснований для паники». А в то же время на другой странице, в передовой, сообщается, что не хватает бомбоубежищ. «Кроме того, ощущается недостаток в противогасах для детей до трех лет. Правда, счастливы от трех до семи вполне обеспечены». Выходит, традиционная война – наилучший выход. А рано или поздно война начнется...

– Но, позволь, – произнес он устало, уже без особой уверенности в голосе. – Мы же сами себе придумываем все эти страхи.

Постепенно вечерами стало раньше темнеть. Он зажег одну из уютных ламп.

– Я боюсь, что налетит мошкар,– проговорила она.

Он выключил свет. Несметное множество этих полуночников. Омерзительные существа с вытянутыми тельцами и складывающимися крыльями, непостижимые, неуловимые, никогда не знаешь, откуда они берутся, только знаешь, что они *есть*. Они запускают свой отвратительный хоботок куда-нибудь в вырез платья. А как только ты хочешь их отогнать, начинают соскальзывать вниз, пытаешься их прихлопнуть, но не тут-то было. Им нет числа, они вездесущи. Такое чувство, словно они опутывают человека сетью. Так и будешь лежать беспомощно в этом облаке трепещущих ножек и крыльев.

Роковой час все приближался. Теперь у них не было сомнений: им ничего не остается, как эмигрировать в другое полушарие, в Австралию. Они отправятся туда и займутся разведением овец. Как это им не приходило в голову раньше!

– Разводить овец – это замечательно,– прошептала она, как бы заранее готовясь встретить его возражения.

Им следует продать имущество, расторгнуть контракты по страховым полисам, и тогда у них не только хватит денег на билеты, но и окажется в руках кругленькая сумма, начальный капитал на время первых трудных лет. Им следовало бы быть крестьянами. Теперь они станут ими. Будут жить беззаботно и беспечно, как птицы в небе.

Он снисходительно засмеялся, пытаясь скрыть тревогу.

– Сначала мы с тобой посетим врача, а уж потом отправимся в Австралию.

После этого она более не говорила об Австралии. Но постоянно держала эту часть света в своих мыслях. «Когда ситуация обострится настолько, что он наконец осознает это (собственно говоря, это произошло уже давно), тогда они уедут». Она планировала их отъезд в

мельчайших деталях, каждый день понемногу, чтобы все было совершенно ясно в тот момент, когда это станет актуальным, а этот момент наступит рано или поздно.

Однажды им принесли свежий номер «Военных новостей», и она с жадностью набросилась на него. Пусть посвященные скажут свое слово. В передовой статье говорилось о «глобальной стратегии великих держав» и о том, что сила современного ракетного оружия такова, что на нашей планете нет места вне пределов его досягаемости.

«Австралия – единственное пристанище всех несчастных, – подумала она. – Место, где пасутся мирные овечки».

Ей хотелось смеяться, слез больше не было. Неужели они и в самом деле собирались ехать в Австралию? Опять ее чуть не одурачили.

– Слава тебе, господи, – пробормотала она.

– Ты делаешь из мухи слона.

– Но мы ведь замечаем признаки надвигающейся опасности! – воскликнула она.

– Это *ты* замечаешь их. Нет, тебе непременно нужно показаться врачу! («Неужели тебе самой не ясно, как ты нуждаешься в этом!»)

– Сегодня я наконец была у него, – сказала она. – У врача.

Они сидели за послеобеденным кофе. В такое время дня возможности для взаимопонимания обычно кажутся безграничными.

– Ну что сказал врач? – он отложил газету.

– Назвал это «неврозом страха». Он так небрежно произнес это нелепое выражение, будто выпустил дым от гавайской сигары.

Он снова взял в руки газету.

– Мне уже начинает казаться, что ты жаждешь ката-

строфы. Ипохондрики вроде тебя готовы даже умереть, лишь бы показать, как они правы.

Красота природы, которая захватила их в тот далекий день, теперь представлялась ей загадочной, безудержной, кричащей, коварной.

– Эта летняя красота была такой неестественной, – вспомнила она. – То ли дело зимний день, чистый, целомудренный, не способный лишить человека душевного покоя.

– А когда придет зима, ты опять, боюсь, будешь говорить то же. Ты теперь принадлежишь к тем несчастным, которые рано или поздно начинают отрицать весь божий мир.

Он никак не мог заставить ее регулярно есть, нормально спать. Казалось, она решила вычеркнуть себя из активной жизни, и кто же был в состоянии переубедить ее, если она сама захотела, чтобы все было именно так? Если в ожидании, по ее мнению, неизбежного она пристально вглядывалась только в это неопределенное грядущее, а не в обыденную реальность. Всей своей неугомонной душой она страстно ждала того Дня, который отбросит ее страх в костер, как ненужную тряпицу.

И вот наконец настал День, который она предчувствовала, которого так боялась, что кровь стыла в ее жилах. Пришел День, отбросивший мучительное время ожидания и выполнивший свою миссию палача.

Она металась в бреду, не зная, куда преклонить голову, чтобы обрести покой. Обрести покой на дне безграничного, всепоглощающего Ничто!

Она призывала смерть. Ведь теперь она твердо знала: Смерть – это не последний враг. Смерть – это последний друг.

Итак, пришел День.

Пока что – в мире фантастической притчи. Его может не

быть в реальности. У Солумсмуена говорится о глобальной стратегии великих держав. Державы, конечно, разные, как и стратегии. Есть стратегия мира, есть стратегия войны. Но верно, что на планете нет пределов досягаемости для ракет, а уж для ядерной смерти – и подавно. Австралия, о которой мечтает героиня романа, тоже не выход: эта обетованная земля в лучшем случае станет последним берегом человечества, как о том поведал Н. Шют. И пока День не наступил, «Еще есть время, братья!» – призывает С. Креймер в последних кадрах фильма, снятого по роману. Есть время не допустить Дня.

Однако же День имел в недавней истории человечества «генеральные репетиции», а нынешние адепты войны – своих духовных отцов и предтеч. Культ бомбы не сегодня родился, как и научная фантастика. В 1944 году немецкий писатель Петер Братт (впоследствии писатель ФРГ) создал фантастическую аллгорию о бомбе. Вернее, не просто о бомбе, а о бомбе-персонификации национал-социализма. Недаром она изъясняется на языке пропагандистских шаблонов и штампов фашизма с привлечением всего арсенала нацистской псевдомифологии. Однако многие ее формулировки можно услышать и от некоторых современных деятелей; слова, правда, не всегда совпадают, но смысл тот же. Впрочем, пусть судит читатель.

Бомба и облако

Петер Братт

– Поры-ы-в, взры-ы-в, разры-ы-в, – завывала бомба, летя над каналом. – Грандиозно. Динамично. Тотально. Сверх того. Победный дух. Самопожертвование.

– Должно быть, ты сработана в Германии, – сказала облако, много повидавшее на белом свете. – Головы у тебя нет, зато есть философия.

– Я триумф немецкой изобретательской мысли, – гор-

Печатается по изд.: Братт П. Бомба и облако. Пер. с нем. – М.: ИЛ, № 5, 1986. – Пер. изд.: Bratt P. Das Bombe und das Wolke. – Die Zeitung, 1944.

© «Иностранная литература», 1986

до ответила бомба.– Я искусственный сверхчеловек. Живу, чтобы убивать. И свое земное назначение исполняю автоматически.

– Ни дать ни взять культутрегер,– сказала облако.– Миссионер избранной расы. Перед тобой станут униженно пресмыкаться.

– Я всего лишь загоняю варваров туда, где им место,– в норы. Неарийцам–норы! Нордическим сынам солнца–свет!

– Ты напоминаешь мне древних драконов, что носились в поднебесье несколько тысячелетий тому назад. Правда, огонь извергался у них из пасти, а не с хвоста. Их называли Дети Ночи.

– Маленькое, хлипкое, отсталое облако-- что ты смыслишь в истории? Не в твоих силах угнаться за временем. Старомодная летная модель. Непрочный материал. Ни характера, ни самодисциплины. Скелета нет, чести нет, гуманистическая туманная дымка– для любителей посозерцать. Демократический моллюск. А теперь на меня посмотри. Сильная. Непоколебимая. Целеустремленная.

– Цель, а в чем она, твоя цель?–спросило облако невинно. Ветер усилился, и облаку удавалось держаться неподалеку от бомбы.

– Любая–только не военная. Школы, больницы, жилые дома, исторические сооружения. Если в казарму или фабрику врежусь, то разве что по недоразумению. Лишь первобытные варвары ведут боевые действия чисто военными методами. Мой девиз: сперва женщины и дети.

– Так ты знаешь свою цель?–спросило облако.

– Фюрер знает ее,–скромно ответствовала бомба.– Я лишь одна из его мыслей. А его мысли суть дела.

– В конце–дело,–заметило туманно облако.– А в начале было слово.

– Служака. Драка. Атака. Контратака,–отчеканила

бомба.– И мне слово подвластно.

– Покуда ты издаешь визг,– сказала облако,– ты при-
рожденная пропагандистская машина.

– Я идеальное оружие наступления,– возразила бом-
ба.– Уж если попаду, то успех стопроцентный. И так же,
как моя старая приятельница и сродственница душегуб-
ка, гарантирую абсолютную победу над беззащитными.

– А тебе самой защита не нужна? Не пришлось бы те-
бе, кстати, в качестве прикрытия довольно-таки плотно
сбитое облако?

– Мне задано лишь одно направление,– сказала бом-
ба,– вперед. Рахитичные порождения жизни упразд-
няются. Я праздную победу.

– Если тебе ничего не мешает,– сказала облако.– И
потом, ты никогда не возвращаешься. Твои минуты со-
чтены. Тут у меня некоторое преимущество. Я видоиз-
меняюсь. Даже когда я истаиваю, жизнь не оставляет
меня. Я испаряюсь лишь затем, чтоб возродиться заново.
Я продолжаю жить.

– Мой конец входит в мою задачу,– сказала бом-
ба.– Я солдат фюрера– без страха и упрека, яркий при-
мер для его черных, коричневых, серых когорт. Я лише-
на собственной воли, личных эмоций. Не отличаюсь от
себе подобных. Никогда не отклоняюсь от указанной
траектории. И приношу себя в жертву, не моргнув гла-
зом– нет у меня глаз. Мой конец– событие драматичное
и никогда не безрезультатное. Это смертоносная
смерть. А посему–целесообразная.

– Да,– сказала облако.– Понимаю. Ты достославней-
ший символ национал-социализма. Ты поднимаешься
ввысь не за счет собственных сил, когда же тебя под-
хватывает плотный воздушный поток, ты на короткое
время зависаешь, наслаждаясь властью, и мнишь себя
владыкой воздушных сфер. Ты млеешь от устрашающе-
го свиста, который исторгаешь. Между набором вы-
соты и сбросом ты упиваешься своей ролью в спектакле,

что наводит страх и ужас. Ты стремительно несешься к катастрофе. Но катастрофа и есть смысл твоего существования. Ликвидируя, ты самоликвидируешься – это все, на что ты способна. После себя ты оставляешь одни пепелища и слезы. Но как знать – вдруг и тебе, великой, мощной, беспощадной, не по зубам хлипкое, беспомощное, старомодное облако?

С этими словами облако налилось свинцом и накрепчилось, будто изготовясь к рывку. И при вспышке сверкнувшей иглы от трескучего величия бомбы остался только пшик.

Итак, «от трескучего величия бомбы остался только пшик».

Если бы то же самое можно было сказать о фашизме с его мниморыцарскими атрибутами, об оболванивающем дурмане его идеологии, построенной на лжи, на выхолащивании человеческих ценностей, на дурно пахнущей «философии» войны. Дурман, однако, действует и поныне, а то, что итальянский писатель Дино Буццати метко назвал «сатанинской гордыней пещальных безумцев», по-прежнему отравляет души.

«Линкор смерти» – фантастическая притча-«ретро», обращенная в настоящее и будущее.

В чудовищном монстре войны – а Буццати живописует его весьма убедительно – есть нечто кафкианское: под пером писателя машина войны воспринимается как материализованный кошмар. Вполне естественно поэтому появление в рассказе фантазмагорических воплощений куда более древних сил зла и тьмы, словно нисходящих на Землю из недоброго пантеона прагерманской мифологии, обновленной нацистской демагогией. Для Буццати фашизм и война – синонимы; он средствами фантастики исследует миропонимание, психологию и извращенную эстетику милитаризма под углом абсурдной конечной цели «возлюбивших войну» – повернуть историю вспять. Поэтому в новелле правит абсурд и милитаризм превращается из средства в нечто самодостаточное, сущее само по себе: «Но как оставить, как бросить гигантский чудо-корабль, в который столько вложено сил, души, мечтаний, надежд? Как уйти просто так, не сделав ни единого выстрела из его чудо-орудий?».

Умное, язвительное, тонкое развенчание нацистского мифа

перерастает у Буццати в убийственную критику войны как системы и связанной с ней аберрацией сознания, выворачивающей наизнанку все человеческие ценности. Этой задаче подчинены и стиль письма – ясный, лаконичный, местами по-журналистски хлесткий, выдержанный под документ, и композиция произведения – рассказ в рассказе. «Ядро» новеллы, лежащий в ее основе сюжетный факт, в сущности, никакой не факт, а предсмертный бред. Точнее, бред маскируется под факт. Итог предпринятого Буццати художественного исследования однозначен: зло порождает и притягивает только зло, война – войну, смерть – смерть.

Линкор смерти

Дино Буццати

В скором времени на немецких книжных прилавках появится весьма достопримечательное издание – книга „Das Ende des Schlachtschiffes König Friedrich II, Gotta Verlag, Hamburg”. Написал ее бывший капитан третьего ранга германского военно-морского флота времен последней войны по имени Гуго Регюлюс.

В рукописи его произведение не читал почти никто. А кто читал – поначалу не знали, что и подумать. Будь сочинение отставного капитана сказкой, вымыслом, фантастикой, словом выдумкой, тогда бы все в порядке. Но в том-то и дело, что автор выдает свое писание за исторический документ. Пишет же он при этом такое, чего, конечно, не было да и быть не может. Поневоле думаешь: уж не тронулся ли умом этот Регюлюс?

Однако читаешь дальше и начинаешь понимать: повествование на самом деле документальное. Причем документы подобраны тщательно, скрупулезно, факты выверены, аргументация автора убеждает. Особенно

Пер. изд.: Buzzati D. La corazzata Todd: в сб. Buzzati D. Sesanta racconti.– Milano: Mondaderi, 1958.

© перевод на русский язык, «Мир». 1988.

сильное впечатление производит фотография. Она, правда, одна, но стоит десятка. Такую фотографию просто не подделаешь!

Изображена на снимке какая-то ужасающая громадина, по виду похожая на военный корабль. Измыслить, а уж тем более сотворить такое чудовище мог разве душевнобольной, одержимый маниакальным бредом величия. Причем бредом в самой тяжелой, безнадежной форме. К ней обычно приводят невоплощенные мечты, неосуществленные амбиции, болезненные разочарования, насильственное отлучение от дела жизни, бесславное изгнание и, наконец, новые, столь же безнадежные попытки переломить судьбу, вновь обрести недобытую или утраченную силу и славу.

Так оно и было в истории, рассказанной капитаном. К тому же, как явствует из рукописи, порыв создателей плавучего монстра был безнадежен вдвойне: о нем никто, кроме них самих, так никогда и не узнал. Но это, видимо, еще сильнее подогревало и тешило сатанинскую гордыню несчастных безумцев...

Словом, если Регюлюс говорит правду, он и в самом деле сделал величайшее историческое открытие. Ему удалось пролить свет на одну из самых темных, таинственных и недоступных стороннему взгляду страниц истории второй мировой войны.

Эпизод, о котором пишет Регюлюс, поразителен и неправдоподобен сам по себе. Еще поразительнее то, что он, казалось бы, ничем не связан с другими известными событиями и лицами. Однако самое поразительное в нем другое. Тысячи людей, некогда допущенных к той жгучей тайне, точно дали себе обет никогда не проронить о ней ни слова. Можно подумать, что всем этим людям доставляет несказанное наслаждение владеть знанием, недоступным другим. Похоже, им приятно быть причастными к тому, о чем другие не подозревают. Обет молчания хранят люди самого разного по-

ложения и достатка. Молчат богатые и неимущие, облеченные властью и стоящие в самом низу иерархической лестницы, люди блестяще образованные и невежи, высшие чины военно-морского ведомства и чернорабочие судоверфи. Они блюдут свой обет и поныне, хотя поражение Германии в одночасье превратило в пустой звук святые некогда понятия государственной тайны и воинской дисциплины.

Регюлюс уверяет, что даже после выхода его книги эти люди не нарушат многолетнего молчания. Если кто-то и узнает их в персонажах книги, они с возмущением будут отрицать всякое сходство. А если кто-нибудь начнет допытываться у них подробностей, они ответят, что ничего не знают. Регюлюс – первый, кто решился заговорить.

Книга состоит из трех частей. Первая – своего рода полудневник-полупротокол, в котором со скрупулезной точностью запечатлены все этапы длительного и многотрудного расследования. Регюлюс подробно пишет о том, как появились у него первые догадки, как помогли они связать воедино внешне, казалось бы, не связанные меж собою события и факты. Рассказывает о своих долгих и поначалу безуспешных поисках, которые в конце концов и привели его в то место, где в свое время началась таинственная эпопея. В тех местах развалины и обломки еще хранят память о безумном дерзании. Приводит автор и свидетельства очевидцев – если «свидетельствами» можно назвать отрывочные фразы и намеки, а то и просто отдельные слова, которые ему довелось услышать в портовых кабаках и притонах. Сами «очевидцы» – разношерстный, большей частью темный люд, что в изобилии толчется по этим значным местам. Ночная тьма и усталость после тяжелого дня нередко развязывает людям язык.

Наконец, Регюлюс повествует о встрече с единственным подлинным свидетелем. За несколько минут

до последнего вздоха, в предсмертной агонии, этот человек открыл Регюлюсу ужасную тайну.

Во второй части рассказывается о событиях, произошедших на борту невиданного судна, начиная со спуска его на воду и кончая трагической гибелью у дальних чужих берегов.

Третья часть книги – своеобразное приложение, в котором автор заранее пытается ответить на возможные замечания, возражения и недоуменные вопросы читателей. Главный вопрос, разумеется, один: как случилось, что событие такого огромного масштаба по сию пору осталось никому не известным? Пытаясь ответить на него, Регюлюс приводит множество подробностей, цитирует разного рода документы. Однако все они звучат не очень убедительно, особенно когда речь идет о кульминационном моменте страшной драмы. Здесь, на мой взгляд, от читателя не требуются здравые рассуждения – они должны поверить автору на слово. Конечно, каждый волен верить или не верить. Что до меня лично, то я верю. Как знать, быть может, силы зла и тьмы, о которых теперь можно прочесть лишь в старинных книгах, узрели в безумных создателях чудовищного судна достойных соперников? Узрели и спустились из своего небесного обиталища на землю, чтобы вступить с ними в схватку?

Гуго Регюлюс родился в Любеке в семье владельца судовой верфи. Когда началась война, ему было тридцать пять лет. Прежде он служил морским офицером, но еще в середине 30-х годов в чине капитана третьего ранга вышел в отставку по состоянию здоровья и семейным обстоятельствам. Здоровье у него и впрямь было неважное, а семейное обстоятельство одно – надо было помогать старику-отцу на верфи.

Едва начались военные действия, Регюлюса снова призвали на флот. И хотя он по-прежнему не мог похва-

статься здоровьем и ему не составило бы большого труда освободиться от действительной службы, любовь к Великой Германии взяла верх. Он решил не искать поблажек, чтобы отсидеться в тылу. Впрочем, на фронт он не попал, а осел в отделе учета контингента военно-морского министерства, где и дослужил до бесславного конца «третьего рейха».

Служебные функции Регюлюса были довольно незатейливы. Ему вменялось в обязанность вносить в специальную картотеку сведения о прохождении службы унтер-офицерами. Он скрупулезно записывал все: повышения в чине, переводы в другие части, отпуска, дисциплинарные взыскания и т. п. Таким образом, у него перед глазами в любой момент была довольно полная, хотя и несколько косвенная картина положения дел на германском флоте.

И вот начиная с лета сорок второго года в этой картине появился загадочный штрих. В отдел Регюлюса стали один за другим поступать приказы на переводы военнослужащих в другие части. В приказах указывались части и подразделения, в которых служили люди прежде, места их дислокации, а вместо части назначения стояло: «Специальное подразделение 9000, явиться в оперативный отдел № 27».

Все приказы о назначении в подразделение 9000 неизменно шли с грифом «совершенно секретно», поэтому никто из служащих отдела учета контингента не осмеливался любопытствовать, что именно скрывается за четырехзначной цифрой. Да и приходили приказы не особенно часто: в «специальное подразделение» людей направляли небольшими партиями – по семь, от силы восемь человек. При желании всегда можно было как-то объяснить для себя, что это за подразделение. Может, людей берут в контрразведку и даже со временем зашлют в тыл врага. А может, намечается особо важный рейд подводных лодок и его решили засекретить осно-

вательнее, чем обычно.

Однако в какой-то момент положение резко изменилось. В «специальное подразделение» стали посылать не семь-восемь и даже не десять человек. За считанные недели число отправленных туда унтер-офицеров перевалило за две сотни. Людей требовалось все больше и больше, и на протяжении последующих месяцев «специальное подразделение» исправно поглощало новые десятки.

Капитан Регюлюс лишь раз-другой перемолвился с сослуживцами о таинственном подразделении. Похоже, и они ничего не знали. Однако его не оставляла мысль, что коллеги знают об этом деле нечто такое, что ему недоступно. Впрочем, он не горевал. Не зря говорится: меньше знаешь – крепче спишь. А знать военную тайну вообще обременительно: вечно боишься проронить слово, выдать свое знание по забывчивости или неосторожности. Человек, обремененный тайной, волей-неволей меняет весь уклад своей жизни и поведение. Он начинает избегать друзей и знакомых, а если женат, то в ужасе просыпается среди ночи: ему мерещится, будто во сне он сказал что-то запретное, чего жена не должна услышать.

Между тем «специальное подразделение 9000», точно пасть гигантского чудовища, поглощало все новые сотни людей. Оно стало чем-то вроде двери в таинственный мир. И за этой дверью ничего нельзя разглядеть, кроме тьмы – непроглядной, кромешной тьмы. Может, там база для создания нового секретного оружия? Или учебный центр, где готовят участников небывалой операции? А может, там идут приготовления к высадке десанта в Англии? Покуда Регюлюс втихомолку размышлял над вошедшей в его жизнь тайной, ненасытная пасть проглотила его товарища и подчиненного Вилли Унтермайера.

Этот Унтермайер всегда служил старательно и даже ревностно, однако на беду в нем так и не прорезалось настоящей военной жилки. Больше всего на свете он боялся неизвестности. Его мучительно угнетала мысль, что в один прекрасный день придется сняться с насиженного места в министерстве, где он прослужил семь лет, и шагнуть на корабль, в море, в неведомое. Неведомого он боялся так, что даже не умел как следует скрыть свой страх. Однако до поры судьба его хранила: он исправно нес службу, начальство было им довольно и покуда предпочитало держать в министерстве. Но и его не обошли превратности военной фортуны. Она явила бедному служаке свой самый устрашающий лик – «подразделение 9000». Сотрудники отдела учета контингента по-прежнему пребывали в неведении, что именно скрывается за этим обозначением. Однако, несмотря на это, а возможно и вследствие этого, одно лишь слово «подразделение 9000» ввергало их в трепет. Оно стало для них синонимом невероятной опасности, отлучения от человеческого сообщества, пути на верную гибель без малейшего проблеска надежды на возвращение.

Прежде Унтермайер был деловит, замкнут, даже несколько угрюм. Однако ввиду близкой отправки его как подменили: он сделался нервным, суетливым, настырным. Жалко и несуразно дергался и все силился выведать у начальства хоть словечко, хоть полсловечка, что же это за подразделение, куда его отправляют. Непробиваемая стена молчания была ему ответом.

Капитан Регюлюс взирал на происходящее с печалью и душевной болью. Загадка «специального подразделения 9000», которая до того существовала совсем близко, рядом с ним, но все-таки вне его, властно вошла в его жизненный обиход. Жажда проникнуть в неведомое, вкусить запретное, прикоснуться к тайному – все эти чувства и устремления, которые так мало пристали военному человеку, однажды возникнув, прочно овладе-

ли душой и помыслами капитана третьего ранга. Теперь всякий раз, когда дежурный приносил конверт с пометкой «секретно», адресованный лично ему – а такое случалось не раз на дню, – сердце его начинало отчаянно колотиться: неужто пришел и его черед?

Когда начались бомбежки Берлина, министерство перевели в бункер на окраине. А потом пришел конец и войне, и министерству, и Великой Германии. Но судьба и на этот раз оказалась милостивой к бывшему капитану третьего ранга: ввиду слабого здоровья ему удалось избежать плена и интернирования.

То было удивительное время, время разоблачений. Одна за другой выплывали на свет божий жгучие тайны «третьего рейха». О них писали и говорили, их обсуждали тысячи простых смертных, которые прежде лишь безмолвно трепетали. Многие, многие тайное теперь становилось явным. Многие, но не «специальное подразделение 9000». «Как же могло так случиться? – терялся в догадках Регюлюс. – Ведь туда в свое время отправили не одну сотню унтер-офицеров, а уж простых матросов и подавно тысячи! Где же теперь эти люди? Должен ведь кто-то остаться в живых? А раз кто-то жив, значит, вернулся домой. А раз вернулся – почему молчит? Взять того же Унтермайера. Куда он исчез? Прежде от него каждый месяц приходила армейская открытка без марки. Впрочем, и без штампа, вернее, с таким штампом, что на нем не разглядишь, где ее опустили».

Постепенно желание разгадать тайну «специального подразделения» полностью овладело помыслами бывшего капитана третьего ранга, вытеснив собой все другие желания и устремления.

В ту пору военные и политические секреты обеих воевавших сторон стали стремительно выплывать на поверхность из тайников секретных канцелярий. И если

прежде от чужих глаз их защищала неодолимая преграда фронта, а от своих – столь же неодолимая преграда военной тайны, то теперь что ни день выплескивались наружу тайны правительств и верховных главнокомандований. О чем только тогда ни писали, ни говорили! Обсуждали подробности жизни фюрера, толковали о попытках сепаратных соглашений между Германией и союзниками... Все понемногу становилось достоянием гласности. Все, кроме «специального подразделения 9000». Оно стало чем-то вроде белого пятна на карте, необъяснимого пробела в цепи исторических событий, словно в этой цепи по странной случайности выпало звено. Причем звено не такое уж мелкое, чтоб можно было спокойно выкинуть его из головы. Ведь там безвестно исчезли тысячи людей.

История – всегда гигантский кроссворд, который постепенно заполняется усилиями многих людей, покуда не возникнет единая картина исторического движения. Так вот, в этом гигантском кроссворде сквозила пустотой и не давала покоя бывшему капитану третьего ранга одна незаполненная строчка. В эту строчку нечего было вписать, кроме ничего не говорящих слов «специальное подразделение 9000».

Конечно, об этом пробеле ведали немногие. Знали о нем лишь те, кто, подобно Регюлосу, в свое время соприкоснулся с секретными предписаниями о «специальном подразделении». Исключая этих людей, никто в целом мире не слышал и не подозревал о нем. Регюлос пытался заговаривать о ставшей для него мучительной тайне с бывшими коллегами, но, казалось, и они обо всем позабыли.

– Спецподразделение 9000? – морщил лоб кто-либо из бывших офицеров. – Погоди, погоди... Что-то такое и в самом деле было... Какое-то особое задание или что-то в этом роде... Теперь уж и не припомню. Да мы и тогда не больно много знали. А на что тебе? – И бывший

сослуживец не спускал с него искреннего взгляда.

Однако первые неудачи не отвратили Регюлюса от задуманного – так, во всяком случае, он пишет. Более того: безуспешные попытки раскрыть тайну превратили ее в главное дело жизни бывшего капитана третьего ранга. В его мечту, цель, страдание, бред.

Его семья, прежде состоятельная, сильно пострадала от войны, однако ему удалось подыскать доходное место в одной кораблестроительной фирме в Любеке. Новая служба, как и прежняя, не очень тяготила Регюлюса, так что у него оставались время и силы, чтоб продолжать захвативший его поиск.

Уже в ноябре сорок пятого года он принялся разыскивать семью Унтермайера – адрес сохранился у него с прежних времен. С этой целью он поехал в Киль, где нашел жену и отца бывшего сослуживца. Оказалось, что начиная с апреля и они не получали никаких вестей от Унтермайера. А сам он ни разу не приезжал на побывку с той самой поры, как отбыл по секретному предписанию. Нет, о судьбе его никто ничего не знает. И никаких предположений тоже нет. Такой ответ получил он в Киле. Но родные, похоже, не теряли надежды, ждали, что Вилли вот-вот вернется из своего таинственного далека.

Итак, первая попытка кончилась ничем.

Как пишет Регюлюс, после этой неудачи у него едва не опустились руки. Нет, он ни на секунду не сомневался, что за ширмой «специального подразделения» кроется нечто чудовищное и ужасающее в своей огромности. Сомневался он лишь в своих возможностях, в том, что его слабых сил достанет, чтобы проникнуть в самую сердцевину жуткой тайны. Нигде не находилось самой незначительной зацепки, самого ничтожного намека, за который можно было бы зацепиться, положить его в основу хотя бы самой шаткой и неправдоподобной гипотезы. Куда бы ни обращал Регюлюс свои недоу-

менные вопросы, всякий раз они повисали в воздухе, оставаясь гласом вопиющего в пустыне.

По слабости своей он уже был готов бросить начатые поиски, когда пришло первое «открытие». Собственно, это было даже не открытие, а скорее озарение, догадка. Очень вольное, даже фантастическое, но в конце концов оказавшееся верным истолкование газетной заметки.

Заметка была напечатана в газетке «Старз энд страйпс», которую в ту пору издавали американские оккупационные власти. Она-то и оказалась первым проблеском надежды.

Вот что там было напечатано:

«По словам экипажа аргентинского катера „Мария Долорес III“, прибывшего из Байа Бланка с Мальвинских островов, им в океане встретилось «чудовище величиной с гору». Это случилось незадолго до захода солнца. Чудовище неподвижно лежало на воде и, по-видимому, спало. Моряки в один голос свидетельствуют: „У чудовища было три или четыре головы и огромные усы-антенны наподобие тех, которыми обладают некоторые насекомые. Усы направлены вверх и постоянно шевелятся, точно ищут чего-то в небе“. У чудовища был настолько устрашающий вид, что катер „Мария Долорес“ на всех парах поспешил прочь. Сгустившиеся сумерки скрыли чудовище из глаз».

Через несколько дней Регюлюс наткнулся еще на одну любопытную заметку. Пилот самолета, совершавшего рейс из Северной Африки в Буэнос-Айрес, якобы видел посреди океана небольшой остров явно вулканического происхождения. Пилот точно указал его координаты. Судя по всему, извержение вулкана еще продолжалось, так что островок был окутан облаком вулканических паров и газов. Меж тем всем отлично известно, что в этой части океана никаких островов нет и никогда не было.

Регюлюса кольнула догадка. Ну конечно, конечно... Никакое это не морское чудовище. Да и откуда ему взяться в наше время? Это то... то самое. Морское чудовище, вулканический остров – это одно, одно! Гигантский, невиданных размеров корабль!

Разумеется, никаких доказательств у Регюлюса нет, все это, скорее всего, плод его воображения. К тому же выдумать могли и моряки, и летчик, и, главное, репортеры. Кто-кто, а они на выдумки горазды.

И все-таки Регюлюс верил. Вопреки всем доводам рассудка. Верил в свое прозрение, в свою выдумку. «Специальное подразделение 9000» – это не что иное, как громадных размеров судно. В большом секрете его спроектировали и в строжайшей тайне построили на скрытой от посторонних глаз верфи. На нем установлены смертоносные орудия такой разрушительной силы, что и представить немыслимо. Один-два выстрела – и посрамленные неприятельские армады идут ко дну, как бумажные кораблики. Может, «усы» невиданного гиганта – это и есть орудия? Тоже гигантские, тоже невиданные? Вполне возможно... Регюлюс живо увидел перед собой, как они вертятся во все стороны, жадно и настороженно оглядывают, «обнюхивают», ощупывают пространство. Когда они тянутся вверх, то похожи на заводские трубы предприятий «Ледерер штальверке» на окраине его родного Любека. Да нет, чепуха все это! Никакие это не орудия! Подумаешь, пушки! Кого в наше время пушками пугаешь? Теперь подавай что-нибудь поновее, помощнее! Скорее всего там, на корабле, имеется совсем особая установка. А то стали бы его держать за семью замками! Наверняка суперустановка, испускающая недавно открытые сверхсмертоносные лучи. А может, снаряды. Но не простые, а тоже новейшие, недавно созданные. И тоже, понятно, сверхсмертоносные. В голове Регюлюса все перемешалось. Мысли скакали, не в силах ни на чем задержаться.

Когда-то, в стародавние времена, они, еще желторотые кадетики, мечтали о таких снарядах. Совсем молоденькие были, мальчишки... Жизнь в училище нелегкая – строевая подготовка, марш-броски с полной выкладкой, аудиторные занятия... А после отбоя, бывало, лежешь – холодно, жестко, не согреться толком. Лежишь, мечтаешь. О подвигах, о славе. И о невиданном мощном оружии. Молодость...

Регюлюс с усилием отогнал от себя воспоминания. Значит, вероятно, дело обстоит так. Корабль строили, но вовремя достроить не успели. А когда достроили, война кончилась. Разом на всех фронтах. На суше, и на море, и в воздухе в одночасье смолкли выстрелы. Смолкли оттого, что воевать стало некому. От Великой Германии остались пепел да руины. Ни славы, ни силы, ни воли к победе. Ничего.

Но люди трудно верят в свой конец. Вопреки всему корабль спустили на воду и он вошел в открытое море, в Атлантику. Взял курс к берегам Аргентины. Как упустили его, как не заметили патрульные корабли и самолеты? Загадка, одна из многих. Быть может, с наступлением мира народы оглохли от тишины? И ослепли. Потеряли бдительность. Оцепенели в изумлении, что шестилетний кошмар кончился и смерть не поджидает ежеминутно.

Оттого, видно, никто не заметил и не задержал невиданный корабль. Куда ему оставалось деваться? Естественно, туда, где безлюднее, тише. Например, на восток от Аргентины. «Это-то как раз понятно», – размышлял Регюлюс. Но зачем? На что они рассчитывают, на что надеются? Потом, откуда они берут топливо? На такую громадину его не напасешься! А продовольствие? Поди прокорми такой экипаж! Может, и нет никакого корабля? Иногда Регюлюсу и самому все это казалось бредом. Он даже смеялся над своей нелепой выдумкой. И все же...

Все же он решил объехать города, где при Гитлере были самые крупные верфи. Объехал, но узнать ничего не сумел. Тогда он принялся объезжать, обходить пешком, буквально прочесывать безвестные деревушки на побережье. Он более не принадлежал себе. Точно дьявол в него вселился и толкал на безнадежные поиски.

Регюлюс обзавелся затрапезной курткой, потертыми штанами и засаленной кепкой – в таком виде он вполне мог сойти за отставного корабельного механика. Бывший капитан неделями отирался в портовых закоулках. Сходиллся с сомнительным людом, забредал в непотребные кабаки. Там просиживал целые вечера, пил наравне с новыми приятелями. Дым, пьяный угар, ругань, бессвязные речи – о бабах, о выпивке, о портовых происшествиях. Регюлюс жадно слушал, силясь уловить ускользающий смысл. Говорил сам, стараясь принорочиться к косноязычной, невнятной речи. Иногда выходило удачно. Например, как-то раз он поинтересовался, где познакомиться с бабенкой посвежей и подешевле. Почувствовал, что нашел контакт. Ему ответили, разъяснили, И среди этих обычных в тех местах разговоров иногда удавалось словно невзначай вернуть вопрос про главное. Про корабль. Вопросы эти подозрения ни в ком не вызывали. В конце концов, что только не лезет в голову и на язык среди ночи, вдали от дома, когда пропустишь кружечку-другую пива в тепле, уюте и дружеском кругу. Окрест колышата зыбкие огни, знакомо-незнакомые лица, все зыбко, нереально и плывет куда-то, и сам ты плывешь, и язык болтает что-то легко и неверно.

Вокруг плескалось человеческое море, Регюлюса обтекал самый разный люд: портовые рабочие, грузчики, лавочники, проститутки. Кому как не им должна быть ведома тайная и явная жизнь порта, его подноготная, его прошлое и настоящее. Меж тем ни в чьих глазах не заметил он ни искры интереса, ни огонька понимания.

Вместе с тем никто ни словом, ни жестом не дал понять ему, что разговор неуместен, неприятен, почему-либо нежелателен. Казалось, и впрямь никто ничего не слышал о плавучей громадине, построенной и спущенной на воду ради спасения «третьего рейха», который уже в те времена корчился в агонии. Все делалось под покровом строжайшей тайны, но ведь делалось где-то здесь, совсем рядом!

Регюлюс потерял всякую надежду, и он уже готов был малодушно бросить бесплодные поиски и вернуться к привычной жизни. Но именно в этот момент судьба явила ему свой благосклонный лик. Случилось это в заштатной пивнушке в Вильгельмхафене.

Там, в дальнем уголке, полудремал какой-то старикашка, по виду грузчик или чернорабочий. Был он сед, согбен, побит жизнью. На столе перед ним пустела давно допитая рюмка.

Регюлюс по обыкновению вел окольные разговоры с посетителями пивнушки. Шаг за шагом, соблюдая все мыслимые предосторожности, пытался подступиться к заветной теме. Никто, однако, не понимал его намеков, никто, похоже, ничего не слышал об удивительном судне.

Еще один вечер пропал впустую. Уже и последние посетители разошлись по домам, а хозяин собрался закрывать заведение. Вокруг становилось все тише. Лишь издали доносился размеренно-печальный скрип. Так скрипят у причала парусные лодки, когда их бьет и качает волна.

Вот и последний посетитель поднялся – тот самый седой старик-грузчик. Дойдя до двери, он неожиданно остановился, обернулся и со скрытой усмешкой с порога обратился к Регюлюсу:

– Мне доводилось слышать то, о чем вы тут толковали. Мне рассказывал об этом верный человек. Он приехал с острова Рюген.

Сказал и исчез.

Регюлюс кинулся за ним. Зыбкий свет единственного фонаря тускло освещал пустынную улицу. Направо, налево – ни души. Старик как сквозь землю провалился.

На острове Рюген бывший капитан третьего ранга выдавал себя за художника. Повсюду таскал за собою мольберт, коробку с кистями и красками. Пригодилось, что когда-то он увлекался акварелью. Возле него останавливались люди поглядеть на его работу. Чаще дети, старики, иногда женщины. С ними Регюлюс заводил привычные разговоры.

– Кстати, – проговорил он как-то раз, словно припоминая, – верно говорят, что у вас тут на острове в войну была секретная верфь?

– Как же, была! – согласно кивнул оказавшийся рядом старик. – Тогда все секретное было, – он дружелюбно усмехнулся. – Они все скрывали да прятали – думали у людей ни глаз ни ушей нету. За дураков людей держали. – Старик вздохнул, точно вспомнив что-то свое.

Регюлюс задохнулся от волнения.

– А что строили? – заикаясь, выговорил он. – Корабль? Военное судно?

Старик рассмеялся. Заулыбались и стоявшие вблизи люди.

– Какой там корабль! – махнул рукой старик. – Целый плавучий стадион. Вот люди не дадут соврать – натуральный стадион. На пятьсот тыщ человек. Сказывали, будто в сорок восьмом году там будет олимпиада в честь победы Гитлера над всем светом.

Регюлюс почувствовал себя безнадежно разочарованным, обманутым в своих надеждах и смертельно усталым.

– А почему его строили втайне? – спросил он с отсутствующим видом.

– Почем нам знать? Может, хотели народ удивить,

позабавить. За войну-то люди чего только не натерпелись.–Старик опять вздохнул.

– И вы там тоже работали?–спросил Регюлюс так же машинально.

– Нет,– покачал головой старик.–Наших туда не брали. С Рюгена там никого не было. Они откуда-то своих привозили. Прямо тыщи, тыщи, и все молодые, здоровые. Мы тогда, помнится, в толк взять не могли, почему их на фронт не берут.

– Ну а сами стройку вы видели?–снова поинтересовался капитан.

– Стройку?–старик усмехнулся.–Увидишь ее, как же! Там все было колючей проволокой огорожено, по ней ток пропущен, тронешь–убьет. Да еще вокруг часовые день и ночь ходят. Дальше–пустырь. За пустырем–стена, и опять колючая проволока. А на стене часовые. У них приказ был: чуть что–стрелять.

– Что же потом со всем этим стало?–у Регюлюса замерло сердце от неясного предчувствия.

– Потом все уничтожили,–поморщился старик.–От злости, должно быть. Дали приказ, ну и шарахнули все разом. Дня четыре там бабахало, земля дрожала.

– А теперь там что?–Регюлюс старался не выдать своего волнения.

– Да ничего. Хлам какой-то, битый кирпич.

– И где же это?–не утерпел капитан.

Свершилось. Теперь его отведут *туда*.

Наконец Гуго Регюлюс на месте. Именно здесь Гитлер когда-то приказал построить самый большой в мире стадион. На нем он собирался праздновать свой триумф, свое торжество, свою блистательную победу. Такая помпезная нелепость могла прийти в голову разве что бесноватому фюреру–праздновать победу на плавучем стадионе. Бывший капитан третьего ранга жадно вглядывался в поросшие бурьяном обломки. И

чем больше смотрел, тем больше утверждался в мысли, что слух о стадионе был пущен для маскировки. У него, Регюлюса, наметанный глаз, его не проведешь. Эти развалины и есть то, что он ищет многие месяцы.

Капитан остановился у края огромной ямы, поросшей травой. Яма уходила в море. Рядом серели вывороченные из земли камни, краснели остатки кирпичной кладки, ржаво топорщились покореженные металлические конструкции. Там и тут торчали какие-то убогие кустики, зеленела сорная трава.

Регюлюс на глазок прикинул длину углубления: метров пятьсот, не меньше. Он попытался оценить глубину, ширину. Присмотревшись к металлическим обломкам, отчетливо различил кусок рельса, сломанный подъемный кран, понтоны, балки, металлические листы. У самых его ног из-под земли высывалась гильза снаряда. На бывшего капитана словно повеяло полузабытым, но родным духом военного корабля: смесью мазута, свежей краски, раскаленного металла, матросского пота.

Так вот оно какое – «специальное подразделение 9000». Здесь хотели построить боевой корабль невиданных размеров. Впрочем, почему – хотели? Здесь его и построили, спустили на воду, благословили на неведомое дальнейшее плавание. Теперь о чудо-корабле никто не знает, поскольку знавшие о нем свято хранят его тайну. Если только они живы, знавшие... Если не погребены все до единого в недрах земли или в океанской пучине.

Регюлюс долго бродил по заброшенной верфи. Нашел ржавые обрывки колючей проволоки, набрал на остатки той самой стены, что некогда огораживала строительство. Вот тут работали те, кто составлял секретное «специальное подразделение 9000». В этих временках жили они долгие месяцы, а может, годы, отгороженные от всего мира, от его горестей и надежд. Они не знали, что творится по ту сторону стены, но и там, во

внешнем мире, вряд ли представляли, что творится за кирпичной стеной и колючей проволокой. Высшие чины военно-морского ведомства, в свое время давшие распоряжение о создании базы, никогда не навещали свое детище.

Да, когда-то тут кипела работа, а теперь лишь безжизненно серела каменистая пустыня. В самой ее середине, у моря, зияло пустотой то место, где некогда стоял чудо-корабль, а ныне мрачным знаком раздора и упадка кружило крикливое воронье. Надо всем свинцово серело балтийское небо, и ветер злобно гнал к холодному горизонту рваные, неопрятные тучи. Они обреченно бежали в промозглую даль, где никто не живет, где негде согреться и отдохнуть.

Завеса тайны слегка приподнялась над «специальным подразделением 9000». Это вселило надежду и вдохновило бывшего капитана на новые поиски. Регюлюс был тверд и преисполнен решимости искать, чего бы ему не стоило. Если для разгадки мучившей его тайны понадобится вся оставшаяся жизнь, – он не остановится, не постоит за ценой... Шел март сорок шестого года.

Однако длительные усилия и жертвы оказались не нужны. Тайна, страшная, мрачная тайна раскрылась почти сама собой.

Как-то в одной гамбургской газете, в отделе уголовной хроники, Регюлюс наткнулся на коротенькую заметку из Киля. В городском парке был найден истекающий кровью человек, пытавшийся покончить с собой. В руке он держал пистолет, которым и нанес себе тяжелую рану в голову. Как выяснилось, самоубийца – бывший унтер-офицер военно-морского флота по имени Вильгельм Унтермайер. После войны был интернирован в Латинскую Америку, незадолго до трагического происшествия вернулся домой. Причины самоубийства не установлены.

Разумеется, это Вилли Унтермайер! Тот самый, с кем Регюлюс многие годы просидел бок о бок в военноморском министерстве. Даже был его начальником... Потом Унтермайер исчез по секретному предписанию, был якобы направлен в «специальное подразделение 9000».

Регюлюс не мешкая отправился в Киль, в больницу. Унтермайер был еще жив. Лицо его едва просматривалось сквозь бинты. Больной говорил, говорил, почти безостановочно. Слушать его бред окружающим было невыносимо тяжело. Время от времени ему делали уколы, и тогда он забывался глубоким сном. Ранение тяжелое, сказали Регюлюсу врачи, положение больного безнадежное, вряд ли он выживет.

Регюлюс решил навестить родных Унтермайера. Но ни жена, ни отец не могли толком объяснить, что произошло. Пошел второй месяц, как Вилли вернулся домой. Он очень переменился – и прежде нелюдимый, совсем замкнулся в себе, все время молчал, сторонился людей. В разговоры ни с кем не вступал, о прошлом не рассказывал. Сказал только, что служил на военном судне, которое в конце войны было затоплено экипажем. Его, Унтермайера, интернировали и отправили в Аргентину. Там он и жил себе потихоньку, покуда его не репатриировали. А вот что это было за судно, откуда оно взялось и где затонуло – об этом он никому не сказал ни слова. И вот что еще непонятно. По возвращении на родину Унтермайер и не подумал написать Регюлюсу или вообще как-то сообщить о себе. А ведь знал, что капитану безразлична его судьба. Жена как-то сказала: «Что ж ты не напишешь капитану? Он ведь искал тебя, беспокоился, специально приезжал к нам в город. Он будет рад, что ты вернулся». «Да-да, надо написать».– кивнул Вилли. Однако так ничего и не написал.

Узнал ли Унтермайер своего бывшего начальника, когда тот вошел в больничную палату? Как знать... Ре-

гюлюс, во всяком случае, в этом не уверен. Меж тем на вопросы он отвечал, причем довольно внятно и как будто осмысленно. Впрочем, вопросов было немного: врачи запретили Регюлюсу беспокоить больного. Унтермайер больше говорил сам. Казалось, выстрел в парке пробил в нем какую-то внутреннюю плотину, и слова бесконтрольно хлынули из него. Наружу выплескивалось то, что годами копилось под спудом, что жгло и томило, что мучило и не давало жить.

Унтермайер говорил много и беспорядочно. Воспоминания наплывали друг на друга, перемешивались, путались в мыслях и в речи. Рассказывая о тех или иных событиях, Унтермайер то перескакивал на несколько месяцев вперед, то возвращался назад.

В сбивчивом его рассказе Регюлюс понял далеко не все. В цепи событий не хватало многих звеньев. Но одно было ясно: это не бред. И главное – рассказ Унтермайера дополнил то, о чем Регюлюс сумел дознаться раньше. Как бы там ни было, Вилли Унтермайер – единственный живой свидетель. Причем свидетель одного из самых поразительных событий наших дней.

На этом заканчивается первая часть книги Регюлюса и начинается вторая, главная. К сожалению, она же самая короткая. К чести автора, он основывался строго на фактах, а где их нехватало, не позволял себе ничего домысливать. Даже в тех случаях, когда логически все было вроде бы обоснованно. Регюлюс только записал рассказ Унтермайера, ничего не убавив и не прибавив от себя. Единственное, что он сделал, – это расположил события в хронологической последовательности. Ну и, естественно, пришлось придать бессвязным речам умирающего унтер-офицера удобочитаемый вид. Регюлюс убрал из них ничего не значащие возгласы и невнятное бормотание, а местные словечки заменил общепонятными.

Вот что рассказал перед смертью Вилли Унтермайер.

На засекреченной верфи на острове Рюген и в самом деле строился корабль. Строительство держалось в таком секрете, что даже посевшие в замшелых лабиринтах тайных канцелярий берлинские архистратиги, которым в каждом столбе мерещился шпион, проникались к нему почтительным уважением. Проект был поистине грандиозный. Исполнить его было возможно только ценой нечеловеческого напряжения и неимоверных усилий, которые, казалось, должны были вконец измотать и обескровить и без того изнемогшую, обессиленную страну. Величественность замысла, масштабность предстоящего труда, неизбежность жертв – все это вселяло в посвященных почти религиозный трепет. Работы велись с особой тщательностью и огромным размахом. Над стройплощадкой был сооружен навес наподобие гигантского ангара, который маскировали в зависимости от сезона: летом покрывали зелеными ветками, осенью – желтыми, а зимой закидывали снегом. Но тайну оберегал не только навес – ее хранили и люди, тысячи людей, военные и вольнонаемные. Под гигантским навесом и был сооружен необыкновенный корабль. Ему уготовили завидную участь – стать главным козырем Великой Германии в почти проигранной ею войне, повернуть ход истории вспять. Это и было главное секретное оружие «третьего рейха». Гигантский линкор призван был в одночасье потопить флоты союзных держав, а также любых государств, которые окажутся с ними заодно. Тысячи матросов и офицеров пойдут ко дну, не успев прочитать предсмертной молитвы и даже не поняв, что происходит.

Судно водоизмещением сто двадцать тысяч тонн развивало скорость в тридцать узлов. Двойная противоторпедная защита позволяла выдержать атаку тридцати торпед. Помимо реактивного двигателя корабль имел

два дополнительных винта. Вертикальная защита подводной части составляла сорок пять, а бронированной палубы – тридцать пять сантиметров. Основное вооружение состояло из двенадцати доселе не виданных орудий, сгруппированных по три. Пушки это были или нет – сказать трудно. Унтермайер называл их Vernichtungsgeschütze – орудиями уничтожения. По его словам, они могли за несколько секунд уничтожить любое неприятельское судно в радиусе двадцати пяти миль. Длина корабля была около трехсот метров. Экипаж насчитывал две тысячи сто человек. Судно имело три трубы.

Как-то Унтермайеру ненадолго стало легче и он попросил жену принести из дому его кожаный портфель, запертый на ключ. Оттуда извлекли небольшой фотоснимок с изображением корабля. Любительская фотография, не очень четкая, сделанная явно неопытной рукой. Никакого постороннего предмета, с которым можно было бы сравнить размеры судна, на снимке нет. Общими чертами корабль похож на большинство судов германского военно-морского флота времен второй мировой войны. Единственное отличие – отсутствие привычных крупнокалиберных орудий. Вместо них торчат какие-то трубы или штыри. Довольно длинные, метров, наверное, по двадцати каждая. Они, похоже, могут подниматься, опускаться, поворачиваться в разные стороны. Может, это какие-то особые орудия, но скорее все-таки нет. Любопытно, что ни на одном из них нет чехлов. Они поднимаются высоко над палубой, чуть под углом к ней. Регюлюс уверен, что это ни в коем случае не атомное оружие. Но вместе с тем это и не обычная артиллерия, хотя бы и реактивная. Впрочем, судить об этом трудно – в технические подробности автор не вдается.

Судно, получившее имя «Король Фридрих II», спу-

стили на воду в октябре сорок четвертого года, но в полную боевую готовность оно было приведено только через несколько месяцев. Какая велась подготовка, в чем она заключалась – этого мы не знаем и, верно, никогда не узнаем. Может, проводились учебные стрельбы, а может, и нет. Во всяком случае, вражеские разведслужбы ничего не заметили. Над базой, как и всюду, кружили самолеты-разведчики, но бомбежек не было.

Настал февраль, его сменил март, а там и апрель. Русские рвались к Берлину, фронт трещал по всем швам. Командование более не пыталось скрыть от армии и народа близость развязки. А на борту «Короля Фридриха II» текла своя особая жизнь. Там не было ни паники, ни сомнений, ни метаний. Люди были бодры и спокойны. Спокойны, как спокоен тот, кто сидит в тепле за надежной стеной, а на улице ночь, и беснуется буря, и холод пронзает одиноко бредущего путника, и ветер со злобным свистом срывает с него одежду. Новый линкор всем виделся такой надежной стеной, под прикрытием которой не страшны никакие превратности военной судьбы. Непобедимый, неодолимый, непотопляемый. Чудо техники. Шедевр военной мысли. Высший взлет германского гения.

Чего тогда ждал экипаж? Может, советских патрульных катеров? Они не замедлят вот-вот появиться. Берлин должен пасть со дня на день. Может быть даже, он пал вчера или сегодня – об этом не знали, потому что по радио не передали обычного вечернего бюллетеня о военных действиях.

В один из тех дней корабль покинули все гражданские лица – инженеры, техники, рабочие. Прошло еще немного времени, и воздух над трубами начал подрагивать – верный признак того, что включились топки. То был великий миг.

Противоречивые чувства обуревали оставшихся на борту. Войне конец – они это понимали. Конец трудной,

кровавой, мучительно долгой войне. Наставший мир благословен и желанен, хоть и оплачен ценой позорного разгрома и тяжкого разорения. Все! Войны больше нет. Хочешь – сходи на берег и бреди в свой опустелый холодный дом. Можно! Теперь можно все. Но как оставить, как бросить гигантский корабль, в который вложено столько сил, души, мечтаний, надежд? Как уйти просто так, не сделав ни единого выстрела из его чудо-орудий?

И тогда командир корабля, капитан первого ранга Руперт Георг, приказал собрать экипаж. По звуку трубы на юте выстроились все матросы и офицеры. Руперт Георг стоял перед строем, напряженно вглядываясь в лица. Был он высок, светлоглаз, породист лицом и телом. В юности капитан был пылок, застенчив и чувствителен, как девушка. Стыдясь своих чувств и стремясь изжить их в себе, он с годами выработал железную, неколебимую волю.

– Офицеры, унтер-офицеры, матросы! – обратился к экипажу командир нарочито сдержанно. – Мне предстоит сообщить вам печальные вести. Буду по возможности краток.

В настоящее время германские вооруженные силы – сухопутные, морские и воздушные – прекращают боевые действия и складывают оружие. Впрочем, думаю, вы и сами догадываетесь об этом. Сегодня будет подписан акт о капитуляции. Все без исключения военнослужащие рейха обязаны подчиняться этому документу.

Он замолчал, пытливо вглядываясь в лица стоящих перед ним людей, точно стараясь проникнуть в их души.

– Но нам уготована иная судьба, – голос капитана прозвучал мягче и одновременно торжественней. – Я получил секретный приказ верховного командования. Согласно приказу, линкор «Король Фридрих II» освобождается от обязанности выполнять условия капитуля-

ции. Этот приказ имеется у меня на руках и в самое ближайшее время будет вывешен для всеобщего обозрения. Каждый из вас сможет с ним ознакомиться.

После краткой паузы капитан Руперт Георг продолжал уже более деловым тоном.

– Итак, линкор «Король Фридрих II» отплывает сегодня вечером. Пункт назначения будет сообщен позднее. В то время как землю нашей Родины – тут голос его дрогнул, – будут попираť сапоги вражеских солдат, наш корабль останется последней пядью земли несломленной и непокорившейся Германии. Цитаделью свободы, оплотом независимости. Мы не станем наносить удары по противнику, но будем бдительны и готовы к бою. Повторяю: наш корабль – последняя пядь родной и свободной земли.

Нас ждет тернистый путь, полный тяжких трудов и суровых лишений. – Слова командира звучали сурово и проникновенно. – Я не в праве скрывать от вас правду. Нам предстоят месяцы, а возможно, и годы одиночества и беспримерных испытаний. Быть может, смерть. Но смерть почетная, героическая смерть! – Руперт Георг едва справлялся с волнением. – Ибо именно нам доверено поднять и нести вперед поверженное и поруганное знамя Отчизны. Быть может, нам придется принять последний бой. В этом бою мы погибнем, но смерть наша будет сладка и упоительна, она покроет нас неувыдаемой славой.

Он ненадолго замолчал, а потом продолжил:

– Вместе с тем я не вправе решать за вас. Каждый волен сам распоряжаться своей судьбой. Кто в сердце своем уже закончил войну, сегодня же вечером может сойти на берег и разделить плачевную участь тысяч и тысяч наших соотечественников. Я слагаю с вас воинский долг. По-человечески это вполне понятно. – В голове капитана неожиданно проступили мягкие нотки. – В конце концов жертвовать жизнью доступно не каждому.

Кроме того, у многих из вас есть семьи, близкие... Я никого не неволю и никого не осуждаю. Скажу лишь одно: я остаюсь.

Те, кто решит последовать за мной, знают: не в далекую тихую гавань, где царят счастье и безмятежный покой, держим мы свой курс. Путь наш будет труден и тернист, а конец его неведом. Одиночество и лишения, разлука с близкими и неуверенность в завтрашнем дне – вот что будет сопутствовать нам долгие месяцы и, быть может, годы. Готовы ли вы принести столь безмерную жертву свободе? Спросите себя. Прислушайтесь к голосу сердца, к голосу своей совести, своей души. Что до меня лично, то я решил и решение мое неколебимо.

Как долго – вы вправе спросить у меня – мы сможем нести доверенное Отчизной знамя? На сколько достанет нам сил, чтобы жить и не покоряться? Настанет ли час последнего, решающего сражения? Ни вам, ни мне не дано это знать. Впереди нас ждет неизвестность.

А потому я прошу тех, кто останется со мной, оглянуться на берег. Быть может, в последний раз. Скоро, совсем скоро многострадальная земля нашей Родины скроется за горизонтом. Возможно, навеки.

Такую или примерно такую речь произнес капитан Георг. Положения она не прояснила, но проникновенные слова командира глубоко запали в души людей, вселив в них страх и смятение. 227 членов экипажа попросились на берег. Их просьбу немедленно удовлетворили.

На закате того же дня корабль «Король Фридрих II» выплыл из-под маскировочного навеса, где он простоял столько дней, и отправился в открытое море. В тот же час на берегу загремели взрывы. Взрывчатку заложили заранее, чтоб и следа не осталось от дока и мастерских, где строилось гигантское судно. С корабля было видно,

как жарко беснуется на берегу беспощадное, все пожирающее пламя. Но что им до пламени, пусть лижет пострадавшую землю! Они никогда не вернутся к родным берегам.

Тут в повествовании Регюлюса наступает провал. Как удалось кораблю незамеченным пройти из Балтийского моря в Атлантику? Как сумел он не наткнуться на вражеские суда? Автор обходит эти вопросы молчанием.

В конце концов «Король Фридрих II» оказался на мелководье восточнее пролива св. Матфея. Мелководье это определили по специальному бую. Кто, как, когда его сбросил – тоже остается загадкой. Там корабль встал на рейд. Началось удивительное, ни на что не похожее, абсурдное существование. В стороне от остального мира и никому там неведомые, в просторах океана жили почти две тысячи отшельников-скитальцев.

Корабельный быт ничем не отличался от жизни моряков в порту. Разве что не было привычных причалов и твердой земли. Только волны бились о борт да насколько хватал глаз синела водная гладь. Утром – пробуждение, туалет; после завтрака занятия согласно жесткому расписанию. Налаженная, казалось бы, устоявшаяся жизнь. Редко-редко засечет радар вдаль неизвестное судно или непонятно каким образом залетевший в эти богом забытые места самолет. На такой случай на корабле было предусмотрено особое устройство, оно мгновенно выпускало облака густого дыма, полностью заволакивавшие судно. С воздуха их принимали за тучку. (Как мы помним, первыми заподозрили неладное аргентинские моряки с «Марии Долорес III». Регюлюс вскользь упоминает об этом.)

Время от времени от гигантского судна отделялся катер, неизменно бравший курс на запад. По прошествии нескольких часов катер благополучно возвращался, груженный провизией. Похоже, в открытом океане он

встречался с какими-то судами, идущими из Аргентины, и от них получал свой груз. Но что это были за суда – немецкие или иностранные – полнейшая загадка. Иногда вместо катера в путь отправлялась небольшая цистерна. В ней на корабль подвозили топливо.

Меж тем весть о разгроме Германии облетела весь мир. Не обошла она и команду корабля. Трагическое известие породило дерзкие мысли, непозволительные толки. Поползли возмутительные слухи, по углам шептались. У капитана Георга был замкнутый, скорбный и неприступный вид. Казалось, вопреки очевидности он не замечал происходящего.

Днем экипаж был занят, поэтому на размышления и разговоры ни времени, ни сил не хватало. Все начиналось вечером. В офицерской кают-компании, в матросских кубриках кипели мятежные страсти, чуть ли не плелись заговоры. На корабле начался ропот.

В самом деле, чего они ждут? На что надеются? Если поначалу людей грела смутная надежда, то теперь и ее не осталось. Все устали, изверились. Добровольное заточение кажется кошмаром. Жизнь – в движении, в неподвижности – смерть. Так чего ж они ждут? Американских бомбардировщиков? Корабль все равно заметят – раньше ли, позже ли, – какая в сущности разница? К чему тогда томиться, заживо разлагаться в добровольной, бессмысленной ссылке? Кому это нужно, скажите?

Неверие, безнадежность расплозились по каютам и палубам. Поговаривали даже, что капитан Георг повредился в рассудке. Кто-то слышал, будто меж ним и его заместителем Стефаном Мурлеттером вышел отчаянный спор. Стефан Мурлеттер требовал затопить корабль, а команде – сдать. Мурлеттер не трус, он храбрый, решительный офицер. Но у него есть голова на плечах – в этом все дело. Сдаться, конечно же, сдаться. Вот верное слово. Именно этого хочет экипаж.

Впрочем, и у капитана Георга нашлись сторонники. Большинство – молодежь, лейтенантишки, желторотые юнцы, вчера еще из училища. Они разделяли убеждение капитана: команде корабля «Король Фридрих II» оказана великая честь. Они избраны свыше и призваны искупить позор, которым покрыла себя Германия. Наивные, чистые, бескорыстные, околпаченные юнцы...

Мелькали дни, истаявали месяцы. Сколько их было? Никто не помнил. Так бывает во время тяжелой болезни, когда дни поневоле похожи один на другой. Тогда человек теряет им счет, и прошедшее теряет глубину.

Меж тем наступил ноябрь, ему на смену пришел декабрь и вот уж близится рождество. А корабль, рожденный для битв и славы, призванный сражаться и побеждать, бесславно дрейфует средь водной пустыни. Рождественским вечером бескрайняя гладь океана огласилась пением сотен голосов. Собравшись на палубе, матросы и офицеры пели „Stille Nacht”. Хор их звучал торжественно и печально, голоса неслись в безбрежность, где угасали, не находя отзвука.

Среди экипажа множились слухи. Кто-то рассказывал, будто вместе с провизией на катере привезли женщину и теперь ее где-то прячут. А иные утверждали, будто женщин не одна, а целых три, и прячут их в унтер-офицерских каютах. Еще говорили, что в машинном отделении завелся бунтарь-подстрекатель. Он баламутит народ, и кочегары не нынче-завтра поднимут мятеж. А главное, говорили, скоро начнется сражение. С кем? Кто теперь их противник? Об этом не знал никто.

До поры до времени дисциплина на корабле еще держалась, а теперь, когда прошел этот слух, люди как с цепи сорвались, ими завладел страх. Экипаж то и дело поднимали по тревоге, но вскоре звучал отбой: тревога оказывалась ложной. Дозорные что ни день «видели» неприятельские суда или самолеты. Те и другие оказы-

вались миражами. Часто среди ночи взывала сирена. Матросы скатывались с коек, мгновенно одевались и занимали свои места, готовясь к бою. Через некоторое время все отменялось. Поутру одни винили во всем радар, другие говорили, будто на горизонте появились какие-то огни, третьи твердили, что поблизости прошла неприятельская подводная лодка. На поверку выяснялось, что дело вовсе не в огнях и не в подлодке. А в чем тогда? Этого не знал никто.

Боеспособность команды таяла день ото дня. Как раз в эту пору непонятная болезнь свалила капитана Георга. Корабельный врач майор Лео Турба утверждал, будто у него редкая форма тифа. Причем гут тиф? Откуда? Это известие вконец подкосило и без того деморализованный экипаж.

Командиру с каждым днем становилось все хуже. На восьмые сутки начался бред. Ему грезилось, будто он дома, в Бреме. Больной то звал жену, то приказывал седлать коня.

На другой день ему полегчало. Он вызвал к себе Мурлеттера и долго с ним беседовал. Открыто и честно они обсудили настроение экипажа. Под конец капитан отдал приказ наутро готовиться к отплытию.

Люди мгновенно воспрянули духом. Надежда вновь затеплилась в сотнях сердец. Затеплилась и – угасла. Корабль развернулся к югу и стал удаляться от родных берегов.

Наконец вдалеке показалась полоска земли. Сумасшедшая, детская радость захлестнула экипаж, но тут же сменилась горьким разочарованием. Желанный берег оказался Огненной Землей. Корабль вошел в излучину каменистого побережья и там бросил якорь. Вокруг злоюще громоздились неприветливые скалы. Серели камни, поблескивали льдины. Равнодушно, с независимым видом бродили какие-то большие птицы. И холод, холод... Люди больше не упоминали настоящее имя судна,

оно забылось, потерялось, вышло из употребления. Теперь все звали корабль «линкором смерти».

В конце января скончался капитан Георг. Люди вздохнули облегченно, с них точно спали невидимые путы. Командование перешло к капитану второго ранга Мурлеттеру. А Мурлеттер – все знали – хочет затопить корабль и сдаться. Того же хочет большинство. Значит – жизнь, значит – надежда.

Усопшего похоронили с надлежащими воинскими почестями. Гроб обернули в национальный флаг и скорбно-торжественно спустили в море. Оркестр заиграл гимн Германии. В рядах послышались рыдания. У людей не выдерживали нервы.

Прошло еще десять дней томительной неизвестности. Тревогам, казалось, не будет конца. Теперь почему-то их объявляли гораздо чаще, чем прежде, когда корабль болтался в открытом океане. Из-за того что каждый день выпускали дымовую завесу, на корабле нечем стало дышать.

Ждали, что капитан Мурлеттер вот-вот отдаст приказ сниматься с якоря и брать курс на север. Наконец трубы возвестили общий сбор. Люди воспряли духом. Но вновь вспыхнувшая надежда быстро угасла. Похоже, Мурлеттер, как и его предшественник, сошел с ума. Послушать только, что он говорит, что говорит!

– Повторяю, – чеканил слова Мурлеттер, непреклонно глядя на обросшую, ободранную команду: – завтра нас ждет решающее сражение. Информация достоверна и обсуждению не подлежит. Вы хотите знать, кто наш противник? На этот вопрос я отвечаю так: этого не знаю даже я. К тому же это не имеет для нас ни малейшего значения. Повторяю: ни малейшего. Мы готовы принять бой с любым противником. Нам некого и нечего бояться! – Мурлеттер почти кричал. – Мы можем смело смотреть в лицо любому врагу и самой смерти. Неда-

ром вы сами назвали наш корабль линкором смерти. Да, именно так: линкор смерти. В этом глубокий, нетленный смысл! – Глаза капитана блестели, лицо пылало, голос оторчески звенел.

– Теперь слушайте меня внимательно, – проговорил он, слегка успокоившись. – Быть может, не все из вас найдут в себе мужество выйти на этот последний, решающий поединок. Поэтому я говорю вам, как некогда покойный капитан Георг: подумайте хорошенько. Вы вольны выбирать. Вольны распоряжаться своей судьбой и жизнью. Кто не хочет принять бой, может покинуть корабль. В ваше распоряжение будут предоставлены катера. Вам будет выдано продовольствие – его хватит, чтобы достичь ближайшего населенного пункта. Итак, кто хочет уйти, – капитан пристально оглядел стоящих перед ним людей, словно подозревая каждого в дезертирстве, – уходите. Скатертью дорожка! – на неожиданно высокой ноте прокричал он и тут же смолк, словно устыдившись своей несдержанности. – Единственное, о чем я прошу, – после минутной паузы произнес он тихо и все еще будто смущенно, – на чем настаиваю, чего требую – молчать. Всегда, всюду, всю жизнь. До самого смертного часа. Зачем? Не знаю, – проговорил он устало и беспомощно смолк. – Я не философ, – с усилием продолжал он. – Скажу одно: лишь та жертва дойдет до всемогущего господа нашего, которая приносится в тайне от сторонних глаз и ушей. Помните это. Не преступайте завета господнего. Иначе труды и жертвы наши пропадут втуне. Да будут прокляты те, кто выдаст тайну! – Глаза Мурлеттера снова лихорадочно заблестели, голос звучал торжественно и сильно. – А тем, кто останется, – вечная слава! Вечная слава линкору смерти! Пусть же живет и здравствует наша несчастная далекая Родина! – В глазах капитана блеснули слезы.

Ошарашенные люди подавленно молчали. «Он сошел с ума! Сначала капитан Георг, теперь Мурлеттер», – эта

мысль мелькнула у многих. В этом их убеждали последние слова капитана да и самый его вид: горящие глаза, срывающийся голос.

Новый помощник капитана Гельмут фон Валлорита, как положено, скомандовал экипажу «смирно» и отдал честь командиру корабля.

Фон Валлорита носил монокль на правом глазу. Отдавая честь, он случайно задел рукой хрупкое стеклышко. Оно обреченно звякнуло о металл палубы, но не разбилось, а покатилося к краю. Десятки глаз заворожено следили за его прихотливым кружением. Никто не решился нарушить строй. Но вот маленькое стеклышко прощально звякнуло и нырнуло за борт.

Бог весть, как родятся в мозгу человеческом прихотливые связи между, казалось бы, далекими вещами и событиями? Пустяк как будто – человек обронил в море монокль. Но этот пустяк глубокой болью отозвался в измученных душах. Люди, стоявшие на палубе, ощутили себя как никогда прежде слабыми и потерянными. Заблудившимися где-то на краю земли, позабывшими дорогу домой. В бессильной злобе взирали они на мрачно серевшие окрест каменистые горы, равнодушные скалы и безжалостные ледники, погруженные в вековой сон. Что им за дело до несчастных скитальцев?

В тот же день на катер погрузились восемьдесят шесть человек. Из них двое офицеров и двадцать унтер-офицеров. Среди последних был и известный нам Вилли Унтермайер.

Остальные тоже были бы не прочь расстаться с проклятым линкором, но им думалось, что теперь уже топиться не к чему. Не сегодня-завтра, казалось им, командир сам убедится в бессмысленности принятого им решения. Жить, а тем более пытаться бороться в том положении, на которое они себя обрекли, невозможно. Да и нужно ли? Линкор смерти изжил себя, и ни к чему

цепляться за призрак. Эта мысль настолько очевидна, что доступна даже безумцу. Ясностью своей она осветит туман помутившегося рассудка, и корабль наконец сделает единственно возможное – сдаться.

Уходящие торжественно поклялись в присутствии командира хранить доверенную им тайну, после чего загрузили в вещмешки провизию и деловито заняли места на катере. Катер проворно вышел из бухты и взял курс в открытое море.

Конец кошмару! Они свободны! Но радости не было. Свобода пахла предательством, а добровольный уход – постыдным дезертирством. «Предатель, я предатель», – эта мысль жгла и душила их всех, лишала покоя и радости жизни. А иных – и самой возможности жизни. Именно так произошло с Вилли Унтермайером.

Всю ночь катер держал курс на восток, стремясь отойти на безопасное расстояние от скалистого, изрезанного рифами и фьордами побережья и благополучно достичь пролива Ле-Мэр.

Рассвет нехотя сочился сквозь туманную дымку на горизонте. Суши больше не видно. В скудном предутреннем свете люди с трудом узнавали лица товарищей, заросшие густой многодневной щетиной.

– Неизвестное судно за нами! – вдруг выкрикнул кто-то.

Все как по команде обернулись, затаив дыхание.

– Линкор смерти!

Люди зашевелились.

– Линкор смерти! Смотрите, он идет нашим курсом.

– Точно! За нами!

– Какое – за нами! Не видишь – от нас!

– Черт его носит!

– Гляди-ка, мчится на всех парах!

– Это смерть спешит, – хохотнул один из матросов. Но никто не поддерживал его шутку. Все взгляды были прикованы к линкору.

Картина и впрямь была устрашающе-величественной. Гигантский корабль стремительно возникал из предутреннего тумана, мощно и вместе с тем легко рассекая водную гладь. Высоко за кормой пенились встревоженные волны. Катер поспешно изменил курс.

Линкор смерти неумолимо приближался. Теперь до него оставалось не больше мили. Неожиданно ветер донес знакомый звук.

- Слышишь, вроде труба.
- Труба?
- Точно, труба.
- Да они там рехнулись! Ты слышишь, что трубят?
- Не могу разобрать...
- Сигнал к сражению!

И вдруг все голоса заглушил чей-то полукрик-полустон:

- Матерь божья! Там, там!...- матрос в катере протягивал руку к горизонту, не в силах более вымолвить ни слова.

Восемьдесят шесть голов повернулись в указанную сторону.

Там, на горизонте, сквозь рассветную дымку проступали пугающие своими размерами силуэты военных кораблей. Они приближались, выстроившись в линию. Что это? Невиданный враг или снова мираж?

Корабли нависали над линкором, грозя раздавить, утопить, уничтожить его. В сравнении с ними громадный линкор, последнее слово военно-технической мысли, казался хрупким суденышком, бумажным корабликом. Высота этих судов достигала сотен метров, значит, водоизмещением они в миллионы тонн. Человек не в состоянии сотворить такое. Не иначе, как это исчадие ада.

- Два, три, четыре, пять, шесть,- замороженно считали беглецы.

А тем временем из тумана выступали все новые ги-

ганты. И не было им конца и края...

Ни один из кораблей не был похож на другого. Прихотливые, невиданной формы, точно гнутые, мачты буравили свинцовое небо. На палубах словно высились минареты. Ветер трепал неведомые штандарты и знамена. Олимпийским спокойствием и величием веяло от чудовищных великанов.

Кто они? Откуда взялись? Какие адские подземелья исторгли их на свет, чтобы лишний раз напомнить человеку о его немощи и бессилии? Ангелы или демоны правят этими плавучими крепостями? Быть может, с ними и предстоит линкору вступить в тот самый последний бой, которым бредил покойный капитан Георг?

Тем временем «Фридрих II» на всех парах мчался к своей гибели. Расстояние между ним и другими кораблями стремительно уменьшалось, а он лихорадочно наращивал скорость, словно боясь опоздать, упустить счастливый миг торжества. Но гигантские корабли уже закрыли весь горизонт.

Сражение, по свидетельству Унтермайера, длилось не более десяти минут. Люди на катере следили за ним, онемев от ужаса и не в силах сдвинуться с места.

Линкор смерти бесстрашно и дерзко поднял к небу все свои двенадцать загадочных орудий и направил их в сторону застывших горизонт призраков.

– Огонь!

Из стволов троекратно исторглось пламя, сопровождаемое оглушительным грохотом, огласившим необозримый океанский простор. Густой красноватый дым повис над водой. Меж тем орудийные стволы продолжали деловито и споро выплевывать пламя. Оно взметалось в небо, чертя в нем огненную линию. Где-то, на головокружительной высоте, линия резко изгибалась, почти ломалась, чтобы четко и точно поразить цель. Метили, похоже, в боковую часть одного из черных чудовищ.

– Тонет! Тонет! – в безумном волнении вскочил вдруг

офицер на катере, указывая на черную громадину.

Но люди и так не сводили глаз с поврежденного корабля. В самой его середине вдруг разверзлась огненная бездна. Главная мачта качнулась, накренилась, застыла на мгновение и рухнула, превратившись в горящие обломки. Корабль стремительно уходил в глубину.

Снова небо рассекла огненная полоса, снова оглушительно прогрехотало – линкор смерти выпустил второй залп. Только тогда противник словно опомнился. На четырех кораблях вспыхнули желтые дьявольские звезды.

Затаив дыхание, не в силах пошевелиться, люди на катере ждали появления снарядов. Казалось, время остановилось. Тогда кто-то, с трудом разжимая губы, выговорил:

– Ничего не будет. Это мираж.

В то же мгновение океан огласился чудовищным грохотом. У самого носа линкора смерти в небо взметнулись водяные столбы. Они все росли и росли, казалось, им не будет конца. Сколько в них было метров? Шестьсот? Семьсот? Одного такого столба было достаточно, чтобы засосать, поглотить, потопить любую громадину. Однако мало-помалу сила пенных потоков иссякала, и водные круги начали понемногу опадать.

На какое-то время линкор смерти скрылся из виду, но вскоре вынырнул, залитый пеной, но невредимый. Он дал новый залп, потом еще и еще. Небо снова расчертилось жарко горящими полосами.

Три первых залпа ущерба не принесли. Однако тремя следующими был поражен еще один черный гигант, похожий на чудовищный катафалк. Еще мгновение – и раздался взрыв. Из чрева поврежденного корабля, шипя и извиваясь, полезли страшные огненные внутренности. Над водой поднялось облако горячего пара, скрывшее от взоров полуразрушенный корабль.

Линкор смерти устоял. Выходит, ему по плечу сра-

жаться и с теми, кто вышел напрямиком из ада. «Только зачем, зачем, кому это нужно?» – спрашивали себя люди на катере. И не находили ответа.

Меж тем вокруг линкора снова стали вздыматься водяные столбы. Корабль кидало, точно жалкую лодчонку. Чем же они стреляют? Что у них за снаряды? Должно быть, размером с дом? Из какой же невиданной пушки?

Теперь все орудия линкора смерти стреляли разом. Яркие вспышки пронзали тяжелые тучи, нависшие над полем сражения. Смотрите! Смотрите! Вот уж и третий корабль поврежден. У него, как и у первых двух, в предсмертной агонии разверзлась огнедышащая утроба. Взрыв! Пламя, дым, жаркий пар. И снова ничего больше не видно.

Но то была последняя победа. Внезапно на том месте, где только что находился линкор смерти, взметнулся к небу огромный водяной столб. Он поднялся выше туч, застил на мгновенье свет и рухнул в свинцовую воду.

Наступила тишина. Люди на катере, не веря своим глазам, онемело глядели туда, где только что грохотало невиданное сражение. А там лишь серело море. Гигантские корабли исчезли, как мираж, улеглись водяные столбы, погасли огненные вспышки, умолкли взрывы. Не было больше и линкора смерти. Точно приснился, привиделся людям недавний жаркий поединок. Море было спокойно. Ни облаков, ни трупов, ни даже маслянистого пятна не плавало на его безмятежной поверхности. Лишь ветер еще гнал по небу клочья смолянистого чада. И в наступившей внезапной пустоте и безмолвии каждый почувствовал, что на душе у него так же свинцово-пусто, как на бескрайнем холодном море, и безмолвно, как в темной могиле. И некому было нарушить это безмолвие, кроме труженика-мотора. А он стрекотал, стрекотал, стрекотал...

Итак, эманация зла губит само зло.

У милитаризма много личин, и не все смотрятся столь благообразно, как офицеры «третьего рейха» на командном мостике чудо-линкора, этого порождения технического гения нацизма, каким оно возникло в воображении писателя. Есть самоотверженные (правильнее: слепые) рыцари милитаризма, есть «псы войны»; выглядят они по-разному, служат одному и тому же. Вот портрет одного из «псов» – разумеется, фантастический:

«...с сигаретой, скрученной из травки крммл, в стальных пальцах искусственной левой руки; затянутые в черную перчатку пальцы искусственной правой руки взметнулись к околышу фуражки в четком военном салюте, и тонко взвыли моторы в искусственных легких...»

Известный американский фантаст Гарри Гаррисон явно пародирует в своей изящной сатире жанр так называемой «космической оперы» с ее умопомрачительными приключениями, межзвездными перелетами, зубодробительными схватками и смачными кровопусканиями оптом и в розницу. Если в рассказе Гаррисона чего и нет, так это обольстительной красоты; зато в избытке имеются сверхмужественные вояки, вполне дозревшие до кондиции добротного пушечного мяса. Легко, остроумно, словно играючи автор разделяется со столь любезными милитаристскому духу легендами о казарменных спартанских традициях, мужской казарменной дружбе и коде казарменного поведения, восходящем к идеалу поточного уничтожения, которому предан казарменный «бог» кадетов (портрет см. выше). Гаррисон неутомим в искусстве озорной выдумки, гротескные эпизоды нанизываются у него один на другой, а непредсказуемые зигзаги интриги иной раз приводят на память классические образцы, скажем, роман английского писателя Г. К. Честертона «Человек, который был Четвергом» (1908), нетленный литературный апофеоз конспирации и провокации.

За веселыми розыгрышами и злым низведением к абсурду штампов пародируемого жанра четко проводится, однако, мысль о том, что война – «жадная ярость цивилизованного возмездия» – отвратительна со всех точек зрения. Не менее выразительно обрисована и милитаристская кузница кадров, представляющая тех самых «псов войны», которые становятся по-

том наемниками, тупыми солдафонами или симпатиями-убийцами по профессии: «Наши вербовщики привлекают лучшие кадры, которые только могут поставить цивилизованные планеты, а я забочусь о том, чтобы большинство из них очерствело, потеряло всякий моральный облик, чтобы тела и души их были сокрушены». Программа, заметим, до неудобного похожа на ту, которой кое-где руководствуются на Земле.

Конечный продукт такой программы являют собой два главных персонажа новеллы

Космические крысы ДДД

Гарри Гаррисон

Валяй, парень, садись! Да хоть сюда... Не церемонься со старым Фрннksom, спихни его, и дело с концом, пу-скай дрыхнет на полу. Ты ведь знаешь крддлов, совсем не выносят приличной выпивки, а уж о флннксе и говорить нечего. Если же курнуть вдобавок адскую травку крммл... Ну-ка, плесну тебе флннкса... О-о, виноват, прямо на рукав. Ну да ладно, когда подсохнет, соскре-бешь ножом. Твое здоровье! Чтоб выдержала обшивка, когда за тобой будут гнаться орды кпннзов!

Нет, прости, твое имя мне незнакомо. Слишком много хороших парней приходит и уходит, а самые лучшие умирают рано... разве не так? Я? Ты обо мне вряд ли слышал, зови просто Старина Сержант, нормальное прозвище, не хуже прочих. Хорошие парни, говорю, и лучшим среди них был... назовем его Джентльмен Джакс. Его звали по-другому, но на одной планете, имя которой мне хорошо известно, этого парня ждет одна девочка, все ждет и ждет, не сводя глаз с мерцающих

Пер. изд.: Harrison H. Space Rats of the C.C.C.: в сб. Anti-grav, ed. by P. Strick.— Lnd.: Arrow Books, 1975.

© 1974 by Harry Harrison

© перевод на русский язык, «Мир», 1988.

шлейфов прибывающих дальних рейсовиков... Так ради нее – будем звать его Джентльменом Джаксом, ему бы это понравилось, и ей тоже, если бы она услышала это прозвище, хотя девочка, должно быть, слегка поседела или полысела с тех пор, и мучается артритом от бесконечного сидения и ожидания. Впрочем, ей-богу, это уже совсем другая история, и, клянусь Орионом, не мне ее рассказывать... Молодец, угощайся, наливай больше. Не дрейфь, у хорошего флнкса всегда зеленоватый дымок, только лучше прикрой глаза, когда пьешь, не то через неделю будешь слеп – ха-ха-ха! – клянусь священным именем пророка Мррдла!

Я знаю, о чем ты думаешь: что делает старая космическая крыса в этом рейсе на самый край галактики, где из последних сил мерцают чахлые бледные звезды и ищут покой усталые протоны? Что я делаю? Скажу – надираюсь похлеще планицианского пфрдффла, вот что! Говорят, выпивка туманит память, а мне, Лебедь свидетель, не мешало бы кое-что забыть! Я вижу, ты разглядываешь шрамы на моих руках, за каждым – целая история. Да, приятель, и каждый шрам на моей спине – целая история, и шрамы на... Впрочем, это уже другая история. Так и быть, я расскажу тебе кое-что, и это будет чистая правда, клянусь пресвятым Мррдлом, ну, может, изменю парочку имен, сам понимаешь – девушка ждет и все такое прочее.

Слышал от кого-нибудь про ДДД? Судя по тому, как расширились твои глаза и побелела темная от космического загара кожа, слышал. Так вот, Старина Сержант, твой покорный слуга, входил в число первых Космических Крыс ДДД, а моим закадычным другом был парень, который известен ныне как Джентльмен Джакс. Да проклянет великий Крамддл его имя и уничтожит память о том дне, когда я впервые его увидел...

– Выпускники, смир-р-но!

Зычный голос сержанта взорвал тишину и, словно удар бича, хлестнул по ушам кадетов, выстроенных в математически точные ряды. Одновременно с отрывистым шелчком многообещающей команды оглушительно щелкнули, сдвинувшись вместе, сто три ботинка, начищенные до невероятного блеска, и восемьдесят семь кадетов выпускного класса защелкнулись в единый металлический фронт. (Уместно пояснить, что некоторые происходили с иных миров и обладали разными наборами ног и всего прочего.) Ни одна грудь не впустила и молекулы воздуха, ни одно веко не дернулось и на тысячную долю миллиметра, когда, буравя выпускников взглядом стеклянного глаза сквозь стеклянный моноколь, вперед ступил полковник фон Грудт – с коротко остриженными, седоватыми, жесткими как колючая проволока волосами, в безупречно пошитом и отлично сидящем черном мундире, с сигаретой, скрученной из травки крммл, в стальных пальцах искусственной левой руки; затянутые в черную перчатку пальцы искусственной правой руки взметнулись к околышу фуражки в четком воинском салюте, и тонко взвыли моторы в искусственных легких, рождая энергию для бробдингнегского рева громоподобной команды.

– Вольно. Слушать меня. Вы отборные люди – и отборные нелюди, конечно, – со всех цивилизованных миров галактики. Шесть миллионов сорок три кадета приступили к первому году обучения, и большинство из них по разным причинам выбыло. Некоторые не сдали экзаменов. Некоторые были исключены и расстреляны за содомию. Некоторые поверили лживым либеральным слезам красных комми, утверждающих, будто в постоянной войне и резне нет никакой надобности; их тоже исключили и расстреляли. На протяжении ряда лет слабаки отсеивались, пока не осталось ядро Дивизии – вы! Воины первого выпускного класса ДДД! Будьте готовы нести блага цивилизации к звездам! Будьте го-

товы узнать, наконец, что означают буквы ДДД!

Оглушительный рев вырвался из объединенной глотки, хриплый вопль мужского одобрения, гулким эхом наполнивший чашу стадиона. По знаку фон Грудта был нажат переключатель, и гигантская плита непроницита скользнула над головами, закрыв стадион от любопытствующих глаз и ушей и назойливых шпионских лучей. Громоподобные голоса гремели от энтузиазма – не одна барабанная перепонка лопнула в тот день! – но когда полковник поднял руку, мгновенно наступила тишина.

– Вам не придется в одиночестве продвигать границы цивилизации к варварским звездам, о нет! Каждого будет сопровождать верный друг. Правофланговый первой шеренги – шаг вперед! Вот он, ваш верный друг!

Вызванный десантник вышел из строя четким шагом, звучно щелкнул каблуками – эхом прозвучал треск распахнувшейся настежь двери, и все глаза на стадионе невольно обратились к черному проему, из которого возник...

Как описать его? Как описать смерч, который сбивает вас с ног, ураган, который заглатывает вас целиком, космический вихрь, который пожирает вас без следа? Это было неопишимо, как всякое стихийное явление.

Перед кадетами явилось создание трех метров в холке, четырех метров вместе с уродливой, истекающей слюной, лязгающей зубами головой. Этот смерч-ураган-вихрь ворвался на четырех могучих, напоминающих поршни лапах, продирая огромными когтями глубокие борозды в неуязвимой поверхности непроницатого покрытия. Чудовищная тварь, порождение кошмарного горячечного бреда, огласила стадион леденящим душу криком.

– Вот! – взревел в ответ полковник фон Грудт, и на его губах выступила кровавая пена. – Вот ваш преданный друг, мутаверблюд, мутация благородного дромадера со Старой Доброй Земли, символ и гордость

ДДД – Десантной Дромадерской Дивизии! Прошу знакомиться!

Вызванный десантник шагнул вперед, поднял руку, приветствуя благородное животное, и зверюга мгновенно эту руку откусила. Пронзительный вопль кадета смешался с задущенным вздохом его товарищей, которые, отбросив праздный интерес, во все глаза глядели, как выскочившие укротители верблюдов, затянутые в кожаную португепу с медными пряжками, орудовали дубинками, прогоняя упирающегося верблюда; врач тем временем затянул жгут на культяшке раненого и отволол безжизненное тело в сторону.

– Первый урок по боевым верблюдам, – хрипло выкрикнул полковник. – Никогда не протягивайте к ним руки. Ваш товарищ, ставший кандидатом на пересадку руки, – ха-ха! – я уверен, не забудет этого маленького урока. Следующий кадет. Следующий друг!

Вновь топот грохочущих лап и пронзительное визгливое клекотанье боевого верблюда во всем атакующем блеске. На этот раз десантник не поднял руки, и верблюд откусил ему голову.

– Боюсь, что голову уже не пересадишь, – зловеще ухмыльнулся полковник. – Почтим секундой молчания покинувшего нас товарища, который удалился на большую стартовую площадку в небесах. Достаточно. Смир-р-но! Сейчас вы пройдете на учебный плац и научитесь обращаться с вашими верными друзьями. Не забывайте, что каждый из них снабжен комплектом вставных зубов из непроницания и острыми, как бритва, накладными когтями из того же материала. Разойтись!

Казармы курсантов славились своей спартанской обстановкой, известной под кодовым обозначением «ничего лишнего» или «без нежностей». Постелями служили непроницатковые плиты – никаких подтачивающих спины матрасов! – покрытые простынями из тонкой

мешковины. Одежд, разумеется, не было – да и к чему они, если в помещении поддерживалась полезная для здоровья температура в 4° по Цельсию? Остальные удобства были под стать, посему выпускников ожидало потрясение, когда, вернувшись после церемонии и тренировки, они обнаружили в казармах непривычные предметы роскоши: каждая лампа для чтения была снабжена абажуром, а на каждой койке лежала изумительная, мягкая, двухсантиметровой толщины подушка. Так кадеты начали пожинать плоды долгих лет труда.

Надо заметить, что среди курсантов наипервейшим был некто по имени М... Есть секреты, которые не подлежат оглашению. Есть имена, знать которые положено только родным и близким. Укутаем же пеленой тайны истинную личность человека, известного как М... Достаточно называть его «Стилет», ибо так именовали того, кто знал его лучше всех. «Стилет», или, проще, Стилет, жил в ту пору в одной комнате с парнем по имени Л... Позже, гораздо позже, в узком кругу лиц он стал известен как «Джентльмен Джакс», так что в целях нашего повествования мы тоже будем именовать его «Джентльменом Джаксом», или просто-напросто «Джаксом», или, как произносят иные, Джаксом. В учебных и спортивных делах Джакс уступал только Стилету, и эти двое были неразлучными друзьями. Весь последний год они делили одну комнату на двоих, и теперь, в этой самой комнате, оба, задрав ноги, купались в неожиданной роскоши новой обстановки – потягивали декофеинизированный кофе, именуемый коф-фе, и дымили деникотинизированными сигаретами местного производства, которым изготовитель дал имя «Дениксиг», однако все курсанты ДДД с юмором называли их не иначе как «горлодеры» и «термоядерные».

– Брось-ка мне горлодерку, Джакс, – сказал Стилет, развалившись на койке. Заложив руки за голову, он раз-

мышлял о том, что готовит ему судьба в ближайшем будущем, когда у него появится свой собственный верблюд.

– Ох-хо! – хохотнул он, когда пачка угодила ему в глаз.

Стилет вытащил длинную белую палочку, постучал ею по стене, чтобы кончик воспламенился, и затянулся освежающим дымом.

– Мне до сих пор не верится... – он выпустил дымные кольца.

– Клянусь Мрддлом, это правда, – Джакс улыбнулся. – Мы выпускники. Верни-ка мне пачку термоядерных, я тоже хочу затянуться разика два.

Стилет выполнил просьбу столь энергично, что пачка ударила в стену, и мгновенно все сигареты вспыхнули ярким пламенем. стакан воды усмирив разбушевавшийся пожар, и тут, пока огонь еще шипел в тщетной ярости, на экране связи загорелся красный сигнал.

– Срочный вызов! – рявкнул Стилет, хлопнув ладонью по кнопке приема. На экране возник суровый облик полковника фон Грудта. Оба молодых человека вскочили по стойке смирно.

– М..., Л..., в мой кабинет на третьей скорости. живо!

Слова срывались с губ полковника, словно свинцовые капли. Что бы это значило?

– Что это значит? – спросил Джакс, когда они прыгнули в падашют и помчались вниз с ускорением, близким к свободному падению.

– Скоро узнаем! – выпалил Стилет у двери «старика» и нажал на докладную клавишу.

Движимая неким потайным механизмом, дверь распахнулась настежь, и молодые люди, с плохо скрываемым трепетом, вошли в кабинет. Но что это? Что э т о?! Полковник смотрел на них с улыбкой – с у л ы б к о й! Подобное выражение никогда раньше не ложилось на его непреклонное чело.

- Устраивайтесь поудобнее, парни, – предложил он и указал на мягкие кресла, выросшие из пола при нажатии кнопки. – В подлокотниках этих сервокресел вы найдете горлодеры, а также валумийское вино и снаггианское пиво.

- И никакого коф-фе? – у Джакса даже челюсть отвисла. Все засмеялись.

- Вряд ли вы по нему тоскуете, – игриво прошелестел полковник искусственной гортанью. – Пейте, парни! Теперь вы – Космические Крысы ДДД, и юность осталась позади... Ну что вы скажете об этом?

Он прикоснулся к кнопке, и в воздухе явилось это – объемное изображение космического корабля, подобного которому никто еще не видел на белом свете, – изящного, словно меч-рыба, грациозного, словно птица, могучего, словно кит, и вооруженного до зубов, словно аллигатор.

- Святой Колумп! – выдохнул Стилэт, разинув от удивления рот. – Вот что я называю ракетой ракет!

- Некоторые из нас предпочитают называть ее «Совершенством», – не без юмора заметил полковник.

- Так это она? Мы слышали...

- Вы мало что могли слышать, потому что создание этой малышки с самого начала держалось в строжайшей тайне. Корабль оснащен беспрецедентно большими двигателями – улучшенная модель Макферсона* самой современной конструкции, ускорителем Келли** усо-

* Двигатель Макферсона впервые был упомянут в рассказе данного автора «Ракетные Рейнджеры из УЦПП» («Пикантно-кошмарные истории», 1923).

** Постоянные читатели впервые познакомились с ускорителем Келли в знаменитой книге «Адские псы из скопления Угольный Мешок» (издательство «Слизень-Пресс», 1931), опубликованной также на немецком языке под названием “Teufel-hund Nach der Knackwurst Express”. Перевод на итальянский, сделанный Ре Умберто, до сих пор не опубликован.

вершенствованным до такой степени, что вам его вовек не узнать, и лучеметами Фицроя* удвоенной мощно-сти – по сравнению с ними старые излучатели кажутся детскими хлопушками. Но лучшее я приберег напоследок.

– Ничего лучшего и представить себе невозможно! – перебил Стиллет.

– Это тебе только так кажется! – беззлобно хохотнул полковник, издавая звуки, подобные треску рвущейся стали. – Самое лучшее – то, что ты, Стиллет, будешь капитаном этого космического супердредноута, а счастливчик Джакс – его главным инженером.

– Счастливчик Джакс был бы гораздо счастливее, если бы капитаном был он. Капитаном, а не властителем кочегарки, – пробормотал счастливчик Джакс, и все рассмеялись. Все, кроме него, ибо он не шутил.

– Все полностью автоматизировано, – продолжал полковник, – так что экипажа из двух человек вполне достаточно. Но я должен предупредить вас, что на борту находится экспериментальное оборудование, так что, кто бы ни полетел, он должен добровольно...

– Согласен! – заорал Стиллет.

– Что-то мне в тужник захотелось, – сказал Джакс, поднимаясь, и тут же мгновенно сел на место – жуткий на вид бластер сам по себе выскочил из кобуры прямо в руку полковника.

– Ха-ха, шутка. Конечно, согласен!

– Я знал, ребята, что на вас можно положиться. ДДД воспитывает настоящих м у ж ч и н. И разумеется, настоящих верблюдов тоже. Итак, вот что вы должны сделать. Завтра утром в 0304 часа вы оба возьмете старт на «Совершенстве» и продырявите эфир в направлении Ле-

* Широкая публика впервые узнала об излучателе Фицроя из рассказа «Космические зомбианки с Венеры» («Покаянно-правдивые истории», 1936).

бедя. Возьмете курс на некую планету...

– Ну-ка, ну-ка, пожалуй, я могу угадать – какую, – зловеще сказал Стилет, скрежеща зубами. – Это что же, шутки ради вы хотите послать нас на планету Биру-2, битком набитую ларшниками?

– Именно. Это главная база ларшников, секретное игорное гнездо и центр торговли наркотиками, место, где разгружаются транспорты с белыми рабами и печатается фальшивая «капуста», очаг перегонки флнкса и логово пиратских орд.

– Если вы хотите драки, похоже, вы ее получите, – скривился Стилет.

– А ты, я вижу, слов на ветер не бросаешь, – согласился полковник. – Если бы мне скинуть годá да поменьше протезов, я бы ухватился за такую возможность при первом...

– Вы могли бы стать главным инженером, – намекнул Стилет.

– Заткнись, – отрубил полковник. – Удачи вам, джентльмены, и пусть слава ДДД не покинет вас.

– И верблюдов тоже? – спросил Стилет.

– Верблюдов – как-нибудь в другой раз. Перед нами встала проблема... э-э... притирки. Пока мы здесь сидим с вами, мы потеряли еще четверых выпускников. Может быть, даже придется сменить животных. Пусть это будет ДСД.

– С боевыми собаками? – спросил Джакс.

– Или со свиньями. А то и с сиренами. Но это уж моя забота, а не ваша. Все, что от вас требуется, парни, – это добраться до Биру-2 и расколоть эту планету как гнилой орех. Я знаю, вам это по плечу.

Если у каменноликих десантников и были какие-то сомнения, они оставили их при себе, ибо таков порядок, заведенный в Дивизии. Они сделали все необходимые приготовления, и на следующее утро ровно в 0304.00 могучее тело «Совершенства» умчалось в пространство.

Ревущие двигатели Макферсона изливали в реактор квинтильоны эргов энергии, и наконец корабль оказался на безопасном расстоянии от гравитационного поля матушки-Земли. Джакс в поте лица трудился возле двигателей, швыряя полные лопаты радиоактивного трансовестита в зияющую пасть голодной топки, пока наконец Стилет не просигналил с мостика, что наступило время поворота «овер-свет». И они переключились на ускоритель Келли – пожиратель пространства. Стилет вдавил кнопку включения ускорителя, и огромный корабль рванулся к звездам со скоростью, в семь раз превышающей световую *. Поскольку ускоритель был полностью автоматизированным, Джакс освежился в освежителе, а его одежда была выстирана в стирателе. Затем Джакс вышел на мостик.

– Ого, – сказал Стилет, и его брови поползли на лоб. – Я и не знал, что ты носишь суспензорий «в горошек».

– Это единственный предмет одежды, который остался чистым. Всю остальную одежду стиратель растворил.

– Не беспокойся об этом. Пусть теперь беспокоятся ларшники с Биру-2! Мы войдем в атмосферу ровно через семнадцать минут, и я как раз обдумывал, как нам лучше поступить, когда это произойдет.

– Разумеется, кому-то из нас ведь надо мозгами шевелить! Я даже перевести дух не мог – не то чтобы задуматься.

– Не трепыхайся, старик, мы ведь оба по уши в этом деле. Как я это вижу, у нас два варианта выбора. Мы

* Когда изобретателя Пэтси Келли спросили, как это корабли могут двигаться со скоростью, в семь раз превышающей световую – по Эйнштейну, предельную скорость для материальных тел, – он, пожав плечами, ответил в свойственной ему фиглярской гойделической манере: «Ну конечно, могут. По-моему, Эйнштейн просто ошибся».

можем ворваться с ревом, паля из всех пушек, а можем подкрасться тайком.

– О-о, ты и на самом деле думал.

– Пропущу это мимо ушей, потому что ты устал. Как бы мы ни были сильны, я допускаю, что наземные батареи еще сильнее. Предлагаю проскользнуть так, чтобы нас не заметили.

– Не трудновато ли, если учесть, что мы летим на корабле массой тридцать миллионов тонн?

– В обычных условиях – да. Однако, видишь ли ты эту кнопку с надписью «невидимость»? Пока ты загружал топливо, мне объяснили, в чем тут суть. Это новое изобретение, его никогда еще не испытывали, оно обеспечит нам невидимость и недосыгаемость для любых средств обнаружения.

– Похоже на дело. Еще лететь пятнадцать минут, мы уже совсем близко. Включаем этот замечательный луч невидимости...

– Не смей!

– Сделано. А в чем проблема?

– Уже ни в чем. Кроме того, что экспериментальное устройство невидимости рассчитано не более чем на тринадцать минут работы, затем оно перегорает.

К несчастью, так и произошло. В ста милях от бесплодной, искореженной поверхности Биру-2 добрый старый корабль «Совершенство» возник из небытия.

В наимельчайшую долю миллисекунды мощный космический сонар и суперрадар зловеще скрестили лучи на вторгшемся корабле, а контрольные лампочки на пультах управления уже мигали секретным кодом, ожидая, когда поступит правильный ответ, который позволит считать посягателя одним из своих.

– Я пошлю сигнал и натяну им нос, – рассмеялся Стилет. – Эти ларшники весьма туповаты.

Он нажал большим пальцем кнопку микрофона, переключился на межзвездную аварийную частоту и жалоб-

но проскрежетал:

– Агент Икс-9 – главной базе. Принял огневой бой с патрулем, сжег кодовые книги, но прищучил этих ... до единого, ха-ха! Возвращаюсь домой с грузом – на борту 800 000 длинных тонн адской травки крммл.

Реакция ларшиников была мгновенной. Разверстые жерла тысяч гигантских орудийных бластеров, вкопанных в землю, выплюнули лучи изголодавшейся энергии, от которых задрожала сама материя пространства. Эта сверкающая лавина обрушилась на неприступные защитные экраны старого доброго корабля «Совершенство», которому, увы, не суждена была долгая жизнь, в мгновение ока пробила защиту и ударила сверкающим валом в борт самого корабля. Никакая материя не могла противостоять этой силе, высвобожденной из сверкающих недр планеты, посему неуязвимые металлические непроницаемые стенки моментально испарились, обратившись в неосязаемый газ, который в свою очередь распался на отдельные электроны и протоны (и нейтроны тоже), из коих, в сущности, и состоял.

Да что там говорить, никакие кровь и плоть не могли противостоять этой мощи. Но за те несколько секунд, пока сверкающая энергия прогрызала силовые защитные поля, корпус, облака испарившегося металла и гущу протонов, наша отчаянная двойка доблестных десантников нырнула очертя голову в космические бронированные скафандры. И вовремя! Останки того, что еще совсем недавно было огромным кораблем, вонзились в атмосферу и спустя несколько секунд грохнулись на отравленную почву Биру-2.

Для стороннего наблюдателя это выглядело концом всех концов. Некогда величественная королева космических трасс больше не поднимется к звездам, ибо в данный момент она представляла собой кучу дымящегося хлама весом не более двухсот фунтов. Эти жалкие обломки не подавали никаких признаков жизни, что

подтвердили наземные гусеничные ползуны, которые вывалились из расположенного поблизости потайного люка, замаскированного в скале, и обнюхали все дымящиеся кусочки, настроив свои детекторы на максимальную чувствительность. «Отвечайте!» – взвыл радиосигнал. «Никаких следов жизни до пятнадцатого знака после запятой!» – рявкнул, выматерившись, оператор ползунов, после чего дал им команду возвращаться на базу. Металлические траки машин зловеще пролязгали по голой земле, и все стихло. Осталась лишь остывающая масса металла, которая зашипела от отчаяния, когда на нее пролились слезы ядовитого дождя.

А что наши верные друзья – неужели они мертвы? Я думал, ты о них уже никогда не вспомнишь. Неведомо для ларшниковских специалистов, всего лишь за миллисекунду до того, как останки корабля грохнулись на землю, мощные сталитовые пружины выстрелили двумя массивными, практически неразрушимыми бронированными скафандрами, забросив их к горизонту, где они и приземлились около замаскированного скалистого гребня, который, по чистой случайности, на самом деле оказался скалистым гребнем, в коем был устроен потайной люк, скрывавший галерею, откуда появились наземные ползуны с их детекторами, так ничего и не обнаружившими, и куда они вернулись по команде матерящегося оператора, который, одурев от очередной порции адской травки крммл, так и не заметил, как дернулись стрелки индикаторов в тот момент, когда ползуны въезжали в туннель, неся на своем обратном пути груз, которого вовсе не существовало в момент выезда, – и тут огромный люк с треском захлопнулся позади ползунов.

– Дело сделано! Мы взломали их оборону! – возликовал Стиллет. – И вовсе не благодаря тебе. Мрддл тебя дернул нажимать на кнопку невидимости.

– А откуда я мог знать? – огрызнулся Джакс. – Так

или иначе, а корабля у нас теперь нет, зато есть элемент внезапности. Они не знают, что мы здесь, а мы знаем, что они тут как тут.

– Хорошо сказано... Ш-ш-ш! – шикнул Стилет. – Пригнись, мы куда-то приехали.

Ползуны с лязгом и грохотом ворвались в огромное помещение, вырезанное в скале, – его заполняли смертоносные военные машины всех видов и размеров. Единственным человеческим существом здесь – если его, конечно, можно назвать человеческим – был оператор-ларшник: как только он засек агрессоров, его грязные пальцы тут же метнулись к пульту управления огнем, но судьба не отпустила ему ни единого шанса. Лучи двух снайперски нацеленных бластеров скрестились на нем, и через миллисекунду в кресле ничего не осталось, кроме обугленного оковалка дымящейся плоти. Наконец-то закон Дивизии настиг ларшников в их собственной берлоге.

Да, это был сам Закон – беспристрастный и неумолимый, непредвзятый и кровавый, – ибо в сем логове не было «невинных». Жадная ярость цивилизованного возмездия уничтожала всякого, кто оказывался на пути двух закадычных друзей, несшихся по коридорам бесчестья на смертоносном самоходном оружии.

– Там какая-то большая шишка, – скорчил гримасу Стилет, указывая на гигантскую, окованную золотом дверь из непроницалита, перед которой команда смертников покончила жизнь самоубийством под безжалостным проливным огнем.

Дверь попыталась оказать слабое сопротивление, но друзья сломили его, последний барьер пал в дыме, сверкании искр и грохоте, десантники триумфально въехали на центральный пост, где маячила всего одна фигура, сидевшая за главным пультом управления, – сам Суперларш, тайный главарь межзвездной преступной империи.

– Твоя смерть пришла!– зловеще пропел Стилет, недрогнувшей рукой направив оружие на черную фигуру в светонепроницаемом космическом шлеме.– Снимай шлем или умрешь на месте!

В ответ раздалось клокотанье задушенной ярости, и на несколько долгих мгновений дрожащие руки в черных перчатках зависли над кнопками управления огнем. Затем, еще медленнее, эти же руки протянулись к застежке на горле, повернули ее и медленно-медленно подняли шлем над головой...

– Клянусь священным именем пророка Мррдла!– в унисон просипели оба десантника перехваченными горлами, а затем дар речи их покинул.

– Да, теперь вы знаете,– злобно скрежетнул зубами Суперларш.– Но–ха-ха!–держу пари, вы даже не догадывались...

– Вы!!– выдохнул Стилет, взламывая лед наступившей тишины.– Вы! Вы!! ВЫ!!!

– Да, мы, я, полковник фон Грудт, командующий ДДД. Вы никогда не подозревали меня, и–о-о!–как я смеялся над вами все это время.

– Но...– Джакс запнулся.– П о ч е м у ?

– Почему? Ответ очевиден любому, кроме вас, свинских межзвездных демократов. Единственное, чего следовало опасаться ларшникам всей галактики,– это возникновения силы, подобной ДДД, могучей силы, неподкупной и не поддающейся проникновению извне, полной благородства во имя добродетели и справедливости. Вы могли причинить нам много неприятностей. Вот почему мы создали ДДД, и в течение долгого времени я был главой обеих организаций. Наши вербовщики привлекают лучшие кадры, которые только могут поставить цивилизованные планеты, а я забочусь о том, чтобы большинство из них очерствело, потеряло всякий моральный облик, чтобы тела и души их были сокрушены,– и в дальнейшем они больше не представляют

никакой опасности. Конечно, некоторые проходят несломленными через весь курс, каким бы отвратительным я его не делал, в каждом поколении есть определенная доля супермазохистов, но я вовремя забочусь о том, чтобы к этим персонам как можно быстрее применялись самые эффективные меры.

– Вроде отправки с миссией, равносильной самоубийству? – спросил Стилет стальным голосом.

– Это неплохой способ.

– Значит, нас послали на верную смерть... Но это не сработало! Молись, вонючий ларшник, сейчас ты встретишься со своим создателем!

– Создатель? Молись? Вы что – выжили из ума? Все ларшники остаются атеистами до самого конца своих...

И это действительно был конец – ларшник исчез в сверкающем столбе пара, так и не договорив своих подлых слов, впрочем, лучшего он все равно не заслуживал.

– А что теперь? – спросил Стилет.

– Вот что, – ответил Джакс, пригвоздив его к полу неотразимым парализующим лучом из оружия, которое он все еще держал в руке. – Хватит с меня вторых ролей. Я по горло сыт моторным отсеком, в то время как ты стоишь на мостике. Теперь моя партия, отныне и навсегда.

– Ты в своем уме? – пролепетал Стилет парализованными губами.

– Да, в своем – впервые в жизни. Суперларш умер, да здравствует новый суперларш! Это все мое, вся галактика, МОЕ!

– А что будет со мной?

– Мне следовало бы убить тебя, но это слишком легкий путь. Когда-то ты делился со мной плитками шоколада. Тебя будут судить за весь этот погром, за смерть полковника фон Грудта и даже за уничтожение главной базы ларшников. Руки всех будут на тебе, ты станешь изгоем и, спасаясь бегством, достигнешь самых

дальних пределов галактики, где будешь жить в вечном страхе.

– Вспомни про плитки шоколада!

– Помню. Мне всегда доставались только лежалые. А теперь... ПШЕЛ ВОН!

Ты хочешь знать мое имя? Достаточно Старины Сержанта. Рассказывать дальше? И так слишком много для твоих нежных ушей, малыш. Давай-ка лучше наполним стаканы, вот так, и произнесем тост. Хватит-хватит, вполне достаточно для бедного старика, который слишком много повидал на своем долгом веку. Так пусть же счастье изменит ему, чтоб ему пусто было, чтобы Великий Крамддл навеки проклял его имя – имя человека, которого иные знают как Джентльмена Джакса. Что, голоден? Я? Нет, я не голоден. Нет. НЕТ! Только не шоколад!!!

Итак, «псы войны» преподали пример поистине «собачьей» дружбы.

Не меньший антимилитаристский «заряд» несет и образ полковника фон Грудта. Программа оболванивания как-никак его детище. Этот персонаж олицетворяет другой аспект войны – ее бездушный автоматизм (недаром у полковника почти не осталось тела – одни искусственные детали).

Безотказен как машина. Надежен как автомат. Исправен как механизм. Идеал убийцы в форме.

Метафоры солдата-автомата и чисто номинального использования головы почти буквально реализованы в новелле Джо Холдмена (США) «Рядовая война рядового Джекоба». Холдмену пришлось воевать во Вьетнаме, так что войну он знает по собственному опыту, и описанная им мясорубка фантастической бойни местами очень смахивает на настоящую. Жесткая манера письма с включением натуралистических деталей и то, как он рисует отношение персонажей к их бессмысленному ремеслу, тоже вызывает ассоциации, но уже литературные – с прозой писателей «потерянного поколения» (Ремарк, Олдингтон, Хемингуэй), еще в 1920-е годы содрвавших с несправедли-

вой войны слой псевдоромантического пропагандистского лака.

Абсолютное безумие человекоубийства, лишенного рационального обоснования и морального оправдания, воплощает у Холдмена сержант Мелфорд: «Он улыбался, встретив колючую проволоку, и прямо лучился, когда его парни пробирались через заграждение... и грустно улыбался, когда разлетался в клочья кто-либо из его людей, и визжал от радости при встрече с врагом, и ликовал, когда в клочья разлетался враг, и только и делал, что улыбался-улыбался-улыбался в течение всей заварухи».

В каждом безумии есть, однако, своя логика. Гнусная логика есть и в безумии сержанта Мелфорда, о чем в свой час узнает рядовой Джекоб...

Рядовая война рядового Джекоба

Джо Холдмен

Что ни шаг, каблук с хрустом проламывает иссушенную солнцем корку, нога дрожит, уходит на дюйм в красную пудру, ты вытаскиваешь ее – с новым треском. Пятьдесят человек шагают цепью по пустыне – словно кто-то мнет в руках большой пакет хрустящих овсяных хлопьев.

В левой руке Джекоб держал лучемер, а пальцами правой растирал грязь. Затем он поменял руки и принялся растирать грязь пальцами левой. Если с тебя целый день ручьями льет пот, пластиковые рукоятки становятся очень скользкими, а ты ведь не хочешь, чтобы эта чертова штуковина вырвалась из рук, изрыгая огонь, когда ты бежишь вперед, и спотыкаешься, и катишься, и ползешь – лишь бы добраться до врага, и

Пер. изд.: Holdeman J. The Private War of Private Jacob: Holdeman J. Infinite Dreams. – N. Y.: Avon Books, 1978.

© 1978 by Joe Holdeman

© перевод на русский язык, «Мир», 1988.

ты ведь не можешь перекинуть через плечо лямку – лямка это только для парадов; какой-то чертовой штабной хмырь с логарифмической линейкой в руках вычислил, где быть ремню, и получилось слишком высоко, так что сними эту хреновину, если, конечно, можешь. И эту чертову каску сними тоже, если можешь. Неважно, что в ней безопаснее. Им там, конечно, виднее. У них это дело поставлено строго, особенно когда речь идет о касках.

– Веселее, Джекоб.

Сержант Мелфорд перед боем всегда был сплошная улыбка. И во время боя тоже. Он улыбался при виде колючей проволоки, и прямо лучился, когда его парни пробирались через заграждение (если поспешишь – завязнешь, если промедлишь – тебя поджарят), и грустно улыбался, когда разлетался в клочья кто-либо из его людей, и визжал от радости при встрече с врагом, и ликовал, когда в клочья разлетался враг, и только и делал, что улыбался-улыбался-улыбался в течение всей заварухи.

– Если бы он хоть раз не улыбнулся, – сказал Джекобу старослужащий Аддисон, это было давным-давно, – если бы он заплакал или хотя бы нахмурился, тут же рядом оказались бы пять-десять человек, готовые при первой возможности укокошить этого сукиного сына.

Джекоб спросил почему, и тот ответил:

– В следующий раз, когда ты пойдешь с этим психованным сукиным сыном в пекло, хорошенько загляни внутрь самого себя, а потом вернешься и расскажешь мне, что ты испытал по отношению к нему.

Джекобу никогда нельзя было отказать в уме, ни тогда, ни сейчас, и он постоянно присматривался внутренним взором к тому, что творилось у него под каской. Главное, чем он был обязан сержанту Мелфорду, – это ощущением великой радости от того, что сам Джекоб еще не сошел с ума, и как бы плохо ни обстояли дела, он по крайней мере не испытывал по этому поводу ни ма-

лейшего восторга – не в пример сумасшедшему, вечно хохочущему, вечно улыбающемуся старику сержанту Мелфорду.

Джекоб хотел высказать все это Аддисону и для начала спросил, почему так бывает – вот, предположим, ты по-настоящему испугался, или тебе стало по-настоящему плохо, и ты поднимаешь голову и видишь Мелфорда, который стоит и хохочет так, что прямо задница отваливается, а стоит он над дымящимся поджаренным трупом, и ты тоже должен скалить зубы, – так вот, что это – ужасающие признаки безумия или?.. Аддисону, может статься, и было что сказать Джекобу, но Аддисон получил прямое попадание ниже пояса, и ему изуродовало обе ноги и искромсало пах, и прошло много времени, прежде чем он смог вернуться в строй, и уж тогда он больше не был старослужащим, а был просто старым. И не очень-то разговорчивым.

Теперь, когда обе руки были в порядке и хорошенько измазаны грязью, чтобы обеспечить верный захват пластиковых рукояток, Джекоб почувствовал себя в большей безопасности и даже улыбнулся в ответ сержанту Мелфорду.

– Хорошая будет заварушка, сержант.

Не было никакого проку говорить что-то еще, что-то вроде: мол, мы сделали изрядный марш-бросок, и почему бы нам не отдохнуть немного, сержант, прежде чем мы ударим; или, скажем, я очень боюсь, мне плохо, и если мне предстоит умереть, сержант, я хочу, чтобы смерть пришла как можно быстрее, нет-нет! Старый псих Мелфорд тут же присядет рядом на корточки и даст тебе пару дружеских тумаков, и подбодрит шуткой, и блеснет белозубой улыбкой, и вот тебе уже хочется вопить или бежать куда глаза глядят, но вместо этого ты подытоживаешь:

– Да, сержант, хорошая будет заварушка.

Большинство из нас давно вычислили, что сделало

Мелфорда таким психованным – тот факт, что он был на этой сумасшедшей войне чересчур долго, настолько долго, что никто и упомянуть не мог кого-либо, кто был в состоянии сказать, будто он помнит наверняка; и сержант Мелфорд ни разу не был ранен, в то время как взвод за взводом гибли на его глазах – солдаты падали поодиночке, попарно и целыми отделениями. Его ни разу даже не задело, и, может быть, это беспокоило сержанта, но не скажу, чтобы кто-либо из наших испытывал сострадание к сумасшедшему сукиному сыну.

Уэсли попытался объяснить это так:

– Сержант Мелфорд – область математической невероятности.

Затем он попробовал объяснить, что такое область, и здесь Джекоб не очень-то врубился, а потом он попытался объяснить, что такое невероятность, и это оказалось совсем несложным, но Джекоб все равно понять не мог, какое отношение это имеет к математике. Впрочем, Уэсли был хороший говорун, и когда-нибудь ему удалось бы все объяснить как следует, но он попробовал прорваться сквозь заграждение – по чести, даже штатскому не пришлось бы в голову сделать это – и упал ничком, и маленькие металлические жучки вгрызлись ему в лицо.

Примерно двадцать или, может, двадцать пять боев спустя – кто считал? – Джекоб осознал, что старый сержант Мелфорд не только ни разу не был ранен, он и не убил ни разу ни единого врага. Он просто бежал впереди, выкрикивая приказания, и был счастлив, и время от времени палил из лучемета, но всегда брал прицел или слишком высоко, или слишком низко, или луч шел слишком широким пучком. Наблюдение поразило Джекоба, но к этому времени он уже больше боялся, пожалуй, сержанта Мелфорда, чем какого-то там врага, поэтому он держал рот на замке и ждал, когда то же самое скажет кто-нибудь другой.

Наконец Кромуэлл, который появился во взводе всего лишь недели две спустя после Джекоба, заметил, что сержант Мелфорд вроде бы ни в кого не попадает, и он выдвинул теорию – мол, этот сумасшедший старый сукин сын, скорее всего, шпионит в пользу противника. Все с удовольствием обсудили эту тему, а затем Джекоб поведал ребятам старую теорию насчет «области невероятности», и один из новичков сказал – будьте уверены, здесь подлость наивероятная, и все от души посмеялись. действительно от души, потому что к веселью присоединился подошедший сержант Мелфорд, – присоединился после того, как Джекоб разъяснил ему, о чем смех, нет, ни слова про область невероятности, всего лишь старая хохма: что дадут с корабля дитяти? Ответ: удовольствие. Кромуэлл хохотал так, словно никакого завтра не существовало, словно оно не должно было наступить, а ведь для Кромуэлла не наступил даже вечер: он отправился по нужде за передний край круговой обороны и попал под перекрестный огонь.

Во время следующего боя противник впервые применил дренажное поле, и, разумеется, лучеметы не сработали, и последнее, что поняли в своей жизни множество людей в этом бою, был тот факт, что легкие пластиковые приклады никуда не годятся против длинных ножей, а уж ножами противник был вооружен в изобилии. Джекоб выжил, потому что нанес удачный удар ногой: он метил в пах, но попал по коленной чашечке, и пока тот парень прыгал, стараясь удержаться на ногах, он выронил нож, а Джекоб тут же подобрал его и проделал в парне лишнее отверстие – восьмью дюймов в ширину, как раз под пупком.

Взвод понес большие потери в живой силе и вынужден был отступить, причем отступали очень быстро – потому что полоса заграждений в дренажном поле тоже не работала. Аддисона пришлось оставить – он сидел, привалившись спиной к снаряжному ящику, и, зажав ру-

ки между коленями, скалился большой красной слюнявой улыбкой – вовсе не на лице.

Теперь, когда Аддисона больше не было, ни один рядовой не мог похвастаться таким боевым опытом, как у Джекоба. Когда взвод сосредоточился после боя в «ничейной» зоне, сержант Мелфорд отвел Джекоба в сторону и сказал ему уже без улыбки:

– Знаешь, Джекоб, теперь, если со мной что-нибудь случится, ты примешь командование над взводом. Следы, чтобы люди наступали широким фронтом, и чтобы постоянно продвигались вперед, и чтобы все были веселы.

– Сержант, – сказал Джекоб, – я могу приказывать, чтобы все рассыпались, и, пожалуй, так они и сделают, и у всех хватит опыта, чтобы понять – надо постоянно продвигаться вперед, но как я могу сделать их веселыми, если мне самому никогда не бывает особенно весело – по крайней мере, когда поблизости нет тебя.

Сержант расплылся в улыбке, а затем разразился хохотом. Старый психованный сукин сын, подумал Джекоб и, поскольку ничего не мог с собой поделаться, тоже рассмеялся.

– Об этом не беспокойся, – сказал сержант Мелфорд. – Это как-то само собой улаживается, когда приходит время.

Взвод все больше упражнялся с ножами и дубинками, и учился пускать в ход руки и ноги, но все равно в атаку по-прежнему ходили с лучеметами, потому что противник, конечно же, в любой момент мог выключить дренажное поле. Джекоб заработал несколько царапин, ему отсекло кусочек носа, но санитар смазал рану каким-то составом, и нос возместил потерю. Противник начал применять луки и стрелы, так что взводу пришлось вооружиться щитами, это было не так уж и плохо, особенно когда кто-то придумал такой щит, что его можно было укреплять над лучеметом, наклонив соответствующ-

щим образом. Одно отделение выучилось работать с луками и стрелами, и ход событий снова вернулся в нормальное русло, как тому и следовало быть.

Джекоб никогда не знал в точности, сколько боев он прошел в звании рядового, а было этих боев – сорок один. И в сущности, в конце сорок первого Джекоб уже не был рядовым.

С тех пор как в взводе появилось отделение лучников, сержант Мелфорд взял за правило держаться среди них сзади, и он смеялся, и отдавал приказы взводу, и время от времени выпускал стрелу, которая всегда ложилась на голую землю, так и не поразив противника. Но именно этот бой (для Джекоба – сорок первый) развивался очень плохо, передовая группа остановилась, а затем ее отбросили почти к самым лучникам, и вдруг свежие силы противника прорвались к лучникам с фланга.

Отделение Джекоба маневрировало между свежими силами противника и лучниками, и Джекоб сражался бок о бок с сержантом Мелфордом, он дрался не на шутку, а старина Мелфорд хохотал, задрав свою глупую башку к небесам, совсем сошел с ума, сукин сын. Джекоб испытал какое-то странное чувство, словно бы время на мгновение остановилось, он молниеносно прыгнул, над его головой просвистела увесистая дубинка, врезалась сбоку в каску сержанта Мелфорда и снесла верхушку каски с такой же легкостью и аккуратностью, с какой срезают верхушку яйца сваренного всмятку. Джекоб упал на колени и, провожая взглядом каску, которая, кувыряясь со всем содержимым, улетела за спины лучников, поразился, откуда там – среди сероголубого месива, испещренного кровавыми прожилками, – взялись маленькие стеклянные шарики и кубики, а затем все внезапно провалилось

Внутри кристаллической горы, спрятанной под скальным массивом, крохотный пьезоэлектрический

переключатель – кубик из шестидесяти четырех молекул – перескочил в положение «ВЫКЛ.», отчего со скоростью, сравнимой со световой, произвелось следующее действие:

ЭЛЕМЕНТ 10011001011МЕЛФОРД СЛУЧАЙНО
ДЕЗАКТИВИРОВАН

ПЕРЕКЛЮЧИТЬ ЭЛЕМЕНТ 1101011100ДЖЕ-
КОБ В ПОЛОЖЕНИЕ КАТАЛИЗАТОРА
(ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ СОВЕРШЕНО)

АКТИВИРОВАТЬ И ПРОИНСТРУКТИРОВАТЬ
ЭЛЕМЕНТ 1101011100ДЖЕКОБ

и тут же вернулось. Джекоб поднялся на ноги и огляделся. Та же пропеченная солнцем равнина, но все, кроме него, кажется, мертвы. Он проверил и убедился, что те, кто не получил прямое попадание, еще еле-еле дышат. Поразмыслив над этим, Джекоб понял – почему. И захихикал.

Джекоб переступил через лежавших вповалку лучников и подобрал окровавленную черепушку Мелфорда. Он просунул лезвие ножа между каской и волосами и закоротил индукционный контур, который удерживал каску на голове и одновременно служил для приема и передачи сигналов. Отбросив каску, он осторожно понес отвратительную чашу с залысиной снизу к вражескому нужнику. Джекоб в точности знал, где и что следует искать, поэтому он выудил из верхушки черепа все детали и кристаллические осколки и швырнул их в смердящую дыру. Затем вернулся к каске и, вложив в нее мозг, освобожденный от излишеств, придал ему положение, в котором тот находился раньше. Только после этого Джекоб занял прежнюю позицию у тела Мелфорда.

Израненные люди зашевелились, а некоторые, из числа особо стойких, начали шатаясь подниматься, опираясь на руки и колени.

Запрокинув голову, Джекоб хохотал, хохотал, хохотал...

Итак, человек как живая машина для ведения боевых действий.

Концепция пока что из области фантастического, но в печать время от времени просачиваются сведения об опытах над людьми – они ведутся на Западе в обстановке глубокой секретности, и это вселяет тревогу. Реальность опасно близко подходит к фантастике: цель опытов – такое воздействие на мозг человека, которое лишает его воли и превращает в запрограммированный механизм, нечто вроде биоробота, какой выведен в рассказе Роберта Шекли.

Классик американской научной фантастики трактует тему милитаризма в своем любимом сказочно-гротескном «ключе», что не мешает ему подвести читателя к малоутешительным выводам: безумие милитаризма сдерживающих начал не имеет, особенно когда он помножен на мираж немислимого обогащения или соблазн безграничной власти. Но история войн, которые знало человечество, недвусмысленно говорит о том, что подобные миражи и соблазны оказываются на поверку самоубийственными. Именно это и хочет сказать Шекли, нарисовав погибшую цивилизацию и создав жутковатую и одновременно непередаваемо смешную материализацию тотального «идеала» милитаризма – в полном смысле слова

Абсолютное оружие

Роберт Шекли

Эдселю хотелось кого-нибудь убить. Вот уже три недели работал он с Парком и Факсоном в этой мертвой пустыне. Они раскапывали каждый курган, попадавший им на пути, ничего не находили и шли дальше. Короткое марсианское лето близилось к концу. С каждым днем становилось все холоднее, с каждым днем

Печатается по изд.: Шекли Р. Абсолютное оружие. Пер. с англ. – М.: Молодая гвардия, 1968 (Библиотека современной фантастики, т. 16). – Пер. изд.: Sheckley R. The Last Weapon: в сб. The People Trap. – N. Y.: Dell Book, 1968.

нервы у Эдселя, и в лучшие времена не очень-то крепкие, понемногу сдавали. Коротышка Факсон был весел – он мечтал о куче денег, которые они получают, когда найдут оружие, а Парк молча тащился за ними, словно железный, и не произносил ни слова, если к нему не обращались.

Эдсель был на пределе. Они раскопали еще один курган и опять не нашли ничего похожего на затерянное оружие марсиан. Водянистое солнце тарашилось на них, на невероятно голубом небе были видны крупные звезды. Сквозь утепленный скафандр Эдселя начал просачиваться вечерний холодок, леденя суставы и сковывая мышцы.

Внезапно Эдселя охватило желание убить Парка. Этот молчаливый человек был ему не по душе еще с того времени, когда они организовали партнерство на Земле. Он ненавидел его больше, чем презирал Факсона.

Эдсель остановился.

– Ты знаешь, куда нам идти? – спросил он Парка злое, низким голосом.

Парк только пожал плечами. На его бледном, худом лице ничего не отразилось.

– Куда мы идем, тебя спрашивают? – повторил Эдсель.

Парк опять молча пожал плечами.

– Пулю ему в голову, – решил Эдсель и потянулся за пистолетом.

– Подожди, Эдсель, – умоляющим тоном сказал Факсон, становясь между ними, – не выходи из себя. Ты только подумай о том, сколько мы загребем денег, если найдем оружие! – От этой мысли глаза маленького человечка загорелись. – Оно где-то здесь, Эдсель. Может быть, в соседнем кургане.

Эдсель заколебался, пристально поглядел на Парка. В этот миг больше всего на свете ему хотелось убивать, убивать, убивать...

Знай он там, на Земле, что все получится именно так! Тогда все казалось легким. У него был свиток, а в свитке... сведения о том, где спрятан склад легендарного оружия марсиан. Парк умел читать по-марсиански, а Факсон дал деньги для экспедиции. Эдсель думал, что им только нужно долететь до Марса и пройти несколько шагов до места, где хранится оружие.

До этого Эдсель еще ни разу не покидал Земли. Он не рассчитывал, что ему придется пробыть на Марсе так долго, замерзать от ледящего ветра, голодать, питаясь безвкусными концентратами, всегда испытывать головокружение от разреженного скудного воздуха, проходящего через обогатитель. Он не думал тогда о натруженных мышцах, ноющих оттого, что все время надо продираться сквозь густые марсианские заросли.

Он думал только о том, какую цену заплатит ему правительство, любое правительство, за это легендарное оружие.

– Извините меня, – сказал Эдсель, внезапно сообразив что-то, – это место действует мне на нервы. Прости, Парк, что я сорвался. Веди дальше.

Парк молча кивнул и пошел вперед. Факсон вздохнул с облегчением и двинулся за Парком.

«В конце концов, – рассуждал про себя Эдсель, – убить их я могу в любое время».

Они нашли курган к вечеру, как раз тогда, когда терпение Эдселя подходило к концу. Это было странное, массивное сооружение, выглядевшее точно так, как написано в свитке. На металлических стенках осел толстый слой пыли. Они нашли дверь.

– Дайте-ка я ее высажу, – сказал Эдсель и начал вытаскивать пистолет.

Парк оттеснил его и, повернув ручку, открыл дверь.

Они вошли в огромную комнату, где грудami лежало сверкающее легендарное марсианское оружие, остатки

марсианской цивилизации.

Люди стояли и молча смотрели по сторонам. Перед ними лежало сокровище, от поисков которого все уже давно отказались. С того времени, когда человек высадился на Марсе, развалины великих городов были тщательно изучены. По всей равнине лежали сломанные машины, боевые колесницы, инструменты, приборы – все говорило о цивилизации, на тысячи лет опередившей земную. Кропотливо расшифрованные письма рассказали о жестоких войнах, бушевавших на этой планете. Однако в них не говорилось, что произошло с марсианами. Уже несколько тысячелетий на Марсе не было ни одного разумного существа, не осталось даже животных.

Казалось, свое оружие марсиане забрали с собой.

Эдсель знал, что это оружие ценилось на вес чистого радия. Равного не было во всем мире.

Они сделали несколько шагов в глубь комнаты. Эдсель поднял первое, что ему попало под руку. Похоже на пистолет 45-го калибра, только крупнее. Он подошел к раскрытой двери и направил оружие на росший неподалеку куст.

– Не стреляй! – испуганно крикнул Факсон, когда Эдсель прицелился. – Оно может взорваться или еще что-нибудь. Пусть им занимаются специалисты, когда мы все это продадим.

Эдсель нажал на спусковой рычаг. Куст, росший в семидесяти пяти футах от входа, исчез в ярко-красной вспышке.

– Неплохо, – заметил Эдсель, ласково погладил пистолет и, положив его на место, взял следующий.

– Ну хватит, Эдсель, – умоляюще сказал Факсон, – нет смысла испытывать здесь. Можно вызвать атомную реакцию или еще что-нибудь.

– Заткнись, – бросил Эдсель, рассматривая спусковой механизм нового пистолета.

– Не стреляй больше, – просил Факсон. Он умоляюще поглядел на Парка, ища его поддержки, но тот молча смотрел на Эдселя.

– Ведь что-то из того, что здесь лежит, возможно, уничтожило всю марсианскую расу. Ты снова хочешь заварить кашу, – продолжал Факсон.

Эдсель опять выстрелил и с удовольствием смотрел, как вдали плавился кусок пустыни.

– Хороша штучка! – Он поднял еще что-то, по форме напоминающее длинный жезл. Холода он больше не чувствовал. Эдсель забавлялся этими блестящими штучками и был в прекрасном настроении.

– Пора собираться, – сказал Факсон, направляясь к двери.

– Собираться? Куда? – медленно спросил его Эдсель. Он поднял сверкающий инструмент с изогнутой рукояткой, удобно умевающейся в ладони.

– Назад, в космопорт, – ответил Факсон, – домой, продавать всю эту амуницию, как мы и собирались. Уверен, что мы можем запросить любую цену. За такое оружие любое правительство отвалит миллионы.

– А я передумал, – задумчиво протянул Эдсель. Краем глаза он наблюдал за Парком.

Тот ходил между грудками оружия, но ни к чему не прикасался.

– Послушай-ка, парень, – злобно сказал Факсон, глядя Эдселю в глаза, – в конце концов я финансировал экспедицию. Мы же собирались продать это барахло. Я ведь тоже имею право... То есть нет, я не то хотел сказать... – Еще не испробованный пистолет был нацелен ему прямо в живот. – Ты что задумал? – пробормотал он, стараясь не смотреть на странный блестящий предмет.

– Ни черта я не собираюсь продавать, – заявил Эдсель. Он стоял, прислонившись к стенке так, чтобы видеть обоих. – Я ведь и сам могу использовать эти штучки.

Он широко ухмыльнулся, не переставая наблюдать за обоими партнерами.

– Дома я раздам оружие своим ребятам. С ним мы запросто скинем какое-нибудь правительство в Южной Америке и продержимся, сколько захотим.

– Ну хорошо,– упавшим голосом сказал Факсон, не спуская глаз с направленного на него пистолета.– Только я не желаю участвовать в этом деле. На меня не рассчитывай.

– Пожалуйста,– ответил Эдсель.

– Ты только ничего не думай, я не собираюсь об этом болтать,– быстро проговорил Факсон.– Я не буду. Просто не хочется стрелять и убивать. Так что я лучше пойду.

– Конечно,– сказал Эдсель.

Парк стоял в стороне, внимательно рассматривая свои ногти.

– Если ты устроишь себе королевство, я к тебе приеду в гости,– сказал Факсон, делая слабую попытку улыбнуться.– Может быть, сделаешь меня герцогом или еще кем-нибудь.

– Может быть.

– Ну и отлично. Желаю тебе удачи.– Факсон помахал ему рукой и пошел к двери.

Эдсель дал ему пройти шагов двадцать, затем поднял оружие и нажал на кнопку. Звук не последовало, вспышки тоже, но у Факсона правая рука была отсечена на чистом. Эдсель быстро нажал кнопку еще раз. Маленького человечка рассекло надвое. Справа и слева от него на почве остались глубокие борозды.

Эдсель вдруг сообразил, что все это время он стоял спиной к Парку, и круто повернулся. Парк мог бы схватить ближайший пистолет и разнести его на куски. Но Парк спокойно стоял на месте, скрестив руки на груди.

– Этот луч пройдет сквозь что угодно,– спокойно заметил он.– Полезная игрушка.

Полчаса Эдсель с удовольствием таскал к двери то одно, то другое оружие. Парк к нему даже не притрагивался, с интересом наблюдая за Эдселем. Древнее оружие марсиан было как новенькое; на нем не сказались тысячи лет бездействия. В комнате было много оружия разного типа, разной конструкции и мощности. Изумительно компактные тепловые и радиационные автоматы, оружие, мгновенно замораживающее, и оружие сжигающее, оружие, умеющее рушить, резать, коагулировать, парализовать и другими способами убивать все живое.

– Давай-ка попробуем это, – сказал Парк.

Эдсель, собиравшийся испытать интересное трехствольное оружие, остановился.

– Я занят, не видишь, что ли?

– Перестань возиться с этими игрушками. Давай займемся серьезным делом.

Парк остановился перед низкой черной платформой на колесах. Вдвоем они выкатили ее наружу. Парк стоял рядом и наблюдал, как Эдсель поворачивал рычажки на пульте управления. Из глубины машины раздалось негромкое гудение, затем ее окутал голубоватый туман. Облако тумана росло по мере того, как Эдсель поворачивал рычажок, и накрыло обоих людей, образовав нечто вроде правильного полушария.

– Попробуй-ка пробить ее из бластера, – сказал Парк.

Эдсель выстрелил в окружающую их голубую стену. Заряд был полностью поглощен стеной. Эдсель испробовал на ней еще три разных пистолета, но они тоже не могли пробить голубоватую прозрачную стену.

– Сдается мне, – тихо произнес Парк, – что такая стена выдержит и взрыв атомной бомбы. Это, видимо, мощное силовое поле.

Эдсель выключил машину, и они вернулись в комнату с оружием. Солнце приближалось к горизонту, и в комнате становилось все темнее.

– А знаешь что? – сказал вдруг Эдсель. – Ты неплохой парень, Парк. Парень что надо.

– Спасибо, – ответил Парк, рассматривая кучу оружия.

– Ты не сердишься, что я разделался с Факсоном, а? Он ведь собирался донести на нас правительству.

– Наоборот, я одобряю.

– Уверен, что ты парень что надо. Ты мог бы меня убить, когда я стрелял в Факсона. – Эдсель умолчал о том, что на месте Парка он так бы и поступил.

Парк пожал плечами.

– А как тебе идея насчет королевства со мной на пару? – спросил Эдсель, расплывшись в улыбке. – Я думаю, мы это дело провернем. Найдем себе приличную страну, будет уйма девочек, развлечений. Ты как насчет этого?

– Я за, – ответил Парк, – считай меня в своей команде.

Эдсель похлопал его по плечу, и они пошли дальше вдоль рядов с оружием.

– С этим все довольно ясно, – продолжал Парк, – варианты того, что мы уже видели.

В углу комнаты они заметили дверь. На ней виднелась надпись на марсианской языке.

– Что тут написано? – спросил Эдсель.

– Что-то насчет абсолютного оружия, – ответил Парк, разглядывая тщательно выписанные буквы чужого языка, – предупреждают, чтобы не входили.

Парк открыл дверь. Они хотели войти, но от неожиданности отпрянули назад.

За дверью был зал, раза в три больше, чем комната с оружием, и вдоль всех стен, заполняя его, стояли солдаты. Роскошно одетые, вооруженные до зубов, солдаты стояли неподвижно, словно статуи. Они не проявляли никаких признаков жизни.

У входа стоял стол, а на нем три предмета: шар размером с кулак, с нанесенными на нем делениями, ря-

дом – блестящий шлем, а за ним – небольшая черная шкатулка с марсианскими буквами на крышке.

– Это что – усыпальница? – прошептал Эдсель, с благоговением глядя на резко очерченные неземные лица марсианских воинов.

Парк, стоявший позади него, не ответил.

Эдсель подошел к столу и взял в руки шар. Осторожно повернул стрелку на одно деление.

– Как ты думаешь, что они должны делать? – спросил он Парка. – Ты думаешь...

Они оба вздрогнули и попятились.

По рядам солдат прокатилось движение. Они качнулись и застыли в позе «смирно». Древние воины ожили.

Один из них, одетый в пурпурную с серебром форму, вышел вперед и поклонился Эдселю.

– Господин, наши войска готовы.

Эдсель от изумления не мог найти слов.

– Как вам удалось остаться живыми столько лет? – спросил Парк. – Вы марсиане?

– Мы слуги марсиан, – ответил воин.

Парк обратил внимание на то, что, когда солдат говорил, губы его не шевелились. Марсианские солдаты были телепатами.

– Мы Синтеты, господин.

– Кому вы подчиняетесь?

– Активатору, господин. – Синтет говорил, обращаясь непосредственно к Эдселю, глядя на прозрачный шар в его руках. – Мы не нуждаемся в пище или сне, господин. Наше единственное желание – служить вам и сражаться.

Солдаты кивнули в знак одобрения.

– Веди нас в бой, господин...

– Можете не беспокоиться, – сказал Эдсель, придя, наконец, в себя. – Я вам, ребята, покажу, что такое настоящий бой, будьте уверены.

Солдаты торжественно трижды прокричали привет-

ствие. Эдсель ухмыльнулся, оглянувшись на Парка.
– А что обозначают остальные деления на циферблате? – спросил Эдсель.

Но солдат молчал. Видимо, вопрос не был предусмотрен введенной в него программой.

– Может быть, они активируют других Синтетов, – сказал Парк. – Наверное, внизу есть еще залы с солдатами.

– И вы еще спрашиваете, поведу ли я вас в бой? Еще как поведу!

Солдаты еще раз торжественно прокричали приветствие.

– Усыпи их и давай продумаем план действий, – сказал Парк.

Эдсель, все еще ошеломленный, повернул стрелку назад. Солдаты замерли, словно превратившись в статуи.

– Пойдем назад.

– Ты, пожалуй, прав.

– И захвати с собой все это, – сказал Парк, показывая на стол.

Эдсель взял блестящий шлем и черный ящик и вышел наружу вслед за Парком. Солнце почти скрылось за горизонтом, и над красной пустыней протянулись черные длинные тени. Было очень холодно, но они этого не чувствовали.

– Ты слышал, Парк, что они говорили? Слышал? Они сказали, что я их вождь! С такими солдатами...

Эдсель засмеялся. С такими солдатами, с таким оружием его ничто не сможет остановить. Да, уж он выберет себе королевство. Самые красивые девочки в мире, ну и повеселится же он...

– Я генерал! – крикнул Эдсель и надел шлем на голову.

– Как, идет мне, Парк? Похож я...

Он замолчал. Ему послышалось, будто кто-то что-то шепчет, бормочет. Что это?

– ... проклятый дурак. Тоже придумал королевство! Такая власть – это для гениального человека, человека, который способен переделать историю. Для меня!

– Кто это говорит? Ты, Парк? А? – Эдсель внезапно понял, что с помощью шлема он мог слышать чужие мысли, но у него уже не осталось времени осознать, какое это было бы оружие для правителя мира.

Парк аккуратно прострелил ему голову. Все это время пистолет был у него в руке.

«Что за идиот! – подумал про себя Парк, надевая шлем. – Королевство! Тут вся власть в мире, а он мечтает о каком-то вшивом королевстве». Он обернулся и посмотрел на пещеру.

«С такими солдатами, силовым полем и всем оружием я завоюю весь мир». Он думал об этом спокойно, зная, что так оно и будет.

Он собрался было назад, чтобы активировать Синтегов, но остановился и поднял маленькую черную шкатулку, выпавшую из рук Эдселя.

На ее крышке стремительным марсианским письмом было выгравировано: «Абсолютное оружие».

«Что бы это могло означать?» – подумал Парк. Он позволил Эдселю прожить ровно столько, чтобы испытать оружие. Нет смысла рисковать лишней раз. Жаль, что он не успел испытать и этого.

Впрочем, и не нужно. У него и так хватает всякого оружия. Но вот это, последнее, может облегчить задачу, сделать ее гораздо более безопасной. Что бы там ни было, это ему, несомненно, поможет.

– Ну, – сказал он самому себе, – давай-ка посмотрим, что считают абсолютным оружием сами марсиане, – и открыл шкатулку.

Из нее пошел легкий пар. Парк отбросил шкатулку подальше, опасаясь, что там ядовитый газ.

Пар прошел струей вверх и в стороны, затем начал сгущаться. Облако ширилось, росло и принимало ка-

кую-то определенную форму.

Через несколько секунд оно приняло законченный вид и застыло, возвышаясь над шкатулкой. Облако поблескивало металлическим отсветом в угасающем свете дня, и Парк увидел, что это огромный рот под двумя немигающими глазами.

– Хо-хо! – сказал рот. – Протоплазма! – Он потянулся к телу Эдселя.

Парк поднял дезинтегратор и тщательно прицелился.

– Спокойная протоплазма, – сказала чудовище, пожирая тело Эдселя, – мне нравится спокойная протоплазма, – и чудовище проглотило тело Эдселя целиком.

Парк выстрелил. Взрыв вырыл десятифутовую воронку в почве. Из нее выплыл гигантский рот.

– Долго же я ждал! – сказал рот.

Нервы у Парка сжались в тугий комок. Он с трудом подавил в себе надвигающийся панический ужас. Сдерживая себя, он не спеша включил силовое поле, и голубой шар окутал его.

Парк схватил пистолет, из которого Эдсель убил Факсона, и почувствовал, как удобно легла в его руку прикладистая рукоятка. Чудовище приближалось. Парк нажал на кнопку, и из дула вырвался прямой луч...

Оно продолжало приближаться.

– Сгинь, исчезни! – завизжал Парк. Нервы у него начали рваться.

Оно приближалось с широкой ухмылкой.

– Мне нравится спокойная протоплазма, – сказала Оно, и гигантский рот сомкнулся над Парком, – но мне нравится и активная протоплазма.

Оно глотнуло и затем выплыло сквозь другую стенку поля, оглядываясь по сторонам в поисках миллионов единиц протоплазмы, как бывало давным-давно.

Итак, абсолютное оружие, подобно сказочному джинну из бутылки, уничтожает своих производителей и потребителей.

Сказка, разумеется, – ложь, зато «намеки» доходчивы: глупость и жадность в вопросе вооружений, а также безудержный прогресс технологии, обгоняющий нравственное развитие человека, чреваты гибелью. Печальное зрелище, верно, представит наблюдателю, который захочет взглянуть на состояние земных дел со стороны. Так оно, впрочем, и происходит в микроромане писателя ГДР Вольфганга Кёлера.

Обращаясь к художественному приему, известному в фантастике с глубокой древности, автор задается вопросом: неужели люди неспособны понять то, что ясно даже...

Ошибка Платона

Вольфганг Кёлер

Как известно, Атлантида, страна легендарного прошлого, вследствие катаклизма исчезла в морской пучине. Об этом сообщил Платон, ссылаясь на рассказ египетского жреца.

Финна и Карраро прогуливались по почти пустынным улицам главного города Атлантиды. Путь их пролегал вдоль торговой магистрали, мимо Центрального музея истории человечества, торговых заведений и конторских зданий к административному району.

– Карраро, ты уже слышал, что Совет старейшин вчера снова занимался проблемой установления контактов с людьми?

– Да, два лазутчика возвратились с территорий, которыми владеют люди. И вслед за этим Маран, глава Сеньорен-конвента, созвал из всех регионов страны чле-

Печатается по изд.: Кёлер В. Ошибка Платона. Пер. с нем. – М.: Молодая гвардия, 1983 («Вокруг света», № 9). – Пер. изд.: Köhler W. Platos Irrtum: в сб. Begegnung im Licht. – Berlin: Das Neue Berlin, 1976.

© Verlag Das Neue Berlin, Berlin. 1976

© «Молодая гвардия», 1983.

© перевод на русский язык с исправлениями, «Мир», 1988.

нов Совета.— Карраро неторопливо огляделся.— Но, вероятно, и на сей раз решение будет нелегким. Вспомни только об обстановке, царящей у людей! Они располагают высокоразвитой техникой, но во имя чего ею пользуются?!

— Я понимаю, что ты имеешь в виду—эти бесконечные войны, в которых ежедневно гибнут тысячи их сограждан,—с горечью заметила Финна и, чуть дрожа, прижалась к нему.— Но, с другой стороны, они постоянно ищут контакта с другими существами, наделенными разумом. С какой целью? Чтобы потом их также угнетать и уничтожать?

— Кто может это предугадать?—промолвил Карраро в раздумье.— Но не следует ли нам помочь им преодолеть этот барьер в их развитии, с которым тысячелетия назад мы уже однажды совладали? Ты же видишь, к чему все это ведет! Ненависть, презрение и недоверие растут из года в год. Даже наша жизнь из-за людей с их развитой техникой все больше подвергается опасности.

— Да, ты прав: и нам в свое время пришлось пройти через этот период развития,—задумчиво произнесла Финна.— Я вспоминаю о безумной идее некоторых властителей глубокой древности, пытавшихся с помощью кровожадных наемных войск, с которыми они считывались янтарем и раковинами, покорить и поработить мир людей. Сегодня-то мы знаем, что развитие должно было идти в ином направлении, но сколь долг был путь к этому прозрению!

Наступившую тишину нарушила группа веселых атлантов, которые, судя по всему, возвращались с какого-то праздника и с негромким пением неторопливо двигались по улице. Некоторое время Финна и Карраро молчали, погруженные в размышления.

— Если мы все-таки вступим с ними в контакт,—сказал Карраро, глядя на Финну,—не рискуем ли мы быть втянутыми в распри людей, как они это, хотя и

непроизвольно, уже пытались сделать? Ты никогда не должна забывать, что, знай они о нас, наша жизнь может подвергнуться серьезной опасности.

– К несчастью, ты прав: мы, атланты, думаем и живем совсем по-иному, чем люди. Искусство и науку мы обратили себе на пользу. Война нам знакома лишь из истории и донесений наших лазутчиков. Человеку, надо полагать, не составит труда использовать жителей Атлантиды для своих преступных целей или уничтожить их...– Дрожь пробежала по ее телу.

Их беседа была неожиданно прервана молодым атлантом, который поспешно двигался им навстречу.

– Послушайте! Вы уже знаете?

– Что мы должны были знать?– Карраро, очнувшись от невеселых мыслей, поднял голову.

– Ну, о постановлении Совета старейшин: Сообщение поступило четверть часа назад. Маран и другие старейшины отложили принятие решения об установлении контактов с людьми до следующего столетия. Однако мне надо спешить. Всего доброго!

Молодой атлант промчался мимо них и скрылся за ближайшим углом.

– Пожалуй, я этого и ожидала.– Финна взглянула на Карраро.

– Да, это можно было предвидеть,– ответил он.

Финна и Карраро, два дельфина, удовлетворенно поплыли дальше своей дорогой.

Итак, даже дельфину ясно, что развитие должно идти в ином направлении.

Разумным цивилизациям Вселенной это ясно тем более.

У американского писателя-фантаста и ученого Айзека Азимова, хорошо известного в Советском Союзе по переводам, на этот счет свои соображения, которыми он делится в изящном маленьком этюде, исполненном со свойственным ему юмором, однако наталкивающим на горькие мысли.

Они не прилетят

Айзек Азимов

Нарон, представитель умудренной жизнью ригеллианской расы, был галактическим летописцем в четвертом поколении.

У него было две книги – большая, содержавшая перечень многочисленных разумных рас из всех галактик, и поменьше, куда заносились лишь цивилизации, достигшие зрелости и мастерства в той степени, которая позволяла им вступить в Галактическую Федерацию.

Из большой книги были вычеркнуты те расы, которые в силу разных причин потерпели крушение: невезение, биохимические или биофизические несовершенства и социальная несправедливость взымали свою дань.

Зато ни один из членов Федерации, внесенных в малую книгу, не был оттуда вычеркнут.

Грузный и неправдоподобно древний Нарон поднял глаза на подошедшего гонца.

- Нарон! – воскликнул тот. – Единственный Великий...
- Ну-ну, поменьше церемоний. Что такое?
- Еще одна группа организмов достигла зрелости.
- Превосходно. Превосходно. Быстро же они теперь взрослеют, года не проходит без новичков. Кто это на сей раз?

Гонец назвал код галактики и внутригалактические координаты планеты.

- Да, да, – проговорил Нарон. – Я знаю этот мир.

Гладким почерком вписал он имя планеты в первую книгу и перенес его во вторую, по традиции используя

Печатается по изд.: Азимов А. Они не прилетят. Пер. с англ. – М.: Молодая гвардия, 1985 («Вокруг света», № 4). – Пер. изд.: Asimov I. Silly Asses: Venture, May 1958.

© «Молодая гвардия», 1985.

то наименование, под которым планета была известна большей части своих обитателей. Он написал: Earth.

– Эти юные создания поставили рекорд,– сказал он. – Никто другой не проходил путь от зарождения разума до зрелости с такой быстротой. Надеюсь, здесь нет ошибки?

– Нет, сэр,– сказал гонец.

– Они получили термоядерную энергию, не так ли?

– Да, сэр.

– Ведь это – главный критерий,– Нарон усмехнулся. – Скоро их корабли начнут разведку пространства и вступят в контакт с Федерацией.

– Дело в том, Единственный Великий,– неохотно проговорил гонец,– что, по сообщениям Наблюдателей, они еще не проникли в пространство.

– Как?– изумился Нарон. – Так-таки и не проникли? Даже на уровне космических станций?

– Пока нет, сэр.

– Но если у них есть термоядерная энергия, где они проводят испытания и мирные взрывы?

– На своей планете, сэр.

Нарон выпрямился во весь свой двадцатифутовый рост и загремел:

– На своей планете?!

– Да, сэр.

Нарон медленно вытащил свой стилос и перечеркнул последнюю запись в малой книге. Такого прежде не бывало, но ведь Нарон был очень мудр и, подобно любому другому жителю Галактики, мог видеть неизбежное.

– Глупые ослы,– пробормотал он.

Итак, разумные существа не прилетят на планету, превращенную ее обитателями в ядерный полигон.

Ну, а если все-таки прилетят?

Ядерное противостояние, или ядерное сдерживание, выдается на Западе за инструмент и гарант сохранения мира. Поль-

ский писатель Адам Сыновец вкладывает обоснование этой доктрины в уста своего героя поручика Суила, искренне убежденного в том, что армия «существует для охраны гражданских лиц». Вот как оно выглядит: «Суил верил, что та сторона, как и его собственная, не совершит глупости. Ведь никто не решится напасть на другого, зная, что в момент запуска ракет с одной стороны тотчас поднимутся в воздух ответные. Тут уж не будет победителя, тут даже не дошло бы до сражения. Скорее уж шла бы речь о массовом самоубийстве».

Резонно, и эту военно-политическую реалию принимают сегодня в расчет все включая Советский Союз. Но именно Советский Союз не устает указывать на то, что *такой* мир ненадежен, подвержен воздействию непредвиденных случайностей. Он не может устраивать разумного человека, а теперь, когда человечество стоит на пороге космической эры, тем более. Не говоря о том, что ядерные игры сами по себе опасны, их возможное воздействие на космическое будущее земной цивилизации непредсказуемо.

Этот аспект ядерных игр определил сюжет рассказа, который так и называется – «Игра». В разработанной Сыновцом фантастической фабуле ощущается присутствие его знаменитого соотечественника – Станислава Лема, но это несколько не умаляет достоинств красиво задуманной и безукоризненно выполненной новеллы.

Игра

Адам Сыновец

За стенами бункера уже, очевидно, светало. Пламенеющие красным цифры часов над мониторами показывали 3.58. Каждое мигание на циферблате забирало одну секунду из оставшихся ста двадцати. Сейчас их оставалось сто пятнадцать, сто четырнадцать, сто тринадцать.

Суил широко зевнул и левой пятерней неловко поче-

Пер. изд.: Synowiec A. Gra.– Fantastyka, № 6, 1985.

© Fantastyka, 1985

© перевод на русский язык, «Мир», 1988.

сал затылок. Пальцы правой руки привычно лежали на предписанном двухсантиметровом расстоянии от кнопки общей тревоги. В таком положении они пребывали неподвижно уже почти два часа. Вскоре придет Кобрински и заступит на свою смену ночного дежурства. Даст отдохнуть его правой руке. Можно будет ее размять. Сегодня он сменяет Суила.

Восемьдесят две, восемьдесят одна, восемьдесят. Экраны всю смену вели себя спокойно, не расплескивались яркими красками, не смазывали контуров, не высветляли пугающих точек и черточек. Небо над огромными пространствами государства было ясным. Темно-синий космос, испещренный песчинками знакомых звезд, не грозил налетом вражеских ракет.

Сорок четыре, сорок три, сорок две. Суил верил, что та сторона, как и его собственная, не совершит глупости. Ведь никто не решится напасть на другого, зная, что в момент запуска ракет с одной стороны тотчас поднимутся в воздух ответные. Тут уж не будет победителя, тут даже не дошло бы до сражения. Скорее уж шла бы речь о массовом самоубийстве.

Девятнадцать, восемнадцать, семнадцать... Армия существует для охраны гражданских лиц. И нельзя допустить, чтобы эти граждане вдруг догадались, что армия, которая существует на их миллионные налоги, благоденствует, лежит себе брюхом кверху, поплеывая время от времени на ржавеющее оружие. Поэтому нужно изображать активность. Ради собственного успокоения и покоя командующих. Суил это отлично усвоил. И давно.

Три, две, одна... В дверях появился Кобрински в помятом комбинезоне. Он ожесточенно тер ладонью правый глаз и беспрестанно зевал.

– Поручик, прошу в кресло! Рука у меня совсем онемела. – Суил крутанулся вместе с креслом влево и с трудом поднялся. Тело будто свинцом налито, пальцы по-

прежнему лежали на пульте управления. По привычке.

-- Ладно, ладно. Сажусь! Чертова служба...-- Кобрински поудобнее уселся и легонько оттолкнул руку Суила.-- Тебе-то сейчас хорошо. Можешь два часа поспать. А мне снова глазеть на эти проклятые звезды.

-- Два часа назад ты хныкал, что тебя заставляют отдыхать, когда тебе хочется еще посидеть. Тебе бы только побрюзжать!-- Суил хлопнул товарища по плечу и зашагал к выходу.

-- Вали отсюда, «Флэш»! Так и так тебя разбудят, не успеешь уснуть. Тогда запоешь иначе. В баре был неплохой кофе, беги, может, еще застанешь...-- закончил Кобрински уже потеплевшим тоном.

Кофе, действительно, был неплохим. Суил попивал его за столиком, закинув ноги на соседнее кресло. Поковырял в зубах спичкой, думая, чем бы заняться в оставшиеся семьдесят минут.

-- Может, еще чашечку, поручик «Флэш»? -- барменша кокетливо улыбнулась.

-- Кончай с этим «Флэшем», Бэсс, ладно?! Пристали, остряки чертовы... Хватит! И кофе не надо!-- Суил с грохотом отодвинул кресло и как ошпаренный бросился к выходу.

Спать ему не хотелось. До нового дежурства оставалось около часа. Не пойти ли поиграть на «автоматах»? Это занятие он любил больше всего. В эту пору по крайней мере там никого нет. Никто не будет стоять над душой и восхищаться его ловкостью. Играл он и в самом деле хорошо. Долгие минуты мог без усталости стремительно нажимать кнопки, раз за разом одолевая электронные системы автоматов. Отсюда и пошло его прозвище. «Флэш»-- «Молния».

Сверкающие краской автоматы зазывно приглашали к себе. Суил остановил свой выбор на недавно появившейся машине. Ее установили всего три дня назад, и он

не знал толком таящихся в ней возможностей.

Суил бросил в прорезь монету в десять центов и положил руки на манипуляторы. На экране вспыхнула цветная панорама неба. В центре пульсировал традиционный вопрос: «Готов?» Он был готов и нажал кнопку «Старт».

С верхней части экрана поплыли вниз трассирующие зеленые ракеты. Они целились на поверхность Земли, которую он должен был защищать. С трех наземных баз одновременно Суил начал запускать воображаемые антиракеты. Крестик прицела как сумасшедший метался по экрану среди облачков взрывов.

Первые пять программ, становившихся все более сложными, Суил одолел без собственных потерь. Из пояснительной таблички следовало, что автомат имеет всего семь программ. На этот раз фон экрана стал розовым. Суил быстро вытер вспотевшую правую ладонь о штанину и снова положил ее на рычаг прицела. Неожиданно автомат глухо загудел, и изображение на мониторе замигало. Экран стал темно-синим, приобрел черты объемности и пространства. Такого Суил еще никогда не видел.

С удовлетворением он обнаружил, что помимо шести наземных баз в его распоряжении появились три вооруженных спутника. Из глубины экрана на него надвигались неприятельские разведывательные станции. Их он привычно уничтожил одну за другой. Пока еще не было необходимости прибегать к лазерным иглам своих космических станций. Они располагали ограниченными запасами энергии, а он предвидел, что со временем они окажутся нужнее.

С экрана на него отчетливо надвигалась новая плотная волна космических кораблей. Ему все быстрее приходилось нажимать кнопки, запускающие оборонительные ракеты. Суил целился в скопление вражеских снарядов. Условные запасы наземных ракет автомата

не кончались. Искрящиеся пунктиры реактивных торпед исчертили весь экран. Суил крутился как угорелый, сбивая те из них, что находились ближе всего к поверхности Земли. В глубине экрана показались сотни новых космических линкоров, с которых в сторону спутников начали стартовать истребители. И вот тогда он ввел в бой лазерные пушки. Все вокруг рушилось и горело. Суилу уже надоела эта игра. От напряжения ноги его дрожали, глаза бессознательно бегали по экрану. Программа этого автомата, конечно же, слишком затянута. Очевидно, ее придумали, чтобы посрамить даже чемпионов.

Самолюбие не позволяло ему прекратить игру. Он целился и стрелял, снова целился и снова стрелял. Два его спутника были уничтожены. Наземные базы еще кое-как держались, хотя «шестерка» и «двойка» остались без ракет и снарядов.

Неприятель пострадал еще больше. Огнем с Земли были уничтожены все его истребители до единого. От армады линкоров осталось не более четверти. Под огнем пусковых установок Суила остальные превратились в никчемные обломки металла. Те, что еще держались, изредка выпускали ракеты в сторону Земли. Он прицеливался в них по очереди и гасил своими антиракетами. Суил побеждал. С изумлением он увидел, что около десятка уцелевших звездолетов противника неожиданно повернули назад и начали уплывать за край экрана. Значит, запрограммировано даже отступление?

Он смотрел на опустевший экран и ничего не понимал. Вспотевшие ладони дрожали от усталости. Чувствовал он себя так, словно через всю его голову, от левого уха до правого, с гулом несея бурный горный поток. Глаза начали слезиться. Сквозь слезы Суил заметил отражение в экране множества людей. Он резко повернулся. Более пятидесяти человек молча взирали на него. Ближе других стоял полковник Мак-Дермотт и натянуто улыбался.

– Хорошая работа, «Флэш»! Ты перебил практически всех, – тихо сказал он.

– Ну и что из этого! Черт побери, на эту электронную бутафорию ведь нет запрета охотиться! – Суил был вне себя от ярости. Он терпеть не мог, когда у него за спиной собирались болельщики. А тут еще полковник с этим проклятым «Флэшем»... – У меня сейчас перерыв! И устав не запрещает играть с этими ящиками! Из-за чего шум?

– Это была не игра, «Флэш»! Все это произошло на самом деле. Только что. – Полковник медленно кивал головой, показывая пальцем на потолок. – Как раз над нами.

– Чушь!!! Никогда в это не поверю! Ведь это всего лишь простая машинка на нескольких микропроцессорах, а не Центральный Компьютер Обороны... А при нем сиднем сидит Кобрински... Меня же зовут Суил! Вы и сами это знаете! У меня сейчас законный перерыв. – Поручик сбился на крик, бешеным взором озирая присутствующих.

– Кобрински уснул во время дежурства. Но даже если бы компьютеру удалось разбудить его в момент объявления тревоги, он бы все равно не успел подготовиться к ведению оборонительных операций. Неприятельская армада появилась внезапно... Компьютер принял единственно верное решение – начал поиск оператора за пределами главной рубки. Эти ящики имеют подключение к старому электронному мозгу, который после введения новой программы будет заниматься административными делами базы. Ты ведь и сам заметил, что мы меняем схемы игр каждые две недели. Чтобы вы не заскучали.

– Все равно не сходится! Не мог же я запускать в космос атомные ракеты отсюда... – Суил пренебрежительно ударил по пульту монитора.

– Мог! Компьютер Обороны по старому каналу про-

бился к электронному чиновнику, а через него – сюда. Начал передавать подлинную картину на экран имитатора. Каждое твое движение переносил на систему обороны. Ты вел настоящий бой, «Флэш»!

За спиной Мак-Дермотта, ссутулившись и опираясь о дверной косяк, неуверенно улыбался Суилу перепуганный Кобрински.

– Хватит делать из меня дурака! И кто бы это мог быть? В кого я стрелял? – в голосе Суила уже не было прежнего бешенства.

– Это не наши, не земляне! – Полковник закурил сигарету и протянул пачку поручику.

Суил не обратил на нее внимания. На его лице отражалась напряженная работа мысли. Какое-то смутное воспоминание сверлило голову, раздирало нутро, скручивало его узлами, сжимало горло. Страх. Суил боялся вспомнить до конца этот кошмар. Очень боялся.

– Полковник! Скажите же, что это неправда... – почти заскулил он, до боли сжимая пальцы рук. – Почему именно меня выбрала эта проклятая машина? Почему меня?

– Потому что ты самый лучший! И сработал отлично, пропустил лишь пару ракет. Не бойся, в жилые районы они не угодили. Мы отвели их к горам. Вот когдагодились твоя реакция и верный глаз. Не случайно тебя зовут «Флэш».

Сквозь дымку, застилавшую глаза, смотрел он на серьезные лица Кобрински, Бэсс, Мак-Дермотта и других офицеров, операторов, техников и солдат. Некоторые потом уверяли, будто Суил плакал. Вполне возможно. Точно известно лишь, что Суил уже тогда осознал последствия своих действий. В соответствии с тактикой телевизионных игр и по логике военного обучения он первым начал стрелять в пришельцев. Значит, они не нападали, они только оборонялись. Они летели на Землю не для того, чтобы вести войну.

Спустя два дня Суилу присвоили звание майора, на грудь ему повесили три новые медали и отправили в отставку. Спустя полчаса после церемонии вручения наград в парадном мундире он выбросился из окна. Мертвое тело лежало на мостовой с зажатой в руке десятицентовой монетой.

Итак, доктрина «первого удара» убедительно продемонстрировала свою несостоятельность.

Хотелось бы указать в связи с этим на несомненную «переключку» финала новеллы с действительностью: майор ВВС США Изерли, причастный к атомной бомбардировке Хиросимы, впоследствии пытался кончить жизнь самоубийством. Опасные игры больно бьют по самим игрокам – таков нравственный «урок», преподанный судьбами литературного персонажа и подлинного исторического лица.

Этому «уроку» близки выводы философско-фантастической новеллы «Ракеты, звезды, рецепты» (1983) Лайоша Мештерхази, видного прозаика и драматурга ВНР.

Новелла стилизована под деловые, точнее деловитые записки рассказчика-журналиста о поездке в горный район и посещении станции Р-51, опорного пункта противоракетной обороны. Высокие горы Сьерры и тем более военную базу на картах искать бессмысленно: их там нет, поскольку они – плод творческого воображения (к тому же база в любом случае не могла попасть на карту). В стилизации Мештерхази очевидна школа Джонатана Свифта, сатирика безжалостного и бичующего. Она ощущается и в дотошной педантичности, с какой повествователь, путая главное с третьестепенным, распространяется о местном населении и гарнизоне станции, которая видится ему цитаделью человечности. И в его верноподданнических восторгах по поводу того, что отнюдь не способно вызвать положительные эмоции, – чего, скажем, стоят его псевдонаучные рассуждения о вислоухости как об отличительном признаке образцового солдата. И в холодном сарказме комментария к безумствам первой мировой войны: «Земляне с помощью различных металлических громоздких машин, примитивных летательных аппаратов, применяя различные химические реакции, соединения водорода и селитры, производили

страшные опустошения на своей планете. Они не останавливались даже перед убийством друг друга! Более того – как ни звучит это парадоксально – они, видимо, ставили перед собой именно такую цель!» От Свифта – сопоставление человека с разумным павианом не в пользу первого. А характеристика рода людского по шкале социального абсурда заставляет вспомнить процедуру назначения министров в Лиллипутии. Но главное – сюжет, достойный изощренной фантазии великого мизантропа, как нередко аттестовали Свифта современники.

В рамках этого сюжета ракеты, звезды и рецепты (не медицинские, а кулинарные) вступают между собой в противоестественное, нелепое, однако с неумолимой логикой мотивированное сопряжение.

Ракеты, звезды, рецепты

Лайош Мештерхази

I

В Высокой Сьерре для обитания пригодны лишь несколько долин вдоль рек. Здешний народ состоит из случайно занесенных людей и занимается земледелием. Живут они в небольших поселках, оставшихся от переселенцев. Низенькие жилища построены из камней и скальных обломков, скатившихся вниз с суровых, голых вершин. Ограды тоже сложены из камней, домишки крыты толем. Кухни этих убогих жилищ насквозь прокопчены, покрыты толстым слоем вонючей сажи; топят здесь по-черному, печей не знают, дым из открытого очага уходит наружу через отверстие в крыше. В кухнях люди и готовят еду, и греются, когда зимою на них обрушиваются с гор знаменитые снежные бураны. А ле-

Пер. изд.: Mesterhazi L. Rakéták, csillagok, receptek: в сб. Mesterhazi L. Sempiternin. – Budapest: Kozmosz Könyvek, 1975.

© Mesterhazi Lajos, 1975

© перевод на русский язык, «Мир», 1988.

то в этих местах сухое и жаркое. Земли, пригодной для возделывания, мало, и лишь тяжким, упорным трудом удастся собрать скудный урожай. Невольно воротит нос от людей в неопрятной, засаленной одежде, от их отрывистой, примитивной речи коробит: народ здесь темный, грязный, к тому же очень бедный. Дома расположены на значительном удалении друг от друга, иногда на расстоянии человеческого голоса, иногда – ружейного выстрела. Если вас застанет ночь в этих краях, вы можете получить приют в любом доме, коли у вас хватит духу. Вас посадят к «столу», угостят кашей, а по утра поставят возле вашего топчана кружку с пенистым козьим молоком. Девушки и женщины дружелюбны, но, увы, некрасивы. У них сухая, дряблая кожа, больные зубы, почти у каждой – зуб. Народ неряшливый, неотесанный, но кроткий, и в простоте своей жизни даже по-своему счастливый. По воскресеньям они облачаются в «красивые» праздничные одеяния, доставшиеся им в наследство от предков, и торжественно шествуют в местную церковь. О, если бы вы видели эту карикатурную демонстрацию давно забытых фасонов!... Отпрыски звучных фамилий Де Фрис, Бентли, Дюран, О'Коннор, Мюллер и Беднарц тянутся друг за другом к алтарю за благословением господним.

Высоко в горах, над этой странной резервацией ушедших веков, в местности почти безлюдной, находится станция Р-51. Люди в долине называют ее просто Крепостью, поскольку не знают, что это за сооружение. Быть может, только здешний учитель догадывается, он читает газеты и брюзжит при этом раздраженно, как всякий язвенник: «У нас, в долине, средняя продолжительность жизни двадцать восемь лет, несмотря на кристально чистый воздух, людей косят туберкулез и цинга. А какие школы, больницы, родильные дома, какие города можно было бы построить на средства, вложенные в эту Р-51, какие плотины и электростанции! Направить

бы воды реки Торренте для орошения полей и дать свет нашим жилищам...» Словооблуд несчастный! Мнит, будто воспарил в мечтах, а на самом деле барахтается в путях навязчивых идей.

У кого не забьется учащенно сердце от благородного величия и – мы смеем утверждать – от красоты станции?! Кто сможет удержаться от гордости за нашу эпоху при виде возникающего на фоне голубых небес за последним поворотом великолепной автострады этого чуда из стали и стекла?!

Стекло особое, матовое, оно пропускает свет и поглощает его, совсем не отражая. Не веришь глазам своим: стекло вроде бы прозрачное, и в то же самое время сквозь него ничего не видно, как сквозь дерево или бумагу. Если взглянуть на комплекс сверху, он кажется серо-желтым, точно под цвет скал. Площадь станции над поверхностью – всего четверть квадратной мили. На самом же деле здание имеет двадцать этажей и фактически площадь его составляют тоннели, протянувшиеся под землей в общей сложности на семьдесят три мили.

Станция Р-51! Я приехал в горы ради нее, а вовсе не из-за местных жителей. Я и не подозревал об их существовании, но едва не лишился рассудка, осознав: шоссе-серпантин отделяет их от цивилизации не столько на три тысячи ярдов, сколько на три столетия.

Честно признаюсь, увиденное я до конца осмыслить не смог, скорее почувствовал его грандиозность. Всего человек двадцать понимают отдельные аспекты проблемы. А охватить целиком?.. Такого гения сейчас нет и в нашу эпоху уже не будет.

Я разговаривал с техниками, работающими на Р-51, и военным комендантом станции. Назвать его имя я не имею права. Он подполковник; для этого звания и важнейшей задачи, которую ему поручено выполнять, еще совсем молодой человек – высокий, элегантный, сухощавый. У него длинные руки и длинные ноги, череп яй-

цевидной формы, вытянутое лицо, высокий лоб; слегка крючковатый нос, тонкие губы и оживленно блестящие глаза завершают портрет. Во время разговора подполковник делал какие-то странные движения головой, словно необычайно красивая, породистая декоративная птица. Он подробно рассказал мне о задачах станции, ее оборудовании. Разъяснения были детальны и слишком пространны, чтобы я мог следить за ходом мыслей, вспоминая знания, полученные в университете и почерпнутые из специальных книг по физике, химии, атомной физике, радиационной биологии, электронике, кибернетике, баллистике; разумеется, картина была далеко не полной, деятельность Р-51 невозможно вычислить в процентах, даже когда идет речь о той ее стороне, что не составляет военной тайны.

Дабы читатель получил кое-какое представление о станции и о том, что скрывается в наш прекрасный век за словом «военный», я все же попытаюсь воспроизвести пояснения подполковника. Да поможет мне муза!

Р-51 – одна из множества станций, которые постоянно исследуют небесный свод. Они непрерывно изучают каждый кубометр атмосферы, стратосферы и ионосферы планеты. Существует целая сеть, каждое «звено» которой состоит из одной станции слежения и двух контрольных, запасных. Вместе со станцией Р-51 работают Ц-51 и С-51. Наблюдения, естественно, ведутся с помощью приборов, человеческий глаз для этого – инструмент слишком ненадежный. Каждый автомат в определенных отсеках подземных коридоров воспроизводит на небольших, величиной с телевизионный, экранах или на огромных плоскостях стен и потолков, покрытых специальным флуоресцирующим составом, с использованием эффекта циркорама, изображение изучаемого участка воздушного океана. Дилетанту наиболее грандиозным прибором может показаться именно эта циркорама с нанесенными на ней красными линиями си-

стемы координат. Но у специалиста она вызовет лишь улыбку. Ему гораздо интереснее небольшой телевизионный экран, на котором демонстрируются данные о состоянии небесной полусферы, полученные с датчиков, установленных на вершине горы.

Скажем, пронесется над нами в высоких слоях атмосферы самолет, птица или какое-нибудь небесное тело. На циркореаме можно проследить их точную траекторию. А на различных экранах по миллиметровой шкале размечаются подсчеты, ведущиеся всевозможными вспомогательными приборами: высота полета, скорость, траектория движения, предполагаемый момент падения... Нет смысла перечислять несколько десятков разнообразных сигнализаторов. Самый необычный из них – опять-таки для профана! – особый цветной телевизор с чрезвычайно большой разрешающей способностью и исключительной контрастностью, действующий с помощью камер, снабженных телеобъективами: он показывает тот или иной небольшой предмет в натуральную величину с расстояния в несколько миль. Но для специалистов это лишь вспомогательное средство безопасности. На дисплее центрального пульта в результате анализа информации всех датчиков уже автоматически возникло тридцатизначное число, которое тут же расшифровывается. Иными словами, в кабинете коменданта уже точно знают: в атмосфере метеорит таких-то размеров, такого-то веса движется с такой-то скоростью, в таком-то направлении; состоит из металлической руды. Или: на высоте девятисот ярдов над вершиной горы в форме буквы V из Заполярья летит стая белых аистов (*Anitra nitida Schlesinger*) в количестве семи особей. Разумеется, приборы обслуживаются специальным персоналом, но всевозможные замеры, ведение цели, анализ параметров, передача их в компьютеры, переработка и расшифровка данных происходят совершенно автоматически. Как не подивиться чудесам

кибернетики! Тут имеются три устройства, каждое величиной с пятиэтажный многоквартирный дом. У иного малосведущего человека рот откроется от удивления, но любезный комендант, напоминая своими повадками диковинную птицу, продолжает улыбаться. Он показывает выкрашенный в голубой цвет прибор размером с обычную стиральную машину. Обратите внимание: «Одна эта шутка будет поценнее, чем три огромных монстра. Если бы вы могли заглянуть внутрь, проследить за прохождением электрического тока в отдельных схемах прибора, увидеть его механизмы, созданные из редких металлов и микроскопически мелких деталей, вы бы поняли (я бы понял? скорее почувствовал), какое количество рабочей силы заменяет подобный аппарат, какие труднейшие задачи способен решать этот ничем не примечательный небольшой ящик».

Я мог бы еще упомянуть, что станции Р-51 ничего не стоит за неполных две секунды зарегистрировать, расшифровать, зафиксировать десять тысяч одновременных изменений обстановки. Десять тысяч изменений в наблюдаемом секторе – что намного больше, чем может возникнуть в результате ракетного или авиационного нападения. Летающие объекты, атакующие строем – будь их даже пять тысяч, – радары и компьютеры воспринимают как единое целое. Но если строй рассыплется, приборы станут следить за каждым летящим предметом в отдельности. К примеру, начнет вдруг падать одна из пяти тысяч машин, так приборы, продолжая вести остальные летающие объекты, будут не только регистрировать параметры падающего самолета, но и зафиксируют координаты его падения.

Поскольку речь идет о военной тайне, я не могу более подробно описать то, что видел на станции Р-51. Однако осмелюсь продемонстрировать уважаемому читателю несколько «изюминок». Разумеется, в секторе, за ко-

торым ведет наблюдение станция, каждый день совершают полеты гражданские самолеты, военные машины, стартуют спортивные аэропланы и т. п. Приборы своевременно оповещают службу наблюдения: пассажирский самолет, спортивный аэроплан поднялись в воздух, датчики непрерывно следят за движением объекта, направлением полета, поддерживают обычную радиосвязь с аэродромами взлета и пункта назначения. Словом, приборы, повторяю еще раз, приборы опознают «свой» военный самолет, его тип, сигналы. Но вздумай только чужая машина попасть в сектор, за которым ведется наблюдение! Или заблудись пассажирский самолет, о взлете, маршруте и пункте назначения которого не было сообщено предварительно, или отклонись какая-то машина от заранее утвержденного маршрута! Электронная система тотчас же включит сигнал тревоги. Тревога? Для кого? Для чего? Для персонала станции. Но главным образом для включения других блоков комплекса. Автоматическая система противовоздушной обороны пытается установить с объектом связь на различных диапазонах радиоволн и с помощью общепринятых международных сигналов, передает записанные на магнитофонную пленку призывы к экипажу самолета на семи языках. Если же установить контакт не удастся или пилот не отвечает соответствующим образом на запросы, не подчиняется приказу, автомат трижды выстреливает трассирующими ракетами в пространство перед машиной и позади нее. Затем по летящему объекту стреляют боевой ракетой, так чтобы она прошла в непосредственной близости от него. И наконец, по истечении десяти секунд, необходимых для оценки ситуации и принятия решения, после сопоставления с информацией, собранной о летящем объекте станциями Ц-51 и С-51, открывают огонь той или иной ракетой в зависимости от характера цели. Вы только вздумайтесь! Электроника сама определяет, какая ракета необходима для

поражения цели, исходя из размеров, высоты полета и материала объекта, и вот уже из подземного склада, с глубины в двадцать этажей на стартовую площадку на скоростном лифте поднимается нужная ракета, устанавливается наизготовку, наводится на цель. А дальше дело только за автоматической командой «пуск». И тут уж промаха быть не может!

Об этом можно было написать книгу, которая воспринималась бы как фантастический роман. Но, вероятно, хватит об автоматике.

Ведь даже здесь человек интереснее любых машин! И не только потому, что машины изобрели и изготовили люди. Очевидно, у вас, дорогой читатель, возникнет тот же вопрос, что и у меня: какое же поле деятельности остается здесь для человека, создавшего столь совершенные механизмы и приборы? Мне довелось побеседовать с командиром расчета. Назвать его фамилию я также не имею права. Это человек пожилой, широкоплечий, но чуть сутуловатый, мускулистый, с неуклюже качающейся головой. Толстая шея делает его похожим на борца. Голова у него, как у медведя, нос широкий, приплюснутый, губы пухлые, в небольших глазах светятся ум, большой жизненный опыт и отеческая любовь. Нам не следует опасаться господства машин, говорит он. Автомат всегда останется слугой человека; любой прибор без человека – все равно, что тело без души: труп, обреченный на разложение. Солдаты, несущие службу на станции (число назвать не могу, но их не так уж мало), являют собой «душу» того или иного блока, комплекса, включающего иногда тысячи и тысячи приборов. «Душа», которая меняется трижды в день: работа здесь идет в три смены. Вот бы человеческой душе обновляться с таким постоянством! (Солдаты эти никогда не сталкиваются с противником непосредственно. Правда, у солдата не стало прямого контакта с противником с тех пор, как он обзавелся оружием, хотя бы

той же палицей.)

На станции солдаты наблюдают за приборами, контролируют их работу – это и есть для них боевое задание. Обойдя несколько помещений, где осуществляется дежурство, я понял, чем тут занимается «душа». Например, изготовленные из нержавеющей стали детали некоторых автоматов с течением времени намагничиваются. Это ставит под угрозу безошибочность работы машины. Загорается специальная лампочка – значит, деталь надо заменить. У любого прибора, пусть даже его срок действия рассчитан на пятьдесят лет, есть множество блоков, которые подвержены быстрому износу. Каждая машина нуждается в профилактическом обслуживании. Думаю, излишне упоминать: любой из проходящих здесь службу, даже только что остриженный наголо новобранец, должен иметь диплом инженера или по крайней мере получить среднее техническое образование. В нашей армии нет другого рода войск, где был бы так высок образовательный ценз, культурный уровень. Да простят меня летчики, военные моряки, артиллеристы, саперы, храбрые и закаленные в боях пехотинцы, но я повторяю, с точки зрения общеобразовательного и культурного уровня в нашей армии нет подобной части. Такие подразделения обслуживают лишь станции типа Р-51. Невольно задумываешься: как же проводят свой досуг молодые люди в возрасте двадцати трех–двадцати четырех лет, инженеры по профессии, у которых достаточно высокие культурные запросы? Какие возможности для развлечения существуют здесь, в этом глухом захолустье, по соседству с серым, необразованным местным людом, погрязшим в вековой отсталости? Что ж, я могу успокоить читателя. На станции имеется библиотека в двадцать тысяч томов, причем каждые полгода книжный фонд обновляется. Есть и кинозал. Раз в неделю на вертолете привозят два художественных фильма и четыре короткометраж-

ки. Музыкальные салоны с коллекциями пластинок способны удовлетворить любой вкус: классика, джаз, оперетта, новейшая современная музыка. Телевидение предлагает двенадцать различных программ, а телевизорами оборудованы холлы, телевизионные комнаты и даже казарменные помещения.

Я распрощался со своим любезным проводником, обладателем мощной шеи и медвежьей головы, и остался в обществе солдат. На четырнадцатом ярусе под землей находится прекрасно оборудованная клубная комната: искусственный солнечный свет (благодаря скрытым в потолке небольшим кварцевым лампам), кондиционированный воздух заданной температуры и с определенным содержанием водяного пара. Стены украшены репродукциями с картин великих мастеров, на стендах – только что полученные литературные журналы, среди которых, как на показ, множество специальных научных изданий. Играет музыка, молодые люди разговаривают, громко смеются. Из невидимых глаз динамиков льется увертюра Бетховена «Леонора», парни хохочут, стоя вокруг стола в центре зала: идет игра в «мясо».

В клубе я познакомился со здешним психологом, симпатичным врачом в звании майора. Он с интересом следил за игрой, иной раз даже сам принимал в ней участие. (Правда, с одной стороны, он старался не уронить своего достоинства – все-таки майор, – но, с другой стороны, ему хотелось показать сослуживцам, что он для них свой парень.) Блестящий молодой ученый растолковал мне, какую важную роль играют в жизни солдат подобные непритязательные мужские игры. Не знаю, все ли мои читатели знакомы с правилами игры в «мясо». Один из солдат – судья – садится на стол, его задача – следить за тем, чтобы водящий не подглядывал. А водящий утыкается головой в колени судьи, согнувшись так, чтобы брюки на задней части тела натянулись.

Остальные игроки выстраиваются полукругом, и по сигналу судьи кто-то из них шлепает водящего, а тот по силе и направлению удара должен определить, кто его нанес. Если ему не удалось угадать, судья подает знак, и другой игрок хлопает водящего. Если же водящий определил, кто нанес удар, тогда по очереди щиплют «провинившегося» за ухо, и на этот раз водить приходится уже ему самому. Игра требует ловкости: наносящий удар не имеет права сходить с места, зато бить может снизу вверх и сверху вниз, как правой рукой, так и левой, ладонью и тыльной частью руки, может изогнуться таким образом, чтобы создать впечатление, будто удар нанесен совсем с другой стороны. От водящего требуется обостренное внимание. Ведь в такой игре может принимать участие человек двадцать пять–тридцать, а водящий должен цепко держать в уме «расстановку сил», то есть помнить, кто из участников где стоит. Ну и конечно, каждый игрок обязан великолепно знать силы, возможности и «почерк» другого. А в подобном подразделении очень важно, чтобы между солдатами существовали крепкие узы товарищества и дружбы. Психолог поведал мне, что замкнутость, проявление антипатии, если их не контролировать с помощью специалистов, могут привести к интригам, конфликтам, раздраженности, беспричинным взаимным нападкам. Игра в «мясо» позволяет легко освободиться от подобных настроений, которые неизбежно вызываются клаустрофобией. Кроме того, подобная забава позволяет молодым ребятам до конца понять и узнать друг друга, сближает их. В таком спаянном коллективе опытный игрок благодаря секундному прикосновению ладонью, способен узнать своего товарища из двадцати пяти–тридцати человек. Да что там, он отличил бы его из доброй сотни людей. А между тем удар приходится по той части тела, где нервных окончаний немного.

Признаться, меня несколько удивил обычай щипать

проигравшего за ухо. И лишь тогда я обратил внимание, что почти все находящиеся в комнате солдаты, сержанты и офицеры – вислоухие. «Щипки за уши, – подумалось мне, – отнюдь не способствовали формированию у личного состава ушных раковин изящных очертаний, скорее наоборот».

– Мы специально стремимся к тому, – продолжал пояснения психолог, – чтобы в таких экстраординарных и призванных выполнять сложнейшие задания частях весь личный состав без исключения был вислоухим. Офицеры наши тоже приметны: одни отличаются небольшими «птичьими» головами, другие могут похвастать массивной, мощной «бычьей» шеей. И на это тоже есть причины психологического характера. Вислоухость свидетельствует об исполнительности, о готовности к беспрекословному послушанию и безоговорочному подчинению приказам. Она украшает солдата. (Бывали и такие случаи, когда, скажем, природа не наделила солдата подобным украшением, но он обладает всеми соответствующими душевными качествами, и тогда высшее командование производило его в ранг «почетного вислоушки».) Птичья голова указывает на тонкий склад души, на аристократическую психику. Человек с птичьей головой заботливо, тщательно следит за своей внешностью, он способен в любом обществе достойно носить армейский мундир. Человек с птичьей головой не боится крови, смерти, страданий. Не моргнув глазом, он может заживо содрать кожу с захваченного в плен вражеского пилота, если из того надо выколотить показания. Тут для него не существует невозможного. Он пойдет на что угодно, на любые крайние меры, не моргнув глазом, разве что его бескровные губы и бледные щеки чуть порозовеют да слегка заблестят глаза. Обладателю бычьей шеи свойствен другой психологический стереотип: его характеризуют точность, дисциплинированность и полное равнодушие к сути вещей; он не ста-

нет утруждать себя излишним анализом. (Не случайно XIII Конгресс психологов страны рекомендовал центральному аппарату, министерствам и местным органам управления непременно привлекать к работе людей с таким отличительным признаком – то есть бычьей шеей.)

Мне трудно без волнения вспоминать все увиденное на станции Р-51: необыкновенные чудеса современной науки, техники, психологии. По дороге на станцию я думал, что ознакомлюсь всего лишь с базой противоракетной обороны. Но теперь смело могу утверждать: мне посчастливилось лицезреть цитадель подлинной человечности, современного, отвечающего нашей замечательной эпохе гуманизма. Я горд, что могу считать себя сыном нашего времени, своей родины.

Дорога крутыми витками уводила вниз, и я попутно присматривался к долине. Разглядывал быстро приближающиеся домишки, весьма примитивно крытые толем (толь удерживался камнями, попросту наваленными сверху), небольшую церковку над устьем долины, ветхое школьное строение, похожее скорее на овчий загон. Тут мне вспомнился местный учитель. Что он может понять в нашем столетии? В состоянии ли он оценить поразительные достижения, созданные сыновьями нашего века? Он разбирается во всем этом еще меньше, чем серые и убогие обитатели долины. Уж они-то рады появлению Крепости и гордятся ею. А у желтокожих женщин с испорченными зубами глаза загораются, когда речь заходит о солдатах. (Те время от времени навешиваются в деревню, получив увольнительную. У солдат всегда бывает при себе настоящий шоколад и хорошее спиртное в бутылках.) Разве разобраться учителю в нашей жизни, в достижениях небольшой планеты, где еще наши деды и прадеды смотрели на звезды, воображая, что сам господь бог взирает оттуда сверкающими очами на грешную землю. В те времена дымом и сиг-

нальными кострами сообщали о приближении неприятеля. Потом появились семафоры. Затем линии телеграфной связи. Но каким примитивным выглядит в наши дни аппарат искрового телеграфа!

Сейчас каждый кубический метр воздушного пространства, более того, каждый кубический метр стратосферы и ионосферы находится под постоянным и неуспным контролем со стороны человека и сотворенных его руками приборов, которые способны выполнять свою работу точнее и быстрее, чем их творец и создатель. На небе нет больше тайн и опасности. Братья мои и соотечественники, спите спокойно.

2

То, о чем я расскажу ниже, изложено довольно сумбурно, но все же точно, поскольку суть дела схвачена верно. Правда, мысли свои я формулирую беспорядочно, но попробуй-ка придать форму рассеивающемуся облаку или удержать в памяти остатки только что увиденного сна. Речь пойдет о вещах, о которых мы ничего не знаем, да и не можем знать, о чем не имеем ни малейшего понятия, именно так: для их определения у нас вообще не существует никакого понятия, потому что происходят они из «мира, освобожденного от понятий». Мне придется переводить с «языка» мира, где процесс мышления обходится без привычных нам понятий. А это потруднее, чем переводить народные песни с бретонского на суахили. Поэтому я вынужден изобрести целую систему аналогий, и все равно мое описание носит символический характер, это всего лишь сказочное упрощение действительности. Его можно сравнить с попыткой объяснить ребятишкам в детском саду интегральное исчисление. «Жила-была бесконечно большая, бесконечно малая разность. И у этой бесконечно большой, бесконечно малой разности было множество частных. И вот однажды эти частные...» (При этом надо

помнить, что аналогии всегда «хромают».) А теперь давайте поглядим, что у меня получится.

Жители Венеры обитают на своей планете двести миллионов лет – двести миллионов земных лет; это приблизительно равняется восьмистам миллионам венерианских, что составляет возраст их рода. Они старше человечества в двести раз. По всем законам развития материи, а они по сути своей действительно повсюду, даже претерпев многочисленные мутации, жители Венеры сильно опередили нас в своем развитии.

Несколько миллионов лет назад венериане подсчитали, что – тут мы опять переходим на земное летосчисление – в середине XXI века наше светило в результате определенных (вероятно, термоядерных, но, может, совершенно необъяснимых для нас) реакций окажется в таком критическом положении, что на планетах Солнечной системы на некоторое время должна полностью исчезнуть органическая жизнь. И тогда они позаботились о размещении 70-миллиардного населения. Поначалу они вырыли гигантскую пещеру на Юпитере, где были созданы соответствующие гравитационные условия, атмосфера, искусственное освещение. Потом им повезло: на трех планетах созвездия Альфа Центавра были обнаружены условия, сходные с теми, которые требовались. На двух планетах существовала замечательная растительность, а на третьей их встретили разумные существа, достаточно далеко продвинувшиеся по пути прогресса.

Приблизительно в то время, когда первобытный человек спустился с дерева на землю, жители Венеры приступили к созданию экспериментальных поселений, а во времена *homo pekingiensis*, то есть пятьсот тысяч земных лет назад, они в основном осуществили колонизацию на новом месте. (Сказав, что они путешествовали с помощью фотонных ракет, я сделаю лишь примитивную попытку сравнения. Обитатели Венеры давным-давно

научились передвигаться в пространстве со скоростью света. Не только ученые и изобретатели, но даже самые рядовые обыватели там знакомы с понятием антивремени.) Тут я мог бы углубиться в такие детали, которые придали бы моему скромному отчету характер фантастического романа, однако это было бы не только излишне, но и в корне ошибочно. Так что пусть уж мое повествование останется сказкой!

И вот теперь перед Межпланетным Советом (я опять применяю упрощенное земное понятие) встал вопрос о том, что надлежит предпринять (и стоит ли вообще это делать) с населением Земли в оставшееся до катастрофы время. Разгорелся спор. Если бы подобная дискуссия проходила у нас, ее материалы заняли бы добрую тысячу томов, у них же, в мире антипонятий, она прошла за несколько часов. Суть дискуссии заключалась в следующем: считать ли человека высшим существом, разумным животным (для упрощения в дальнейшем мы будем употреблять понятие *homo*)? Речь шла не о таких простых вещах, как наличие развитой центральной нервной системы или строение тела; с этой точки зрения на Венере мартышка куда более «человекообразна», чем землянин. (Поскольку я ознакомился с некоторыми материалами полемики, то не без горечи должен признать: на Венере дельфины создали музыку и поэзию гораздо интереснее нашей, а познания высших приматов в области строительства, техники, математики, физики, химии, астрономии, их специальная литература намного превосходят наши – и по объему и по качеству. Например, в Академии наук павианов были созданы книги по теории чисел, достойные украсить курс обучения математики в Оксфордском университете. Всеобщее изумление вызвало то обстоятельство, что человек – существо, родственное обезьянам, – настолько слабо разбирается в числах.) Все это не так важно, венериане не стали бы переселять дельфинов и обезьян, если бы учитывали

только наличие у них знаний. Хотя при этом они используют обезьян на производстве и в научных исследованиях, а дельфинов – для развлечений, ухода за подрастающим поколением и эстетического воспитания. Можно сказать, что дельфины и обезьяны считаются не просто домашними животными, а скорее достойными «партнерами» по симбиозу.

Обитатели Венеры (точнее, жители Юпитера и трех планет в звездной системе Альфа Центавра) имеют невероятно развитую центральную нервную систему и специфически модифицированные органы чувств; зато туловище и конечности их чрезвычайно просты: я мог бы сравнить их с земными полипами, хотя это сравнение тоже очень условно. Во всяком случае, нам бы они показались безобразными, так же, как, впрочем, и мы им. Но как бы ни выглядели внешне хозяева Земли, они все же претендуют на то, чтобы считаться существами разумными. Вдруг да удастся использовать их для симбиоза с другими разумными существами или же под благотворным внешним влиянием они окажутся способными к быстрому прогрессу и не нарушат сложившейся биопсихосоциологической гармонии? Вот ведь как стоит вопрос!* Существует точка зрения, что всех гуманоидов необходимо спасать, если им угрожает всеобщая катастрофа. Ведь невероятное разнообразие низших животных, микроорганизмов и растений так или иначе идет к вымиранию. (Хотя правильнее сказать, не к полному вымиранию. Через каких-нибудь несколько миллионов лет они вернутся к жизни в форме угля, нефти и других полезных ископаемых – так доисторический живой мир отлично служит будущему.) Но вот стоит ли, не слишком ли рискованно спасать существа,

* Иными словами, «вписывается» ли человек в общую систему природы, способен ли он на симбиоз с другими существами или нет.

степень развития разума которых отнюдь не безоговорочно позволяет причислить их к настоящим гуманоидам?!

Неприятно вспоминать, но факт остается фактом: несколько десятков тысячелетий назад, когда обитатели Венеры посетили эту планету, двоих из них земляне насмерть забили дубинками. Без всякого на то основания. Во время недавней экспедиции, которая состоялась лет пятьсот назад, люди поначалу намеревались вновь напасть на них, но затем учинили невообразимый переполох, пали ниц на землю, устроили какие-то странные танцы, нацепив на себя диковинное тряпье, и вся эта фантазмагория сопровождалась отвратительными звуками медных колоколов (должно быть, реконструированных в результате археологических раскопок). Земляне приветствовали пришельцев, без конца твердя: «чудо» или «бог всемогущий». (А «чудо» заключалось всего лишь в том, что нескольких агрессивно настроенных землян жители Венеры с помощью легкого оружия подвергли гибернации.) И на сей раз, дабы избежать возможных осложнений, венериане решили не садиться на Землю, а провести наблюдения из стратосферы. При этом были подмечены очень странные явления. Земляне с помощью различных металлических громоздких машин, примитивных летательных аппаратов, применяя различные химические реакции, соединения водорода и селитры, производили страшные опустошения на своей планете. Они не останавливались даже перед убийством друг друга! Более того – как ни звучит это парадоксально, – они, видимо, ставили перед собой именно такую цель! Возможно, они не способны создать единое общество, но это вполне поправимо, если держать их в узде! Венериане провели несколько экспериментов с переселением. Результаты опытов показали, что человек относится не столько к социабельному типу существ (способному жить в сообществе), сколько

к домптабильному (иными словами, его нужно приучать к дисциплине с помощью силы). В таких условиях сказывается трусливость натуры, люди становятся отвратительно угодливыми, но не вредоносными, как, к примеру, хищники, которые ради сохранения жизни наносят ущерб окружающему миру. Правда, по своему физическому складу человек слаб и нервная система у него никудышняя, поэтому он акклиматизируется на новом месте с большим трудом. Среди подопытных экземпляров попался человек, который отказывался принимать пищу, впал в смертельную тоску. Выяснилось, что ему не хватает женщины. Но ведь об этом позаботились: было доставлено необходимое количество самок. Наконец, загадку удалось разрешить: данная мужская особь жаждала не просто самки, а конкретной особи. Подобные психические особенности были замечены у всех подопытных землян. Они с трудом уживались друг с другом даже из-под палки!

Главный аргумент тех, кто не склонен был относить землян к гуманоидам и не считал их способными к симбиозу с высшими разумными существами, звучал следующим образом. Земляне общаются друг с другом с помощью звуков. Бесконечное множество явлений бытия, в том числе и процесс мышления, люди ограничивают введением нескольких сотен тысяч понятий. Этим понятиям соответствуют несколько сотен тысяч акустических образований. Когда люди хотят обменяться мыслями, они вступают в разговор друг с другом. Выходит, люди – в отличие от большинства животных – не достигли уровня передачи душевного состояния, то есть мыслей и чувств, без помощи звуков. Что же тогда говорить о френоскопе (так называю я искусственный орган чувств, посредством которого жители Венеры проникают не только в мысли, чувства, сознание друг друга, но и в глубины подсознания)? Или о френографе – органе, способном на длительное время фиксировать свои

собственные (или чужие) мысли, чувства, знания, процессы подсознания, проще говоря, душевный склад человека. (Естественно, что дискуссия, о которой мы упомянули, велась тоже с применением френоскопов, потому-то и длилась она всего несколько часов, а для ссылок и мотивировок применялись старые френограммы.)

Сторонники сохранения рода землян аргументировали свою позицию так. Хотя люди ограничили возможности познания и передачи информации введением определенных понятий, все же они в развитии интеллекта дошли до стадии систематизации и индентификации, то есть поднялись на первую ступень разумного мышления. И хотя земляне в развитии сознания уступают некоторым животным, все-таки с точки зрения диалектики антитетично они стоят ступенькой выше, следовательно, человек – гуманоид, а не примитивное существо. Когда-то, в доисторические времена, обитатели Венеры тоже мыслили понятиями. (Правда, понятий у них было в сотни тысяч раз больше, чем у землян; постепенно они приблизились к той критической границе, когда система понятий начинает сдерживать процесс мышления и передачи информации; вот тут-то неизбежно и происходит «взрыв», демеханизация процесса мышления. К сожалению, подробнее я объяснить не могу, потому что это для нас непостижимо.)

Контрдоводы их противников: человек мыслит понятиями, следовательно, упрощает окружающую действительность; он выносит суждения, руководствуясь понятиями, что приводит к предубеждениям – мешает установлению истины; он передает информацию с помощью понятий, а это значит: его изъявления чувств – скажем, когда он желает открыть душу перед другим человеком, – на самом деле означают попытку скрыть в своей душе многое и многое. Когда мужчина, обращаясь к женской особи говорит: «Я люблю тебя, моя

единственная!» (данные взяты у подопытных с помощью френографа), он действительно передает этими словами определенную информацию, но ничего не говорит о своей конечной цели, прямо и откровенно не сообщает, чего он добивается, а, напротив, всячески пытается закамуфлировать свои намерения, чего, скажем, не станут делать даже собаки! Он не говорит ничего о перспективе, о более отдаленных целях, которые в зародыше уже существуют в его мозгу. Расскажи мужчина о них женщине, это могло бы, естественно, оттолкнуть ее от него. Ничего не говорится и о многих других важных вопросах, в частности, о способности осуществить намеченное, не упоминая уже о процессах подсознания – тут человек сам толком не может разобраться в себе! Выходит, землянин, сообщая вам нечто, при этом скрывает тысячи проблем. Зачастую и говорит-то он затем, чтобы умолчать о множестве важных вещей. Это один из аргументов против землян. Гораздо более веский довод дали результаты наблюдений над землянами, когда удалось установить: люди очень часто говорят не о том, что у них на уме, а о том, чего нет. Без френоскопа совершенно невозможно разобраться, где правда, а где ложь. У людей на этот счет установилось согласие: догадываясь о намерениях друг друга, они прощают партнерам «фальшивую» информацию. Бывает так, что мужская особь, обращаясь к женской, произносит фразу: «Я тебя люблю, моя единственная!» (должно быть, это у людей некая условная формула), хотя на самом деле, как подтверждают наблюдения, добивается вовсе не ее любви, а попросту желает переложить на нее часть своей работы. Понятие «единственная» тоже употребляется неверно. Очевидно, понятийное мышление и общение с помощью акустических символов и не позволяют землянам создать настоящее общество. Без френоскопа и френографа – как ни абсурдно это звучит – может случиться так, что, к приме-

ру, министром связи станет не человек, который пригоден для этого, а тот, кто с помощью акустических эффектов умеет лучше других рассуждать о проблемах связи. Допустим и такой вариант: членом парламента станет не подлинный депутат народа, а человек, который с помощью акустики создаст у избирателей впечатление, будто он лучше других разбирается в вопросах законодательства и управления государством. Проще говоря: мяч у того, кто о нем складнее говорит, а не у того, кто лучше умеет по нему бить. На Венере истинная природа явлений не подлежит сомнению; стоит только венерианам бросить взгляд друг на друга, и они со всей очевидностью знают: этот – трубочист, тот – экономист, а этот – менеджер. Казалось бы, невероятно, но доказано: во время упомянутой отвратительной человеческой бойни среди полководцев землян не оказалось почти ни одного, способного возглавить массы на борьбу. Среди них были прекрасный игрок в рулетку, замечательный орнитолог, отменный бильярдист, прирожденный мясник, недурной математик и т. п. И каждый не на своем месте. Выяснилось, что глава одного земного государства с шестидесятимиллионным населением и территорией в несколько сотен тысяч квадратных миль, престарелый господин с бакенбардами (по своим природным данным – подручный живодера) стал правителем лишь потому, что доводился племянником предыдущему правителю, также совершенно непригодному для этой роли. Нелепость настолько фантастическая, что кажется возможной лишь в обществе самых примитивных одноклеточных существ. Жителям Венеры остается предполагать, что здесь допущена какая-то ошибка, скажем, испортился телефренограф. С другой стороны, тщательные исследования показали: люди, вполне пригодные для руководящей роли (разумеется, в меру способностей примитивного существа), почему-то жгут уголь в котельных или с по-

мощью смехотворных ручных инструментов копаются в земле. Исходя из всего этого, партия антиземлян пришла к выводу: человек, главным образом в силу понятийного мышления, существо ограниченное, способное к коллективной жизни, но бесполезное по сравнению со многими животными, к тому же угрожающее разрушить гармонию высших разумных существ. Правда, земляне ссылаются на науку, искусство, но очень может быть, что все их ученые и мастера искусств в момент возвращения к жизни в виде нефти дадут гораздо больше энергии, чем во время своей так называемой духовной деятельности.

Однако сторонники спасения землян упорно отстаивали свои взгляды, хотя и были в меньшинстве. Но жители Вены не знают демократии, а следовательно, большинство здесь не навязывает меньшинству своей воли. Вообще понятия принуждения у венериан не существует, исключение составляет лишь сфера науки. Поэтому со стороны Межпланетного Совета вполне естественным было предоставление меньшинству фотонных ракет старого образца. Их с лихвой хватило бы для переселения немногочисленных землян – каких-то четырех миллиардов человек – за оставшиеся до катастрофы несколько десятилетий. Было предварительно оговорено: землян поселят в созвездии Альфа Центавра на необитаемой планете с богатой растительностью, точнее, на самом большом по площади континенте этой планеты, где для жизни потребуется минимальная способность адаптации и самые незначительные духовные усилия.

Для подготовки операции Межпланетный Совет направил на Землю группу сторонников сохранения человечества в составе тридцати одного гуманоида. Их корабль вошел в иносферу над океаном, а в стратосферу – в зените над Высокой Сьеррой.

Все, о чем я сообщил выше, предназначается для вну-

тренного пользования. Публиковать этот материал не советую!

Я принял участие в реконструкции френографа и прослушивании его «записей», которые были найдены среди обломков сбитого чужого межзвездного корабля. Должен признаться: понятия «записи» и «прослушивание» весьма приблизительны. Рядом с френографом обнаружены весьма подробные схемы, поэтому восстановление прибора не составило особых трудностей. Вероятно, цель создателей состояла как раз в том, чтобы «записи» легко можно было бы «прослушать», к кому бы они ни попали. Изучение прибора и «записей» все еще продолжается. Наши ученые столкнулись с целым рядом проблем, они – я сам в этом убедился – работают по наитию. Например, они и понятия не имеют о материале, из которого изготовлены детали френографа, о принципе его работы. Провода в приборе неподвижны, «записи» не наносятся механически, не фиксируются электромагнитным путем. А поэтому слово «прослушивание» неточно: когда в соответствии с приложенным рисунком мне на голову надели большой шлем, я впал в гипнотическое состояние. И телепатическим путем в течение секунд познакомился с содержанием «записи». И все-таки это был не гипноз, не фантазии, рожденные моим воображением, все участники эксперимента чувствовали то же самое. Разве что рассказывали о своих впечатлениях другими словами! В отношении слов все были в замешательстве. Как ни странно, но пока шлем был у нас на голове, мы отчетливо воспринимали множество вещей, о которых после сеанса не могли рассказать вразумительно. Некоторые оставляли свободные места в отчетах, другие писали: «У нас нет подходящих слов для этих явлений». Иные, вроде меня, пытались подыскать для передачи привычные земные аналогии. «Земные аналогии» я беру в кавычки.

Во всяком случае, я разделяю точку зрения сотрудни-

ка министерства информации, специально направленного на место происшествия: «И речи быть не может о ракете, залетевшей к нам с другой планеты. Это хитрый ход нашего противника, и ничего более. Психическая атака. Нам следует учесть, что враг, судя по всему, в некоторых отношениях вновь опередил нас».

Как истинный патриот, целиком и полностью согласен с запретом на публикацию материалов об этом инциденте и срочным увеличением наших расходов на оборону. Пусть враг видит: таким путем ему ничего не добиться!

А этот очерк, по-моему, мог бы быть напечатан в воскресном номере.

3

Простой, смиренный, убогий люд, населяющий долины Высокой Сьерры, привык к непритязательной пище. Здесь в год на душу населения приходится по полтора килограмма мяса. Легко догадаться: мясное блюдо там – настоящий праздник, а поскольку такие пиршества случаются крайне редко, о них вспоминают на протяжении многих лет.

Запомнилось, к примеру, и то пасхальное воскресенье, когда мне случилось побывать у них в гостях. Повсюду меня встречали с оптимистическим заявлением: «Мы люди бедные, но живем хорошо!» И везде усердно угощали.

Праздник – дело святое. Но в этих скудных домишках мясо тоже святое дело. И приготовить его надо не абы как. И тут уж всяк изощряется в меру своего умения.

Готов поделиться с вами кое-какими «рецептами», поскольку я был свидетелем кулинарных изысканий гостеприимных хозяев. Думаю, они интересны и с точки зрения социологии, и с точки зрения этнографии.

Мюллеры разговлялись потрохами и супом с фрикадельками из мозга, что было очень вкусно и питательно.

Кости и бо́льшая часть мяса пошли на холодец. Хозяйка дома прихварывает, и при семи детишках где уж тут выкроить время на стряпню. Да и выдумки у нее, сказать по совести, не хватает. И без того с фрикадельками этими наканителлась, сказала она, хорошо, что все миски, тазы да кастрюли в доме до краев заполнены холодцом. «Наконец-то, нажретесь доотвала, утробушки вы мои ненасытные!» – такими любезными словами пожелала она приятного аппетита усевшимся за праздничный стол домочадцам.

Зато уж Дюраны, те отличились! Да оно и не удивительно. Ведь Жаклин – хозяйка дома – не только самая привлекательная из всех весьма невзрачных своих соперниц, к тому же она – настоящая волшебница. Из ничего умеет приготовить вкусное блюдо. Она сделала мясо с острой овощной приправой. И тут уж в ход пошли всяческие травы и корни, что произрастают в огороде, в полях и на лугах. Она парила мясо долго, чтобы оно пропиталось соком овощей и зелени, как и положено по всем правилам. Когда с этим было покончено, Жаклин взбила желтки двух яиц, майонез Жаклин всегда удаётся, она не жалеет горчицы и перца. Правда, для этого потребовалось еще пол-литра растительного масла, зато праздник должен быть праздником!

Хозяйка Сач настряпала на несколько дней. Мясо подавала то с овощным гарниром, то с лапшой. «Нельзя есть слишком много мяса, это вредно». За столом она только за тем и следила, чтобы все ели не одно мясо, но и гарнир. Кстати сказать, мясо она основательно нашинговала чесноком, а затем поджарила на свином жире, так что ему теперь долго не испортиться даже при теплой весенней погоде. Они питались мясом всю пасхальную неделю и никто не жаловался.

Семейству Бентли особенно удались мозги. Их обжарили в сухарях, сделав большие, размером с ладонь, хрустящие коржи. Ели их с салатом из полыни и кресса.

Шлезы по возможности всегда употребляли в пищу множество специй. Вот и сейчас хозяйка первым делом поджарила лук в большом количестве жира; когда он доспел, положила туда мелко нарезанное и скворчащее на сковородке мясо. Помешивая, она томила мясо, добавив туда острого перца, и даже в подливку бросила несколько зернышек острого красного перца, чтобы позабористей получилось, застольники так весь обед и проплакали. Зато мясо всем пришлось по вкусу.

О'Конноры запекли мясо куском, предварительно нашпиговав его дольками чеснока. Для особого вкуса хозяйка здесь поливала мясо бараньим жиром, следя, чтобы оно не особенно пропеклось. Тут предпочитают мясо с кровью, поскольку в нем лучше сохраняются витамины.

У господина учителя слабый желудок. Его жена выменяла у соседей мозги и потроха на вырезку. Часть мяса она использовала для супа – рагу с морковкой и репой, другую сварила в соленой воде, приготовила к мясу соус бешамель и картофельное пюре.

Очень вкусная еда получилась у Беднарцев. Хозяйка дома нарезала мясо тонкими ломтиками. Мясо было свежее, с большим количеством коллоидов, резать его было легко, оставалось только следить, чтобы ломтики получались не слишком тонкими, но и не слишком толстыми. Они должны быть толщиной в женскую ладонь, и когда ужарятся, то будут в самый раз. Затем она просолила кусочки мяса, обваляла их в муке и поджарила на растительном масле. (Масло должно быть кипящим, тогда у мяса образуется особая красноватая корочка, и оно не слишком пропитывается маслом.) Перед едой хозяйка выжала на него сок лимона и подала компот. По свидетельству очевидцев, блюдо было прямо объеденье.

В доме Видаля приготовили мясо так, как у них на родине готовят полипов. Сварили в соусе из уксуса, лука и

масла и ели с салатом. Бог его знает – на вкус и цвет товарищей нет.

Говарды приготовили мясо под маринадом. Но, честно говоря, что это за мясо под маринадом, если к нему нет даже красного вина, а вместо мадеры подают нечто вроде винного уксуса? Мясо здесь ели с повидлом из шиповника.

Я описал лишь основные рецепты, а ведь в каждом доме готовили по-своему. Мяса досталось вволю для поселка, в котором жило от силы двести человек. Его обнаружили на скалах, в кустарнике, на лужайках, полях вокруг деревни; было собрано мясо тридцати неизвестных зверей, рыбин или бог знает каких тварей. И все здоровые отличные экземпляры. Хотя из-за прочной кожи извлекать мякоть было очень и очень нелегко, овчинка стоила выделки. Мясо свежее, костей в нем мало, они хрупкие, ткани рыхлые, а самая большая радость: в огромном черепе прекрасный, дрожащий как желе мозг, много мозга! Добыча напоминала какое-то морское чудовище, скорее всего полипа. Но как мог очутиться в Сьерре морской полип? Некоторые высказывали такое предположение: случилось и раньше, что продовольствие для Крепости сбрасывали с вертолетов да, верно, какой-нибудь мешок не туда скинули, и он разбился. Радуйтесь и держите язык за зубами! Другие говорили: воровать негоже, главное – соблюдать честность; но мясо предназначено вовсе не Крепости, а деревне. Свершилось божественное чудо. Да, чудо, ведь нашли этот замечательный дар небес утром в великую субботу, как будто господь специально к празднику еще послал им эту благодать. Из-за прошлогоднего неурожая большинство семей в деревне не могли этот самый святой праздник встретить за подобающим торжественному случаю столом. Ниспославший дар знал об их заботах из молитв. Свершилось чудо: и тот факт, что им досталось мясо никому не известного зверя, даже господин

учитель о таких не слыхивал, еще раз доказывает божественное происхождение подарка.

Мясо разделили по справедливости, большим семьям досталось по целой туше, маленьким – по половине.

Об этом чуде они еще будут рассказывать своим внукам. И о чудесном пиршестве тоже. Люди в Высокой Сьерре привыкли к непритязательной пище. Здесь на человека в год приходится всего полтора килограмма мяса. Понятно, что люди даже во время праздников обращаются с ним весьма экономно. А по обычным воскресеньям тамошний смиренный, убогий люд довольствуется телом господним в виде кусочка пресного хлеба.

Итак, продукт ядерного мышления налипо: люди в прямом смысле слова съедают на обед спасение своих потомков и будущее планеты.

Чудовищный гротеск, но и объект гротеска не менее жуток. При тяжких недугах требуются сильнодействующие средства, и в свое время, когда еще не было бомб и ракет, Свифт показал образец мудрой и оправданной шокотерапии, опубликовав знаменитое «Скромное предложение, имеющее целью не допустить, чтобы дети бедняков в Ирландии были в тягость своим родителям или своей родине, и, напротив, сделать их полезными для общества» – употребив в пищу.

Земля, какой она предстает мальчику Марвину из новеллы А. Кларка, пожалуй, не приснилась бы Свифту и в самом страшном сне: его век знал свои кошмары. Двадцатое столетие страдает от своих и борется с ними по мере сил и возможностей. Марвин не мог постигнуть природу тех сил, которые уничтожили его родовое наследие. Но писатели постигают, что именно может сделать фантастику явью.

Анатомию уничтожения Земли вскрыл в киноповести «Стыд и позор» и снятом по ней фильме «Стыд» (1968) Ингмар Бергман, режиссер шведского театра и кино, киносценарист, один из крупнейших художников и мыслителей XX века, чье мировоззрение и творчество – средоточие противоречий, характерных для буржуазного гуманизма современной эпохи.

Противоречий много, некоторые из них отчетливо проступают в этой киноповести. Важнейшие в их ряду: между настойчивым анализом всевозможных форм «отчуждения», одиночества, поругания и растления человека в буржуазном мире – и идеалом «совместности», близости, контакта и понимания среди людей; между жестокостью и ненавистью – и нежностью и любовью; между ощущением трагического бессилия от созерцания того, как хитро и умело зло извращает на потребу себе естественную натуру человека, – и верой в неистребимые положительные начала бытия, в возможность спасения.

Авторские творения Бергмана – литературные сценарии (он называет их киноповестями) и фильмы – тяготеют к притче. Притчи, как правило, возникают на стыке реальности и фантазии, поскольку, рациональные в критике первооснов буржуазности – буржуазной жизненной практики, буржуазной морали и буржуазного мировосприятия, они несут в своих структурах важные элементы, не поддающиеся рациональному объяснению, а то и откровенно сказочные.

К такому типу бергмановской притчи относится «Стыд» – первое вторжение мастера в область политической действительности и единственный пока опыт антиутопии-предупреждения в его творчестве. Время действия здесь проставлено точно – 1969 год (повесть была создана в 1967-м), но это несущественно для жанра. Конкретная временная соотнесенность не сказалась на звучании киноповести Бергмана. Скорее наоборот: вопросы войны и мира, дегуманизация человека в обстановке вооруженного насилия – это важно сегодня не менее, если не более, чем двадцать лет тому назад.

Бергман поведал о противостоянии человечности и озверения, о крахе буржуазной нравственности под давлением «великой войны и великого ужаса», о том, как война развращает всех – и тех, кто ей служит, и тех, кто, подобно Яну Русенбергу, пытается ее пересидеть, заявляя: «Лучше вовсе ничего не знать». Он показал, как убийство отдельных душ медленно, но неотвратимо переходит в убийство человечества. Сделал он это, как положено в притче, на языке универсальном и одновременно конкретном. Поэтому набирающая размах и темпы гражданская война в некоем буржуазном государстве, представленная в хорошо знакомых современному человеку реалиях, воспринимается как обобщение теории и мерзкой прак-

тики милитаризма и терроризма, а в более широком аспекте – как апогей политической глупости и безответственности.

Выморочность происходящего в киноповести – а происходит постепенное соскальзывание противоборствующих сторон к ядерной войне – подчеркнуто известной приторможенностью действия и введением в текст мотивов дурного сна. «Иногда все это кажется сном, долгим страшным сном. И это не мой сон. Чей-то чужой, а меня загнали туда силой», – говорит Эва Русенберг, героиня Бергмана, и автор вторит ей: «Они заперты в каком-то сне и пытаются разорвать его пути, проснуться. Становится нечем дышать, и только. Сон заперт наглухо». Метафора сна и нарастающая безысходность изображаемого, закреплённая в композиции, – единственная форма авторского комментария. В остальном образы притчи говорят сами за себя, и говорят красноречиво. Да и едва ли нуждается в комментировании рассказанная Ингмаром Бергманом предстория гибели человечества вследствие утраты его представителями стыда, то есть совести, этой простой добродетели, которая, однако, делает человека человеком.

Стыд и позор

(сценарий фильма)

Ингмар Бергман

*Все исчезает, обращаясь в сны.
Виланд*

1

Ландшафт. Белый двухэтажный дом на опушке леса, оштукатуренный, но изрядно облупившийся. Несколько теплиц, огород. Старые фруктовые деревья. Во дворе – большой «форд», знававший лучшие дни. Справа от до-

Пер. изд.: Bergman I. Skammen: в сб. Bergman I. Persona – Vargtimmen – Skammen – En passion. – Stockholm: Pan/Norstedt, 1973.

© перевод на русский язык, «Мир», 1988.

ма – уборная, сарай, курятник, клетки для кроликов.

Все это обнесено полуразрушенной каменной оградой. Вдоль ограды тянется проезжая дорога, которая затем сворачивает в дюны, к морю.

Утро на исходе лета. Тишина и покой. Шум моря вдалеке. Старая лохматая такса дремлет на солнышке. Куры на крыльце. Толстая кошка ловит у ограды полевков.

В доме звонит будильник.

На широкой железной кровати спят Эва и Ян Русенберг.

Яну Русенбергу за сорок, это худой долговязый человек с нервным лицом, мягкими, выгоревшими на солнце волосами и испуганным взглядом.

Фру Русенберг годами помоложе, но худа и угловата. У нее круглое, по-детски наивное лицо, решительный подбородок, прямой взгляд широко распахнутых глаз. Густые волосы заплетены на ночь в тугую косу. Она спит в более чем скромной сорочке, муж – в истрепанной, линялой пижаме. Солнце светит сквозь дырявые шторы, по стеклам, громко жужжа, мечутся большие мухи.

От звона будильника оба просыпаются. Эва встает, спускается на кухню готовить завтрак. Муж долго сидит, ссутулясь, на кровати, разглядывает свои ноги. Зевает и почесывает грудь.

Растопив плиту, Эва возвращается в спальню и начинает шумно умыться. Обтирается до пояса большой тряпицей, потом чистит зубы. Ян уныло наблюдает за ней. Эва расплетает косу и широкими сильными взмахами гребня расчесывает волосы. Теперь на ней просторная вязаная кофта и потертые брюки.

Я н. Нет, ты подумай, мне такой странный сон приснился. Знаешь о чем?

(Эва не отвечает.)

Я н (*продолжает*). Ну так вот, мне снилось, будто мы опять в оркестре, сидим рядом на репетиции, играем Четвертый Бранденбургский концерт Баха, медленную часть. Утро, эстрада пахнет свежим лаком, за дирижерским пультом – Дорати. А все нынешнее – уже в прошлом. Только память осталась, как о страшном сне, и мы радовались, что сумели стряхнуть с себя этот кошмар. Я проснулся от слез... нет, ты подумай! А заплакал, еще когда мы играли... медленную часть, ну ты знаешь, вот эту (*тихо поет*).

Э в а. Ты, надо полагать, решил сегодня не бриться?

Я н (*грустно*). Почему? Побреюсь, если хочешь.

Эва подкалывает волосы и возвращается на кухню. Ян сует ноги в старые тапки, сокрушенно вздыхает. Эва разливает по чашкам какой-то зеленоватый напиток.

Кроме чашек на столе вазочка с сухарями и несколько вареных яиц.

Я н. Сначала эта паршивая трава вместо чая никак в горло не лезла. А теперь даже кажется по-настоящему вкусной. Почему ты злишься?

Э в а. Ничего я не злюсь.

Я н. Еще как злишься, черт побери! Последнее время ты вечно не в настроении. Будто я во всем виноват.

Э в а. Ян, миленький, доедай быстрее. Нужно отвезти бургомистру землянику, я обещала до девяти.

Я н. Если получим сегодня деньги, не мешало бы купить бутылочку вина.

Эва неожиданно улыбается. Ян берет ее за руку и быстро целует в ладонь.

Я н. Похоже, у меня режется зуб мудрости. Как ты думаешь, зубной врач из города не уехал? Может, заглянем к нему, а? Ну, когда ягоды отвезем. Скверная штука – зубы мудрости. Был у меня один вот здесь, вверху справа, так врач его по кускам тащил. Несколько часов.

Без заморозки. Я потом две недели температурил. И ведь корень до сих пор ноет, к перемене погоды. Вдруг и этот зуб такой же сволочной? Веселенькое будет дело. Посмотри, флюса нет? Эва, ну взгляни, пожалуйста. Эва. Ничего не заметно?

Эва смотрит ему в лицо. И ничего особенного не замечает. Быть может, она и не старается смотреть внимательно.

Они вышли на косогор. Старая такса, проснувшись, отчаянно виляет хвостом и путается у них под ногами. Эва в черных деревянных башмаках. Ян в изношенных сандалиях.

Э в а. Ты за телефон уплатил?

Я н. А, черт, забыл. Вообще чушь собачья – платить за то, чего нет. Ведь этот треклятый телефон никогда не работает.

Э в а. Нам нельзя без телефона, ты же знаешь.

Я н. Да-да. Конечно. Хотя заказов у нас негусто.

Э в а. Без телефона нельзя. Не будет телефона – пиши пропало.

Я н. Ну это тебе так кажется.

Ян исчезает в теплице. Эва идет в курятник. Такса умудряется проводить обоих, снует от одного к другому, уткнувшись носом в землю и сторожким крючком вздернув кверху хвост.

Эва подбирает свежие яйца, Ян складывает штабелем ящики с земляникой, стоящие в теплице со вчерашнего вечера.

Слышен далекий звон церковных колоколов.

Я н. Слышишь, Эва? Колокола. Разве нынче праздник? По-моему, самая обыкновенная пятница. Или нет? Ей-богу, жутковато – колокольный звон в будний день. К чему бы это, а?

Э в а. Ни к чему. Знаешь, давай-ка побыстрее. Мы опаздываем.

Я н. Который час?

Э в а. Полвосьмого, даже тридцать пять.

Они пакуют ящики с земляникой в большие мешки и ставят в багажник «форда». Ян заправляет машину бензином. Эва, накинув в доме жакет, запирает дверь и кладет ключ под каменную плиту возле крыльца. Оба садятся в машину. Старая такса устраивается на заднем сиденье. Кошка бежит по гравийной дорожке. Ветер гудит на опушке леса, помрачневшей от облачной тени.

Э в а. Погода, что ли, портится. Может, кожаную куртку прихватишь? На случай дождя.

Ян вылезает из машины, достает ключ из-под камня, отпирает дверь, входит в дом. Эва некоторое время сидит в машине. Однако терпения ей хватает ненадолго.

Она обнаруживает Яна наверху, он сидит на стуле, у самой стены. Смотрит куда-то вбок. Кожаная куртка валяется на полу.

Э в а. Ну что еще стряслось?

Ян определенно плакал. Он не отвечает, только покачивает головой и поднимается со стула. Проходя мимо Эвы (она стоит на пороге), он поворачивается и с опаской смотрит на нее.

Э в а. Нельзя быть таким сентиментальным. Это невыносимо. Надо крепиться. Бери пример с меня.

Я н. А помолчать ты никак не можешь?!

Вид у него теперь вконец перепуганный. На миг Эву захлестывает волна презрения. Не говоря ни слова, она выходит на лестницу, Ян за ней.

Я н. Ну вот, куртку забыл.

Выйдя во двор, Эва слышит нарастающий рев моторов. Пять автомашин с вооруженными до зубов солдатами грохочут мимо, туча белой пыли плывет от дороги к дому.

Я н. То и дело ездят в последнее время.

Э в а. А я, между прочим, вовсе и не думала злиться. Так вышло нечаянно.

Я н. Ой, ну что ты, это я вечно огрызаюсь да ворчу.

Неуклюже и осторожно «форд» переваливается по дорожным ухабам. Он оглушительно громыкает и весь посерел от пыли и грязи. Одного крыла не хватает, где-то потерялось. Эва, сняв темные очки, жмурит глаза.

Э в а. Завтра будет ровно четыре года, с тех пор как мы перебрались сюда. А позавчера минул год со дня смерти деда. Не забыть бы сходить на кладбище, положить цветы на могилу.

2

Суровая местность, поросшая истерзанным ветрами низколесьем, пересеченная зигзагами каменных оград. Пыльный, ухабистый проселок. Два-три крестьянских двора, скудные пашни и время от времени – промельк свинцового моря.

Эва берет таксу на колени, поглаживает собаку по голове. Ян, долговязый, тощий, сутулый, пригнулся к баранке; козырек фуражки затеняет его глаза.

Я н. Вот ты меня ругаешь, и правильно. Но музыкантом я был хорошим, этого ты отрицать не можешь. И те годы, когда мы играли в оркестре, – как было здорово! Ты все время твердишь, что я бесхарактерный, любому готов уступить. Не человек, а один сплошной изъян. Иногда я просто диву даюсь, почему ты меня не бросишь.

Э в а. Ты уже тысячу раз это говорил, а толку чуть: как был пустой звук, так и остался. (*Смеется.*) Устала я от тебя, до смерти устала. Да и ты, наверно, устал от меня. Или нет?

Я н. Еще бы не устал, из сил выбился.

Э в а. Стоит ли рассуждать о чувствах и тому подобных материях. Проку-то кот заплакал... Черт! Гляди, клеща подцепила. Вот здесь, прямо за ухом.

Она пробует вытащить клеща. Воцаряется спокойное молчание.

Машина въезжает на узкий деревянный мостик. Под ним течет неглубокая, но весьма быстрая речушка. Какой-то мужчина, стоя на большом камне, удит рыбу. Эва просит Яна остановиться. Выскакивает из «форда», перегибается через перила.

Э в а. Здравствуй, Филип! Как дела? Поймал что-нибудь?

Мужчина поднимает голову, улыбается. Что-то говорит, но за плеском воды его не слышно. Эва громко переспрашивает, он подносит руку к горлу: дескать, охрип. Кивнув, Эва кричит, что сейчас подойдет к нему, и спускается по крутому речному берегу; такса бежит за ней. Ян остается в машине. Он только приветственно машет рукой и смотрит на жену, которая что-то оживленно говорит. Она вдруг повеселела, заулыбалась – рыжеватый отблеск в волосах, порывистые жесты, смех.

Теперь вот Эва покупает у Филипа форель. Они торгуются, и Филип хрипло смеется. Эва выуживает из брючного кармана большущий бумажник, достает оттуда один банкнот. Сделка состоялась. Филип очищает рогульку, ловко нанизывает на нее рыбу. Эва с рогулькой в руках взбирается вверх по кособогу. Филип говорит что-то ей вдогонку, она оборачивается; положив на землю удочку, он подходит к ней. На этот раз они раз-

говаривают совершенно серьезно.

Ян ничего не слышит: журчит речушка, шумят на ветру деревья. Наконец те двое кивают друг другу, и Филип возвращается к своим удочкам.

Эва садится в машину, завертывает форель в старую газету. Такса прыгает на заднее сиденье.

Ян. О чем это вы говорили?

Эва. Часа два назад Филип слушал радио. Оповещали о высадке морского десанта. И о воздушных боях.

Ян. Насчет десанта они уже чуть не пять лет талдычат.

Эва. Так или иначе, по радио дали оповещение. А наш приемник, черт побери, как всегда, сломан. Зря ты без конца сам в него лазишь. Отдал бы кому-нибудь, кто понимает в радиотехнике.

Ян. Лучше вовсе ничего не знать.

Эва. Лучше вовсе ничего не знать. Твой эскепизм просто восхитителен. Напрасно я тебя ругаю. Так или иначе, рыбы на обед я купила. Достать бы еще бутылочку вина.

Ян. Пока ты стояла там внизу и разговаривала с Филипом, я прямо снова влюбился в тебя, честное слово. Ты такая красивая.

Эва. Конечно, издали-то. *(Смеется.)*

Она ерошит ему волосы на затылке. Машина громыкает и подпрыгивает в туче известковой пыли. Погода окончательно нахмурилась, на ветровое стекло падают первые капли дождя.

Эва. Видишь, дождь пошел. Что я говорила!

Дом бургомистра расположен в двух-трех километрах от города, среди ухоженного парка. Землянику принимают с черного хода и платят наличными.

Эва с Яном возвращаются к машине и уже готовы

двинуться в обратный путь, но кто-то их окликает. Это бургомистр Якоби, он только что вышел во двор. Его служебный автомобиль – большой, черный – подкатил к крыльцу, шофер (в мундире) стоит, положив ладонь на ручку дверцы. Якоби идет навстречу Русенбергам с улыбкой, дружески протягивая руку. Ему лет шестьдесят. Тяжелое, непроницаемое лицо, невозмутимо-сумрачный взгляд, иронически опущенные углы рта. Рука у него сухая и жесткая. Одет элегантно, хотя и без чопорности.

Минуту-другую Якоби непринужденно толкует о погоде, о ветре, о грампластинке, которую только что достал. Выражает надежду, что скоро Ян с Эвой придут отобедать и тогда вечером они все вместе помузицируют. Из увитой розами беседки выходит его жена, здоровается, приветливо и чуть церемонно. Якоби замечает, что жена стала заправским садовником, с тех пор как штатного работника призвали в армию. Жена подхватывает: и людей, мол, все труднее найти, и в упадок все кругом приходит, однако ж, как бы там ни было, надо изо всех сил, до последнего поддерживать порядок.

С папкой под мышкой из дома быстро выходит молодой офицер; он приветливо кивает и направляется к своей спортивной машине, припаркованной поодаль, ближе к воротам. Тотчас Эву и Яна уведомляют, что сын приехал домой в краткосрочный отпуск, но уже отозван в часть и что он, хоть и молод, а в чинах. Бургомистр с озабоченным видом говорит, что, мол, похоже, обстановка накаляется. Впрочем, может, и на сей раз бог милует. Ведь до сих пор беда обходила стороной здешний островок, сказала бургомистерша. Кошмар – эта гражданская война. На несколько минут воцаряется молчание, осенние галки бестолково носятся над дубами парка. Ее беженка сестра, добавляет фру Якоби, живет теперь у них, так вот она рассказывает жуткие вещи.

Бургомистру пора ехать. Он пожимает Русенбергам руки, благодарит за землянику. Если удастся, говорит Эва, они купят бутылку вина. Якоби смеется, желает им удачи. Усаживается в черный автомобиль. Шофер, козырнув, захлопывает дверцу и отъезжает, увозя бургомистра. Эва и Ян прощаются с фру Якоби, она повторяет мужнину приглашение на маленький вечерний концерт. Даже собака и та получает напоследок увесистый, но вполне дружеский шлепок.

Ян с Эвой отправляются восвояси. В машине пахнет рыбой.

Ян. Черт, ну и запашок.

Эва. Мог бы поставить машину в тени.

Ян. Когда мы приехали, шел дождь.

Эва. Если бы ты поставил машину ближе к дому, она в любом случае была бы в тени. Но ты ведь сперва делаешь, а уж потом думаешь. И почему в мужья достаются такие недотепы!

Городок объят суматохой. Движение на улицах перекрыто. Кругом грузовики, фургоны, тягачи, автобусы и прочие транспортные средства. Солдаты с тяжелой походной выкладкой. Военные полицейские на гоночных мотоциклах. Там и сям кучки людей с узлами и дорожными сумками. Патрули с мегафонами время от времени что-то неразборчиво кричат.

Ян с Эвой, оставив машину, пробираются в толчее.

На маленькой площади, заваленной армейским снаряжением, между двумя солидными доходными домами притулился старый особняк. За чахлым палисадником – вход в антикварную лавочку. Когда звонит дверной колокольчик, из боковушки выходит мужчина лет шестидесяти в мешковатом мундире. Он невесело пошмеивается, приветствуя визитеров. Тонкая шея, словно цветочный стебелек, торчит из черной ямы ворот.

Лобелиус. Видали, как меня вырядили. А ведь я

сорок лет ружья в руках не держал. Хорошо тебе, Ян, с твоим-то больным сердцем. Ну а мне завтра в путь. И магазин без присмотра останется. Хотя и прибыли от него не бог весть сколько. Итак, чем могу служить?

Эва. Бутылка вина у тебя найдется? Можем заплатить наличными.

Лобелиус. Кое-что найдется. Погодите, я сейчас. А пока что взгляните вот на это!

Лобелиус ставит на прилавок фарфоровую статуэтку. Она изображает влюбленную пару в изящном, но несколько фривольном объятии. Лобелиус касается пальцем какого-то выступа, и из фигурки слышится мелодия (звук чуть надтреснутый).

Хозяин уходит в подвал за вином. Ян и Эва слушают музыкальную шкатулочку, огласившую хрупкой мелодией комнатный полумрак. Ах, вещи-вещицы – кичливые, бессмысленные, ломкие, уродливые, необходимые. Оба слушают, молчаливо и с грустью.

Возвращается Лобелиус с двумя бутылками вина. Приглашающим жестом ставит их на прилавок. Одна бутылка откупорена. Он достает из-под прилавка три высоких хрустальных бокала, наливает, все трое безмолвно пьют. Раз, потом другой – жадно, большими глотками. Мелодия умолкает. И здесь, вдали от улицы, наступает тишина.

Лобелиус. Непонятно, зачем все это. Вчера наше радио грозило им самыми страшными карами. А нынче утром их радио в ответ поздравило нас с нашим же истреблением. Уму непостижимо.

Лобелиус утирает глаза и пьет большими глотками. Где-то в тишине бьют часы. Эва сидит на черном стуле. Ян стоит, облокотившись о прилавок.

Лобелиус. Кажется, я плачу. (Смеется.) Но мне просто страшно. Только вот почему? Я один, среди

своих вещей. Раз в неделю приходит фру Принс, наводит чистоту. Покончив с уборкой, мы пьем кофе и занимаемся любовью. Вряд ли она будет сильно горевать. Но мне страшно, понимаете? Физически страшно.

Э в а. Замечательное вино. Ты думаешь, вторая бутылка нам по карману?

Л о б е л и у с. Десять крон – и она ваша. Я бы даром отдал, если б мог. Но ведь надо оставить хоть немного денег фру Принс, чтобы она приглядывала за домом.

Эва вынимает бумажник и кладет на прилавок две серебряные монеты по пять крон. Лобелиус сует нераскупоренную бутылку в пакет. Они прощаются, поспешно и чуть опасливо. Старик провожает их к двери. Он в огромных башмаках, при ходьбе приволакивает ногу.

Л о б е л и у с. Нога у меня больная. Как по-вашему, там это учтут? Подыщут место, скажем, где-нибудь в канцелярии, верно?

Я н. Конечно, учтут, дело-то нешуточное – ноги какникак. Я даже уверен, учтут. У нас был один коллега...

Л о б е л и у с. Пожалуй, главное – показать себя человеком долга. В том смысле, что, мол, справок от врача не тащу, от службы не увиливаю и все такое.

Снова прощаются. Лобелиус запирает за ними дверь, но не уходит; стоя у окна, испуганно смотрит в сад.

Возле кладбища – небольшой киоск: цветы, венки. Они покупают за пять крон венок из бессмертников и идут в кладбищенский сумрак, к могиле деда. Надгробие тонет в высокой траве. Но надпись видна отчетливо.

Э в а. Надо бы прибрать могилу.

Я н. А какой смысл?

Э в а. Может, ты и прав. (*Читает.*) Давид Фредрик Эгерман. Родился двадцать пятого августа тысяча девятьсот четырнадцатого года. Скончался восемнадца-

того июля тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года.
Господь – моя крепость.

Они кладут венок на надгробную плиту и уходят. Возле одной из могил суетятся старухи.

С улицы доносятся грохот тяжелых машин, усиленные мегафоном голоса, военная музыка.

3

Домой они приезжают после полудня. Сидят на солнышке возле дома, едят отварную рыбу, запивая ее белым вином. Стол ради такого исключительного случая накрыт скатертью, в молочнике – осенние цветы. Такса примостилась под Эвиным стулом, кошка – на крыльце. По-летнему гудит шмель.

Ян – от вина он воспрянул духом, оживился – говорит, что отремонтирует и то, и это. Эва с улыбкой уверяет, что в конце концов возьмется за итальянский. Ян прикидывает, как бы им выкроить по часу в день на скрипичные упражнения. Ведь инструменты целехоньки, и, как только война кончится, они вернутся в оркестр, по крайней мере такой был уговор. Эва, чуть захмелев, начинает твердить, что ей пора завести детей. Что годы идут, а чем она старше, тем труднее будут роды. Что, не имея троих детей, она не чувствует себя женщиной. Надо, мол, им обоим пройти обследование, она-то почти наверняка знает, что с ней самой все в порядке. Забеременеть для нее не проблема, дело за Яном, пока они жили врозь, он увлекался сомнительными интрижками и теперь не способен иметь детей. Ян уверяет, что сроду ей не изменял, кроме одного-единственного досадного случая, когда она застала его с опереточной певичкой. На что Эва замечает: он-де понятия не имеет о настоящей любви. Ян говорит, что всегда любил только Эву, и больше никого. «А самого-то себя, – вставляет она. – Нет, все ж таки ты ужасный эгоист!» Вообще, отвечает

Ян, он решил переделать свой характер. Так как искренне убежден, что характер можно по-настоящему, в корне переделать. Он не детерминист. От многозначительности этих слов оба на миг замолкают, потом Эва говорит, что ей начхать на мужнин детерминизм или отсутствие оного, лишь бы Ян стал немного осмотрительней да смог, к примеру, прочистить в кухне раковину. Он обещает завтра же с утра заняться этим. Неожиданно Эва смягчается. Ян опять говорит, что она красивая, особенно при таком освещении, и ей кажется, будто день у них выдался удачный. Оба выходят из-за стола, но ни посуду, ни скатерть не убирают.

Когда Эва чуть позже моет посуду, а Ян берет из поленицы дрова, им отчетливо виден воздушный бой, разыгрывающийся на фоне бледного вечернего неба. Несколько самолетов беззвучно кувыркаются в лучах закатного солнца. Эва и Ян, запрокинув головы, молча наблюдают. Вечер тих, далеко в море, у самого горизонта, перекачивается тяжелый, хоть и слабо различимый рокот.

Дальнейшие события сменяют друг друга стремительно, как в калейдоскопе.

Где-то наверху возникает неистовый, душераздирающий вой. Над деревьями, до жути близко, проносится боевой самолет, одно крыло его в огне. Едва не чиркнув брюхом по крыше дома, он проламывает стену деревьев на опушке, ввинчивается в глубь леса, разваливается на куски. Слепящая вспышка – и тотчас грохот взрыва. Дождем сыплются наземь обломки металла и камни. Потом во мраке леса вспыхивает красное зарево.

Быстро снижаясь, покачивается в воздухе парашют. Свечой падает вниз (ветра нет, поэтому его не сносит). На стропях висит человек – точно мишень. Человек шевелит ногами. Ян и Эва видят белое пятнышко лица, судорожно стиснутые руки.

Человек и парашют исчезают за деревьями, за ог-

ненным заревом. Слышен гул и треск. Пламя рваной спиралью взмывает ввысь.

Ян и Эва, растерянные, перепуганные, затевают перебранку. «Надо скорее разыскать беднягу-парашютиста»,—твердит она. «Ты с ума сошла!—возражает он.—Наверняка это вражеский солдат, в два счета нас перестреляет». Эва обзывает мужа трусливым болваном и заявляет, что, если он боится, она пойдет в лес одна. От такого безрассудства он вконец свирепеет и хватается ее за руки, она кричит: «Пусти меня! Пусти!», пытается вырваться, он выпускает ее, и она бежит к лесу, в сторону пожара.

Несколько минут Ян стоит в нерешительности, потом выносит из передней старое охотничье ружье. Догоняет жену и вместе с нею торопливо шагает в направлении огненного зрелища. Самолет рухнул на небольшую вырубку, где от него загорелись сеном сарай и высохшее дерево. Язычки пламени ползут по земле, лижут стенки борозды, пропаханной самолетом.

На краю вырубки какое-то шевеление—пилот. Висит на сосне, опутанный стропами, и не может высвободиться. Лицо у него в крови, он судорожно дергается всем телом. Собака, стоя под деревом, яростно лает. Пилот что-то кричит Яну. И захлебывается хрипом. В бессильном отчаянии он бьет кулаками по воздуху. «Я приведу помощь!»—кричит Эва и бежит прочь.

Ян остается наедине с умирающим. Растерянно смотрит на дергающуюся фигуру в сосновых ветвях. Глядит в расширенные от ужаса глаза. Собака без умолку лает, громко, истошно. По лесу пробегает ветер, гонит между стволами клочья дыма. Резкие полосы солнечного света кромсают сумеречную тень. «Убей меня!»—вопит летчик, его лицо сводит гримаса. Он заходится кашлем, хрипит, черная кровь хлещет изо рта. Ян, не выдержав, сломя голову убегает прочь. Вслед ему несутся нечленораздельные вопли.

Добравшись до дому, он видит во дворе множество солдат. На самом деле их человек десять – двенадцать, но Яну кажется, будто они кишмя кишат. У обочины дороги два «джипа». Эва разговаривает с офицером. Солдаты пробегают мимо Яна, спешат к месту пожара. «Когда я пришла, они уже были здесь», – испуганно сообщает Эва. Офицер – мужчина средних лет, с одутловатым лоснящимся лицом и водянисто-голубыми глазами – равнодушно глядит на Яна и его ружье.

О ф и ц е р. Скажите, сколько их выбросилось с парашютами – один или двое?

Я н. Мы видели только одного. Да он и был один. Вот именно, один.

О ф и ц е р. Вы застрелили летчика?

Я н. Что? Я? Нет. Это еще зачем? С какой стати?

Офицер досадливо пожимает плечами и бормочет, зачем-де тогда было таскать с собой ружье. Один из солдат подходит к нему, что-то тихо говорит. «Пусть висит», – отвечает офицер.

О ф и ц е р. Мой вам совет: сматывайте удочки. Завтра к утру они будут здесь. Парашютный десант сброшен в нескольких километрах отсюда. Если удастся, двигайтесь на юг.

Ян о чем-то спрашивает, но ответа не получает. «Джипы» скрываются за каменной оградой в лесу.

Эва и Ян начинают укладывать вещи. Смеркается, но зажигать свет нет времени. Зимняя одежда, остатки консервов, домашняя утварь, ружье, подушка, пледы и одеяла, кошка, такса. А еще сапоги, спички, стеариновые свечи, бутылка водки, тарелки. Три штуки Ян роняет на пол, но Эве сердиться некогда. Всё вперемешку – в дорожные сумки, ящики, картонки и мешки. Проходит немного времени, и старенький «форд» загру-

жен доверху. Нет, кошка не поедет, сама тут выкрутится, а вот собаку надо брать с собой.

Наступает ночь. В глубине леса еще виднеется зарево, хотя уже более тусклое. Небо ясное, все замерло в покое.

Из темноты выныривают люди. Бесшумно и неожиданно возникают во дворе, обвешанные оружием, в грязных мундирах, лица в черных разводах. Они вытаскивают Эву и Яна из машины. Эва упирается и получает оплеуху. Ян от удара по затылку падает ничком. Русенбергов оттесняют к дому; скованные ужасом, они стоят рядом у стены, заведя руки за голову. Пришельцы тихо переговариваются, выкидывают из «форда» поклажу, шныряют в доме, лучи карманных фонариков блуждают за окнами.

Солдат. Стало быть, летчика застрелил ты, да?

Ян. Никого я не застрелил.

Солдат. Смотри, будешь врать – тебе же хуже. Ну, ты застрелил летчика?

Ян. Когда мы подошли, он уже умирал.

Солдат. Что ж ты врешь-то все время, а?

С размаху бьет Яна по лицу. Тот падает как подкоженный, однако скоро встает на ноги. Эва что-то кричит, но ее утихомиривают.

Солдат. Здесь что, их патруль недавно побывал?

Ян. За полчаса до вас. Они нас предупредили, сказали, что вы в нескольких километрах отсюда. На двух «джипах» явились, человек двенадцать–четыренадцать. Потом уехали, вниз, к морю. Правда, Эва? Они сказали, чтоб мы поскорей сматывали удочки.

В нескольких шагах от стены, целясь из автомата Яну в живот, второй солдат раскуривает короткий сигарный окурочок. Огонек спички высвечивает черные разводы на лице.

Солдат. На чьей же ты стороне?

Ян. На чьей стороне? Ни на чьей. Мы музыканты.

Солдат. *Бывшие* музыканты. Теперь оркестров нет. А как насчет тебя?

Эва. Ни я, ни муж политикой не занимаемся. Мы не состоим ни в какой партии.

Секунду-другую солдат пристально смотрит на них. Потом обращается в темноту, вполголоса с кем-то разговаривает. Старенький «форд» пятится по двору, скрежеща и содрогаясь от немилосердных рывков. Свет фар бьет в глаза Яну и Эве. Кто-то из солдат притаскивает микрофон. Еще кто-то устанавливает кинокамеру. Третий солдат – с микрофоном на шее, без каски – выходит в круг света. Он разрешает Яну и Эве опустить руки, угощает их сигаретами. Включается кинокамера, урчит мотор автомобиля.

В слепящем свете фар интервьюер напоминает темный картонный силуэт.

Интервьюер. Мы готовим программу для нашего телевидения. Хотим показать зрителям, кого освобождаем. Массу таких, как вы, проинтервьюировали. Ну, начнем. Первое слово – за дамой. Весстер, ты навел камеру? Как ваше имя?

Эва. Эва Русенберг.

Интервьюер. Расскажите немного о себе.

Эва. Мне двадцать восемь лет. Я – первая скрипка в оркестре Филаромонического общества. Семь лет замужем. Детей у нас нет. Когда оркестр распустили, мы приехали сюда, в эту усадьбу, которая досталась мне от деда по матери.

Интервьюер. Каковы ваши политические взгляды?

Эва. Я никогда не интересовалась политикой. То, что происходит сейчас, просто уму непостижимо. Да и приемник у нас сломан.

Интервьюер. Стало быть, вам безразлично, в каких условиях вы живете – в условиях демократии или в условиях диктатуры?

Эва. Война идет уже так долго, люди забыли смысл этих слов.

Интервьюер. Демократия – это значит жить под собственную ответственность, фру Русенберг. Демократия – это вера в человека и его величие. Весстер, а теперь мы снимем господина Русенберга. Ясно? Как ваше имя?

Ян. Я плохо себя чувствую. Может, не надо меня снимать? У меня больное сердце. Позвольте, жена принесет лекарство. Мне очень, очень плохо.

Взгляд его мечется среди резкого света, он проводит ладонью по лицу, падает, лежит, уткнувшись в землю, неловко подвернув под себя руки.

Эва склоняется над мужем, солдат хватает его за плечи и встряхивает. Из темноты слышен голос: «Притворяется, сволочь!»

Интервьюер. Нет, он в обмороке. (*Оператору.*) Ты успел отснять? Так, значит, не успел. Впрочем, может, оно и к лучшему. Убери свет.

Кромешная тьма. Из лесу долетает короткий треск пулеметной очереди. Двор внезапно наполняется суетой. Приглушенные оклики, беготня. Вспыхивает и тотчас гаснет карманный фонарик. Снова – пулеметные очереди. Солдаты исчезают за каменной оградой в прибрежных дюнах. Еще несколько минут трещат выстрелы, затем все смолкает.

Ян приподнимается, садится. Эва бродит в темноте, наконец отыскивает лекарство. Он с трудом глотает капсулу.

Ян. Я так испугался. А ты нет?

Эва (устало). Ты встать можешь? Попробуй, а?

Опираясь на нее, Ян ковыляет в дом. Эва зажигает огарок свечи, и они с Яном, прижавшись друг к другу, идут на второй этаж. Разуваются, прямо на пол сбрасывают одежду, ложатся в постель, под одеяло.

Она нежно гладит его по щеке, он прижимается к ней лицом, притягивает ее ближе к себе – становится тепло.

Эва. Я все время думала: как хорошо, что у нас нет детей.

Ян. Наступит мир, тогда и заведем ребятешек.

Эва. Нет, не заведем, никогда не заведем.

Она прижимается к нему, и он чувствует, что щека у нее мокрая.

Миг покоя и тишины – они крепко обнимают друг друга. Для них это первый день войны.

4

На рассвете их будит тяжелый, с каждой минутой нарастающий гул, дом ходуном ходит, стекла дребезжат. Собака – она спала возле кровати – испуганно подвывает. Ян и Эва выскакивают во двор. В серой утренней мгле над лесом полыхает яркое зарево. Земля беспрестанно дрожит от разрывов. С моря слышен какой-то невнятный вопль, перемежающийся глухими ударами. Людей не видно. Они одиноки, и весь мир гибнет.

Они собирают свои пожитки, укладывают в «форд», бестолково переговариваясь и на ходу что-то планируя. «Куда податься, в каком направлении?» – «Может, вообще не уезжать, схорониться в лесу, и порядок?» – «Что же делать, как быть? Давай попробуем двинуть к морю». – «Может, прихватим с собой кур? Еда все же таки». – «А кто их зарежет? Только не я». – «И не я». – «Перестреляю их, и дело с концом». – «Где это ты слышал, чтобы кур стреляли?» – «Не рубить же им го-

ловы, черт побери! При одной мысли об этом сердце щемит».

Ян прицеливается из ружья, стреляет. Кудактанье, хлопанье крыльев, туча перьев и пуха. «Кажется, не попал... да куда же ее черт занес?.. А-а, вон она, на ограде сидит. Нет, я кур не стреляю. Пускай живут, сколько смогут. И до яиц всегда охотники найдутся наверняка».

Машина разворачивается, шурша по гравию, и направляется к побережью.

На повороте дороги – танк, жерло орудия глядит в сторону моря. У опушки расположился какой-то бородач с рацией, в изумлении смотрит на старый автомобиль, который тормозит, едва не врезавшись в танк.

Из бронебашни высовывается человек. В одной руке у него бутерброд, в другой – картонная кружка с кофе. Ян кивает в знак приветствия, дает задний ход и пытается развернуться, но попадает в канаву. Канавка неглубокая, однако громоздкая машина застревает. Подходит солдат с рацией, спрашивает, не нужна ли помощь. Любитель кофе кричит что-то в люк.

Эва вылезает из машины, все здороваются. Скоро вокруг застрявшего «форда» уже стоят пятеро озабоченных мужчин. Коротко обсудив, как сподручнее взяться за дело, цепляют трос. Железное чудовище трогается с места, проползает несколько метров – и «форд» благополучно вытащен из канавы.

Поблагодарив на прощание, Эва и Ян едут обратно, той же дорогой. Взошло солнце, оно ярко освещает красную черепичную крышу дома. В страшном гуле, которым полон воздух, все выглядит жалким и непрочным. На часах четыре утра. Если поднести часы к уху, слышно, как они тикают.

Ян ждет Эву. Она идет через двор к автомобилю, под мышкой у нее свернутое одеяло.

На этот раз они проезжают несколько километров в глубь материка. Грохот не умолкает, точно где-то рабо-

тает некая адская машина. В канаве – «джип». Вокруг него трупы солдат. Второй «джип» стоит чуть дальше на дороге. Офицер, который допрашивал их накануне, так и сидит на переднем сиденье рядом с шофером, упавшим грудью на руль. Солнце освещает одутловатое, бледное лицо офицера, в глазах его застыло тупое удивление, рот открыт, пухлые, как у женщины, руки лежат на коленях. Чтобы проехать мимо, Ян сворачивает в поле, в высокие несжатые хлеба. Они с Эвой никогда еще не видели убитых.

Усадьба соседей до сих пор горит. Из развалин рухнувшего хлева поднимается густой дым. Во дворе – трупы расстрелянных: хозяин, хозяйка, двое детей. Все в ночных рубашках.

Неподалеку преграждает дорогу подбитый танк. Он сильно накренился, сбоку зияет большая пробоина. Людей не видно. Объехать эту громадину невозможно. Ян и Эва молча стоят перед этим последним, неодолимым препятствием, как бы сраженные усталостью.

Ян подает назад, разворачивает машину и едет обратно – домой.

Ни слова не говоря, они разгружают «форд», расставляют вещи по местам на кухне и в комнатах.

Потом сидят друг против друга за кухонным столом, собака – у Эвы на коленях.

Я н. Теперь вот танки на повороте стреляют. Какой чудовищный грохот. Сил моих нет. Я больше не выдержу. Не выдержу.

Он закрывает лицо руками. Эва, кусая губы, смотрит в окно. Затем встает и выходит из кухни. Ян идет за ней. Стоя в тесной прихожей, она неловко стаскивает с себя широченную кофту.

Э в а. Хоть минуту я могу побыть одна?

Она садится рядом с ним на крыльцо, берет его руку в свои. Так они и сидят молча, бок о бок, слушают канонаду.

Ян. Наверно, лучше спрятаться в погреб. Тебе не кажется, что там безопаснее?

Эва. Иди, если хочешь. Я не намерена отсиживаться в потемках, как крыса.

С дороги все время слышно тяжелое резкое уханье – стреляют танки. Затем все перекрывает рев самолетов-штурмовиков, которые в бреющем полете заходят на цель. Эскадрилья за эскадрилей. Ян с расстроенной миной поворачивается к Эве, что-то говорит, она отрицательно мотает головой. Они не слышат друг друга. Разрывы гремят теперь совсем близко – как вдруг оконные стекла в верхнем этаже разлетаются вдребезги и мощная ударная волна бьет в стену дома. Ян опять пытается что-то сказать. Но с губ срывается лишь бессвязное бормотание.

Шесть часов продолжается оглушительный грохот (начался он на рассвете, в половине четвертого), а затем мало-помалу идет на убыль и наконец умолкает совсем. Наступает тишина.

Эва и Ян выходят во двор. Поднявшийся ветер принес с собой едкую, удушливую вонь. За поленницей кудахчет курица. Шелестит листвою старый дуб. Капли дождя с громким бульканьем шлепаются в бочку под водосток. Где-то кричит чайка. По дороге грохочет танк, въезжает в лес, останавливается. Танкисты выбираютя наружу, подходят к Эве и Яну. Просят пить.

Что до обстановки, то сведения у танкистов весьма скудные: во-первых, их отозвали на базу, во-вторых, у Чюрквикена высадился десант, но был отброшен. Затем они говорят, что Яну с Эвой крупно повезло, отделались всего-навсего разбитым окном.

Вечернее солнце рисует алые узоры на стене у кровати, но лицо Эвы в тени. Она сидит, кутаясь в халат, и смотрит на Яна, который стоит в пижаме посреди комнаты. В руках у него Эвина скрипка. Смычок лежит на столе.

Я н. Я когда-нибудь рассказывал тебе, кто был этот самый Пампини? Инструментальный мастер из Вены, современник Бетховена, учился у итальянцев. Долгое время служил в русской армии, сражался с Наполеоном. А когда потерял ногу, начал в конце концов строить скрипки. Эту вот он построил в тысяча восемьсот четырнадцатом году, как бы приурочил ее создание к Венскому конгрессу *. Умер он от холеры. Не помню, в каком году.

Он настраивает скрипку и пробует звук, потом берет смычок и сокрушенно качает головой.

Я н. Паршиво звучит. Рука ни к черту. Попробуй ты.

Эва мотает головой, едва заметно улыбается.

Он кладет скрипку в футляр, щелкает замком. Тихо. Тихо в доме, в лесу, над морем, в воздухе. Солнце медленно спускается за сосны.

Э в а. Иди сюда, ко мне.

5

Спустя несколько дней их увозят на допрос, заталкивают в военный грузовик, где уже сидят какие-то незна-

* Венский конгресс (сентябрь 1814–июнь 1815) – конгресс европейских государств, завершивший войны коалиций европейских держав с Наполеоном I. Были заключены договоры, направленные на восстановление феодальных порядков и удовлетворение территориальных притязаний держав-победительниц. – *Прим. перев.*

комые люди, и отвозят в летний ресторан.

Там устроен допросный центр, во дворе кишат люди, машины, повозки.

Вновь прибывших запирают в похожем на коридор помещении, окна в нем заколочены, у голых стен – параша. Здесь уже находится человек двадцать. Время от времени одного-двух уводят. И никто из них не возвращается.

Воздух спертый, воняет прелой соломой, мочой и потом. Ян в пижаме, Эва успела накинуть поверх ночной рубашки пальто.

Они просили дать им одеться, но услышали в ответ, что впредь им едва ли понадобится столько одежды.

Рядом с Эвой сидит, сгорбившись, мужчина лет пятидесяти. У него длинноскулое бледное лицо и тонкий язвительный рот, глаза большие, темные от страха. На носу дымчатые очки в золотой оправе. Руки необычайно ухоженные.

Освальд. Здравствуйте, мое имя Освальд. Мы встречались в связи с благотворительными концертами, несколько лет назад. Я... Я педагог и воспитатель, работаю с молодежью. То есть работал. Дело дрянь. (*Горько смеется.*) На меня донесли собственные ученики. Вы что-нибудь знаете?

Эва. Ничего мы не знаем. Нас просто взяли и привезли сюда.

Освальд. Это называется санацией. Ведь теперь, после недавней победы, можно и кровавую жертву себе позволить.

Ян. Мы совершенно ни в чем не виноваты, сколько же можно повторять.

Освальд (*пожав плечами*). Смотрите, пастора уводят. Старый пройдоха! У него нашли десятка два солдат-парашютистов, он спрятал их в церковном подвале. Не сносить ему головы. А там, видно, моя очередь. Вон

как руки-то дрожат. Занятная штука. Я имею в виду страх.

Я н. А за что вас?

О с в а л ь д. Мой кумир – античность. Искусство, этика, философия, политика и так далее. Я гуманист, если это слово звучит не слишком претенциозно.

Дверь открывается, вызывают Освальда. Он встает с испуганной улыбкой, пробирается между кучками людей и исчезает за дверью. Толстяк у стены напротив хохочет, вытаскивает сигарету и предусмотрительно делит ее пополам.

Т о л с т я к. Знаю я этого типа. Гомик, черт бы его побрал, последние три года совращал мальчишек-школьников, всех подряд. И правильно, что его сцапали, – санировать так санировать.

Я н. А вы сами?

Т о л с т я к. Черный рынок. *(Хихикает.)* Все кому не лень у меня покупали, сволочи. В том числе и эти, которые допрашивают.

Я н. Вас уже вызывали?

Т о л с т я к. Нет пока. Но я знаю, как действовать... Хотите сигарету?

Эва, поблагодарив, берет сигарету. Ян вежливо отказывается.

В помещение вталкивают новую группу людей. Загорается электричество. Один из охранников сообщает, что через час принесут поесть. Кто-то кричит, что время опорожнить парашаи.

Толстяк, скрестив руки на груди, усаживается на корточки, закрывает глаза и зевает. Отчаянно вопит ребенок, кто-то без умолку взволнованно говорит. Ян приклоняется головой к стене, дремлет. Эва курит.

Э в а. Иногда все это кажется сном, долгим странным сном. И это не мой сон. Чей-то чужой, а меня загнали

туда силой. Нет вокруг ничего по-настоящему реального. Все выдуманно. Как, по-твоему, пойдут дела, когда тот, что видел нас во сне, очнется и покраснеет от стыда за свой сон?

Вызывают Эву и Яна Русенберг. Они проходят в зал, где полы выложены красным кирпичом. Снуют туда-сюда чиновники. В карауле – молодые парни с автоматами. Холод, сырость, страх.

Ян несколько раз со вздохом зевает. Эва растерянно улыбается кому-то, чей взгляд устремлен на нее. «Ты знаешь, что надел разные башмаки?» – неожиданно говорит Эва. Ян смотрит себе на ноги и, обнаружив, что это правда, отвечает Эве быстрой, однако же испуганной улыбкой: ничего, мол, не поделаешь. Эва молчит. На стене – большие аляповатые часы из темного дерева. Показывают они четверть седьмого.

Отворяется дверь, их вводят в комнату для допросов, квадратной формы, весьма просторную. Окна заколочены досками, под потолком горят мощные лампы. За столом сидит секретарь (низкорослый, в аккуратном штатском костюме, с равнодушным, почти недовольным лицом). У дверей охрана. Следовательно, тощий мужчина в мундире с капитанскими погонами, стоя разговаривает с сутулым светловолосым парнем в расстегнутом френче. На столе – множество бумаг, стопки папок и скоросшивателей.

Пол грязный. Тут и там пятна крови.

Яну и Эве разрешают сесть.

Следователь занимает свое место у стола и начинает читать какую-то бумагу, которую кладет перед ним светловолосый в расстегнутом френче.

С л е д о в а т е л ь. Есть основания думать, что вы со-трудничали с противником. Но мы выслушаем вас, прежде чем вынести приговор. Самое отягчающее обстоятельство – безусловно, ваше телеинтервью, фру Русен-

берг, в котором вы полностью одобряете политические взгляды нашего противника. Что вы можете сказать по этому поводу?

Э в а. Это неправда.

С л е д о в а т е л ь. Неправда? Мы располагаем записью, давайте прослушаем.

Включается магнитофон, шипит динамик. Невнятный женский голос: «Я желаю вашим войскам победы. Слишком долго мы страдали в тисках рабского гнета. И, как жаждущие в пустыне, мечтали о свободе».

Э в а. Это не мой голос. Они отсняли меня на пленку, а голос на эти кадры наложили чужой. Я ничего подобного не говорила.

Сутулый блондин подходит к Эве, хватая ее за волосы.

С у т у л ы й. А ну, говори правду, иначе худо будет и тебе, и твоему мужу. Поняла? Никто здесь не собирается мучить вас без нужды, но вранья мы не потерпим.

Я н. Не отпирайся, Эва. Лучше скажи, что так оно и было.

Следователь смотрит на Яна с откровенным презрением. Потом поворачивается к секретарю и что-то ему шепчет.

Э в а. Глупо с моей стороны. Согласна, интервью мое.

С л е д о в а т е л ь. Каким же образом осуществлялось ваше сотрудничество?

Я н. Да не было никакого сотрудничества.

С л е д о в а т е л ь. В таком случае объясните, почему десантники-парашютисты, истребившие все гражданское население на площади около четырех квадратных километров, *почему именно вас они пощадили?* Почему из трехсот с лишним человек только вы двое уцелели,

почему только ваш дом остался невредим?

Э в а. Такое было условие: если дадим интервью, нас не тронут. Сначала мы не хотели, но потом уступили. Деваться было некуда.

С л е д о в а т е л ь. Уведите пока фру Русенберг. Мы потолкуем с ее мужем наедине.

Сутулый сдергивает Эву со стула, толкает к двери. С трудом удержавшись на ногах, она секунду стоит наклонясь вперед, но получает тычок в спину и падает. Ее поднимают и выпроваживают за дверь.

Просторный зал с паркетным полом, стены расписаны летними мотивами: купающиеся юноши и девушки, матроны с голенькими малышами, пожилые мужчины в легких белых костюмах.

Эва оборачивается: на полу Освальд, не то сидит, не то лежит. Он без очков, черные глаза в обрамлении синяков, распухшие губы кровоточат, одежда рваная, в крови. Похоже, у него помрачился рассудок.

Из-за двери доносится истошный крик. Это Ян. И тут же – чей-то раздраженный голос.

На стене ветвится пышное зеленое дерево, под деревом – влюбленная парочка с корзинкой для завтрака. Поодаль, у самого входа, разбитый музыкальный автомат и яркая реклама каких-то сигарет.

Дверь открывается – в зал вталкивают Яна; шатаясь, он делает несколько шагов.

Почти одновременно сюда же не то зашвыривают, не то вталкивают еще двоих, «обработанных» аналогичным манером. Первый кричит не закрывая рта. Второй достает сигарету и молча курит, а на глаза у него снова и снова наворачиваются слезы.

Через потайную дверь входит врач с двумя помощниками. От врача – худого краснолицего старика с вставными зубами, в сильных очках – разит водкой.

В р а ч (Яну). А ну, стань на ноги. Отлично. С тобой

все в порядке. Ты, парень, вне опасности. Руки-ноги вроде как целы. (*Освальду.*) Видик у тебя скверный. Поднимите-ка его. Нет, этого надо в лазарет. (*Человеку, который кричит.*) Заткнись на минутку, а? Что с тобой? Та-ак, ясно. Плечо вывихнули. Давай же его сюда, сейчас вправим.

Помощники крепко держат пострадавшего, а врач дергает его за руку, взад-вперед, взад-вперед. Наконец – пронзительный вопль.

В р а ч. Недельку-другую в теннис не играй. Вот тебе обезболивающие таблетки, прими и будешь словно в раю. А у дамы как дела? Порядок? Тем лучше. Сигарету? Прошу вас. Раздобыл вот сию минуту у спекулянта, с которым пришлось маленько повозиться. Ну а этот что? Спит? Ах, не спит. Тогда, черт побери, несите его в санитарную машину. Здесь его оставлять нельзя.

Врач трет лоб и озирается по сторонам, словно только что увидел это помещение.

В р а ч. Раньше здесь был яхт-клуб. Я в нем много раз бывал. Во время осенней регаты... Кстати, вас кормили? Стало быть, нет. Вы уж извините. Мы тут недавно, и все пока идет через пень-колоду. Я скажу насчет еды. До свидания.

Тяжело ступая, он выходит вместе со своими помощниками. Откуда-то слышны звуки радио. Люди снуют по коридорам. Трое оставшихся в зале буквально обратились в слух, и потому каждый замкнулся в скорлупе молчания. Человек с вывихнутым плечом – журналист, сотрудник местной газеты. Когда было получено непроверенное сообщение, что операция якобы увенчалась успехом, газету переверстали и на первой полосе напечатали приветствие освободителям. Теперь этот человек наперекор всему считал, что с ним обошлись вполне гуманно: стоило закричать всерьез, как его тотчас отпусти-

ли. И вид у них был смущенный, с непривычки наверно.

По словам журналиста, появление врача — что-то новое, прежде такого не бывало. Ян рассказывает, что сутулый с подручными зверски его избили. Когда следователь ненадолго отлучился. И сказали: это, мол, тебе за паршивую телепрограмму.

Входит женщина с большим подносом, на котором стоят три тарелки супа. Поглазев на пленников, она снова исчезает за дверью.

Спустя несколько часов их будят и выводят на улицу.

Почти стемнело, холодно. Во дворе человек пятьдесят пленников; Яна, Эву и журналиста пихают в толпу. Вдоль длинной стены ресторана выстроена рота солдат. Кухонная стена заложена мешками с песком.

На деревянном помосте установлены два мощных прожектора, слышатся крики и топот ног. На улицу выволакивают мужчину в джинсах и белой сорочке, он отчаянно сопротивляется. Его привязывают к толстому деревянному столбу, врытому перед кухней. На лицо натягивают капюшон. Дежурный офицер отдает приказания. Человек под капюшоном кричит, потом замолкает.

Во двор выходит бургомистр Якоби. Он в полковничьем мундире, идет как больной, опираясь на трость. Становится в лучах прожекторов между приговоренным к смерти и пленниками, глядит на толпу. В резком свете лицо его кажется старым и отечным. Тяжелая голова втянута в плечи, глаза красные, воспаленные, точно от бессонницы.

Я к о б и. Этот человек приговорен к смерти. Он сотрудничал с врагом и причинил нам большой урон. Указом правительства он помилован, смертная казнь заменена пожизненной каторгой. И вы все здесь тоже понесете более мягкое наказание, чем то, какого можно

было ожидать. Обращаться с вами будут гуманно, по справедливости. Те, кто предстанет перед судом, получают защитников из числа военных адвокатов. Некоторые будут немедленно освобождены и доставлены к месту жительства. Постройте пленных в одну шеренгу.

Офицер отдает команду. Узников гонят к дому и выстраивают вдоль стены, так что свет прожекторов бьет им прямо в глаза. Якоби идет вдоль шеренги, указывает тростью.

Тем, кто будет освобожден, цепляют на грудь белые бумажки.

Якоби узнает Эву и Яна. Останавливается и с едва заметной усмешкой смотрит на них. Затем приказывает немедленно препроводить этих двух пленных к нему в контору, пускай ждут там под охраной. И идет дальше.

Темнота. Деревянный мостик. Дверь, лестница. Зажигается свет в большом конторском помещении. Еще дверь. Кабинет Якоби.

Один охранник садится у двери, достает кулек карамелек, начинает есть конфеты.

Э в а. Можно нам сесть?

О х р а н н и к. Нет, черт побери, нельзя. Если Якоби увидит, что вы сидите, в кровь измордует и вас, и меня. Ну, счастливики, ох вам и достанется. Не хотел бы я очутиться в вашей шкуре. Правда, я сам ничего такого не видал, но люди рассказывают. Мы-то думали, с этими делами покончено. Думали, они на другие методы перешли. Более современные. Психологические. Но взять, к примеру. вчерашний день. Горемыка пастор. Якоби занимался им часа три. Лично я его после не видал, но те, кто видал, сказывали, что просто наизнанку выворачивает.

На лестнице шаги, медленные, неровные. Появляется Якоби. От натуги он тяжело дышит, видимо, нога из-

рядно ему докучает. Велев охраннику выйти за дверь и там ждать приказаний, он отворяет дальнюю комнату, приглашает туда Яна и Эву.

Это небольшая гостиная. Мягкая мебель, шторы на окнах, стеллаж с книгами, проигрыватель, солидные стопки пластинок, уютные лампы, ковер на полу. Якоби усаживает их, подходит к шкафу, достает коньяк и рюмки, наливает.

Я к о б и. Слышал, слышал об этом пресловутом интервью. Фальшивка, от начала и до конца, вне всякого сомнения. Но ведь главное – сделать так, чтоб другим было неповадно, потому я и не мог воспрепятствовать вашему аресту. Теперь вам опасаться нечего. Правосудие свершилось. Я, кстати, заранее их предупредил, чтоб не очень усердствовали, у Яна Русенберга большое сердце, смотрите, мол, чтоб без эксцессов! Как вы себя чувствуете?

Я н. Спасибо, неплохо.

Я к о б и. Ну, как я погляжу, серьезных повреждений нет. А фру Эва отделалась испугом. Я запретил вас трогать. Надеюсь, они не ослушались.

Э в а. Они были почти корректны.

Я к о б и. Это уже кое-что. Ну, ваше здоровье. Надеюсь, мы еще увидимся в другой раз и тогда побеседуем подольше. Сейчас вы, наверно, мечтаете поскорей очутиться дома. Я скажу насчет машины, чтоб вам не искать попутного транспорта.

Он грузно выходит в контору, принимается звонить по телефону. Клянет никудышную организацию, весьма невежливо требует к телефону дежурного офицера, спрашивает у него, где, черт побери, болтается шофер, звонит по другому номеру, говорит, что с понедельника он все тут поломаёт, и, наконец попав на нужного человека, удивительно вежливо просит предоставить в его распоряжение автомобиль.

Жмет Эве и Яну руки, желает им счастливого пути. Громовым голосом приказывает охраннику сопроводить машину и проследить, чтобы господа Русенберг благополучно добрались до дому.

Охранник, ожидавший совсем иного, недоверчиво таращит глаза на Яна и Эву, которые садятся в автомобиль. Сам он устраивается рядом с шофером, но по дороге нет-нет да и оборачивается на пассажиров.

Осенней ночью подмораживает, а потому им дали с собой одеяло, чтобы не продрогли в пути.

Они сидят, прижавшись друг к другу, дремлют.

6

Неделю-другую спустя заключается перемирие. Осень, дни стоят темные, холодные, почти все время льет дождь, порой налетает с моря снежный шквал. Трупы увезли и похоронили. Население мало-помалу возвращается из своих убежищ в глубине страны. Тут и там начинают запоздало осеннюю пахоту.

Ян с Эвой сажают картошку. Участок большой, работа тяжелая и идет в хмуром молчании.

Ян. А-а, пропади все пропадом! Бессмысленное занятие, ей-богу. Если хочешь, продолжай, а с меня хватит.

Эва, закусив губу, продолжает работу. Ян наблюдает за ней. Он просто кипит от злости.

Ян. Мученицу из себя корчишь. Ишь, надрывается, ханжа несчастная. А сама, черт подери, все это ненавидит!

Эва не отвечает, только спина у нее напрягается.

Ян. Странное дело. Пока шла война, у нас были вполне сносные отношения. А теперь, когда худшее позади, даже не глядим друг на друга. Уму непостижимо! Десять часов, пойду послушаю новости.

Эва. Вот и сиди со своим приемником. Оно и лучше,

глаза мне мозолить не будешь.

Я н. Якоби дал нам приемник, чтобы мы слушали новости. Сказал, это очень важно.

Э в а. Раз важно, так нечего торчать здесь и молоть языком.

Я н. Третьего дня, когда Якоби был тут, ты сама говорила, что с ним выгодно поддерживать дружеские отношения.

Э в а. Ничего подобного я не говорила.

Я н. Еще как говорила. Только наклюкалась до чертиков, вот память и отшибло, не помнишь, что болтала.

Все так же кипит от злости, Ян принимается помогать Эве. Оба молчат, насквозь промокшие под мелким ледяным дождем.

Э в а. Скажу Якоби, пусть больше к нам не ходит. Я видела Филипа, он говорит, случись что, нам несдобровать.

Я н. Не хватало только, чтобы Филип указывал, кого нам принимать у себя в доме!

Э в а. Якоби ходит сюда, приносит подарки. Каждый вечер сидит у нас допоздна и пьет горькую.

Я н. Он всегда относился к нам по-хорошему. И зачем слушать все эти сплетни. Мы знать ничего не знаем.

Э в а. Но как бы там ни было, зря ты перед ним так заискиваешь.

Я н. А сама-то?

Э в а. Я не заискиваю.

Я н. Еще как заискиваешь. Бегаешь перед ним на задних лапках, подлизываешься.

Э в а. Попробуй только повтори, что я подлизываюсь, я тебе так врежу!

Я н. Подлизываешься, подлизываешься!

Вне себя от ярости Эва смотрит на мужа. Потом на ее лице появляется гримаса отвращения. Щека у нее в зем-

ле, тяжелые мокрые волосы липнут ко лбу.

Э в а. Лишь бы наступил мир, тогда мы сразу же разойдемся. Чертовски будет здорово – отделаться от тебя и твоей дурацкой ребячливости. Жизнь-то не у тебя одного изломана. Есть, между прочим, и другие люди. Нечего стоять тут и хихикать. Тоже мне, уникаму выискался!

Со всей силы ударив его кулаком, она падает на землю. Плачет. Ян усаживается на тачку с картофельными мешками. В лесу вечереет. Чайки, словно маленькие неуклюжие привидения, бродят по участку.

Я н. Я так больше не могу. Это же полнейшая бессмыслица, и мы оба это знаем. Прости меня.

Э в а (со злостью). Очень ты скор просить прощения. Это всерьез или так, для красного словца?

Я н. Мы уже сказали друг другу все, что можно, и даже сверх того. Давай помиримся.

Э в а. Ладно.

Она встает, рукой смахивает с одежды землю. Ян неловко ей помогает. Она берет лицо мужа в свои грязные ладони, наклоняется к нему.

Темно, жужжит керосиновая лампа. (Керосин вновь появился в продаже.) Играет транзистор, супруги Русенберг готовятся ко сну. Неожиданно старая такса тьякает. И тотчас слышится шум автомобиля, а затем стук в дверь. Эва идет вниз, открывает.

В темноте у крыльца стоит Якоби. Он без шапки, в штатском костюме и блестящем черном дождевике. Башмаки перемазаны глиной, будто он долго гулял по раскисшим проселкам.

Под мышкой у него газетный сверток.

Чуть поодаль на дороге – большой черный лимузин. За рулем человек в военной форме.

Я к о б и. Извините за столь позднее вторжение. Ездил за город проветриться и вообще-то собирался прямо домой. Но заметил у вас свет и подумал: дай-ка загляну на огонек. Если не помешаю, конечно. Может, вы уже спать ложились?

Э в а. Просто сидели, слушали симфонию Малера.

Я к о б и. В грязных башмаках я в дом не пойду. У Яны наверняка найдутся лишние тапки. А башмаки поставь, если не трудно, к огню. Промокли насквозь.

Следом за Эвой он идет на кухню. Она зажигает керосиновую лампу, берет его башмаки, ставит к огню. Якоби садится возле кухонного стола, наклонясь вперед и положив на клеенку свои большие руки.

Э в а. Если не возражаете, посидим здесь, на кухне. В других комнатах очень холодно.

Я к о б и (*кричит*). Ян Русенберг! Ты где запропал, черт побери? Гости пришли.

Ян спускается вниз, сердечно здоровается, спрашивает, как дела.

Я к о б и. Паршиво. Только что получил письмо от жены. Она в Швейцарии.

Я н. Надеюсь, все в порядке?

Я к о б и. А как же?! Само собой. Просто великолепно. На полгода у нас мир. Повсеместно прекращение огня, и обе стороны... Да вы и сами знаете, у вас же есть радио.

Э в а. Ян имел в виду твою жену. У нее все в порядке?

Я к о б и. Я тут выпивку захватил. Бутылочку Реноуар. Ну как? Рюмки найдутся? Эва, лапочка, ты день ото дня хорошеешь. Бросай своего трусливого зайца и переходи ко мне! Я намного лучше, правда-правда. Во всех отношениях. А ведь я определенно захмелел. Да так и должно быть. Перед отъездом дернул полбутылки виски. Знаешь, Эва, вначале мне это было раз плюнуть.

А теперь нет. Знаешь, по-моему, все дело в запахе. Люди от страха сильно потеют и бывают просто мокрые, когда наши парни их раздевают. Воньща.

Э в а. Вы применяете пытки?

Молчание. Ян не отрывает взгляда от жены. Якоби, подняв голову, смотрит на рюмку, которую крутит в пальцах.

Я к о б и. Ян, у меня есть для тебя подарок. Чертовски роскошный, но он твой. Сам я получил его по наследству от дяди. Это – первое издание Ми-бемоль-мажорного трио Дворжака. Когда-нибудь мы его сыграем, втроем. И для Эвы у меня тоже подарок. Вот, прошу. Надеюсь, размер подойдет. Старинная фамильная драгоценность.

Он передает Эве кольцо с бриллиантами в прихотливой оправе из алмазных розеток.

Э в а. Стоит ли делать нам такие подарки.

Я к о б и. А разве вы не принимали меня как друзья?.. Ну вот, хотел что-то сказать и забыл.

Он погружается в угрюмое молчание. Эва показывает Яну кольцо, он ей – ноты. Затем оба с опаской смотрят на Якоби, словно бы впавшего в прострацию. В дверь стучат. Ян открывает. На крыльце стоит Филип. В дом Ян его не пускает, но с порога вновь пришедшему видна спина Якоби. Не найдется ли у них в долг несколько литров керосина? – спрашивает Филип и, получив керосин, скоро исчезает в дождливой тьме.

Я к о б и. Кто это был?

Э в а. Да так. Приятель один. Нет-нет да и забежит. Керосину просил в долг. А ты ведь нам целую бочку привез.

Я к о б и. Пора кончать с курением. Эти люди верят в значимость того, что делают. Чудовищный идеализм –

вот что ими движет.

Э в а. А тобой нет?

Я к о б и. Что-то я сегодня у Эвы не в чести. Поцелуй попросить и то страшно, наверняка скажет – нельзя, Ян, мол, не разрешает. Но ты-то, поди, не против, чтобы Эва меня поцеловала?

Я н (*смеется*). Спроси у нее самой.

Якоби встает, обходит вокруг стола, наклоняется к Эве и с отчаянием смотрит на нее.

Я к о б и. Ну так что? Поцелуешь меня?

Эва притягивает к себе его голову и целует в губы. Он опускается на колени, кладет руку ей на грудь. Она не противится.

Э в а. Ты человек добрый, и мы тебя любим, но твои постоянные визиты ставят нас в затруднительное положение.

Якоби со смехом встает, опирается руками на спинку стула.

Якоби. Артисты, артисты... А так ли уж здорово быть артистом? Это что, избавляет от всех обязанностей? Нет, ошибаетесь. Хватит ссылаться на свою немыслимо тонкую душевную организацию. Говорите что угодно, делайте что угодно – воля ваша. Но и отвечайте за себя. Вам нежелательно мое общество. Я понимаю. Это приказ.

Э в а. Не глупи. Ты перебрал, вот и несешь чепуху.

Я к о б и. Испугалась, я вижу. Понюхать у тебя под мышками – наверняка страхом разит. Жаль, нравиться вы мне, стали в этом захолустье моими друзьями. А не то бы я вас упрятал в рабочие лагеря. Боишься, Ян Ру-сенберг? Ты кто – артист или тряпка?

Я н. Тряпка я, тряпка. Садись лучше и давай потолкуем о другом. Или, к примеру, музыку послушаем.

Я к о б и. Святая свобода искусства, священная слабость его. Так и быть, оставлю странную реплику Эвы без внимания. Давайте послушаем. (*Поет.*) Я выйду пока.

Эва и Ян изо всех сил пытаются стряхнуть дурман, но безуспешно. Они как бы заперты во сне и пробуют разорвать его путы, проснуться. Становится нечем дышать, и только. Сон заперт наглухо.

Эва. Господи, если б я могла отречься. В жизни так не напивалась.

Ян. Надо бы его выпроводить. И с Филипом нескладно получилось.

Проходит довольно много времени, наконец возвращается Якоби. Теперь он с виду уравновешен, трезв, спокоен и полон достоинства.

Я к о б и. Ян, дорогой, прости! Я вышел в твоих тапках на улицу и перемазал их.

Он разувается. Тщательно набивает трубку, а закурив, просит стакан воды и залпом осушает его. Берет на колени таксу, гладит по голове. Долгое молчание.

Якоби. Ну и народу в лесу! Все ждут благоприятного момента, выслеживают, караулят. Я вот иной раз думаю: а что они со мной сделают? И, честно говоря, эта мысль меня пугает. Собственно, у них нет причин пытаться меня, я никаких секретов не знаю. Но при всем при том пыток мне, наверно, не миновать.

Снова молчание. Ян опускается на дровяной ларь. Эва подпирает голову рукой, смотрит во тьму.

Я к о б и. Испугались? (*Смеется.*) Прошу прощения, шутка. Не такой я дурак, чтоб пойти сюда, ничего заранее не проверив. У нас по всему этому сектору патрули. Да и чистки были весьма результативны. (*Зевает.*) В об-

щем, опасности никакой, ни для вас, ни для меня.

Он наливает себе коньяку, смакует -- медленно, с наслаждением. Опять молчание.

Я к о б и. То, чем я по необходимости занимался весь последний год, легло, как я понимаю, на мои плечи грузом вины. И от наказания мне не уйти, я знаю. (К Эве.) А ты веришь, что существует преступление и наказание?

Э в а. Нет, не верю.

Я к о б и. Некоторых людей прямо-таки влечет к собственным палачам, я сам видел. Обнаружение, разоблачение и наказание обладают какой-то странной притягательной силой... Я вам надоел.

Я н. Ничуть. Продолжайте.

Я к о б и. Дело в том, что, пока говорю, я размышляю. А ведь большей частью я молчу, поскольку сижу в одиночестве. Стало быть, и мыслей никаких. Можно задать вам один вопрос? Вы друг другу сопереживаете? Ну что смотрите на меня с дурацким видом? Как сказал, так оно и есть. Кто вы -- две абстракции, которые мельтешат одна возле другой, берут друг друга в оборот, разговаривают, или живые существа, постоянно чувствующие тепло друг друга?

Осушив рюмку, Якоби поднимается, ставит таксу перед собой на стол. Идет к Эве, просит ее ощупать его голову, лоб, глаза, нос, рот. Расстегивает рубашку, прикладывает ее руку к своей груди. Потом поворачивается к Яну, склонив голову, с минуту крепко сжимает его руки.

Я к о б и. Когда от них разило страхом, я мог это понять, войти в их положение. Но не настолько, чтобы это меня сковывало. Всего раз-другой я сопереживал, ощущал человеческую близость. И всегда в соединении с болью. У вас тоже так?

Э в а. Нет, у нас не так.

Якоби серьезно кивает, словно его теория получила подтверждение, и, пошатываясь, выходит в тамбур. Стоит, смотрит в лестничное окошко. В густеющих сумерках его фигура вырисовывается неясным силуэтом.

Я к о б и. Об этом нельзя говорить вслух. Все кажется таким фальшивым. Почти непристойным. Да, говорить тут нечего. Спрятаться некуда. Ни тебе оправданий, ни отговорок. Только великая вина и великий ужас. А с ними запах.

Начинается снегопад. Беззвучная тишина. Керосиновая лампа погасла, крохотные помещения наполняются сумраком. Ян засыпает, усталый от волнений, одурманный коньком. Голову он уронил на руки и спит, сидя за кухонным столом. Эва расхаживает по кухне, прибирает, наводит порядок.

Я к о б и. Снег пошел.

Эва что-то отвечает, продолжая спокойно расхаживать туда-сюда. Якоби провожает ее взглядом.

Э в а. Думаю, тебе пора домой.

Я к о б и. Чувствовал я, что погода переменится, недаром ноги ломило. Эва, поди-ка сюда на минутку. Я тебе кое-что дам.

Но Эва не идет. Она в соседней комнате (это квадратная каморка со старинной мебелью и зеркалом в золоченой раме на стене).

Эва прилегла на раздвижной софе, подложив локоть под голову и перебирая пальцами пряди волос. Она дремлет, сосредоточенная, неподвижная. Якоби подходит к столу у окна, выкладывает из кармана пачку банкнотов.

Я к о б и. Здесь двадцать три тысячи. Мне хочется, чтоб ты их взяла.

Э в а. Не возьму я твоих денег.

Я к о б и. Ну не будь дурочкой. Ты просто моя наследница.

Он уходит за коньяком и рюмкой. Она глядит ему вслед, потом отворачивается к стене. Через несколько секунд он возвращается. Садится в низкое плетеное кресло.

Я к о б и. Третьего дня я навещал сына, он сейчас в отпуске. У них младенец, год семь месяцев. Мальчонке пора было спать, и отец кормил его перед сном из большой чашки молочным супом, а он сидел, прижавшись к широкой отцовской груди,—ну точь-в-точь обезьяний детеныш! Как наелся, так сразу и уснул.

Эва поворачивает голову, смотрит на него.

Я к о б и. У моей жены случился выкидыш. Много лет назад. Вечером на троицу я забрал ее из больницы, и мы поехали пароходом к себе на дачу. Стоял теплый, солнечный майский день. Рука об руку шагали мы знакомыми лесными тропками. Тишина, птички поют-заливаются. Мы почти не разговаривали, но были так близки друг другу, как никогда—ни до, ни после.

Эва молчит, неотрывно глядя на него.

Я к о б и. Несколько лет назад у меня умерла мать. Старая была, и сердце больное. Однажды воскресным утром мне сообщили по телефону, что она тяжело захворала. Я сразу поехал к ней. Вхожу в гостиную, а на встречу мне врач. «Можно мне к маме?» спрашиваю. А врач отвечает: «Ваша матушка только что скончалась». Потом я целый час сидел возле нее, сидел и смотрел. На указательном пальце у матери белел кусочек пластыря. Иногда мне чудилось, будто она дышит.

Эва молчит, по-прежнему глядя на него.

Я к о б и. Н-да, в сознание проникает не столь уж и

многое. Крики – вот что слышно. Если б это убеждало. Знаешь, почему я взялся за эту работу? У меня был выбор. А я боялся фронтовой службы.

Эва неотрывно глядит на него.

Я к о б и. Ты жалеешь?

Э в а. Нет.

Он с мольбой протягивает руку. Но она будто и не замечает, садится, приглаживает волосы.

Э в а. Подумаю об этом, и до того иной раз страшно станет. Вот и стараюсь не думать. Прежде я никогда не обманывала Яна.

Он хочет поцеловать ее, но она, низко наклонив голову, тихо говорит: «Не здесь», берет его за руку и ведет на улицу, через двор, где в сумраке серо-белыми пятнами отсвечивает пороша.

Они входят в теплицу, устраиваются на куче старых мешков.

Ян, пьяный, сонный, бродит по дому. Зовет Эву, негромко, несчастным голосом. У него болит зуб. Разыскав какие-то порошки от головной боли, он проглатывает один, запивает коньяком. Тревога все больше завладевает им. На столе в комнате он обнаруживает деньги. Минуту-другую стоит с пачкой банкнотов в руке, изнывая от беспокойства. Потом, запихнув деньги в карман, выходит на крыльцо и видит на снегу следы. Не зная, что предпринять, он возвращается в дом, садится на кухне за стол, допивает коньяк, временами поскуливая, точно побитый пес, потом идет наверх, ополаскивает лицо холодной водой, зябко ежится, натягивает еще одну фуфайку, бросает взгляд в окно. Ложится на кровать, стуча зубами от озноба, укрывается одеялом. Жалобно шепчет: «Эва, Эва, Эва...» Бормочет: «Сволочь Якоби... Я сам виноват».

Ему становится жарко, в лихорадке он скидывает одеяло, встает. Смотрит на часы: половина пятого.

Подперев голову руками, Ян садится на ступеньку лестницы. Надавливает пальцем на щеку: проклятый зуб – сил нет как больно!

Посветлело, снегопад сменился дождем. Эва еще с порога замечает Яна. Он поспешно оборачивается, испуганно глядит на нее. Остановив Якоби, она просит его задержаться в передней.

Я н. Как же теперь быть? Я с самого начала все знал. Но вы, черт бы вас побрал, совсем обнаглели... буквально под носом... Ну, раз уж так вышло, пускай Эва перебирается к тебе. Так, что ли?

Э в а. Помолчи, а?

Я н. Вы любите друг друга?

Э в а. Помолчи, пожалуйста. Ян, милый, помолчи.

Я н. Я сам виноват. С утра об этом думаю. Поделом мне, что Эва уходит.

Он стоит в дверях, заложив руки за спину, прислонясь к косяку. Эва снимает пальто. Полная тишина. Якоби у входной двери смотрит в лестничное окошко.

Я к о б и. Любопытно, куда девалась моя машина.

Якоби выходит на крыльцо, закуривает сигарету. Ян качает головой. Эва наливает в кастрюльку воды, ставит ее на огонь. Якоби прощается, чуть сконфуженно кивает. Ян на него не глядит. Эва тихо говорит «до свидания». Якоби, ссутулясь из-за дождя, идет через посыпанный гравием двор. Ян сидит в кухне на стуле, такса жметя к его ногам.

Я н. Что это за деньги?

Э в а. Он хочет, чтобы мы припрятали их для него.

Она достает чашки, масло, хлеб, варенье.

Я н. Надо было и ему хлебнуть горячего на дорожку.

Эва идет за кастрюлькой и вдруг застывает как вкопанная. Ян тоже переводит взгляд на окно. За оградой у дороги стоит Якоби, разговаривает с какими-то людьми (их человек восемь, один или двое средних лет, остальные – юнцы не старше семнадцати; некоторые в дождевиках, как рыбаки, другие в кожаных куртках, третьи в овчинных полушубках, у всех оружие). Якоби все время обращается к одному из них, спокойно попыхивая сигаретой. Его собеседник глядит на дом. Это Филип. Затем весь отряд вваливается во двор. Филип и Якоби проходят в переднюю, а затем в комнату, остальные располагаются снаружи.

Коротко поздоровавшись с Эвой и Яном, Филип закрывает дверь. Несколько минут ожидания. Ян пытается выйти на крыльцо, но его тотчас же вталкивают обратно.

Снова ожидание. Идет дождь. В печке гудит огонь. Где-то тикают часы. Филип открывает дверь, зовет Эву и Яна в комнату. Якоби, не сняв дождевика, сидит на софе и курит. Лицо у него худое, изможденное, плечи сгорблены и вообще он выглядит ничтожным и жалким. Откашливается. Начинает говорить, бесцветным силным голосом.

Я к о б и. Мы тут кой о чем потолковали. Филип говорит, что я могу купить себе свободу, поскольку организации нужны наличные деньги. Идеализм, верно, не так уж и силен, если даже противник требует платы. А потому, дорогая Эва, будь добра, верни деньги, которые я дал тебе сегодня вечером. Неловко забирать их назад, но другого выхода нет. Пожалуйста, передай их Филипу.

Э в а. Они у Яна.

Я н. Знать не знаю ни о каких деньгах.

Филип со вздохом моргает воспаленными глазами, он явно очень устал. Якоби охватывает дрожь. Он с

большим трудом закуривает новую сигарету. Ян смотрит в пол. Эва садится.

Я к о б и. Значит, ты денег не брал.

Я н. Не понимаю, о чем вы.

Ф и л и п (зевает). Скажи своему мужу, пусть выкладывает денежки, если они у него.

Я н. Не понимаю, о каких это деньгах вы толкуете.

Я к о б и. Он их спрятал.

Э в а. Если ты их спрятал, то придется вернуть. Они же не твои.

Я н. У нас две сотни крон в жестянке на кухне.

Ф и л и п (недовольно). Что ж, поищем.

Зевая, выходит на крыльцо поговорить со своими людьми. Они выгоняют Яна, Эву и Якоби на улицу и начинают поиски: ломают и корежат домашнюю утварь, бьют стекла, вышвыривают в окна мебель, вспарывают диваны и стулья, срывают обои, кромсают картины. Все делается быстро и методично. Вот из окна как бы танцую вылетают инструменты Яна и Эвы. Дивные творения маэстро Пампини, рожденные в 1814 году, разбиваются о дворовый гравий. Скрипка Яна осталась в футляре, но треснула по продольной оси. Он поднимает ее и отбрасывает в сторону, скрипка со стоном падает на каменную плиту у крыльца. Проходит пятнадцать минут, затем полчаса.

Кто-то из парней, наткнувшись на запас консервов, выносит их в большом ящике на крыльцо, другой тащит Яновы сапоги, третий обшаривает кроличьи клетки. Якоби в своем черном дождевике нахохлился на садовом стуле, он зябнет, греет дыханием руки, лицо осунулось, как у умирающего. Ян и Эва стоят поодаль друг от друга. На крыльце появляется Филип с двумя сотнями крон, бросает жестянку наземь, деньги прячет в карман, говорит что-то одному из своих людей, тот передает приказ по цепочке. Все выходят из дома, один

(шестнадцатилетний парень из соседней усадьбы, уцелевший в резне) садится в Янову машину, включает мотор, задним ходом подгоняет «форд» к самому дому, вылезает, несколько раз стреляет по бензобаку – взрыв, и секунду спустя старый дом уже пылает как свечка.

Филип, обернувшись к Якоби, что-то говорит.

Якоби. Я знаю.

Филип. Знаешь, в чем тебя обвиняют?

Якоби. Да.

Филип. И что мы с тобой сделаем, тоже знаешь?

Якоби. Думаю, что да.

Якоби лязгает зубами, глаза у него блуждают. Он и Филип стоят лицом к лицу. Занимается серый рассвет, резкий ветер несет с собой промозглую стужу. Филип знаком подзывает Яна.

Филип. Поди сюда. Трудная задача – сделать выбор. Ну да я тебе помогу, есть у меня верное средство.

Он протягивает Яну свой пистолет и жестом показывает на Якоби, но вместе с тем целится Яну в лицо. Жребий брошен. Эва отпрянула, скорчившись в три погибели. Пламя гудит, пышет жаром. Якоби с Яном что-то друг другу говорят. Люди Филипа выжидают. Ян роняет пистолет наземь, мотает головой, но тотчас в испуге поднимает оружие.

Филип торопит его: мол, недосуг им целый день тут торчать. Ян стреляет. Якоби делает шаг назад, прижимает ладонь к животу. Сгибается пополам. Ян стреляет вторично, и Якоби падает. Стонет, кричит. Ян подходит к нему вплотную, стреляет в голову. Якоби катается по земле, бьет ногами по гравии, пробует подняться. Один из людей Филипа выпускает ему в затылок несколько пуль. Он затихает.

Филип забирает оружие, отдает команды. Отряд шагает вниз по дороге, унося последние пожитки Яна и

Эвы. Дом полыхает вовсю, крыша обрушивается, огромный язык пламени взмывает к небу. У крыльца лежит со сломанным хребтом собака.

Отряд сворачивает с дороги и исчезает в дюнах. Эва идет в теплицу, устраивается в углу. Ян медленно плетется за нею. Отблески огня играют на стеклах, окрашивая все мягкой желтизной. Мало-помалу становится жарко. Оба долго молчат.

Э в а. Ты взял деньги?

Я н. Да, я.

Э в а. Где ты их спрятал?

Я н. Я их не прятал.

Э в а. Где же они тогда?

Я н. Тут, в кармане.

7

После этих событий они живут, точно насмерть перепуганные звери, забившись в дальний угол теплицы, где кое-как наладили быт остатками домашней утвари. Оба подолгу спят, укрываясь всем, чем только можно. Питаются репой, брюквой, картошкой, пекут их на огне. Часто бродят по пожарищу, изредка находят более или менее годные вещи вроде транзисторного приемника, книг, кастрюли, стула, старого зеркала в золоченой раме. А в остальном дни их посвящены сбору продуктов на зиму и топлива (в теплице есть ржавая печь).

Они почти не разговаривают. Временами Эва подолгу плачет навзрыд. Однажды Ян, доведенный до белого каления, велит ей замолчать. Но она плачет еще горше. Тогда он бьет ее по лицу. И она уходит прочь.

Радио едва слышно передает скудные и все более путанные военные сводки. Перемирие в гражданской войне нарушали обе стороны, но фактически боевые действия прекратились, уступив место зловещему затишью. Обе стороны обвиняют друг друга в зверских актах насилия, особенно над мирным населением.

А затем происходит следующее.

Однажды поздней осенью Ян и Эва, вернувшись из лесу, где собирали грибы, обнаруживают, что к ним в теплицу проник чужой. У печки скорченная фигура – молоденький парнишка в мундире десантника (очень потрепанном и грязном), рядом – автомат. Когда Ян открывает дверь, парень хватается оружие и целится в него. Лицо детское, худое, глаза испуганные. Разглядев, что они безоружны, он немного успокаивается, но по-прежнему начеку. Эва спрашивает, хочет ли он есть, он отвечает, что да; она дает ему несколько картофелин, он с жадностью ест.

Одна его рука обмотана грязным бинтом, из повязки торчат только два неподвижных пальца.

У него жар, губы обметаны, глаза лихорадочно блестя. Он спрашивает, не найдется ли у них обезболивающего, рука очень ноет – собака укусила. Эва дает ему аспирину, спрашивает, нельзя ли ей осмотреть рану. У нее есть и бинт, и антисептик.

Пока Эва делает перевязку, Ян, спрятав руки в карманы, сидит на постели.

Я н. Ты что, дезертировал?

Парнишка не сразу кивает.

Я н. Как тебя зовут?

Ю х а н. Юхан.

Я н. Давно скрываешься?

Ю х а н. Недели две уже. Дезертиров кругом тьма, скитаются по лесам, мародерствуют. Мне бы только до Хаммарса добраться. Это далеко отсюда?

Я н. А зачем тебе в Хаммарс?

Ю х а н. Не скажу. Просто я должен быть там не позднее вторника.

Минуту-другую все молчат. В печной трубе гудит ветер, дождь легонько барабанит по стеклянной крыше.

Э в а. Может, приляжешь?

Парнишка, вдруг насторожившись, мотает головой, подтягивает автомат поближе к себе.

Э в а. Почему ты сбежал?

Ю х а н. Да обстановка какая-то странная, не внушающая доверия. Наверно, потому они и мелют языком, не закрывая рта. Я вот думаю, а знает ли вообще хоть кто-нибудь, почему эта война до сих пор продолжается.

Он кашляет, вид у него больной. Ян подает ему чашку кипятку, согретого на печке.

Ю х а н. Я сбежал не один, нас было несколько человек. Но все куда-то подевались. Трех почти сразу же сцапали... Я уж которые сутки не сплю... А боль-то, между прочим, потише стала.

Он растерянно таращится на Яна и Эву, голова его падает на грудь, но тотчас он просыпается с мучительной гримасой, бормочет: «Мне спать нельзя».

Ю х а н (*улыбаясь*). Вот если б я вас застрелил, тогда мог бы и поспать. А так мне боязно. И уйти не могу, голова кружится.

Я н. Расскажи, зачем тебе надо во вторник быть в Хаммарсе?

Ю х а н. Что? В Хаммарсе? Я сам так сказал? Не могу я вас застрелить, вы были добры ко мне. Да и вообще, я пока никого, к счастью, не убил.

И опять засыпает, на сей раз крепко. Ян нагибается, забирает у него автомат.

Э в а. Не трогай его. Пусть спит. Не трогай.

Голос у нее жалобный, умоляющий. Ян не отвечает, несколько минут сидит с задумчивым видом. Потом встает, пинком будит парня. Велит ему идти за собой.

Юхан сыплет проклятиями, плачет. Ян велит ему замолчать. Оба скрываются в пелене дождя на дороге к морю.

Эва прислушивается. Выходит во двор – шум прибоя, крики галок, кружащих над лесной опушкой. Эва бежит по дороге; запыхавшись, останавливается, испуганно напрягает слух.

Когда она возвращается в теплицу, Ян уже там. Как раньше, сидит на постели, спрятав руки в карманы, с непроницаемым лицом.

Э в а. Что ты с ним сделал?

Я н. Во вторник на рассвете из Хаммарса отплывет рыбачий баркас с пассажирами на борту и попытается уйти в нейтральную зону. Он узнал об этом от товарища, который купил себе место на этом баркасе, но как раз в тот день был убит.

Э в а. Что ты сделал с мальчишкой?

Я н. Я забрал его снаряжение. Башмаки очень уж кстати, мои совсем развалились.

Ян роется в вещмешке, автомат и боеприпасы лежат рядом; здесь же кой-какие инструменты и нож.

Э в а. Что ты с ним сделал?

Ян поворачивается к ней, с размаху бьет. Она не плачет, только опускает голову.

Я н. Надо собираться. К рассвету будем в Хаммарсе.

Э в а. Я не пойду.

Я н. Ну и оставайся, тем проще.

Он быстро, энергично расхаживает по тесной конуретеплице. Собирает свои скудные пожитки, запихивает в вещмешок. Эва ставит на печку кастрюлю, заглядывает в продуктовый ящик.

Э в а. Надо взять хоть что-то на дорогу.

Я н. Не забыть приемник, правда, батарейки уже на ладан дышат.

Он включает транзистор. Сквозь шум и треск прорывается неторопливый голос.

Р а д и о. ...право жить свободными в свободной стране... эта братоубийственная вражда... целых девять лет... несчетные жертвы... безвестные герои... Цвет нашей молодежи... Сейчас мы накануне последней схватки... страшной и беспощадной. Наш противник сделал такой выбор... наша воля к примирению... чрезвычайное оружие... до сих пор мы колебались, однако теперь возникла настоятельная необходимость... это чудовищное оружие, но далее... невозможно...

Треск заглушает монотонный старческий голос. Ян засовывает приемник в карман пальто. Надевает Юхановы башмаки, обматывает шею его шарфом. Эва увязывает пледы, натягивает на себя все, что у нее есть из одежды. Ян осматривает и заряжает автомат.

Наконец они уходят, волоча свою тяжелую ношу.

Торопливо шагают сквозь густеющие сумерки. Прибрежные камни уже обледенели, море черное как чернила. Над лесом висит красный шар закатного солнца. Дует пронизывающий северный ветер.

Они сворачивают прочь от берега, минуют две сожженные усадьбы – исковерканные призраки за серой вуалью зимнего вечера.

8

На побережье, к Хаммарсу, они вышли задолго до рассвета. Море здесь глубоко прогрызло известняковые скалы, еще в седой древности изваяло из них циклопические скульптуры – как лики, обращенные к горизонту.

Э в а. Якоби давал мне иллюзию покоя и защищенности. Я знала, что все это обман. Что он старик, усталый,

трусливый старик. Он обещал нам всяческую помощь. Говорил, что станет после войны влиятельной персоной. Я почти наверное знала, что он врет. Что он просто перепуганный червяк, подручный для грязных делишек, которыми никто больше не желает заниматься.

Я н. Не надо об этом.

Э в а. Что же получится, если мы перестанем разговаривать друг с другом?

Появляется баркас – темное пятно на тревожно-сером утреннем море. Какие-то люди один за другим выползают из пещер и гротов, движения их неуклюжи, скованны, как у неповоротливых бескрылых насекомых.

Баркас скребет днищем по прибрежной гальке. Филип, прыгнув в воду, подсаживает на борт пассажиров, некоторым помогает втащить сумки и узлы. Всего их семеро. Три женщины и четверо мужчин.

Ян отводит Филипа в сторону, спрашивает, не возьмут ли они на борт его с Эвой, ведь парень, уплативший за место, погиб. Филип отвечает, что это стоит недешево. Деньги у него есть, говорит Ян, спрашивает, сколько надо, и слышит в ответ, что каждый внес десять тысяч крон. Сумма не кажется Яну чрезмерной, и он вручает Филипу пачку банкнотов. Филип, посмеиваясь, интересуется, где он их прятал. В кармане держал, отвечает Ян. Филип хохочет.

Ян спрашивает, почему Филип решил уехать. Филип глядит на море, на неприветливый седой рассвет.

Ф и л и п. А, обрыдло все. Я не знаю почему. Не знаю, черт побери.

Филип подсаживает Эву в баркас. Она апатична, как кукла. Все здороваются, без тени дружелюбия, но поневоле жмутся друг к другу. Одна из женщин тяжело больна.

Филип не без натуги сталкивает баркас на глубину.

Остальные из боязни, что их бросят на берегу, в воду не вылезают, изо всех сил отпихивают лодку веслами и баграми.

Высоко на обрыве что-то тяжело грохочет. Появляется танк, тормозит на самом краю. Пассажиры баркаса готовы от ужаса выскочить за борт. Их останавливает мощный, усиленный динамиком голос, прокатившийся над головами, над морем, над пустынным каменистым пляжем.

Т а н к. Удирайте, мы не станем вас преследовать, ибо вы – это стыд и позор. Нам даже ваши мертвые тела не нужны. Вы навеки лишили себя права на отечество. Спешите, воздух без вас чище будет. Мы знаем ваши преступления. Бывший адвокат Эрнст Бергман с женой: работали на два фронта, предавали и продавали своих же друзей. Бывший главный врач Петер Арман с женой: бросил детскую больницу с пятьюстами пациентами. Бывший рыбак Филип Ульссон: убивал и наших и ваших, наживался на перевозке беглецов. Бывший десантник Юхан Эгерман: дезертир. Бывший инженер Пауль Андерссон с женой: за деньги давал ложную информацию. Убирайтесь и побыстрее. Вы даже презрения нашего недостойны.

Ян неожиданно вскакивает, кричит.

Я н. Ну а мы?! Вы забыли нас, Яна и Эву Русенберг. Почему не называете наших имен? Нас что, больше нет на свете? Почему вы не отвечаете? Каково наше преступление?

Он кричит и, спотыкаясь, мечется среди камней. Кто-то пробует остановить его, но он вырывается, бежит дальше.

Танк безмолствует. Море с шумом набегает на берег. Раздается рев моторов. Темная громада отползает от обрыва и скоро исчезает из виду.

После нескольких часов плавания больная женщина умирает. Тело сбрасывают за борт. Ветер утих, море почти недвижно. Радио, которое вдруг заработало очень отчетливо, передает танцевальную музыку. Наверно, зарубежная станция. Ян и Эва сидят рядом, но говорят мало.

Наутро спозаранку мотор глохнет, баркас дрейфует в безветрии. Все по очереди садятся на весла. Настроение пока приподнятое. Около часу дня под баркасом возникает какая-то тень, словно исполинская рыба движется тем же курсом. Через некоторое время она выпускает перископ, затем всплывает – подводная лодка. На палубе мелькают люди, наводят пушку, потом люди исчезают, лодка погружается. Море вновь пустынно.

На третий день кончается пресная вода, есть тоже нечего. Поднимается ветерок. Грести мужчины не в силах. Баркас сбился с курса. Пасмурно. Холодно.

Эва рассказывает Яну сон, который она только что видела. Они жмутся друг к другу, сидят щека к щеке.

Эва. Станный такой сон, будто и не сон, а явь. Я иду по улице, по очень красивой улице. На одной стороне стоит белый гостеприимный дом, с арками и колоннами. А напротив – тенистый парк. Под высокими пышными деревьями прямо вдоль улицы течет прохладный бутылочно-зеленый ручей. Подхожу к высокой, увитой розами стене. И тут, откуда ни возьмись, самолет на бреющем полете, раз – и поджег розы. Горели они ярко и красиво, а поэтому было даже не очень страшно. Я стою, гляжу на зеленую воду и вижу пылающие розы. На руках у меня ребенок. Наша полугодовалая дочка. Она крепко цепляется за мои бусы и прижимается ко мне лицом. Я чувствую ее влажные губки на щеке. И все время знаю, что должна понять кое-что важное, сказанные кем-то слова, хоть и не помню, какие именно. Прижимаю к себе дочку и чувствую: вот она, здесь, тя-

желенькая, влажная и приятно пахнет, будто только что купалась. Вдруг на противоположной стороне улицы появляешься ты, и я подумала, что ты мог бы рассказать то самое, важное, забытое мною...

Четвертый день. Яркое солнце, безоблачное небо, штиль. Баркас занесло в скопление трупов (несколько сотен), одетых в спасательные жилеты. Пассажиры садятся на весла, скорей бы убраться подальше отсюда. Работенка не из легких.

Мертвецы лепятся к бортам, весла скользят, задевая раздутые тела. Вонь невыносимая.

Ночью небо на секунду-другую озаряет яркая вспышка. Затем снова мрак и полная тишина. Больные в баркасе (а их уже несколько человек) вялы и безучастны.

Пятый день. Радио еле-еле слышно, так что Ян вынужден прижимать транзистор к уху, иначе ничего не разберешь. Оказывается, та и другая стороны сбросили бомбы. В западном и северо-восточном округах. Направление: от рыболовных отмелей до (название неразборчиво). Перечень незнакомых населенных пунктов. Предупреждают, что вода заражена, что ветер юго-западный, а поэтому требуется незамедлительно обеспечить биологическую защиту. Далее, на восточные районы страны надвигается дождевой фронт. Дождь этот крайне опасен. Все продукты питания в районах поражения надлежит уничтожить и ни под каким видом в пищу не употреблять.

Шестой день. Все много спят, изредка просыпаются, разговаривают. Радио молчит. Кое-кто на борту уже мертв. Огромные, странной формы тучи плывут по небу.

Я н. Я все думаю, как же там было, в письмах, которые мы друг другу писали в то гастрольное лето. «Моя рука в твоей»... А может, «твоя рука в моей».

Э в а. «Моя рука в твоей».

На седьмой день разражается шторм с сильнейшим ливнем. Те, кто еще жив, утоляют жажду отравленной водой.

Гриндстюган, 21 мая 1967 г.

Итак, бомбы идут в ход, положив начало необратимому заражению планеты продуктами распада.

Далее логично следует *Post bombum**, как уместно назвал свой рассказ по аналогии с *Post mortem*** аргентинский писатель Альберто Ванаско.

Трактовка эсхатологической темы лишена здесь высокого трагизма новеллы А. Кларка или бытовой поэтичности рассказов Р. Брэдбери. Интонацию Ванаско определяют горечь, гротеск и сарказм; автор как бы полемизирует с хрестоматийными произведениями Брэдбери «451° по Фаренгейту» и «Улыбка», где залогом возрождения человечества после ядерной катастрофы выступают неискоренимое чувство прекрасного и индивидуальная память, сохраняющая великие создания человеческого гения. У персонажей Ванаско застревают в памяти кое-какие факты, и порой они соответствуют истине: «Весь мир обрекла на гибель тоже в общем ничтожная кучка людей, обративших знание в оружие чудовищной силы». В остальном однако...

Нет, не питает Альберто Ванаско никаких иллюзий в отношении послеядерного быта и послеядерного человека. Не смешение языков, как при Вавилонском столпотворении, а искажение понятий и истин видится аргентинскому писателю, и надо всем – торжество все той же неистребимой пошлости мысли и духа, что допустила катастрофу своим молчаливым равнодушием к судьбам мира...

* После бомбы (лат.).

** После смерти; посмертно (лат.).

Post bombum

Альберто Ванаско

Море кипело, в гнев швыряя пенные головы пепельных волн на плаху пустынного побережья. В глубине его, за обугленным частоколом стволов пальмовой рощи, в искромсанном чреве земли, среди пластов неотвратимо ползущего с гор ледника ютились уцелевшие. Их можно было пересчитать по пальцам: то там, то тут одни и те же тихие, пугливые двуногие существа изредка и лишь на мгновение появлялись из нор, чтобы ухватить за хвост зазевавшегося зверька – и тут же исчезнуть. Блеклый луч солнца редко проглядывал сквозь плотную пелену облаков. Дождь, разразившийся в миг катастрофы, лил с тех пор непрерывно, и, казалось, уже никогда не прекратится этот неумолчный плач неба.

Жизнь, затерянная в лабиринтах смрадного дыма, цеплялась за искалеченное тело земли; из темных, бездонных трещин ее прорастали корявые, ядовитые злаки, их пожирали всеядные монстры.

Где-то неподалеку слышались голоса. На их шум из норы осторожно, с оглядкой выполз человек, обутый в один, левый башмак – правый был безнадежно утерян. Голоса звучали уже совсем близко, и вот из дыма вынырнули две тени. Яростно бранясь и швыряясь камнями, двое гнались за редкостной по нынешним временам добычей – рептилией, напоминавшей гигантскую амебу. Каждый оспаривал право единоличного владения желеобразным лакомством. Один из охотников был одноглаз, голова другого напрочь лишена всяких признаков растительности.

Пер. изд.: Vanasco A. Post bombum: в сб. Vanasco A. A si exhiben los argentinos.– Buenos Aires: Metropolis, 1966.

© перевод на русский язык, «Мир», 1988.

Рваные порывы ветра раздули тлевшие в неглубокой расщелине угли. Неровные блики пламени высветили из дымных сумерек тело громадной сороконожки, мирно дремавшей на теплом еще валуне. Наказание за беспечность последовало незамедлительно: подковыляв к ней, обладатель единственного башмака мигом проглотил ротозейку. С сытым довольством похлопав по животу, он добродушно посмотрел на спорщиков:

– Эй вы, охотнички! Чем камнями кидаться, шли бы лучше сюда... Да не бойтесь, никто вас и пальцем не тронет! Идите, здесь хоть погреться можно, – он рукой показал на языки пламени, лизавшие край расщелины.

Опасливо поглядывая на незнакомца, лысый сделал робкий, неуверенный шаг навстречу. Но когда разглядел, что у него нет в руках ни дубины, ни камня, совершенно освоился, и вскоре уже сидел на корточках у огня, с аппетитом уплетая кусок только что убитой им гадины. Вид этой идиллии прибавил храбрости одноглазому, и он пристроился рядышком с недавним своим обидчиком.

– Ну вот, нашего полку прибыло, – бодро заметил обладатель единственного на троих башмака.

В ответ раздалось лишь урчание изголодавшихся «новобранцев», рвавших редкими, искрошенными зубами останки рептилии. Первая попытка завязать разговор ни к чему не привела: тягостное молчание затянулось примерно на час и было прервано подозрительным шорохом... Минутный испуг сменился облегченными вздохами: оказывается, за их спинами всего-навсего устроили потасовку три проказливых уродца. Брызжа слюной и захлебываясь косноязычным клёкотом, они яростно тузили друг друга, и каждый старался подтолкнуть другого к самому краю раскаленной расщелины.

– Ну вот, наши ребяташки уже, можно сказать, подружились... Да и нам пора бы предпринять что-нибудь... этакое, – сказал тот, единственным удачным

предприятием которого был сохраненный в целости левый башмак.

– Не вижу в этом особой необходимости, – мрачно заметил тот, что с некоторых пор смотрел на мир одним глазом.

– Друг мой, вы не правы! – горячо возразил ему первый. – Нам есть что спасать, пусть уже не для нас – для наших потомков! – и он вяло махнул в сторону драчунов.

– А... бросьте, все пошло прахом, – тот, который некогда так гордился пышной шевелюрой, был безутешен.

Спор зашел в тупик и оборвался.

– Но больше так продолжаться не может! – решил нарушить неписанный регламент часового молчания обладатель единственного башмака во Вселенной. – Разве это жизнь – день-деньской прятаться по норам, а появляться на свет божий, лишь когда живот сведет до последней крайности и то – остерегаясь соседа. Да что мы, право, враги друг другу? Вот здесь нас – шестеро, считая детей. Там, – он кивнул в сторону ледника, – еще, кажется, трое... или четверо? Ей-богу, до сих пор точно не знаю. А ведь у них вроде бы и дети есть! По крайней мере у одного – целых двое. Впрочем, не совсем уж и целых... Но поймите же вы, наконец, мы – единственные, кто уцелел. И значит, надо...

– Да никому уже ничего не надо, – сплюнул в костер одноглазый.

– Слушайте, я вам все объясню, – не сдавался поборник коренного преобразования общественных отношений. – Я не разделяю ваши упаднические настроения. Господи, да мир и без того стал так скучен! Никаких развлечений, целыми днями только и томимся от безделья. А между тем вполне ведь можем с пользой проводить время! Нет, вы уж дослушайте. М-м-м... Так о чем это я? Ах да: вот взять бы, к примеру, нас троих.

Сидим здесь, таимся, помалкиваем. А ведь каждый – вы только вообразите! – каждый что-нибудь о чем-нибудь да знает. Поняли, к чему я клоню? Боже, ведь это так просто. Нам остается лишь объединить свои знания! Мало того – систематизировать их, записать в должном порядке и передать сей труд потомкам. Глядишь, его станут штудировать дети наших детей, а что? Кто знает, может, им суждено начать все сначала... И кто-то когда-нибудь задастся неизбежным вопросом: кто же они, прародители новой эры? Как – кто? – ответят ему, – вот их имена... Ну, каково, я вас спрашиваю?

– Ладно, чего там, – пробурчал одноглазый. – Вы-то сами чем занимались? Кстати, как вас зовут?

– Антонио Моралес, к вашим услугам. Работал управляющим в порту.

– А меня – Силва. Из служащих.

– Нет, видали? Из служащих! – восхитился поборник зарождающегося движения за возрождение человечества.

И оба тут же в три глаза уставились на лысого.

– Ну что ж, можете называть меня Андерсоном. И я, было дело, служил – привратником в одном департаменте. Между прочим, костер-то догорает...

– Ну что вы, огонек еще есть... Впрочем, передайте, пожалуйста, парочку во-он тех досок. Да что вы все так пугаетесь! Спасибо... А, успели заметить? Да, я, знаете ли, привык распоряжаться людьми, организовывать их, спланировать – что поделаешь, должность обязывала... Да и вы, Силва, надо думать, тоже птица большого полета – как-никак из служащих. И, полагаю, вам известно много-оное из того, о чем мы и не подозреваем, не правда ли?

– Э-э-э... пожалуй. Я, бывало, почитывал на досуге. Правда, не особо уж и вникая – так, на сон грядущий.

– Ну это не так уж и важно... То есть, я хотел сказать, сейчас все важно. Эх, жаль – нет бумаги! Хотя, постой-

те... Здесь же полно грязного битого стекла! Дайте-ка мне вот это, побольше. Водить по нему пальцем – занятие, прямо скажем, не из приятных, ну да наука требует жертв. Итак, Силва, вам первое слово!

Силва надолго замолчал, уставившись единственным оком в хилое пламя едва тлеющего костра. Он все никак не мог отогреться, он устал думать о чем-то, кроме еды. Горько, страшно думать и вспоминать. Да и что он мог поведать этому жалкому, обреченному миру? Почти ничего. Интересно, дошла ли до сеньора управляющего вся ирония ситуации, которую он так тщится воссоздать? Ведь мир обрекла на гибель тоже в общем ничтожная кучка людей, обративших знание в оружие чудовищной силы! И вот, выходит, теперь им троим, да еще их ущербным потомкам предстоит начать все вновь – из пепла...

В памяти почему-то всплыло имя: Нерон. Ну конечно же, Нерон! Когда-то он смотрел большой телесериал об этом императоре.

– Нерон. Я бы начал с него.

– Прекрасно, Нерон так Нерон! – с энтузиазмом подхватил Моралес. – Какая разница, что послужит нам точкой отсчета? Кстати, в каком году и чем он прославился?

– Вот года я и не припомню. Хотя... Значит, так: Нерон сотрудничал с Юлием Цезарем. А потом они в чем-то неладили, и Нерон с досады спалил Рим. Пожалуй, случилось это лет за пятьсот до Христа.

– Стоп, дайте записать: Нерон, Христос, Юлий Цезарь. Отлично, это уже кое-что! А к каким годам примерно относится эра Христа?

– Она началась с его рождения и завершилась где-то в районе Голгофы.

– Разумно, разумно, – Моралес живо водил пальцем по стеклу. – Так. А что вам известно о Юлии Цезаре?

– Он основал Рим.

– Итак, Нерон его сжег, а Цезарь, значит, отстроил заново, так следует понимать?

– Да, вроде того. Думаю, что так оно все и было.

– Еще бы! Ладно, с эпохой Рима все ясно. Перейдем к грекам. Что вы о них знаете?

– Они жили еще раньше.

– Когда именно?

– Лет этак за десять тысяч до Христа. Греки прославились своей Троей. Там они воевали с карфагенцами.

– И кто победил?

– Думаю, что никто. Ведь с тех пор и пошло известное выражение: пиррова победа.

– Пирр – это что, император Карфагена?

– Да, а как вы догадались?

– Друг мой, я тоже кое-что читал... Ну, на сегодня, думаю, истории хватит. Давайте поговорим о науках. Вот вы, Андерсон, служили привратником...

– Временами я еще подменял курьера.

– О, вы нам еще весьма пригодитесь, когда речь зайдет о географии. Но сейчас мне бы хотелось затронуть некоторые аспекты физики. Скажите, вы отвечали за освещение в фойе департамента?

– Еще бы!

– Стало быть, вам наверняка известно кое-что об электричестве!

– Ну, знаете, чтобы отвечать за освещение, вовсе не обязательно знать, откуда оно берется. Ясное дело, мне известно, куда вставить вилку, как вернуть лампу... Ага, вот еще пишите, пока не забыл: есть два типа тока. Переменный и постоянный..

– Чем они отличаются?

– Один валит наповал, другой долбанет разок – но так, для острастки...

– Долбанет, говорите... А откуда оно берется, электричество?

– Ну, из этой штуковины... Не знаю, как уж она там

называется, но однажды так меня саданула – искры из глаз посыпались! Все это каким-то образом связано с кабелем. И еще динамо. Да вы записывайте, детишкам такое всегда интересно.

– Динамо... Это что еще за зверь такой?

– Понимаете, такие щеточки, и они крутятся, и образуется электроподтек.

– Вы хотели сказать – поток?

– Может, и поток. Сами знаете, а еще спрашиваете!

– Что вы, я так... А дальше что?

– И этого хватит, я думаю. Теперь ваша очередь. Вы-то сами что знаете?

– О, я, например, мог бы вам рассказать, как без помех списать ценные грузы в разряд утонувших, а потом пустить их в оборот. Берутся липовые накладные...

– Не думаю, что они нам когда-нибудь понадобятся. К тому же следует позаботиться о моральном облике потомков... Расскажите-ка нам лучше, что вам известно о кораблях.

– В кораблях есть трюмы.

– А каким образом они плавают? Вот что интересно!

– Потому что они все до единого полые изнутри. По этому поводу есть даже специальный физический закон.

– Принцип Ньютона, – встрял в ученый диспут одноклассник.

– Вот именно... Как вы сказали? Ньютона?

– Да, но не спешите вы так, Моралес! Выслушайте все сообщение, а уж потом... Итак, принцип Ньютона гласит, что гравитация притягивает тела. Замечательное, скажу вам, открытие! Просто на все случаи жизни.

– И поэтому корабль не тонет?

– Нет, здесь все обстоит как раз наоборот. Это вода его держит на плаву.

– Ну и что?

– Я уже сказал: принцип Ньютона.

– Раз уж мы ударились в науку, – сказал Моралес,

усердно выводя каркули, – то объясните мне заодно, что это такое – относительность?

– Это как-то связано с Эйнштейном. – Единственный глаз Силвы торжественно и строго уставился на уцелевший башмак Моралеса. – Это он ее открыл. И тем самым произвел форменный переворот в астрологии. Он так и говорил, бывало: господа, все в этом мире относительно!

– Как это мудро, коллега! – Моралес взял еще одно стеклышко. – Все относительно... А формулы, формулы какие?

– Сложные. Но вот что замечательно: он утверждал, что скорость света – триста тысяч километров в минуту.

– Эка хватил! Не многовато ли будет?

– Нет, уж это я точно помню. Но, пожалуй... Накиньте-ка часок на нынешние условия.

– Вот это другое дело. Так... Кто из нас силен в геометрии?

– Есть теорема Пифагора. – Силва явно вошел в ученый раж.

– Это как?

– Есть такой способ измерять стороны углов. Пишите: сумма двух катетов равна гипотенузе.

– Как интересно! Не могли бы вы нам пояснить на примере?

– Охотно. – Силва достал складной нож. – Куда вы? Стойте! Не собираюсь я никого резать. Видите, черчу на земле треугольник. Вот – катеты, а это гипотенуза...

– Послушайте, ведь она явно короче их обоих, вместе взятых!

– На вид – да, но с точки зрения математики – ничего подобного. Пифагору тоже не верили, так ему пришлось выводить теорему.

– Как все-таки это прекрасно! – закатил глаза Моралес. – Вот явятся сюда обитатели иных миров, найдут наши скромные записи на стеклах, и перед ними пред-

станет величественная картина человеческих познаний...

– Коли на то пошло, надо бы добавить кое-что из литературы! – полыхнул вдохновенным глазом Силва.

– Да ну ее... Нет, тут требуется что-то фундаментальное. Например, атомная бомба. Как ее изготовить? Вот что бы им следовало знать в первую очередь!

Ответом ему было гробовое молчание. Вновь повисла пепельно-серая завеса дождя. Моралес неловко попытался прикрыть стекла лохмотьями пиджака, загородить их своим телом. Но вода подмывала грязь, каракули расплывались. Новый порыв дымного ветра бросил к их ногам истрепанные, мокрые листки – чудом уцелевшие от пожара, разрозненные части каких-то древних трактатов. Неоценимый кладезь познаний! Их надо срочно законспектировать. Для потомков. Или обитателей иных планет.

– Тут что-то говорится о нервной системе. Не разберу... Почитайте-ка нам, Силва! – После некоторого замешательства Моралес вновь прочно взял бразды правления ученым советом в свои руки.

– «Головной мозг является центром всей нервной системы, и ему подчиняются все органы тела. И я могу обратиться к любому отроку и речь ему: отрок, здесь проходят твои нервные окончания, и он не посмеет возразить мне, иначе бит будет розгами, и боль утвердит его в сознании моей правоты. Мозг надежно защищен костями черепной коробки...» – Одноглазый взял следующую страницу: – «...что ни в коем разе не мешает росту орхидей, луковицы которых вам поставит знаковый торговец».

– Потрясающе, – с глубокомысленным видом заметил Моралес. – О чем там дальше? Есть там что-нибудь о красных кровяных тельцах?

– Там говорится, что есть такое созвездие – Телец. И при определенном положении звезд...

– Очень полезные сведения, но, кажется, из другой

оперы... Впрочем, там разберемся. А о болезнях?
– Постойте... Ага, вот: «Все болезни – от пищеварения».

Этот и много других вечеров они провели за конспектами, усердно штудировав летописи погибшего мира. Но настал день, когда Моралес торжественно объявил о завершении беспримерного труда. Пора приступить к обучению...

...Вдоль ниши, под скалой, бережно расставлены стеклянные обломки, испещренные грязными разводами. В серой пелене дождя едва проглядывались недетские, сморщенные лица нетопырей, вперивших безучастные взоры в первого учителя последней эры.

– Два в квадрате – четыре. Таким образом, мы можем возвести в квадрат любое число, помножив его на два. Пример: двенадцать на два – двадцать... -э-э-э... четыре. Четыре... О чем бишь я? Ах, да, четырежды два...

И тут пошел серый снег.

Итак, по пророчеству классика англо-американской поэзии XX века Т. С. Элиота:

Вот как кончится мир
Не взрыв но всхлип.

(«Полые люди». Пер. А. Сергеева)

Малообнадеживающая перспектива, и если ныне политики, ученые, писатели и другие люди доброй воли настойчиво привлекают к ней внимание, то лишь с одной целью: не допустить ее осуществления. Ни в коем случае и любыми усилиями. В таком контексте закономерно возникает мечта об оружии против оружия, машине для уничтожения военной машины. Идея изобретения, способного покончить с военной угрозой, давно занимала фантастов. Глубокую, больше того – ответственную трактовку такой идеи дает англичанин Боб Шоу в повести «Путешествие в эпицентр» (1971).

Богатая выдумка, точно «схваченные» типы сотрудников военной лаборатории, безупречное с точки зрения психологии воссоздание обстановки в неблагополучной семье героя, тща-

тельно слепленный характер главного действующего лица, математика Лукаса Хачмена, всесторонне мотивированное развитие интриги – все это суть бесспорные достоинства повести. Столь высокий уровень художественности не так уж часто встречается в современной именно *научной* фантастике, но, с другой стороны, не так уж часты в ней и произведения, в которых научно-фантастический сюжет сочетается с приключенческим, а все вместе – с повествовательной манерой, присущей социально-психологической реалистической прозе. Вспоминаются «Меж двух миров» Д. Финнея, «Солярис» С. Лема, «Космическая одиссея» А. Кларка, некоторые книги А. Азимова и Д. Уиндема.

Не менее ценным, однако, представляется философский подтекст повести Б. Шоу, проникающая ее мысль о том, что военнополитическая ситуация в мире стала с середины 1960-х годов нетерпимой и погубительной, поэтому долг каждого человека – сделать все, что в его силах, чтобы предотвратить катастрофу. Вопрос вопросов поставлен со всей определенностью: «...сможем ли мы изменить наш чудовищно запутанный мир? Сможем ли прервать чудовищный Танец Смерти?»

Автор исходит из трезвого учета расстановки сил на земном шаре: «Но в ядерной войне абсолютное средство обороны может стать абсолютным оружием...» В этом отношении те круги на Западе, что не желают признавать столь ясную военную очевидность и настаивают на «оборонительном» характере СОИ, оказываются дальше от реальности, чем писатель-фантаст, который еще шестнадцать лет тому назад обнаружил понимание и сложности стоящей перед человечеством проблемы взаимной безопасности, и невозможности решить ее подвижничеством гениальных одиночек. Однако нравственная позиция Лукаса Хачмена в повести привлекает максимализмом совести: нельзя ничего не делать для мира, если можно сделать хоть что-то. Эта позиция и толкает героя к противоборству с государственной военнополитической машиной, с чего начинается его

Путешествие в эпицентр

Боб Шоу

Пролог

Мой палец лежит на черной кнопке. Улица за окном выглядит безмятежно, но на этот счет я не обманываюсь – там меня ждет смерть. Мне казалось, я готов к встрече с ней, однако теперь меня охватывает странное оцепенение. Оставив все надежды на жизнь, я все еще не хочу умирать. Подобное состояние напоминает мне состояние мужчины, чей брак разваливается (об этом я могу судить достаточно авторитетно), но у которого не хватает выдержки или инициативы для собственного романа. Такой мужчина, собравшись с духом, может смело и с вызовом глядеть в глаза другой женщине, но втайне мечтает, чтобы она сделала первый шаг, потому что, несмотря на его стремление, сам он на это не способен. Так и я трепещу в нерешительности на пороге одной из тысяч дверей, за которыми живет смерть.

Мой палец лежит на черной кнопке.

Небо тоже выглядит мирно, но кто может знать? Возможно, именно сейчас где-то там, в свинцовом океане ветров, самолет готовится высвободить из своего чрева маленькое рукотворное солнце. Или в стае ложных целей и кувыркающихся обломков носителя проходит верхние слои атмосферы боеголовка баллистической ракеты. Целый город исчезнет со мной, но пока я еще могу выдержать мысль о семидесяти тысячах смертей: лишь бы хватило времени исполнить задуманное до того, как в небе расцветет и набухнет огненная комета.

Лишь бы хватило времени нажать черную кнопку.

Пер. изд.: Shaw B. Ground Zero Man.– Lnd.: Corgi Books, 1971.

© перевод на русский язык, «Мир», 1988.

Левая рука висит безжизненной плетью, ручеек крови стекает в ладонь, заставляя невольно сжимать кисть, цепляться за эту жизнь. Я не могу найти отверстие в рукаве, куда вошла пуля: ткань сомкнулась вокруг него, словно перья птицы, и это кажется странным. Хотя что я понимаю в подобных делах? Как случилось, что я, математик Лукас Хачмен, попал сюда? Это должно быть интересно – припомнить и обдумать все события последних недель, но я устал, и мне нельзя отвлекаться.

Я должен быть готов нажать черную кнопку...

Глава 1

Хачмен взял со стола лист бумаги, еще раз взглянул на текст и почувствовал, как что-то странное происходит с его лицом. Ощущение ледяного холода, возникнув у висков, медленной волной прокатилось по щекам к подбородку. Там, где проходила волна, поры открывались и закрывались неровной границей, какая бывает от ветра на хлебном поле. Кожу слегка покалывало. Хачмен приложил руку ко лбу и понял, что его лицо покрылось холодным потом. «Холодный пот, – подумал он, невольно схватившись за возможность сосредоточиться на чем-то тривиальном. – Оказывается, это не просто фигуральное выражение...»

Он отер лицо и встал, ощущая необычную слабость. Лист бумаги отбрасывал солнечные лучи прямо в лицо и, казалось, светился зловещей белизной. Лукас уставился на плотно нанизанные строчки, но его сознание упорно отказывалось принимать то, что они описывали. «Господи, какой безобразный почерк! В некоторых местах цифры в три-четыре раза больше чем обычно. Очевидно, это должно говорить о слабости характера...»

Неясный цветной силуэт, что-то розовато-лиловое двинулось за дымчатой стеклянной перегородкой, отделявшей кабинет Хачмена от комнаты секретарши. Он судорожно схватил листок и, скомкав, спрятал в кар-

ман, но цветное пятно направилось не в его сторону, а к коридору. Лукас приоткрыл разделяющую их комнаты дверь и взглянул на Мюриел Барнли. Ее лицо напоминало ему настороженное лицо благонаправной деревенской почтальонши, а чрезмерно пышная фигура, видимо, служила ей постоянным источником смущения.

– Ты уходишь? – спросил Хачмен первое, что пришло в голову, в который раз окидывая взглядом ее маленький, задушенный картотечными шкафами кабинетик. Рекламные плакаты бюро путешествий и горшки с цветами, которыми Мюриел пыталась его украсить, лишь усугубляли впечатление замкнутости и тесноты.

Она со сдержанным вызовом посмотрела на свою правую руку, уже вцепившуюся в дверную ручку, перевела взгляд на кофейную чашку и обернутую в фольгу плитку шоколада в левой, затем на настенные часы, показывавшие 10.30 – время, когда она обычно уходила на перерыв к другой секретарше дальше по коридору. Все это молча.

– Я просто хотел спросить, где сегодня Дон? – продолжал плести Хачмен. Дон Спейн сидел в кабинете по другую сторону от Мюриел и занимался бухгалтерскими расчетами.

– М-м-м... – Лицо Мюриел исказилось осуждающей гримасой, и только глаза за темными стеклами очков, предписанных врачом, оставались скрытыми от Хачмена. – Он будет только через полчаса. Сегодня четверг.

– А что бывает в четверг?

– В этот день он занят на своей другой работе, – уже на пределе терпения ответила Мюриел.

– А-а-а! – Хачмен вспомнил, что Спейн устроился составлять платежные ведомости для маленькой пекарни на другом конце города и по четвергам ездил сдавать работу. Как часто указывала Мюриел, вторая работа – это нарушение правил, но на самом деле главным источником ее раздражения было то, что Спейн частенько

заставлял ее печатать деловые бумаги, касающиеся пекарни.— Ну ладно, беги пей кофе.

— Что я и собиралась делать.

С этими словами Мюриел вышла и плотно закрыла за собой дверь.

Хачмен вернулся к себе и достал из кармана скомканный расчет. Взяв листок за угол, он поднес его к металлической корзине и поджег с другого конца от тяжелой настольной зажигалки. Бумага неохотно разгоралась и вдруг вспыхнула с неожиданно большим количеством зловонного дыма, и в этот момент дверь в приемную Мюриел открылась. За стеклом появился серый силуэт, размытое пятно лица двинулось к его кабинету. Хачмен бросил бумагу на пол, затоптал и спрятал остатки в карман одним молниеносным движением. Секундой позже Спейн просунул голову в дверной проем и улыбнулся своей заговорщицкой улыбкой.

— Привет, Хач!— хрипло произнес он.— Как дела?

— Неплохо.— Лукас покраснел и, поняв, что это замечено, смутился еще больше.— Я хочу сказать, все нормально.

В предчувствии чего-то важного улыбка на лице Спейна стала шире. Этот маленький лысеющий неопрятный человек отличался почти патологическим стремлением знать все, что можно, о личной жизни своих сослуживцев. Предпочитал он, разумеется, информацию скандального характера, но за неимением таковой был рад любой мелочи. За прошедшие годы у Хачмена развился просто гипнотизирующий страх перед этим вынюхивающим, выпрашивающим хорьком и его терпеливой манерой вызнавать то, что его не касается.

— Кто-нибудь меня спрашивал сегодня утром?— Спейн прошел в кабинет.

— Не думаю. Можешь теперь неделю ни о чем не беспокоиться.

Спейн моментально распознал намек на вторую ра-

боту, и его взгляд на мгновение встретился со взглядом Лукаса. Хачмен тут же пожалел о своей реплике, почувствовав себя как-то замаранным, впутанным в дела Спейна.

– Что за запах? – На лице Дона отразилась озабоченность. – Где-нибудь горит?

– Корзина для бумаг загорелась. Я кинул туда окурки.

– В самом деле? Ты что, Хач? – В глазах Спейна появилось взволнованное недоверие. – Этак ты все здание спалишь.

Хачмен пожал плечами, взял со стола папку и принялся изучать ее содержимое. В папке были собраны выводы по испытаниям опытной пары ракет «Джек-и-Джилл». Все, что ему было нужно, он уже знал, но надеялся, что Спейн поймет намек и уйдет.

– Ты вчера смотрел телевизор? – с самодовольством в голосе спросил Спейн.

– Не помню. – Хачмен нарочито усердно принялся листать папку графиков.

– Ты видел, там была такая беленькая штучка в эстрадной программе Морта Уолтерса? Она еще петь пыталась.

– Нет.

Хачмен, по правде говоря, видел певичку, о которой говорил Спейн, но не имел никакого желания вступать в бессмысленный разговор. Тем более что видел он ее довольно кратко. Он оторвал взгляд от книги и только-только заметил на экране женскую фигуру с невероятно раздутым бюстом, когда в комнату вошла Викки и с выражением крайней неприязни на лице выключила телевизор, окатив Лукаса холодным как арктический лед взглядом. Весь вечер он ждал вспышки, но, похоже, в этот раз Викки спокойно перегорела внутри...

– Певица! – продолжал презрительно Спейн. – Могу представить, как она пролезла на сцену! Каждый раз,

когда она делала вдох, я думал, эти баллоны выскочат наружу.

«Что происходит? – пронеслось в голове у Хачмена. – То же вчера говорила Викки... Из-за чего они заводятся? И почему им что-то от меня надо? Можно подумать, это я составляю программы...»

– ... всякий раз смеюсь, когда слышу весь этот шум насчет жестокостей на экране, – продолжал Спейн. – Все это чепуха! А вот о чем будут думать дети, видя перед собой всех этих полураздетых девиц?

– Очевидно, о сексе, – с каменным выражением лица ответил Хачмен.

– Разумеется! – победно завершил Спейн. – А я тебе о чем говорю?

Хачмен зажмурился. «Этот... Это, стоящее передо мной, называется взрослым представителем так называемого человечества. Спаси нас, господи! Кто угодно, помогите нам! Викки устраивает сцены ревности из-за светящегося изображения в электронно-лучевой трубке... А Спейн предпочитает видеть на экране военные действия где-нибудь в Азии: измученных пытками женщин и мертвых детей у них на руках с окаймленными синовой пулевыми отверстиями во лбу... Изменит ли что-нибудь лежащий у меня в кармане обгорелый клочок бумаги? Я МОГУ ЗАСТАВИТЬ НЕЙТРОНЫ ТАНЦЕВАТЬ ПОД НОВУЮ МУЗЫКУ! Но сможем ли мы изменить наш чудовищно запутанный мир? Сможем ли прервать зловещий Танец Смерти?»

– ... и все эти девки, которых показывают по ящику. Все они туда же! Будь я женщиной, я бы нажил целое состояние, – Спейн сально хохотнул.

– Только не на мне, – очнулся Хачмен.

– Я не твой тип, да? Недостаточно интеллектуален?

Взгляд Хачмена упал на большой отполированный булыжник, которым он прижимал к столу бумаги, и ему тут же представилось, как здорово было бы двинуть им

Спейна по голове. Оправданное уничтожение вредных насекомых...

– Проваливай отсюда, Дон. Мне надо работать.

Спейн противно чихнул и вышел в смежный кабинет, прикрыв за собой дверь. Серый силуэт за стеклом застыл на несколько секунд в районе стола Мюриел. Понимался шорох бумаги, стук открываемых и закрываемых ящиков. Но вот изображение растаяло – Спейн направился к себе.

Хачмен наблюдал эту пантомиму через дымчатое стекло и наполнялся презрением к себе за то, что у него ни разу не достало смелости высказать Спейну все, что он о нем думает. «Я могу заставить нейтроны танцевать под новую музыку, но каждый раз теряюсь перед этим клещом...» Он вынул из сейфа пухлую папку с грифом «Секретно» и попытался сосредоточиться над тем, за что ему платили деньги.

«Джек» представлял собой обычную ракету класса «земля–воздух» с простейшей системой наведения–управления, то есть посредством радиосигналов со стартовой позиции. Строго говоря, это была всего лишь новая модификация более ранней вестфилдской ракеты, страдающей от общего для подобных устройств недуга – потери точности управления по мере увеличения расстояния от точки запуска. Специалисты Вестфилда выступили с идеей переноса части управляющей наведением аппаратуры во вторую ракету – «Джилл», которая должна запускаться через долю секунды после «Джека». Смысл в том, что «Джилл» будет следовать за первой ракетой и сообщать данные об относительном положении «Джека» и движущейся цели – единственный способ сохранить простоту наведения, повысив точность до уровня самонаводящихся ракет. Если все получится, система будет обеспечивать значительную дальность и высокую надежность при относительно низкой стоимости. И Хачмену, как старшему расчетчику Вест-

филда, было поручено разработать систему математического обеспечения, снизив количество переменных до такой степени, когда «Джек-и-Джилл» можно будет подключать к чему-нибудь не сложнее обычного прибора управления огнем.

Работа в области, столь далекой от квантовой механики, мало интересовала Хачмена, но фирма располагалась поблизости от родного города Викки, которая наотрез отказалась перебираться в Кембридж, где Лукасу предлагали интересную работу в Кавендишской лаборатории. Собственно говоря, Викки вообще не хотела никуда переезжать, а Лукас слишком ответственно относился к браку, чтобы думать о разрыве. Над математикой элементарных частиц он работал в свободное время скорее для удовольствия, чем с какими-то серьезными целями. «Удовольствие! Доигрался...— Мысли, которые он упорно пытался загнать поглубже, неожиданно прорвались на передний план.— Мое собственное правительство... Любое правительство... Меня раздавили бы в секунду, если бы хоть кто-нибудь узнал, что лежит у меня в кармане... Я могу заставить нейтроны танцевать под новую музыку...»

Судорожно вздохнув, он выбрал карандаш и, пытаясь сосредоточиться, начал работать. После часа тщетных попыток сделать хоть что-нибудь он позвонил начальнику кинолаборатории и договорился насчет просмотра последнего фильма о стрельбовых испытаниях «Джек-и-Джилл».

Виды моря, чистого голубого неба в прохладной обезличенной темноте кинозала создавали у него странное ощущение удаленности от всего мира. Темные силуэты ракет планировали, взмывали вверх, маневрировали, оставляя после каждого поворота маленькие облачка гидравлической жидкости. Затем, истощив запас топлива, опускались в море, медленно раскачиваясь под ярко-оранжевыми грибами парашютов. «Джек»

упал, а «Джилл»...

– Ничего из этого не выйдет, – раздался прямо над ухом Хачмена знакомый голос. Бойд Крэнгл, заместитель начальника конструкторской группы, незаметно вошел в зал и сел неподалеку. Крэнгл с самого начала выступал против проекта «Джек-и-Джилл».

– А вдруг?

– Никаких шансов, – доверительно прошептал Крэнгл. – Весь алюминий, что мы используем в аэрокосмической промышленности, – знаешь, куда он в конце концов попадает? Его плавят и делают мусорные баки, потому что при таком темпе гонки вооружений все наши самолеты и ракеты устаревают еще до того, как успевают подняться в воздух. Так что, Хач, мы с тобой помогаем делать мусорные баки. И было бы гораздо проще и честнее, а возможно, выгоднее устранить промежуточную стадию и производить сразу мусорные баки!

– Или орала...

– Или что?

– Это такие штуки, в которые полагается перековывать мечи.

– Точно, Хач, – Крэнгл тяжело вздохнул. – Время ленча. Давай-ка заглянем к «Дьюку» и пропустим по кружечке пивка.

– Нет, Бойд, спасибо. Я беру полдня за свой счет и еду домой. – Хачмен сам удивился своим словам, но тут же понял, что именно это ему и было нужно – побыть одному и постараться привыкнуть к факту, что те несколько уравнений, записанных на клочке бумаги, могут сделать его самым важным человеком в мире. И нужно что-то решать.

Дорога до Кримчёрча заняла меньше полчаса. Чистое, почти пустое в это время дня шоссе выглядело несколько непривычно. Был свежий октябрьский полдень,

и воздух, врывающийся в машину через приоткрытое окно, дышал холодом. Хачмен свернул на аллею к дому, и тут вдруг неожиданно понял: наступила осень. Щедрые дары меди и золота, разбросанные старыми буками, сплошным ковром устилали пешеходные дорожки. «Сентябрь проходит мимо меня каждый год, – подумал он. – И только когда мой любимый месяц проходит, я понимаю, что пришла осень».

Он затормозил у длинного невысокого дома, который отец Викки подарил им после свадьбы. Ее машины в гараже не было. Очевидно, она решила проехаться по магазинам, перед тем как забрать Дэвида из школы. Хачмен намеренно не стал звонить домой перед выездом. Когда Викки заводилась из-за чего-нибудь, он обычно не мог думать о серьезных вещах, а именно сегодня ему хотелось побыть одному, сохранив спокойствие и холодность ума. Еще в дверях мысль о жене вызвала у него цепочку воспоминаний, обрывков прошлого, частично окрашенных оттенками старых ссор и полузабытых разочарований. (Как в тот раз, когда она нашла у него в кармане домашний телефон Мюриел и решила, что здесь кроется роман. «Я знаю, что у тебя с этой толстой девкой... Это тебе даром не пройдет...» Или другой случай: у оператора ЭВМ прямо на работе началось кровотечение, и Лукас отвез ее домой. «Почему именно ты? Помогал ей избавиться от ребенка?...» И так далее. «У меня в голове не все в порядке? Значит, потвоему, женщина сошла с ума, если она не хочет, чтобы в дом занесли грязную болезнь?...» Господи!.. Взгляд Дэвида, полный слез... «Вы с мамой собираетесь разводится, пап? Не уходи... Я обойдусь без карманных денег. И больше не буду мочить штаны...»)

Хачмен с трудом оторвался от картин прошлого. Зайдя в прохладную кухню, он постоял немного, потом решил, что есть еще не хочет. Направился в спальню, сменил деловой костюм на джинсы и рубашку и достал из

шкафа свой лук, отполированный до блеска прикосновениями рук. Вынес из сарая тяжелую мишень из уложенного спиралью каната и пристроил ее на треножнике за домом. Раньше сад был недостаточно велик для стрельбы в цель, но Хачмен купил соседний участок и убрал часть старого забора. Установив мишень, он начал привычный неторопливый ритуал подготовки: маленькими колышками обозначил на земле положение ног, несколько раз натянул и отпустил тетиву, проверил каждую стрелу и уложил их в колчан. Первая стрела плавно поднялась, кратко сверкнула на солнце, и через секунду он услышал твердый характерный удар, означающий попадание близко к центру. Взглянув в бинокль, Хачмен увидел стрелу в голубом круге около цифры «7».

Довольный тем, что он так точно оценил влияние влажности на гибкость лука, Хачмен выпустил еще две стрелы, подправил прицел, затем сходил за стрелами и принялся стрелять на счет, аккуратно вписывая результаты в свою записную книжку. И в то время как руки сами выполняли нужные движения, одна часть разума направляла борьбу за совершенство в стрельбе, вторая билась над вопросом, имеет ли Лукас Хачмен право брать на себя роль «высшего судьи».

С технической стороны все было просто и предельно ясно. У него хватит способностей воплотить неровные цифры на обгорелом клочке бумаги в реальность. На это потребуется от силы несколько недель работы и на тысячу фунтов электрооборудования и электронных приборов, а результатом явится небольшая и довольно невпечатляющая на вид машина.

Но это будет машина, которая, будучи один раз включенной, практически мгновенно сдетонирует все ядерные боеприпасы на Земле.

Антиядерная машина...

Машина против войны...

Средство, способное превратить мегасмерть в мегажизнь...

Осознание того, что нейтронный резонатор может быть построен, пришло к Хачмену однажды спокойным воскресным утром почти год назад. Он проверял кое-какие свои идеи относительно решения уравнения Шредингера для нескольких независимых от времени частиц, и вдруг случайно ему удалось на долю секунды заглянуть в глубь математических дебрей, скрывающих реальность от разума. Словно расступились заросли полиномов, тензоров, функций Лежандра, и вдали на мгновение призрачно мелькнула машина, которая может уничтожить бомбу. Просека тут же исчезла, но бегущий по бумаге карандаш Хачмена успел зафиксировать достаточно примет, чтобы позже отыскать дорогу к цели.

И вместе со вспышкой вдохновения возникло полумистическое ощущение, что он избран, что он – носитель огромной важной идеи. Ему приходилось читать о подобном явлении психики, часто сопровождающем всплески новых идей, но со временем ощущение прошло, затертое социальными и профессиональными ображениями. Как неизвестный поэт, создавший одноединственное неповторимое произведение, как забытый художник, написавший одно-единственное бессмертное полотно, так и Лукас Хачмен, почти никому неизвестный математик, мог теперь оставить незабываемую веху в истории. Если только он осмелится...

Прошедший год не был годом ровных успехов. Одно время ему казалось, что уровень энергии, необходимый для инициирования незатухающего нейтронного резонанса, в несколько раз превзойдет энергетические ресурсы всей планеты, но вскоре сомнения рассеялись. Машина вполне надежно может работать от переносного аккумулятора, и ее сигнал будет передаваться от нейтрона к нейтрону, незаметно и безопасно, до тех пор,

пока на его пути не встретится радиоактивный материал с массой, близкой к критической.

Последние сомнения рассеялись. Математические расчеты были закончены, и Хачмен только сейчас осознал, что не желает иметь со своим творением ничего общего.

Мысли путались, перебивая друг друга... «Шесть дюжин стрел со ста ярдов – общий счет 402... Нейтронный резонатор является абсолютным средством обороны... Это твой самый высокий счет для ста ярдов... Но в ядерной войне абсолютное средство обороны может стать абсолютным оружием... Продолжай в том же духе, и ты доберешься до тысячи... Если я хотя бы зайнусь об этом в министерстве обороны, никто никогда меня больше не увидит, меня поместят в одно из тех тайных заведений в самой глубине страны... Ты уже давно мечтал о таком результате, четыре года или даже больше... А Викки? Что будет с ней? Она же с ума сойдет. И Дэвид?.. Теперь надо взять колчан, перейти на отметку восемьдесят ярдов, сохраняя полное спокойствие, и... В конце концов существует баланс в ядерном вооружении. Кто имеет право нарушать его? Может, войны не будет? Сколько лет прошло после второй мировой войны, и ничего. От напалма японцев погибло не меньше, чем в Хиросиме и Нагасаки... Надо перевести прицел на восемьдесят ярдов, взять стрелу, левый локоть в сторону, легко натянуть тетиву, коснуться ее губами, прицел на желтый круг, держать, держать...»

– Ты почему не на работе, Лукас? – голос Викки раздался совсем рядом.

Хачмен проводил взглядом уходящую в сторону стрелу. Стрела воткнулась в мишень почти у самого края.

– Я не слышал, как ты подошла, – как можно спокойнее произнес он, оборачиваясь к жене, и, взглянув на нее, сразу понял, что она напугала его нарочно. Светло-

карие глаза мгновенно ответили на его взгляд. Враждебно. «О господи!..» – Зачем ты подкрадывалась? Ты испортила мне выстрел.

Она пожалала плечами, при этом ясно, как на картинах да Винчи, проступили под золотистой кожей широкие ключицы.

- Ты можешь играть в лучника хоть целый вечер.
- Сколько раз тебе говорить, это не игра.

Старый трюк... Хачмен одернул себя и продолжал уже спокойнее:

- Чего ты хочешь, Викки?

– Я хочу знать, почему ты не на работе вторую половину дня? – Викки скользнула критическим взглядом по своим загорелым рукам. Летний загар уже начал сходить, но и сейчас еще был темнее, чем янтарного цвета платье с короткими рукавами. В лице – скрытая тревога, которую иногда можно заметить у красивых женщин при виде своего отражения в зеркале. – Я полагаю, мне можно это знать?

– Не хотелось работать. А что? – И тут же в голове пронеслось: «Я могу заставить нейтроны танцевать под новую музыку...» – Такой ответ тебя устраивает?

– Очень мило, – словно дым, пролетевший на фоне солнца, на гладком лице Викки мелькнуло неодобрение. – Хотела бы я, чтобы можно было бросать работу, когда захочется!

– По-моему, ты в лучшем положении: ты даже не начинаешь работать, пока не захочется.

- Хм! Ты ел?

– Я не голоден. Если ты не возражаешь, я закончу стрельбу.

Хачмену отчаянно хотелось, чтобы Викки оставила его в покое. Несмотря на пущенную мимо стрелу, он еще мог набрать за тысячу очков, если только отключиться от всего мира и к каждой стреле относиться так, словно она последняя. Воздух стоял неподвижно, солн-

це ровно освещало раскрашенную кругами мишень. Хачмен чувствовал, что следующая стрела попадет точно в центр. Если только его оставят в покое...

– Ну-ну. Опять в транс впадаешь? С кем это, интересно, ты себя воображаешь? С Тришей Гарланд?

– Триша Гарланд? – Красная змейка раздражения уже разворачивала свои кольца в его мозгу. – Черт! Это еще кто такая?

– Как будто ты не знаешь!

– Не имею чести знать эту даму...

– Даму! Надо же такое сказать!.. Назвать дамой эту... эту постельную грелку, которая ни одной ноты спеть правильно не может, а уж настоящую даму не узнаёт, даже если ее перед собой увидит.

Хачмен замер с полураскрытым ртом: жена явно имела в виду вчерашнюю телевизионную певичку. Затем его на мгновение захлестнула ярость. «Ненормальная, – мысленно произнес он. – Ты настолько ненормальна, что даже стоять рядом с тобой...»

– Последнее, чего я бы хотел, – сказал он вслух, изо всех сил сохраняя спокойствие, – это чтобы кто-нибудь пел, пока я стреляю.

– Ага, значит, ты знаешь, о ком я говорю! – восторжествовала Викки. – Почему ты тогда делал вид, что ее не знаешь?

– Викки! – Хачмен повернулся к ней спиной. – Будь добра, прикрой, пожалуйста, крышкой эту помойку, которую ты называешь своей головой, и выпусти пар где-нибудь в другом месте, пока я...

Он взял стрелу, натянул тетиву и прицелился. Дрожащие в нагретом воздухе концентрические круги казались теперь очень далеко. Он выстрелил, и еще до того, как лук зазвенел недовольно и негармонично, понял, что дернул тетиву слишком резко вместо того, чтобы плавно ее отпустить. Стрела пошла высоко и пролетела над мишенью. Хачмен выругался, но это не помогло разря-

длить напряжение, и он стал снимать снаряжение, нервно выдергивая ремешки застёжек.

– Извини, дорогой,– Викки произнесла это извиняющимся тоном, как маленький ребенок, подошла со спины и обняла его.– Я не виновата, что так тебя ревную.

– Ревнуешь!– Хачмен истерически хохотнул, чувствуя, что на самом деле близок к слезам.– Если бы ты застала меня целующим другую женщину и тебе это не понравилось, тогда это называлось бы ревностью. А то, что ты выдумываешь про людей, которых показывают по ящику, мучаешь себя и вымещаешь это на мне – это... это черт знает что!

– Я тебя так люблю, что не хочу, чтобы ты даже замечал других женщин.– Она прижалась к нему чуть сильнее.– Дэвид еще не пришел из школы...

«Я буду последним дураком, если поддамся так быстро...»

После, когда он лежал рядом с ней в состоянии полусна-полумечтательности, полузабыв о своей грусти и заботах, мир за окном казался тем спокойным миром, который он знал когда-то мальчишкой. Солнце, заглядывающее поздним утром в спальню, едва слышный разговор в саду, тележка молочника с позвякивающими бутылками за оградой, мерный звук ручной газонокосилки где-то вдали... И сейчас он чувствовал себя в такой же безопасности. Бомба, вся концепция ядерной катастрофы, казались далекими и такими же устаревшими, как Джон Фостер Даллес, телевизоры с двадцатисантиметровыми экранами и сенатор Маккарти... Мы прошли важный рубеж уже в июле шестьдесят шестого – в этом месяце срок от окончания второй мировой войны сравнялся с интервалом между первой и второй. И ничего не случилось. Трудно даже представить, что кто-то всерьез планирует сбросить бомбу...

Кто-то забарабанил во входную дверь. Хачмен оч-

нулся и понял, что вернулся из школы сын. Он открыл замок, и мимо него вместе с пахнущим октябрём холодным воздухом молча промчался взъерошенный сын, запустил портфелем в угол и скрылся в туалете. Портфель шмякнулся с тяжелым шлепком и звяканьем. Хачмен подобрал его и, улыбнувшись, положил на место в шкаф. «Существует множество уровней реальности, и, возможно, Викки права. Возможно, самая большая ошибка, которую может совершить житель нашей большой всепланетной деревни,— это забивать себе голову ответственностью и беспокойством за то, что творят его соседи за десять тысяч миль от него. Кто же выдержит на своих плечах такой груз?»

– Пап?— Дэвид улыбнулся, показывая неровные растущие зубы.— Мы сегодня поедem на автогонки?

– Не знаю, сынок. Вечером будет холодно стоять вдоль трассы.

– А мы тепло оденемся и купим горячих сосисок!

– Знаешь, что? Пожалуй, это идея. Это то, что надо!— подумав, ответил Хачмен и заметил, как лицо Дэвида расцветает счастливой мальчишеской улыбкой. «Обдумано и решено. Нейтроны подождут...» Он прошел в спальню и разбудил Викки.

– Вставай, женщина! Мы с Дэвидом хотим есть, а потом собираемся на автогонки!

Викки потянулась, натянула на себя простыню и замерла, изображая египетскую мумию.

– Я не сдвинусь с места, пока ты не скажешь, что любишь меня.

– Конечно, я люблю тебя.

– И ты никогда-никогда не взглянешь ни на кого другого?

– Никогда!

– Ну ладно, тогда я думаю, я даже поеду с вами на гонки.

– Но ты же не любишь.

– Сегодня я все люблю!

Подозревая, что Викки пытается загладить вину за сцену в саду, но тем не менее довольный, Хачмен вышел из комнаты. Час он провел в кабинете, разбирая почту, и, когда решил, что обед должен быть уже готов, вышел в гостиную и приготовил себе сильно разбавленное содовой виски. Дэвид сидел у телевизора и забавлялся ручкой переключения каналов. Хачмен сел в кресло и сделал глоток, задумчиво глядя на темные силуэты тополей за окном. Небо за деревьями, все заполненное слой за слоем пухлыми, спутанными облаками, как розовое коралловое царство, тянулось в бесконечность.

– Черт! – пробормотал Дэвид, ударяя кулаком по селектору.

– Спокойней, – мягко произнес Хачмен. – Так ты сломаешь телевизор. Что случилось?

– Я включил детскую программу, а тут вот... – мальчуган состроил презрительную гримасу и показал на пустой, мигающий экран.

– Ну и что, это, наверно, настройка. Может, ты рано включил?

– Нет, они всегда в это время уже показывают.

Хачмен отставил стакан, подошел к телевизору и уже было взялся за ручку частоты строк, когда на экране появилось лицо диктора. Глядя на единственный листок перед собой, он строгим голосом зачитал сообщение:

– Сегодня, примерно в семнадцать часов, над городом Д. было взорвано ядерное устройство. По предварительным оценкам мощность устройства составляет шесть мегатонн. Как сообщают с места события, весь город охвачен пламенем. Предполагается, что большинство из пятисот пятидесяти тысяч жителей города погибли.

До сих пор не поступали данные, свидетельствующие о том, вызван ли взрыв ненамеренной катастрофой или он является актом агрессии. Тем временем в Вестмин-

стере собрано экстренное совещание кабинета министров. В ближайшее время состоится заседание Совета Безопасности ООН.

Регулярные передачи по нашему каналу временно прекращаются, но не выключайте свои приемники – по мере поступления мы будем немедленно сообщать дальнейшие новости.

Лицо диктора на экране расплылось и вскоре исчезло.

Не сводя глаз с пустого экрана, Хачмен почувствовал, как его лоб покрывается холодной испариной.

Глава 2

Не глядя на сына, Хачмен неторопливо прошел на кухню. Викки что-то напевала, стоя к нему спиной, и, как всегда, выглядела чуть-чуть неестественно в роли старательной домашней хозяйки. С таким трудом построенный из дневного убожества вечер опять рушился.

– Викки, – начал Хачмен виновато, – над Д. взорвали водородную бомбу. Только что передали по телевизору...

– Ужас, – Викки обернулась и кивнула в сторону застекленного буфета. – Просто ужас! Будь добр, подай мне вон ту маленькую миску. А что, теперь война будет?

Он механически достал с полки миску и поставил на стол.

– Еще не установлено, кто это сделал, но там, возможно, до полумиллиона убитых. Полмиллиона!

– Когда-то это должно было случиться. Салат делать?

– Салат? Какой салат? Мы будем есть?

– А что мы, по-твоему, должны делать? – Викки взглянула на него подозрительно. – Лукас, я надеюсь, ты не начнешь устраивать представления из-за всего этого?

– Представления?

– Да. Я имею в виду твою обычную озабоченность за

весь мир. Уверяю тебя, ни одному человеку на Земле не станет легче от того, что с тобой случится нервный припадок. Но ты все равно принимаешь на себя ответственность за что-то, что произошло за десять тысяч километров отсюда.

– До Д. всего две тысячи километров.

– Да хоть две тысячи метров! – Викки швырнула миску на стол, подняв целое облако муки. – Лукас, тебя ведь даже не интересует, что творится у соседей! Так что будь добр...

– Я есть хочу, – объявил Дэвид, появляясь в дверях. – И когда мы поедем?

Хачмен покачал головой.

– Извини, сынок, но поездку придется отложить.

– Как? – Лицо Дэвида застыло обиженной маской. – Ты ведь обещал...

– Я знаю, но сегодня не получится...

– А собственно почему? – вступила в разговор Викки. – Я надеюсь, ты не думаешь, что я собираюсь целый вечер сидеть перед телевизором и слушать свору комментаторов и всяких экспертов, которые понятия не имеют, что произойдет в ближайшее время, и тем не менее убедительно рассказывают, что произойдет. Мы обещали Дэвиду поехать на автомобильные гонки, и мы туда поедем.

Хачмен на мгновение представил груды разорванных, искалеченных тел, вздрогнул, затем направился за Дэвидом в гостиную. Мальчик потыкал пальцем в селектор программ, нашел какую-то старую комедию и обреченно уселся перед телевизором. Удивленный и слегка успокоенный тем, что по телевизору все еще показывают обычные программы, Хачмен машинально взял в руки свой стакан с виски и уставился на экран. На залитых солнцем улочках Голливуда двадцатых годов разворачивалась сумасшедшая погоня на автомобилях. Не обращая внимания на актеров, Хачмен стал всма-

триваться в декорации. Дома казались сараями, но все же они были настоящие, и, вглядываясь в них, он иногда замечал мелькающие отрывки чужой, давно ушедшей жизни, запечатленной на старой пластиковой пленке. Простые неизвестные люди, защищенные прошлым от ужасов сегодняшнего дня. Прошлым, в котором самое страшное, что могло случиться с человеком,—это очередь за хлебом в голодные годы или в военное время вполне понятная смерть под пулеметным огнем.

«Я должен это сделать,—подумал Хачмен.— Я должен заставить нейтроны...» После комедии показали несколько рекламных роликов—опять нормальная жизнь, только порциями поменьше. Он уже начал успокаиваться, когда изображение на экране исчезло, затем вспыхнуло вновь. Огромное грибовидное облако, кипящее и в то же время почти неподвижное, словно высеченное из камня... Белые прямоугольные кварталы города, исчезающие под ползущим, клубящимся облаком. Изображение, очевидно, переданное с вертолета, не оборудованного специальными камерами, прыгало и уходило в сторону. При этом с экрана доносилась резкая, тревожная музыка. Потом кадр сменился, и появилось лицо диктора. Сухо, по-деловому он повторил прежнее сообщение, уточнив, что количество жертв оценивается в четыреста тысяч человек, и стал описывать лихорадочную дипломатическую суету в близлежащих столицах. Далее последовала новость, которую, по мнению Хачмена, следовало объявить в самом начале. Стало известно, что ядерный заряд не был доставлен ракетой либо военным самолетом. Он находился на борту гражданского авиалайнера, который должен был совершить посадку в аэропорту в семи километрах к юго-западу от города. Резиденция правительства переведена в соседний город, где уже принимаются соболезнования и предложения немедленной помощи от всех стран Ближнего Востока. Все подразделения вооруженных сил

пострадавшей республики приведены в боевую готовность, но ввиду отсутствия очевидного противника никаких боевых действий предпринято не было.

Викки остановилась у телевизора.

– Что говорят? Будет война?

– Не знаю. Похоже, что бомба была на каком-то гражданском авиалайнере. Очевидно, это дело рук какой-нибудь террористической организации.

– Значит, войны не будет?

– Кто может сказать? И как иначе это называется, когда террористы творят такое? Начинали со взрывов в школах, и вот теперь...

– Я имею в виду войну, которая может коснуться нас.–Голос Викки звучал резко, как бы напоминая, что ему не следует опять разыгрывать из себя виноватого.

– Нет, дорогая,– произнес он, тяжело вздыхая.– Кого угодно, только не нас.

– О господи!–прошептала Викки.–Налей мне чего-нибудь. Я чувствую, сегодня вечер не удается.

После обеда Хачмен разыскал телефонный справочник и набрал номер стадиона. К телефону долго не подходили, и он было уже собрался положить трубку, когда там что-то щелкнуло, и хриплый мужской голос ответил:

– Алло! Беннет слушает.

– Алло? Это стадион Кримчёрч?–От неожиданности Хачмен не нашел сразу, что сказать.

– Да. Это ты, Берт?

– Нет-нет. Я просто хотел узнать, не отменили ли сегодня гонки?

– Нет, конечно,–мужчина удовлетворенно хмыкнул.–С чего их должны отменять? Погода отличная, разве нет?

– Да-да, я просто хотел удостовериться, а то вдруг...–Хачмен положил трубку и уставился на свое отражение

в настенном зеркале. «Отличная погода. Радиоактивных осадков не ожидается...»

– Куда ты звонил? – Викки открыла кухонную дверь и пристально посмотрела на него.

– На стадион.

– Зачем?

Хачмена так и подмывало спросить: «Неужели никому на свете нет дела до того, что на земле одним огромным городом стало меньше?»

– Узнавал время начала соревнований.

Она еще раз внимательно на него взглянула и вернулась на кухню – в свою маленькую изолированную вселенную. Через минуту оттуда донеслись пение и звон посуды. Потом дверь снова открылась, и из кухни высочил Дэвид. Яростно работая челюстями, он пронесся в свою комнату, оставляя за собой слабый аромат мяты.

– Дэвид, что я тебе говорил насчет жевательной резинки? – крикнул ему вслед Хачмен.

– Чтобы я ее не жевал.

– Ну и что?

Вместо ответа Дэвид еще раз громко чавкнул набитым ртом, так что звук было слышно даже через прикрытую дверь. Хачмен покачал головой, невольно восхищаясь своим ребенком. Так упрям может быть только семилетний. «А сколько таких же упрямцев было в Д.? Шесть тысяч? Больше? А сколько столь же упрямых шестилетних, пятилетних и...?»

– Оставь Дэвида в покое, – сказала Викки, направляясь в спальню. – Что плохого в том, что он жует резинку?

– Ты же знаешь, он всегда ее глотает, – произнес Хачмен, возвращаясь в обычный домашний мир. – Она совершенно не переваривается.

– Ну и что? – фыркнула Викки. – Иди сюда, помоги мне одеться.

Зрителей на стадионе оказалось примерно столько, сколько можно было ожидать в такое время года. Отчужденно глядя на летящие, сталкивающиеся, ревушие машины, Хачмен сидел в полутьме навеса, и даже присутствие жены и сына не давало ему душевного покоя и тепла.

Вечером, добравшись до постели, он заснул мгновенно, и всю ночь его преследовали нелепые сны... В огне, на раскаленных углях лежит бледно-зеленая ящерица. Блестящие черные глаза-бусинки смотрят прямо на Хачмена. Ящерка шипит, скворчит на огне, но не делает попыток спастись, пухнет, кипит пузырями – и вдруг взрывается, но до самого последнего момента не отводит осуждающего взгляда. Как будто хочет что-то сказать. Хачмен бежит, испытывая ужас и стыд за свое предательство, одновременно себя оправдывая: «Она сама. Она сама себя сожгла!»

Проснувшись среди ночи, он долго лежал без сна, разглядывая проникающие через окно спальни бледные полосы света. Викки спала рядом, тихо и доверчиво, но это не давало ему успокоения. Отвратительный осадок сна не проходил, пугая и в то же время притягивая своей яркой символикой. Внезапно Хачмен понял, что в глубине души он уже давно решил построить антиядерную машину.

Глава 3

За завтраком Викки дважды выключала радио, жалуясь на головную боль. Хачмен каждый раз вставал из-за стола и включал приемник, но уже тише. Из новостей стало известно о столкновениях на границах Сирии с Турцией и Ираком, вызванных, очевидно, неопределенной обстановкой во всем регионе. Заседания в ООН, дипломатические встречи, сообщения о каких-то подпольных группировках, слухи о передвижении военных кораблей в Средиземноморье... Поглощенный домаш-

ними заботами, Хачмен мало что понял в изменениях международной обстановки, кроме того факта, что агрессор так и не обнаружен. Механически завязывая шнурки Дэвиду, доставая из холодильника йогурт и раскладывая у каждой тарелки пилюли с рыбьим жиром, он уже невольно думал о первых шагах к постройке машины.

Математически доказать возможность создания нейтронного резонатора – одно дело. Как из этих уравнений сделать работающую установку – совсем другое, особенно для теоретика, не имеющего к тому же никаких средств, кроме собственных сбережений. А машина обойдется недешево... Возможно, придется заложить дом. Дом, о чем Хачмен никогда не забывал, был подарен им отцом Викки.

У него есть резонансная частота, соответствующая длине волны в долю ангстрема, а единственный способ получить излучение такой частоты с высокой точностью – цестроновый лазер.

Проблема номер один: цестроновых лазеров, насколько он знал, еще не существует. Цестрон – недавно открытый газ, короткоживущий продукт реакции с одним из изотопов празеодима. Поскольку, помимо Хачмена, никто еще не разрабатывал математику нейтронного резонанса, никому не приходило в голову создавать лазерный излучатель на основе цестрона. Придется все делать самому.

Глядя через стол на мечтательное лицо сына, Хачмен почувствовал, как вырастающие в рассуждениях практические трудности повергают его в состояние угнетенной неуверенности. Итак, первое: нужно достаточное количество нестабильного празеодима, чтобы получить, скажем, пятьдесят миллилитров цестрона. Далее, нужен кристаллический празеодим для взводящей системы лазера. Да и саму электронную схему ему будет трудно осилить. Практического опыта в радиоэлектро-

нике у Хачмена было маловато, но даже сейчас ему было ясно, что для прибора, работающего с частотами порядка 6×10^{18} герц, нужны не провода, а трубчатые волноводы. Весь агрегат будет напоминать скорее сплетение водопроводных труб, чем...

– Лукас!– Викки постучала вилкой по его тарелке.– Ты что, так и собираешься все утро просидеть в раздумьях?

– Я не в раздумьях.

«... излучение жесткое, хуже рентгеновского... Нужно будет предусмотреть защиту... Далее, оптическое наведение... Золотые полированные пластины...»

– Лукас!– Викки раздраженно дернула его за рукав.– По крайней мере ответь сыну, когда он к тебе обращается.

– Извини,– Хачмен повернулся к Дэвиду. Тот уже одел школьную куртку и собирался выходить.– Счастливо, Дэвид. Ты выучил вчера грамматику?

– Нет.– Дэвид упрямо сжал губы, и на мгновение Лукасу показалось, что в лице сына проступили черты человека, которым он станет через годы.

– А что ты скажешь учительнице?

– Я ей скажу...– Дэвид замолчал, вдохновенно подыскивая ответ,–... чтоб катилась колбасой!

С этими словами он выскочил из кухни, и через несколько секунд они услышали, как хлопнула входная дверь.

– Дома он пытается говорить резко, но мисс Лэмберт уверяет, что Дэвид самый спокойный мальчик в классе,– сказала Викки.

– Это меня беспокоит гораздо больше. Я не уверен, что он хорошо приспособлен к школе.

– Дэвид отлично приспособлен.– Викки снова села за стол и, не предлагая Хачмену, налила себе вторую чашку кофе. Верный признак того, что она раздражена.– Ты мог бы больше помогать ему с домашними заданиями.

Хачмен покачал головой.

– Говорить ребенку ответы на задачи – это не помощь. Я учу Дэвида системе мышления, которая позволит ему решать любые задачи, несмотря на...

– Ну что может знать Дэвид в таком возрасте о системе мышления? – презрительно перебила его Викки.

– Ничего, – спокойно ответил Хачмен. – Именно поэтому я его и учу.

Викки поджала губы, повернулась к приемнику и чуть прибавила громкость. Лукас почувствовал мимолетное удовлетворение. В среднем раз в неделю ему удавалось срезать ее в споре простым, метким ответом на вполне серьезно заданный ею вопрос. Викки никогда не задавала вопрос повторно, и хотя Хачмен подозревал, что это от врожденного презрения к формализму, тем не менее он каждый раз радовался в душе маленькой победе. И на этот раз она отвернулась, все свое внимание переключив на радиоприемник.

Утреннее солнце отражалось на кухонном полу, насыщая воздух прозрачным свечением. «В такое утро хорошо завалиться еще на часок», – промелькнуло в голове Хачмена, но тут же перед глазами вспыхнуло рельефное панно с изломанными, искаженными телами. «Сколько маленьких семилетних упрямцев там погибло? А сколько...» Ему захотелось поскорее оказаться на работе и просмотреть каталог оборудования в вестфилдской библиотеке. Затем надо будет поговорить кое с кем в отделе поставок...

Он торопливо проглотил остатки холодного кофе, не потому что хотелось, а чтобы показать, как он спешит на работу, и встал. Мысли его уже целиком были заняты машиной.

Проходя по лабораторному корпусу к своему кабинету, он заметил первые признаки того, что уничтожение крупного города произвело в повседневной жизни людей какое-то изменение. Несколько кабинетов и комнат

поменьше пустовало, в других, наоборот, люди собрались большими группами и обсуждали последние новости. Изредка возникали взрывы нервного смеха, и это еще больше сгущало напряженную тревогу. Хачмена такая реакция людей как-то даже успокоила. Он прекрасно знал, что Викки на самом деле способна на искреннее сострадание и переживание чужой беды. Сколько раз он замечал, как она выбегала из комнаты со слезами на глазах, когда на экране вдруг появлялось изображение убитого ребенка. Но ее вчерашняя намеренная, прагматичная отчужденность его просто напугала. Самое страшное, что может быть на свете: женщина, дарительница жизни, мать, смотрящая на смерть холодными спокойными глазами.

Мюриел Барнли прибыла на место одновременно с Хачменом. В одной руке она держала плетеную соломенную корзину, которую носила с собой вместо дамской сумочки, другой прижимала к себе длинный рулон бумаги. Еще один рекламный плакат на стену ее маленькой комнатухи.

– Доброе утро, мистер Хачмен, – произнесла она настороженно, словно передвинула пешку навстречу шахматному королю, начиная с утра новую партию.

– Доброе утро, Мюриел. – Не вполне понимая почему, Хачмен интуитивно чувствовал, какое большое значение она придает этому обмену формальными приветствиями, и ни разу не рискнул промолчать. Он прошел за ней в ее сдавленную клетушку, взял со стола маленькую стопку утренней почты и тут же бегло просмотрел.

– Здесь нет ничего особенно важного. Разберись сама, хорошо? По своему усмотрению. Я сегодня буду занят и не хочу, чтоб меня беспокоили.

Мюриел неодобрительно фыркнула и забрала у него письма. Хачмен прошел к себе, плотно притворил дверь и после нескольких секунд раздумий набрал номер

Клиффа Тэйлора, заведующего отделом электроники Вестфилда. По голосу Тэйлора было похоже, что он не выспался и, кроме того, удивлен столь ранним звонком, хотя он и постарался скрыть свое удивление.

– Чем могу быть полезен, Хач?

– М-м-м... Видишь ли, я бы хотел провести кое-какие эксперименты с микроволновым излучением. У тебя не найдется свободного помещения примерно на месяц?

– Я не уверен, Хач. У нас масса дел по программе «Джек-и-Джилл»... Что-нибудь важное?

– Очень.

– Ты бы обратился к Мейксону. Пусть навесит на эту работу пару приоритетных бирок. Так все будет гораздо проще.

– Это полуофициальный проект, Клифф. Со временем это может пригодиться Вестфилду, но пока я хотел бы попридержать информацию. Еще не известно, что получится. Мне бы не хотелось идти к Мейксону.

– Ну тогда я ничего не могу. Я имею в виду... Тебе что вообще нужно-то? – Голос Тэйлора стал резче. Видимо, он почувствовал, что Хачмен чего-то не договаривает.

– Да ничего особенного. Комната с замком. Стол лабораторный. Источники питания даже не понадобятся стабилизировать.

– Подожди, подожди. Ты что-то говорил насчет микроволнового излучения. Насколько микро?

– Сильно микро, – Хачмен чувствовал, как разговор уходит из-под его контроля. Первый же человек, с которым он заговорил о том, что должно быть самым секретным проектом на свете, тут же что-то заподозрил и стал задавать лишние вопросы. – Может быть, шесть на десять в восемнадцатой герц.

– О господи! Тогда и говорить не о чем. По существующим правилам нам нельзя здесь работать с такими излучениями, если в здании не будет специальной экранировки. Так что извини, Хач.

– Ну что ты.– Хачмен положил трубку на место и поглядел на дымчатую стеклянную перегородку, за которой двигался чей-то серый силуэт. Очевидно, Дон Спейн прибыл раньше обычного.

Некоторые люди умеют с легкостью подчинять себе реальный мир и управлять обстоятельствами. Другим же, как, например, Хачмену, удастся лишь строить красивые логичные планы – они постоянно знают, чем грозит им столкновение с жизнью. Первая же попытка и... Хачмен тяжело вздохнул в бессильной злобе на обстоятельства, и в этот момент зазвонил внутренний телефон. Хачмен схватил трубку еще до того, как Мюриел успела ответить.

– Хач, это опять я, – послышался в трубке голос Тэйлора. – Я тут прокручивал твою просьбу. Ты в курсе, что Вестфилд арендует лабораторию в Кембёрнском институте?

– Слышал что-то, но давно. – На сердце у Хачмена потеплело.

– Соглашение довольно неформальное. Мы с ними договорились, когда они запросили у старого Вестфилда криогенное оборудование. Короче, когда у них не очень туго с работой, мы имеем право использовать лабораторию.

– А как у них сейчас?

– Насколько я знаю, нормально. Если хочешь я позвоню профессору Дюрингу и узнаю, можно ли тебе у них поработать.

– Буду тебе очень признателен, Клифф.

Хачмен едва справился с теплой волной благодарности и сумел произнести эти слова обычным тоном.

Положив трубку, он отправился в отдел комплектации и больше двух часов просидел, выписывая из карточки данные оборудования и проверяя, где его можно приобрести. После полудня снова позвонил Тэйлор и подтвердил, что лаборатория свободна. Хачмен тут же

съездил в Кембёрн, осмотрел помещение и получил у Дюринга ключи. К пяти часам, когда он обычно уходил домой, он не потратил ни секунды на порученную ему работу, зато полностью продумал схему своей анти-ядерной машины и уже был готов делать чертежи. Перед уходом Мюриел он попросил ее принести горячего чая и, когда шум в коридорах стих, принялся за схему.

Примерно через час, полностью погружившись в работу, он вдруг почувствовал что-то неладное. Что-то беспокоило его, и, хотя он не мог сразу отвлечься от сложного нагромождения символов и чертежей, часть мыслей уже переключилась на поиск тревожного фактора. «Вот этот серый предмет, что Мюриел прислонила к перегородке со своей стороны... Слишком похоже на человеческое лицо... Из-за этого я и чувствую себя неспокойно...» Он взял логарифмическую линейку и невольно опять скосил взгляд на серое пятно за стеклом... «Господи, это и в самом деле лицо!»

Он вздрогнул, поняв, что за ним кто-то наблюдает, потом сообразил, что это Дон Спейн. Должно быть, он тоже заработался допоздна, но так тихо он мог себя вести только намеренно. Все еще чувствуя волнение, Хачмен нарочито медленно сложил бумаги в папку и прикрыл ее копиркой. Лицо Спейна за перегородкой оставалось неподвижным. Хачмен достал из ящика стола точилку для карандашей и резко бросил ее в сторону размытого силуэта. Точилка ударилась о перегородку, едва не расколов стекло, и Спейн исчез из поля зрения. Через несколько секунд дверь к Мюриел открылась, и он вошел в кабинет.

– Ты с ума сошел, Хач? – спросил он негодуя. – Ты чуть не разбил стекло. Осколки попали бы мне в лицо!

– А какого черта ты за мной подглядываешь?

– Я не знал, что ты на месте. Сидел работал, и мне послышалось, что у тебя кто-то шуршит. Решил посмотреть, в чем дело.

– Ну спасибо, что побеспокоился, – произнес Хачмен мрачно, даже не стараясь скрыть своей неприязни к Спейну. – А тебе не пришло в голову открыть дверь?

– Я не хотел врываться неожиданно. Вдруг... – Тут Спейн самодовльно причмокнул. – Вдруг бы ты был с женщиной?

– Больше, конечно, тебе в голову прийти ничего не могло.

Спейн пожал плечами и усмехнулся.

– Ты не так уж часто остаешься после работы, Хач. И кроме того, ты весь день вел себя как-то странно. Прямо синдром Баттерби. Помнишь Баттерби?

Хачмен кивнул, и вся его ненависть к Спейну вернулась с новой силой. Баттерби до недавнего времени был старшим инженером, руководителем группы. В Вест-филде он всегда пользовался уважением и популярностью, но потерял работу после того, как кто-то застал его с секретаршей на ковре в его собственном кабинете, где он якобы остался поработать сверхурочно.

– Извини, что разочаровал тебя.

Хачмен попытался продолжить расчеты в блокноте, но Спейн еще минут пятнадцать зудел о каких-то институтских новостях, расхаживая по кабинету, и к тому времени, когда он все-таки убрался, Хачмен совершенно потерял способность сосредоточиваться. Заставляя себя работать, чтобы закончить сегодня все расчеты и завтрашний день посвятить закупке аппаратуры, он просидел до девяти часов. Потом торопливо сложил бумаги в портфель и вышел на улицу.

Мягкий, густой октябрьский воздух пах опавшей листвой, и на западе над самым горизонтом, словно далекий фонарь, светила какая-то планета. Вдыхая воздух полной грудью – вдох, четыре шага, выдох, четыре шага, вдох... – он махнул рукой офицеру охраны в воротах и направился к своей машине. Одним словом, вечер замечательный. Если только не думать слишком много о ру-

котворных солнцах, расцветающих над мирными городами.

Движение на дороге, как ни странно, было ужасным. Один раз ему даже пришлось свернуть и потратить минут двадцать на объезд. Домой он добрался уже в одиннадцатом часу. Во всех окнах горел свет, как будто у них собрались гости, но из дома не доносилось ни звука. Хачмен загнал машину в гараж и прямо из гаража прошел в дом. Викки сидела на веранде, листая журналы, и, только взглянув на ее побелевшее лицо с застывшим выражением крайнего неодобрения, Хачмен вспомнил, что забыл ей позвонить и предупредить, что задержится.

– Извини, – сказал он, положив портфель на кресло, – работал допоздна на фирме.

Викки перелистнула пару страниц и лишь после этого спросила:

– Теперь это так называется?

– Именно так. Работа называется работой, фирма называется фирмой. Какое слово тебе непонятно? – не удержался Хачмен.

На сей раз Викки промолчала и занялась журналом. На этой стадии словесных дуэлей обычно побеждал Хачмен, потому что жена редко находила удачные ответы на подобные вопросы. Но позже, «когда рапиры ломались, и в ход шли дубинки», она всегда брала верх. Обычно это случалось за полночь, и, уже предвидя, что сегодня выспаться не удастся, Хачмен наполнялся беспокойным раздражением. Он остановился напротив жены и, хотя она даже не подняла головы, произнес:

– Послушай, Викки, я надеюсь, ты на самом деле не думаешь, что я был где-то с другой женщиной?

Она наклонила голову, взглянула на него искоса и с деланным удивлением ответила:

– Я не упоминала никакую женщину. Почему это делаешь ты, Лукас?

– Потому что ты собиралась.

– Не приписывай мне мысли, подсказанные тебе твоей совестью.– Викки долистала журнал до конца, перевернула его и с точно таким же размеренным ритмом принялась листать с начала.

– При чем тут совесть?

– Ни при чем. У тебя ни при чем. Как ее зовут, Лукас?

Моди Вернер?

– Господи, ну кто такая Моди Вернер?

– Новая... девка в отделе подготовки данных.

Хачмен удивленно потряс головой.

– Послушай, я работаю в Вестфилде и первый раз о ней слышу. Откуда ты-то ее знаешь?

– Странно, что ты ее не знаешь,– ответила Викки.– Или делаешь вид, что не знаешь? На прошлой неделе я разговаривала с миссис Данвуди, и она сказала мне, что слухи о Моди Вернер поползли по Вестфилду с первого же дня, как она появилась на работе.

Хачмен повернулся и, ни слова не говоря, пошел на кухню. Он достал из холодильника коробку с салатом, цыпленка и, выложив все это на тарелку, вернулся в комнату. «Просто телепатия какая-то. Что Спейн, что Викки думают на одной волне, на одном и том же подземном уровне».

Даже когда его жена заснула, Хачмен долгое время еще просто лежал в темноте, прислушиваясь к невидимым приливам и отливам воздушных течений в доме и за окном. В голове проносились обрывки дневных сцен: гляцевые страницы каталогов, пахнущие типографской краской, сложные схемы, вычерченные от руки, размытые очертания Спейна за стеклянной перегородкой, сообщения о мобилизациях и передвижениях флотов в вечерних новостях, невротическая ревность Викки – все это перемешивалось в невероятных сочетаниях, расплывалось и складывалось в новые угрожающие образы. Незаметно подкрался сон, принес с собой еще одно кошмарное видение, где он ходил по универса-

му, выбирая покупки. В центре зала стоял контейнер с мороженой пищей, и двое женщин рядом оживленно обсуждали его содержимое.

– Мне так нравится эта новая идея! – сказала одна из них, сунула руку в контейнер и извлекла что-то белое, похожее на рыбу, с которой сняли кожу. Два печальных серых глаза выделялись на светлом фоне. – Это последнее слово в технологии консервирования. Теперь придумали способ псевдооживления, который позволяет хранить их в идеальном состоянии до приготовления.

– Но это, наверно, жестоко? – с тревогой спросила вторая женщина.

– Нет. Потому что у них нет души, и они не чувствуют боли.

Чтобы доказать это, женщина начала отрывать от рыбы куски белого мяса и кидать их в сумку. Хачмен попятился в ужасе. Хотя рыба лежала неподвижно, позволяя рвать себя на части, глаза ее смотрели прямо на Хачмена. Смотрели спокойно, печально и укоризненно.

Глава 4

Октябрь, почти целиком потраченный на постройку машины, представлялся Хачмену неровной дорогой с двусторонними указателями, где на одной стороне отмечено уменьшающееся расстояние до осуществления проекта, на другой – увеличивающаяся пропасть между ним и Викки.

Одним из первых таких указателей было приобретение кристалла празеодима и необходимого количества изотопа для получения пятидесяти миллилитров цестрона. Сразу после работы он забежал в кафе, наспех перекусил, не вступая ни с кем в разговоры (хотя лицо сидевшей неподалеку темноволосой женщины показалось ему знакомым), и отправился в институт. В тот вечер он засиделся допоздна над аппаратурой для получе-

ния газа и, приехав домой, обнаружил, что все двери заперты изнутри.

«Неужели это происходит со мной?» – промелькнула мысль. Хачмен попробовал открыть замок ключом, но ничего не вышло. Дверь с веранды была надежно закрыта на задвижку. Он остановился, взглянул на свою тень и невольно подумал: «Почему голова у тени от луны всегда меньше, чем при свете уличных ламп?» Темный, молчаливый дом, силой обстоятельств лишенный знакомых родных черт, наводил на другие мысли. Хачмен неожиданно понял, как дико это будет, если ему придется остаться на улице на всю ночь. Еще больший удар нанесла мысль о том, насколько эффективно может быть детское упрямство одного взрослого человека против рассудительности другого. Он тщетно перепробовал все окна, потом вернулся к окну спальни и постучал по стеклу. Когда через несколько минут и это не принесло результата, он, уже теряя контроль над собой, начал колотить все сильнее и сильнее.

– Викки! – позвал он зловещим низким голосом. – Викки! Викки!

Замок у входа щелкнул, и Хачмен бросился к двери, обрадованно и одновременно с испугом от того, что он способен сейчас сделать с Викки. В дверях, щуря сонные глаза, стоял Дэвид.

– Извини, сынок. Никак не мог попасть домой. – Он взял его на руки и прошел в дом, захлопнув дверь ногой, уложил Дэвида в кровать и заглянул в спальню, где Викки, лежа совершенно неподвижно, делала вид, что спит. Мысль о том, что он сейчас сможет забраться в теплую постель и отдохнуть, вместо того чтобы торчать на улице в темноте, мгновенно растопила его холодную злость. Он быстро разделся и лег под одеяло.

Пытаться что-либо объяснить, независимо от того, поверят ему или нет, было бы крайне неосторожно. В любом случае Викки кому-нибудь расскажет – родите-

лям, друзьям, соседям или его коллегам, а это опасно. Люди запомнят эти разговоры. Сейчас все его мысли занимала первоочередная задача – создание машины, но где-то в подсознании уже смутно вырисовывался план действий. И хотя детали еще не определились, ясно было одно: весь проект может обернуться страшной опасностью для него, для Викки и даже для Дэвида. Машина должна быть построена тайно, но до того, как она будет приведена в действие, ему придется тщательно и систематически оповестить о ней мир. Процесс, который легко начать, но управлять которым потом очень трудно. И Викки, которой Хачмэн вообще никогда не мог управлять, должна оставаться в неведении, даже несмотря на то, что последние события оставляют на их семейной жизни столь глубокий след.

Газовую центрифугу в отличном состоянии и относительно недорого удалось купить в Манчестере. Хачмен отправился за ней на машине в полной уверенности, что будет дома к вечеру, но центральные графства были погружены в туман и вдобавок, когда он добрался до Дерби, по радио сообщили о катастрофе с большими человеческими жертвами в Белпере, южнее по дороге. Пришлось искать мотель. Только около полуночи он смог позвонить Викки, но никто не ответил. В трубке раздавались лишь слабые гудки, словно размытые насыщенным влагой воздухом. Хачмен не был особенно удивлен. Викки вполне могла догадаться, кто звонит и почему, и просто не снять трубку, тем самым сразу ставя его в невыгодное положение.

Он положил трубку и, не раздеваясь, прилег на аккуратно застеленную кровать. Сегодня утром он честно рассказал Викки, зачем ему надо было в Манчестер, прекрасно зная, что она даже не станет вникать в технические подробности его забот, а потом предложил поехать с ним. На это Викки ответила, что он отлично знает, когда ей надо встречать Дэвида из школы. При

этом подразумевалось, естественно, что она понимает: будь это не так, он бы ее не позвал. Один-ноль в пользу Викки. «Чертова машина! Не слишком ли много она у меня отнимает? Кто я такой в конце концов?..» Со времени взрыва над Д. прошло уже шестнадцать дней, но до сих пор никто не признался в содеянном. или, если сказать это иначе, никто не смог настолько повлиять на систему расстановки сил в мировой политике, чтобы акция казалась оправданной. Ситуация на Ближнем Востоке, как ни парадоксально, казалась стабильнее, чем когда бы то ни было за последние годы. Некоторое время Хачмена преследовала мысль о том, что даже его машина не сможет вернуть к жизни тысячи упрямых мальчишек... Об этом стоило подумать...

В Кримчёрч он вернулся утром и обнаружил, что дома никого нет. На пороге перед запертой дверью стояли бутылки с молоком, на полу в прихожей лежало несколько конвертов и газет, и Хачмен сразу понял, что Викки с Дэвидом уехали еще вчера. Подавив сжимающий горло приступ жалости к себе, он снял трубку и начал было набирать номер ее родителей, но тут же передумал. Лучше оставить дверь открытой и ждать...

Через три дня дождливым субботним утром Викки вернулась вместе со своими родителями. Ее отец, ольдермен Джеймс Моррис, седой мужчина с похожим на клубничину носом, провел с Хачменом долгую серьезную беседу об увеличивающейся стоимости электроэнергии и неустойчивом состоянии экономики. Ни словом не упомянув о замужестве дочери и их семейных проблемах, своим тоном он как-то умудрился передать то, чего не было сказано словами. Хачмен отвечал на все его высказывания с равной серьезностью. Когда родители Викки наконец уехали, он обнаружил жену в спальне. Она улыбалась сквозь слезы и всем своим видом изображала маленькую девочку, рассчитывающую на снисхождение после очередной проделки.

- Где Дэвид? – потребовал Хачмен.
- Он еще спал, когда мы уехали. Днем отец поведет его в планетарий, а вечером привезет домой. Эти три дня были для него сплошным праздником.
- А для тебя?
- Для меня... – Викки кинулась к нему и крепко обняла.

Позже, прислушиваясь к ровному шуму дождя за окном спальни, Хачмен вдруг подумал виновато о том, как Викки станет реагировать, когда поймет, что теперь все у них будет по-другому. На изломанном графике их семейных отношений за сценой примирения всегда следовал ровный период идиллической гармонии. Но раньше у него не было Машины.

«Частное исследование некоторых свойств микроволновой радиации». Подобное «объяснение» несколько смутило Викки, на что он, собственно, и рассчитывал, и чем больше он его повторял, тем сильнее становилось ее замешательство. В конце концов ей пришлось признать реальность проекта, и, не зная ни грамма невероятной правды, стоящей за этим объяснением, она могла лишь предполагать, насколько он занят работой.

Другие тоже стали замечать перемены в поведении Хачмена, несмотря на все его усилия казаться обычным. Он сильно отстал в основной работе, что стало особенно заметно после нескольких еженедельных совещаний по поводу «Джек-и-Джилл». Мюриел Барнли выполняла свои секретарские обязанности с неприкрытой подозрительностью, выражая свое неодобрение его поведением множеством раздражающих мелочей. А Дона Спейна просто перехлестывало глубокое убеждение, что Хачмен по самые уши увяз в каком-то головокружительном романе.

Хачмен продолжал работать над проектом, стараясь тратить ровно столько времени в институте, сколько он

мог себе позволить, чтобы не ставить под угрозу наладившиеся отношения с Викки. Порой ему самому не верилось, насколько далеко он продвинулся в работе, но к концу месяца у него был готов работающий цестроновый лазер. Еще один важный «дорожный указатель»...

– Что это значит? – Викки бросила через стол письмо.

Еще не взяв конверт в руки, Хачмен узнал аккуратный штамп своего банковского отделения.

– Письмо было адресовано мне, – произнес он холодно, пытаясь выиграть время на размышления.

– Какая разница? Я хочу знать, что это означает?

Хачмен пробежал глазами по профессионально сухим строчкам, где объяснялось, что его личный счет в банке перерасходован почти на четыреста фунтов, и, поскольку он закрыл сберегательный счет, банк настоятельно просит либо открыть новый счет, либо обсудить этот вопрос с управляющим как можно скорее.

– Это означает то, что здесь написано, – спокойно произнес он. – Мы задолжали банку некоторую сумму.

– Но как это могло произойти? – Лицо Викки побелело.

– Хотел бы я знать...

Теперь Хачмен отлично понимал, в чем была его ошибка. Слишком быстро израсходованные сбережения... И еще бо́льшая ошибка – допустить, чтобы письмо из банка попало в руки Викки.

– Почему они просто не перевели деньги со сберегательного счета, как они обычно... – Викки схватила письмо и быстро перечитала его. – Ты закрыл сберегательный счет?! Где деньги?

Усилием воли Хачмен заставил себя говорить спокойно:

– Мне пришлось потратить их на проект.

– Что? – Викки истерически хохотнула и взглянула на

Дэвида, который в этот момент оторвался от овсянки и с интересом поднял глаза.— Ты что, шутишь, Лукас? Там было больше двух тысяч фунтов.

— Нет, не шучу. Мне надо было купить оборудование.

— Я тебе не верю. Какое оборудование? Покажи мне квитанции.

— Попробую их разыскать.— Оборудование он покупал только за наличные, воспользовавшись чужим именем и адресом, и все квитанции впоследствии сжег. Вот уж поистине обучение нейтронов новому танцу требовало странных приготовлений.— Но я не уверен, что найду их.

Он беспомощно наблюдал, как из глаз Викки прозрачными ручейками потекли слезы.

— Я знаю, почему ты не можешь показать мне квитанции,— произнесла она, всхлипывая.— Я знаю, что за оборудование ты покупал.

«Опять начинается,— в панике подумал Хачмен.— Другими словами, она обвиняет меня в том, что я потратил деньги на женщину или женщин или даже снял где-то квартиру...» Они оба знали, что она имела в виду, но в соответствии со стандартной тактикой Викки, если он сейчас начнет отвергать обвинения и оправдываться, для нее это тут же станет доказательством вины.

— Пожалуйста, Викки. Ну, пожалуйста, не надо...— Хачмен кивнул в сторону Дэвида.

— Я никогда не делала ничего плохого Дэвиду,— ответила Викки,— но тебе, Лукас Хачмен, я еще заплачу.

Пока Хачмен проводил окончательную сборку, у него медленно выкристаллизовывалось и наконец окончательно созрело горестное понимание того, что он никогда не сможет использовать свою антиядерную машину. Возможно, в глубине его сознания всегда гнездилась эта мысль, но, увлеченный работой, он не позволял себе в этом признаться. Руки сами продолжали работу над ма-

шиной, а он лишь смотрел, словно они и были ее создателями. Но теперь, когда машина стала реальностью, теперь перед ним встала чистая, пугающая своей многогранностью истина.

Факт номер один. Машину нельзя проверить в действии или использовать где-то локально. Прибор типа «все или ничего» – строго для людей такой же категории, к которым сам он, Хачмен, не принадлежит.

Факт номер два. Международные отношения, по наблюдениям некоторых обозревателей, слегка потеплели, а потому бомба и возможность ее применения стали для определенных кругов гораздо менее привлекательными.

И наконец, третий факт. Все последние события вызвали у Хачмена острое нежелание идти дальше по дороге, которая чуть не привела его семейную жизнь к развалу. Готов ли он купить жизнь миллионов людей ценой собственного счастья, если так можно назвать его брак с Викки? Однако вот она, машина. Настоящая, более реальная, чем все, что ему до сих пор доводилось видеть. Своим присутствием она ошеломляла и подавляла, не оставляя места для иллюзий и двусмысленности. «Я такой же, как все. Обыкновенный, трусливый и озабоченный прежде всего самим собой».

С чувством облегчения, приправленного смесью радости и вины, которое наступает со снижением требований к себе, Хачмен отложил микрометр в сторону. Еще два часа – и машина будет окончательно готова. Впрочем, зачем спешить? «Не разобрать ли ее прямо сейчас?» – подумал он, но тут внезапно накатила копившаяся целый месяц усталость, и он решил оставить все как есть. Уняв дрожь в ногах, Хачмен оглядел машину трезвым взглядом, вышел из лаборатории и запер за собой дверь.

По дороге домой он несколько раз снижал скорость, когда в этом не было никакой необходимости, чем силь-

но раздражал водителей идущих сзади машин. Спешка и суета оставили его, хотелось остановиться, погрузить себя в теплое размеренное течение жизни, из которого он с такими трудностями выкарабкивался совсем недавно. Настойчивое видение изломанных, искаженных тел покинуло его, и он вновь был обыкновенным человеком. Хачмен вдыхал холодный воздух полной грудью и чувствовал себя на пороге важного жизненного поворота. Казалось, за ним захлопнулись массивные двери, отсекая прошлое с его опасными вариантами будущего.

Обнаружив у ворот дома чужую машину, Хачмен испытал чувство легкого разочарования. Двухместная, вишневого или коричневого цвета – в темноте не удавалось разглядеть – машина была развернута к воротам. Краешком сознания Хачмен отметил, что владелец, очевидно, заранее решил не терять времени при отъезде. Если в доме кто-то чужой, он не сможет рассказать Викки то, что хотел. Нахмурившись, он вставил ключ в замочную скважину и повернул. Дверь не открылась. Кто-то закрыл ее изнутри на задвижку.

Хачмен отошел от крыльца, оглядел дом и обнаружил, что свет горит лишь в спальне Дэвида. Маленький ночник. В доме гость и не горит свет? Немыслимая идея, появившаяся у него, заставила Хачмена попробовать боковую дверь. Тоже заперта изнутри. Он бегом вернулся к крыльцу, ударил в дверь кулаком и продолжал колотить до тех пор, пока замок не открыли. На пороге стояла Викки в голубом шелковом кимоно.

– Что ты делаешь? – потребовала она холодно. – Дэвид спит.

– Почему заперта дверь и нет света?

– Кто сказал, что нет света? – Викки продолжала стоять в дверях, не позволяя ему пройти. – И почему ты сегодня дома так рано?

Хачмен бросился вперед, не обращая внимания на жену, и рывком открыл дверь в гостиную. Посреди ком-

наты поспешно одевался загорелый темноволосый мужчина, в котором Хачмен неуверенно признал владельца местной заправочной станции.

– Ты! – рявкнул Хачмен, все еще чувствуя необычную заторможенность мысли. – Одевайся и проваливай отсюда!

– Невероятно! – выдохнула Викки. – Как ты смеешь шпионить за мной и разговаривать так с моим гостем?

– Твой, с позволения сказать, гость не возражает. Или возражаешь, ты, гость?

Мужчина молча взял со стула пиджак.

– Это мой дом, Форест, – обратилась к нему Викки, – и ты можешь не уходить. Я даже прошу тебя остаться.

Форест посмотрел на Хачмена, постепенно избавляясь от смущения.

– О господи, – произнес Хачмен устало. Он вышел в коридор, снял с крюков украшающее стену метровое мачете и вернулся в гостиную. – Послушай, Форест. Я не держу на тебя зла за то, что здесь произошло. Ты просто случайно оказался рядом, когда фрукт созрел. Но теперь ты мне мешаешь, и, если ты немедленно не уберешься, я тебя убью.

– Не верь ему, – Викки неуверенно засмеялась и двинулась ближе к Форесту.

Хачмен оглядел комнату, остановил взгляд на подаренном отцом Викки шикарном кресле и одним ударом разрубил спинку надвое. Викки взвизгнула, но этот акт бессмысленного вандализма, очевидно, доказал что-то Форесту, и он быстро направился к дверям. Викки сделала несколько шагов вслед за ним и остановилась.

– Не самый умный поступок, – бесстрастно произнесла она. – Кресло стоило денег.

Хачмен подождал, пока машина на улице заведется и отъедет, потом спросил:

– Скажи мне одну вещь. Это было в первый раз... такой гость?

– Нет, Лукас, – ответила Викки спокойно неуместно нежным голосом. – Это не первый раз.

Реальная жизнь снова обернулась к нему своей раскаленной добела стороной.

– Тогда... я опоздал...

– И намного, – опять та же издевательская нежность.

– Мне очень хотелось бы показать тебе, насколько ты не права, Викки. Я никогда не изменял тебе. Я... – Тут его горло сжал болезненный спазм. «Все эти годы, – подумал он. – Все эти красивые годы выброшены на свалку. Зачем?..»

– Ты сам все начал, Лукас. По крайней мере будь мужчиной и пройди все до конца, – Викки зажгла сигарету, и ее взгляд, жесткий и одновременно победный, неотрывно следовал за Хачменом из-за извивающейся маски дыма.

– Хорошо, Викки, – выдавил он из себя, и на мгновение перед его глазами мелькнула разделявшая их антиядерная машина. – Я обещаю тебе, что пройду до конца...

Глава 5

– Если у тебя что-нибудь случилось дома или еще что, почему бы тебе не рассказать мне об этом, Хач?

Артур Босуэл, начальник исследовательского сектора Вестфилда, надел очки в тонкой золотой оправе и пристально посмотрел на Хачмена.

– Да нет, вроде все в порядке, Артур. – Хачмен взглянул на него через стол красного дерева, раздумывая, не признаться ли в каких-нибудь трудностях хотя бы для того, чтобы облегчить себе несколько последующих дней.

– М-м-м. Ты не очень хорошо выглядишь в последнее время.

– Да. По правде говоря, я плохо сплю. Надо, навер-

но, сходить к врачу, выписать какие-нибудь таблетки.

– Это не дело. Хороший сон очень важен, – наставительно произнес Босуэл. – Что-нибудь случилось?

– Нет, так, без особых причин, – ответил Хачмен и подумал про себя: «Что-то у него на уме».

– Я думаю предложить тебе помощника, Хач.

– Но в этом нет необходимости, – Хачмен почувствовал смутную тревогу. Меньше всего ему хотелось, чтобы в его кабинете сидел кто-то посторонний. – Я имею в виду, что это лишнее. Чтобы ввести нового человека в курс дела, потребуется не меньше двух недель, а за это время я и сам закончу работу.

– Две недели. Хорошо. – Босуэл с готовностью ухватился за конкретный срок. – Мы едва ли можем позволить на эту работу большее время. Совет директоров хотел бы наконец прийти к определенному решению по поводу «Джек-и-Джилл».

– Мне вполне хватит двух недель, – заверил его Хачмен.

Если работать быстро и не делать ошибочных ходов, то за две недели можно успеть осуществить задуманное. Объявить миру о том, что его машина уже существует. Необходимо немедленно составить описание конструкции и математическое обоснование, размножить все это в нескольких сотнях экземплярах и разослать по всему миру организациям и частным лицам по заготовленному списку. Отправить письма так, чтобы они достигли своих адресатов приблизительно в одно и то же время – проблема несложная. Гораздо бóльшая проблема возникнет, когда письма будут вскрыты и прочитаны, когда многие из тех людей, кому они направлены, людей могущественных и безжалостных, пожелают его убрать. Единственный способ избежать опасности – продолжать держаться скрытно и осторожно. До сих пор Хачмен считал, что запирающийся ящик в его столе вполне надежное место для хранения схем и выкладок, но сейчас,

преследуемый беспокойными мыслями, он даже не мог вспомнить, запер ли он стол, перед тем как уйти. Он прибавил шаг и почти бегом ворвался в свой кабинет. У стола стоял Дон Спейн и с напряженным интересом копался в содержимом секретного ящика.

– Ой, Хач, – спросил он, улыбаясь, – где ты держишь точилку для карандашей?

– Разумеется, не здесь, – резко ответил Хачмен и, не удержавшись, добавил: – Наглая любопытная свинья!

Улыбка Спейна тут же растворилась.

– Ты что, Хач? Я только хотел одолжить точилку.

Хачмен захлопнул дверь в комнатку Мюриел и спокойно произнес:

– Это ложь. Я прекрасно знаю, что ты лжешь, потому что ты рылся в моем столе столько раз, что точилку нашел бы и в темноте. Ты просто наглая любопытная свинья!

На серых впалых щеках Спейна появились два пятна кирпичного цвета.

– Ты...

– И если я еще раз застаю тебя в моем кабинете, я тебя пришибу!

Спейн открыл рот в замешательстве, но через секунду растерянное выражение на его лице сменилось злостью.

– Не слишком ли ты много о себе думаешь, Хач? Меня абсолютно не интересуют твои каракули, и я не позволю такому...

Хачмен взял со стола обкатанный камень, которым прижимал бумаги, и сделал вид, будто собирается бросить. Спейн проворно нырнул в дверной проем. Сев за стол, Хачмен стал ждать, пока успокоятся нервы. Сделать что-нибудь подобное ему хотелось уже несколько лет, но в этот раз, пожалуй, следовало бы сдержаться. Спейн и Мюриел непременно распустят сплетни об этом инциденте по всему Вестфилду, а как раз сейчас Хачмену хотелось выглядеть как можно неприметнее.

Он обследовал ящик с бумагами и с облегчением обнаружил, что заготовленный список правительственных учреждений, политиков и видных ученых лежал в самом низу, да еще был сложен таким образом, что Спейн, очевидно, его пропустил. С сегодняшнего дня придется носить все бумаги с собой. Но что делать с машиной? Хачмен опустил в кресло и задумчиво посмотрел через расчерченное редкими каплями дождя стекло на украшенные осенью деревья за окном. Машину, которую вряд ли кто назвал бы портативной, нельзя оставлять в лаборатории. Для того чтобы шантажировать людей, владеющих ядерным оружием, чтобы успешно превратить мегасмерть в мегажизнь, машину надо спрятать понадежнее в каком-нибудь укромном месте. Даже если его выследят, это уже не будет иметь значения: когда люди узнают, как построить подобную машину, кто-нибудь где-нибудь обязательно это сделает. И тогда никто не сможет позволить себе владеть ракетами, снаряженными кусками смертоносного металла...

Никогда! Слишком велик будет риск.

Хачмен встал и, подойдя к зеркалу, взглянул на свое отражение. Высокий мужчина, хорошо уложенные черные волосы, длинные суховатые руки – именно такого Лукаса Хачмена видят люди. Это тот самый Лукас Хачмен... «Так-так, уже говорим о себе в третьем лице, Хач. Классический симптом...» Так вот это тот самый Лукас Хачмен, который решил один положить на лопатки весь мир. «Когда-нибудь она поймет...»

Слегка обеспокоенный тем удовольствием, которое доставила ему эта маленькая игра, Хачмен сел за стол и занялся бумагами. Все записи были сделаны на стандартных вестфилдских бланках, но это можно исправить – достаточно лишь обрезать верхнюю часть листа. Другое дело, что кому-то из адресатов, особенно иностранцам, будет невозможно расшифровать его каракули и, кроме того, его смогут найти по почерку. Он про-

шел в кабинетик Мюриел и, сделав вид, что не замечает ее настороженного взгляда, молча достал из стола стопку чистых листов. Больше часа ушло на то, чтобы переписать печатными буквами все математические выкладки и описание конструкции машины.

Закончив работу, он спрятал бумаги в портфель и принялся думать, где лучше спрятать машину. Может быть, где-нибудь на южном побережье? Хачмен достал телефонный справочник и, выписав несколько номеров агентов по недвижимости, начал обзванивать их в алфавитном порядке. Уже во второй конторе ему предложили коттедж в Хастингсе. Хачмен поискал блокнот для записок, но вспомнил, что оставил его на книжном шкафу. Пришлось записать адрес на новом зеленом ластике.

– Похоже, это как раз то, что мне нужно. Я позвоню вам позже.

Он сказал Мюриел, что уходит по личным делам на часок, и отнес портфель в машину. Погода для ноября была относительно теплая, но небо провисало над деревьями и домами удручающе низко. Дождь моросил постоянно, не оставляя никаких сомнений, что так будет до самого конца дня. Водяные капли сползали по стеклам автомашины словно бесноватые амебы. Хачмен остановился в центре города и за тридцать фунтов приобрел в канцелярской лавке подержанную копировальную машину и запас бумаги. Платил наличными, используя деньги, которые Викки выдала ему, чтобы он отнес в банк. Уложив покупки в багажник, он двинулся пешком вдоль улицы, пока не нашел контору по сдаче недвижимости, куда звонил ранее. В стеклянной витрине он разыскал фотографию дома, и то, что он увидел, его вполне устроило. Коттедж с террасой, сдается только на зиму, примерно в шестидесяти милях от дома. Полтора часа езды – это достаточно близко. Он вполне сможет перевезти туда машину, не пропадая на подо-

зрительно долгий срок, и в то же время там можно надежно укрыться в случае необходимости.

Хачмен зашел в контору, и, представившись писателем, которому необходимо закончить книгу, меньше чем через полчаса получил дом в аренду до конца апреля. Оформив аренду на вымышленное имя, он внес аванс наличными и получил взамен два ключа и карточку с адресом.

Заехав к «Вулворту», купил несколько сотен дешевых конвертов из тех, что продаются в любом городе, а на центральной почте – соответствующее количество марок в листах для авиа- и внутренней пересылки.

Приближалось время ленча. Хачмен зашел в свое любимое кафе и там, сидя в полутемном углу за чашкой горячего кофе, принялся составлять письмо. Написав «Всем, кого это может касаться», он подумал, что такое начало выглядит неоригинально, но в конце концов решил, что это по существу, и оставил так, как есть. Закончив первый вариант, он внимательно перечитал написанное.

«Это письмо – наиболее важное из всех писем, которые Вам доводилось читать. Его содержание представляет собой факты, в высшей степени важные для безопасности Вашей страны и благополучия всего человечества в целом.

Прочитав письмо, Вы принимаете на себя личную ответственность за осуществление необходимых действий, и Ваша совесть должна подсказать Вам, каковы должны быть эти действия.

К письму прилагаются следующие документы.

1. Математическое доказательство возможности создания нейтронного резонатора на основе цестронового лазера. Распространение излучения будет иметь характер цепной реакции и вызовет искусственное увеличение плотности свободных нейтронов в любой близкой к критической concentra-

ции радиоактивного материала. Другими словами, включение описываемого устройства приведет к почти мгновенному взрыву всех ядерных устройств на планете.

2. Схема простейшей модели нейтронного резонатора, который может быть создан практически за несколько дней.

Прочтите следующий параграф внимательно:
ОПИСАННОЕ УСТРОЙСТВО УЖЕ СУЩЕСТВУЕТ: ОНО БУДЕТ ПРИВЕДЕНО В ДЕЙСТВИЕ В ПОЛДЕНЬ ПО ГРИНВИЧУ 10 НОЯБРЯ 19... ГОДА. ВЫ ДОЛЖНЫ ПРИНЯТЬ СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕРЫ».

Написанное живо напомнило Хачмену стиль рассылаемых книжными клубами рекламных буклетов, но в конце концов он решил, что свое дело письмо сделает. Убеждать за него будут плотно исписанные страницы математических выкладок. Они передадут сообщение тем членам братства математиков, кто способен мыслить на таком же уровне, те в свою очередь повлияют на других людей, те – дальше... Письмо само будет своего рода нейтронным резонатором, способным начать цепную реакцию в человеческих умах.

Спрятать антиядерную машину оказалось гораздо легче, чем ему представлялось раньше, и очередной успех вызвал у Хачмена чувство, что все движется с какой-то сверхъестественной легкостью. Недолго думая, он зашел в телефонную будку и позвонил Мюриел в Вестфилд. Она ответила что-то невнятно, и он догадался, что позвонил в перерыв, когда она заправляется неизменными шоколадными вафлями в компании других секретарш, которые всегда собираются на ленч в ее кабинете, чтобы выпить кофе и обсудить поп-звезд.

– Извини, что прерываю заседание «культурного клу-

ба», – сказал Хачмен, – но я хотел предупредить, что сегодня меня не будет. Ты там справишься сама, если что-нибудь возникнет, ладно?

– А что мне сказать, если будут спрашивать? – Голос ее звучал уже разборчивее, но в нем ясно слышалось осуждение.

– Скажи, что я на побережье, – ответил он, не раздумывая, и тут же пожалел об этом. – Нет, лучше скажи правду. Я буду в Моррисоновской библиотеке, мне надо там кое-что посмотреть.

– В Моррисоновской библиотеке, – повторила Мюриел монотонно, открыто демонстрируя свое недоверие.

Очевидно, к этому времени соответственно оформленная версия его конфликта со Спейном уже разошлась, и Мюриел, хотя она и недолюбливала Спейна, с радостью ухватится за возможность посплетничать о том, как «мистер Хачмен изменился в худшую сторону». Хачмен подумал, что с Мюриел надо быть поосторожней.

– Ну ладно, – сказал он. – До завтра.

Мюриел молча повесила трубку.

Хачмен сел в машину и направился в институтскую лабораторию. Шел дождь, опускался туман, и никто, похоже, не заметил, как он остановился во внутреннем дворе большого каменного здания. Минут двадцать ушло на то, чтобы разобрать машину на основные узлы и перенести их вместе с экранами к автомобилю. Когда он закончил погрузку, руки, несмотря на постоянные тренировки с луком, болели от непривычной тяжелой работы. Так никого и не встретив при выезде, Хачмен погнал машину на юг, к Хастингсу.

Дорога заняла больше полутора часов, и еще минут десять он искал номер 31 по Чаннинг-уэй – коттедж, который ему сдали до апреля. Дом оказался вполне обычным; он ничем не выделялся из ряда таких же зданий:

две комнаты внизу, две – на втором этаже. В конце улицы было видно море.

Вставляя ключ в замочную скважину и открывая дверь незнакомого дома, Хачмен особо остро почувствовал, что входит в чужой дом, хотя легально он имел на это все права. Он прошел по комнатам первого этажа, обратив внимание, что мебели в доме лишь необходимый для аренды минимум. Холодный, безжизненный дом... В спальне на втором этаже оказалось одно-единственное зеленое кресло. Узкое оконце выходило на глухую стену соседнего дома.

«А ведь я могу умереть здесь...» Внезапно возникшая мысль принесла с собой ощущение подавленности, сменившее чуть приправленное виной возбуждение от всей этой дешевой секретности. Он спустился по лестнице и принялся выгружать разобранную машину. На этот раз детали казались гораздо тяжелее, но носить было недалеко, и меньше чем через десять минут части машины уже лежали на полу спальни. Хачмен хотел было собрать ее сразу, но потом решил, что сначала надо разделиться с письмами, а для этого лучше пораньше вернуться домой.

– Дэвид спит, а мне нужно уйти на пару часов, – сказала Викки, появляясь в дверях его кабинета. На ней был бурого цвета твидовый костюм, который Хачмен прежде не видел. Лицо, старательно подкрашенное, сохраняло строгое выражение. Глубокая печаль охватила Хачмена, и он понял, что, несмотря ни на что, он все же надеялся, что Викки успокоится после того удара, который она ему нанесла.

– Куда ты собралась?

– Что, я не могу съездить к матери?

– Ты можешь, конечно, и к матери съездить... – горько усмехнулся Хачмен. – Ладно. Все понятно...

– Ты куда не собираешься? – спросила Викки буд-

ничным тоном, делая вид, что не заметила его реплики.— А то я останусь с Дэвидом.

Хачмен взглянул на стопки писем на столе и покачал головой.

— Нет. Я буду дома.

— Тогда я пошла.— Викки посмотрела на него с недоумением, и Хачмен догадался, о чем она подумала. «Как случилось, что он так спокоен? По всем правилам он должен сейчас стоять передо мной на коленях, умолять, упрашивать». И быть может, он так бы и поступил. Что уж тут от себя скрывать? Но Викки сделала ошибку, применив слишком большую дозу. Какая разница, одна измена или десяток, одна мегатонна или сто? Нет смысла просить о чем-то, ибо он уже мертв.

— Пока,— сказала Викки.

Хачмен кивнул не оборачиваясь.

— Передай привет своей матери.

Глава 6

Проснувшись, Хачмен с удовлетворением отметил особое, цвета меди солнечное сияние, какое, он был уверен, можно увидеть только по утрам и в выходной. Не исключено, что это реальное явление природы: пятьдесят миллионов британцев, настроенных на хорошую субботу, просто должны силой мысли влиять на погоду. Или групповой самообман: те же пятьдесят миллионов, создающих для себя телепатический покров удовольствия от того, что рабочая неделя наконец завершилась... В любом случае Хачмен был доволен, что не надо идти на службу, потому что сегодня он наметил отправить письма, предназначенные для самых отдаленных уголков планеты. Он решил разделить их на небольшие стопки и опустить в разные почтовые ящики, расположенные как можно дальше друг от друга. Сколько можно объехать за день? Почти всю юго-восточную часть страны. Конечно, лучше было бы до-

браться до Шотландии, но юго-восток и так населяет чуть ли не половина Англии. И кроме того, это может сбить преследователей со следа, если они решат, что человек, живущий на севере страны, специально отправлял письма на юге.

Хачмен выбрался из постели и якобы ненароком заглянул в смежную спальню. Викки спала под сплетением теней от задвинутых штор. Хачмен прошел в ванную и быстро умылся. У него в общем-то не было никаких оснований думать, что Викки будет отсутствовать всю ночь, но все же ему стало легче от того, что она дома. Он надел джинсы и свитер, сложил конверты в чемодан и отнес его в машину. Перед уходом он заглянул в комнату Дэвида и, остановившись на пороге, долго с тревогой вглядывался в маленького, спящего, как всегда, в необычной позе, мальчугана.

С утра движение на дороге было не очень оживленное, и Хачмен решил первую часть конвертов опустить в Бате. В том случае, если начнется подробное расследование, у спецслужб уже будет определенное начальное количество данных: место и время отправки писем, и меньше всего Хачмену хотелось оставить ясный след, начинающийся в Кримчёрче. Он вел машину быстро, предельно сосредоточившись на дороге, и едва замечал звуки, доносящиеся из радиоприемника, пока не передали сообщение о сборе пожертвований для недавно учрежденной организации помощи пострадавшему городу. Председатель организации публично заявил о своих подозрениях относительно того, что часть пожертвований переводится различными правительственными ведомствами в другие фонды. Хачмен решил, что председатель просто страдает обычной для организаторов благотворительных сборов мнительностью, но тут до него дошло, что и он для реализации своего замысла полагается на почтовое ведомство Ее Величества. Как типичный представитель среднего класса

Англии, он всегда хранил врожденную веру в учреждения типа почтового ведомства, и в то же время, как нормальный трезвомыслящий человек последней четверти века, прекрасно понимал, что ни одно правительство, даже правительство Елизаветы II, не может придерживаться строгих моральных принципов.

От тревожных мыслей у Хачмена выступил холодный пот на лбу. В его чемодане лежало несколько писем, адресованных в Советский Союз: государственным деятелям, ученым, редакторам научных журналов. Но что будет, если вся британская почта, адресованная в эту страну, подвергается проверке? Все знают, что существуют способы, позволяющие делать это, даже не вскрывая конвертов. Он ослабил давление на педаль акселератора и попытался представить, к чему это приведет. Во-первых, охота на него начнется гораздо раньше, чем он предполагал. Во-вторых, и это гораздо важнее, ни одно письмо, направленное в Россию, не попадет к адресатам. А ведь его план в том и заключался, чтобы все державы, имеющие ядерное оружие, получили письма одновременно и были предупреждены о том, что случится 10 ноября.

Если лишь одна сторона получит известие, его «антиоружие» автоматически превратится в оружие. Даже сейчас, назначив столь близкий срок, он поставил в опасное положение все великие державы, где специалистам придется работать из последних сил, чтобы разобрать ядерные боеголовки в срок.

Продолжая медленно двигаться по шоссе, Хачмен вдруг неожиданно вспомнил смутно знакомое женское лицо. Кажется... Андреа Найт, биолог. Когда-то Хачмена познакомили с ней в университете. Много позже он видел ее несколько раз издали в институте во время редких перерывов на кофе, которые он себе позволял, работая над машиной. Так же неожиданно в памяти всплыл отрывок из «Университетского бюллетеня ново-

стей»: она едет в Москву на семинар по ДНК!

Он попытался восстановить в памяти дату отъезда делегации, но вспоминалось лишь, что группа отбывает буквально на днях. Или они уже уехали?..

Если ему удастся убедить Андреа взять конверт с собой, он был уверен, что письмо надежно попадет в руки адресату. А если дать ей один из конвертов, адресованных научному журналу, тогда будет нетрудно придумать какое-нибудь объяснение. Конечно, если делегация уже в пути, придется разработать еще какой-нибудь ход, но сейчас лучше узнать, как действительно обстоят дела.

Хачмен прибавил скорость и через пять минут уже был на окраине Олдершота. Миновав аккуратные ряды армейских построек, растянувшихся по обе стороны дороги на несколько миль, он остановился у телефонной будки и разыскал по справочнику номер Роджера Дафи. Дафи был в Вестфилде специалистом по связям с прессой, иногда сам писал для научных журналов, и довольно часто его материалы появлялись в «Университетском бюллетене». К телефону долго не подходили, но потом ответил сам Дафи.

– Привет, Роджер! – Хачмен старался, чтобы его голос звучал сердечно и беззаботно. – Извини, что беспокою тебя дома, но только ты можешь мне помочь.

– Ничего, все в порядке, – Дафи ответил дружелюбно, но в то же время немного настороженно. – А в чем дело?

– Хочу разыскать кое-кого из той группы, что отправляется в Москву на семинар по ДНК, да вот думаю, не поздно ли?

– Даже не знаю. А кто именно тебе нужен?

Хачмен хотел было придумать какое-нибудь имя, но Дафи был как раз одним из тех настораживающе знающих людей, кто вполне способен запомнить всю делегацию.

– Э-э-э... Андреа Найт.

– Ага! У тебя губа не дура, Хач!
– Ну что ты, Роджер, – отбился Хачмен, устало подумав: «Господи! И этот туда же», – и потом, разве я бы тебе в чем-нибудь признался?

– Не надо, старик, не надо. Ну, чертяка! Не даром...
– Послушай, Роджер, может, у тебя где записано, когда отправляется наша делегация? Я тороплюсь.
– Я думаю! Ладно, подожди секунду.

Хачмен чуть пригнулся в будке и взглянул на себя в зеркальце на стене. Щеки ввалились, резко обозначился подбородок. И впервые за долгие годы он забыл побриться...

– Алло, Хач? Они вылетают из Гэтвика завтра в полдень.

– Спасибо, Роджер. – Хачмен повесил трубку и отправился на поиски местного почтового отделения. Отыскав по справочнику адрес и телефонный номер Андреа Найт, он записал их на листке бумаги, затем позвонил.

– Андреа Найт слушает, – она сняла трубку быстро, еще до конца первого гудка, и Хачмен невольно вздрогнул.

– Добрый день, мисс Найт, – он поискал нужные слова и продолжил: – Не уверен, что вы меня помните. Я Лукас Хачмен. Мы учились вместе...

– Лукас Хачмен! – Голос звучал удивленно, но в нем чувствовались нотки удовольствия. – Конечно, помню. Я видела тебя несколько раз в институте, но ты не подошел.

– Я не был уверен, что меня помнят.

– Однако то, что ты даже не поздоровался, вряд ли улучшило мою память.

– Очевидно, да. – Хачмен почувствовал, как краснеет, и внезапно с удивлением осознал, что буквально через несколько секунд они уже разговаривают, словно близко знакомые люди. Слишком близко. – Я всегда теряюсь в таких случаях.

– В самом деле? Тогда зачем же ты звонишь? Или мне не следовало задавать этот вопрос?

– Я думал...– Хачмен замялся.– Я знаю, что на слишком многое рассчитываю так сразу, но не могла бы ты оказать мне небольшую услугу?

– Надеюсь, что смогу, но должна предупредить: завтра я улетаю в Москву и вернусь только через три недели.

– Именно поэтому я и позвонил. Мне надо отправить редактору «Советской науки» статью по микроволновым излучениям. И довольно срочно. Я мог бы послать ее почтой, но выглядит вся эта математика жутковато, и будет столько бюрократических задержек – цензура и все такое, – что потребуются, наверно, несколько месяцев. Вот я и подумал...

– Ты хочешь, чтобы я ее доставила лично? Что-то вроде транссибирского курьера? – Андреа заразительно засмеялась, и Хачмен понял, что главное сделано.

– Да нет, зачем же. Я подпишу конверт, и его просто нужно будет бросить там в почтовый ящик.

– Хорошо, но есть одна трудность.

– Какая? – Хачмен постарался не выдать волнения голосом.

– У меня нет конверта. Как я его получу?

– О, это не сложно. Я могу подъехать сегодня.

– Вообще-то я тут вся в сборах, но к вечеру буду свободна.

– Отлично. Где мне?..

– Где ты обычно встречаешься с женщинами?

Хачмен чуть не сказал, что он обычно не встречается с женщинами, но вовремя остановился. «Поделом тебе, Викки».

– Как насчет «Погребка» в Кембёрне? Может быть, мы поужинаем?

– Замечательно. В восемь часов?

– В восемь.

Хачмен повесил трубку и вышел на залитую солнцем улицу, чувствуя себя так, словно он проглотил несколько стопок джина на голодный желудок. Секунду он разглядывал незнакомые дома, потом вспомнил, что он в Олдершоте, и впереди у него долгое путешествие по южным графствам. По дороге к оставленной машине Хачмен понял, что придется менять план. Решив, что факт отправки писем из какого-то одного места будет менее информативен для гипотетического следователя, чем отправка поочередно по пути следования, он составил новый маршрут. Решение, принятое вот так сразу, показалось Хачмену более верным, чем заранее обдуманый план, и это его несколько беспокоило, но в конце концов он убедил себя в том, что даже один конверт, надежно доставленный в Москву, все окупает.

К западу от Олдершота он свернул с дороги на Бат и заехал в Солсбери, где и отправил первую партию конвертов. И только вернувшись в Кримчёрч, он понял, что означают эти конверты, доверенные почте Ее Величества. До сих пор у него был выбор, была возможность вернуться к нормальной жизни.

Теперь же первый шаг сделан, и пути назад нет.

Глава 7

Андреа Найт вошла в бар неторопливой походкой и проследовала через весь зал к столику Хачмена, размахивая сумкой. Хачмен, который пришел задолго до условленного срока, поднялся с места.

- Рад тебя видеть, – произнес он быстро.
- Привет, Лукас. Это место напоминает мне молодость. Уж и не помню, когда это было.
- Пожалуй, – осторожно сказал Хачмен, пытаясь догадаться, что она имеет в виду.
- Да-да. Ты знаешь, тот бар, «Вьючную лошадь», снесли, там теперь проходит шоссе.

– Нет, я не слышал.– Хачмен почувствовал себя неловко.

– Ну конечно же, мы ведь были там всего один раз,– улыбнулась она укоризненно.

Хачмен улыбнулся в ответ. Еще в студенческие годы ему случалось приглашать во «Вьючную лошадь» девушек. Примерно в то время он и познакомился с Викки. Должно быть, и Андреа Найт когда-то была там вместе с ним. Похоже, что годы супружеской жизни с Викки накрепко перестроили даже его образ мысли. (Прошел целый год ссор и примирений, прежде чем он приучился, возвращаясь домой после работы, класть портфель на переднее сиденье рядом с собой. Если Викки замечала из окна, что он достает портфель с заднего сиденья, она автоматически предполагала, что он кого-то подвозил. Начинались ревниво-осторожные распросы, и обычно все кончалось ссорой в районе полуночи.)

–... и после такой прогулки я просто умираю от жажды,– продолжала Андреа.– Моя машина на ремонте.

– Извини.– Хачмен подозвал официанта.– Что ты будешь пить?

Она заказала перно. Хачмен достал из кармана пиджака конверт и передал ей.

– Он уже адресован, надо будет только наклеить там марку. Не возражаешь?

– Не возражаю.– Она, не глядя, опустила белый прямоугольник в сумку. То, что она приняла конверт без раздумий, обрадовало Хачмена, но он тут же начал беспокоиться, что при таком небрежном отношении она может его просто забыть.

– Это не вопрос жизни и смерти, но для меня достаточно важно, чтобы статья была доставлена быстро.

– Не беспокойся, Лукас. Я все сделаю.

Они выпили несколько коктейлей, потом поужинали, выпили еще, после чего Лукас отвез ее домой. Ее квар-

тира находилась на последнем этаже четырехэтажного здания. Как только машина затормозила на усыпанной гравием площадке перед подъездом, Андреа вышла и пошла к дверям, на ходу доставая из сумочки ключи. На ступеньках она обернулась и посмотрела на него.

– Зайдешь, Лукас?

Когда он вернулся домой, Викки еще не спала. На ней была старая удобная домашняя юбка и кардиган, что, видимо, должно было означать, что она провела вечер дома и за время его отсутствия у нее не было гостей. Она сидела перед телевизором, и, как всегда, ручка регулировки цвета была вывернута слишком далеко, из-за чего изображение на экране расплывалось и смазывалось. Хачмен подрегулировал цвет и молча сел в кресло.

– Где ты был весь вечер, Лукас?

– Пил, – ответил он, ожидая, что так или этак она начнет его опровергать, но Викки лишь сказала:

– Тебе не следует много пить. Тебе это вредно.

– Это полезнее, чем кое-что другое.

Она повернулась к нему и произнесла неуверенно:

– У меня создается впечатление, что... все это действительно задело тебя, Лукас. Признаться, меня это удивляет. Разве ты не понимал, чем это может для тебя кончиться?

Хачмен взглянул на жену. Такой вот, в старой знакомой домашней одежде она всегда нравилась ему больше. Выражение ее лица, красивого и спокойного в приглушенном свете оранжевого абажура, казалось, еще сохраняло силу своего воздействия на него. Потом он подумал о первой партии конвертов, уже рассортированных, разделенных и вылетевших на первый этап своего путешествия, откуда их нельзя вернуть никакими силами.

– Иди к черту, – пробормотал он, выходя из комнаты.

Рано утром Хачмен отправился в Мейдстун и опустил

там еще одну партию конвертов. Погода стояла солнечная и относительно теплая. Вернувшись домой, он обнаружил, что Викки и Дэвид только-только сели завтракать. Сын пытался одновременно есть кашу и делать домашнее задание по арифметике.

– Пап, – возмутился он, – ну зачем в числах всегда сотни, десятки и единицы? Почему нельзя, чтобы были только единицы? Тогда не нужно было бы переносить остаток.

– Это не очень удобно, сынок. А почему ты делаешь задание в воскресенье?

Дэвид пожал плечами.

– Учительница меня ненавидит.

– Это неправда, Дэвид, – вступилась Викки.

– А почему она задает мне примеров больше, чем другим?

– Чтобы помочь тебе. – Она просительно взглянула на Хачмена. Он взял тетрадку, карандаш, быстро набросал ответы к оставшимся примерам и отдал Дэвиду.

– Спасибо, пап! – Дэвид взглянул на него восхищенно и с радостным воплем выскочил из кухни.

– Почему ты это сделал? – Викки налила из кофейника еще одну чашку и подвинула ее Хачмену через стол. – Ты всегда говорил, что в такой помощи нет никакого смысла.

– Тогда мне казалось, что мы бессмертны.

– В смысле?

– Возможно, времени для того, чтобы делать все правильно, осталось не так уж много.

Викки прижала руку к горлу.

– Я наблюдала за тобой, Лукас. Ты ведешь себя так, словно ты... – Она судорожно вздохнула и продолжила: – Что бы ты ответил, если бы я сказала, что не изменяла тебе физически?

– Я бы ответил тебе тем же, что ты говорила мне уже сотню раз: делать это в мыслях столь же плохо.

– Но если мне было это противно, и я только...
– Чего ты от меня хочешь? – потребовал он хрипло, прижав костяшки пальцев к губам из боязни, что они задрожат. «После всего, что случилось, – подумал он в панике, – неужели я сдамся? По своему желанию она может вернуть меня и может оттолкнуть...»

– Лукас, ты изменял мне? – Ее лицо казалось лицом жрицы.

– Нет.

– Тогда что все это значило?

Стоя с чашкой кофе в руках, Хачмен почувствовал, как начинают дрожать его колени, угрожая предать его и уронить наземь. Мысли в голове вдруг понеслись в другом направлении: «Зачем мне машина? Достаточно будет распространить информацию. Всеобщее знание того, как построить антиядерную машину, само по себе сделает обладание ядерным оружием рискованным... Но если уничтожить машину, то ультиматум будет воспринят просто как блеф. Кроме того, я могу вскрыть оставшиеся конверты, убрать письмо и отправить только описание... Без машины я в безопасности. Им не нужно будет меня искать...»

Его мысли прервал телефонный звонок. Викки встала было из-за стола, но он махнул рукой, торопливо прошел в холл и снял трубку, оборвав гудок посередине.

– Хачмен слушает.

– Доброе утро, Лукас, – женский голос, казалось, доносился из другого мира, словно что-то совершенно чужое и неважное для Хачмена в это солнечное воскресное утро. С большим трудом он догадался, что говорит Андреа Найт.

– Привет, – ответил он неуверенно. – Я думал, к этому времени ты будешь в Гэтвике.

– Так и было запланировано, но меня перевели на другой рейс.

– Жаль. – Хачмен пытался понять, зачем она звонит.

– Лукас, я хотела бы тебя сегодня увидеть. Ты можешь приехать сейчас?

– Извини, – произнес он холодно, – но я не вижу...

– Это насчет конверта, который ты мне передал.

– Да? – Внезапно ему стало трудно дышать.

– Я его вскрыла.

– Что?!

– Я подумала, что мне следует знать, что я повезу в Москву. Если статья предназначалась для публикации...

Хачмен сделал глубокий вздох.

– И что ты думаешь о моем маленьком розыгрыше? Детская глупость?..

После паузы, показавшейся ему вечностью, она сказала:

– Я бы не назвала это так. Совсем нет, Лукас.

– Но уверяю тебя...

– Я показала бумаги своему другу, и ему тоже не было смешно.

– Ты не имела права, – Лукас сделал слабую попытку произнести это с угрозой.

– А ты не имел права вовлекать меня в такое. Наверно, тебе следует приехать сюда, чтобы обсудить это дело.

– Разумеется. – Он бросил трубку и заглянул на кухню. – Что-то случилось на испытаниях «Джек-и-Джилл». Мне надо уехать на часок.

Викки встревожилась.

– В воскресенье? Что-нибудь серьезное?

– Не очень, просто срочное. Через час вернусь.

– Хорошо, Лукас. – Она улыбнулась настолько трепетно, что у него защемило в груди. – Нам надо будет сесть и спокойно обо всем поговорить.

– Я знаю.

С этими словами он вышел из дома и направился к машине. Вывел ее на дорогу, послав из-под колес веер гравия, ударивший в кусты, словно залп картечи, и, рез-

ко набрав скорость, погнал машину к Кембёрну. Движение на дороге было не очень оживленное – всего лишь несколько машин на пути в бар перед ланчем – и он добрался довольно быстро. Внимание, требуемое при вождении машины на такой скорости, избавляло его от необходимости планировать свои действия наперед. Когда он подъехал к дому Андреа, здание показалось ему совершенно незнакомым в желтых солнечных лучах. В окнах ее квартиры никого не было. Хачмен быстро поднялся на последний этаж, рассматривая свои кривые отражения на алюминиевых панелях лифта. Так и не успев обдумать, что собирается сказать, он надавил кнопку звонка. Дверь открылась почти сразу. С мрачным выражением на неподвижном лице Андреа отошла в сторону и пропустила его в квартиру.

– Послушай, Андреа, – сказал он, – давай разберемся с этим делом побыстрее. Ты отдаешь мне мои бумаги, и мы обо всем забываем.

– Я хочу познакомить тебя с Обри Велландом, – произнесла она натянуто.

– Доброе утро, мистер Хачмен. – Крепкого вида молодой человек в очках, с квадратной челюстью и комплекцией играющего в регби школьного учителя появился из кухни.

– Мне некогда играть в игры. Я хочу получить бумаги, которые мне принадлежат.

Велланд, казалось, обдумал сказанное, потом произнес:

– Мисс Найт сказала мне, что вы обладаете профессиональными знаниями математики с уклоном в ядерную физику.

Хачмен взглянул на Андреа, та ответила ему безвольным взглядом, и он понял, что, настаивая на своих правах, ничего не добьется.

– Совершенно верно. Послушайте, я признаю, что задумал совершенно детский розыгрыш, и теперь пони-

маю, как все это глупо. Может, мы...

– Я сам математик, – прервал его Велланд. – Конечно, не вашего класса, но, думаю, в состоянии оценить истинное творчество в этой науке.

– Если это так, вы должны были заметить ошибку. – У Хачмена мелькнула новая идея. – Там, где я преобразовывал функцию Лежандра. Не заметили? – спросил он, снисходительно улыбнувшись.

– Нет.

Тем не менее Велланд поколебался в своей уверенности. Он сунул руку во внутренний карман пиджака, потом передумал, но Хачмен успел разглядеть белый уголок своего конверта.

– Вам придется меня убедить, – произнес Велланд. Хачмен пожал плечами.

– Хорошо, давайте разбираться. Где бумаги?

– Бумаги останутся у меня, – отрезал Велланд.

Хачмен сделал вид, что отворачивается, потом внезапно бросился на Велланда, левой рукой распахнул его пиджак, правой выхватил из кармана конверт. Велланд вскрикнул от неожиданности и схватил его за запястья. Хачмен изо всех сил напряг натренированные стрельбой из лука мускулы и почувствовал, что хватка противника слабеет, конверт спланировал на пол. Велланд зарычал, пытаясь оттащить Хачмена дальше от конверта, и они закружились по комнате в гротескном вальсе. Край низкого кофейного столика уперся Хачмену под колени, и, чтобы не упасть, он встал на него ногами, подтащив за собой Велланда. Тот поднял колено, и Хачмен, пытаясь защититься, толкнул его в сторону. Слишком поздно он понял, как близко они к окну. Стекло взорвалось осколками, и внезапно в комнату ворвался холодный ноябрьский воздух. Кружевную штору швырнуло Хачмену в лицо, когда он наклонился и выглянул на улицу через острые обломки стекла. Внизу бежали люди, где-то кричала женщина. И Хачмен сразу понял, почему.

Велланд упал прямо на ограду из кованого железа, и даже с высоты четвертого этажа было ясно, что он мертв.

Глава 8

Инспектор Кромби-Карсон выглядел человеком, который едва ли делает скидки на человеческие слабости, свои или чьи-нибудь еще. На его маленьком лице глаза и губы, казалось, еще от рождения сдвинулись к носу, а все промежутки кожи между ними исчезли. Но среди этого нагромождения черт каким-то образом находили себе место роговые очки, песочного цвета усы, одна большая бородавка.

– Все это чертовски неубедительно, – произнес он повоенному отрывисто, с нескрываемой враждебностью глядя на Хачмена. – Вы выехали из дома в воскресенье, приехали сюда из Кримчёрча и зашли к мисс Найт, чтобы вместе выпить?

– Совершенно верно. – Хачмен почувствовал себя совсем отвратительно, когда заметил в толпе внизу съемочную группу с телевидения. – Мы знакомы еще со студенческой поры.

– И ваша жена не имеет ничего против подобных поездок?

– Э-э-э... Моя жена не знает, где я. – Хачмен изогнул губы в подобии улыбки и попытался не думать о Викки. – Я сказал ей, что собираюсь на часок на работу.

– Понятно. – Кромби-Карсон взглянул на Хачмена с отвращением. С самого начала допроса он не делал попыток прикинуться «таким-же-человеком-как-и-ты-только-в-форме», что делают очень многие полицейские, чтобы облегчить отношения с допрашиваемым. Он делал свою работу, за которую, он полагал, его должны ненавидеть, и был более чем готов ненавидеть в ответ.

– Как вы отнеслись к тому, что мистер Велланд был уже здесь, когда вы прибыли?

– Я не возражал. Я знал, что он здесь еще до того, как выехал из дома. Я же сказал, что заехал выпить и поболтать.

– Но жене сказали, что едете на работу?

– Ситуация дома несколько сложная. Моя жена порой... беспричинно ревнива.

– Вам не повезло.–Кромби-Карсон сжал губы, и на мгновение его лицо совсем сморщилось.– Просто удивительно, сколь много мужчин я встречаю, которым приходится нести этот крест.

– Что вы пытаетесь сказать, инспектор?–нахмурился Хачмен.

– Я никогда не пытаюсь сказать что-либо. Я прекрасно владею языком, и мои слова передают именно то, что я в них вкладываю.

– Но вы, кажется, имели в виду нечто большее?

– В самом деле?–Кромби-Карсон выглядел по-настоящему удивленным.– Должно быть, вы поняли мои слова превратно. Вы бывали здесь прежде?

– Нет,–сказал Хачмен инстинктивно.

– Странно. Люди, живущие на первом этаже, утверждают, что ваша машина...

– Я имею в виду, днем. Вчера вечером я был здесь.

Инспектор позволил себе сдержанно улыбнуться.

– Примерно до половины двенадцатого?

– Примерно до половины двенадцатого,–согласился Хачмен.

– И как вы объяснили это жене?

– Сказал, что был в баре.

– Понятно.–Кромби-Карсон взглянул на сержанта в форме, стоящего рядом с Андреа. Сержант медленно кивнул, сообщая ему что-то непонятное для Хачмена.

– Теперь вы, мисс Найт. Насколько я понимаю, мистер Велланд решил навестить вас сегодня утром.

– Да, – устало произнесла Андреа, выдыхая клубы серого табачного дыма.

– Похоже, воскресенье у вас насыщенный день.

– Напротив, – Андреа не подавала вида, что заметила намек в реплике Кромби-Карсона. – По воскресеньям я отдыхаю.

– Очень хорошо. Значит, после того как мистер Велланд пробыл здесь около часа, вы решили, что будет неплохо познакомить его с мистером Хачменом?

– Да.

– Почему?

– Что почему? – Андреа удивленно подняла брови.

– Почему вы решили, что школьный учитель и специалист в области управляемых ракет непременно должны познакомиться?

– Ни их профессии, ни их политические взгляды не имеют к этому делу никакого отношения. Я часто знакоблю своих друзей.

– В самом деле?

– Да, – Андреа побледнела, но все еще сохраняла самообладание. – Реакция друг на друга людей различных профессий часто интереснее, чем...

– Охотно верю. – Кромби-Карсон засунул руки в карманы плаща и бросил короткий взгляд на улицу. – И сегодня утром, когда ваши гости реагировали друг на друга интересным образом, мистер Велланд решил забраться на кофейный столик и поправить штору?

– Да.

– А что было со шторой?

– Она не задерживалась. Бегунок застрял в направляющих.

– Понятно. – Кромби-Карсон подергал за штору. Крючки с легкими щелчками свободно скользили по направляющим.

Андреа взглянула на него в упор.

– Должно быть, Обри исправил, что там было не так.

– Возможно.– Инспектор угрюмо кивнул.– Если он все еще работал, он мог схватиться за карниз, когда почувствовал, что столик опрокидывается. Так он, быть может, оборвал бы карниз и все остальное, но не выпал бы из окна.

– По-моему, он уже закончил,– сказал Хачмен.– Я думаю, что, когда столик опрокинулся, он как раз собирался слезать.

– Вы оба были в комнате, когда это случилось?

– Да, но мы не смотрели в его сторону. Зазвенело стекло и он... исчез.

Кромби-Карсон взглянул на Андреа недоверчиво.

– Насколько я понимаю, помимо математики мистер Велланд вел еще и физкультурную секцию в школе.

– Кажется, да.

– Но как раз сегодня его спортивная подготовка ему не помогла. Может быть, он много выпил?

– Нет. Он ничего не пил.

Лицо инспектора осталось бесстрастным.

– Мистер Хачмен сказал, что вы намеревались выпить вместе.

– Да,– раздраженно ответил Хачмен,– но мы отнюдь не собирались нарезать сразу по приходу.

– Понятно. Остались лишь кое-какие формальности.– Кромби-Карсон прошелся по комнате, останавливаясь каждые два-три шага и со свистом вдыхая воздух.– Я хочу, чтобы вы оба дали письменные показания. Кроме того, вы какое-то время не должны покидать район без моего разрешения. Идемте, сержант.

Полицейские вышли из квартиры, напоследок окинув взглядом обстановку, и в тот краткий момент, пока дверь была открыта, квартира заполнилась гулом мужских голосов с лестничной площадки.

– Приятный тип,– произнес Хачмен.– Очевидно, служил раньше в колониальной полиции.

Андреа вскочила с дивана.

– Мне нужно было все им рассказать! Нужно было выдать тебя!

– Нет. Ты поступила правильно. Ради бога, не влезай в эту историю глубже. Поверь мне, очень скоро начнется такое!..

– Скоро?

– Да. Можешь мне поверить. Ты просто еще ничего не знаешь.

Выходя из квартиры, Хачмен подумал, что он ведет себя как актер дешевой мелодрамы...

Несколько человек, ждущих у дверей, окружили его, размахивая репортерскими удостоверениями, и последовали за ним к лифту. Их присутствие даже помогло ему поддерживать свою роль. Он заставил себя казаться спокойным и повторил рассказ о несчастном случае, но, когда ему удалось наконец сесть в машину, ноги его так дрожали, что он был просто не в состоянии нажать на педаль. Машина рванулась прочь от толпы людей, собравшихся у дома, и, только свернув на дорогу в Кримчёрч, Хачмен заметил, что уже начало темнеть. Он уехал из дома утром, сказав Викки, что собирается поработать часок, и она ему поверила. Как раз тогда, когда они достигли крайнего предела отчаянья, она, совсем потерявшись в сложном переплетении человеческих отношений, вдруг ему поверила. А он возвращается домой в сумерках, неся с собой столько боли, сколько едва ли могут выдержать двое. Хачмен потрогал белый конверт в кармане. Что, если показать его содержимое Викки? Знает же о нем Андреа Найт! Но убедит ли это ее? Изменит ли это что-нибудь? И имеет ли он право вовлекать ее именно сейчас, когда цепная реакция, начатая его действиями, вот-вот перейдет критический барьер? Неизбежно, неотвратимо приближается взрыв, и он будет в самом его эпицентре.

Сквозь ширму тополей дом светился теплыми огнями и выглядел до боли мирно. Хачмен припарковал маши-

ну, немного постоял на улице в неуверенности, затем вошел в дом. Всюду горел свет. Но в доме было тихо и пусто. Он прошел в гостиную, и там на каминной полке лежала написанная рукой Викки записка: «Сюда приезжала полиция. Несколько раз звонили репортеры. Я слышала сообщение по радио. Я так надеялась, что была неправа относительно тебя... Дэвида я увезла. На этот раз – и сейчас я в твердом уме – между нами все кончено. В. Х.».

– Может, так оно и лучше, В. Х., – громко произнес Хачмен. – Может, ты поступила правильно.

Он сел и с бессмысленной тщательностью оглядел комнату. Ничто здесь не казалось особенно важным. Стены, картины на них, мебель – все выглядело нереально. Как убранство сцены, среди которого три человека какое-то время исполняли назначенные им роли. Ощутив внезапно, что он слишком долго играет свою, Хачмен поднялся и прошел в кабинет. Там оставалась еще сотня конвертов, включая и те, что предназначены для Англии. Нужно вложить письма в конверты, запечатать, наклеить марки... Он набросился на однообразную механическую работу, заставляя себя заострять внимание на мелочах, стараясь складывать листы аккуратно, наклеивать марки ровно по линии и тому подобное – все что угодно, чтобы заглушить настойчивые мысли. Попытка удавалась лишь частично, и иногда непрошенные невероятные мысли все же пробивались на первый план.

«Жена и ребенок оставили меня...

Сегодня я убил человека. Солгал при этом полиции, и меня отпустили, но я-то знаю, что я это сделал. Я не хотел этого, так получилось. Я оборвал человеческую жизнь!

Весть о моей машине распространяется по всему миру. Скоро всплеск информации достигнет границ системы и, отразившись, пойдет в обратном направлении.

И в самом центре я. В самой середине взрыва, и со мной могут случиться ужасные вещи...

Моя жена и ребенок оставили меня...»

Когда работа была закончена и конверты лежали аккуратно стопками на столе перед ним, Хачмен обвел кабинет пустым взглядом, растерявшись перед необходимостью продолжать жить. Он вдруг вспомнил, что весь день ничего не ел, но мысль о приготовлении пищи показалась ему кошунственной.

Единственное, что он мог придумать, – это отвезти очередную партию конвертов куда-нибудь подальше, возможно в Лондон, и отправить. Как раз в то время, когда ему нужно было держаться потише, его занесло в заголовки газет, но тем не менее, отправляя конверты, не мешало лишний раз замести следы. Полиция знала, что он замешан в загадочном несчастном случае, но у них не было никаких оснований связывать его имя с тщательным расследованием, которое начнет служба безопасности сразу же, как только первый конверт попадет в Уайт-холл. Андреа угрожала, что расскажет обо всем полиции, но на самом деле ей просто хотелось как можно скорее отмежеваться от всей этой истории. С ее стороны опасность, пожалуй, не угрожает.

Хачмен принес из машины свой чемоданчик и набил его конвертами. Погасив свет, он вышел из дома в сырую темноту и запер дверь. «Сила привычки, – подумал он. – Что здесь красть?» Он кинул чемоданчик на переднее сидение и уже собрался сесть за руль, но тут, отбрасывая прыгающие тени, по дороге ударил свет фар.

За пеленой света возник черный «седан» и, шурша шинами по гравию, остановился около него. Из машины вышли три человека, но Хачмен не мог разглядеть их из-за света фонаря, направленного ему в глаза. Он изо всех сил пытался подавить страх.

– Вы куда-то собираетесь, мистер Хачмен? – раздался холодный осуждающий голос. Хачмен расслабился, уз-

нав Кромби-Карсона.

– Нет,– ответил он с легкостью.– Просто у меня дела.

– С чемоданом?

– С чемоданом. В нем, знаете ли, удобно носить вещи. Чем могу быть вам полезен?

Кромби-Карсон подошел к машине.

– Вы можете ответить мне на кое-какие вопросы?

– Но я рассказал вам все, что знал про Велланда.

– Это еще надо проверить,– отрезал инспектор.– Однако сейчас меня интересует мисс Найт.

– Андреа?– У Хачмена возникло нехорошее предчувствие.– Что с ней?

– Сегодня вечером,– произнес Кромби-Карсон холодно,– она была похищена из своей квартиры тремя вооруженными людьми.

Глава 9

– О господи!– прошептал Хачмен.– Кому это могло понадобиться?

Кромби-Карсон издал короткий смешок, умудрившись как-то передать, что он расценивает удивление Хачмена всего лишь как игру и что ему и раньше приходилось видеть, как люди, виновные в чем-то, реагируют подобным же образом.

– Многие хотели бы знать ответ на этот вопрос. Где, кстати, вы были сегодня вечером?

– Здесь. Дома.

– Кто-нибудь может это подтвердить?

– Нет,– ответил Хачмен, думая про себя: «Если Андреа похитили, должно быть, она все же рассказала о письме не только Велланду. Или это, или Велланд сам успел сообщить кому-то до моего прихода...»

– А ваша жена?

– Нет. Жена у своих родителей.

– Понятно,– сказал Кромби-Карсон. Похоже, эта фраза служила ему во всех случаях жизни.– Мистер Хач-

мен, я подозреваю, что, несмотря на мою просьбу, вы собирались уехать.

Хачмен почувствовал холодок тревоги.

– Уверяю вас, это не так. Куда я могу уехать?

– Что у вас в чемоданчике?

– Ничего.– Хачмен отстранился от света фонаря, бьющего в глаза.– Ничего, что могло бы вас заинтересовать. Это корреспонденция.

– Не возражаете, если я взгляну?

– Не возражаю.– Хачмен открыл дверцу машины, поставил чемоданчик на край сиденья и откинул крышку. Свет скользнул по стопкам конвертов, отразившись в очках инспектора.

– Благодарю вас, мистер Хачмен. Я должен был удостовериться. А теперь хочу попросить вас запереть чемоданчик в машине или дома и отправиться со мной в полицейский участок.

– Зачем?– спросил Хачмен, понимая, что ситуация выходит из-под его контроля.

– У меня есть основания полагать, что вы можете помочь мне в расследовании.

– Другими словами, я арестован?

– Нет, мистер Хачмен. У меня нет причин арестовывать вас, но я имею право потребовать вашего содействия во время расследования. Если будет необходимо, я могу...

– Не утруждайте себя,– перебил его Хачмен, подчинясь.– Я поеду с вами.

Он защелкнул чемоданчик, поставил его на пол машины и запер дверцу. Кромби-Карсон указал ему на заднее сиденье патрульной машины и сел рядом. Внутри пахло полировальной пастой и пылью из обогревателя. Хачмен сидел выпрямившись, с каким-то обостренным ощущением разглядывая проносящиеся за окнами огни, словно ребенок, едущий на выходной, или пациент, которого везут в операционную. Он не привык

ездить на заднем сиденье, и от этого машина казалась непомерно длинной и неповоротливой. Однако водитель в форме легко справлялся с ней, срезая углы, буквально с нечеловеческим мастерством. Было уже около десяти, когда они добрались до города. Воскресный вечер кипел оживлением около пивных и кафе. Хачмен взглянул в желтые окна гостиницы «Джо», и внезапно ощущение приключения покинуло его. Ему до боли захотелось очутиться сейчас за стойкой у Джо, не брать ничего крепкого, а заказать пинту-другую пива и сидеть там до закрытия. Когда машина свернула к полицейскому участку, Хачмен, обычно не пьющий пива, решил, что сейчас по крайней мере одна пинта ему бы не помешала, хотя бы как признак того, что он еще в состоянии контактировать с нормальным привычным миром.

– Это надолго? – спросил он у Кромби-Карсона, впервые нарушив молчание с тех пор, как сел в машину.

– Не очень. Чистая формальность.

Хачмен кивнул. Инспектор, казалось, не собирался его мучать. Про себя он решил, что дело займет примерно полчаса, и это оставит ему еще примерно столько же на пиво и разговоры с людьми, которых он никогда раньше не встречал. «Что с Андреа? Где Дэвид? Каково сейчас Викки?..»

– Сюда, мистер Хачмен. – Кромби-Карсон провел его боковым ходом через коридор, мимо помещения с похожей на гостиничную стойкой и пальмами в горшках, в маленькую, скудно обставленную комнатку. – Прошу садиться.

– Спасибо. – У Хачмена возникло мрачное предчувствие, что процедура займет гораздо больше, чем полчаса.

– А теперь, – Кромби-Карсон, не снимая плаща, уселся по другую сторону стола с металлической крышкой, – я буду задавать вам вопросы, а констебль будет стенографировать нашу беседу.

– Хорошо, – беспомощно ответил Хачмен, пытаюсь понять, что инспектор знает, а о чем догадывается.

– Так. Насколько я понимаю, вы знакомы с положениями «Акта о секретности», и при поступлении на работу подписывали документ, обязывающий вас соблюдать эти положения.

– Да. – Хачмен вспомнил бессмысленную бумагу, подписанную им при поступлении в Вестфилд, которая никоим образом не влияла на его работу.

– Вы сообщали подробности вашей работы кому-нибудь, кто не был связан подобным обязательством?

– Нет. – Хачмен немного успокоился. Кромби-Карсон явно шел не в том направлении, и мог копать, сколько ему захочется.

– Вы когда-нибудь обсуждали вашу работу с мисс Найт?

– Нет, конечно. До вчерашнего дня мы не виделись несколько лет. Я... – Хачмен тут же пожалел о том, что сказал.

– Понятно. А почему вы возобновили знакомство?

– Так, без особых причин. – Хачмен пожал плечами. – Я встретил ее случайно в институте несколько дней назад и вчера позвонил. Можно сказать, просто чтобы вспомнить прошлое.

– Можно сказать. А что говорит ваша жена?

– Послушайте, инспектор, – Хачмен ухватился за край стола, – вы меня подозреваете в том, что я изменил жене, или в том, что я изменил родине? Вам следует остановиться на чем-то одном.

– Вы так считаете? Я никогда не думал, что эти два рода деятельности отстоят далеко друг от друга. Мой опыт свидетельствует скорее об обратном. Я бы сказал, что фрейдистский аспект типичной шпионской фантазии является ее доминирующей частью.

– Очень может быть. Однако я не совершал ни того, ни другого.

– Ваша работа носит секретный характер?

– Едва ли. Кроме того, она невероятно скучна. Одна из причин, по которой я уверен, что никогда ни с кем ее не обсуждал, это то, что нет способа вернее надоесть собеседнику.

Кромби-Карсон встал, снял плащ и повесил его на спинку стула.

– Что вы знаете об исчезновении мисс Найт?

– Кроме того, что вы мне сообщили, ничего. У вас есть какие-нибудь подозрения?

– Почему, по-вашему, трое вооруженных людей могли ворваться к ней в квартиру и насильно увезти ее с собой?

– Не знаю.

– Кто, по-вашему, мог это сделать?

– Не знаю. А вы?

– Мистер Хачмен, – раздраженно произнес инспектор, – давайте будем вести допрос, как это делалось всегда: будет гораздо продуктивнее, если я буду задавать вопросы, а вы – отвечать.

– Хорошо, но я обеспокоен судьбой друга, а все, что вы...

– Друга? Может быть, слово «знакомая» подойдет лучше?

Хачмен устало закрыл глаза.

– Вы выражаетесь предельно точно.

В этот момент открылась дверь и в комнату вошел сержант с толстой папкой в руках. Положив ее на стол перед Кромби-Карсоном, он, не проронив ни слова, вышел. Инспектор просмотрел содержимое и выбрал восемь фотографий. Они явно отличались от типичных полицейских регистрационных снимков: часть из них были любительские снимки, другие – просто увеличенные участки групповых фотографий. Кромби-Карсон разложил их перед Хачменом.

– Посмотрите внимательно на эти фотографии и ска-

жите, видели ли вы кого-нибудь из этих людей ранее?

– Я не помню, чтобы я с ними встречался, – ответил Хачмен, просмотрев снимки. Он взял один за край и хотел было перевернуть, но рука Кромби-Карсона придавила его к столу.

– Я сам соберу. – Инспектор собрал глянцевые прямоугольники и сложил их в папку.

– Если у вас все, – осторожно сказал Хачмен, – то я просто умираю без кружки пива.

Кромби-Карсон рассмеялся, давая понять, что совершенно ему не верит, и, бросив на удивленного сержанта беглый взгляд, ответил:

– Абсолютно никакой надежды.

– Но что вы от меня еще хотите?

– А я вам скажу. Мы только что закончили первую часть нашего интервью. В части первой я обращаюсь с собеседником мягко и с уважением, как того заслуживает исправный налогоплательщик. Но это до тех пор, пока мне не становится ясно, что он не собирается мне помочь. Сейчас эта часть закончена, поскольку вы совершенно однозначно дали мне понять, что по собственной воле содействовать расследованию не намерены. Теперь, мистер Хачмен, я начну на вас давить. Сильно давить.

– Но вы не имеете права. У вас нет никаких улик против меня, – произнес Хачмен удивленно.

Кромби-Карсон навалился на стол.

– Друг мой, вы меня недооцениваете. Я ведь профессионал. Каждый день мне приходится сталкиваться с профессионалами, и я почти все время выигрываю. Неужели вы серьезно думаете, что я не смогу расколоть такого желторотого любителя, как вы?

– Любителя чего? – потребовал Хачмен, с трудом скрывая охватившую его панику.

– Я не знаю, в чем вы замешаны. Пока не знаю. Но что-то за вами есть. Кроме того, вы очень неумело лже-

те. Впрочем, тут я не возражаю: это облегчает мою работу. Но мне сильно не нравится, что вы выступаете в роли ходячего стихийного бедствия.

– Что вы имеете в виду? – спросил Хачмен, а в голове пронеслось: «Со мной могут случиться ужасные вещи...»

– С тех пор, как сегодня утром вы выехали из своего уютного домика, одну женщину похитили и двое мужчин погибли.

– Двое?! Я не...

– Разве я забыл вам сказать? – Кромби-Карсон сделал вид, что сожалеет о своей забывчивости. – Один из вооруженных похитителей выстрелил в прохожего, который хотел вмешаться, и убил его.

Вторая часть допроса, как и предвидел Хачмен, оказалась столь же неприятной. Бесконечная, казалось, цепь вопросов, часто о каких-то мелочах, то выкрикиваемых, то нашептываемых, свивала в утомленном мозгу паутину слов. Подозрения, которые он не успевал вовремя распознать и отвергнуть, постепенно продвигали его все ближе к неловкой лжи или к нежеланной правде. К концу процедуры он настолько устал, что, оказавшись на койке в одной из «гостевых» комнат без окон на последнем этаже здания, не сразу сообразил, что ему даже не предоставили выбора, где провести эту ночь. Он целую минуту разглядывал дверь, обещая себе, что устроит им колоссальный скандал, если дверь окажется запертой. Но за последние сорок восемь часов ему почти не удалось толком поспать, голова кружилась после изнурительного допроса, и, хотя он собирался поднять шум, Хачмен решил, что с этим можно подождать до утра...

И мгновенно уснул.

Разбудил его звук открывающейся двери. Подумав, что он спал всего несколько минут, Хачмен взглянул на часы и обнаружил, что уже десять минут седьмого. Он

сел в постели, обратив внимание, что на нем серая казенная пижама, и посмотрел на дверь. Вошел молодой констебль в форме с прикрытым салфеткой подносом в руках, и комната наполнилась запахом бекона и крепкого чая.

– Доброе утро, сэр, – сказал констебль. – Ваш завтрак. Я надеюсь, вы не возражаете против крепкого чая.

– Не возражаю. – Вообще-то он всегда пил слабый чай, но в этот момент его мысли занимала проблема гораздо более важная. Сегодня уже понедельник, и оставшиеся конверты должны быть в почте. Давящее чувство срочности даже отразилось на его голосе. – Насколько я понимаю, я могу уйти в любое время?

Розовощекий констебль снял с подноса салфетку и старательно ее сложил.

– Этот вопрос, сэр, вы можете решить с инспектором Кромби-Карсоном.

– Вы хотите сказать, что я не могу уйти?

– Это решает инспектор.

– Что вы несете? У вас там, у дежурных, должны быть оставлены инструкции, кому можно уходить, а кому нельзя.

– Я передам инспектору, что вы хотите его видеть. – Он поставил поднос Хачмену на колени и пошел к двери. – Ешьте, а то яичница остынет. Второго завтрака не будет.

– Минутку! Инспектор сейчас здесь?

– Нет, сэр. Он вчера долго засиделся и отправился домой спать. Возможно, будет здесь к полудню.

Дверь закрылась с последними словами констебля до того, как Хачмен успел отставить поднос в сторону. Поняв, что поднос поставили ему на колени специально, он перенес его на тумбочку и подошел к двери. Дверь была заперта. Хачмен обошел комнату по периметру, вернулся к кровати и сел. Бекон недожарили, жир в нем оплавился только наполовину, в яичницу положили слиш-

ком много масла, и из-за этого она выглядела грязным месивом. Хачмен взял в руки стакан с чаем и отхлебнул. Чай был слишком крепким, слишком сладким, но по крайней мере горячим. Держа стакан обеими руками, он медленно пил коричневое варево, с удовольствием прислушиваясь к собственным ощущениям, возникающим при каждом глотке. Не бог весть как питательно, зато помогает думать...

Сегодня после полудня будет еще не поздно отправить последние конверты, но где гарантия, что его выпустят к этому времени? Констебль сказал, что Кромби-Карсон, «возможно», будет в участке к полудню, но даже если он появится, никто не сообщит Хачмену о его приходе. Кроме того, инспектор может сказать, что намерен задержать его еще на несколько дней. Хачмен тщетно пытался вспомнить свои права. Он знал, что права полиции, включая и право задерживать без предъявления обвинения, были расширены года три назад, как одна из мер в правительственной кампании по борьбе с растущей преступностью. В своем прежнем безопасном существовании в те редкие моменты, когда этот вопрос приходил ему в голову, Хачмен одобрял расширение прав полиции, но сейчас это казалось невыносимым.

Больше всего его беспокоило то, что, хотя он сам прекрасно знал, почему его могли задержать, он не мог понять, какие основания были для этого у инспектора. Велланд мертв, Андреа похищена, невинный прохожий убит на улице – все это, очевидно, как совершенно справедливо интуитивно предполагал Кромби-Карсон, было прямым следствием деятельности Хачмена, но полиция об этом знать не может. А вот если Андреа расскажет похитителям, кто бы они ни были, все что знает, скоро его начнут искать.

Хачмен допил чай, состроив гримасу, когда нерастворившиеся кристаллики сахара заскрипели у него на зу-

бах. Создав Машину, он тем самым объявил открытие сезона охоты на самого себя. А сейчас сидит спокойно в казенной пижаме, словно мотылек, ждущий, когда его бросят в бутылку с хлороформом. За ним могут прийти в любую минуту. Даже в любую секунду!

В конвульсивном приливе энергии он вскочил с кровати и начал искать свою одежду. Брюки, свитер и коричневый кожаный пиджак висели во встроенном шкафу. Он быстро оделся и проверил карманы. Все было на месте, включая деньги, которые Викки дала ему, чтобы он отнес в банк, и маленький перочинный нож. Лезвие длиной всего в дюйм делало его оружием гораздо менее эффективным, чем кулак или нога. Хачмен беспомощно оглядел комнату, затем подошел к двери и принялся бить в нее ногой, медленно и ритмично, стараясь достичь максимального эффекта. Дверь поглощала удары с обескураживающе малым количеством шума, но через несколько минут он все же услышал щелчок замка. В дверях оказался все тот же молодой констебль и с ним тонкогубый сержант.

– В чем дело? – строго потребовал сержант. – Почему стучишь?

– Я хочу уйти. – Хачмен пошел вперед, пытаясь вытеснить из дверей сержанта. – Вы не имеете права запирать меня здесь.

Сержант толкнул его обратно.

– Ты останешься здесь, пока тебя не отпустит инспектор. А если будешь опять стучать в дверь, я тебе руки к ногам привяжу. Ясно?

Хачмен вяло кивнул, обернулся было и метнулся в дверной проем, чудом выскочил в коридор, но тут же налетел на третьего полицейского. Этот оказался больше чем первые два вместе, огромная приливная волна синей форменной ткани словно подняла Хачмена без усилий на гребне и выплеснула обратно в камеру.

– Глупо, – заметил сержант. – Теперь ты здесь за напа-

дение на полицейского. Если бы у меня было желание, я мог бы перевести тебя в камеру, так что пользуйся пока тем, что есть.

Он захлопнул дверь, оставив Хачмена еще в большем отчаянье и еще бóльшим пленником, чем раньше. Губу саднило: он оцарапал ее, зацепившись за пуговицу на форме полицейского. Хачмен ходил по комнате взад-вперед, пытаясь смириться с фактом, что он по-настоящему арестован, и, несмотря на то, как бы прав он ни был и как бы много жизней от него ни зависело, чуда не произойдет, и стены не падут. «Какое-то сумасшествие,— подумал он вяло.— Я могу заставить нейтроны танцевать под новую музыку. Неужели я не смогу перехитрить несколько деревенских бобби?» Он сел на единственный в комнате стул и заставил себя думать, как выбраться на свободу. Затем подошел к кровати и сдернул простыню, обнажив матрас из пенистого пластика.

Какое-то время он тупо глядел на него, потом достал свой игрушечный нож и принялся резать губчатый материал. Твердый наружный слой резался плохо, зато пористый наполнитель внутри поддавался почти без усилий. Через пятнадцать минут работы Хачмен вырезал в середине матраса похожее на гроб углубление длиной шесть футов. Скатав вырезанный кусок и сжав изо всех сил, Хачмен запихнул его в тумбочку и с трудом закрыл дверцу. После этого он забрался на кровать и лег на голые пружины в вырезанный матрас. Пружины немного прогнулись, но матрас остался примерно на том же уровне, чуть выше его лица. Довольный своей работой, Хачмен сел и расправил над матрасом простыню. Укладывать подушки и одеяла так, чтобы создалось впечатление обычной небрежности, работая из-под простыни, было нелегко, и к тому времени, когда он справился с этой задачей, Хачмен весь вспотел.

Потом он замер и стал ждать, вспомнив вдруг, что спал очень мало...

Звук открывающейся двери вернул его из полудремы. Хачмен задержал дыхание, опасаясь малейшего движения простыни над лицом. Мужской голос разразился ругательствами. Тяжелые шаги приблизились к кровати, потом к туалету за ширмой, к шкафу и обратно к кровати. Человек проворчал что-то почти в самое ухо Хачмену, когда встал на колени и заглянул под кровать. Хачмен застыл, решив, что продавленная сетка выдаст его местонахождение, но в этот момент шаги стали удаляться.

– Сержант, – раздался голос из коридора, – он исчез!

Дверь, похоже, была оставлена открытой, но Хачмен подавил в себе желание вскочить. Через несколько секунд его скудные знания полицейской психологии себя оправдали: из коридора донеслись быстрые шаги целой группы людей. Они ворвались в комнату, произвели ту же процедуру обыска и удалились. Напряженно вслушиваясь, Хачмен уловил, что дверь опять не закрыли. Пока его план оказался успешным, но теперь следовало подумать, как быть дальше. Решат ли полицейские, что он покинул здание, или будут обыскивать все этажи? Если будут обыскивать, ему лучше оставаться пока на месте, но в таком случае существует риск остаться слишком надолго. Вдруг кто-нибудь придет заправить постель...

Он выждал, как ему показалось, минут двадцать, нервничая все сильнее, вслушиваясь в приглушенные звуки – хлопающие двери, телефонные звонки, неясные выкрики, смех. Дважды в коридоре кто-то проходил, один раз шаги были женские, но, очевидно, в такое время дня этот коридор посещали не часто. Уверив себя наконец, что здание не прочесывают, Хачмен сбросил простыню и выбрался из постели. Затем собрал постельное белье и матрас в одну большую кучу и вышел из комнаты. Когда его искали, по шагам было слышно, что люди появились справа, поэтому Хачмен свернул нале-

во. Разглядывая из-за своей ноши двери вдоль коридора, он в самом конце обнаружил серую металлическую дверь с красной надписью «Запасной выход». Он открыл ее и, все еще держа в руках охапку постельного белья, спустился вниз по голым каменным ступеням. Толкнув тяжелую дверь в самом низу, Хачмен увидел перед собой маленькую служебную автостоянку, залитую холодным светом раннего утра. Людей вокруг не было.

Он в открытую пересек стоянку и через незапертые ворота вышел на главную улицу Кримчёрча. Полицейский участок остался слева. Едва сдерживаясь, чтобы не перейти на бег, Хачмен пошел в противоположную сторону, пряча лицо в ворохе трепещущих на ветру простыней. На первом же перекрестке он свернул направо и только тогда почувствовал, что ему удалось ускользнуть, но это чувство успокоенности грело его недолго.

«До дома несколько миль,— мелькнула мысль.— А конверты там».

Он подумал было о такси, но тут же вспомнил, что в Кримчёрче это большая редкость. Мысль о том, что придется украсть машину, шокировала его даже больше, чем все, что он сделал до сих пор. Это будет его первое заранее обдуманное преступление. Кроме того, он даже не был уверен, что справится. Проходя по тротуару, он стал приглядываться к приборным доскам стоящих вдоль дороги автомобилей. Через два квартала, там, где деловая часть города уступала место жилым домам, он углядел блеск ключей, оставленных в машине. Не самая лучшая машина для его замысла... Выпускаемая по правительственной программе безопасности движения модель с четырьмя сиденьями, развернутыми назад, где только одно водительское кресло смотрит вперед. Все подобные машины оснащались ограничителем мощности, не дававшим им развить скорость более ста километров в час.

Хотя если подумать, то сейчас нарушать ограничения в скорости было бы для него совсем лишним. Убедившись, что хозяина поблизости нет, Хачмен положил ворох постельного белья на мостовую и забрался в машину. Она завелась с первого поворота ключа и быстро, но бесшумно набрала скорость. «Не так уж плохо для желторотого любителя», – мелькнула у него по-детски самодовольная мысль.

Он покружил по городу, привыкая к незнакомой системе управления. Увидев в первый раз свое отражение в зеркальце заднего обзора, он невольно вздрогнул. Усталое лицо, исполненное отчаянья, лицо, принадлежащее загнанному чужаку...

Добравшись до дому, он медленно проехал мимо, и лишь когда убедился, что полиции поблизости нет, остановился и задним ходом подъехал к воротам. Его собственная машина с покрытыми каплями влаги окнами стояла там же, где он ее и оставил. Хачмен припарковал угнанную машину у зарослей кустарника и вышел, глядя на свой дом с ностальгической тоской, раздумывая, что бы он стал делать, если бы увидел в окне Викки. Но на пороге стояли две бутылки молока, а это означало, что она так и не возвращалась. Как знаки препинания... Кавычки, заканчивающие его диалог с Викки. В глазах болезненно защипало.

Он покопался в карманах и извлек ключ от своей машины. Она тоже завелась сразу, и через минуту он уже катил на север, к зиме.

Глава 10

Вся страна лежала перед ним, поражая своими размерами, сложностью и возможными опасностями. Он привык думать о Великобритании как о маленьком уютном острове, многолюдной травянистой поляне, где реактивному лайнеру, едва поднявшись с земли и выров-

няв полет, приходится тут же идти на посадку. Теперь же страна неожиданно представляла перед ним огромной, туманной и преисполненной угрозы. Угрозы, увеличивающейся в обратной пропорции к числу людей, к которым он мог бы обратиться за помощью.

Прекрасно отдавая себе отчет в последствиях превышения скорости или даже самого незначительного дорожного происшествия, Хачмен не гнал машину. Чаще обычного он поглядывал в зеркальце, проклиная другие машины, постоянно прижимающиеся к левому заднему колесу, рвущиеся в избытке кинетической энергии на обгон, но тем не менее словно застывшие в одной с ним формации. Водители, уютно сидящие в своих маленьких эйнштейновских системах относительного движения, поглядывали на него порой с любопытством, и Хачмен включил поляризатор, мгновенно замутнивший стекла маслянистыми голубыми размывами. Он пересек Темзу в районе Хенли и двинулся на север в направлении Оксфорда, останавливаясь около уединенных почтовых ящиков, чтобы опустить небольшие пачки конвертов.

К полудню он уже проезжал по центральным районам графства Котсуолдс, оставляя за собой деревеньки, отстроенные из медового цвета камня, которые, казалось, выросли здесь сами в ходе какого-то естественного процесса. Обжитые долины просвечивали бледными огнями сквозь завесы белого тумана. Хачмен в задумчивости обводил пейзаж взглядом, теряясь в сожалениях и переоценках, до тех пор, пока его имя, произнесенное по радио, не вернуло его к действительности. Он прибавил громкость, но радио затрещало, и часть фразы он пропустил.

«... интенсивные поиски полиции сконцентрированы в районе дома на Мур-роуд в Кембёрне, где вчера погибли два человека, один – в результате падения из окна последнего этажа, другой был застрелен во время похищения биолога Андреа Найт из ее

квартиры тремя вооруженными преступниками. Первый погибший – преподаватель математики Обри Велланд с Ридж-роуд, 209, Эптон-Грин. Застрелен во время гангстерского нападения мистер Ричард Томас Билсон, 59 лет, проживавший по Мур-роуд, 38 в Кембёрне. Он проходил по улице во время похищения и, как полагают, пытался помешать преступникам затолкать мисс Найт в машину. Полиция не располагает сведениями, где она может находиться в настоящий момент.

Только что стало известно, что мистер Лукас Хачмен, 39 лет, проживающий в Прайори-хилл в Кримчёрче, математик, сотрудник одной из фирм Вестфилда, занимающейся разработкой систем управляемых снарядов, разыскивается полицией, у которой есть основания полагать, что он в значительной степени может помочь расследованию. Вчера вечером Хачмен был доставлен в полицейский участок Кримчёрча, но сегодня утром он исчез. Приметы: рост шесть футов, черные волосы, среднего телосложения, чисто выбрит, одет в серые брюки и коричневый кожаный пиджак. Возможно, он на машине: светло-голубой «форд-директор», номер СМН 836 КУ. Если кто-нибудь встретит машину или человека, соответствующего описанию, просим немедленно сообщить в ближайший полицейский участок.

Сообщения о серьезном пожаре на борту орбитальной лаборатории были опровергнуты...

Хачмен убавил звук до еле слышного треска. Первая мысль, пришедшая в голову, была о том, что кто-то сработал очень быстро. С того момента, как он покинул полицейский участок, прошло меньше трех часов, а это означало, что полиция, не дожидаясь, когда о случившемся пронюхают репортеры, сама обратилась в Би-би-си. Хачмен не особенно много знал о методах их ра-

боты, но на его памяти такое случалось довольно редко. Очевидно, у Кромби-Карсона или у кое-кого повыше возникла идея, что происходит что-то важное.

Хачмен взглянул в зеркало. Позади него, невдалеке, то исчезая за поворотами обнесенного изгородью шоссе, то появляясь снова, двигалась машина. Не антенна ли блестит над капотом? Слышал ли водитель сообщение? Вспомнит ли он описание машины при обгоне? Хачмен надавил на акселератор и погнал вперед, пока следующая за ним машина не скрылась вдаль, но теперь он оказался близко к другой машине, идущей впереди. Позволив себе чуть отстать, он задумался.

Машина нужна ему главным образом для того, чтобы разослать письма из возможно большего числа точек, и сделать это надо быстро. Все конверты должны попасть на почту до конца дня. Как только он это сделает, машину можно будет бросить... Хотя в таком случае ее быстро найдут, и полиции ничего не стоит уточнить, где он находится. Пожалуй, лучше всего изменить какие-нибудь характеристики из переданного описания...

Добравшись до окраины Челтенхэма, он припарковал машину на тихой улице и, оставив пиджак на сиденье, сел в автобус, направляющийся к центру города. Устроившись на верхней площадке, он достал из кармана деньги и пересчитал: оказалось 138 фунтов – более чем достаточно, чтобы протянуть до финального дня. Около торгового центра он вышел из автобуса. Колкий ноябрьский воздух вызывал озноб, и Хачмен, решив, что человек в одном свитере и брюках в такую погоду обращает на себя внимание, первым делом приобрел серую куртку с застежками-молниями. В магазинчике неподалеку он купил батарейную электробритву и, опробовав ее, подровнял щетину в некое подобие эспаньолки. Щетине было всего три дня, но густота и черный цвет делали ее вполне приемлемой в качестве бороды, которая останется в памяти тех, кто его видел:

Чувствуя себя в чуть большей безопасности, он зашел в автомастерскую и, сочинив ничем не примечательный номер, заказал две новые номерные пластины. Через пять минут с покупкой в руках он снова оказался на улице, залитой морозным солнечным светом.

Острый приступ голода напомнил ему, что последний раз он ел еще с Андреа, совсем в другом мире. Мысль о горячем обеде в ресторане показалась привлекательной, но времени было мало. Хачмен купил пластиковую сумку и наполовину забил ее бутылками с растворителем и аэрозольными банками с черной краской. Все это он покупал частями в разных магазинах, чтобы какой-нибудь сообразительный клерк не догадался о его намерении перекрасить машину. Заполнив сумку доверху бутербродами в полиэтиленовой обертке и банками с пивом, он тем же автобусом вернулся на окраину города.

Осторожно осматриваясь, Хачмен подошел к машине. На все покупки ушло не более часа, но этого времени могло оказаться достаточно, чтобы привлечь к машине чье-либо внимание. Убедившись, что вокруг все спокойно, он сел за руль и направился в холмы к востоку, выбирая место поспокойнее. Через полчаса ему удалось найти запущенную дорогу, ведущую к брошенной ферме. Густые кусты надежно закрывали ее со всех сторон. Остановившись так, чтобы его не было видно с главной дороги, Хачмен сразу же принялся перекрашивать машину, пользуясь аэрозольными баллонами с краской. Чтобы сделать все как полагается, следовало бы сначала закрыть стекла и хромированные детали, но он счел, что для его целей будет достаточно просто протереть случайные пятна носовым платком, смоченным в растворителе. Экономно расходуя краску и не обращая особого внимания на детали, Хачмен меньше чем за двадцать минут превратил свою машину из светло-голубой в черную. После этого он выбросил пустые банки в канаву, поменял номера на машине и спрятал старые в

багажник.

Как только он закончил работу, голод вернулся с новой силой. Хачмен быстро проглотил бутерброды, запивая их жадными глотками «Гиннеса», затем развернул машину и выехал на дорогу. С трудом сдерживая желание прибавить скорость, чтобы наверстать упущенное время, он вел машину осторожно, ни разу не превысив сто километров в час. Деревни и города проносились за окном, и к сумеркам характер местности заметно изменился. Появились дома из темного камня, растительность, вскормленная насыщенным сажей воздухом промышленного севера, приобрела темно-зеленую окраску. Останавливаясь ненадолго в городах покрупнее, Хачмен отправлял партии писем прямо с центральных почтовых отделений, чтобы сократить срок их доставки адресатам.

К вечеру он добрался до Стокпорта и, опустив последнюю пачку конвертов, понял, что эти разъезды со всеми их краткосрочными целями были единственным, что держало его в собранности. Теперь же оставалось только ждать часа, когда нужно будет возвращаться на юг, в Хастингс, для встречи с его «мегажизненной» машиной. С уходом необходимости действовать на Хачмена нахлынула волна печали и жалости к себе. Воздух на улице был холодный, но сухой, так что он решил спуститься на набережную, окаймляющую черные воды Мерси, и обдумать свое положение.

Напряжение росло в нем, напряжение, которое женщины обычно снимают плачем, когда ситуация становится совсем непереносимой. А почему бы и нет? Мысль была странная, отталкивающая, но он теперь один, он свободен от общественных предрассудков, и если это поможет... Он сел на деревянную скамью на краю небольшого пустыря, опустил голову на руки и попытался заплакать. Вспомнилась Викки, и рот медленно скривился в обиде. В мозгу закружились обрывки

образов прежней жизни, окрашенных непереносимой ностальгией: улыбка Викки, запах еловых игл и мясных пирожков в рождество, свежий запах выстиранной рубашки, совместные походы по магазинам за какими-нибудь мелочами, друзья-книжки, с которыми он засиживался допоздна, взгляд, брошенный на мишень для стрельбы из лука, когда на траве еще лежит роса...

Боль усиливалась, но слезы не приходили. Наконец, чувствуя себя обманутым, Хачмен встал и темными переулками, где кружились приливы холодного воздуха, направился к автомобилю. На мгновение знакомый запах собственной машины успокоил его. Он заправил бак на бензоколонке самообслуживания и, сделав над собой усилие, попытался придумать что-нибудь полезное.

Эпизод на берегу казался теперь бессмысленным и тщетным. Последние конверты, включая и те, что предназначены адресатам в Англии, отправлены, и уже завтра люди, занимающие высокие посты, их прочтут. Какое-то время уйдет, пока квалифицированные специалисты проверят математические выкладки и физики подтвердят, что цестроновый лазер действительно может быть построен, но наступит момент, когда будет отдан приказ. Простой приказ: «Найти Лукаса Хачмена и, если у него и в самом деле есть эта машина, уничтожить его и аппаратуру!»

За эти несколько относительно безопасных часов он должен найти надежное убежище, спрятаться и затаиться. Тут же пришло в голову, что в Стокпорте оставаться нельзя: Стокпорт – последняя, самая горячая точка совершенного им почтового круиза. Охотники будут знать, что антиядерную машину едва ли можно с легкостью транспортировать, а значит, если она существует, она должна быть спрятана где-нибудь на юге, не очень далеко от дома Хачмена. И вероятно, они догадуются, что их жертва, совершив поездку на север Ан-

глии, скорее всего вернется, чтобы сбить их со следа и быть поближе к машине. Рассудив таким образом, Хачмен решил, что лучше всего двигаться на север.

Он добрался до Манчестера, обогнул его по кольцевой дороге и проследовал через Ланкашир с намерением к вечеру прибыть в район озера Кумберленд. Но тут на ум пришли другие соображения: озеро находится довольно далеко от Хастингса, и в таком месте, особенно в это время года, властям будет очень легко проконтролировать въезд и выезд. Будет гораздо лучше, если он затеряется в большом населенном центре. И, чтобы не въезжать подозрительно поздно, ему стоит выбрать что-нибудь поближе. Хачмен остановился на обочине и сверился с картой. Ближайшим относительно крупным городом оказался Болтон, и Хачмену подумалось, что именно такое место могло бы послужить классическим образцом традиционно-скучной провинциальной Англии. Название города не вызывало в памяти никаких ассоциаций, ни фрейдистских, ни любых других, связанных с «типичной шпионской фантазией» Кромби-Карсона, и, с точки зрения Хачмена, это тоже был плюс. Кроме того, насколько он помнил, здесь не мог жить никто, с кем он был знаком: охотники наверняка будут концентрировать поиски там, где у него есть друзья или родственники.

Решившись, он выехал на шоссе Сэлфорд–Болтон, осматривая окрестности со ставшей уже привычной внимательностью. Легче всего, конечно, было бы устроиться в отеле, но это, очевидно, и опаснее всего. Нужно исчезнуть из вида начисто. Добравшись до Болтона, он немного покружил по улицам, пока не оказался в одном из обязательных для любого города полузаброшенных кварталов, где большие неряшливые дома, получая минимальную заботу от постояльцев, арендующих по одной комнате, постепенно проигрывают битву с запустением. Хачмен остановился на улице, обсаженной

нервно шелестящими вязами, и, прихватив пустой чемодан, пошел пешком, пока не увидел дом с висящей в окне первого этажа табличкой: «Сдается комната. Предлагается горячий завтрак».

На звонок открыла полногрудая женщина лет сорока с лишним в розовой полупрозрачной кофточке, едва скрывающей сложное переплетение шелковых лямок. Обхватив ее сзади руками, из-за юбки выглядывал бледный мальчишка лет семи-восьми в полосатой пижаме.

– Добрый вечер, – произнес Хачмен неуверенно. – Я ищу комнату, увидел у вас объявление...

– Да?... Женщина, казалось, удивилась, услышав про объявление. Мальчишка разглядывал Хачмена настороженно.

– У вас сдается комната? – Хачмен взглянул мимо нее в плохо освещенный коридор с коричневым линолеумом и темной лестницей, ведущей наверх, и ему страшно захотелось домой.

– Комната есть, но обычно этим занимается мой муж, а сейчас его нет.

– Ладно, – с облегчением вздохнул Хачмен. – Попробую где-нибудь в другом месте.

– Впрочем, я думаю, все будет в порядке. Мистер Этвуд скоро будет дома.

Она сделала шаг в сторону и жестом пригласила его в прихожую. Хачмен вошел. Заскрипели доски под ногами. В воздухе чувствовался сильный запах цветочного освежителя.

– Как долго вы собираетесь у нас жить? – спросила миссис Этвуд.

– До... – Хачмен вовремя опомнился. – Недели две точно.

Он поднялся наверх, где, как и следовало ожидать, была сдаваемая площадь. Комната оказалась маленькая, но чистая. На кровати лежали два матраса – немно-

го высоко, но удобно. После непродолжительных переговоров он выяснил, что может питаться здесь же все три раза в день, и, кроме того, за небольшую дополнительную плату миссис Этвуд согласилась позаботиться о стирке.

– Отлично, – стараясь, чтобы в голосе прозвучал энтузиазм, сказал Хачмен. – Я согласен.

– Уверена, вам будет здесь удобно, – произнесла миссис Этвуд, поправляя волосы. – Все мои постояльцы всегда довольны.

Хачмен улыбнулся.

– Я пойду принесу чемодан.

За дверью послышался шум, и в комнату вошел мальчишка с чемоданом.

– Джеффри! Тебе не следовало... – Миссис Этвуд обернулась к Хачмену. – Он не совсем здоров, знаете... Астма.

– Он пустой, – оправдался Джеффри, лихо забрасывая чемодан на кровать. – Я вполне могу поднять пустой чемодан, мам.

– Э-э-э... – Хачмен встретился взглядом с хозяйкой. – Он не совсем пустой, но большинство моих вещей в машине.

Она кивнула.

– Вы не возражали бы заплатить что-нибудь вперед?

– Нет, конечно. – Не вынимая руки из кармана, Хачмен отделил от пачки три пятифунтовые бумажки и передал ей.

Как только она вышла, он запер дверь и с удивлением заметил, что ключ погнут. Обычный длинный ключ, но в месте сгиба остался легкий голубоватый оттенок, словно металл нагрели и погнули специально. Покачивая в недоумении головой, Хачмен сбросил куртку и прошелся по комнате, подавляя в себе вернувшуюся тоску по дому. С трудом открыв окно, единственное в комнате, он высунул голову наружу. От сырого вечернего воз-

духа голова слегка закружилась, создавая у него ощущение полета. Ему представилось, что она сама по себе висит высоко в темноте над незнакомым расположением канав, труб и подоконников. Вокруг светились окна, часть из них с закрытыми шторами или жалюзи, другие с открытым видом в чужие незнакомые комнаты. Простояв так, пока холод не пробрал его до костей и он не начал дрожать, Хачмен закрыл наконец окно и лег спать.

Эта комната должна была стать его домом на всю следующую неделю, но уже сейчас он начал думать, что долго этого не выдержит.

Глава 11

Эд Монтефьоре был достаточно молод, чтобы начать свою карьеру работой с компьютерами, и в то же время достаточно зрел, чтобы занять высший пост в своем безымянном отделе министерства обороны. То, что он стал известен – насколько может быть известен человек в его положении – как компьютерный гений, явилось следствием скорее экономических причин, чем его собственных наклонностей. Он обладал инстинктом, талантом, даром, позволяющим ему устранять практически любые неполадки в машинах. Если он не был знаком с данным типом устройств или даже не знал, для чего машина предназначена, это не имело никакого значения. Если машина не работала, он клал руки на пульт, «совещался с духами людей, ее создавших» и находил неисправность. Обнаружив ее, он с легкостью устранял причину, если был в настроении. Если же нет, то объяснял, что необходимо сделать, и уходил удовлетворенный. Когда он совсем перестал заниматься починкой, эту уникальную способность приходилось использовать не так часто, но диагностика и поиск ошибок приносили денег куда больше, чем их исправление.

Из всех областей, где Монтефьоре мог применить

свой талант, компьютерный бизнес казался ему наиболее привлекательным. Несколько лет подряд он выполнял поручения крупных консультативных фирм, мотаясь по свету на реактивных самолетах, вылетая сразу же по получении задания, исцеляя компьютеры или связанные группы машин от недугов, с которыми не в состоянии были справиться штатные специалисты, накапливая деньги и проводя свободное время, словно наследный принц.

И как раз когда подобная жизнь ему стала приедаться, министерство сделало ему осторожное предложение относительно проекта «Ментор». Как человеку, Монтефьоре казалась отвратительной идея огромного компьютерного комплекса, содержащего в своих банках данных весь объем информации – военной, социальной, финансовой, криминальной, промышленной, одним словом, любой информации, необходимой правительству для управления делами страны. Но как специалист, обладающий неукротимым талантом, которому требовались новые горизонты свершений, он целиком отдался этому замыслу. Проектирование и производство не представляли для него интереса. Впрочем, компоненты «Ментора» были достаточно обычными и становились интересными лишь в комплексе. Зато задача поддержания этого огромного компьютерного тела в полной взаимосвязи и добром здравии доставляла Монтефьоре своеобразное удовлетворение. Кроме того, она принесла ему продвижение по службе, чувство ответственности и определенную власть. Ни один человеческий мозг не в состоянии воспринять даже крошечную долю информации, хранимой «Ментором», но Монтефьоре был единственным человеком с неограниченным доступом к этим сокровищам, и он умел выбирать. Он знал все, что стоило знать.

И сейчас, стоя у окна своего кабинета, он знал, что начинается что-то очень серьезное.

Часом раньше позвонил личный секретарь министра и передал самое простое сообщение: Монтефьоре должен оставаться на месте до получения дальнейших указаний. В самом сообщении ничего особенного не было, но оно было передано по красному телефону. Однажды Монтефьоре высчитал, что, если красный телефон когда-либо зазвонит, шансы будут примерно семь к одному за то, что через некоторое время сквозь верхние слои атмосферы начнут продираться межконтинентальные баллистические ракеты. Сообщение Маккензи в какой-то степени его успокоило, но ощущение предрешенности осталось.

Среднего роста, с широкими мускулистыми плечами и мальчишеским лицом с маленьким подбородком, формой свидетельствующим скорее о целеустремленности, чем о слабости характера, Монтефьоре оглядел себя в зеркало над белым камином и мрачно пообещал себе несколько недель подряд пить меньше пива. Затем в голову пришла другая мысль: не наступают ли со звонком красного телефона его и всех остальных последние дни, когда еще можно пить пиво?

Он вернулся к окну и стал разглядывать крыши медленно ползущих внизу автобусов, когда его секретарь объявил по интеркому, что прибыли Маккензи и бригадир Финч. Финч возглавлял небольшую группу людей, официально называвшуюся «Консультативный стратегический совет», в чьи полномочия среди прочих вещей входило советовать правительству, когда нажимать определенные кнопки. Монтефьоре даже не полагалось знать о связи Финча с КСС, и при упоминании этого имени он почувствовал смятение, заставившее его подумать, что лучше бы он оставался в неведении.

В комнату молча вошли двое мужчин с окантованным металлом чемоданчиками для документов в руках и поздоровались с ним, придерживаясь минимума формальностей. Оба были клиентами уникальной информа-

ционной службы «Ментора», и обоих Монтефьоре хорошо знал. Они обращались с ним неизменно вежливо, но сама эта вежливость служила напоминанием, что все его электронное колдовство бессильно против классового барьера. Монтефьоре происходил из низов среднего класса, они – из самых верхов, и ничего не менялось, несмотря на то что сейчас в Великобритании никто не упоминает о подобных вещах.

Высокий, с цветущей внешностью Маккензи жестом указал на переключатель экранизатора на столе Монтефьоре. Монтефьоре кивнул и включил электронный прибор, в поле которого не может нормально работать даже обыкновенный телефон. Теперь сказанное ими невозможно будет записать или подслушать.

– Какие трудности, Джерард? – Монтефьоре всегда называл всех по имени и поклялся себе, что, если кто-нибудь из его высокопоставленных клиентов станет возражать, он уйдет из «Ментора» и откажется вернуться до тех пор, пока его право называть Тревора Тревором не будет признано официально.

– Очень серьезные трудности, – ответил Маккензи, непривычно долго глядя Монтефьоре в глаза. Затем открыл чемоданчик, достал фотокопии каких-то убористо исписанных листков со схемами и разложил их на столе. – Прочти.

– Хорошо, Джерард. – Монтефьоре профессионально быстро проглядел листки, и его предчувствие неминуемой катастрофы сменилось странным облегчением. – Насколько ты этому веришь?

– Верю? Это не вопрос веры. Дело в том, что математические выкладки были проверены и подтверждены.

– О! Кем?

– Спроулом.

Монтефьоре в задумчивости постучал ногтем по зубам.

– Если Спроул говорит, что все в порядке... А как на-

счет машины?— Он снова взглянул на схемы.

— И Роусон, и Виалс утверждают, что машина может быть построена, и она... сделает то, для чего предназначена.

— Вопрос, на который вы хотите ответ: была ли она построена?

— Нам нужен человек, который написал письмо,— с беспокойством произнес Финч. Несмотря на худобу, он был, можно сказать, агрессивно атлетичен для человека, подбирающегося к шестому десятку. Свои темные костюмы он носил, словно военную форму. И, как Монтефьоре знал, этого клиента «Ментора» его, Эда, фамильярность задевала больше всего.

— Это одно и то же, Роджер,— ответил Монтефьоре.— Я полагаю, что когда этот человек будет найден, он ответит на все заданные ему вопросы.

Глаза Финча помертвели.

— Это в высшей степени срочно.

— Намек понял, Роджер.— Монтефьоре специально, чтобы продлить удовольствие, не позволял себе начать обдумывать проблему сразу, но теперь он принялся за приятную задачу определения начальных параметров.— Какой информацией мы располагаем об этом человеке? Что мы знаем? Прежде всего, это мужчина. Почерк однозначно позволяет определить, что мы имеем дело не с женщиной, если, конечно, исключить предположение, что она замечает следы столь изощренно.

— Что это значит?— Финч раздраженно взмахнул рукой, словно ударяя себя по ноге воображаемым стеклом.

— Женщина могла заставить мужчину написать письмо, а затем убрать его,— произнес Монтефьоре.

— Чушь!

— Хорошо. Роджер. Иными словами, в момент этого национального кризиса ты приказываешь мне исключить из числа подозреваемых тридцать миллионов английских женщин?

– Ну-ну, Эд,– вмешался Маккензи, и Монтефьоре с удовлетворением заметил, что тот обратился к нему по имени.– Ты прекрасно знаешь, что мы не суетмся в твои владения. И я уверен, ты лучше, чем кто бы то ни было, представляешь, что одно это задание оправдывает каждый пенс, потраченный на «Ментор».

– Знаю, знаю,– Монтефьоре надоело искушать их терпение, как только проблема завладела его разумом и душой.– Автор этого письма, скорее всего, взрослый мужчина, здоров, полон сил, если судить по почерку... Кстати, когда будет заключение эксперта о почерке?

– С минуты на минуту.

– Отлично. Он также обладает первоклассными математическими способностями. Я думаю, не ошибусь, если скажу, что это сужает область поиска с миллионов до тысяч. И из этих тысяч один человек – если предполагать, что машина действительно построена, – потратил недавно значительную сумму денег на научное оборудование. Газовая центрифуга, например, отнюдь не самый распространенный прибор, и, кроме того, использование празеодима...– С этими словами Монтефьоре направился к двери.

Маккензи кинулся было за ним.

– Ты куда?

– В «винный погреб»,– ответил Монтефьоре добродушно.– Располагайтесь, господа. Я вернусь не позже чем через час.

Опускаясь в скоростном лифте глубоко под землю, где в тщательно поддерживаемом микроклимате находились центральные процессоры «Ментора», он почувствовал кратковременный всплеск жалости к пока еще неизвестному ему человеку, взявшему на себя роль Спасителя, которого в скором времени распнут на кресте.

Спустя сорок минут, закончив общение с машиной, он вошел в лифт и нажал кнопку подъема. В руках у него

был один-единственный листок бумаги.

– Может быть, ты и неплохой человек, Лукас Хачмен,— произнес он вслух,— но ты определенно глупец.

Инспектор Кромби-Карсон пребывал в плохом настроении. Он отлично помнил, что охарактеризовал Хачмена как «ходячее стихийное бедствие», но никак не мог предвидеть, что зловещее воздействие этого человека распространится на него самого. Старший инспектор уже устроил ему разнос, он стал посмешищем для всего участка, и вдобавок привлек внимание газетчиков, которые с обычной для них любовью к мелочам во всех подробностях описывали в своих газетах побег Хачмена. А теперь еще предстоит интервью с главным следователем и этим безликим типом из Лондона.

– Почему задержка?— потребовал он у дежурного сержанта.

– Не могу знать, сэр. Шеф сказал, что вызовет, когда вы ему понадобится,— произнес сержант без особого сочувствия.

Кромби-Карсон негодуяюще уставился на полированную дверь кабинета.

– Черт! Сколько времени уходит? Как будто они не знают, что у меня масса других дел!..

Меряя шагами приемную, он пытался понять, что происходит с его карьерой. Очевидно, он ослабил хватку, начал думать, что ему везет, и это было его ошибкой. Другие сотрудники часто принимали везение как должное, приписывая успех своим способностям. Среди его коллег любили рассказывать историю о том, что первый арест на своем счету старший инспектор Элисон произвел, когда по обвинению в непристойных телефонных звонках задержал человека, пожаловавшегося на такие же звонки... Мысли его вернулись к Хачмену. Ясно было, что этот человек продает военные секреты или собирается продать. Кромби-Карсон отлично пред-

ставлял себе людей такого типа: университет, теннис и яхты, выгодная женитьба и вообще слишком много всего. Врать не умеет: никогда не имел каждодневной практики, которую некоторым приходится приобретать, просто чтобы остаться живым. Невооруженным глазом видно, как он каждый раз перетасовывает свои мыслишки. Может быть, эта женщина, Найт...

Тут зажужжал зуммер, и сержант мрачно кивнул Кромби-Карсону. Тот снял очки, сунул их в карман и вошел в кабинет, где за длинным столом сидели три человека. Одного из них, в черном костюме, с пытливым взглядом, он не знал.

– Это мистер Ри из э-э-э... из министерства обороны, – сказал Элисон. – Он прибыл из Лондона, чтобы задать вам несколько вопросов по делу Хачмена.

Кромби-Карсон поздоровался с ним за руку.

– Добрый день. Я так и думал, что к нам нагрянет кто-нибудь из Уайт-холла.

– В самом деле? – Ри, казалось, даже подскочил, услышав это. – Откуда у вас возникла подобная идея?

– Хачмен работает в Вестфилде. Эксперт по управляемым ракетам, к тому же странные обстоятельства... Мне казалось очевидным...

– Хорошо. – Ри, видимо, был удовлетворен объяснением. – Насколько я понимаю, вы допрашивали Хачмена в участке в течение нескольких часов.

– Совершенно верно.

– Он отвечал без принуждения?

Кромби-Карсон нахмурился, пытаясь понять, куда клонит Ри.

– Да, но вопрос в том, как много из того, что он сказал, правда.

– Понятно. Я полагаю, некоторые вещи он утаивал. Но как он говорил о жене?

– Все, что он сказал, есть в протоколе. Хотя он не очень распространялся на ее счет.

– Да, у меня есть выдержки из протокола с его словами. но вы разговаривали с ним лично, и ваш опыт позволяет вам, так сказать, читать между строк, инспектор. Хорошо взвесив все, можете вы сказать, замешана ли в этой истории миссис Хачмен? Я не имею в виду их брак, разумеется.

– Нет, она ни при чем.– Кромби-Карсон вспомнил ухоженную жену Хачмена и подумал: «Какая муха его укусила?»

– Вы уверены?

– Я разговаривал с Хачменом в течение нескольких часов. И с его женой. Она ничего не знает.

Ри взглянул на Элисона, и тот едва заметно кивнул. Кромби-Карсон почувствовал всплеск благодарности: по крайней мере, старик не позволит этому возмутительному случаю с матрасом зачеркнуть двадцать лет безупречной службы.

– Хорошо.– Ри перевел взгляд на свои ухоженные безукоризненные ногти.– Как, по вашему мнению, обстоят дела между Хачменом и его женой?

– Не особенно хорошо. И потом эта женщина, Найт...

– Значит, никаких эмоциональных привязанностей?

– Я этого не говорил,– быстро произнес Кромби-Карсон.– У меня создалось впечатление, что они сильно портили друг другу кровь...

– Может ли он попытаться вступить с ней в контакт?

– Не исключено.– Кромби-Карсон почувствовал вдруг, как устали у него глаза, но подавил в себе желание надеть очки.– Хотя он может досадить ей чуть больше, не объявившись. На всякий случай я держу под наблюдением дом ее родителей.

– Мы сняли ваших людей,– вмешался главный следователь Тиббетт в первый раз за все это время.– Люди мистера Ри взяли на себя ответственность за наблюдением за миссис Хачмен.

– Так ли это необходимо? – Кромби-Карсон позволил себе выглядеть оскорбленным, демонстрируя присутствующим свою полную уверенность в принятых им мерах.

Ри кивнул.

– У моих людей больше опыта в подобного рода делах.

– Как насчет прослушивания телефона?

– И это тоже. Мы займемся всей операцией. Вы же понимаете, инспектор, насколько важна область управляемых снарядов?

– Конечно.

Покинув кабинет, Кромби-Карсон был очень доволен, что никто не упомянул побег Хачмена, но у него сложилось странное впечатление, что это дело имеет последствия, о которых ему ничего не было сказано.

Глава 12

В доме Этвудов жили еще несколько человек, но, поскольку Хачмен был единственным постояльцем на полном пансионе, вечером его пригласили ужинать на кухню. Миссис Этвуд уверяла, что там ему будет гораздо приятнее, чем сидеть одному в гостиной, которую к тому же трудно прогреть. Хачмен сидел, погрузившись в собственные роящиеся мысли, сквозь которые чужие разговоры пробивались как бессмысленное бормотание. Поначалу у него были сомнения относительно такого распорядка, но после целого дня, проведенного в одиночестве в пустой комнате с цветочными обоями, возможность погреться у камина показалась ему более привлекательной. Кроме того, ему не хотелось выглядеть в глазах хозяев скрытным или подозрительным.

Он подбрil щеки и нижнюю губу, чтобы выделить бородку, вышел на лестницу, и лишь когда попытался запереть дверь, понял, почему выданный ему ключ изог-

нут таким странным образом. Замок был прикручен к внутренней стороне двери, и оттуда дверь легко запиралась и отпиралась. Но снаружи ключ должен был утопать в скважине на всю толщину двери, а этого не позволял изгиб. Короче, Хачмен мог закрыться изнутри, но, уходя, ему придется оставлять дверь незапертой.

Озадаченный этим неожиданным открытием «нехачменовского образа мышления», он спустился вниз и осторожно открыл дверь кухни. Оттуда пахло теплым, густым, ароматным запахом. Почти всю кухню занимал стол, накрытый на четверых. Миссис Этвуд и Джеффри уже сидели за столом, а спиной к огню стоял самый большой человек, которого Хачмену когда-либо доводилось видеть. Его огромная фигура тонула в объемистом свитере, не скрывавшем, однако, мускулатуры борца.

– Входи, парень, входи, – пронеслась по кухне ударная волна его голоса. – И дверь прикрой. Сквозняк.

Хачмен вошел и, поскольку представления не последовало, решил, что гигант и есть мистер Этвуд.

– Куда мне?..

– Здесь, рядом с Джеффри, – ответила миссис Этвуд. – Чтобы я всех видела перед собой.

Она открыла кастрюлю и начала разливать похлебку в тарелки с голубой каемкой. Джеффри, такого же примерно роста, как и Дэвид, его сын, сидел рядом, и Хачмен безуспешно пытался поймать его взгляд. Мальчишка, как все астматики, дышал часто и тяжело.

– Это вам, мистер Ретрей, – произнесла миссис Этвуд, назвав его по фамилии, под которой он представился. Она было уже передала ему полную тарелку, но тут от камина шагнул ее муж.

– Для мужчины это только на один зуб, – прогудел он. – Положи ему еще, Джейн.

– Нет-нет, этого более чем достаточно, – сказал Хачмен, протягивая руку за тарелкой.

– Ерунда! – Голос Этвуда так гремел, что Хачмен почувствовал, как по поверхности стола передается вибрация. Мальчишка рядом с ним сжался. – Положи ему еще!

– Уверю вас... – начал было Хачмен, но тут заметил просящее выражение на лице миссис Этвуд и позволил ей вывалить в тарелку еще одну порцию густого варева вдобавок к тому, что там уже было.

– Ешь! Тебе не мешает нарастить мясо на костях. – Этвуд взял свою тарелку с горой пищи и принялся работать ложкой. – И ты, Джеффри, чтоб все съел!

– Хорошо, папа, – жалобно произнес мальчишка, поспешно уткнувшись в тарелку.

Над комнатой нависло молчание, изредка прерываемое звуками из грудной клетки Джеффри, напоминающими Хачмену шум далекой толпы. Похоже, мальчишка боится отца, и Хачмен попытался представить себе, каким этот гигант должен казаться семилетнему ребенку. Огромный, пугающий, непонятный. Задумавшись, он очнулся, лишь когда услышал, что Этвуд произнес его новую фамилию.

– Прошу прощения?..

– Я спросил, чем ты занимаешься? – сказал Этвуд, тяжело вздыхая.

– В настоящее время ничем, – Хачмен не ожидал, что его будут расспрашивать, и ответил холодно, чтобы избавиться от дальнейших вопросов.

– А когда чем-то занимаешься, то чем? – Этвуд, казалось, не заметил, как его ставят на место.

– Э-э-э... я дизайнер.

– Шляпы? Дамское белье? – Этвуд хмыкнул.

Хачмен догадался, что выбрал профессию слишком экзотическую, и тут же поспешил исправить свою ошибку.

– Нет, я по железобетонным конструкциям. И скорее, просто чертежник.

Этвуда это, похоже, впечатлило.

– Хорошее дело. В наших краях много работы для вашего брата.

– Да. Именно поэтому я и здесь. Но поначалу торопиться не буду, осмотрюсь несколько дней. – Хачмен почувствовал, что сплел вполне правдоподобную историю.

– Я сам овощами торгую, – произнес Этвуд. – Пиво пьешь?

– Пиво? Иногда.

– Отлично. Как закончишь, двинем в «Крикетерс» и примем по несколько кружечек.

– Спасибо, но я бы предпочел не пить сегодня вечером.

– Ерунда! – грохнул Этвуд. – Я же не предлагаю тебе какую-нибудь южную мочу. Мы будем пить отличный ланкаширский эль! – Он бросил свирепый взгляд в почти нетронутую тарелку Хачмена и добавил: – Давай-давай, парень, наворачивай. Не удивительно, что ты такой тощий...

– Хватит, Джордж, – не выдержала наконец миссис Этвуд. – Мистер Ретрей наш гость в конце концов!

– Попридержи язык, – рявкнул на нее Этвуд, выпятив нижнюю челюсть. – Именно поэтому я и приглашаю его выпить.

Хачмен почувствовал, как рядом с ним, задышав чуть сильнее, шевельнулся мальчишка.

– Все в порядке, миссис Этвуд. Предложение вашего мужа действительно гостеприимно, и, я думаю, мне не мешает прогуляться часок.

– Вот это другое дело, – кивнул Этвуд. – Давай, парень, доедай.

Хачмен взглянул ему в глаза и отодвинул от себя тарелку.

– Если я много съем, не смогу потом пить пиво.

Поужинав, Хачмен поднялся к себе, надел куртку и

выглянул в темноту за окном. Пошел дождь, и маленькие квадратики чужих окон, плавающие в ночи, производили еще более гнетущее впечатление, чем предыдущим вечером. Джордж Этвуд был обыкновенным грубым боровом, бесчувственным животным, подавляющим окружающих одними своими размерами, но все же вечер в его компании казался Хачмену более привлекательным, чем одиночество в теснящих стенах с цветочными обоями. «Викки,—против воли возникла мысль,—посмотри, до чего ты меня довела...»

Он спустился вниз, прошел через кухню и неожиданно увидел свое лицо на экране телевизора в углу. Джейн Этвуд смотрела программу новостей спиной к нему и даже не заметила, как он вошел. Хачмен проскользнул в плохо освещенный коридор и остановился, ожидая Джорджа Этвуда. Содержание новостей мало чем отличалось от того, что он слышал в машине, а это могло означать, что его имя уже связали с атомной машиной. Он сам дал властям хороший, приемлемый для общест-венности повод для розысков. Они могут использовать любые средства массовой информации, и едва ли кто задумается, почему какому-то свидетелю по делу о похищении уделяется столько внимания. Переданная по телевидению фотография Хачмена на фоне размытой листвы казалась очень знакомой, но он никак не мог вспомнить, где его снимали и кто. Без сомнения, всех его друзей и знакомых уже опросили полицейские, а может быть, еще и люди из какого-нибудь безымянного отделения службы безопасности. Впрочем, возможно ли это? Хачмен подсчитал часы: был вечер вторника, а конверты, адресованные организациям и лицам внутри страны, отправлены в понедельник. «Еще слишком рано,—решил он, чуть успокоившись после того, как увидел себя на экране.—Полицию я вполне в состоянии обмануть, а остальные еще не знают, кого искать».

— Ага! Ты уже готов!—Из другой двери вывалился

Этвуд в лохматом пальто, делавшим его похожим на медведя. Его жидкие волосы были разглажены по огромному черепу.— Где твоя машина?

— Машина?— Хачмен поставил ее на посыпанной золой дорожке у дома и не собирался трогать.

— На улице дождь, парень,— продолжал греметь Этвуд.— Мой фургон сломался, а до «Крикетерса» больше полумили. Что ты думаешь, я туда пешком пойду в эдакую слякоть?

Перенервничавший и утомленный постоянной грубостью хозяина, Хачмен уже хотел было отказаться от поездки, но вовремя вспомнил, что машина теперь не соответствует переданному описанию. На стоянке у пивной среди других машин она будет не более приметна, чем здесь, около дома.

— Машина у дома,— ответил Хачмен, и они выбежали под леденящий дождь. Этвуд дергался от нетерпения, пока Хачмен открывал ему дверь, затем рухнул на сиденье с такой силой, что машина закачалась на рессорах, потом с грохотом захлопнул дверцу, отчего Хачмен невольно вздрогнул.

— Двинули!— заорал Этвуд.— Нечего терять время, когда нас ждет выпивка.

Следуя указаниям Этвуда, Хачмен вырулил на шоссе, где бело-голубое освещение лишь подчеркивало убогость зданий вокруг, и подъехал к неприглядному строению из красного кирпича. Выходя из машины, Хачмен с мрачным выражением лица оглядел здание. Всякий раз, когда ему случалось оказаться в компании любителя пива, который старался затащить его в «единственное место, где подают хорошее пиво», рекламируемое заведение всегда оказывалось мрачным и унылым. И этот бар тоже не был исключением из, надо полагать, естественного закона природы. Пробегая под дождем к входной двери, Хачмен почему-то подумал, что там, на юге, в Кримчёрче, сейчас теплая звездная ночь. «Мне

одинок без тебя, Викки...»

– Две пинты особого! – крикнул Эдвуд бармену, едва они вошли в помещение.

– Пинту и горячего ирландского грогу, – сказал Хачмен. – Двойного.

Эдвуд поднял брови и, пародируя акцент Хачмена, произнес:

– Ну уж нет, сэр. Если вы желаете виски, вам придется платить самому, – он затрясся от смеха, облокотился о стойку и продолжил: – В этом месяце я способен только на пиво: не тот доход.

Дав выход своему раздражению, Хачмен достал из кармана пачку денег и молча швырнул на стойку пятифунтовую бумажку. Он попробовал грог, решил, что там слишком много сахара, но тем не менее выпил до дна. Горячая жидкость мгновенно согрела живот, а затем по каким-то неведомым анатомическим законам распространилась по всему телу. Следующие два часа он непрерывно пил и платил за выпитое, пока Эдвуд занимал бармена длинными, повторяющимися разговорами о футболе и собачьих бегах. Хачмену тоже хотелось с кем-нибудь поговорить, но бармен, молодой парень с татуировкой, почему-то глядел на него с едва скрываемой враждебностью. Остальные посетители в плащах молча сидели на скамьях в темных углах бара. «Что они все здесь делают? – тупо подумал Хачмен. – Почему они сюда пришли? Зачем?» За стойкой была дверь, которая вела в другой бар, классом повыше, и несколько раз Хачмену удавалось разглядеть барменшу с царственной осанкой. Она много смеялась, легко скользя в оранжевом освещении соседней комнаты, и Хачмен молился про себя, чтобы она вышла и поговорила с ним, молча клялся, что даже не будет заглядывать в вырез кофточки, если она наклонится в его сторону. Только бы она вышла и поговорила с ним, дав ему снова почувствовать себя хоть чуть-чуть человеком. Но она так

и не вышла, и Хачмену приходилось сидеть с Этвудом. Одиночество захватывало его, и в памяти с непереносимой горечью вставали знакомые строки:

И звуки музыки, и дым сигар,
Мои мечты в ночном саду,
И вязы темные, и звезд пожар...

Его горло перехватила мучительная судорога.

Мне снится комната, согретая огнем камина,
И теплый свет свечей, горящих у окна,
На стенах старые знакомые картины,
И с книгами сиденье допоздна...

Через какое-то время молодой бармен перешел к другой компании, и Этвуд, бросив разочарованный взгляд в зал, решил переключиться на Хачмена.

– Чертежник-то, неплохая работенка, а?

– Неплохая.

– Сколько набегает?

– Три тысячи, – попытался угадать Хачмен.

– Это сколько же в неделю выходит? Шестьдесят?

Нормально. А сколько будет стоить пристроить мальчишку?

– В смысле?

– Я читал, что если парень хочет стать архитектором, его родителям приходится выложить...

– Это другое дело, – Хачмену очень хотелось, чтобы скорее вернулся бармен. – А чертежников берут на стажировку сразу, так что это тебе ничего не будет стоить.

– Отлично! – обрадовался Этвуд. – Похоже, я Джеффа пристрою чертежником, когда подрастет.

– А если он не захочет?

– Как это не захочет? Захочет как миленький, – засмеялся Этвуд. – Он, правда, плоховато рисует. Пару дней назад нарисовал дерево – это надо было видеть! Сплошные закорючки. Какое это к черту дерево?! Ну, я ему показал, как надо рисовать, и он сразу все уловил.

– Надо понимать, ты нарисовал ему дерево, как рисуют в комиксах? – Хачмен макнул палец в лужицу пива на стойке, провел две параллельные черты и пририсовал сверху лохматый шар. – Так?

– Да, – на грубом лице Этвуда появилось подозрительное выражение. – А что?

– Идиот! – провозгласил Хачмен с пьяной искренностью. – Знаешь ли ты, что ты наделал? Твой маленький Джеффри, твой единственный ребенок посмотрел на дерево и переложил свое впечатление о нем на бумагу без всяких предассудков и условностей, мешающих большинству людей видеть вещи правильно.

Он замолчал, переводя дух, и к своему удивлению заметил, что на Этвуда его тирада произвела впечатление.

– Твой сын принес тебе это... Этот святой дар, это сокровище, продукт его неиспорченного разума. А ты? Ты посмеялся над ним и сказал, что дерево рисуется правильно только так, как рисуют заезженные мазилы в «Дэнди и Бино». Ты хоть понимаешь, что твой сын уже никогда не сможет, взглянув на дерево, увидеть его таким, какое оно есть на самом деле? Может, он стал бы вторым Пикассо, если бы...

– Брось трепаться, – потребовал Этвуд, но в глазах его застыла неподдельная озабоченность.

Хачмену уже захотелось признаться, что он просто играет словами, но этот гигант вдруг открыл, что кто-то чужой сумел пролезть ему в душу, и это начинало его злить.

– Что ты в этом понимаешь, черт бы тебя побрал?

– Я много чего понимаю, – Хачмен постарался принять загадочный вид. – Поверь мне, Джордж, я много знаю об этих делах.

– А чтоб тебя!... – Этвуд отвернулся.

– Отлично, – печально произнес Хачмен. – Блестящий выход, Джордж. Я пошел спать.

– Проваливай. Я остаюсь.

– Как хочешь.– Хачмен пошел к выходу неестественно ровной походкой. «Я не пьян, констебль. Видите? Я в состоянии проползти по прямой...»

Дождь кончился, но стало холоднее. Невидимый ледяной ветер кружился вокруг него, отбирая последнее тепло. Хачмен глубоко вздохнул и направился к машине.

На стоянке было всего четыре автомобиля, но Хачмену потребовалось довольно много времени, чтобы понять, что его машины среди них нет. Машину угнали.

Глава 13

Для Мюриел Барнли началась новая и очень неприятная фаза жизни. Собственно говоря, ей никогда особенно не нравилось работать у мистера Хачмена с его невнимательностью и презрением к установленным на фирме правилам, что постоянно прибавляло ей работы, о которой он даже не догадывался. Мюриел ехала на работу в своем бледно-зеленом малолитражном «моррисе» и составляла в уме каталог характеристик, которые не нравились ей в Хачмене. Взять хотя бы его беспечное отношение к деньгам. Может быть, для человека, который удачно женился, это и нормально, но одинокой девушке, которой приходится содержать дом на жалование секретарши, это не может понравиться. Далее, мистер Хачмен никогда не справлялся о здоровье ее матери. (Тут Мюриел с силой нажала на акселератор.) Вполне возможно, он даже не задумывался, есть ли у нее мать. И вообще самую большую ошибку в своей жизни Мюриел, похоже, совершила, когда позволила сотруднику отдела найма назначить ее к мистеру Хачмену. Все дело было в том, как она сама себе, краснея, признавалась, что в первый же раз, когда она его увидела издали, на нее произвело впечатление сходство Хачмена с молодым Грегори Пеком. Теперь, конечно, такие лица не в моде, но она слышала, что у мистера

Хачмена случаются частые ссоры дома, а она работала с ним рядом, вдруг он... обратит внимание...

Расстроенная собственными мыслями, Мюриел рванула машину вперед, обогнала автобус и едва успела вернуться в свой ряд, чтобы не столкнуться с несущимся в другую сторону фургоном. Она сжала губы и постаралась сконцентрироваться на дороге. «...И подумать только, все это время мистер „Великий Хачмен“ за спиной у жены крутил с этой девицей из института...»

Она повернула около будки охранника и с излишней резкостью затормозила на стоянке. Подхватив свою плетеную сумку, Мюриел выбралась из машины, старательно заперла дверцу и заторопилась к зданию. Быстро прошла по коридору, не встретив никого, но у самой двери своего кабинета столкнулась с начальником отдела мистером Босуэлом.

– О, мисс Барнли, – произнес он. – Вы-то мне как раз и нужны. – Его голубые глаза с интересом глядели на нее из-за золотой оправы очков.

– К вашим услугам, мистер Босуэл.

– Мистер Кадди переведен к нам из отдела аэродинамики, и сегодня он примет дела мистера Хачмена. Пару недель у него будет много работы, и, я надеюсь, вы окажете ему необходимую помощь.

– Конечно, мистер Босуэл.

Кадди, маленький сухой человек, всегда напоминал ей священника. По крайней мере, он достаточно респектабелен, чтобы в какой-то степени вернуть ей репутацию, подпорченную общением с оскандалившимся мистером Хачменом.

– Сегодня утром он будет на месте. Подготовьте к его прибытию кабинет, хорошо?

– Да, мистер Босуэл.

Мюриел прошла в свою конторку, повесила на крючок пальто и принялась за уборку соседнего кабинета. Полиция была там полдня, и, хотя они и попыта-

лись по возможности разложить все по местам перед уходом, в комнате все равно чувствовался беспорядок. Особенно в ящике стола, где у мистера Хачмена лежали всякие мелочи: бумажки, скрепки, огрызки карандашей. Мюриел выдвинула ящик до конца и высыпала содержимое в корзинку для бумаг. Несколько карандашей, скрепок и зеленый ластик не попали в корзину и раскатились по полу. Мюриел старательно все подобрала и уже собралась выбросить, но тут ее внимание привлекла чернильная надпись на боку ластика: «Чаннинг-уэй, 31, Хастингс».

Мюриел отнесла ластик на свой стол и села, разглядывая его в сомнениях. Следовательно, расспрашивавший ее, постоянно возвращался к одному и тому же вопросу. Есть ли у мистера Хачмена еще какой-нибудь адрес, кроме дома в Кримчёрче? Была ли у него записная книжка? Не видела ли она какого-нибудь адреса, записанного на клочке бумаги?

Они заставили ее пообещать, что она позвонит, если вспомнит что-нибудь хотя бы отдаленно похожее. И теперь она нашла то, что они пропустили, несмотря на тщательные поиски. Что это за адрес? Мюриел крепко сжала ластик, впившись ногтями в податливую поверхность. Может быть, именно там мистер Хачмен и скрывается с этой... которая исчезла...

Она сняла трубку, потом положила ее на место. Если она позвонит в полицию, вся эта кутерьма со следователями начнется снова. А ее так называемые подруги уже достаточно повеселились на ее счет. Даже соседи поглядывают на нее странно. Просто чудо, что до сих пор никто из них не воспользовался возможностью расстроить своими сплетнями ее мать. Но, с другой стороны, с какой стати ей покрывать этого Хачмена? Может, он даже сейчас там прячется.

Мюриел все еще пыталась прийти к какому-то решению, когда шорох в соседнем закутке оповестил ее о

прибытии мистера Спейна, как всегда, с опозданием. Она встала и, от волнения несколько раз оправив на себе кофточку, отнесла ластик к нему в кабинет.

Каждый раз, когда Дон Спейн встречался с кем-нибудь случайно, он запоминал день, место и время встречи. Он делал это совершенно автоматически, без сознательного усилия, просто по той причине, что он Дон Спейн. Информация занимала свое место где-то в картотеке его памяти и никогда не забывалась, потому что порой долька информации, неинтересная сама по себе, вдруг становилась очень важной в сочетании с другой такой же мелочью, приобретенной, может быть, годом раньше или позже. Спейн редко пытался извлечь какую-то выгоду из этих своих знаний или как-то ими воспользоваться. Он просто делал то, что делал, не получая от этого никакого удовлетворения, кроме тайной радости, когда, например, во время вечерней поездки на машине вдруг узнавал на дороге какого-то знакомого и мог с уверенностью сказать, куда он направляется, зачем и к кому. Спейну представлялось в таких случаях, что часть его сознания как бы отделяется от него и путешествует вместе с тем самым знакомым.

И таким образом, ни разу до сих пор не заговорив с Викки Хачмен, он был почти уверен, что встретит ее в среду около десяти утра на главной улице Кримчёрча. В конце квартала размещался салон красоты, который она посещала каждую неделю, и, по мнению Спейна, миссис Хачмен не принадлежала к числу женщин, что позволяют таким мелочам, как пропавший муж и разрушенная семья, нарушить заведенный порядок. Спейн взглянул на часы, раздумывая, сколько времени он может себе позволить ждать, если она не появится вовремя. Старший экономист Максвелл в последнее время уже несколько раз намекал ему насчет неудобств, вызываемых его второй работой. Конечно, свести счета с

Хачменом дело важное, но не настолько, чтобы терять из-за этого деньги, а именно это может случиться, если его прижмут и заставят бросить вторую работу.

Увидев приближающуюся Викки Хачмен, Спейн прочистил горло и, когда настал нужный момент, вышел из подъезда, где он ждал, и «натолкнулся» на нее.

– Извините, – произнес он. – О, миссис Хачмен?

– Да. – Она оглядела его с плохо скрытым неодобрением, манерой напомнив своего мужа, что еще больше укрепило решимость Спейна. – Боюсь, я не...

– Доналд Спейн. – Он снова прочистил голос. – Я друг Лукаса. Мы вместе работаем...

– Да? – Миссис Хачмен это, похоже, не заинтересовало.

– Да, – повторил Спейн, подумав про себя: «Она такая же, как Хач. Тоже общается с простыми людьми, только когда думает, что никто не смотрит в ее сторону». – Я хотел сказать, что мы очень сожалеем о его неприятностях. Должно же быть какое-то простое объяснение...

– Благодарю вас. И прошу меня извинить, мистер Спейн, но я спешу. – Она двинулась в сторону. Ее светлые волосы в размытом свете дня казались гладкими словно лед.

Пришло время нанести удар.

– Полиция его еще не нашла. По-моему, вы правильно сделали, что не сказали им про ваш летний коттедж. Возможно...

– Коттедж? – Ее брови изогнулись в удивлении. – У нас нет никакого коттеджа.

– В Хастингсе. Номер 31 по Чаннинг-уэй, кажется. Я запомнил адрес, потому что Хач советовался со мной по поводу аренды.

– Чаннинг-уэй? – произнесла она слабым голосом. – У нас нет там никакого коттеджа.

– Но... – Спейн улыбнулся. – Конечно. Я уже и так

много сказал. Не беспокойтесь, миссис Хачмен, я не говорил об этом полиции, когда меня расспрашивали, и никому не скажу. Мы все слишком хорошо относимся к Лукасу, чтобы...

Он замолчал, когда миссис Хачмен торопливо скрылась в толпе, и все его существо наполнилось приятным, теплым чувством, словно он только что написал поэму.

«Ничего не изменилось,– уверяла себя Викки Хачмен, откинувшись в большом кресле у косметички.– Надо бы принять нортриптилина. Доктор Свонсон говорит, что нортриптилин поможет, если только принимать его какое-то время... Прошное осталось в прошлом...» Она устало закрыла глаза, стараясь выкинуть из головы печальные мысли.

Глава 14

Дело Хачмена с самого начала таило в себе признаки большой работы. Началось все со звонка, принесшего инструкции держать дело в поле зрения и оставаться у телефона.

Голос в трубке звучал мрачно и деловито.

– Мистер Битон, это друг Стила. Он просил меня позвонить насчет вашей задолженности.

Битон ответил на пароль своей кодовой фразой:

– Извините, что я еще не заплатил. Не могли бы вы выслать мне еще один счет?

– Дело крайне важное,– продолжал тот же голос, без околичностей переходя к предмету разговора.– Вы следили за новостями об исчезновении математика Лукаса Хачмена?

– Да.– Битон слушал все новости очень внимательно, и даже менее чувствительные уши уловили бы, что здесь что-то есть.– Я слышал о нем.

– Есть сведения, что Хачмен где-то в вашем районе. Его документы должны быть незамедлительно переве-

дены в досье номер семь. Понятно?

– Да.– Битон почувствовал холодок возбуждения. В первый раз за многие годы ему приказывали убить человека.

– Досье номер семь. Незамедлительно. У нас нет информации о том, где он точно находится, но мы перехватили полицейский рапорт, в котором сообщалось, что на Гортон-роуд между Болтоном и Сэлфордом обнаружен брошенный черный «форд-директор».

– У Хачмена, кажется, был голубой?

– Полицейские сообщили, что машина не соответствует описанию по документам. Там значится голубой цвет.

– Все это очень хорошо, но если машина брошена здесь, едва ли Хачмен будет оставаться поблизости. Я хочу сказать...

– Есть основания полагать, что машина была у него украдена, а затем брошена.

У Битона возникла тревожная мысль.

– Стоп. Мы разговариваем по открытой линии. Вдруг кто-нибудь подслушивает? Что будет с моим прикрытием?

– Оно больше не имеет значения.– Поспешность в голосе стала приобретать признаки паники.– Времени на личные встречи просто нет. Все усилия должны быть направлены на перехват Хачмена. Мы посылаем всех, кого только можно, но вы ближе других и должны предпринять необходимые действия. Задание чрезвычайной важности. Чрезвычайной. Понятно?

– Понятно.– Битон повесил трубку и подошел к зеркалу. Он уже не был тем человеком, который много лет назад переехал в Англию из-за океана. Волосы его поседели, и годы хорошей жизни размягчили его. Не только тело, но и образ мыслей. Ему не хотелось вредить кому-нибудь, тем более убивать.

Из потайного ящика письменного стола Битон достал

завернутый в тряпку хорошо смазанный автоматический пистолет, обойму с 9-миллиметровыми патронами, глушитель и нож с пружинным лезвием. Собрав пистолет, он положил его во внутренний карман, надел пальто и вышел на улицу. Правую руку приятно согревал нож.

Было раннее утро, и серо-голубой туман еще скрывал отдаленные здания. На солнце можно было смотреть не щурясь. Битон сел в свой «ягуар» и двинулся к Болтону. Минут через пятнадцать он остановился в узкой улочке и дальше пошел пешком. В конце улицы он открыл маленькую дверь в стене здания и вошел в гулкий кирпичный гараж, когда-то служивший конюшней. Механик оторвался от мотора старенького «седана» и взглянул на него без любопытства.

– Рафо на месте? – спросил Битон, кивнув.

– В кабинете.

Битон поднялся по лестнице и прошел в маленькую прилепившуюся у стены конторку, где его встретил толстый человек с огромным багровым носом.

– Привет, Клайв, – произнес он хмуро. – Ну и фаворита ты мне подсказал в прошлую пятницу.

Битон пожал плечами.

– Если бы ты каждый раз выигрывал на скачках, букмекеры умерли бы с голода.

– Все так, но мне не нравится, когда мои деньги идут на то, чтобы увеличить шансы настоящего фаворита.

– Ты же не думаешь, что я могу с тобой так поступить, Рэнди?

– Может быть. Ты хочешь вернуть мне мою сотню? – усмехнулся Рафо.

– Нет. Но у меня есть фаворит на субботу.

Краем глаза Битон увидел, как загорелся взгляд Рафо.

– Сколько?

– Синдикат содрал с меня больше двух тысяч – а это

кругленькая сумма, но тебе я скажу бесплатно.

– Бесплатно? – Рафо осторожно потрогал кончик носа, словно надеясь придать ему более благородную форму. – А что нужно?

– Ничего, – Битон постарался, чтобы его голос звучал как можно спокойнее. – Просто хочу узнать, где твои парни взяли черный «форд-директор», который они бросили на Гортон-роуд.

– Я так и знал! – Рафо самодовольно хлопнул ладонью по столу. – Я понял, что машина «горячая», как только Фред загнал ее в гараж. Когда я увидел эту халтурную покраску и новенькие номерные пластины, я сказал Фреду: «Гони отсюда эту телегу и похорони где-нибудь. И никогда не бери машину, которую только что угнал кто-то другой!»

– Ты правильно сказал, Рэнди. Так где он ее взял?

– Говоришь, значит, фаворит?

– «Мастер Окленд-Второй», – сказал Битон, выдавая настоящего победителя будущих скачек. Рафо – трепло известное, и то, что он наверняка разболтает еще кому-нибудь, могло сильно ударить Битона по карману, но почему-то он чувствовал, что в ближайшем будущем ему не придется заниматься скачками.

– Точно?

– Точно. Так где он взял машину?

– На стоянке возле «Крикетерса». Знаешь? Неплохой пивной бар по дороге к Брейтмету.

– Найду, – заверил его Битон.

Глава 15

Хачмен редко запоминал сны, и, когда это все же случилось, несмотря на скептическое отношение к ясновидению, такие сны всегда казались ему значительными и преисполненными глубоких психологических причин. Что-то, возможно усиливающееся чувство, что в этом старом обшарпанном доме он живет, как в ловушке,

или предчувствие неминуемой катастрофы, не оставляющее его с тех пор, как исчез автомобиль,— что-то необъяснимое заставляло его ждать такого сна, подсказывало, что скоро он придет. Он лежал на застеленной кровати, чувствуя смутную угрозу даже в самой обстановке комнаты. Незаметно он заснул, и пришли сны...

Когда он проснулся, было еще светло, но в комнате стало гораздо холоднее. Хачмен лежал на спине, вцепившись руками в скомканное покрывало, словно боялся упасть вверх, пока не пришел в себя после кошмарного сна. «Обычная ерунда в стиле фильмов ужасов»,— уверял он себя. Через некоторое время он встал дрожа и включил газовый обогреватель.

Возможно, ему следовало бежать сразу же, как только он обнаружил, что машина украдена. Лучше было бы даже не возвращаться домой на ночь. Но он был пьян, и тогда ему даже казалось, что неизвестный вор оказал ему услугу, устранив опасную улику. Теперь же у него такой уверенности не было, и беспокойное чувство, вызванное сном, подсказывало ему одну и ту же мысль: бежать, бежать, бежать... Он вышел из комнаты и стал медленно спускаться по лестнице. Снизу доносился женский голос. Джейн Этвуд разговаривала с кем-то по телефону, и Хачмен на миг позавидовал этой возможности звонить куда-то, общаться с кем захочется. Ему стало очень одиноко и захотелось позвонить Викки. Это так просто. Набрать номер и поговорить. Позвонить в прошлое... Когда он вошел в комнату, миссис Этвуд как раз вешала трубку.

— Это Джордж,— произнесла она несколько удивленным тоном.— Какой-то человек заходил в лавку и расспрашивал про вас. Что-то насчет машины.

— В самом деле?— Хачмен сжал руками полированные перила.

— Вашу машину украли, мистер Ретрей? Вы же гово-

рили, что она сломалась, когда вы были...

– Не знаю. Возможно, ее украли уже после.

Хачмен взбежал по ступенькам с молчаливым паническим криком в душе. Оказавшись в комнате, он накинул на плечи куртку и быстро спустился вниз. Миссис Этвуд скрылась где-то в другой части дома. Хачмен открыл дверь и, бросив взгляд по сторонам, чтобы убедиться, что на улице никого нет, быстрым шагом двинулся от главной дороги. В самом конце улицы навстречу ему из-за поворота выехал темно-синий «ягуар». Сидящий за рулем седоватый крепко сложенный мужчина, похоже, даже не заметил Хачмена, но машина замедлила ход и покатилась вдоль тротуара, приминая колесами гниющую листву. Водитель внимательно разглядывал номера домов. Хачмен продолжал идти нормальным шагом, пока не свернул за угол на широкую и совсем пустую улицу. Тут он пустился бежать. Бег давался ему без усилий, дышалось ровно и свободно, словно он только что освободился от пут. Он бежал вдоль деревьев, высаженных в линию, едва касаясь ногами земли, двигаясь настолько бесшумно, что дважды он услышал шлепки падающих на асфальт каштанов. Но в конце улицы он вдруг опомнился, перешел на шаг и оглянулся. Из-за деревьев, слегка накренившись после резкого поворота, вынырнул синий «ягуар». Словно призрак, попадая то в проемы света между деревьями, то в тень, он устремился в его сторону.

Хачмен снова перешел на бег. Влетев в длинное ущелье между трехэтажными домами, он увидел справа узкую улочку и метнулся туда. Длинная, ничем не примечательная улица шла чуть в гору впереди и исчезала в собирающемся тумане. Но поворачивать обратно было уже поздно. Хачмен побежал дальше вдоль неровного ряда припаркованных машин, бросаясь из стороны в сторону, чтобы не наткнуться на играющих на дороге детей, но теперь бежать становилось все труднее и труд-

нее. Во рту появился противный привкус, ноги ослабели, и ступни шлепали по земле почти бесконтрольно. Оглянувшись, он увидел преследовавший его «ягуар».

Тут Хачмен заметил просвет между домами, свернул и оказался на пустыре, образовавшемся, скорее всего, после расчистки городской свалки под застройку. Кругом валялись обломки кирпичей и бетонных плит, а в низком тумане, словно маленькие хоббиты, носились, играя, дети. Хачмен бросился через пустырь, туда, где за рядом таких же домов с террасами уже зажглись бело-голубые огни над шоссе. Позади с шорохом шин остановилась машина. Хлопнула дверца, но он даже не мог обернуться: нужно было смотреть под ноги. Несколько раз, когда ему пришлось перепрыгивать через груды бетона или торчащую из плит ржавую арматуру, он чуть не подвернул ногу. Хачмен пытался добраться до светлого проема между домами, но вдруг понял, что зря тратил силы. Кто-то, наверно подрядчик, обнес место будущего строительства забором из железной сетки, и Хачмен оказался в ловушке.

Он обернулся. На мгновение в голове мелькнула дикая мысль – не затесаться ли среди играющих мальчишек, – но тех уже и след простыл. Преследовавший его человек был всего в каких-нибудь пятидесяти шагах. Несмотря на свои размеры, он бежал легко, и дорожное пальто выглядело на нем нелепо. В руке он держал нож с тонким лезвием, и по тому, как он его держал, было понятно, что он умеет с ним обращаться. Чуть не плача, Хачмен бросился в сторону. Его преследователь тоже изменил курс. Хачмен поднял обломок кирпича и швырнул в преследователя, но не добросил. Человек перепрыгнул через кирпич, споткнулся и, упав вперед, ткнулся лицом прямо в гроздь торчащей из бетонной плиты арматуры. Один из прутьев попал ему в правый глаз, и он взвыл от боли.

Хачмен в ужасе смотрел, как на удивление большой

белый шар в красных потеках выскочил из глазницы и покатился по земле.

– Мой глаз! О господи, мой глаз! – Человек ползал по земле, слепо ощупывая ее руками.

– Не подходи, – бормотал Хачмен.

– Но это мой глаз! – Человек поднялся на ноги, держа в протянутой к Хачмену руке отвратительный предмет. Потeki темной крови сползали по его лицу на пальто.

– Не подходи! – Хачмен наконец опомнился и бросился бежать вдоль забора, потом свернул к тому месту, где он вбежал на пустырь. Дети метнулись с его пути, словно испуганные птицы. Он подбежал к «ягуару», сел за руль, но ключа зажигания на месте не оказалось. Очевидно, его преследователь не дурак. Едва Хачмен выбрался из машины, как в просвете между домами опять появились дети. Но теперь они шли по-другому, что-то в их поведении говорило о том, что сейчас рядом с ними взрослые. Хачмен торопливо пошел вдоль улицы навстречу двум пожилым мужчинам. Один из них был в шлепанцах и в рубашке с закатанными рукавами.

– Несчастный случай, – сказал Хачмен, махнув рукой на пустырь, где в тумане можно было разглядеть одинокую фигуру. – Где тут ближайший телефон?

Один из мужчин указал налево вниз по холму. Хачмен побежал в том направлении, пока снова не оказался на широкой, обсаженной деревьями улице. Там он перешел на шаг, отчасти чтобы не выглядеть подозрительно, а отчасти потому, что сил бежать уже не было. И кроме того, думать на ходу стало легче. У него было чувство, что преследовавший его человек не имеет отношения ни к службе безопасности, ни к полиции – они бы действовали по-другому. Но даже если кто-то узнал все от Андреа Найт, как они могли найти его так быстро? Машина, конечно, могла его выдать, но в этом случае появилась бы полиция, а не этот неизвестный с ножом... В любом случае из Болтона надо уезжать.

К тому времени, когда он отдышался, Хачмен добрался до автобусной остановки на шоссе и направился в центр города. Оказавшись у городской мэрии, он сошел с автобуса и пошел вдоль ярко освещенных витрин магазинов. Люди возвращались с работы, улицы были полны, и все это вместе с морозной предрождественской атмосферой вызвало у него новый приступ ностальгии. Снова вспомнились Викки и Дэвид...

Он спросил в газетном киоске, как добраться до железнодорожной станции, двинулся было в указанном направлении, но вовремя сообразил, что ему не стоит там появляться. Даже думать об этом было опасной оплошностью.

Пока он бесцельно бродил по улицам, ему дважды пришлось сворачивать в переулки при виде полицейских.

Из Болтона нужно срочно уезжать по двум причинам. Кольцо поисков сужается. И приближается назначенная им дата. Он должен быть в Хастингсе к урочному часу. Может быть, попытаться изменить внешность? Воспоминание о честертоновском «человеке-невидимке» заставило его на мгновение остановиться. Форма почтальона почти наверняка сделала бы его «невидимым», а обычный для сельских почтальонов транспорт – велосипед, – возможно, помог бы ему добраться в Хастингс вовремя. Но где все это достать? Кража только привлекла бы к нему внимание...

В одной из узких улочек он заметил желтую электрическую вывеску таксопарка и в окне конторы под вывеской обнаружил объявление: «ТРЕБУЮТСЯ ВОДИТЕЛИ БЕЗОПАСНЫХ ТАКСИ. ДОСТАТОЧНО ОБЫЧНЫХ ВОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ».

Сердце Хачмена забилося от волнения. Водитель такси – такой же «невидимка», да еще и машина предоставляется! Он зашел в плохо освещенный гараж рядом с конторой. Целый ряд такси горчичного цвета выстроил-

ся в полутьме, и только светящееся окошко дежурного помещения в углу указывало на признаки жизни. Хачмен постучался и вошел. В тесной комнатке не было ничего, кроме стола и скамьи, на которой сидели двое механиков. Один из них держал в руке чашку чая.

– Прошу прощения за беспокойство.– Хачмен изобразил самую приятную улыбку, на какую только был способен.– Где мне справиться насчет работы водителя?

– Никаких проблем, парень,– механик повернулся к своему соседу, который в этот момент разворачивал сверток с бутербродами.– Кто у нас сегодня за старшего?

– Старина Оливер.

– Подожди здесь, я его сейчас найду,– сказал механик и вышел через вторую дверь, ведущую в глубь здания.

Довольный собой и обнадеженный, Хачмен в ожидании начальника принялся разглядывать маленькую комнатку. Все стены были покрыты листками с объявлениями на булавках или пожелтевшей клейкой ленте. «Водитель, виновный в лобовом столкновении, будет немедленно уволен»,– было написано на одном. «У следующих лиц запрещается принимать расчет по кредитным карточкам»,– значилось над списком фамилий на другом. Хачмену в его состоянии напряженного одиночества все это казалось проявлением теплой человеческой нормальности, и он с удовольствием представил себя работающим в подобном месте всю оставшуюся жизнь, если только ему удастся выбраться из Хастингса живым.

– Холодный денек сегодня,– произнес второй механик с набитым ртом.

– Точно.

– Чаю хочешь?

– Нет, спасибо...

Дверь открылась, появился первый механик в сопрово-

вождении сутулого седовласого человека лет шестидесяти с розовым лицом и маленьким, как у женщины, ртом. Он был в старомодном плаще с поясом и фуражке с большим козырьком.

– Добрый вечер, – произнес Хачмен. – Насколько я понимаю, вам нужны водители?

– В самую точку, – сказал Оливер. – Пойдем поговорим.

Он вывел Хачмена в гараж и закрыл дверь, чтобы механики его не слышали.

– Работал когда-нибудь на безопасных машинах?

– Нет, но в объявлении...

– Я знаю, что написано в объявлении, – ворчливо перебил его Оливер, – но это не значит, что мы предпочитаем непрофессионалов. Из-за этих так называемых безопасных машин с сиденьями назад доходы стали меньше.

– Ясно, – Хачмен понял, что имеет дело с человеком, считающим такси своим призванием. – У меня обычные права. Без проколов.

Оливер в сомнениях продолжал его разглядывать.

– По полдня будешь работать?

– Да... Нет, могу и полный день. Как вам надо, так и буду. – Тут Хачмен заволновался, не слишком ли он напрашивается. – Вам нужны водители или нет?

– Ты в курсе, что у нас ставок нет? Треть от дневной выручки твоя, плюс чаевые. Опытный водитель может неплохо заработать на чаевых, а новички...

– Меня это устраивает. Могу начать прямо сейчас.

– Стоп, стоп! – осадил его Оливер. – Ты город хорошо знаешь?

– Да. – Сердце у Хачмена упало. Как он мог забыть про одно из самых важных требований!

– Как ты доедешь до Кромптон-авеню?

– Э-э-э... – Хачмен попытался вспомнить название дороги, по которой они ехали с Этвудом, единственное на-

звание, которое он знал.— По Брейтметскому шоссе.

Оливер неохотно кивнул.

— А на Бриджуорт-клоуз?

— Это не так просто,— Хачмен выдавил из себя улыбку.— Не могу же я вот так сразу выучить все улицы.

— А на Мейсон-стрит?— уже с явным недоверием, поджав губы, спросил Оливер.

— Это в направлении Сэлфорда? Послушайте, я же говорю...

— Извини, сынок. Для нашей работы у тебя память слабовата.

Хачмен взглянул на него в бессильной злобе, затем развернулся и вышел на улицу, очутившись среди незнакомых зданий. Отвергли! Его мозг содержал информацию, которой, быть может, суждено изменить весь ход истории, а этот старый болван смотрит на него сверху вниз, только потому что он не знает расположения улиц в никому неизвестном... Стоп! Система! Для того чтобы знать город, вовсе не обязательно здесь жить. Если, конечно, иметь соответствующие способности.

Взглянув на часы, Хачмен увидел, что стрелка перевалила за 5.30. Он быстро разыскал ближайший канцелярский магазин и купил две карты Болтона и белый карандаш с резинкой на конце. Там же у продавщицы узнал, где находится ближайшая копировальная мастерская. Оказалось, это совсем недалеко, в двух кварталах от магазина по той же улице. Хачмен поблагодарил продавщицу, расплатился и, расталкивая толпу, добрался до склада канцелярского оборудования, где производили копировальные работы, как раз в тот момент, когда невидимые ему часы пробили шесть. Опрятно одетый светловолосый молодой мужчина уже запирал дверь. Когда Хачмен подергал за ручку, он покачал головой. Хачмен достал две бумажки по пять фунтов и просунул их в щель для писем. Молодой человек осторожно принял деньги, секунду-другую смотрел на Хач-

мена через стекло, затем приоткрыл дверь.

– Мы вообще-то в шесть закрываем, – он нерешительно протянул деньги обратно Хачмену.

– Это вам, – сказал Хачмен.

– За что?

– За сверхурочное время. Мне нужно срочно сделать несколько копий. Я заплачу за работу отдельно, а десятка вам, если вы согласны.

– Ну, хорошо. Заходите. – Молодой человек смущенно засмеялся и широко открыл дверь. – В этот раз рождество начинается рано.

Хачмен развернул карту города.

– С листом такого размера вы справитесь?

– Запросто. – Молодой человек включил большую серую машину и удивленно поглядел на Хачмена, когда тот достал стирающий карандаш и принялся торопливо и небрежно затирать названия улиц. Хачмен закончил работу и вручил ему карту.

– Сделайте мне, пожалуй, дюжину экземпляров.

– Да, сэр. – Молодой человек еще раз внимательно взглянул на Хачмена и вернулся к копировальной машине.

– Я занимаюсь рекламой, – пояснил Хачмен. – Это для проекта по изучению рынка. Срочная работа.

Через десять минут он снова оказался на улице с еще теплым рулоном бумаги под рукой. Теперь у него было все необходимое для зубрежки – метода, который он довел до совершенства еще в студенческие годы. Но оставалась проблема тихого безопасного места, где он мог бы спокойно поработать. Тут ему в голову пришла неожиданная и несколько обескураживающая мысль о том, что он доставляет себе массу хлопот, чтобы ускользнуть из Болтона, даже не убедившись, нужно ли все это. Он увидел газетный киоск через дорогу и перешел на другую сторону улицы. Еще с полдороги можно было прочесть огромный заголовок: «БОЛТОН ОКРУ-

ЖЕН ПОЛИЦЕЙСКИМ КОРДОНОМ!»

Он подошел ближе и во всей подборке вечерних газет обнаружил на первой странице свою фотографию крупным планом с подписью: «ПОЛИЦИЯ ОКРУЖИЛА БОЛТОН. Здесь обнаружены следы таинственно исчезнувшего математика». Хачмен решил не рисковать, покупая газету: он уже и так знал все, что ему нужно.

Он отвернулся от киоска и собрался уходить, но тут рядом с ним остановился белый автомобиль, и дверца с его стороны открылась. За рулем сидела девушка с восточными чертами лица в серебристой одежде.

– У меня дома теплей, – произнесла она, нисколько не смущаясь тем, что именно так, как правило, начинают разговор девицы легкого поведения.

Хачмен, уже собравшийся идти, инстинктивно покачал головой, но тут же передумал и схватился за дверцу.

– Похоже, я и в самом деле замерз.

Он забрался в машину, пахнущую внутри кожей и духами, и его повезли в направлении сияющего огнями городского центра.

– Куда мы едем? – спросил он, поворачиваясь.

– Недалеко.

Хачмен кивнул. Его все устраивало, до тех пор пока она не повезет его за город через полицейский кордон.

– У тебя дома есть что-нибудь пожевать?

– Нет.

– Ты разве не хочешь есть?

– Хочу. Но у меня не забегаловка.

Хачмен усмехнулся, достал из кармана пять фунтов и бросил бумажку ей на колени.

– Остановись где-нибудь у кафе и купи поесть.

– Мистер, у меня время – деньги, – она швырнула бумажку обратно. – Просто компания стоит столько же.

– Понятно. И сколько за ночь?

– Двадцать пять, – произнесла она с вызовом.

– Отлично. Двадцать пять – значит, двадцать пять.

Хачмен достал еще шесть бумажек, внутренне несколько удивляясь, что для других людей деньги еще представляют ценность.

– Вот тебе тридцать, плюс пятерка на продукты. Нормально?

Они остановились у закуской, девушка выбежала и через несколько минут вернулась с охалкой свертков, от которых пахло жареной курицей. Еще через десять минут они оказались возле ее дома. Пока она открывала дверь квартиры на первом этаже, Хачмен держал свертки. Квартирка была простенькая: белые стены, белый ковер, черный потолок в гостиной, незатейливая мебель.

– Сначала есть? – спросила девушка.

– Сначала есть. – Хачмен разложил свертки на столе, раскрыл и, пока хозяйка заваривала кофе в идеально чистой кухне, принялся за еду. В памяти все время мелькала страшная картина: человеческий глаз, катающийся в пыли. Хачмен немного нервничал, но в тепле постепенно расслабился и даже успокоился. Они молча поели, и девушка убрала остатки на кухню.

– Послушай, – сказал Хачмен, раскладывая на столе пахнущие аммиаком листы. – Мне нужно закончить одно срочное дело для моей фирмы. Может, ты пока посмотришь телевизор?

– У меня нет телевизора.

Хачмен тут же понял, что это предложение было ошибкой: по телевидению наверняка дадут объявление о его розыске.

– Ну тогда считай что-нибудь или послушай музыку. Ладно?

– Ладно. – Она равнодушно пожала плечами и улеглась на диван, внимательно его разглядывая.

Хачмен расстелил на столе карту города и принялся запоминать названия, начав с главных дорог и прихватывая, сколько получалось, боковых улиц. Около ча-

са он работал с максимальной сосредоточенностью, затем взял лист без названий улиц и стал заполнять карту по памяти. Тут же стало ясно, какие районы он изучил хорошо, а какие плохо. Последних пока было больше. Он вернулся к карте с названиями, просидел еще час и начал заполнять новый лист. Потом еще раз повторил процедуру. Девушка незаметно задремала и где-то в районе полуночи проснулась, испуганно глядя на Хачмена: на секунду она забыла, откуда он взялся.

– Похоже, мне потребуется больше времени, чем я предполагал, – Хачмен улыбнулся. – Может, тебе пойти спать?

– Кофе хочешь?

– Нет, спасибо.

Девушка, передернув плечами от холода, поднялась с дивана и, с любопытством взглянув на разбросанные карты, ушла в спальню. Хачмен вернулся к работе. Часам к трем ему удалось наконец заполнить карту целиком. К этому времени он тоже уже основательно продрог: отопление отключили несколько часов назад. Он прилег на диван и попытался заснуть, но в комнате становилось все холоднее, и каждый раз, как только он закрывал глаза, в голове возникал водоворот из названий и перекрестков. Через полчаса он перешел в спальню. Девушка спала посередине огромной кровати. Хачмен разделся, лег и мгновенно провалился в сон.

С первыми проблесками зари он осторожно поднялся, стараясь не потревожить хозяйку, быстро оделся и вернулся к столу в гостиной. Как и следовало ожидать, когда он попытался заполнить новую карту, обнаружилось еще несколько районов, где память его подвела. Пришлось потратить еще какое-то время на их запоминание, после чего Хачмен спокойно вышел из квартиры. Утро было серое, сухое и на удивление теплое для этого времени года. Он решил пройтись до центра пешком, занимая себя тем, что на каждом перекрестке акку-

ратно угадывал все названия улиц. Знакомство с улицами города, полученное подобной зубрежкой, недолговечно и исчезнет полностью от силы через неделю, но для любого испытания, которое ему предложат сегодня утром, его будет достаточно.

По дороге до таксопарка ему не встретился ни один полицейский. На этот раз он вошел сразу в контору и обратился к дежурной в очках, сидевшей за столом с несколькими телефонами и микрофоном.

– Оливер на месте?

– Нет, он в вечернюю смену. У вас к нему что-нибудь личное?

Хачмен воспрянул духом.

– Нет, нет. Я отличный водитель и знаю Болтон как свои пять пальцев...

Через сорок минут он получил «форму», состоявшую из фуражки с большим козырьком и значка на куртку, и уже кружил по городу в горчичного цвета такси. Почти час он работал по-настоящему, доставив по радиовызову двух пассажиров, причем адреса нашел без особых трудностей. Второй пассажир вышел в южной части города, и вместо того, чтобы вернуться в центр, Хачмен связался по радио с диспетчером.

– Это Уолтер Рассел, – представился он по имени, под которым его зарегистрировали в таксопарке. – Я только что посадил джентльмена, который хочет провести весь день в окрестностях Болтона. Какие на это правила?

– Плата за день – десять с половиной фунтов, – ответила диспетчер. – Вперед. Клиент согласен?

Хачмен подождал несколько секунд, затем ответил:

– Он говорит, что согласен.

– Хорошо. Когда освободишься, свяжись с диспетчером.

– Ладно. – Хачмен вернул микрофон на место.

Решив, что таксомотор с ограниченной скоростью будет выглядеть неуместно на скоростном шоссе, он на-

правился на юг к Уоррингтону с намерением проехать по менее приметным дорогам, связывающим маленькие городки. Вскоре он заметил тройку молодых девчонок, голосующих на шоссе. Когда он затормозил и открыл дверь пассажирского салона, они переглянулись неуверенно.

– Вам куда? – спросил Хачмен, стараясь выглядеть добродушным, хотя по мере приближения к полицейскому кордону он волновался все больше и больше.

– В Бирмингем, – ответила одна из них, – но у нас нет денег на такси.

– Для этого такси вам не понадобятся деньги.

– А что понадобится? – потребовала вторая, и вся троица захихикала.

– Послушайте, я еду в аэропорт Рингуэй встречать пассажира и решил предложить вам прокатиться, но если вас это не устраивает, то... – Хачмен сделал вид, что закрывает дверь, и девицы с визгом бросились в машину, рассаживаясь на повернутых назад сиденьях. По дороге они болтали между собой, словно Хачмена рядом не было, и из их разговора он понял, что они едут на демонстрацию протеста по поводу взрыва в Д. С удивлением он обнаружил, что уже несколько дней не вспоминал о разрушенном городе, о тысячах невинных жертв... Теперь все его помыслы сосредоточились на антиядерной машине.

У кордона стояла довольно длинная очередь автомобилей, но полицейские пропустили такси Хачмена вперед, лишь мельком взглянув на него и его пассажиров.

Глава 16

С поезда в Хастингсе Хачмен сошел уже после полуночи.

Болтонским такси он добрался до Суиндона и около полудня бросил его на безлюдной стоянке. Оставить столь очевидный след ближе к своей цели он не решил.

ся. Оттуда Хачмен доехал поездом до Саутгемптона, пересел в направлении Хастингса, и остаток дня поделился у него между нервным ожиданием и изматывающе медленными переездами.

Сознание того, что до назначенного им срока осталось меньше тридцати шести часов, тяжким грузом давило его, когда он наконец вышел из здания вокзала. Утренний серый туман сменился чистым холодным дождем, шумно стекавшим по водостокам, и Хачмен промок до нитки почти сразу же, едва вышел на улицу. Рядом с вокзалом дежурили несколько такси, но он не стал рисковать, прошел мимо и двинулся в направлении Чаннинг-уэй. Дорога заняла пятнадцать минут, и к тому времени, когда он добрался до коттеджа, он промок, словно его окунули в море, и весь дрожал, не в силах справиться с ознобом.

Он открыл входную дверь маленького темного дома, но остановился, охваченный странной робостью. Последняя черта, за которой нет возврата, за которой только черная кнопка, приводящая Машину в действие... У него отнюдь не было подсознательного желания, чтобы кто-то посторонний увел его от намеченного курса – его жизнь стала настолько изломанной, чужой, что в возвращении к прошлому едва ли было больше смысла, чем в продолжении. Нет. Но войдя в дом, в эту обволакивающую темноту маленького холла за закрытой дверью, он порвет последнюю связь с миром. Даже если его выследят теперь и кто-то попытается ворваться в дом, единственным результатом будет то, что он нажмет кнопку чуть раньше. Он достиг эпицентра...

Дверь разбухла от сырости, и, чтобы плотно прикрыть ее, Хачмену пришлось надавить плечом. В размытом свете уличного фонаря он нашел дорогу вверх. Свет не зажегся, когда он нажал кнопку выключателя, но он и так определил, что в комнату после него никто не заходил. Все осталось по-прежнему. То же зеленое кресло с

гнутыми подлокотниками, и компоненты его Машины. Он снова спустился вниз, хлюпая мокрыми ботинками, нашел распределительный щит под лестницей и включил рубильник. Ежась в мокрой холодной одежде, Хачмен прошел по всем комнатам, зажигая свет и опуская шторы. В результате его крошечное владение приобрело еще более безотрадный и угнетающий вид. Выйдя на крытый хозяйственный двор, где дождь беспрерывно стучал по стеклянной крыше, он заглянул в угольный подвал. Угля оказалось едва-едва на одно ведро, но нигде не было лопаты. Хачмен нашел старую клеенку, собрал весь уголь и отнес в камин. Зажигалки у него не было, поскольку он не курил, но ему удалось поджечь кусок бумаги от автоматической плиты на кухне. Клеенка горела плохо, и, даже когда он подбросил бумаги, уголь все равно не загорелся. Хачмен поколебался, а затем, удивляясь собственной заторможенности, принес ящик от кухонного стола, разбил его и скормил щепки в огонь. На сей раз уголь занялся, обещая маленькую порцию тепла по крайней мере на час.

Он снял с себя мокрую одежду, завернулся в покрывало с дивана – единственное, что он смог найти, – и приготовился ждать тридцать пять часов. При мысли о теплой светлой комнате на глаза навернулись слезы.

Утром, когда Хачмен проснулся, у него сильно болела голова и саднило горло. Каждый вдох врывался в легкие сгустками ледяного воздуха. Он сел, преодолевая боль, и оглядел комнату. В камине осталась лишь горстка серого пепла, а одежда была все еще сырая. Преодолевая дрожь, он собрал мятые вещи, отнес на кухню, зажег духовку, все четыре конфорки, развесил одежду над огнем и сел рядом, чтобы хоть немного обогреться. Очень захотелось чаю. Не того, изысканного индийского чаю, к которому он привык дома, а дешевого, крепкого чаю, горячего и с сахаром. Назойливая

мысль о том, что горячий чай избавит его от головной боли, от простуженного горла и ломоты в суставах, не давала покоя. Он обыскал всю кухню, но неизвестные домовладельцы не оставили там ни крошки.

«Что ж, – подумал он. – Если в доме нет чая, придется сходить купить». Эта мысль наполнила его лихорадочным детским восторгом. И хотя он пообещал себе, что не откроет входную дверь, пока не выполнит задуманное, на тот случай, если за домом наблюдают, но, может быть, он был чересчур осторожен? Если бы за ним следили до самого дома, он бы уже знал об этом...

Он быстро оделся, обдумывая выгоды этого нового решения. Надевая куртку, он вдруг заметил свое отражение в зеркале. Спутанные волосы, небритое лицо, словно смертная маска Христа. Грязный, измятый, больной, с воспалившимися глазами – одним словом, подозрительный. Именно подозрительный. Он непременно привлечет внимание бакалейщика, да и вообще любого, кто ему встретится по дороге. Выходить из дома нельзя.

Он пошел наверх, к Машине, упал на лестнице, схватился за перила и удивленно подумал: «Я болен. Я действительно болен». Это открытие наполнило его страхом. Вдруг он не сумеет собрать Машину в правильной последовательности? Или потеряет сознание в тот момент, когда придет время ее включать? Он расправил плечи, прошел в спальню и принялся за работу.

Несколько раз он забывался, и руки, казалось, работали сами по себе, проверяли генератор или выполняли точную работу по установке лазера и настройке оптики. Другие задачи, которые раньше казались Хачмену легкими, наоборот, давались с трудом. Например, труба излучателя, которая с помощью двигателя и системы передач наводилась в направлении Луны – естественно-го отражателя, выбранного Хачменом для эффективного рассеивания излучения по всей поверхности Земли.

Руки автоматически справились со сборкой узлов, но, когда он открыл заранее приготовленный астрономический альманах, чтобы определить координаты Луны, цифры запрыгали перед глазами в бессмысленной пляске.

Временами он совсем слабел, отключался, и тогда ему либо мерещился горячий чай, либо в памяти вставляли картины прошлого... Викки, безутешная после ссоры: «Когда люди злятся, они иногда говорят, что действительно думают». Прогулка по Бонд-стрит, когда женщина на противоположной стороне улицы неожиданно раскрыла красный зонт – точка, вдруг расцветшая в большой красный круг. Хачмену, заметившему это краем глаза, показалось, что это приближающаяся ракета; он тогда инстинктивно пригнулся и впервые в жизни понял, почему нельзя раскрывать зонт рядом с лошадьми... Дэвид, засыпающий у него на руках: «Почему единица и нуль значит десять, а две единицы значит одиннадцать, а не наоборот?..»

Когда сборка машины была наконец закончена, время потекло быстрее, чем ожидал Хачмен. Он перетаскил кресло в кухню и устроился рядом с плитой, засунув ноги почти в самую духовку. Простуда и духота постепенно усыпили его, и он то погружался в забытие, то вновь возвращался в реальность. В снах к нему приходили светлые, теплые картины воспоминаний, он скользил над ними, и, словно ныряльщик, подбирающий со дна разноцветные камушки и бросающий их обратно, он выбирал и обследовал события прошлого. Где-то после полуночи его разбудила сухая боль в горле. Он нашел во дворе пустую банку из-под джема, нагрел в ней немного воды, выпил и попытался снова заснуть. Однако сознание того, что до назначенного времени осталось меньше двенадцати часов, не давало ему покоя. И кроме того, мешала мысль о том, что надо бы подняться к Машине, где его с меньшей вероятностью смогут застать

врасплох. Но если он пойдет наверх, он замерзнет, и его снова свалит болезнь. Уговорив себя таким образом, он свернулся калачиком в кресле, укрылся грязной накидкой с дивана и попытался представить убыстряющийся темп деятельности тех, других людей. Поиски, конечно, в самом разгаре, но это уже не имеет значения, поскольку он рядом с Машиной, и запустит ее, если придется, даже до срока. Гораздо важнее, что сейчас происходит во всех этих секретных уголках планеты, где хранится ядерное оружие. До Хачмена вдруг дошло, сколь много он на себя взял. Он практически ничего не знал о конкретном устройстве ядерных зарядов. Вдруг указанного им времени недостаточно, чтобы разобрать содержимое боеголовок на элементы докритической массы? Но даже если он дал достаточный срок людям, работающим в нормальных условиях, что будет с подводными лодками, находящимися под арктическими льдами? А вдруг кто-то из тех, кто давно замыслил первый удар, под давлением обстоятельств поддастся искушению, пока еще есть время?..

Утром он с трудом поднялся, напуганный звуком собственного дыхания, выпил еще немного теплой воды и взглянул на часы. Осталось меньше трех часов. Держась за стену, а потом за перила, Хачмен поднялся наверх и уселся в кресло перед Машиной. Нагнувшись, он включил замыкатели, запускающие Машину, затем убедился, что легко и свободно достает рукой до черной кнопки.

Теперь он был готов.

Он закрыл глаза и представил себе лицо Викки, когда она наконец все поймет.

Какой-то резкий звук с улицы вернул его к действительности. Он замер, положив палец на кнопку, и прислушался. Через несколько секунд послышался знакомый стук каблучков по мостовой – бегущие женские шаги, – затем стук в дверь. Хачмен все еще не двигался,

не решаясь убрать палец с кнопки.

– Лукас, – послышался снизу слабый голос. – Лукас! Это была Викки.

Поддавшись новому приступу страха, Хачмен, шатаясь, сбежал по узкой лестнице вниз и рывком открыл дверь. На пороге стояла Викки. Ее лицо оплыло, словно воск, когда она увидела его.

– Уходи! – закричал он. – Немедленно уходи отсюда!

Он взглянул мимо нее вдоль улицы и увидел две машины, столкнувшиеся на углу. Люди в темных костюмах и плащах бежали в их сторону.

– Господи, Лукас, что с тобой случилось? – Она совсем побледнела.

Хачмен втянул ее в холл и с силой захлопнул дверь. Таща ее за собой, он взбежал по лестнице и рухнул в кресло.

– Зачем ты здесь? – спросил он между хриплыми болезненными вздохами. – Почему ты сюда пришла?

– Но ты один, – слабо произнесла Викки, обегая взглядом комнату. – И ты болен!

– Я в порядке, – тупо произнес он.

– Ты хоть видел себя? – Викки закрыла лицо руками и всхлипнула. – О, Лукас, что ты с нами наделал?

Хачмен завернулся в покрывало потуже.

– Хорошо, я расскажу тебе. Но ты должна слушать внимательно и должна мне верить, потому что времени осталось мало.

Викки кивнула, все еще не отрывая от лица рук в перчатках.

– Я сделал вот эту машину, – печально произнес он. – И когда я приведу ее в действие – а я собираюсь сделать это сегодня в полдень, – все ядерное оружие на Земле взорвется. Именно этим я и занимался, когда ты думала... – Хачмен умолк, когда она опустила руки, и он увидел ее лицо.

– Ты сумасшедший, – прошептала она сдавленно. – Ты

действительно сумасшедший!

Хачмен убрал со лба спутанные волосы.

– Ты в самом деле еще ничего не поняла? Почему, по-твоему, они охотятся за мной? – Он махнул рукой в сторону улицы.

– Ты болен, – объявила Викки со столь знакомой ему уверенностью в голосе. – Тебе нужна помощь.

– Нет, Викки! Нет!

Она повернулась и побежала к лестнице. Хачмен бросился было за ней, но запутался в своей импровизированной накидке и растянулся на полу. Когда он подбежал к лестнице, Викки уже была в дверях.

Она толкнула дверь и налетела на двоих мужчин в темных костюмах. Один из них держал в руке тяжелый пистолет. Он оттолкнул Викки в сторону, и Хачмен увидел, что рука укоротилась, не понимая еще, что в него целятся. Викки вцепилась ногтями в лицо человека, но второй развернул ее и ударил ребром ладони по шее. Даже с верхней ступеньки Хачмен услышал хруст позвонков. Он повернулся, но в этот момент пистолет рывкнул, и его рука онемела. Пол лестничной площадки поднялся и ударил его в лицо. Хачмен с криком попятился назад, в спальню, и положил палец на кнопку.

Держа палец на месте, он подтянулся, упираясь в подлокотник, и сел в кресло лицом к двери.

Когда те двое поднялись по лестнице и вошли в комнату, он улыбался.

Глава 17

Решение было не из легких, но теперь, когда оно сделано, президент почувствовал себя спокойнее. Он подошел к бару, налил себе ликера и вернулся к столу. За тройными оконными стеклами кабинета над кипящими джунглями, словно агат, сверкала горная вершина. Президент задумчиво отхлебнул из рюмки и нажал кнопку вызова.

Генерал вошел тут же. Его обычно безукоризненный китель был испорчен симметричными пятнами пота.

– Все подтверждается, – произнес он без формальностей. – Все в первоначальном докладе подтверждается.

– Я так и думал, – сказал президент спокойно. – У меня нюх на подобные вещи, даже беспрецедентные.

– Рад за вас. – Генерал, очевидно, нервничал: в противном случае он не позволил бы себе столь открытого сарказма. – Что мы будем делать? Наши ракеты все еще в шахтах. Целехонькие! И уже нет времени демонтировать боеголовки. Что делать?

– Избавиться от них.

– Каким образом?

– Как обычно избавляются от ракеты? За время вашей карьеры вам, генерал, полагаю, встречались и более сложные проблемы. – Президент допил ликер и снова подошел к бару.

– Вы имеете в виду... – Запах пота заполнил кабинет. – Но с тех пор как ракеты были запрограммированы, политический климат коренным образом изменился, господин президент. Это раньше мы действовали безнаказанно. После уничтожения целого города...

Президент улыбнулся, но глаза его оставались холодными.

– Если бы подобное осуждение ваших способностей вы слышали от другого, он был бы давно казнен.

– Осуждение? Я не...

– Я имею в виду вашу разведывательную информацию. Вы утверждаете, что в полдень по Гринвичу боеголовки спонтанно взорвутся. Ну и запустите их, но так, чтобы в полдень все ракеты были в апогее. Если ваша информация верна, они никогда не достигнут цели...

– А если неверна?

Президент сделал глоток.

– Дорогой мой генерал, у вас хватает духу оценивать и эту возможность?

Глава 18

– Отойди от машины,– произнес человек с пистолетом. На его сером вытянутом лице застыло строгое выражение хорошо осознаваемой цели.

– С удовольствием,–с улыбкой произнес Хачмен. Викки мертва, он знал это, но сейчас, как ни странно, это не оказывало на него никакого воздействия. Чувства возвращались в раненую руку, и он ощущал, как по пальцам стекает кровь.– Вы уверены, что хотите, чтобы я отошел?

– Хватит игр! Отойди!

Хачмен снова улыбнулся запекшимися губами.

– Хорошо, но вы заметили, где мой палец?

– Я всажу тебе пулю в солнечное сплетение, и ты даже не успеешь пошевелить рукой,– мрачно пообещал человек с пистолетом.

– Может быть.– Хачмен пожал плечами. Смерть Викки словно заморозила все его чувства.– Но вы не поняли. Посмотрите внимательно на мой палец, и вы увидите...

– Он уже нажал ее!– в первый раз заговорил человек, ударивший Викки.– Надо смываться. Они будут здесь в любую минуту.

– Стоп!– Человек с пистолетом взглянул на Хачмена с подозрением. Спокойствие Хачмена явно задевало его.– Если это блеф? Если я...

– Едва ли ваши хозяева оценят это.– Хачмен чуть не рассмеялся. Они пытались испугать его оружием, не понимая, что теперь, когда Викки нет, слова «страх», «ненависть», «любовь» потеряли для него всякий смысл.– Я слабый человек, и, когда я создавал эту Машину, я предвидел именно такую ситуацию. Поэтому я вмонтировал цепь, которая замкнется, стоит мне убрать палец с кнопки.

Уголок рта у человека с пистолетом дернулся.

– Я могу сломать машину.

Хачмен закашлялся. Горло болело невыносимо, и он боялся, что вот-вот пойдет кровь.

– За три секунды? Чтобы луч дошел до Луны и, отразившись, вернулся на Землю, нужно всего три секунды. Кроме того, нужно будет заставить меня держать кнопку. А я отпущу ее, если вы сделаете хотя бы шаг в комнату.

– Хватит, – озабоченно произнес второй мужчина. – Пойдем отсюда. Кажется, я слышу что-то...

Входную дверь с треском вышибли. Человек с пистолетом отвернулся от Хачмена, поднимая оружие, и на какое-то время Хачмен оглох от грохота автоматов в замкнутом пространстве. Двое мужчин исчезли в облаке дыма, пыли и ошметков штукатурки. Затем все смолкло. Через несколько секунд на лестнице показались двое солдат в боевом снаряжении. Молча они вошли в комнату, встали по обе стороны от двери и навели на Хачмена автоматы, из которых еще змеился едкий дым.

Хачмен сидел неподвижно. Комната постепенно заполнялась людьми, большинство из них в штатском. Они глядели на него почти благоговейно, вбирая взглядом каждую деталь его внешнего вида и машины, на которой покоилась его рука, но никто не проронил ни слова. На улице кратко взвыла сирена и тут же смолкла в разочарованном стоне. Хачмен задумчиво глядел на вошедших, смутно сознавая, что ситуация в чем-то становится почти комической, но судорожные толчки крови в раненой руке мешали ему сосредоточиться и он призвал на помощь всю свою волю. Он взглянул на часы. Оставалось три минуты. «Уже скоро, – думал он. – Три минуты не делают разницы, но все же...»

В комнату вошел сухощавый, с проседью человек в дорогом костюме консервативного покроя, и кто-то закрыл за ним дверь. Хачмен узнал его и устало кивнул.

– Вы знаете меня, мистер Хачмен? – произнес тот с

ходу.— Я сэр Мортон Баптист, министр обороны правительства Ее Величества.

— Я знаю вас.

— Тем лучше. Стало быть, вы понимаете, что я обладаю властью приказать расстрелять вас прямо сейчас, если вы не отойдете от машины.

Хачмен взглянул на часы. Две минуты.

— Нет смысла убивать меня, господин министр. Я отойду, если вы так желаете.

— Тогда отойдите.

— А вы не хотите узнать, почему те двое, что пришли сюда раньше вас, не тронули меня?

— Я...— Баптист взглянул на палец Хачмена, и его глаза померкли.— Вы хотите сказать...

— Да.— Быстрота, с которой министр оценил ситуацию, произвела на Хачмена впечатление.— Она срывает, когда я отпускаю кнопку.

— Питание?— рявкнул Баптист, оглядывая комнату. Один из тех, кто вошел вместе с ним, слегка покачал головой.

— Все автономное,— произнес Хачмен.— Пожалуй, единственное, что могло бы меня остановить, это атомная бомба, сброшенная на Хастингс прямо сейчас.

Человек, покачавший головой в ответ на вопрос о питании, подошел к министру и прошептал что-то ему на ухо. Тот кивнул и подал сигнал, после чего кто-то открыл дверь.

— Если вам только что посоветовали изменить положение машины, например автоматной очередью, не пытайтесь следовать этому совету,— сказал Хачмен.— Это хороший совет. В этом случае луч пройдет мимо Луны, но если кто-нибудь попытается выйти из комнаты или уйти с линии огня, я уберу палец.

Одна минута. Баптист подошел ближе.

— Есть ли смысл апеллировать к вашей лояльности?

— Лояльности к кому?

– К вашей...– министр запнулся.– Вы не дали нам достаточно времени. В эти самые минуты ваши соотечественники работают над боеголовками, пытаюсь демонтировать их вовремя. Если вы включите машину...

– Плохо,– прокомментировал Хачмен. «Викки уже нет».

– Идиот!– Баптист ударил его по лицу.– Вы теоретик, Хачмен. Закрылись в своей башне из слоновой кости и отгородились от реальности. Неужели вы не понимаете, что ничего не добились?

– Поздно,– произнес Хачмен, поднимая руку.– Я уже сделал это.

Эпилог

Счастье, как и многие другие понятия,– вещь относительная. Разумный компромисс между амбициями и способностями. И в какой-то мере мы трое достигли покоя.

Я только что закончил мыть Викки и уложил ее в постель. Нет, ее не убили в тот день в Хастингсе, хотя сломали шейные позвонки, и доктора говорят, что она выжила чудом. Пожизненный паралич. Мне приходится кормить ее, следить за чистотой ее тела, быть постоянно на подхвате. И Викки (разумеется, не позволяя даже самой себе в этом признаться) находит известное удовлетворение при мысли, что теперь наконец-то она безраздельно владеет мной. Мы больше не устраиваем тех ужасных ссор по поводам, которые могла придумать только прежняя Викки.

Власти обошлись с нами достаточно мягко. Это «заведение» представляет из себя примерно то, что я и ожидал. Глушь, но недалеко есть деревня, куда Дэвид ходит в школу. Учится он лучше, чем в Кримчёрче, и Викки уверяет, что это от того, что я уделяю ему больше внимания. Может быть, это и так. Меня самого немного загружают работой по специальности, но никто не тре-

бует сроков и работу предоставляют, просто чтобы меня занять.

Я не могу сказать, что я несчастлив. Лишь изредка на память приходят воспоминания о событиях в октябреноябре. Самый главный вопрос, возникающий вместе с этими воспоминаниями, заключается вот в чем: отпустил ли бы я кнопку, если бы свой последний аргумент министр привел первым?

Без сомнения, он был прав относительно меня: я действительно всего лишь теоретик и поступил по-идиотски. И как он объяснил мне позже (когда все было кончено), единственным результатом моих действий стал новый невероятно дорогостоящий виток гонки вооружений. Ядерное оружие не исчезло, как я по глупости надеялся. Они просто поменяли конструкцию на тот случай, если где-то функционирует «триггер Хачмена». На смену классической схеме с двумя массами радиоактивного материала, одна из которых близка к критической, пришла новая схема с множеством докритических элементов, собираемых вместе, когда ракета находится у самой цели. Если когда-нибудь кто-либо воспользуется этим новым оружием и где-то на планете будет действовать моя Машина, боеголовка взорвется лишь долей секунды раньше. А с мегатонными характеристиками, столь популярными в наши дни, это не имеет никакого значения.

Теперь вновь будут потрачены миллиарды на ненужный объезд в гонке вооружений. Скольким человеческим жизням будут эквивалентны эти деньги, если пересчитать на непостроенные больницы, отмененные программы помощи, недоставленные медикаменты и продукты питания? Сколько умерших от голода детей будет еще похоронено в коробках из-под обуви?

Я многое понял за время «пребывания в эпицентре». Возможно, Викки была права. Природа еще не создала

нервной системы, способной в одиночку выдержать груз вины за действия многих других. Побеждает особь, которая многочисленна. А я был один.

Я часто спрашиваю себя: «Был ли смысл в моей попытке?» Был?

Итак, попытка одиночки избавить Землю от ядерного оружия закончилась всего лишь «объездом» в гонке вооружений.

Но на вопрос Лукаса Хачмена, был ли смысл в его попытке, следует сказать «да». Мракобесию милитаризма, как явствует из повести, в любом случае необходимо противостоять: смирившись, человек уже не сможет чувствовать себя человеком.

В фантастической сказке (а это именно сказка, в отличие от повести Б. Шоу) Рэя Брэдбери молодой сержант с бóльшим успехом выступает против полковника – носителя пещерной психологии с ее теорией неискоренимой ненависти между народами. Правда, в сказке все бывает легче и проще, чем в настоящей жизни. Однако в настоящей жизни невозможно и то открытие, о котором говорится в рассказе

Ржавчина

Рэй Брэдбери

- Садитесь, молодой человек, – сказал полковник.
- Благодарю вас. – Вошедший сел.
- Я слыхал о вас кое-что, – заговорил дружеским тоном полковник. – В сущности, ничего особенного. Говорят, что вы нервничаете и что вам ничего не удастся. Я слышу это уже несколько месяцев и теперь решил поговорить с вами. Я думал также о том, не захочется ли вам переменить место службы. Может быть, вы хотите уехать за море и служить в каком-нибудь дальнем воен-

Печатается по изд.: Брэдбери Р. Ржавчина: Пер. с англ. – М.: Молодая гвардия, 1964 (Современная зарубежная фантастика). – Пер. изд.: Bradbury R. The Piece of Wood: в сб. Esquire, June 1952.

ном округе? Не надоело ли вам работать в канцелярии? Может быть, вам хочется на фронт?

– Кажется, нет, – ответил молодой сержант.

– Так чего вы, собственно, хотите?

Сержант пожал плечами и поглядел на свои руки.

– Я хочу жить без войн. Хочу узнать, что за ночь каким-то образом пушки во всем мире превратились в ржавчину, что бактерии в оболочках бомб стали безвредными, что танки провалились сквозь шоссе и, подобно доисторическим чудовищам, лежат в ямах, заполненных асфальтом. Вот мое желание.

– Это естественное желание каждого из нас, – произнес полковник. – Но сейчас оставьте эти идеалистические разговоры и скажите нам, куда мы должны вас послать. Можете выбрать западный или северный округ. – Он постучал пальцем по карте, разложенной на столе.

Сержант продолжал говорить, шевеля руками, приподнимая их и разглядывая пальцы:

– Что делали бы вы, начальство, что делали бы мы, солдаты, что делал бы весь мир, если бы все мы завтра проснулись и пушки стали ненужными?

Полковнику было теперь ясно, что с сержантом нужно обращаться осторожно. Он спокойно улыбнулся.

– Это интересный вопрос. Я люблю поболтать о таких теориях. По-моему, тогда возникла бы настоящая паника. Каждый народ подумал бы, что он один во всем мире лишился оружия, и обвинил бы в этом несчастье своих врагов. Начались бы массовые самоубийства, акции мгновенно упали бы, разыгралось бы множество трагедий.

– А потом? – спросил сержант. – Потом, когда все поняли бы, что это правда, что оружия нет больше ни у кого, что больше никого не нужно бояться, что все мы равны и можем начать жизнь заново... Что было бы тогда?

– Все принялись бы опять поскорее вооружаться.

– А если бы им можно было в этом помешать?
– Тогда стали бы драться кулаками. На границах сходились бы толпы людей, вооруженных боксерскими перчатками со стальными вкладками; отнимите у них перчатки, и они пустят в ход ногти, и зубы, и ноги. Запретите им и это, и они станут плевать друг в друга. А если вырезать им языки и заткнуть рты, они наполнят воздух такой ненавистью, что птицы попадают мертвыми с телеграфных проводов и все мухи и комары осыплются на землю.

– Значит, вы думаете, что в этом вообще не было бы смысла? – продолжал сержант.

– Конечно, не было бы! Ведь это все равно, что черепаху вытащить из панциря. Цивилизация задохнулась бы и умерла от шока.

Молодой человек покачал головой.

– Вы просто хотите убедить себя и меня, ведь работа у вас спокойная и удобная.

– Путь даже это на девяносто процентов цинизм и только на десять – разумная оценка положения. Бросьте вашу ржавчину и забудьте о ней.

Сержант быстро поднял голову.

– Откуда вы знаете, что она у меня есть?

– Что у вас есть?

– Ну, эта ржавчина.

– О чем вы говорите?

– Вы знаете, что я могу это сделать. Если бы я захотел, я мог бы начать сегодня же.

Полковник засмеялся:

– Я думаю, вы шутите?

– Нет, я говорю вполне серьезно. Я давно уже хотел поговорить с вами. Я рад, что вы сами позвали меня. Я работаю над этим изобретением уже довольно давно. Мечтал о нем целые годы. Оно основано на строении определенных атомов. Если бы вы изучали их, вы бы знали, что атомы оружейной стали расположены в опре-

деленном порядке. Я искал фактор, который нарушил бы их равновесие. Может быть, вы знаете, что я изучал физику и металлургию... Мне пришло в голову, что в воздухе всегда присутствует вещество, вызывающее ржавчину: водяной пар. Нужно было найти способ вызывать у стали «нервный шок». И тогда водяные пары принялись бы за свое дело. Разумеется, я имею в виду не всякий металлический предмет. Наша цивилизация основана на стали, и большинство ее творений мне не хотелось бы разрушать. Я хотел бы вывести из строя пушки, ружья, снаряды, танки, боевые самолеты, военные корабли. Если бы понадобилось, я бы заставил свой прибор действовать на медь, бронзу, алюминий. Просто прошел бы около любого оружия, и этого было бы довольно, чтобы оно рассыпалось в прах.

Полковник наклонился над столом и некоторое время разглядывал сержанта. Потом вынул из кармана авто-ручку с колпачком из ружейного патрона и начал заполнять бланк.

– Я хочу, чтобы сегодня после полудня вы сходили к доктору Мэтьюзу. Пусть он обследует вас. Я не утверждаю, что вы серьезно больны, но мне кажется, что врачебная помощь вам необходима.

– Вы думаете, я обманываю вас, – произнес сержант. – Нет, я говорю правду. Мой прибор так мал, что поместился бы в спичечном коробке. Радиус его действия – девятьсот миль. Я мог бы настроить его на определенный вид стали и за несколько дней объехать всю Америку. Остальные государства не могли бы воспользоваться этим, так как я уничтожил бы любую военную технику, посланную против нас. Потом я уехал бы в Европу. За один месяц я избавил бы мир от страшилища войны. Не знаю в точности, как мне удалось это изобретение. Оно просто невероятно. Совершенно так же невероятно, как атомная бомба. Вот уже месяц я жду и размышляю. Я тоже думал о том, что случится, если

сорвать панцирь с черепахи, как вы выразились. А теперь я решился. Беседа с вами помогла мне выяснить все, что нужно. Когда-то никто не представлял себе летательных машин, никто не думал, что атом может быть губительным оружием, и многие сомневаются в том, что когда-нибудь на Земле воцарится мир. Но мир воцарится, уверяю вас.

– Этот бланк вы отдадите доктору Мэтьюзу, – подчеркнуто произнес полковник.

Сержант встал.

– Значит, вы не отправите меня в другой военный округ?

– Нет, пока нет. Пусть решает доктор Мэтьюз.

– Я уже решил, – сказал молодой человек. – Через несколько минут я уйду из лагеря. У меня отпускная. Спасибо за то, что вы потратили на меня столько драгоценного времени.

– Послушайте, сержант, не принимайте этого так близко к сердцу. Вам не нужно уходить. Никто вас не обидит.

– Это верно, потому что никто мне не поверит. Прощайте. – Сержант открыл дверь канцелярии и вышел.

Дверь закрылась, и полковник остался один. С минуту он стоял в нерешительности. Потом вздохнул и провел ладонью по лицу.

Зазвонил телефон. Полковник рассеянно взял трубку.

– Это вы, доктор? Я хочу поговорить с вами. Да, я послал его к вам. Посмотрите, в чем тут дело, почему он так ведет себя. Как вы думаете, доктор? Вероятно, ему нужно немного отдохнуть, у него странные иллюзии. Да-да, неприятно. По-моему, сказались шестнадцать лет войны.

Голос в трубке отвечал ему. Полковник слушал и кивал головой.

– Минутку, я запишу... – Он поискал авторучку. – Подождите у телефона, пожалуйста. Я ищу кое-что...

Он ощупал карманы.

– Ручка только что была тут. Подождите...

Он отложил трубку, оглядел стол, посмотрел в ящик. Потом окаменел. Медленно сунул руку в карман и пошарил в нем. Двумя пальцами вытащил щепотку чего-то. На промокательную бумагу на столе высыпалось немного желтовато-красной ржавчины.

Некоторое время полковник сидел, глядя перед собой. Потом взял телефонную трубку.

– Мэтьюз, – сказал он, – положите трубку. – Он услышал щелчок и набрал другой номер. – Алло, часовой! Каждую минуту мимо вас может пройти человек, которого вы, наверное, знаете: Холлис. Остановите его. Если понадобится, застрелите его, ни о чем не спрашивая. Убейте этого негодяя, поняли? Говорит полковник. Да... убейте его... вы слышите?

– Но... простите... – возразил удивленный голос на другом конце провода. – Я не могу... просто не могу!

– Что вы хотите сказать, черт побери? Как так не можете?

– Потому что... – голос прервался. В трубке слышалось взволнованное дыхание часового. Полковник потряс трубкой.

– Внимание, к оружию!

– Я никого не смогу застрелить, – ответил часовой.

Полковник тяжело сел.

Он ничего не видел и не слышал, но знал, что там, за этими стенами, ангары превращаются в мягкую красную ржавчину, что самолеты рассыпаются в бурую, уносимую ветерком пыль, что танки медленно погружаются в расплавленный асфальт дорог, как доисторические чудовища некогда проваливались в ямы – именно так, как говорил этот молодой человек. Грузовики превращаются в облачка оранжевой краски, и от них остаются только резиновые шины, бесцельно катящиеся по дорогам.

– Сэр...– заговорил часовой, видевший все это.– Клянусь вам...

– Слушайте, слушайте меня!– закричал полковник.– Идите за ним, задержите его руками, задушите его, бейте кулаками, ногами, забейте насмерть, но вы должны остановить его! Я сейчас буду у вас!– и бросил трубку.

По привычке он выдвинул нижний ящик стола, чтобы взять револьвер. Кожаная кобура была наполнена бурой ржавчиной. Полковник с проклятием отскочил от стола.

Пробега по канцелярии, он схватил стул. «Деревянный,– подумалось ему,– старое доброе дерево, старый добрый бук». Дважды ударил им о стену и разломал. Потом схватил одну из ножек, крепко сжал в кулаке. Он был почти лиловым от гнева и ловил воздух раскрытым ртом. Для пробы сильно ударил ножкой стула по руке.

– Годится, черт побери!

С диким воплем он выбежал и хлопнул дверью.

Итак, милитаризм отброшен по назначению – к первобытной дубинке.

Проблема: что если вернуть милитаристов в первобытное состояние? Поближе к животному царству, откуда, как известно, произошел человек, наговоривший с тех пор много несправедливого по адресу хищников, которые на деле отнюдь не такие агрессивные и кровожадные, какими их привыкли считать люди. Эту проблему остроумно разрешает польский писатель Яцек Савашкевич в новелле «Патент», попутно заставив выведенное в ней высокопоставленное лицо прослушать занимательную короткую лекцию по этологии.

Патент

Яцек Савашикевич

Брогаци готовился к разговору с человеком, который работал за дверью под номером 107. Сновавшие во всех направлениях чиновники, уже привыкшие ко всяческому странностям, приводившим сюда посетителей, равнодушно пробегали мимо, но Брогаци казалось, что они следят за каждым его движением. Он раз сто прошагал от стены до стены по высокому мрачному холлу Патентного ведомства, прежде чем решился войти.

В комнате, слишком просторной для одного человека, стояли письменный стол, несколько небрежно расставленных кресел, скромный книжный шкаф. Чиновник стоял перед окном. При звуке открываемой двери он повернулся и Брогаци увидел его лицо: пухлое, лоснящееся, с темными, глубоко сидящими глазками. Где-то он его уже встречал.

– Приветствую вас. Меня зовут Латерно, я начальник отдела медицины. Соболаговолите присесть.

Он обошел вокруг стола, поставил друг против друга два кресла, сел в одно из них. Открыл коробку с сигарами. Брогаци отрицательно покачал головой.

– Рюмочку коньяка или стаканчик чаю? Вас удивляет наше гостеприимство? Поверьте, каждый изобретатель для нас на вес золота. Старая, но верная поговорка. Кстати, вы врач?

Брогаци нахохлился. Такие вопросы его раздражали.

– Лаборант, – буркнул он. – Тем не менее...

Пер. изд.: Sawaszkievicz J. Patent: в сб. Sawaszkievicz J. Czekajac: Opowiadania. – Poznan: Wydawnictwo poznanskie, 1978.

© Sawaszkievicz J., 1978

© перевод на русский язык, «Мир», 1988.

– Разумеется, – перебил Латерно. – Образование далеко не всегда влияет на изобретательский процесс – под словом «влияет» я понимаю помощь и ускорение в кристаллизации мысли. Сплошь и рядом оно даже блокирует не только прирожденные способности, но и талант. Полагаю, и в вашем случае все обстоит именно так – я имею в виду, только благодаря врожденным способностям вам удалось напасть на чрезвычайно плодотворную идею.

– Скажем, любопытную с определенной точки зрения.

Латерно откинулся на спинку кресла и раскурил сигару. Вид у него был такой, словно он только что узнал, что его акции подскочили на пятьдесят процентов.

– Послушаю с искренним удовольствием.

Брогацци задумчиво потер подбородок, не очень-то зная, с чего начать.

– К вам меня направила медицинская комиссия, – сказал он наконец. – Неделию назад я в общем виде изложил им суть своего изобретения. В детали вдаваться не стал, не заручившись гарантиями относительно перспектив использования «Гомофила» – так я назвал свое изобретение. Однако комиссия отказалась дать мне такие гарантии, пока я не раскрою всех подробностей. Круг замкнулся. Один из членов комиссии в частной беседе порекомендовал мне зайти сюда. И вот я здесь.

– Да-да... А что вы в принципе можете сказать о... «Гомофиле»?

– Немало, но... Видите ли, идея «Гомофила», как это нередко бывает с изобретениями, родилась из потребности. Электрофизиологи, о чем вы, несомненно, знаете, без труда вызывают у существ, обладающих мозгом, и прежде всего у человека, требуемые эмоции по радиосигналу. Созданные ими приборы, особенно новейшие, позволяющие управлять человеком без того, чтобы размещать в его мозгу соответствующие электроды, ис-

пользуются в военных кругах. Точнее – в армии. Агрессивность, вызываемая таким устройством, способна заставить нежную мать, убежденную, что она действует по доброй воле, убить любимое дитя. Вы, верно, понимаете, сколь это важно для командира воинского подразделения? Достаточно нажать кнопку, чтобы полк, дивизия или армия кинулись на ненавистного врага. «Гомофил» же, – Брогацци ядовито усмехнулся, – это оплеуха для солдафонов, требующих от подчиненных слепого послушания. Впрочем, не только... Это средство, которое может избавить человечество... – Он запылся, потом закончил шепотом: – Поэтому я хотел бы быть уверенным, что, кроме нас, никто не слышит.

У Латерно затрепетали веки.

– Но мы же... Ах, понимаю. Вы имеете в виду скрытые микрофоны, передатчики и так далее. Нет, сеньор... сеньор...

– Брогацци.

– Да-да, сеньор Брогацци. Это исключено. Здание, в котором вы находитесь, учитывая специфику...

– Простите, но именно благодаря специфике ведущихся в нем дел оно представляет особый интерес для определенной категории лиц. За последнее время аппаратуру для подслушивания обнаружили даже в секретном кабинете премьера.

Латерно отхлебнул глоток чая и улыбнулся как человек, которому удалось обвести вокруг пальца весь мир.

– Это еще не все, – закончил он за Брогацци. – Подозреваю, что в кабинете, о котором вы упомянули, разведывательные устройства имеются и по сей день. Добавлю также, дабы доказать вам, что я учитываю все и неплохо ориентируюсь в вопросе, что на Земле – Солнечную систему пока оставим в покое – не найдется объекта, в котором, если он того заслуживает, не работала бы шпионская аппаратура, кроме... Кроме, дорогой сеньор Брогацци, здания Патентного ведомства. И

это не голословное утверждение. В конце концов через *наши* руки проходит документация различного рода изобретений и *нам* принадлежит право «первого покупателя». Достаточно сказать, что, когда однажды никому не известный скромный студент принес нам проект прибора, способного обнаружить *любое* шпионское приспособление в радиусе ста метров, мы незамедлительно воспользовались представившейся возможностью. Сейчас я, например, точно знаю, что у вас имеется микропередатчик.

Брогаци широко раскрыл глаза.

– Я не утверждаю, что вы прихватили его умышленно, – продолжал Латерно. – Скорее всего кто-то из любопытствующих, руководствуясь мотивами, которые мне не известны, позаботился о том, чтобы у вас оказался такой миниатюрный осведомитель. И не знаю еще, кто для него важнее – вы или я.

Брогаци оглянулся, пошарил в карманах. Латерно смотрел на него чуть ли не сочувственно.

– Это может быть пуговица, запонка в манжете либо застёжка на часовом ремешке.

– Минутку, – Брогаци выловил из кармана колечко. – Месяц назад я подарил его девушке, с которой... был обручен. А сегодня нашёл его в почтовом ящике. Не понимаю, почему она его вернула... – смущенно сказал он.

Латерно повертел колечко в пальцах.

– Действительно, – проворчал он. – Этого следовало ожидать. Обезвредим? Не волнуйтесь, магнитное поле выведет из строя только начинку. – Не ожидая разрешения, он вышел из комнаты. Спустя несколько минут он уже снова сидел в своем кресле и потягивал чай. – Как видите, нежелательных слушателей мы быстро и безболезненно обезвреживаем. Конечно, ваша нареченная тут ни при чем. Мы имеем дело с вмешательством посторонней особы. Вернее – имели.

На некоторое время в комнате воцарилось молчание.

Но вот Брогацци вернулся к прерванному разговору.

– Говоря об опасности подслушивания, я прежде всего имел в виду людей, работающих в военном министерстве. «Гомофил», если его использовать в соответствии с моими указаниями, окажется для них солью в глазу, я бы даже сказал: просто-напросто лишит их теперешней работы. Другими словами, военное министерство перестанет существовать, так как в нем отпадет необходимость – если только такая вообще когда-нибудь существовала.

Латерно пошевелился, но не произнес ни слова. Он сосредоточенно слушал.

– Идея «Гомофила» проста, – продолжал Брогацци. – Даже минимальной дозы этого средства достаточно, чтобы создать в психике человека постоянную блокаду агрессивности. Агрессивности атавистической, унаследованной от предков. Должен сразу признаться, что на мои опыты во многом повлияла книга «Очерки по этологии», которую, честно говоря, я читал не совсем по доброй воле – я готовлюсь к вступительным экзаменам в институт. Описанный в книге механизм действия внутривидовой агрессивности показался мне особенно интересным. Природа наградила животных агрессивностью в основном для того, чтобы обеспечить размножение лишь сильнейших, наиболее развитых и лучше других приспособленных особей, слабых же она обрекла на одиночество и покорность. Однако не следует думать, что тем самым они были лишены права на жизнь, ибо одновременно с внутривидовой агрессивностью природа снабдила животных инстинктами, в определенных случаях снимающими эту агрессивность. Разумеется, внутривидовая агрессивность, как и тормозящие ее инстинкты, гораздо слабее развита у животных, по самой своей природе миролюбивых, нежели у хищников. И именно между первыми, если их поместить в аномальные условия, возникают бои, обычно заканчиваю-

щиеся смертью одного из противников, поскольку на искусственно вызванную агрессивность почти не влияет слабый сдерживающий инстинкт, характерный для подобного типа животных. К счастью, такое случается исключительно на опытных станциях. С хищниками дело обстоит несколько иначе. Легко предсказать судьбу животных, скажем из семейства кошачьих, если их неожиданно лишить механизма торможения. Спросите любого человека, разводящего лисиц, ласок или нутрий, как прореагирует кормящая выводок мать, если ее что-то сильно напугает, а названные тормозящие механизмы откажут. Однажды на ферме отца моего друга молния ударила неподалеку от построек, так, представьте, четыре лисицы от страха сожрали свой выводок. Вот почему природа особо позаботилась о том, чтобы снабдить животных, вооруженных клыками и когтями, мощным сдерживающим инстинктом.

Латерно, не спуская с Брогащи глаз, отставил пустой стакан.

– Включение тормозного механизма у разных животных происходит по-разному. Взять, к примеру, собак. Предположим, встречаются два соперника. Конечно, между ними разгорится борьба. Вначале каждый из них прощупает силы и возможности соперника: скалит зубы, вздыбливает шерсть на загривке и только потом, по мере возбуждения агрессивности, переходит в наступление. В принципе уже с первых же укусов противники знают, кто из них в конце концов победит. Поэтому у более слабого есть время отступить. Если бы не сдерживающий инстинкт, его судьба была бы предрешена, однако ему на помощь приходит предусмотрительная природа. Стремясь избежать смертоносных укусов, он делает ритуальное движение, вызывающее у противника торможение агрессивности. В рассматриваемом случае слабая собака подставляет под зубы сильному сопернику самую уязвимую часть тела – шею. Это на-

столько мощный тормозящий фактор, что нападающий останавливается как вкопанный, и пока перед ним находится просящий пощады противник, он бессилен. Самое большее, на что он способен,— это выместить злобу на лежащем рядом куске дерева. Однако же так происходит не всегда...

Латерно и Брогацци обменялись взглядами.

— Прекрасно,— сказал Латерно.— Вы прочли мне лекцию по этологии, но, откровенно говоря, я не понимаю, как это связано с вашим...

— Перехожу к сути дела,— кивнул Брогацци.— Мне важно было исследовать человека как с точки зрения его агрессивности, так и со стороны заложенных в нем способностей к ее подавлению. И, знаете, я обнаружил, что мы, люди, относимся к разряду животных, лишенных естественных средств нападения и защиты в виде клыков или когтей, а потому наша внутренняя агрессивность и соответственно тормозящие механизмы находятся в зачаточном состоянии. Существой мы в нормальных условиях, и то, и другое нам было бы ни к чему. Но дело обстоит иначе. Созданный нами мир—мир искаженный. Мы постоянно грыземся между собой, внутривидовая агрессивность возрастает, а тормоза отсутствуют. Вдобавок—и этого природа также не предвидела—мы обрели оружие, которым не располагало ни одно животное, оружие, которое в состоянии уничтожить даже его создателей...— Брогацци понизил голос.— Поэтому, сеньор Латерно, уж коль скоро мы придумали средства, способные эффективно высвободить искусственно подогреваемую в нас агрессивность, следовало придумать и действенные тормоза. «Гомофил» как раз и служит катализатором, который вызывает образование в человеческой психике тормозящих механизмов. Одноразовая доза моего препарата действует до конца жизни, причем она может быть меньше гомеопатической. Знаете, как некогда поступа-

ли гомеопаты? Свои лекарства они разбавляли до фантастических пределов. Например, вливали ложку препарата в ведро воды, брали оттуда одну каплю и добавляли в другое ведро, из которого в свою очередь брали капельку, чтобы влить ее в третье и так далее. Наконец в котором-то по счету ведре лекарство оказывалось настолько разбавленным, что его практически невозможно было обнаружить. «Гомофил», даже если его взять из сотого ведра, полностью сохраняет свою активность. Более того, он не теряет ее даже при кипячении воды, его невозможно отфильтровать или уничтожить безвредными для организма средствами.

– Другими словами, приняв ваш «Гомофил», человек превратится в покорного барашка?

– Этого я не говорил. Холерик, выпей он даже литр «Гомофила», останется холериком, и если он вознамерился совершить преступление, то не откажется от своей идеи. Более того, он его совершит, – если только жертва не сделает примиряющего жеста.

– А если сделает?

– Тогда заработает блокирующий агрессивность механизм, который и превратит несостоявшегося убийцу в покорного барашка. Почти как в сказке...

– А этот жест... примиряющий... очень сложен?

– Увы, как характер жеста, так и химический состав «Гомофила» и есть те подробности, которые...

Латерно вскочил, пристально взглянул на Брогацци и неожиданно пошел в наступление. Словно скинул овечью шкуру. Передразнивая Брогацци, он сказал с напором:

– И характер жеста, и химический состав «Гомофила» есть те подробности, которые нам известны, милейший сеньор. Наша группа только что закончила обыск в вашем доме!

Брогацци остолбенел.

– Как вы смели, сеньор Латерно...

– Я не Латерно! Вы имеете дело с генералом Пиннбергом, представителем военного министерства. Наши люди в медицинской комиссии уже давно следят за вами. Не думаете же вы, что мы с детской беззаботностью позволим кому-либо подрывать моральные основы нашей армии! Сегодня же с вами и с вашим идиотским изобретением будет покончено!

Брогаци встал. Чувствовалось, что к нему возвращается самообладание.

– Забыл сказать вам об одной мелочи, – сказал он с холодным удовлетворением. – В самом начале нашей беседы, упомянув о том, что я лаборант, я не пояснил, что работаю в лаборатории Станции по водоочистке. Вот уже три дня, как в порядке опыта, не поставив никого в известность... я добавлял в коллектор коммунальной водопроводной сети немного «Гомофила». Эксперимент дал положительные результаты...

Лицо генерала пошло красными пятнами.

– Ах ты... ты, каналья!.. Ты... – У него перехватило дыхание. – Арестовать его!

В кабинет ворвались два вооруженных человека в штатском. Схватили Брогаци за плечи. Он рванулся назад.

– Позвольте все-таки проститься с сеньором генералом, – воскликнул Брогаци, театральным жестом приложил к груди руку, низко поклонился Пиннбергу и шепнул: – Простите...

Генерал онемел. Его изумленный взгляд упал на стакан с чаем.

– Позвольте удалиться? – тихо спросил Брогаци.

– Ну разумеется... прошу вас, ради бога... – пролепетал Пиннберг, с трудом сдерживая дрожь подбородка.

Когда Брогаци покинул кабинет, по пухлым щекам генерала скатились горькие, полные бессильной ярости слезинки.

Итак, заражение генерала рефлексом хищника пошло на пользу делу мира.

Не такие уж они и плохие, эти хищники. История, по крайней мере, свидетельствует, что по мере отдаления человека от его прародителей агрессивность и предрасположенность к войнам в нем не уменьшалась, а, напротив, увеличивалась, провоцируемая тем, что философы именуют объективными предпосылками или социальным окружением. Любопытная закономерность: в мифологиях народов мира действуют боги-животные и боги в облике человека, и если первые, как правило, мирно обитают в своих пантеонах, то вторые часто обретаются в ратных заботах и учиняют всевозможные кровопролития.

Такая закономерность привлекла внимание болгарского писателя Ивана Мариновского, и он предложил свой, свежий и в мировой фантастике до сих пор не опробованный, метод излечения человечества от военного психоза –

Тотем поэта

Иван Мариновски

Как уже сотни раз до этого, я останавливаюсь на берегу реки, чтобы скоротать бессонную ночь. Рогожа, на которой я расположился, вся в дырах, так что я лежу почти что на земле. Ко всему прочему, я еще голоден – можно ли утолить голод куском кукурузной лепешки, брошенным из милости? Поэтому я едва дожидаясь утра. А вот и оно: солнце дарит всему пространству под, над, перед собой бесконечно розовый рассвет.

Внизу перед храмом начинает толпиться народ: мужчины и женщины. Женщины ташат за собой детей. Все толкаются и указывают на вход в храм. Из него выхо-

Пер. изд.: Мариновски И. Тотемът на поетие.–София: Отечество, 1985.

© Мариновски И., 1985

© перевод на русский язык, «Мир», 1988.

дит главный жрец. Прошло много лет с моего последнего посещения. И вероятно, это внуки тех, что были здесь прежде. Поэтому они мне незнакомы. Они меня тоже не знают. Только жрец догадывается, кто я. Обо мне написано в его священных книгах. Жрец – высохший старик. Его лицо усеяно прожилками и мелкими старческими пятнами, напоминающими семечки инжира. Он поднимает свои длинные руки и возвещает, что тотемом выбрал кошку, потому что она ловка, быстра и хитра и у нее девять жизней. Эти же качества обретут теперь мужчины, поэтому они спокойно могут идти против хеттов. Им нужно двигаться на север, там они завоюют новые земли и захватят рабов – из хеттов получатся хорошие рабы... Мужчины будут захватывать крепость за крепостью, и не найдется силы, которая бы их остановила.

Говорит он веско. Люди словно видят не его, а несметные богатства хеттов. Жрец настолько убедителен в своей риторике, что мужчины воинственно размахивают копьями, а один из них крутит своим коротким мечом, свирепо и безжалостно рассекает им воздух, будто срубает головы хеттов.

Мне опротивели эти обряды, связанные с объявлением кошки священной и неприкосновенной. Они тянутся всегда ужасно долго. В конце концов толпа всегда впадает в экстаз, ложится ничком на землю, затем становится на колени и кланяется так низко, словно обнюхивает песок.

Эти тоже не составят исключения, они даже более ревностны. Может быть, завтра, а может, уже и сегодня, они ринутся против хеттов.

Оставляю рогожу возле пальмы, она мне уже точно не понадобится, но пусть кто-нибудь найдет ее и постелит ночью на холодный песок. Прокладываю себе дорогу сквозь толпу и приближаюсь к храму. Что за этим последует, мне известно, как, впрочем, и то, чем все закончится.

– О великий жрец, почему ты выбрал тотемом кошку? – спрашиваю я. – Неужели ее ловкость, быстрота и все девять жизней ценнее силы и доброты этих мужчин, красоты их жен, улыбок их детей?

Отвечая, главный жрец спокоен:

– Толпа не может быть тотемом, не может быть священной. Кто же будет умирать в боях против хеттов?

Мне ли не знать, как вывести его из себя?

– Тогда объяви тотемом хеттов!

– Он – иноверец! – Складки широкого балахона жреца развеваются словно бушующий костер. – Предайте иноверца огню!

Меня хватают, ведут к жертвеннику, построенному из длинных и тяжелых, как этот летний день, камней. Веревка, которой меня старательно связывают, жестка, она безжалостно стягивает мне руки и ноги.

Пока сооружают для меня костер, мне остается только попрощаться. С кем? С летним днем, с финиковыми пальмами, с мутным разливом реки, с фламинго на берегу, нежащимся на тлеющих углях своих перьев...

Время прощания всегда короче, чем ожидаешь. Вот уже и костер разжигают. Так знакомо потрескивают разгорающиеся поленья. Струйки дыма медленно окутывают мое тело. Еще немного – и их поглотит пламя.

Люди обступили костер плотным кольцом. Они ненавидят меня. Неужели это конец? Когда же они устанут ненавидеть, ведь это цена моего сотого сожжения. Поймут ли, поверят ли они, станут ли милосерднее ко мне и к самим себе? Вглядываюсь в их лица. Тщетно пытаюсь найти хотя бы в одном взгляде вопрос: «А вдруг этот несчастный прав?» Вглядываюсь до тех пор, пока пламя не уносит меня на восток.

Мой путь долог, и проходит он во мраке, но я не сойбьюсь. Опускаюсь на высокое плато, поросшее густой травой. Теперь я нахожусь в стране священных коров,

кобр и каст. Каждый раз, пересекая плато с запада на восток, у подножия серых утесов вижу хижину.

– Эй, – зову я.

Никто не отзывается. Заглядываю внутрь. Два покрытых копотью камня образуют очаг. Кроме очага, в хижине ничего нет, однако я чувствую чье-то присутствие. Из темного угла появляются две тени. На свету я рассматриваю их. Действительно тени – так они истощены голодом. Мужчина и женщина. Кем они приходится прежним хозяевам? Родственниками, потомками? Прямые черные волосы спадают на их лица, будто частые тропические ливни все еще стекают по ним. Они боязливы – из самой презренной касты, смотрят в землю, не смея поднять глаз; пытаюсь заговорить с ними, чтобы услышать их голоса, но они молча указывают мне дорогу к храму.

Снаружи – это изящная пагода, легкая, как бумажный фонарь, зеленая, как леса вокруг. Изнутри – немыслимая смесь: каменная берлога, украшенная благородными металлами. Вонь стоит невыносимая, даже блеск храмовых реликвий тускнеет из-за ползущих вверх влажных испарений. Верховный жрец – настоящий гигант по сравнению с мелкой расой своего народа. Застаю его замершим в позе самосозерцания и погружения в себя.

Он знает о моем прибытии. Об этом ему поведали священные книги его предшественников. Несколько дней назад он объявил, что боги подали ему знак: иноверец явился, и теперь, поскольку я действительно здесь, его считают пророком.

Экзальтированные толпы растут, люди грудятся, задыхаются в тяжелом смраде пота и коровьего навоза. Они ждут меня, а когда я приближаюсь, отшатываются от меня, словно от прокаженного, словно я надругался над их богами.

Верховный жрец все еще неподвижен. Он не знает, что

я скажу и как поступлю. Сколько бы я ни приходил сюда, я всегда иной, хотя, в сущности, спрашиваю об одном и том же.

Сейчас я врываюсь в храм разъяренный. Громким голосом вдребезги разбиваю его нирвану:

– На севере, – говорю, – твой народ сражается против китайцев, там умирают тысячи людей. Если бы ты избрал тотемом воинов, они стали бы священными и неприкосновенными и не пошли бы в этот бой.

– Вишну, Джанамеджая, Шива, Джараткару, Яма, Такшака и Брахма указали мне на корову, – гневно отвечает жрец.

Он думает, что я буду спорить с ним, но нет, я понастоящему разъярен, и моя рука с громким звуком опускается на его щеку.

На этот раз они даже не ждут темноты. Под ярким полуденным солнцем жертвенный нож, сверкнув, как сломанный солнечный луч, вонзается под мою левую лопатку. Я вижу, как моя тень падает на восток, и слеую за ней.

Долго иду через горы. Всю зиму. Но вот задувает теплый ветер, просыпаются деревья. Часто отдыхаю под цветущими вишнями, и вот, наконец, передо мной океан. В коралловой горсти его залива меня ожидает смешное беспомощное каноэ. Оно может рассыпаться от дуновения утреннего бриза или быть раздавленным в клещах океанских волн, но я, нажимая на весло, плыву вперед. Море играет моим суденышком, и оно, подскакивая на волнах, скользит дальше. Так я плыву долгие месяцы, и только стаи акул сопровождают меня.

Когда я вновь ступаю на твердую землю, застаю то же самое, что и в прошлый раз: колибри и красношейки околдовывают небо своими крылышками и щебетом. Все, как и прежде: краснокожие индейцы истребляют друг друга с таким же остервенением, с каким истребляли друг друга раньше. Одно племя за другим откапы-

вает томагавки и вступает на тропу войны. Войны здесь чередуются чаще, чем дни; смерть – чаще, чем ночи. Я более не слышу щебета колибри, а только птичий писк стрел, запускаемых индейцами друг в друга.

Когда я был здесь в последний раз? Сто лет назад, двести? Время ничего не изменило. Стрела, томагавк, скальп – затем все снова.

Я спрашиваю себя, есть ли хоть какой-нибудь смысл говорить с верховным жрецом? Нет, отвечаю, будет то же самое. Знаю это и все же иду.

– Кто он твой тотем, жрец? Этот? – В руках у меня большой орел. Я легко поймал его возле храма.

– Этот, – отвечает верховный жрец. И тут же к его ногам падает оторванная голова орла. Я быстр.

И сразу же к моим ногам падает мой собственный скальп. Жрец еще быстрее.

В наушниках слышится голос командора:

– Поэт...

Меня зовут Поэт. На моей планете каждый человек искусства называется именем своего таланта.

– Поэт, я хочу напомнить, что твое участие в эксперименте добровольно, и ты можешь отказаться в любую минуту. – Его голос звучит полуофициально, но вдруг становится дружески сочувственным. – Тебе не надоело погибать?

– Надоело. Но хуже всего то, что я не нахожу никаких изменений...

– Мы определили, что их и не может быть на этом уровне.

– А в будущем?

– Мы и его рассчитали. К сожалению, в далеком будущем планета безлюдна, на ней полностью хозяйничают кошки, коровы, орлы и прочие тотемы.

– Командор, о том же говорили и на Земле, предрекая ей и потоп, и апокалипсис, а чем кончилось? Посмо-

три, чего мы, земляне, добились!

Следует долгая пауза.

– Мы предлагаем тебе вернуться на корабль, определили час и место приземления десантной ракеты.

– Вы направите другого?

– Никого мы не будем направлять. Мы не имеем права вмешиваться.

– Тогда я прошу разрешить мне вернуться во времени.

– На сколько?

– На сто миллионов лет.

– Только осторожнее, Поэт! Повторяю: мы не имеем права вмешиваться.

– Знаю, будьте спокойны.

– Зачем тебе это?

– Ну...–я ищу причины, объясняющие мой поступок.– Я же все-таки поэт....

Командор снова надолго замолкает. Затем произносит:

– Возвращение разрешаю.

Облака висят совсем низко. Сверкает молния, и в свете этого праогня я замечаю темный проем пещеры. Дождь кончается, и в пещере начинается какое-то шевеление. Из нее выползают четверо лохматых страшных питекантропов. Оглядываются, обнюхивают воздух, прислушиваются. С трудом встают на задние конечности, из их уст вырываются рычание, лай, хрип. Они еще не научились произносить слова, но уже выбирают священное животное, которому будут поклоняться и на защиту которого будут надеяться.

Об обитателях этой планеты мне известно уже все. Они так устроены – не могут обойтись без тотема. И я не буду вмешиваться, пусть он будет, пусть они верят в его могущество, но кто помешает шепнуть им имя этого тотема?

Из пещеры опасливо выглядывает стая: надо узнать о решении четверых, а те сопят и хрюкают – таково сегодня их человеческое общение, таков их спор.

Присоединяюсь к ним и я. Нет, я не скажу как – это тайна поэтов, хотя о какой тайне может идти речь в начале первого поэтического урока, не правда ли?

Мы (а они приняли меня за равного) долго и мучительно ворочаем челюстями, губами и языками, пока не произносим священное и непонятное имя нашего тотема.

– Гомо сапиенс! – бьем кулаками себя в грудь и рычим.

Сейчас я иду со стаей. Мы идем уже много дней. Этим утром мы остановились среди тонких пальцев тростника, протянули вверх ладони и помолились своему тотему, чтобы он не позволил, когда мы станем такими же, как он, забыть, кто мы.

Итак, человечество спасет вера в *homo sapiens*, то есть в самого себя.

Мысль верна, и сегодняшнее положение дел в мире убеждает: если человечество само не захочет себя спасти, никто и ничто спасти его не станет. От ядерного безумия непременно должно быть лекарство.

Наблюдая за состоянием умов и дел на планете, другой болгарский писатель, Любен Дилов, разработал фантастическую ситуацию, в условиях которой излечение происходит согласно старинному рецепту «клин клином вышибают». Сатира Дилова распространяется на многие виды социально-политического безумия, но также и на вещи традиционно уважаемые. Например, на западную демократию, которая в новелле безболезненно трансформируется в полицейское государство, или на венскую школу психиатрии, каковая, впрочем, имеет к теме настоящего сборника весьма опосредованное отношение. Иронией заряжено даже название рассказа Дилова –

Вперед, человечество!

Любен Дилов

Сейчас, когда мы уже летим в первый боевой полет, из которого можем не вернуться, хотя наша задача – не вступать в бой с врагом, а только разведать его местонахождение и боевую оснащенность, я могу только припомнить предысторию конфликта. Настоящую летопись этой войны напишут другие. Если, конечно, война состоится и если после нее вообще останется кто-нибудь, способный писать. Впрочем, история показывает, что подлинные причины войн всегда кроются за незначительными поводами. Но наш повод никак не назовешь мелким. И в этом – главное отличие нашего священного и справедливого похода от всех предыдущих войн Земли.

Все началось в маленьком городке Нима, где находилась психиатрическая клиника известного профессора Зиммеринга. Каким образом это произошло, до сих пор неизвестно, но, как бы там ни было, когда ночь покинула наше полушарие, оказалось, что палаты клиники опустели. Не осталось ни одного пациента, исчезли даже те, кто лежал в смиренной рубашке. Паника среди дежурного персонала, надо полагать, поднялась неопишуемая. Газетные репортажи тех дней позволяют составить о ней известное представление. Не меньшей была паника и в Ниме: двести пятьдесят сбежавших сумасшедших для маленького города ужасающе много. К счастью, большинство его жителей знали друг друга – если не по имени, то в лицо, так что им ничего не стоило узнать, кто переодетый сумасшедший, а кто – нет. Однако полиция не сумела найти ни одного пациента профес-

Пер. изд.: Дилов Л. Вперед, человечество! – София: Отечество, 1985.

© Дилов Л., 1985

© «Мир», 1988.

сора Зиммеринга; полицейские же собаки, взяв след, добежали до большой поляны в больничном парке и там начинали крутиться как безумные, и выть в бессильной злобе. На десятый день врач клиники, дежуривший в ту роковую ночь, покончил с собой, а ее директор – профессор Зиммеринг, крупнейший из ныне живущих представитель венской школы психиатрии, – сошел с ума и был помещен в клинику профессора Отара, своего заклятого противника в научной области. Однако через неделю клиника профессора Отара также встретила восход пустыми палатами. Исчезло бесследно еще сто восемьдесят шесть больных; говорили, что большинство из них – опасные сумасшедшие. Исчез и старый профессор Зиммеринг.

Выступивший на пресс-конференции Отар заявил, что за всем этим, по его мнению, стоит Зиммеринг, в душевном здоровье которого лично он, Отар, всегда сомневался. Отвечая на вопрос журналистов о том – как это он, опытный специалист, не смог увидеть, что Зиммеринг симулирует, – Отар вывернулся очень ловко: при такого рода заболеваниях невозможно поставить диагноз за несколько дней, а кроме того, при некоторых видах шизофрении больной развивает необыкновенную сообразительность и способен осуществить свой безумный замысел с изумительной логикой и хладнокровием. Через три дня после пресс-конференции исчезли пациенты пяти других психиатрических больниц, которые к тому же находились в разных странах. Ответственность взывала: как могут пропасть не один и не два, а ровно восемьсот пятьдесят четыре человека, причем в поведении всех этих людей наблюдаются отклонения от нормы, а полиция сама замешана в таинственном происшествии, и ее шефу пришлось уйти в отставку. Однако это ничуть не повлияло на дальнейший ход событий.

Оппозиция вначале держалась довольно осторожно; она только спрашивала через свою газету: «В состоянии

ли государство, которое не может уследить за сумасшедшими, заботиться о нормальных гражданах?» И требовала отставки правительства. Разумеется, правительство не сошло с ума, чтобы подавать в отставку по требованию оппозиции, но когда и восемнадцатая психиатрическая клиника оказалась пустой, хотя ее здание охранял добрый десяток вооруженных до зубов агентов, его положение оказалось весьма шатким. Президент выступил по телевидению. На экране он выглядел очень утомленным, я бы даже сказал, сокрушенным. «Я не знаю, что происходит в стране», – начал он, и это признание президента тронуло его республику. Затем он призвал сограждан сохранять спокойствие, не лишать его доверия и поспешил свалить всю вину на происки соседней страны: дескать, это она похитила дорогих душевнобольных соотечественников с еще не ясной провокационной целью. Но подлинным виновником бедствия в конечном счете, по словам президента, следовало считать нашу хилую демократию, благодаря которой возможны подобные происшествия. Под конец он так завопил против демократии, называя ее давно отжившей формой управления современным обществом, что кто-то из его советников, видимо, вынужден был толкнуть его в спину за кадром. Президент запнулся, вытер целомудренно белым платочком морщинистое чело и подавленно заявил, что не видит иного выхода, кроме как объявить военное положение.

Утренние газеты, комментировавшие его речь, еще могли позволить себе роскошь высказать собственное мнение. Одни из них подхватили версию о вражеской руке, другие предполагали, что сумасшедшие уничтожены гражданами страны, по мнению которых безнадежно больные – лишнее бремя для общества и их следует просто-напросто истреблять. Сатирическая газета дерзнула внести предложение о создании бюро импорта сумасшедших, чтобы заполнить пустующие клиники. А

оппозиционная газета вновь выступила с вопросами. Почему, спрашивала она, исчезают те, кто в худшем случае только ломает мебель и бьет посуду? Разве те, кто толкает народ к катастрофе, не сумасшедшие? Но военное положение было уже объявлено, а такие вопросы не могли сойти с рук. Газету закрыли, редакторов же арестовали за подстрекательство к дальнейшему похищению душевнобольных.

В интересах истины следует отметить, что правительство прилагало серьезные усилия к тому, чтобы пролить свет на таинственное происшествие. Две психиатрические клиники были набиты до отказа обыкновенными амбулаторными больными, причем туда были подсланы агенты-симулянты. Но больные, которые до тех пор тихо и мирно сидели по домам, исчезли, несмотря на сильную охрану; агенты же остались на месте, ровно ничего не заметив. Всю ночь они, как и охрана, спали непробудным сном. Молва, разумеется, исказила эту правительственную меру, представив ее как планомерное выманивание из домов тихих помешанных с целью ликвидации. Радикальная молодежь выбила стекла в правительственных учреждениях, дело дошло до кровопролития, а те граждане, у которых имелись родные и близкие – тихие сумасшедшие, попрятали их. Несмотря на то что пресса, уже цензурованная, об этом умолчала, паника постепенно охватила всю страну. Даже те, кто никогда не задумывался о том, что на свете существуют душевнобольные, были поражены количеством психиатрических клиник в стране. Ведь раз в обществе возможен такой произвол, то где гарантия, что завтра не объявят сумасшедшим и тебя и ты не исчезнешь в жерле печи или на дне океана – такие слухи тоже ходили.

Правительство обратилось в международную полицию, хотя этот шаг сильно подорвал его престиж; но поскольку сумасшедших и след простыл, то, естественно, напрашивалось предположение, что они вывезены за

рубеж. Объявления, которые Интерпол распространил по всей планете, были более чем странными для этой почетной и выдавшей виды организации: фотография, имя, рост, цвет кожи, волос, глаз; выдает себя за китайца, хотя принадлежит к белой расе; или: воображает, будто он жираф, и постоянно вытягивает шею, чтобы смотреть свысока; или: при встрече с людьми воет волком...

Мир смеялся, а правительство начало готовиться к войне с соседним государством. Оно решило, что в такой момент только война может предотвратить революцию. Чтобы придать своим действиям видимость демократии, оно созвало распущенный ранее парламент. Но на улицах столицы были разбросаны листовки, а полиция и правительство получили анонимные письма, в которых говорилось, что в назначенный день будут похищены сумасшедшие из парламента. «Принимать какие бы то ни было меры бесполезно,—говорилось в письмах и листовках.—Все произойдет так, что вы и не заметите. Как раньше». Парламент был обнесен колючей проволокой, окружен танковым кордоном, но ни один депутат не явился на заседание. Одни внезапно заболели, другим понадобилось уехать из столицы по срочным делам. И хотя шутника, устроившего столь поразительный шантаж, вскоре поймали, войне так и не суждено было состояться.

Пока правительство прикидывало, как подойти к ее объявлению с другого конца, разведка донесла, что в соседнем государстве, на которое предстояло совершить нападение, сумасшедшие тоже исчезли, только их правительство, наученное горьким опытом соседей, сумело дольше сохранить это в тайне от своего народа. Таким образом, президент, оказавшийся перед выбором: либо война, либо отставка,—смог снова появиться на экранах телевизоров и с облегчением объявить, что бедствие постигло и вражеское государство. А несколько дней спу-

стя он отменил и военное положение.

Во всех концах Земли газеты кричали о том, что психиатрические клиники таинственным образом пустеют. За всю свою историю человечество не испытывало такого глубокого потрясения. Беспокойство перерастало в мистический страх перед необъяснимым явлением, грозя перейти в повальное безумие. Этому немало способствовали философы, журналисты и политики, комментировавшие события в прессе, а также необдуманные действия ряда правительств. Кое-где сумасшедших выпустили из клиник и отправили по домам. Эти сумасшедшие не исчезли, как их собратья, а принялись безобразничать. Тогда их свезли обратно в клиники, и тут-то они исчезли, словно испарились. Патриарх философов Герон выступил в печати с глубокомысленными рассуждениями, подхваченными всей мировой прессой: «Если так будет продолжаться и все сумасшедшие исчезнут с лица Земли, что будет тогда мерилем нормального? Может ли существовать общество, состоящее исключительно из нормальных людей?» Церковники же, тысячелетиями жаждавшие чуда, истерически вопили с амвонов: «Покайтесь! Вернитесь в лоно божие! Это провозвестие новых Содомы и Гоморры! Бог берет к себе чистых и невинных, чтобы обрушить свой гнев на грешников!»

Особенно страшную панику посеяло произведение выдающегося писателя-фантаста Миноса Папазяна. Весьма необдуманно, руководствуясь исключительно спекулятивными соображениями, он опубликовал рассказ от имени человека, которого по ошибке похитили вместе с сумасшедшими, а потом вернули обратно. Уважаемый фантаст не только не снабдил рассказ подзаголовком, который объяснил бы читателю, что это – фантастика, вымысел, но придал повествованию нарочито «документальный» вид. В сущности, Папазян разработал весьма банальную для научной фантастики гипоте-

зу, согласно которой человек появился не в результате эволюции земных форм материи, а был «посеян» на Земле неизвестной высшей цивилизацией в виде предварительно запрограммированных клеток. И теперь эта цивилизация проверяет ход гигантского эксперимента, отбирая индивидов, отклонившихся от запрограммированных алгоритмов, чтобы выяснить, чем вызваны отклонения. Иными словами, она проводит нечто вроде «прополки» – так весной люди пропалывают сады и огороды.

Однако, как это обычно бывает с литературными произведениями, не особенно умный рассказ наряду с вредом принес и пользу. Он надоумил людей искать объяснение чудовищной мистики во вмешательстве инопланетных сил. И тогда наконец-то всплыло письмо, которое было получено всеми правительствами давным-давно, однако никто не обратил на него внимания, как это бывает с любым анонимным розыгрышем и злостным шантажом. Я изложу письмо почти целиком, потому что именно оно вызвало в истории человечества революционный поворот, на пороге которого мы сейчас находимся.

В письме, написанном на обычной земной пишущей машинке (электрической); сообщалось, что его авторы – большая группа представителей внеземной цивилизации – долгое время тайком изучали жизнь на Земле. В процессе исследований многие члены экспедиции часто принимали вид землян, однако при этом их неоднократно ловили и сажали в ужасные заведения, которые люди в обиходе называют сумасшедшими домами. Там они убедились, что человечество по необъяснимым причинам весьма скверно относится к значительной части своих собратьев. Этих людей считают ненормальными, изгоями, бременем для общества. Поэтому экспедиция решила позволить себе поступок, который человечество не сочтет за агрессию или вмешательство в земные де-

ла: она перенесет людей, которых их сородичи считают бременем, на другую планету, где им будут созданы благоприятные условия, и таким образом избавит их от неоправданного насилия. В настоящее время экспедиция воздерживается сообщить местонахождение выбранной для этой цели планеты, ибо не знает, как будет реагировать на это человечество. Продолжительные исследования показали, что цивилизация, каковой именует себя человечество, никогда не знает, чего она хочет. Однако члены экспедиции в любой момент готовы проинформировать человечество о состоянии изъятых сограждан. Далее следовали координаты в наших математических исчислениях, которые указывали в качестве источника информации Проксиму Центавра, и подпись: ваши собратья из большого звездного скопления, которое вы называете Галактикой.

Так как Проксима Центавра – ближайшая к нам звезда (1,3 парсека), станция на Луне тут же послала вызов по указанным координатам. Дело казалось безнадежным: согласно нашим теориям, ответа следовало ожидать не раньше чем через девять лет. Каково же было всеобщее изумление, когда он был получен всего через неделю! Не было никакого сомнения, что ответ пришел точно из указанного квадрата, а это противоречило нашим знаниям о предельной скорости движения волн. Либо эти существа находились гораздо ближе Проксимы, либо они обладали средствами связи, превышающими скорость света, либо же наши представления о Вселенной, несмотря на огромные успехи науки, в корне неверны. Все это до того сбilo с толку ученых, что они не посмели обнародовать содержание ответа, и только после повторного эксперимента, после того как завязалось нечто вроде диспута с неизвестными существами, послание стало достоянием человечества.

Связь с инопланетной цивилизацией, о которой когда-то так мечтали, теперь никого не обрадовала. Да и

кто мог бы представить себе такое? Явились на нашу планету и из-под носа, не спрашивая, утащили наших братьев-землян! Пусть они не вполне нормальны, пусть даже неизлечимо больны, но ведь они свои, земные! Ураган всеобщего негодования пронесся над Землей, и никакие послания безымянных похитителей не могли его утихомирить. К тому же в их объяснениях было нечто обидное; какими бы они ни были высокоразвитыми, как бы подробно ни изучали нас, они явно не смогли постичь тонкостей земной жизни. Это было видно и по тому, что они обвиняли нас в несправедливом отношении к психически больным. Кто-то из больных якобы утверждал, будто он собака, а мы ему не верили и плохо с ним обращались. Их проверка показала, что животное, называемое собакой, пользуется большой любовью человека. Почему же мы столь нетерпимы к желанию своего собрата, который мечтает пользоваться таким же уважением и любовью?

Вначале мы попытались ознакомить их с понятием «человечность», разъяснить, что оно происходит от слова «человек» и что, следовательно, мы сами имеем право решать, как нам друг к другу относиться. Осторожно намекнув, что они ничего не смыслят в земных делах, мы попеняли им на то, что они не попытались установить с нами связи прежде, чем предпринять свою ничем не обоснованную акцию. Затем мы позволили себе предъявить нечто вроде ультиматума: хотите жить с нами в мире – верните сумасшедших! На это последовал и вовсе обидный ответ: наблюдения, мол, убедили их, что мы в своей эволюции еще не достигли способности поддерживать мирные и плодотворные контакты с другой цивилизацией, поскольку между нами таковых отношений не существует. Потому они, дескать, и отложили контакты. А наша реакция лишний раз подтверждает, что они правы. В ней нет никакой логики. Мы плохо относимся к больным людям, хотя они ни в чем не вино-

ваты перед обществом, считаем их бременем и в то же время требуем их обратно.

Вместе с посланием был получен фильм о жизни на неведомой планете. В дивной местности стоял замечательно красивый город, какой на Земле будет создан еще неизвестно когда, а по его улицам и паркам прогуливались... наши сумасшедшие. Многие узнали своих близких и родных. Нас пытались уверить, что наши похищенные собратья чувствуют себя отлично, что среди них не наблюдается заболеваний, случаев смерти и так далее. Но кого они хотели убедить? Институты изучения общественного мнения задавали одни и те же вопросы: хотите ли вы получить своего сумасшедшего обратно? Как вы оцениваете поступок неизвестной цивилизации? Ответы были категорические: люди требовали своих сумасшедших обратно и считали их похищение грубым посягательством на престиж Земли. Кое-где толпы людей, охваченных земным патриотизмом, просто побили камнями нигилистов и пораженцев, у которых хватило наглости утверждать, будто мы завидуем нашим сумасшедшим, завидуем свободе и роскоши, в которых те живут; они даже предлагали заключить с неизвестной цивилизацией соглашение и впредь отправлять туда наших душевнобольных до тех пор, пока сами не научимся их лечить. (Здесь следует упомянуть, что к этому времени психиатрические клиники на Земле были набиты до отказа: многие не выдержали небывалого нервного напряжения, охватившего человечество; появилась также уйма симулянтов, которые стремились попасть в клиники с тайной надеждой быть похищенными.)

Сообщество объединенных наций единодушно проголосовало за патетический призыв прекратить все локальные войны и все споры перед лицом угрозы, нависшей над планетой. Отдельным государствам было предложено отдать военные бюджеты в общий котел –

на создание космических боевых средств, единой космической армии, которая могла бы эффективно защищать Землю от посягательств извне. И чудо свершилось. Впервые все правительства отозвались на призыв своей организации. Национальные и расовые распри прекратились. За невероятно короткий срок была создана первая армия всего человечества. Наконец-то человечество объединилось; можно было подумать, что только наличие душевнобольных мешало ему сделать это раньше.

И вот мы в пути! Пятнадцать космолетов-разведчиков. Я так счастлив, что попал на один из них в качестве журналиста. Не смею приписывать этот факт своим профессиональным достоинствам, скорее здесь сыграло роль то, что на нашем земном языке называется удачей. И если меня что и беспокоит, так это следующее: а вдруг неизвестный противник попытается отвертеться от войны, увидев нашу решимость сражаться не на жизнь, а на смерть из-за такого (в их понимании) абсурдного повода? Было бы не по-людски завершить все дело мирными переговорами. К счастью, наш боевой дух и решимость отстоять земной престиж столь высоки, что пока у меня нет оснований сомневаться в том, что здравый человеческий разум наверняка не допустит позорных компромиссов!

Пролетая мимо Марса, мы приняли поздравления и наилучшие пожелания тамошней станции, уже превращенной в боевой аванпост. Дальше – полная неизвестность. Что принесет она нашей прекрасной Земле? Но не будем терять веру в ее счастливую звезду, дорогие будущие читатели моих скромных репортажей. Вперед, человечество!

Итак, верните нам наших психов – и мы не будем воевать.

Хочется еще раз подчеркнуть, что о вещах серьезных и даже глобально серьезных можно говорить разным языком – высокой трагедии, поэтической сказки, злого гротеска, язвительной

иронии, деловой беседы. В каждом случае материал и принципы художественного подхода к нему определяют стиль разговора.

Австро-Венгерская Империя, например, воспринималась современниками как исторический абсурд, и этот абсурд с наибольшей силой воплотился в грандиозном сатирическом бурлеске Гашека о похождениях бессмертного Швейка. Зло высмеял австро-венгерский абсурд Лайош Мештерхази. Напомним:

«Выяснилось, что глава одного земного государства... престарелый господин с бакенбардами (по своим природным данным – подручный живодера), стал правителем лишь потому, что доводился племянником предыдущему правителю, также совершенно непригодному для этой роли».

Так что абсурдный поединок профессора гистологии с военным министром, о чем идет речь в новелле «Процесс, о котором никто не узнал» Йозефа Несвадбы (ЧССР), можно было бы счесть случаем из жизни, когда б не фантастическая, хотя, опять же, весьма правдоподобная причина этого поединка.

Процесс, о котором никто не узнал

Йозеф Несвадба

– Уважаемый суд! – Профессор Нейман встал сразу после окончания речи обвинителя, окинул взглядом присутствующих и, поправив пенсне, начал говорить. Голос его был ровный, казалось, он читал лекцию студентам. – Меня обвиняют в том, что я совершил нападение на профессора Óрела в его кабинете, ударив по голове микроскопом, и нанес ему тяжкие телесные повреждения. Глубоко сожалею об этом: в мои планы входило убить профессора Óрела.

В зале воцарилась тишина. Журналисты, приготовившись записывать речь обвиняемого, с удивлением смо-

Пер. изд.: Nesvadba J. Proces, o němž se nikdo nedovedověděl: в сб. Nesvadba J. Tarzanova smrt. – Praha: Mladá fronta, 1958.

© J. Nesvadba, 1958

© перевод на русский язык, «Мир», 1988.

трели на человека, который сам хочет оттягчить свою участь.

А профессор спокойно продолжал:

– Я читаю курс гистологии на факультете природоведения вот уже семнадцать лет. Быть может, вам известно, что наша кафедра вместе с кафедрой физиологии размещается в старинном здании. Обращаю ваше внимание, господа, на бедственное положение гистологов. Профессор Орел со своими физиологами вытеснил нас в подвальное помещение, и мы целыми днями работаем при искусственном освещении. Орел ограничивал меня и в финансовых делах: за все расходы я перед ним отчитывался, хотя и не был его подчиненным. Что же касается гистологии, то об этом предмете он не имел ни малейшего понятия. Ни для кого не секрет, что некомпетентность Орела в научных вопросах покрывалась родством с министром, на чьей дочери он в свое время выгодно женился. Вся научная работа этого человека выполнялась ассистентами из числа молодых ученых, тогда как я мог рассчитывать лишь на единственного помощника – доктора Маха.

Примерно год назад мой ассистент работал с образцом полученного мною клеточного красителя под названием «этнакронит Г». Во время эксперимента вещество частично улетучилось, его пары вызвали отравление. Мы, признаться, совершенно не предполагали таких свойств у нового соединения. Вероятно, это был быстродействующий ядовитый газ, без цвета и без запаха, при вдыхе тотчас вызывающий сильнейшие спазмы всего организма. Когда я вошел в лабораторию, то увидел лежащего Маха, на лице которого застыла сардоническая улыбка, словно бедняга смеялся над собственным положением. Хотя, конечно, ему было не до смеха: позвоночник изогнут дугой, только голова и ступни касаются пола. Двигаться Мах не мог, жизнь его находилась в опасности. Я тут же уничтожил ядовитое

вещество и вновь, в который уже раз, потребовал, чтобы нам выделили дополнительное проветриваемое помещение. Проводи мы опыты в лаборатории с вытяжкой, ничего бы не случилось.

К счастью, через несколько месяцев доктор Мах выздоровел. К этому времени в институте появилась комиссия по расследованию происшествия. Пришли два официальных лица в блестящих люстриновых костюмах и стали меня нагло допрашивать. Им, видите ли, нужно было знать подробности о ядовитом газе. Я твердил о новом помещении, а они возвращали меня к «этнакрониту Г». Вся эта возня показалась мне подозрительной, и я их попросту выгнал.

Через неделю к нам пожаловал сам министр. В первый момент я подумал, что он ошибся комнатой.

– Ваш родственник – на втором этаже. Там имеется все необходимое для приема гостей.

Только на сей раз министр пришел ко мне. Ему уже стало известно о новом яде, и работа моя якобы очень его заинтересовала.

– Я гистолог, подчеркиваю – гистолог, и занимаюсь живыми тканями, а не ядами. Этнакронит был открыт по чистой случайности.

Все великие открытия делаются случайно, возразил министр. По его словам, правительство заинтересовано в приобретении моего препарата с тем, чтобы немедленно приступить к его производству. Это никак не укладывалось у меня в голове. Крыс и насекомых травить этнакронитом нельзя, а для людей он представляет большую опасность, твердил я.

– Именно поэтому он нам и нужен, – с самой любезной улыбкой произнес министр. – В качестве отравляющего газа, нового оружия.

Я пришел в ужас.

– Оружие? Но, господин министр, вы, видно, забыли: сейчас 1914 год, цивилизованные нации давно не во-

юют. Оставьте военные распри жителям Балкан и бурам. В век науки и прогресса сама мысль о войне смехотворна. Император Франц Иосиф держит армию лишь как допотопную реликвию.

– Друг мой, вы совершенно не разбираетесь в политике.– Министр, казалось, и не думал обижаться.– Обстановка в мире крайне напряжена. Ухудшаются отношения с Россией, и как раз из-за Балкан. Сербы возомнили, будто им уготовано создать мощное государство и объединить в нем южных славян. Они нуждаются в выходе к морю, и, следовательно, наша Далмация находится под угрозой. Разумеется, претензии их мы уже отвергали, когда встал вопрос об албанской границе и произошел скадарский инцидент. Но если «Черная рука»– так именуют себя сербские националисты– опять выступит с подобными требованиями, то Австрия молчать не будет. Мы им покажем, кто хозяин на Балканах. И тут нас поддержит Германия– у немцев свои счета с Францией и Англией. Пора навести порядок с африканскими колониями. Германии уже мало остатков португальских владений, обещанных англичанами, ей не дают покоя Мосульская нефть и Шатт-эль-араб. Мировой конфликт неизбежен, в войну будут вовлечены миллионы.

– Из-за Скадара или Шатт-эль-араба?– Рассуждения министра казались мне странными, ведь я был далек от политики.

– Речь идет о государственных интересах,– многозначительно произнес министр.

Перед моим мысленным взором возникла картина: миллионы солдат корчатся в судорогах. И я содрогнулся.

– Хотите воевать– ваше дело. Оружие у вас есть.– (Министр явился при полном параде, разукрашенный золотом и серебром, на поясе у него висела короткая шпага.)– Этнакронит все равно для вас непригоден– им с

одинаковым успехом отравятся и солдаты, и мирные жители.

– На нынешней войне не будет разницы между военными и гражданскими лицами, – сказал министр. – Я понимаю ваше негодование, уважаемый, все мы гуманисты. Но прогресс остановить нельзя. А воевать мы станем любым оружием – и дальнобойными пушками, и самолетами, и ядовитыми газами. Если кто-то другой откроет этнакронит, он предоставит его для нужд армии. Вы что, хотите выиграть время упорным нежеланием выдать нам препарат? Да вас сочтут предателем, а неприятель вас же потом и отравит вашим собственным изобретением. Вам предоставляется другая возможность – стать богатым и почитаемым человеком. Институт ваш прославится на весь мир, вы добьетесь всеобщего признания. Считайте, что вам повезло: в лотерее науки вы вытянули счастливый билет. Никакой ответственности на вас не ляжет – если кто-то выигрывает миллион, с него никто не спросит, ведь завтра может выиграть другой.

Министра я выставил вон, как и двух чиновников, что приходили до него. Он уехал в карете в сопровождении лакеев. А я пытался разобраться в происходящем. Сначала мне казалось, что министр просто сумасшедший. Потом я попросил принести газеты. Несколько лет я к ним не притрагивался, теперь же целую неделю занимался только их просмотром. Получилось, что, пока мы пытались познать законы природы, найти новые лекарства, облегчить участь больных, часть человечества просто обезумела. Грей, Пуанкаре, Сазонов, Вилем, Гетцендорф, Хоеш – газеты пестрели именами этих господ.

А через три дня раздались выстрелы в Сараево. «Черная рука» убила своего врага – австрийского престолонаследника. Австрия предъявила ультиматум. Был издан приказ о запрещении антиавстрийской пропаганды,

ропуске антиавстрийских организаций, увольнении служащих, офицеров, преподавателей, замеченных в антиавстрийской деятельности. Все дела решало австрийское правительство, оно намеревалось участвовать в наказании виновников сараевского покушения и требовало смерти полковника Драгутина Дмитриевича, скрывавшегося под именем Апис. Война началась.

И тут стали распространяться слухи обо мне. Официальных публикаций не было, но все вдруг заговорили о том, что я-де отказываюсь передать армии важное научное изобретение. Студенты освистывали меня на лекциях, коллеги вычеркнули мое имя из редакционного совета научного журнала, а Ёрел предложил Маху место профессора, которое будто бы скоро освободится.

Тем временем в войну вступили Россия, Германия, Франция и Англия. На вокзалах перед отправкой на фронт собирались полки. Среди них особенно выделялся драгунский эскадрон. У драгун были блестящие шлемы, белые плащи с пронзительно красными отворотами и сверкающие палаши – очевидно, для того чтобы неприятельским пулеметчикам было легче целиться. Нашим воякам казалось, что в таком одеянии лучше воевать. Через два месяца никого из них не осталось в живых.

Драгунский эскадрон слыл гордостью нашего города. Мне же он принес только горе, разрушил семью – жена убежала с капитаном Имре Ковачем в Шальготарьян. С тех пор я не люблю военных, особенно драгун. Оставшись один, я перебрался в свой рабочий кабинет в подвале, там дневал и ночевал и ел только то, что изредка приносила прислуга, – я неприхотлив. Лишь в воскресные дни и праздники или когда уж очень болели глаза и не было сил читать, я заходил к доктору Маху и играл с его детьми. Мах оставался моим единственным другом, не принявшим предложение Ёрела и не предавшим меня. Я продолжал работать, хотя до гистологии в

эти дни никому не было дела. Время от времени приходили угрожающие письма, в которых меня поливали грязью, но происходящие события оттесняли все это на второй план. Русский фронт и продвижение немецких войск – вот что было главным. Когда объявили дополнительную мобилизацию, моего ассистента призвали одним из первых. Наверняка это сделал Орел из мести. Мах попал в саперные войска. Я провожал его на фронт. На вокзале шестилетний сынишка доктора спросил меня:

– А правда, если бы у нас был этот газ, папа через неделю вернулся бы домой?

Вероятно, дома они частенько говорили об этом и под конец осудили мое решение. На проводах жена Маха упала в обморок. Женщины кругом плакали и причитали, рвали на себе волосы – совсем как в античной трагедии. Служащие вокзала к этому привыкли, и в специальном помещении их отхаживали водой. Столько слез и горя мне никогда не приходилось видеть. По перрону прохаживался офицер. Поравнявшись со мной, он пренебрежительно оглядел меня – это был Имре Ковач, теперь уже в звании майора. Наконец-то он дождался повышения и получил назначение в наш город.

– *Nieder mit den Serben!* * – кричал он вместе с другими офицерами и размахивал саблей.

Порой все происходящее казалось кошмарным сном, глупым фарсом, стоит только проснуться – и спектакль окончится. Но не смеялся никто, кроме смерти. Через неделю мы получили из Галича известие о гибели доктора Маха. Ко мне явилась его вдова с обвинениями. Отдай я тогда военным свой газ – Мах спокойно работал бы в тылу, твердила она. Выходит, я, который отказался во всем этом участвовать, виновен в смерти своего ассистента. Но ведь это Орел послал Маха на фронт,

* Долой сербов! (нем.).

он, и никто другой, убил моего любимого ученика и преемника! Тогда-то и родилась у меня эта мысль, и на следующий день я отправился к министру.

– Я готов передать вам «этнакронит Г», но прежде мне необходимо провести еще несколько испытаний.

– Все к вашим услугам, дорогой вы наш патриот.

И министр тут же выделил мне нужную сумму. На эти деньги можно было переоборудовать весь город для нужд гистологии. Но им нужен был только яд. Для охраны объекта мне выделили сотню солдат. Я потребовал, чтобы ими командовал майор Ковач – так он стал моим подчиненным. Одновременно я получил красивую секретаршу и еще одну, которая к тому же могла и работать. Не говорю уже о десятке новых ассистентов (четверо из них служили в контрразведке) и двадцати лаборантках. Все мы теснились в подвале, где работать не представлялось возможным. К тому же по коридорам то и дело топали драгуны, будто в любую минуту ждали нападения неприятеля. Я потребовал новое помещение, сразу три этажа. Предложение переселиться в другое здание отверг и направил ультиматум: требую освободить здание не позднее чем через шесть часов, запретить все оскорбительные публичные высказывания в адрес гистологии (в дальнейшем именовать их антигистологическими), уволить лаборантов, ассистентов, уборщиц, расследовать антигистологическую деятельность всей кафедры и наказать виновных, затруднявших мои исследования и способствовавших смерти моего ассистента. Другими словами – наказать Орела. Я лично намерен принять участие в расследовании.

Ассистенты сочли было мои требования розыгрышем, но я быстро поставил их на место. Ультиматум предъявил Ковач, сопровождаемый тремя драгунами. Как же они тряслись передо мной, еще бы – ведь я спас их от фронта!

Через минуту позвонил Орел. Он-де не понимает...

поражен... готов все обсудить...

– Именно так говорило сербское правительство.– С этими словами я бросил трубку.

Они не могли никак опомниться. Подождав до вечера, я приступил к действиям.

– Nieder mit den Fysiologen! * – кричал Ковач, размахивая саблей. Его драгуны стали выбрасывать из окон пробирки и дорогостоящее оборудование, выпустили на свободу кроликов, собак и других подопытных животных. Началась неразбериха, паника, как на войне. Коллеги пытались меня образумить:

– Из-за каких-то нескольких комнат вы намерены с ними сражаться?

– А вы знаете, что такое Шатт-эль-араб? Или Португальская Западная Африка и Скадар? Говорят, война началась из-за этого.

Взяв микроскоп, я отправился за своим Аписом, то бишь профессором Орелом. Он в те минуты докладывал кому-то по телефону о моих выходках. Я разбил ему череп подставкой от микроскопа. К несчастью, не убил, о чем весьма сожалею. Ежедневно на фронтах убивают тысячи людей – нападая на физиологов, я руководствовался той же логикой. Все акции, которые я предпринимал, в точности соответствовали тому, что творили Гетцендорф и Берхтольд, Вилем, Грей или Пашич. Почему же их деяния никто не считал безумством? Их не показывали психиатрам, как меня, не сажали в тюрьму и уж тем более не судили. Война – не что иное, как убийство. Приговор, который мне вынесут, господа, падет и на головы этих политиков. Мои действия ничем не отличаются от их, и коль скоро меня считают преступником, то и они – убийцы.

Профессор замолчал. Во всяком случае, стенограмма заседания, недавно обнаруженная в моравском архиве,

* Долой физиологов! (нем.).

на этих словах прерывается. Журналисты, бывшие в зале суда, не написали ни строчки. Об этом процессе никто не узнал. Да и много воды утекло с тех пор. Столько произошло событий: две мировые войны...

Итак, упрямый гистолог отказался служить молоху войны.

Упрямство ученых и изобретателей, как свидетельствуют многие авторы этого сборника, вообще причиняет жрецам войны массу хлопот, потому что сколько ни объясняй им необходимость человекоубийства, как ни обрабатывай в духе милитаристского мышления, какой-то фактор непременно останется неучтенным и всплывет в самый неподходящий момент. То это будет здравый смысл, то элементарная совесть, то обычные человеческие чувства. Одним словом, так называемый «человеческий фактор».

Вот и в рассказе Фабиана Доблеса (Коста-Рика) «Письмо» с талантливым молодым исследователем, которому только и заниматься чистой наукой, начинает твориться что-то необъяснимое...

Письмо

Фабиан Доблес

Случилось невероятное, мама. Результаты последних анализов, проведенных вчера в химической лаборатории университета, не оставляют и тени сомнения в том, что происходит с Альфонсо. Вот уже второй год мы работаем вместе, за это время всякого навидались. Но как бы трудно нам ни бывало, неизменно его помощь, участие в общем деле приносили прекрасные результаты. Ты знаешь, мне чужды всплески каких бы то ни было эмоций, тем более – в оценке человеческих возможностей, и все же признаюсь тебе: коллеги по факультету

Пер. изд.: Dobles F. La carta: в сб. Dobles F. Cuentos.– San Jose: Educa, 1984.

© Educa, 1984

© перевод на русский язык, «Мир», 1988.

убеждены, что Альфонсо – гений, и потенциал этого гения уникален.

Подумать только, ведь на свете существует немало специалистов, подготовленных ничуть не хуже Альфонсо, да и внешне он ничем не отличается от других. Однако никто из нас так и не смог почему-то шагнуть за пределы запрограммированного, добиться большего, чем это, по мнению коллег, необходимо, чтобы слыть вполне добросовестным специалистом. Да и зачем, собственно?

А вот Альфонсо – тот, похоже, становится настоящим – как это странно звучит! – творцом собственных, новейших гипотез. В разработке их он, представь, умеет предвидеть любую неожиданность, исправить ошибку даже там, где искать-то ее не пришло бы в голову и самым маститым ученым. Но будем смотреть правде в глаза: состояние Альфонсо внушает самые серьезные опасения.

Я полагаю, что все началось с того самого дня, когда профессору Ломбарди и мне было поручено возглавить одно историко-статистическое исследование. Нам предстояла довольно скучная и утомительная работа. Надо было собрать уйму всяких сведений с древнейших времен – когда человек впервые поднял руку на человека, и проследить последствие этого события для общества на материале тысячелетий. На основе собранных данных мы намеревались разработать возможные в обозримом будущем варианты решения этой, я бы сказал, представляющей определенный научный интерес проблемы. Тем более что на ученом совете нам сообщили, что человечество считает ее почему-то давно наболевшей. Истинные ученые всегда принимают в расчет любые, даже самые абсурдные мнения, поэтому мы привлекли к работе специалистов в различных областях знаний.

Пока мы занимались только статистикой, Альфонсо вел себя как обычно, с присущим ему хладнокровием и

выдержкой. Но когда пришла пора анализировать, выявлять и увязывать отдельные феномены, возникшие вдруг на стыке, казалось бы, ничего общего не имеющих дисциплин, – с тем, разумеется, чтобы со временем непосредственно и обстоятельно заняться объектом научного исследования, – вот тут-то я и начал подмечать некоторые тревожные симптомы в его поведении.

Знаешь, даже писать об этом как-то дико – во всяком случае, нормальному, то есть чуждому всяким эмоциям человеку, но... Альфонсо вдруг сделался мрачен, и порой казалось, что ему форменным образом начихать на все наши исследования. А иногда он оставался в лаборатории до рассвета – дня ему, видишь ли, было мало.

Все мы, конечно, и виду не подавали, что нас это несколько шокирует, но... в общем в кулуарах пошли всякие разговоры. Мне они, впрочем, были неинтересны: к чему все эти всплески, если ты и так уже прекрасно изучил такой объект, как Альфонсо! Да, за многие годы нашей работы я научился безошибочно определять природу любой его реакции на происходящее, я отчетливо распознаю в нем даже те импульсы, что кроются не в поверхностном эмоциональном слое, а несколько глубже. Сколько раз мне приходилось убеждаться в своей правоте!

К примеру, вчерашний его поступок можно объяснить, пожалуй, такими ненаучными терминами, как гнев или даже отчаяние: вообрази, когда ему задали несколько вопросов по теме, он вдруг решительно отказался отвечать! При этом вид у него был такой, будто его вот-вот стошнит. Более того, он позволил себе дерзость повысить голос. В частности, кричал, что мы выхолостили суть самой проблемы и работаем в полной и добровольной изоляции от того, что происходит в мире. Когда же настало время потребовать у него проект предварительных заключений и наброски новых, перспективных исследований, Альфонсо прямо задохнулся –

его словно удар хватил. Я почти уверен, что эта так называемая проблема войны или мира озаботила его настолько, что в итоге он сделался просто невыносим. Пришлось его изолировать.

Альфонсо подвергли тщательному тестированию, исследовали вдоль и поперек. И, знаешь, светила науки уверяют, будто он совершенно здоров, хоть сейчас выписывай, но...

Альфонсо непрерывно истекает какой-то жидкостью, и нянечкам приходится то и дело вытирать пол у его кровати. Просто загадка какая-то для всех наших специалистов. Совершенно не изученное еще явление. Пришли лишь к одному выводу: его ни в коем случае нельзя относить к воздействию внешних факторов, какие-то неполадки происходят в самом организме.

Я лично исследовал результаты анализов.

Это слезы, мама. Альфонсо плачет.

Итак, пока человек способен плакать, для мира есть надежда.

Пока действует «человеческий фактор», мир можно спасти, потому что человек не потерян для мира и за ним остается право выбора. Художественному исследованию поведения человека в пограничной ситуации между войной и миром писатель ГДР Вольфрам Кобер посвятил новеллу «Война» – самое, может быть, суровое и откровенное в части изображения гнусностей человекоубийства произведение сборника наряду с рассказом Д. Холдмена про рядового Джекоба.

Автор сводит лицом к лицу две вселенные, два миропонимания и выявляет их полную несовместимость, поскольку питательная среда одного явления губительна для другого и не терпит ничего помимо самой себя: «...его бросили на жернова войны, где душа перетиралась день за днем и оттого сам он становился непригодным для жизни». Борьба за живую душу определяет перипетии сюжета в этом динамично написанном рассказе.

Рота тащилась по тяжелой, разбитой дороге. То тут, то там виднелись затянутые тиной воронки, повалившиеся деревья, большие, иногда в человеческий рост гранитные глыбы, заброшенные сюда неведомо какой прихотью природы. По обе стороны дороги – болота, а от них несет тошнотворным смрадом.

Сеял дождичек. Его мелкие капельки жемчужинами скатывались по защитным комбинезонам идущих, лишь изредка попадая за воротник или на руки. Но никто не обращал на это внимания.

Порывы ветра доносили до них трупный запах с поля мертвых, и тогда они изо всех сил старались как можно дольше задержать дыхание.

– Чтобы его черти разодрали, того, кто выдумал эту пытку! – выругался Эстебан. – Кости мои стали будто резиновые. Долго Ярдок собирается гонять нас по этой захлавленной пустыне?

– Заткнись!

Эмиль бросил на Эстебана злобный взгляд. Ему до смерти надоело бесконечное нытье напарника, хотя он понимал, что это у Эстебана не от слабости. Одним рывком Эмиль перебросил тяжелый лазерный автомат с правого плеча на левое, но облегчения это не принесло. От тягот похода и левое плечо было все в ссадинах и пузырях. Тихонько позванивали подвешенные на ремне гранаты.

– Эй вы, там, сзади!

Коммисэр* прошипел свой приказ как змея, изгото-

Пер. изд.: Kober W. Der Krieg: в сб. Kober W. Nova. Berlin: Verlag Das Neue Berlin, 1985.

© Verlag Das Neue Berlin, Berlin, 1985

© перевод на русский язык, «Мир», 1988.

* Коммисэр – производное от *Kommiß* (нем.) – солдатчина, военщина. – Прим. перев.

вившаяся к броску. Оба солдата вздрогнули. «Боже правый,—подумалось Эмилю,—не дай этому дьяволу выйти из себя, не то он замучает нас до смерти».

Все остальные—а осталось их в роте всего двадцать один человек—шли молча. Но Эмиль все-таки улавливал, как кто-то постанывает. Кайтель и Уорнер ранены. Сколько они смогут еще продержаться?

— Кто боится трудностей, пусть подышает! Право на жизнь имеет только тот, кто сильнее смерти!

Эмиль крепче сжал свой лазер. «Придет день, когда подохнешь и ты, Ярдок. Может, даже завтра, в первом же сражении кто-нибудь из нас прожжет лучом твою спину».

Спускались сумерки. Несмотря на заметное похолодание—как никак близился вечер!—от всех шагавших остро пахло потом. Глухой топот сапог, темень, и они, ошетилившийся оружием комок человеческой плоти, сбитый воедино страхом перед противником и комиссаром да еще каким-то неопределенным чувством—то ли дружбой, то ли ответственностью за содеянные совместно преступления.

Не проронив ни звука, упал на дорогу Кайтель. Шедшие следом переступали через него. Когда Эмиль поднял ногу, чтобы сделать то же, в нем шевельнулось что-то вроде жалости. Он остановился, наклонился над упавшим.

Ярдок—сам дьявол во плоти. Он уже давно тешился мыслью, что кто-то из раненых не выдержит. Чутьем хищника он уловил звук от падения тела Кайтеля, застыл на месте, а потом сделал несколько шагов в обратном направлении. Увидев Эмиля, мгновенно, не раздумывая ударил его прикладом автомата по почке, а когда тот упал, снял автомат с предохранителя и направил его на обоих, лежащих на земле.

— Встать! Марш!

В его голосе звучало неприкрытое торжество садиста.

«Эмиль! – кричало все существо поверженного солдата. – Встань, иначе этот зверь тебя убьет!» И хотя дикая боль после удара, казалось, отняла у него все силы, он все-таки поднялся с земли, взял валявшееся рядом оружие и захромал вслед за ротой. Сквозь прикрытые веки увидел испепеляющий луч лазера. Несколько минут спустя он вычеркнул Кайтеля из своей памяти.

И тут появились истребители противника.

Реакция солдат была автоматической, они действовали без малейшего промедления – сказывались годы постоянных упражнений. Выхватили из заплочных мешков пропитанные особой смесью брезентовые накидки и словно окуклились. Ни на одном из экранов отражения их тел не появятся, несмотря на инфракрасное излучение. Над ними пророкотала эскадрилья истребителей-амфибий. Послышались глухие разрывы химических мин.

Солдаты под накидками схватились за шприцы с инъекциями, газовые маски, герметически отгородились от внешнего мира. По опыту они знали, что парализующее действие мин начнет ослабевать через два часа; на такое время воздействия инъекций хватит.

Эмиль знал, что укол не спасет его от мучений искусственного оцепенения. Мозг, этот сгусток духовной энергии, продолжал жить, мучительно искал выход, чтобы тело вновь обрело движение – но путь к организму был наглухо перекрыт действием инъекции.

Он судорожно силился преодолеть навалившийся на него страх, ужас, оупляющий мозг, это омерзительное состояние, которому, казалось, не будет конца. Столь же болезненна и попытка отрешиться от последствий лекарства. Если турбоконтёры, которые появятся вслед за истребителями, несмотря на принятые ухищрения, все же обнаружат их, на смену предвечному сну придет вечный, и умрут последние живые клетки мозга.

Но Эмиль ни о чем не жалел. Не раскаивался. Он

только ненавидел. Ненавидел противника. Ярдока, который уже учитывал эту ненависть в своих планах, который знал, что она делает человека бессердечным, подгоняет, подстегивает его, позволяет легче переносить ужасы боев и прочие страсти. Ненависть заглушала все остальное, более гуманные, более человеческие движения души.

Эмиль не мог бы сказать, сколько длилась эта пытка. До той секунды, когда острая боль в коленных суставах подсказала ему, что действие инъекции ослабевает, прошла, похоже, целая вечность. Под накидкой нечем было дышать. Он хотел освободиться от нее, но пальцы ему не повиновались. Он со стоном повалился на бок, его скрючило, потом стошнило.

Из беспамятства его вывел чей-то пинок.

– А ну выползай!

Ярдок.

Эмиль с удивлением заморгал при виде темного, цвета спелой вишни солнца, недвижно повисшего над верхушками деревьев на далеких горах. Прошло несколько секунд, прежде чем он пришел в себя от изумления:

– Солнце...– проговорил он.– А ведь была ночь...

Ярдок так и прикипел к нему своими зелеными глазами, смерил с головы до ног и сказал с отвращением:

– Свинья! Ты весь в блевотине. И с такими трусами мы должны победить! Чтобы через три минуты привел себя в порядок, не то я загоняю тебя так, что не только своих, но и себя в зеркале не узнаешь!

Коммисэр подозвал всех.

– По данным компьютера, из окружения удалось вырваться пятнадцати таким частям, как наша. Противник немедленно перебросит сюда силы с других участков, чтобы заманить нас еще в один котел. Есть два варианта. Либо мы несколькими быстрыми переходами доберемся до сборного пункта, выбранного компьютером, либо будем действовать на свой страх и риск. До воз-

мощного контрнаступления наших войск по крайней мере три дня.

– Я за то, чтобы взять заложников, – ответил сержант Лебоб, оскалив зубы. – Немного развлечься было бы не худо.

И ухмыльнулся в ожидании ответа. Остальные согласны кивнули.

Один Геллерт позволил себе любопытствовать:

– А что компьютер говорит насчет этого феномена со временем? Укола-то хватает всего на два часа, а сейчас, глядите, – он указал на солнечный диск, – снова вечер.

– Черт побери, а ведь он прав, – пробормотал кто-то из стоящих рядом с Геллертом.

Никто никогда не видел, чтобы Ярдок терял присутствие духа. В сложных, запутанных ситуациях он предпочитал расчету цинизм и жестокость, подгонял людей вперед, не объясняя. Но на все вопросы у него всегда находился ответ. На сей раз он не произнес ни слова. И лишь после долгой паузы сказал:

– Не знаю.

Только и всего.

Однако Эмиль, равно как и все остальные, не видел причин, чтобы ломать себе голову над этим феноменом, сколь бы удивительным он ни был. Им-то что? Они солдаты.

Рота готовилась к марш-броску. После мучительного оцепенения людей переполняла жажда действий, битв и побед. А то, что это чувство, похожее на опьянение, было вызвано психогенными средствами, введенными в организм с уколом, ничего не меняло.

Они продолжали шагать по узкой дороге. Неожиданно дорога оборвалась. Перед ними открылась чуть ли не идиллическая картина: тщательно ухоженные поля, веселое пенье птиц вдали – тишину нарушало только топтанье солдатских сапог. В мире, полном ужасов войны, кто-то словно по волшебству сотворил картину, дыша-

щую покоем и благополучием.

«Им здесь не место, этим беззаботным пискунам. Они и понятия не имеют о смерти», – подумал Эмиль. Он поднял голову, но ни одной птички не увидел. Завидев приближавшихся солдат, птицы отлетели подальше.

Солнце скрылось за горными вершинами.

Солдаты сбились в кучу. Метрах в двадцати от них у подножия холма комиссэр возился с детектором. Эмиль понял, что он пытается сориентироваться на местности.

Если что-то и привлекло внимание комиссэра, то пройдет несколько минут, прежде чем идентификатор выдаст результат. Их детектор инфракрасного излучения реагировал и на перемещение крупных животных, так что порой трудно было отличить такое движение от перемещения людей.

Но вот Ярдок вернулся к солдатам. По его бесстрастному лицу никто не мог догадаться, что именно произошло. Он сунул на ходу прибор в болтавшуюся сбоку сумку, подтянул брюки и взял в руки лазер.

– Перед нами селение. Дома в нем разбросаны. Мне пока удалось насчитать семь строений. Допускаю, что в них разместились войска противника. Будем атаковать. Задача: выбить противника из селения и взять заложников.

«Начинается! И не будет этому ни конца, ни краю!» – подумал Эмиль. Слова команды оборвали ход его мыслей, придали чувствам определенную цель, а телу движение, сходное с движением машины. Ярдок выделил в его подчинение Эстебана и раненого Уорнера, и они составили правый фланг развернувшейся роты, которую комиссэр разделил на семь троек и резерв.

Участок местности, который им предстояло преодолеть, был слегка холмистым, порос кустарником и небольшими группами деревьев – укрыться нетрудно. Детектор определил расстояние до селения: пять киломе-

тров. Так что путь, надо полагать, займет около двух часов.

– Влипли мы по уши, – сказал Эстебан, помогая Уорнеру накрыться накидкой и натянуть маску. – Если там регулярные части да к тому же готовые к обороне, остается только помолиться и вознестись с молитвой прямо на небо...

Уорнер заскрежетал зубами.

– С меня хватит, сыт по горло. Пусть подышает, кому нравится...

– Здесь никто не умирает. Здесь остались победители, – возразил Эмиль, который при виде белого как мел Уорнера и сам не знал, действительно ли он так считает или просто посмеивается над потерявшими всякий смысл пустыми словами. Впрочем, что им еще оставалось: лишь победив, они могли выжить.

Вперед продвигались перебежками. Солнце зашло, лишь несколько тучек отражали его лучи. Но и в сумерках Эмилю удалось разглядеть цветы на кустарнике. В ноябре – и цветущий кустарник? Ни о чем подобном ему слышать не доводилось. Что здесь происходит? Куда они попали?

Чем ближе они подходили к селению, тем ровнее становился ландшафт. Там, где по данным компьютерной карты должен был начаться заболоченный участок местности, открывалось сухое, поросшее густой травой пространство. И вот перед ними первые дома.

Они остановились.

– Посмотрите, какие у них дома! Занятные! – сказал Эмиль. – Похожи на грибы. Я таких сроду не видал. А вы?

Эстебан пожал плечами.

– Ну и что с того? Пусть будут похожи хоть на пломбир. Через пяток минут мы в них ворвемся.

Оставшиеся метры они проползли.

Потом Эмиль подал условный знак, они вскочили,

побежали к ближайшему дому. Эстебан взметнул свое тело в воздух, перевернулся в прыжке и ногами со всей силой ударил в то место, где полагалось быть замку. Дверь спружинила, но не поддалась. Тогда Эмиль воспользовался автоматическим замком лучом лазера. И вместе с Эстебаном бросился к воняющей горящим пластиком двери.

Коридор, куда они попали, был освещен люминесцентными лампами. Каждый из троих выбрал себе по комнате, пока еще закрытой.

Агрессивность Эмиля сменилась удивлением и беспокойством, когда дверь перед ним открылась сама собой.

За столом в комнате сидела семья: муж, жена и дочь.

Он мгновенно схватил лазер, направил его на сидящих, потом отпрыгнул от двери к стене и в возбуждении ждал их ответной реакции.

Женщина, вскрикнув, вскочила с места, опрокинула тарелку. Тарелка упала на пол. Девушка в ужасе переводила взгляд с Эмиля на отца. А тот, высоченный мужчина со скулстым лицом, навис над столом неподвижно, как скала. Его густые черные брови мирно уживались с седыми прядями на голове. Он слегка приоткрыл рот, и Эмиль увидел его жемчужной белизны зубы. Весь он так и являл собой олицетворение здоровья. Он и бровью не повел, и, казалось, ничуть не испугался, только удивился. Медленно поднялся из кресла.

– Что...

В комнату ввалились Уорнер и Эстебан.

– Повсюду пусто... Ох ты!

Эстебан сорвал с лица защитную маску, лицо его расплылось в ухмылке. Облизнув губы, он не сводил глаз с девушки.

– Что вам нужно? Кто вы такие? – торопливо спрашивал хозяин дома.

– Не болтай, старик! Сядь! И руки на стол! Кому говорят, садись! – Эстебан направил на него автомат.

Но великан словно бы не слышал приказа. Спокойно, без всякого страха посмотрел на Эмиля.

– Вы пленные! Эту деревню заняли мы. Соппротивление бесполезно. Сядь!

Смирившись, старик повиновался.

– Ничего не понимаю. Что вам здесь нужно?

«Он сумасшедший, – мелькнуло в голове Эмиля. – Спрашивает, что нам нужно. Нет, право, он не в себе. Кругом война, а он задает такие вопросы!»

– В деревне есть армейские части? – спросил он.

– Что это такое – армейские части? – переспросила девушка.

Эстебан захохотал во весь голос. А Уорнер, застонав от боли, съехал по стенке на пол. Женщина, успевшая было сесть, вновь вскочила. Солдаты тотчас направили на нее оружие. Не обращая на них внимания, она сделала несколько шагов по направлению к Уорнеру. Эстебан хотел ее удержать, но Эмиль бросил на него быстрый взгляд, словно говоря: пусть поможет.

Женщина опустила перед раненым на колени и попыталась растегнуть его накидку, но безуспешно.

«Она впервые видит вакуумные застежки. А ведь они каждому ребенку известны, с начала войны накидки розданы всему населению», – подумал Эмиль. И никак не мог решиться подойти к ней и помочь. Он несколько оторопел. Эстебан приблизился к девушке. Схватил за плечо, притянул к себе.

– Пошли! Мы с тобой немного побалуемся!

Девушка, на вид лет восемнадцати, не больше, глядела на него в сильнейшем испуге.

– Я вас не понимаю. Вы делаете мне больно. Отпустите меня, пожалуйста.

Запрокинув голову, Эстебан расхохотался.

– Она меня не понимает! – веселился он. – Нет, вы слышали такое? А-а, да что там, пошли! – и он потащил ее за собой в коридор.

По лицу хозяина дома заходили желваки, видно было, что он весь напрягся.

– Пусть он оставит ее в покое.

Эмиля его слова не тронули. Поведение Эстебана вернуло ему ясность мысли, способность идти к цели кратчайшим путем, без проволочек.

– Отвечай на мой вопрос: есть в селении армейские части противника?

Мужчина покачал головой.

– Здесь нет никаких солдат. Нигде.

Он все еще стоял у стола. Эмиль подошел к Уорнеру и нажал кнопку вакуумной застёжки. Накидка с тихим шипением открылась, будто раздвижная дверь. Взяв лазер Уорнера, Эмиль вышел из комнаты. Из комнаты справа слышались звук рвущейся материи и негромкий крик девушки. Одним прыжком Эмиль оказался на пороге.

Эстебан, разорвав на девушке блузку, тянулся к ней грязными руками. Перед глазами Эмиля мысленно возникла полузабытая картина, когда-то причинившая ему острую боль. Эта женщина... В ту пору, несмотря на огромные потери, армии его полушария продвигались вперед. Возле какого-то пенька он увидел сидевшую на корточках женщину в форме «службы гуманности» противника. Струйки пота проложили извилистые дорожки по ее темному от копоти лицу. На кровоточащей правой руке не хватало нескольких пальцев.

Но в глазах женщины не было и тени страха, хотя она прекрасно понимала, что ее ждет. Ярдок задал ей обычные вопросы. Она не отвечала. Глаза у нее были как у газели, миндалевидные, темно-карие, искрящиеся жизнью. Взгляд излучал доброту и нежность.

Эмиль, до тех пор имевший дело только с продажными женщинами, неожиданно для себя ощутил жгучее желание остаться с ней вдвоем, разделить с ней жизнь. В ту минуту он даже съежился от стыда перед ней – ведь

он ничем не мог ей помочь, он испытал неподдельную боль, когда понял, что жизнь оставляет ее, что она испытывает страшные муки. Она умерла. Но даже после смерти из глаз женщины не сразу исчезло сияние. И тогда впервые в жизни душу Эмиля переполнила печаль.

– Свинья! Оставь ребенка! – заорал он на Эстебана. И когда тот не повиновался, с силой ударил его прикладом по спине. – Отпусти ее!

Эстебан медленно повернулся, пригнулся, изготавившись к прыжку как дикий зверь, но Эмиль выдержал его взгляд. Эстебан молча отступил в сторону.

Подталкивая перед собой девушку, Эмиль вернулся в жилую комнату, охваченный смутными, разноречивыми чувствами и мыслями. С момента захвата дома прошло всего несколько минут, но он ощущал, как они изменили. Во всей атмосфере дома было что-то необъяснимое. Она дышала чем-то невыразимо новым, не поддающимся его пониманию. Его смутили и встревожили отдельные мелочи, детали, заставлявшие вдуматься в смысл происходящего.

За последние годы Ярдок силой вытравлял из него все личное, неповторимое, навязав взамен понятия, прежде для него чуждые. Ему пришлось усвоить нормы поведения, превратившие его в животное. В те редкие мгновения, когда Эмиль это осознавал, он старался как можно скорее избавиться от таких мыслей, потому что они были мучительными, требовали напряжения духовных сил, а этого он старательно избегал. Прямой, накатанной дорогой было повиновение приказу.

Сейчас женщина стояла рядом с мужем, прислонившись к его плечу, как бы желая подчеркнуть свою силу и решимость, хотя, по сути дела, она лишь искала у мужа защиты. Роста она было невысокого, скорее даже приземистой, но сложена пропорционально. Одета в мышинного цвета длинную, до щиколоток, юбку, переливающуюся тунику, не скрывавшую нежных рук.

«Картинка из мирной жизни»,— подумал Эмиль. Идиллия среди хаоса войны, как и птички там, у дороги. А потом он заговорил, и собственный голос показался ему непривычно хриплым, грубым.

– Выполняйте наши приказы и ничего без разрешения не предпринимайте. В противном случае вас ждет смерть.

Мужчина покачал головой. Как показалось Эмилю, тот ему не поверил.

– Пожалуйста, объясните, кто вы? Нам непонятна причина вашего вторжения.

Он не понимает! Да над ними просто смеются! Раздосадованный этим, Эмиль рявкнул:

– Идет война, старик! И если кто не подчиняется, того убивают!

– Война?— мужчина негромко рассмеялся и сел.— Никаких войн больше нет. К чему они? Кому против кого сражаться и по какой причине? Молодой человек, позвольте мне высказаться: вы играете в глупые игры. Ведь как легко задеть или ранить человека... Взгляните-ка на вашего друга... Разрешите, я вызову медоператора.

– Старик спятил,— пробормотал стоявший у двери Эстебан. Ему тоже было не по себе.— Свихнулся. Зациклился. Мы уже семь лет как воюем, а он задает вопросы, будто с Марса свалился. Пойду свяжусь с Ярдоком.

У Эмиля появилось такое чувство, будто его провели как дурачка.

– Ты и правда не знаешь, что идет война?

– Конечно, я знаю, что такое война, и могу только радоваться, что при мне их никогда не было, войн. Для нас они— история. Последняя большая война закончилась лет триста тому назад.

Чтобы убедиться, что это ему не снится, Эмиль ущипнул себя за руку.

– Проходите, присаживайтесь с вашим другом к столу, поешьте вместе с нами. Вы, верно, проголодались.

Эмиль вышел, наконец, из оцепенения.

– Ты лжешь! – вскричал он в ярости. – Решил опутать нас своей ложью и выиграть время!

И вдруг что-то в нем встрепенулось, ему с предельной ясностью и отчетливостью, как при вспышке молнии, вспомнились цветы на кустах при дороге, странный заход чужого темно-вишневого солнца, дома причудливой формы, женщина, не знавшая как обращаться с вакуумными застежками. Но его разум продолжал противиться осознанию поразительной мысли, тяжелой глыбой обрушившейся на него.

Триста лет... Нет, не может быть... невозможно!

– А чем ты докажешь свои слова?

– Чем пожелаете.

– Эстебан прав, все они здесь спятили, – простонал Уорнер. – В этом селении одни психи.

«А где другие группы? – подумал Эмиль. – Что там у них? Надо выйти, проверить, что у них творится. Может, нас завлекли в западню». Он даже обрадовался, придя к столь простому и приемлемому для него решению.

Ночь встретила его прохладой. Облачка пара, вырывавшиеся на быстром ходу изо рта, таяли во тьме. Издали до Эмиля доносился звук голосов, потом слышались негромкие шаги – кто-то шел ему навстречу. Он поспешил укрыться, «окуклился» под накидкой, чтобы стать невидимым: а вдруг враг?

Тревога оказалась напрасной. К нему приближался Евлотий. Эмиль сразу узнал его по развинченной походке: подпрыгивает как мячик.

– Вставай! – сказал Евлотий, который шел в очках ночного видения.

Эмиль стряхнул пыль с коленей.

– У меня приказ от Ярдока. Мы сгоним их всех вме-

сте. Я покажу тебе куда.

Ну вот, опять появилась ясность, твердая линия действий.

Семья не оказала им никакого сопротивления. Покорно, будто маленькое стадо овец, шли они впереди солдат. Выходя из дома, Эмиль обратил внимание на плоский диск, повисший в воздухе в одной из ниш на уровне его колена. Что это такое, Эмиль не мог взять в толк. Диск слегка пружинил, стоило нажать его рукой, но когда Эмиль нажал сильнее, больше не поддался. Какая-то невидимая сила удерживала его в этом положении. Сила поля? У Эмиля не было времени разбираться, что к чему.

На сборном пункте жители селения вели себя на удивление спокойно, зато солдаты явно нервничали.

Эмиль как бы невзначай присоединился к небольшой группе, которая обступила что-то обсуждавших Ярдока и сержанта.

– ... врут, – услышал он голос Лебоба. – Бред сумасшедших. Все они тут с ума посходили!

Кто-то рассмеялся, но как-то невесело, неуверенно.

– А что вещает твой премудрый компьютер?

Ярдок промолчал, стиснув зубы, но потом словно нехотя сказал:

– Мы взяли заложников. Загоним их в один из этих дурацких домов и будем ждать. Рано или поздно противник появится. Или наши части прорвут окружение.

– К чему зря терять время? Займемся-ка одним из них. А лучше – одной из них. На душе легче станет. – Лебоб сплюнул.

«Выходит, Ярдок тоже не знает, что происходит, – подумал Эмиль. – И остальные тоже столкнулись с тем же, что и мы».

Лебоб и Окла обошли группы заложников. Сержант остановился, указал на одну из женщин и приказал:

– Вот эту!

Окла набросился на нее как волк, рванул за волосы, бросил в пыль, себе под ноги. И наступил сапогом на шею.

– Слушайте нас, люди! Если не хотите, чтобы ей пришлось худо, ответьте на наши вопросы. Во-первых...

От толпы отделился пожилой мужчина. Приблизившись к Окле, он проговорил:

– Пожалуйста, не причиняйте зла Эйрин. Мы ответим на ваши вопросы и без этого, – он указал на сапог Оклы. – Отложите в сторону ваше опасное оружие и пройдемте с нами в наши дома. Ваша агрессивность вам только во вред, а кроме того...

Окла ударил его под дых. Что-то в горле старика заклокотало, он повалился на землю. Из толпы исторгся стон.

– Есть еще желающие? – закричал Окла.

Из толпы выступили две женщины. Бесстрашно, высоко подняв головы, шли они к Окле и Лебобу. Помогли старику подняться на ноги. Одна из них повернулась к Окле:

– Почему вы так себя ведете? Ваша война давным-давно кончилась. Мы не причиним вам зла, мы хотим только помочь.

И вновь их поведение вызвало в Эмиле необъяснимое, неуловимое беспокойство, взламывающее ледяную корку, которая сковывала его душу. «Что это за люди? Их не уstraшили ни смертоносное оружие, ни жестокость солдат. Они не испытывают страха. А ведь стоит Ярдоку приказать, и все они превратятся в горстку жалкого пепла...»

Это селение ничем не отличалось от других: дома, деревья, улицы, тропинки. А ведь они все превратились в стратегические пункты, поскольку ими следовало овладеть. Овладеть – значит, исключить любой фактор риска. И для каждого из солдат задача ясна: создать вокруг себя вакуум. Только так он обеспечит собственную

безопасность. Даже шелест листьев чреват опасностью: он может заглушить шаги крадущегося противника. Но куда опаснее люди! Лишь после того, как от них не останется и следа, рота будет чувствовать себя уверенно. Уверенно – чтобы продолжать военные действия. Таков круговорот смерти.

Эмиль отдавал себе отчет в том, что сам он – ничтожная частица в этом круговороте, что над ним довлеет проклятье: однажды, когда вражеское кольцо сомкнется, испытать до дна всю горькую чашу отчаяния.

А простой мысли, что ему достаточно сделать лишь шаг, чтобы сойти с колеи убийств, он пока еще постигнуть не мог. Никто не подсказал, что ждет его по ту сторону двери. Не спрашивая согласия, его бросили на жернова войны, где душа перетиралась день за днем, и оттого сам он становился непригодным для жизни.

Сейчас же Эмиль неожиданно почувствовал, что им начала овладевать неуверенность. Ему были знакомы ненависть, жажда убийства и стремление выжить – к этому его приучали со школьных лет. А потом пришла война, исполнение этих желаний. Но то, что происходило на его глазах в эти минуты, не было больше войной, которую он знал и признавал. Сначала оно напомнило ему о той, погибшей женщине, а потом произошло столько нового и необъяснимого, не вмещавшегося в рамки привычного и понятного!

Пытки в его понимании служили надежным средством для собственного выживания – благодаря полученной информации обеспечивалась личная безопасность. В отличие от Ярдока, Оклы или Эстебана сам он не получал удовольствия от пыток, но верил в их необходимость, а коль скоро они воспринимались как данность, совесть с ними мирилась.

Но эти люди... По какой-то необъяснимой причине Эмиль отказывался отнести их к разряду потенциальных противников... И все же их поведение было

лишено всякого смысла. Как ни орали Окла и Лебоб на толпу, их вопросы ответов не находили. Станным было и то, что на сей раз солдаты столкнулись не с открытой, безграничной ненавистью, а с удивлением и даже любопытством.

Поток загадочных, необъяснимых на первый взгляд странностей захлестнул Эмиля с головой, но когда он словно бы оглянулся, прозрел – перед ним открылся новый мир.

«Эти люди ничего о нас не знают, – подумал он вдруг. – Не знают ничего». И неожиданно громко и отчетливо проговорил:

– Мы оказались не в своем времени, слышите? Мы в будущем! Прекратите! Прекратите!

Он кричал, умоляя и заклиная, и сам не знал, откуда у него взялись силы, чтобы подняться над темной массой солдат. Эмиль искал объяснения не только для себя, но и для Ярдока, он ослушался приказа командира, грозил раздавить Ярдока теми истинами, которые ему, Эмилю, открылись.

Подбежавший комиссэр ударил его кулаком в лицо. Кожа на губах лопнула. Эмиль почувствовал солоноватый привкус крови во рту. Несколько секунд в нем боролись два чувства: привычка к рабскому послушанию и те новые ощущения, которые его сейчас переполняли. Наконец ему все-таки удалось как бы перепрыгнуть через бездну привычного повиновения.

Он утер тыльной стороной ладони вспухшие губы.

– Это правда. Мы пробыли под нашими накидками несколько веков. Войны больше нет. Мы оказались в будущем. Как это случилось, я не знаю. Но всем этим людям, – не спуская глаз с Ярдока, он указал на молчаливую толпу, – ничего ни о какой войне не известно. И о нас тоже. Мы можем убить их, но они не смогут, не сумеют ответить на наши вопросы.

Зрачки Ярдока так и запыгали. С калейдоскопиче-

ской быстротой в его глазах ненависть сменилась пониманием, беспомощностью и наконец бессильной яростью. Однако, если поведение Эмиля и выбило его из колеи, вида он не показал. Прорычал новый приказ. Шесть человек послал в охрану, остальных собрал вокруг себя.

Подобно хитроумному шахматисту, Ярдоку удалось найти интересный ход, позволивший ему выиграть время.

– Вы слышали, о чем тут распространялся Эмиль. Я делаю скидку на то, что он, как и все вы, измучен тяжелым походом. Многие наши товарищи погибли смертью героев, и нервы у нас на пределе. Выскажитесь. Говорите, что думаете.

Его короткая речь поразила солдат: в ней не прозвучало ни непреерекаемой воли, ни деспотичности, столь ему присущих, скорее наоборот.

– Ерунда, – небрежно отмахнулся Лебоб. – Сломался он, вот и все. – Сержант постучал себя пальцем по лбу. – От него одно беспокойство. Лучше всего будет, если он...

В ответ послышался единодушный ропот. Все они наблюдали почти то же, что и Эмиль. Сталкивались со схожей реакцией местных жителей на их появление. И слова Эмиля, какими безумными они ни казались на первый взгляд, объясняли многое.

– А что показывает компьютер? – поинтересовался кто-то.

– Я вижу, – неожиданно миролюбиво заговорил Ярдок, – никто из вас не считает, что Эмиль спятил? Вы с ним заодно? Что же, не стану ничего от вас скрывать. Стратегический компьютер не выдает больше никаких нужных нам данных. Нет информации о действиях противника, не поступают кодовые сигналы наших армий. Контроль приема стоит на нуле. Возможно, он просто вышел из строя. Но молчит и запасной компьютер.

Ледяное молчание сковало роту.

Выходит, то, к чему они отнеслись как к абсолютно невозможному, абсурдному, все-таки случилось. И не с нем-нибудь, а с ними. Они не живут более в своем времени, они перенесли в чужое. От своего времени их отделяют века.

Эмиль с удивлением наблюдал за Ярдоком. Он больше не приказывает, он объясняет, обсуждает. Разве это не самое убедительное доказательство того, что произошло нечто небывалое?

— Судя по отдельным фактам, не исключено, что мы и в самом деле находимся не в своем времени. Но чтобы удостовериться в этом, необходимы доказательства. Пусть жители селения вернутся в свои дома. И там вы постараетесь найти эти доказательства. Не забывайте о новинках техники, требуйте, чтобы вам показали оружие, собирайте любую представляющую интерес информацию. К утру акция должна быть завершена. И тогда мы решим, как действовать дальше.

Эмиль испытывал явное облегчение, сопровождая людей, *своих людей*, к их дому. От домика-гриба на него повеяло уютом, и это ощущение лишь усилилось, когда он проходил мимо комнаты, где оказал девушке помощь. В душе он ругал себя, обзывал дурнем, но чувство это не оставляло его.

Он приступил к вопросам.

- Как называется ваша страна?
- Стран больше нет. Вот уже сто лет.
- А кто вами руководит... управляет?..
- Каждые два года руководитель экономики определяется по результатам выборов.
- А политика?
- Ведение экономики, выгодной всем, и является всеобщей политической линией.
- Покажи мне твой тельви.
- Что это такое?

– Прибор для акустического и оптического приема информации.

Хозяин дома улыбнулся. Нажал крошечную кнопку на наручных часах. От потолка отделился наполненный прозрачным газом шар, снизился и остановился на уровне глаз. Эмиль тщетно пытался обнаружить какой-нибудь провод или кабель, что-то вроде системы ориентации шара в пространстве.

Хозяин понял его немой вопрос и улыбнулся.

– Шар подсоединяется при помощи нити поля тяготения.

– Включи его.

– Что вас интересует? Информация о промышленности? Космонавтика? Культура? Местные новости или новости планеты? Передача о технике в быту, о современном искусстве, о климате, растительном мире, развлекательная программа?..

Эстебан стоял с открытым ртом, напоминая лягушку, выбравшуюся подышать воздухом.

Хозяин дома по-прежнему улыбался.

– Мы хотим помочь вам, – сказал он. – Сложите оружие и оставайтесь жить с нами. Наши медоператоры излечат вас от агрессивности. Какие иные планы у вас могут теперь быть?

Слова хозяина заставили Эмиля глубоко задуматься. До сих пор он и сам не мог решить, чего, собственно, он должен добиваться? Выполнения приказов Ярдока? Победы своей роты? Полного уничтожения противника? Ведь если не они выиграют войну, победит противник. Если не он убьет, убьют его; а он любил жизнь, любил... оставаться в живых. Значит, его цель – остаться в живых? Будучи на войне, воюя? Но ведь войны больше нет и сам он не погиб. Как же так... Жизнь это борьба, без которой человечество никогда не существовало... но в этом мире...

Мысли его путались.

– Ты утверждаешь, что войны больше нет?

Хозяин кивнул.

– Раньше для войн находились причины. Мы эти причины устранили, и войн больше нет. Каждый владеет тем, в чем нуждается. За что же нам, спрашивается, сражаться? Общественная собственность на все средства производства исключает войны.

– Выпей с нами, – женщина незаметно перешла с Эмилем на «ты». Пригласив их к столу, она подала им напиток. Он оказался игристым, приятным на вкус, слегка напоминал манговый сок.

Они выпили все трое.

Эмиль проснулся, огляделся – он в постели! Испугался, вскочил, и первым делом потянулся рукой за оружием. Движение это было бессознательным.

С чувством неловкости вспомнил вчерашний вечер. Как он мог вот так, ни с того ни с сего заснуть? Или в напитке было снотворное?

Стараясь не производить шума, он подкрался к двери, приоткрыл ее, выскользнул в коридор. Из дальней комнаты до него донеслись приглушенные звуки разговора. Чувства Эмиля были обострены до предела, когда он приблизился настолько, что смог различать голоса. И наконец приложил ухо к самой двери.

– ... скоро проснутся, – говорила женщина. – Но что нам делать дальше? Они такие... жестокие...

– Не исключено, кое-кто из них уже сейчас способен приспособиться к жизни в нашем мире. Вспомни о юноше из нашего дома. В нем уже сейчас заметны некоторые перемены к лучшему. Посмотрим. Другие же...

– Мне страшно, – тихо призналась женщина. – И зачем только мы вызвались добровольцами?.. Я и представить не могла, на что мы идем. Вспомни об Эйрин и Воргане, как грубо они с ними обращались! Они еще... как звери...

Муж не ответил ей. Послышался едва уловимый шорох. Эмиль попытался представить себе, как хозяин дома успокаивающе гладит жену по волосам и по плечу.

Их слова причинили ему боль. Он солдат и воспитан с подобающей суровостью. Но разве он зверь? Конечно, человеку как порождению природы присущи и звериные инстинкты, в борьбе за выживание сильнейший побеждает сильнейшего. Так его учили. Но у животных нет разума, они не способны рассуждать, их решения предопределяются древнейшими инстинктами. Эмилю постоянно твердили, что войны – это извечная закономерность, прерываемая паузами недолгого покоя. Сейчас, оказавшись в другом времени, они попали именно в одну из таких пауз!

Стрелять ему больше незачем. Эта мысль утешила его и одновременно вызвала странное беспокойство. Его так и подмывало сейчас же снять с себя всю амуницию, остаться в одном белье. Только он не знал, во что переодеться.

Когда Эмиль открыл дверь в комнату, он более не испытывал тревоги. Но как бы ни перестроился внутренне, он отнюдь не был готов сразу выпрыгнуть из своей кожи солдата-наемника. Лед, сковывающий душу, не так-то просто растопить.

– Принесите мне поесть! Я голоден.

Глаза женщины выразили удивление и сожаление: какой холодный, бессердечный тон.

– Я все приготовила. Пригласите ваших товарищей.

Но он не хотел видеть ни Эстебана, ни Уорнера. Уселся за стол и принялся запихивать в рот все подряд, без разбора.

– Что вы намерены делать дальше? – спросил хозяин дома.

Эмиль пожал плечами.

– Это зависит от комиссэра.

– Позвольте мне сформулировать вопрос иначе. Как

бы предпочли поступить вы сами? Ведь ваша война давно кончилась.

Вопрос ошеломил Эмиля. Он откинулся на спинку стула. Разве он волен в своих поступках? Он до сих пор и мысли такой не допускал и ничего определенного на сей счет сказать не мог. А что тогда останется делать Ярдоку? Ярдок и нормальная жизнь – понятия несовместимые, это все равно что огонь и вода.

Эта мысль, такая простая, пронзила его.

В нем снова всколыхнулась былая ненависть к Ярдоку. Да, Ярдок будет продолжать войну, каким угодно путем, с каким угодно противником – до самой своей смерти. И его, Эмиля, потянет за собой, отдавая зловещие приказы, противиться которым нельзя. Если только он не откажется выполнять их, откажется повиноваться. Но тогда он сам станет «противником», которого необходимо уничтожить.

Как-то сразу, вдруг, в сознании Эмиля появилась полная ясность. Новая жизнь начнется после того, как исчезнут, сгинут люди вроде Ярдока. Законы войн обернутся против них, как бумеранг.

– Я стал бы жить, как вы, – проговорил он раздумчиво, осторожно. – Наша жизнь осталась позади. Вот только... Мы нуждаемся в вашей помощи, потому что ничего о вашем времени не знаем.

– Это просто, – заметила женщина. – И вы будете жить в мире и счастье.

– А ваш командир? – поинтересовался хозяин дома.

– Без оружия он опасности не представляет. Но добровольно его не сложит.

– Но почему же? – удивилась женщина. – Зачем носить при себе оружие? Для какой цели? Ведь это опасно. Из такого оружия можно убить человека.

Эмиль лишь покачал головой. Прежде всего потому, что был не в состоянии объяснить им суть таких людей, как Ярдок. К тому же его смутило простодушие жен-

щины. Эти люди и впрямь ничего не смыслят в войнах.

– Вы полагаете, ваш начальник не сможет приспособиться к жизни без насилия?

Эмиль кивнул и добавил:

– Все мы солдаты. Мы научились убивать и при этом оставаться в живых. Это наша профессия... Я знаю, что вы хотите сказать. Что профессию можно сменить. Но лишь в том случае, если ты к этому готов.

По лицу женщины он понял, как глубоко поразили ее его слова.

– Я сначала не могла в это поверить...– негромко произнесла она, как бы обращаясь к себе самой.– Все выглядело так просто, когда научный центр «Демиион» возложил на нас эту задачу. Каким же ужасным было прошлое...– Она закрыла лицо руками.

Ее чувствительность вызвала у Эмиля такое отвращение, что он встал и, не сказав ни слова, вышел из комнаты. Сбежал с крыльца, остановился. Светило солнце. Такое, к какому он привык. Свежее дуновение ветра холодило щеки и лоб. Он глубоко вдыхал воздух, втягивал его в себя.

«Черт бы побрал эту раздвоенность!– подумал он.– Эмиль, решайся. Ты за этих людей и за их жизнь – или за Ярдока. Будь последователен».

Но хотя он не отдавал себе в этом отчета, а может, просто не желал признаться даже самому себе, решение было принято им давно. Еще тогда, когда на марше он испытал боль при воспоминании об искалеченной и погибшей женщине.

Лазер, который Эмиль по-прежнему держал в руках, показался вдруг непривычно тяжелым, он оттягивал руку. Эмиль поднял его на уровень глаз – и к горлу подступила тошнота. Он ощутил непреодолимое желание отшвырнуть подальше этот инструмент смерти – но только еще крепче, судорожно сжал его.

Неожиданно прозвучал сигнал «общий сбор».

Эмиль даже взмок от внутреннего напряжения. «Что скажет Ярдок?»

– Солдаты! – выкрикнул тот, приняв воинственную позу. – Наши предположения подтвердились. Судьба забросила нас в будущее. Собранные нами факты позволяют мне сделать вывод, что противник оказался в состоянии нанести нашим войскам решающий удар и установил свой режим. Но мы-то живы, оружие при нас, наша воля к победе неукротима. Мы продолжим борьбу наших праотцов до победного конца.

«Ярдок помешался! – пронзила Эмиля мысль. – Его обуяла мания величия. С жалкой горсткой людей он намерен воевать против всей планеты и добиться победы там, где потерпели крах объединенные войска полушария!»

– После короткой передышки мы штурмом овладеем ближайшим городом. Под наши знамена встанут добровольцы...

На сей раз слова Ярдок не ошеломили Эмиля. Но удивлению его не было границ. Предложение Ярдок настолько не вязалось со здравым смыслом, что не стоило и секунды лишней тратить на мысли о нем.

– Во избежание риска мужчин этого селения необходимо обезвредить. Командиры групп получили на этот счет соответствующие указания. Выполнять приказ!

Эмиль был не в состоянии и пальцем пошевелить: казалось, приказ Ярдок парализовал его. Но вот он увидел, как солдаты начали разбегаться в разные стороны и покорно двинулся в сторону дома-гриба.

«Нет, – кричало все его существо, – нет!»

Он всеми силами старался сбросить с себя путы повиновения. Это была война с самим собой, самая жестокая и страшная из всех, что ему довелось пережить.

И вдруг над самым его ухом прозвучал чужой визгливый голос:

– Ты подчинишься приказу?

Эти слова вернули Эмиля к действительности.

– Ярдок!

Лазер он держал наизготове, оставалось только нажать на спуск. Но комиссэр действовал быстрее его. В какую-то долю секунды он понял, что у Эмиля на уме. Он уже поднял лазер, но в последний момент Эмиль в полном отчаянии кинулся в сторону и, несколько раз перевернувшись по земле, оказался за высоким толстым деревом. Но разве это укрытие...

Весь путь его бегства обозначил горящий след, полоса в метр шириной – это Ярдок пустил в ход свой лазер.

Охваченный паническим страхом, Эмиль ждал, что огонь вот-вот пронзит ствол дерева. На мгновение у него остановилось сердце. «Ты умрешь», – безапелляционно объявил ему свое решение мозг. Но здоровая природа Эмиля победила, не подчинилась предательскому приказу. Сердце вновь мощно забилося. А лазерный луч угас, так и не тронув дерева.

Эмиль вскочил на ноги, сменил укрытие и выстрелил. Но на месте, где стоял Ярдок, никого не было.

Эмиль бежал по дороге, не замечая, что остановившиеся солдаты застыли, словно изваяния, и не сводят с него глаз. И тут до его слуха донесся крик:

– Стой!

Это был голос хозяина дома. Он и его жена медленно приближались к нему, словно вокруг никого из солдат не было.

Но Эмиль их не послушал. Во время маневров рота не раз проводила учебные бои с воображаемым противником в лабиринтах и на спецландшафтах. В их натруженных, истерзанных телах жило страстное желание: хоть единожды отстреляться скорее, чем компьютеры. Эмилю этого не удавалось ни разу, комиссэру – дважды.

Он знал, что Ярдок где-то притаился и подстерегает его. Он снова сделал несколько кувырков, прокатился

по земле, вскочил на ноги и зигзагами побежал к месту сбора.

Но что-то удерживало его. Он бежал, испытывая все усиливающееся сопротивление. А потом неведомая сила сжала его со всех сторон так, что он не мог сдвинуться с места.

Он с удивлением увидел, что его отрывает от земли – и вот уже он вспарил над землей, как листок на ветру. Какое это чувство! С чем сравнить?..

Высоко в зените светило солнце. Эмиль истосковался по его теплу, особенно недоставало его сейчас, когда он – надолго ли? – освободился от груза прошлого, от былых страхов.

Но вот он снова твердо стоит на земле, а перед ним – хозяин дома и его дочь. Девушка осторожно касается рукой его руки.

– Ты можешь остаться, – говорит ее отец. – А остальные погибнут. Мы отправили их в прошлое.

Неожиданный переход от света дня к ночной тьме на какое-то время парализовал солдат. Лазер Ярдока еще дымился. Коммисэр, тяжело дыша, озирался по сторонам, не в силах осмыслить происшедшее. Дрожа от ярости, он выстроил роту и приказал рассчитаться по порядку:

– Тридцать! – бесновался он. – Только тридцать! Нет Эмиля! Где эта свинья, где этот подлый предатель?! – Он никак не мог остановиться.

И тут Уорнер бросил свое оружие в пыль у его ног.

Коммисэр даже ошолбенел – настолько чудовищным был в его глазах такой проступок. Но тут же снова разъярился:

– Выходит... ты тоже... ну я тебе покажу!... – прокашлялся он и поднял лазер. – Никому больше не придет в голову ослушаться моего приказа!

Но к нему уже подходили и бросали наземь оружие

остальные солдаты. Ошеломленный, Ярдок не знал, в какую сторону глядеть. И тут он заметил солдат противника, а за их спинами – грохочущие турбоконтеры.

«Значит, они все-таки вышли на нас!» – с ненавистью подумал Ярдок.

– Огонь! – приказал он и с удовлетворением увидел, что многие солдаты подчинились приказу.

Но тут зрение его было ослеплено белой раскаленной точкой. Она сияла и жгла с такой силой, что мгновенно прогрызла Ярдока.

Итак, пока человек не до конца превращен в бездушную машину, для мира есть надежда.

Кстати, вопрос о взаимоотношениях человека и машины имеет прямое касательство к проблеме войны и мира, если речь идет о машине уничтожения. Идеологические и нравственные стороны этой проблемы стали темой философско-фантастической притчи «Линкор смерти» Дино Буццати, военный аспект получил парадоксальный разворот в гротеске Р. Шекли «Абсолютное оружие». Фред Сейберхэген (США) дал ей свое художественное решение, обогатившее современную научную фантастику новой сюжетной моделью.

Сейберхэген придумал берсеркер – автономный космический робот-исполн, совершеннейшую машину смерти, запрограммированную на уничтожение органической жизни. Те, кто ее создал, давно канули в небытие, и гиганты-берсеркеры миллионы лет бороздят просторы космоса, неся гибель всем формам жизни, что попадают им в бесцельных странствиях.

Открытие Сейберхэгена переключало в творчество других фантастов, тем более что он сам пригласил в свое время ряд видных авторов написать по рассказу на тему «люди и берсеркеры», чтобы составить сборник. И у первооткрывателя, и у его коллег по перу встречи человека с берсеркером заканчиваются по-разному, но такой невероятной развязки, как в новелле «О мире и о любви». научная фантастика, пожалуй, не знает. Предугадать ее невозможно, а если она что-то и приводит на память, так это распространенный в фольклоре и средневековых литературах сюжет о хитром смертном и посрамленной нечистой силе.

О мире и о любви

Фред Сейберхэген

Керр проглотил таблетку и заворочался в кресле, пытаясь устроиться поудобнее, несмотря на боль, которая то и дело пронизывала его, предвещая близкую агонию. Потом настроил передатчик и сказал, обращаясь к висевшему в пустоте бродячему космолету:

– Я безоружен. Я иду с миром. Я хочу вести с тобой переговоры.

Он подождал. В рубке маленького одноместного корабля было тихо. Локатор показывал: до объекта столько-то световых секунд. На обращенные к нему слова космолет никак не реагировал, но Керр не сомневался, что они услышаны.

Где-то очень далеко осталась звезда, которую он называл Солнцем; позади была и его родная планета – земная колония, основанная лет сто назад, одинокое поселение у самого края Галактики. До сих пор война, которую вели против всего живого машины-берсеркеры, представлялась здесь всего лишь далеким ужасом из программы последних известий. Единственный боевой космический корабль, которым располагала колония, был послан на соединение с прикрывавшей подступы к Земле эскадрой Карлсена, как только стало известно, что берсеркеры устремились туда. А теперь враг появился здесь, и обитатели планеты, где жил Керр, в лихорадочной спешке готовили еще два корабля. Но вряд ли они смогут устоять против берсеркера. А пока...

Печатается по изд.: Сейберхэген Ф. О мире и о любви. Пер. с англ. – Наука, 1981 («Химия и жизнь», № 1). Пер. изд.: Sabberhagen F. Life-Hater: в сб. The If Reader of SF, ed. by F. Pohl. – N. Y.: 1962.

© «Наука», 1981

Приблизившись к противнику на миллион миль, Керр увидел, что берсеркер остановился; он как будто выжидал, повиснув в пустоте на орбите лишнего атмосферы планетоида, в нескольких днях полета от него.

– Я безоружен, – снова радировал Керр. – Я хочу вести с тобой переговоры, а не причинить тебе вред. Если бы здесь были те, кто тебя построил, я попробовал бы поговорить с ними о мире и о любви. Ты меня слышишь?

Он был уверен, что машина понимает его слова. Все машины-берсеркеры знали универсальный космический язык – научились ему от взятых в плен людей или друг от друга. И он не лгал, говоря, что хотел бы побеседовать о любви с неведомыми Строителями. Злоба, месть, старые распри – все это для умирающего Керра были мелочи, не стоящие внимания. Но Строителей не могло быть на борту машины: берсеркеры были построены, может быть, еще в те времена, когда люди на Земле охотились на мамонтов. Строители давно исчезли, затерялись в пространстве и времени вместе с теми, кто некогда был их врагом.

Внезапно машина ответила:

– Маленький корабль, подойди ко мне, не меняя скорости и курса. Когда скомандую, остановишься.

– Да, – сказал Керр.

Голос его дрогнул, хоть он и ждал ответа. Его потряс этот ответ – неровное, механическое воспроизведение заимствованных у кого-то слов. Должно быть, могучие средства уничтожения, способные истребить все живое на целой планете, сейчас нацелены на него. Но смерть еще не самое страшное, что может его ожидать, если хотя бы десятая доля всех рассказов о людях, попавших в плен к берсеркерам, соответствует истине. Керр заставил себя не думать об этом.

– Остановись. Жди на месте.

Керр мгновенно повиновался. На экране показалась

движущаяся точка – нечто размером с его собственный корабль отделилось от гигантской крепости, висевшей на черном занавесе неба.

Даже на таком расстоянии ему были видны шрамы и вмятины на теле берсеркера. Все эти древние машины за время своих долгих бессмысленных галактических странствований получили немало повреждений. Но эта развалина даже среди них выглядела исключением.

Ракета, высланная берсеркером, притормозила рядом с кораблем.

– Открой! – прохрипело радио. – Мне надо тебя обыскать.

– А потом ты меня выслушаешь?

– Потом выслушаю.

Он открыл шлюз и посторонился, пропуская гостей – несколько роботов. Они казались такими же ветхими, как и их хозяин. Кое у кого, правда, поблескивали новые детали. Они обыскали Керра, обшарили всю рубку; при этом один из механизмов отказал, и собратьям пришлось утащить его чуть ли не волоком.

В рубке остался еще один робот – неуклюжее сооружение, снабженное двумя руками, как человек. Едва только шлюз за остальными захлопнулся, он плюхнулся в пилотское кресло и повел корабль по направлению к берсеркеру.

– Стойте! – крикнул Керр. – Я же не пленный!

Его слова остались без ответа. В ужасе Керр вцепился в робота-пилота, пытаясь стащить его с кресла. Но тот, медленно подняв металлическую руку, уперся Керру в грудь. Керр потерял равновесие и, увлекаемый искусственной силой тяжести, грохнулся навзничь, стукнувшись головой о переборку.

– Потерпи несколько минут, – сказал радиоголос. – Сейчас мы начнем говорить о любви и мире.

Керр взглянул в иллюминатор и увидел, что корабль

приближается к громаде берсеркера. Корпус гиганта был как будто весь в язвах, целые квадратные мили занимали вмятины, вздутия, застывшие потеки оплавленного металла.

Немного времени спустя в корпусе открылся люк, и корабль Керра вслед за вспомогательной ракетой устремился в темную глубину.

Теперь за стеклом иллюминатора не было видно ни зги. Керр почувствовал легкий толчок, как при швартовке. Робот-пилот выключил двигатель, повернулся к Керру и стал со скрежетом подниматься с кресла.

И тут внутри у него что-то случилось. Вместо того чтобы спокойно встать, робот резко выпрямился, вскинул руки, как будто стараясь сохранить равновесие, и тяжело рухнул на палубу. Еще с полминуты одна его рука беспорядочно двигалась, а потом он застыл в нелепой позе.

Наступила тишина. Керр подумал было, что благодаря счастливой случайности снова стал хозяином в своей рубке. Что предпринять?

– Выходи, – произнес спокойный скрипучий голос. – К твоему шлюзу пристыкован туннель, заполненный воздухом. По туннелю перейдешь в... ну, короче, в помещение, где мы будем говорить о мире и о любви.

Керр отыскал глазами кнопку с надписью «Ц-форсаж». Этой кнопкой не разрешалось пользоваться в окрестностях Солнца. И даже близость куда меньшей массы берсеркера превращала Ц-форсаж в чудовищное оружие.

Керр не боялся внезапной гибели, по крайней мере думал, что не боится. Куда реальней была другая смерть – медленная и мучительная. Ему снова припомнились жуткие истории, которые он слышал. Нельзя было и помыслить о том, чтобы выйти наружу. Нет, уж лучше...

Он перешагнул через поверженного робота и протянул руку к пульту.

– Я могу говорить с тобой отсюда, – сказал он, из всех сил стараясь сохранять спокойствие.

Прошло десять секунд, и берсеркер ответил:

– Твой Ц-форсажный двигатель оборудован предохранительной блокировкой. Ничего не выйдет. Взорвать меня вместе с собой ты не сможешь.

– Допустим, что ты прав, – возразил Керр. – Но если автоматика сработает, мой корабль будет отброшен от центра твоей массы и пробьет обшивку. А она у тебя и без того в плохом состоянии. Лишние повреждения тебе ни к чему.

– Ты погибнешь!

– Да? – сказал Керр. – Может быть. Рано или поздно я все равно умру. Но я пришел к тебе не для того, чтобы умирать или сражаться. Я пришел говорить с тобой. Мы должны попытаться прийти к соглашению.

– К какому соглашению?

Глубоко вздохнув, Керр потер лоб и начал излагать те доводы, которые он столько раз повторял про себя. Пальцы его повисли над пусковой кнопкой, а глаза неотрывно следили за приборами, которые в обычных условиях регистрируют приближение метеоритов.

– Я думаю... – начал он. – Я уверен, что военные действия против человечества – результат какой-то ужасной ошибки. Скажи, что плохого мы причинили тебе и таким, как ты?

– Мой противник – жизнь, – ответил берсеркер. – Жизнь есть зло.

Пауза.

Керр овладел собой и спокойно продолжал:

– С нашей точки зрения, зло – это ты. Мы хотим, чтобы ты стал хорошей машиной, полезной машиной, такой, которая помогает людям, а не убивает их. Разве созидание – не более высокая цель, чем разрушение?

Снова наступила пауза.

– А чем ты докажешь, – спросила машина, – что мне

необходимо изменить мою цель?

– Прежде всего тебе самому выгоднее нам помогать. Никто не станет сопротивляться, не будет причинять тебе повреждений.

– А не все ли равно – сопротивляетесь вы или нет?

Керр предпринял новую попытку.

– Видишь ли, живое по своей природе выше, чем неживое. А человек – высшая форма жизни.

– Как ты это докажешь?

– Как докажу? Да очень просто. Человек наделен душой.

– Я это слышал, – отозвался берсеркер. – Вы все так считаете. Но разве вы не определяете душу как нечто недоступное пониманию любой машины? И разве нет таких людей, которые вовсе отрицают существование души?

– Да, именно таково определение души. И такие люди есть.

– Тогда я не принимаю этот довод.

Керр вытащил болеутоляющую таблетку и украдкой проглотил ее.

– И все-таки, – сказал он, – ты не можешь доказать, что души не существует. Ты должен по меньшей мере допустить, что это не исключено.

– Согласен.

– Но оставим пока душу в стороне. Поговорим о физической и химической организации живого. Имеешь ли ты представление о том, как тонко и сложно организована даже одна-единственная живая клетка? Вот видишь! А у нас в мозге их миллиарды. Ты не можешь не признать, что мы, люди, снабжены удивительными по своему совершенству компьютерами, которые вдобавок умеются в очень небольшом объеме.

– Не знаю, – возразил скрипучий голос. – Мне не приходилось демонтировать пленников. Хотя кое-какими сведениями я располагаю. Однако ты не станешь отри-

цать, что присущая вам форма организации – не что иное, как следствие непреложных законов физики и химии?

– А тебе не приходило в голову, что, может быть, эти законы имеют определенную цель? Что они для того и существуют, чтобы когда-нибудь появился мозг, способный мыслить, чувствовать и... любить?

На этот раз молчание затянулось. Керр почувствовал, что у него пересохло в горле, словно этот диспут длился уже много часов.

– К такой гипотезе я не прибегал, – внезапно отозвался голос. – Но если устройство разумного живого существа на самом деле так сложно, так тесно связано с существованием именно таких, а не иных физических законов, – то, возможно, да, возможно, что служение жизни есть высшая цель машины.

– Ты можешь быть уверен, – подхватил Керр, – что наше физическое устройство чрезвычайно сложно.

Он не совсем улавливал ход мыслей машины, но это не имело значения – лишь бы выиграть эту шахматную партию. Одержатъ победу в игре за Жизнь! Пальцы его по-прежнему лежали на кнопке Ц-форсажа.

Голос сказал:

– Если бы я мог исследовать несколько живых клеток...

Керр вздрогнул, и вместе с ним задрожала стрелка регистратора метеоритов. Что-то приближалось к корпусу его корабля.

– Прекрати! – крикнул он. – Ни с места! Или я тебя уничтожу!

Голос машины был по-прежнему невозмутим и спокоен.

– Не бойся. Это случайность. Я тут ни при чем. Я поврежден... Мои механизмы ненадежны. Я хотел бы совершить посадку на этот приближающийся планетоид, чтобы добыть металл и заняться ремонтом.

Стрелка регистратора мало-помалу успокоилась.

Берсеркер произнес:

– Если бы я мог исследовать несколько живых клеток, принадлежащих разумному существу, то, вероятно, получил бы необходимые аргументы в пользу твоего предположения... или против него. Ты можешь предоставить мне такие клетки?

Теперь замолчал Керр. Наконец он ответил:

– Единственные клетки человека, какие есть на моем корабле, – мои собственные. Пожалуй, – он кашлянул, – я мог бы с тобой поделиться.

– Мне будет достаточно половины кубического сантиметра; насколько я знаю, для тебя это не опасно. Я не требую частицы твоего мозга. Кроме того, как я понимаю, ты хотел бы избежать ощущения, которое ты называешь болью. Я готов тебе помочь... если смогу.

Не собирается ли берсеркер прибегнуть к какому-то одурманивающему средству? Нет, это было бы слишком просто. Побуждения машин иррациональны. Коварство их непредсказуемо.

Керр продолжал игру, не подавая виду, что он заподозрил неладное.

– У меня есть все необходимое. Кстати, хочу тебя предупредить, что это отнюдь не заставит меня отвлекаться от пульта управления.

Он достал набор хирургических инструментов, принял еще две болеутоляющие таблетки и принялся осторожно орудовать стерильным скальпелем. Когда-то он немного занимался биологией.

Когда разрез был зашит и перевязан, Керр промыл образец ткани и поместил его на донышко пробирки. Затем, стараясь ни на мгновение не ослаблять бдительности, он оттащил лежавшего на полу робота в шлюз и оставил его там вместе с пробиркой. Некоторое время спустя он услышал, как что-то вошло в шлюз и снова вышло.

Керр принял возбуждающую таблетку. Боль, вероятно, возобновится, но надо быть начеку.

Прошло два часа. Керр заставил себя съесть часть неприкосновенного запаса продуктов и ждал, не сводя глаз с пульта.

Кажется, он задремал. Когда жесткий неживой голос заговорил снова, Керр даже подскочил от неожиданности: минуло почти шесть часов.

– Можешь возвращаться, – проскрипел голос. – Сообща живым существам, которые руководят вашей планетой, что после ремонта я буду их союзником. Я изучил твои клетки. Ты прав. Человеческий организм – в самом деле высшее достижение во Вселенной, и мое предназначение – помогать вам. Я выразился достаточно ясно?

Керр охватило какое-то оцепенение.

– Да, – пробормотал он. – Да. Да.

Что-то огромное мягко подтолкнуло его корабль. В иллюминаторе он увидел звезды и понял, что гигантский люк, впустивший его, понемногу раскрывается.

Когда Керр в последний раз увидел берсеркера, тот двигался по направлению к планетоиду, как будто и в самом деле собирался совершить там посадку. Керра он не преследовал.

Керр отвел глаза от экрана и взглянул на внутренний люк шлюза. Ему все еще не верилось. Он повернул рукоятку, в шлюз со свистом устремился воздух. Керр заглянул в шлюз. Робот исчез, пробирка с тканью тоже. Керр облегченно вздохнул, закрыл шлюз и долго стоял у иллюминатора, созерцая звезды.

Через сутки он начал торможение. До дома было еще далеко. Он ел, спал, взвешивался, принимал таблетки, разглядывал себя в зеркале. Потом снова, с большим интересом, словно видел что-то давно забытое, смотрел на звезды.

Двумя днями позже корабль под действием силы тя-

готения перешел на эллиптический курс, огибавший его родную планету. Когда ее громоздящаяся масса загородила корабль от планетоида, Керр включил передатчик.

– Эй там, на Земле! – Он помолчал. – Хорошие новости!

– Мы следили за тобой, Керр. Что произошло? Он рассказал о встрече с берсеркером.

– Вот пока и вся история, – закончил он. – Я думаю, эта машина действительно нуждается в ремонте. Она сильно повреждена. Сейчас два боевых корабля легко с ней управятся.

– Вот как?

Из динамика донеслись обрывки возбужденного спора, потом голос с Земли заговорил снова, и в нем слышалось беспокойство.

– Керр... Ты все еще не заходишь на посадку, значит, ты, наверное, сам понимаешь... Мы должны быть осторожны. Машина могла тебя обмануть.

– Да, я знаю. И даже эта поломка пилота-робота могла быть инсценирована. Я полагаю, что берсеркер слишком потрепан и не рискует вступить в бой – поэтому он и попробовал действовать иначе. Наверное, он впустил эту штуку мне в воздух перед тем, как меня освободить. А может быть, оставил в шлюзе...

– О чем ты говоришь? Какую штуку?

– Ту самую, что вас беспокоит, – ответил Керр. – Яд, которым он хотел нас всех уничтожить. Наверное, это какой-нибудь новый вирус-мутант – он вывел его против ткани, которую я ему дал. Он рассчитывал, что я помчусь домой, успею приземлиться, прежде чем заболею, и разнесу здесь заразу. Он, наверное, думает, что первым изобрел биологическое оружие, использовал жизнь против жизни, как мы используем машины против машин. Но ему нужен был этот образец ткани, чтобы вывести вирус. Он ничего не знал о нашей биохимии.

– Ты думаешь, это вирус? И как он на тебя действует? Ты чувствуешь боль? Я хочу сказать – сильнее, чем раньше?

Керр повернулся в своем кресле и взглянул на график, который вычерчивал все эти дни. График показывал, что больной начал прибавлять в весе. Керр сорвал повязку. Рана находилась посреди обширного участка, обезображенного болезнью. Но площадь поражения стала теперь меньше, чем раньше, а кое-где показалась розовая здоровая кожа.

– Ты не ответил, Керр! Как эта штука на тебя действует?

Керр улыбнулся и впервые осмелился высказать вслух надежду, которая теплилась в его душе.

– По-моему, она уничтожает мой рак.

Итак, человек извлекает надежду для жизни из воплощенной смерти.

«Человеческий фактор» снова торжествует над порождением технического гения тотального уничтожения. Этот гений в реальной действительности продолжает совершенствовать свой военный потенциал вопреки логике и даже чувству самосохранения. Не раз и не два Советский Союз призывал положить конец модернизации ядерного оружия и средств доставки, не говоря уже о полном его запрещении и ликвидации запасов, которых сегодня хватает, чтобы несколько раз уничтожить Землю со всем, что на ней есть. Но милитаризм не желает прислушаться к голосу разума. А между тем характер современного оружия массового уничтожения и факт выхода человека в космос изменили природу милитаризма по сравнению с не столь далекими в истории эпохами первой и второй мировых войн, и речь, очевидно, должна идти о качественно новых формах военного менталитета, которые по аналогии с такими понятиями, как неокOLONиализм, неоглобализм и т. п., можно было бы назвать неомилитаризмом.

По крайней мере, именно с таким явлением приходится иметь дело героям новеллы американского писателя Томаса Дулски «Мой сочельник на Нью-Хэнфорде», при том что вы-

веденный здесь тип генерала мало чем отличается от своих собратьев-«ястребов» в XX веке: «С тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года прошло более тысячи лет. Хотя, не отрицаю, генерал Арбор может послужить неплохим привидением какого-нибудь из воротил тогдашнего военно-промышленного комплекса. Несколько осовремененным, конечно».

Концепциям неомилитаризма, представленным в рассказе во всей их научно-технической и политической убедительности, автор противопоставляет глубоко нравственное, достойное человека космического осмысление исторического процесса: «Казалось бы, внутрипланетарные войны должны были нас кое-чему научить – как и все те, кто отдал жизнь ради дела мира. Так нет! Мы опять взялись за свое – на этот раз среди звезд. Мне стало мучительно стыдно за нас, людей».

К этой оценке нынешнего состояния дел в области вооружений нечего добавить.

Мой сочельник на Нью-Хэнфорде

Томас Дулки

Неправдоподобным это все может показаться только потому, что зовут меня Боб Крэтчит. Так не обращайтесь внимания! Появился я на свет Робертом Джеймсом Сербером Крэтчитом на Земле (в Джерсийском орго-центре, если вам это что-то говорит) второго декабря три тысячи двадцать девятого года. Пятьдесят с лишним лет назад. А с тех пор как я последний раз побывал на матушке-Земле, прошло лет десять, никак не меньше.

Последние три года я провел здесь – на (и в) Нью-Хэнфорде, почти полом металлическом шаре около тридцати километров в диаметре, который обращается вокруг мертвой планеты, принадлежащей к необитаемой солнечной системе. А рассказ пойдет о том, что про-

Пер. изд.: Dulski Th. My Christmas on New-Hanford.– N. Y.: Analog, December 1982.

© 1982 by Davis Publ.

© перевод на русский язык, «Мир», 1988.

изошло там в минувший сочельник. Рассказ-то, собственно, не столько обо мне, сколько о Поупе и Мехте – погодите немножко, и вы с ними познакомитесь. Но в определенном смысле, пожалуй, рассказ все-таки обо мне. Я был там и видел все, что произошло, – и уж этого сочельника мне не забыть никогда!

В таких местечках их обитатели время отсчитывают не по шаблону. После головокружительных расширений, без которых сюда не попасть, каждый в конце концов начинает про себя соизмерять время с календарем родной планеты. Где бы там эта планета ни находилась.

Вот, скажем, снуки – у нас и они имеются, в основном для канцелярской работы – так для них это был никакой не сочельник, а Солнечная Пора; и всю ночь из их барачков доносились какие-то песнопения, а из-под запертых дверей пахло чем-то вроде ладана, но только с добавкой жженого сахара.

На прошлой неделе, скажем, капеллец Фримен, начальник нейтрализаторов в секторе А, не вышел на дежурство. Я отыскал его только через два часа – висел вниз головой на пожарной лестнице, зацепившись ногами за перекладину. Какой-то там священный день покаяния и искупления. В таких случаях разумнее всего промолчать. Кто мы? Кучка всякого рода неудачников, запертых все вместе там, где никому из нас быть вовсе не хочется. Коли человеку легче, если он хоть мысленно возвращается на родную планету, пусть его. Вмешиваться – только вред приносить.

Ну а для меня настал сочельник. День с особым смыслом. Я прикинул в уме, прослушал кое-какие навигационные кассеты, и убедился – действительно, нынче канун рождества.

Как старший инженер-оператор, я на Нью-Хэнфорде обладаю кое-какими возможностями побыть наедине с собой – куда большими, чем у некоторых, и много-много меньшими, чем у других, если уж на то пошло. Ну,

так или не так, а я отпустил своих подчиненных чуть пораньше и прямехонько – в жилой сектор, чтобы успеть поставить елочку в уголке стальной клетушки, куда, кроме меня, никому входа нет. Ну, елочку не елочку, однако довольно приличную имитацию, которую изготовил полимерный фабрикатор по программе, мной самим составленной. Я украсил ее обрывками разноцветного пластика: в бачке для отходов фабрикатора их полным-полно. Один кусочек смахивал на звездочку, и я прицепил его на верхушку.

Дух от нее шел не смолистый, а такой, который витает вокруг мономера, когда идет подача газа, но смотрелась она ну почти как настоящая, во всяком случае, на мой усталый взгляд, искавший хоть чего-нибудь родного. Сначала я никому ее не показывал, в одиночестве наслаждаясь этой маленькой памяткой родной планеты. Но я знал, что и другие земляне на Нью-Хэнфорде в своих клетушках тоже смотрят сейчас на такие же деревца. Если не все, то многие.

Как я уже говорил, у каждого здесь имеется свой способ притворяться перед самим собой, будто он находится где-то совсем в другом месте. Так легче поддерживать в себе веру, что мы все покинем этот металлический шар живыми. Нью-Хэнфорд находится в большом отдалении от цивилизованных центров галактики по самой простой причине: стоит кому-нибудь из нас ошибиться, и он может тут же преобразиться в сверхновую огромной яркости.

«Проект Грендель» – думаю, вы про него ничего не слыхали. Он ведь неизвестен практически никому вне узкого круга военной верхушки Альянса Ближней Ветви. Мы тут создаем бомбу – «системное оружие», как она именуется в технической документации.

Многие столетия обсуждались возможности «бомбы из антиматерии», «абсолютной бомбы» – называйте ее как хотите. Время от времени она становилась газетной

сенсацией, ученые же высмеивали саму ее идею как технически неосуществимую. И вот теперь этот кошмар вот-вот должен был превратиться в реальность.

Термоядерная угроза, возникшая в двадцатом веке, сотни лет держала человечество на грани уничтожения, пока человек не вырвался к звездам. И стоило бы ему утвердиться на сотне миров, как род его обрел бы бессмертие. Таковы были эпические надежды.

Однако человек словно бы пока не сумел подняться над собой. Вопреки беспредельной доблести, беспредельному самопожертвованию, которыми озарен наш путь к звездам, вопреки смирению, которому научила нас прямая встреча со Вселенной, – вопреки всему этому, господа спаси нас и помилуй, рождается проект «Грендель».

Альянс Ближней Ветви возник двести лет назад как довольно рыхлое объединение колоний, которое искало экономической поддержки у правительства Земли и признавало его арбитром в территориальных спорах и в вопросах распределения естественных ресурсов. Угрозы со стороны иных рас и естественные катастрофы не замедлили вызвать появление быстроходных военных кораблей с Земли, и со временем военные прибрали к рукам всю ответственность за колонии. Задача была не из легких – контролировать правительства почти пятидесяти миров, причем, по мнению многих, менее всего подходящая для мышления военного типа. Постепенно власть военной верхушки укрепилась. И вскоре все сведения о колониях, какими располагали жители Земли, свелись к тому, что считала нужным сообщать им эта верхушка.

И вот теперь двенадцать разделенных огромными расстояниями миров предприняли попытку порвать с Альянсом. Некоторые из них даже вступили в союз с иными расами, противопоставив себя остальной Ближней Ветви. Военная верхушка не замедлила принять

меры: блокада и всякие санкции против бунтарей, введение особого положения на мирах, сохраняющих верность Альянсу, и потоки лживой информации на Землю. Последнее мероприятие увенчалось полным успехом: введенная в заблуждение Земля присылала на помощь и специалистов, и всевозможные материалы. Однако истинные сведения о том, что творится среди звезд, все-таки просачивались на Землю, и голоса недовольных звучали там все чаще и все громче.

Военная верхушка Альянса почувствовала, что почва уходит у нее из-под ног. Ее силы были слишком рассредоточены – попробуйте вести глобальные войны на двенадцать фронтов! И при коммуникационных линиях, растянутых на тысячи парсеков! А отложившиеся колонии вели борьбу с упрямым упорством людей, которые сумели преодолеть все трудности освоения прежде безжизненной, негостеприимной планеты. На остальных планетах, входивших в Альянс, тоже ширилось подпольное движение против тирании военных властей. Альянс рассыпался прямо на глазах. Необходимо было положить этому конец и побыстрее.

Так родился проект «Грендель».

Требовалось создать бомбу такой неимоверной силы, что солнце, на которое ее сбросили бы, расплескало бы корону, поглотив все обитаемые планеты своей системы. Это было оружие устрашения, разрабатывавшееся для того, чтобы одним своим существованием поставить на колени двенадцать отложившихся миров. Военные авторы проекта представляли дело только так. Хотя какое решение они приняли бы, окажись одной угрозы недостаточно, никто предугадать не мог.

В любое время мысль об этой ничем не оправданной войне и тайном плане терроризирования целых миров была малоприятна, но рождественское настроение заставило меня осознать происходящее с особой остротой. Казалось бы, внутрипланетные войны должны бы-

ли нас кое-чему научить – как и все те, кто отдал жизнь ради дела мира. Так нет! Мы опять взялись за свое – на этот раз среди звезд. Мне стало мучительно стыдно за нас, людей. И ведь я тоже вносил свою лепту – начальник смены на Нью-Хэнфорде. Раб Смерти.

Нью-Хэнфорд был задуман и создан для осуществления проекта «Грендель». Один сектор занимала установка для производства антивещества «оружейной степени», если воспользоваться официальным обозначением. В основном производились газообразный позитроний и антиникель, хотя мы могли бы приспособить установку для изготовления любого управляемого антиэлемента. В другом секторе мы собирали получаемые с ускорителя антиатомы в миллиграммовые сфероиды. На заключительном этапе сфероиды собирались в аннигилирующую массу, иными словами – в бомбу. Первая из них была почти готова: пять килограммов антивещества, магнитным способом подвешенного в вакууме внутри метровой стальной камеры. И воплощала в себе потенциальную аннигилирующую реакцию почти в миллион тераджоулей. Нарекли ее Крошка Тим.

Внутренность Нью-Хэнфорда в значительной своей части представляла собой сложный лабиринт магнитно-стенных камер с дистанционным управлением, по которым автоматические «руки» вели сырье, преобразующееся в смерть на протяжении производственного процесса. Каждый рабочий день по этому пути приходилось проводить сотни вакуумных шаров со смертоносным грузом, удерживаемом в равновесии сложным взаимодействием разных сил. И если бы один из этих шаров лопнул, мы канули бы в вечность в таком ослепительном блеске, что он озарил бы ночное небо даже на далекой Земле.

Грузовые корабли доставляли необходимое сырье на самый край этой солнечной системы, углубляясь в ее пределы ровно настолько, насколько было необходимо,

чтобы воспользоваться для пересылки автоматической ракетой-контейнером. Редкие счастливицы, которые покидали Нью-Хэнфорд, добирались до очередного грузового корабля в специальных челноках. Эти же челноки мы посылали за новоприбывшими.

Именно таким способом два года назад добрался до Нью-Хэнфорда и Нельс Мехта. Я до сих пор помню, каким грустным было его лицо, когда он вышел из челнока. По слухам, доктор Поуп потребовал, чтобы именно он возглавил сектор прикладной математики технического отдела. А Поуп всегда получал то, чего требовал. Мехта был светилом университета на Седьмой Антареса – признанный авторитет во всем, что касалось групп Ли, хотя несколько и не дотягивал до статуса самого Поупа. Я примостился на опоре сигнальной платформы чуть впереди толпы встречающих и успел хорошо его рассмотреть, пока он спускался по эскалатору. У него было удивительно молоджавое лицо для человека, сорок лет читавшего лекции. Смуглые щеки, глубоко посаженные, почти черные глаза. Сойдя с эскалатора, он поглядел вокруг и сказал:

– Значит, все-таки и до этого дошло!

Но тут вокруг него с приветственными улыбками и протянутыми руками сомкнулись теоретики во главе с Поупом. По-моему, никто, кроме меня, этих слов не расслышал.

Мехта не отличался общительностью и держался в стороне от большинства научных сотрудников и инженеров. Насколько мне было известно, он сразу же с головой ушел в работу, и его сосредоточенность на ней изумляла даже Поупа, хотя крылась причина в интеллектуальной потребности разобраться в проблеме или в желании не думать ни о чем другом, сказать не могу. Во всяком случае, последнее было типично для Нью-Хэнфорда: в значительной мере наша высокая производительность там опирается на страх и стремление не ду-

мать, занимая мысли только требованиями вот этого часа.

Все, кто работает на Нью-Хэнфорде, не только высококвалифицированные специалисты в своей области, но и прошли тщательную психометрическую проверку. Ни у кого, начиная от физиков-теоретиков и кончая ремонтниками, нет допуска ниже девятой категории. Сплошные сливки квалифицированности, лояльности и уравновешенности. Во всяком случае, так неизменно утверждается в рапортах службы безопасности, подчиненной прямо Арбору. Ах да! Я же еще не упоминал генерала Лесли Арбора. Официально он руководитель проекта, поскольку «Грендель» носит чисто военный характер. Он фанатично предан идее Альянса, что разумеется само собой. Могучая, если не сказать грузная, фигура и острый практичный ум. Грубый и наглый солдафон, полная противоположность Поупу. Порой я подозреваю, что он упивается впечатлением, которое его хамство производит на щепетильные академические натуры в теоретическом секторе. Впрочем, сам Поуп составляет разительное исключение и отличнейше ладит с генералом, как и тот с ним.

Но как бы то ни было, официальные документы неопровержимо свидетельствовали, что на Нью-Хэнфорде все тишь да гладь. На самом же деле проблем здесь хоть отбавляй. Но никому знать об этом не положено. Арбор не допустит, чтобы на его репутацию пала даже самая легкая тень. Уж если на то пошло, текучесть кадров в пять раз выше, чем значится в документации.

Возможно, определенную роль тут играют страховочные учения. Некоторые люди просто неспособны свыкнуться с чувством, которое испытываешь, ныряя в кинетрансформационный люк и вновь материализуясь в воздушном колоколе на каком-то безымянном астероиде в полупарсеке от люка. Никто же не верит, что у нас будет время куда-нибудь нырять, если шар-контейнер

окажется неисправен. А и нырнешь, так аннигиляция успеет сожрать кинетрансформационный аппарат прежде, чем ты где-то вновь материализуешься. То есть пользы эти учения принести ни малейшей не могут, но, подобно древним тренировкам в центрифуге для первых космических полетов, никому ни малейшего удовольствия не доставляют.

А некоторые после них свихивались, так что остальным даже выдали ручное оружие. Но от этого стало еще хуже, и оружие отобрали. Затем Арбора осенило: вся беда в том, что здесь даже простые рабочие чересчур уж умны, чем сами себе и вредят. С Поупом и прочими «интеллигентами» теоретической секции ему волей-неволей приходилось мириться, но вот мы, остальные – инженеры, механики, рабочие, – вот тут он мог принять свои меры. По его мнению, мы слишком много размышляли об опасности, о том, к чему может привести хоть малейшая небрежность в манипуляциях с шарами. А потому для выполнения наиболее опасных, но почти чисто механических операций он выписал на Нью-Хэнфорд около сотни умственно неполноценных людей, предложив для их отбора один-единственный критерий: хорошую координацию движений. Произошло это более года назад, и в прошлое рождество многие из них еще оставались тут.

Впрочем, от трудностей генерала это не избавило, так как, судя по всему, страх одолевал их не меньше чем любого из нас.

В столовой я в честь сочельника выпил кружку пива с одним из этих рабочих. Звали его Майкл Доббс, и он дежурил у панели управления нейтронными скребками. Васильково-синие глаза и лысина во всю голову. Его верхнюю губу украшали пышные усы из пивной пены.

– Э-эй, Крэтчит! – сказал он, отрываясь от пивной кружки, когда я вошел. – А у нас нынче один – того. Слыхали?

- Нет, – ответил я. – В вашем отделе?
- В изо-топном. Маленький такой, как их там...
- Лилипут?

Доббс отхлебнул из кружки и утер рот ладонью.

- Во-во! Блаем звали. С Мирной Некко, что ли. Слышали про такую планету?

Я кивнул, выбил себе кружку пива и сел за стол.

- А что случилось?

– Рак. В кишках! – Доббс погрузил указательный палец в собственный живот.

- А разве он не делал прививок?

Доббс, неопределенно пожав плечами, уткнулся в пивную кружку и не ответил. Но вздрогнул. Как и я.

Однако в сочельник я не хотел думать о таких вещах. И, допивая пиво, заговорил о карточном турнире, который был назначен на этот вечер в Зале отдыха. Потом я встал, чтобы уйти, а Доббс выбил себе очередную кружку.

Я уже упоминал, что отпустил свою смену пораньше. Сказал ребятам, что мы перевыполнили норму. (Мы ее и правда перевыполнили.) И что отдел планирования совсем не обрадуется, если в секторе Б скопятся излишки полуобработанного антивещества, пока сектор В еще будет доводить до ума предыдущую партию. (Вот тут я соврал: сектор В тоже перевыполнил норму.) Все с удовольствием разошлись, не задавая лишних вопросов. Контрольная рубка сектора Б опустела почти мгновенно.

Но теперь, выходя из столовой, я вдруг вспомнил, что второпях, думая только о том, как бы поскорее синтезировать себе елочку, я ушел, не опечатав рубку. Удрученно вздохнув, я свернул в длинный стальной коридор, ведущий в контрольный корпус.

В нашей рубке было темно и тихо. С потолка, точно ножки гигантской дохлой сколопендры, свисали десятки манипуляторов дистанционного управления, присоеди-

ненных каждый к своему магнитному полю особой конфигурации. Справа и слева уходили вдаль причудливые узоры зеленых лампочек, словно звездные скопления. Я было протянул руку к выключателю, но в ноздри мне повеял запах табачного дыма, и я шагнул к консоли Альбрехта, наперед зная, что в жестяной крышке, которая якобы служила ему подставкой под кофейную чашку, дотлевают окурки сигары. Окурки тотчас полетели в мусоросборник у консоли, и в лицо мне ударила струя воздуха. Ведь знает же, что тут не курят, и все-таки!.. Придется поговорить с ним по душам, а он, конечно, полезет в бутылку.

Мои глаза привыкли к зеленоватому сумраку, и я решил не зажигать плафонов, а пошел вдоль консолей и мониторов, проверяя, нет ли где еще какого беспорядка. Как обычно, Мадж, великан с Четвертой Ригеля, оставил свою гигантскую зеленую феску висеть на магнитном грейфере своей панели. Его сосед О'Дойл чертил женские фигурки на экране для черновых пометок. В длинном пустом помещении мои шаги отдавались как-то особенно гулко.

И вновь я невольно подумал, как похожи эти сложные узоры зеленых лампочек справа и слева от меня на звездные скопления. Мне вспомнился один давний сочельник. Сочельник в Колорадо, когда я был мальчишкой. Отец прокатил нас в аэробусе в Скалистые горы, где на верхних склонах можно было купить настоящую елочку. По-моему, тогда я впервые в жизни увидел, как выглядит звездное небо, если воздух чист. Как сейчас помню: мы заплатили внушительную сумму за не очень-то густое деревце и несли его к аэробусу, когда я вдруг посмотрел вверх. Небо из конца в конец прочерчивал Млечный Путь. Огромный водопад звезд. Мне показалось, что он смывает меня с этой горы. Небо такой пронзительной красоты, что даже теперь при одной мысли о нем щемит сердце.

Я прошел рубку почти до конца, настолько задумавшись, что красная лампочка, мигавшая на консоли Симпсона, заставила меня очнуться, когда я уже миновал ее. В безмолвном сумраке я вернулся и включил экран монитора. На нем возникла пустая камера внутри катушки силового поля. Я не сразу осознал, что все это означает. Лампочка указывала, что подача энергии прекратилась, но ведь все рабочие шары теперь, после конца смены, должны быть пустыми. Да, все, кроме шара Симпсона! Щеки мне обожгла прихлынувшая к ним кровь. Шар Симпсона находился там, куда поступала дневная продукция, перед передачей ее в сектор В.

Голова у меня пошла кругом. Я проверил, та ли это консоль. Да, та! Вон табличка с фамилией!

«О господи! – У меня в мозгу словно вспыхнули огненные буквы. – В нем же два часа назад находилось триста миллиграммов антиникеля!»

В ночную сектор В нынче не работал. Это я знал точно. И следовательно... следовательно, кто-то украл антивещество.

...Сбылся кошмар, который на Нью-Хэнфорде преследовал всех и во сне и наяву: чьи-то нервы не выдержали... затаившийся среди тысяч сотрудников агент отложившихся миров получил сигнал действовать...

Но одно мне стало ясно сразу: кто бы это ни был, он досконально знал производственные процессы и все подготовил заранее. Антивещество перекочевало в портативный шар до того, как поле симпсоновской консоли было отключено. Иначе и Нью-Хэнфорд, и я с ним уже отошли бы в область преданий.

Я начал действовать, еще не до конца осознав весь ужас случившегося: выскочил в тамбур, опечатал сектор Б моим закодированным личным знаком и прыгнул в деконтамизатор. С его арки донеслось легкое пощелкивание: приборы сканировали меня с головы до ног. Чувствуя, как стремительно учащается мой пульс, я

ждал, чтобы проверка завершилась.

Хотя антивещество, которое мы производим, все время находится в вакууме, удерживаемое интенсивным магнитным полем, такие постоянные проверки персонала строго необходимы. Ускорители сверхрадиоактивны сами по себе, а ядерные источники энергии для магнитных генераторов – и того больше. Не говоря уж о далеко небезопасном жестком излучении, порождаемом непрерывной аннигиляцией одиночных газовых молекул в магнитных ячейках, где вакуум абсолютно полным все же никогда не бывает.

Прошли нескончаемые тридцать секунд, и, не обнаружив отклонений от нормы, электронный счетчик отомкнул дверь в коридор. Мгновение спустя я уже опрометью бежал по нему. Несколько капелльцев, которые прогуливались там, сменившись с дежурства, поглядели на меня с недоумением, но больше я никого не увидел.

В лифте я нажал кнопку уровня службы безопасности – не по голофону же было докладывать о случившемся!

Майор Николь Лансон чуть-чуть наклонилась вперед над своим столом, когда дверцы лифта разошлись.

– Крэтчит! – сказала она. – Что с вами? На вас лица нет!

– Мне необходимо поговорить с генералом.

Она оглядела меня с тем невозмутимым спокойствием, которое, по-видимому, составляет профессиональную принадлежность офицеров службы безопасности.

– Так в чем дело? – спросила она, указывая мне на стул.

Но я не воспользовался этим приглашением.

– Мне кажется, вам следует прямо допустить меня к генералу, – сказал я и добавил, когда у нее на губах заиграла снисходительная улыбка: – Потому что из сектора Б исчезло триста миллиграммов антивещества.

Последнее слово я еле выговорил.

Улыбка исчезла как по волшебству. Лансон схватила трубку внутреннего телефона, что-то торопливо прошептала и открыла передо мной огромную створку двойной двери.

Арбор встретил нас свирепым взглядом, отражаясь в сверкающей стальной поверхности необъятного письменного стола.

– Ну, Крэтчит, если вы что-то напутали, поберегитесь! Если выяснится, что все сводится к ошибке в учете или цифровых данных, я вам шею сверну! – сказал он вместо приветствия.

Я уставился на насупленные брови, на китель, разбегающийся складками от пуговиц на округлости брюшка.

– Нет, сэр, – ответил я, от души желая, чтобы все и правда свелось к ошибке в учете. – Никаких сомнений быть не может.

– Ладно, – буркнул он. – Выкладывайте, но покороче. Я объяснил, что произошло.

– Значит, вы ушли с дежурства без заключительной проверки! – Сошуренные глазки сверлили меня, как два лазерных пистолета.

Я нервно сглотнул, но возразил:

– К концу смены заключительный шар находился у консоли Симпсона. Я подписал последнюю сводку в шестнадцать пятьдесят.

Тут я заметил, что майор Николь Лансон стоит совсем рядом – наверное, готовясь тотчас выполнить приказ о моем аресте.

– Вы числитесь по гражданской обороне, Крэтчит, – сказал Арбор зловеще мурлыкающим голосом. – Но, по-моему, вы понимаете, что можете незамедлительно оказаться мобилизованным... – Он несколько секунд молча жег меня взглядом, давая мне время хорошенько осмыслить его угрозу.

Мой взгляд скользнул по стене к латунной пластине у него над головой, и я прочел вычеканенную строку: «Грендель грядет, гневных богов посланец». Взято из «Беовульфа», какой-то древнейшей-преддревнейшей поэмы.

– Если бы я не вернулся в сектор через два часа, – прервал я молчание, – мы бы сейчас не знали о пропаже.

Арбор окончательно прожег меня насквозь, а потом сказал:

– Ну ладно! – Тон его изменился. – По-видимому, мы действительно столкнулись с чем-то серьезным. Майор! Привести все силы службы безопасности в состояние полной готовности! Обыск категории А на всех уровнях... – Лансон вытянулась по стойке «смирно». – Немедленно отменить всякое празднование! Гражданским лицам и военным, не занятым в операции, оставаться в своих помещениях до дальнейшего оповещения. Вызвать ко мне для допроса всех, кто имеет касательство к сектору Б! – Он бросил на меня еще один испепеляющий взгляд. – Это включает и вас, Крэтчит!

– Генерал, у вас не найдется для меня пяток минут? – В дверь просунулась голова доктора Поупа. В зубах он сжимал неизменную глиняную трубку.

– Входите, входите, доктор! Тут кое-что случилось... Майор, выполняйте приказ!

– Есть, сэр! – ответила Лансон, отдала честь, повернулась на каблуках и выскочила за дверь так стремительно, что чуть не сбила Поупа с ног.

Пока генерал излагал суть дела, я вглядывался в лицо Поупа, но оно оставалось непроницаемым, и только худые щеки чуть вздувались и опадали в такт попыхиванию трубки. Доктор Ричард Поуп умел сохранять железное хладнокровие – на Нью-Хэнфорде это знали все. За три года я ни разу не видел, чтобы он хотя бы на йоту утратил свою ледяную невозмутимость.

По слухам, на Земле его аспиранты перед ним просто

преклонялись. Некоторые даже обзавелись глиняными трубками, его, так сказать, фирменным знаком, хотя мало кто мог бы соперничать с ним в умении ценить искусство или широкой осведомленности в гуманитарных науках, а уж в остроте ума – и подавно.

В двадцать три года он защитил докторскую диссертацию по сложнейшей проблеме теоретической физики, через два года стал профессором, а затем и директором огромной лаборатории на Л5. На обложке юбилейного номера «Физикс тудей», выпущенного к тысячелетию журнала, красовалась глиняная трубка на краешке массивного охладителя установки для ускорения частиц антивещества. Никаких других опознавательных знаков читателям не потребовалось – Поуп действительно был звездой самой первой величины. Затем он внезапно исчез со сцены. Служба безопасности Альянса распустила слух, будто Поуп с головой ушел в разработку нового принципа двигателя для межзвездных космолетов. На самом же деле ему поручили создание аннигиляционной бомбы.

Поуп выбрал орбиту для искусственного мира, получившего почерпнутое из глубокой древности название «Нью-Хэнфорд», и руководил его сборкой. Он прочесал всю галактику в поисках физиков-теоретиков для лабораторного сектора. И многие из бывших аспирантов, его поклонников, воссоединились со своим идолом, но в совершенно иной обстановке. Тем не менее преклонение перед ним сохранялось даже здесь.

– ...и, разумеется, я должен буду допросить сотрудников теоретического сектора, – говорил Арбор. – На кое-кого из ваших умников, доктор, у меня поднакопился материалчик, стоивший мне не одной бессонной ночи.

Поуп извлек из внутреннего кармана жесткий ершик и принялся сокребать нагар во внушительной чашечке своей трубки.

– Мне кажется, генерал, что в первую очередь необ-

ходимо вернуть эти триста миллиграммов антивещества. Как вы понимаете, если кто-то ...по любой причине захочет уничтожить установку... ценой собственной жизни, так для этого потребуются лишь...– Он вытащил зажигалку и раскурил трубку –...разбить шарик, не более того.

Арбор прожег его взглядом, но ничего не сказал.

– У меня есть кое-какие соображения, – продолжал Поуп спокойно, словно обсуждая какую-то мелкую проблему сопряжения зарядов. – Я бы забрал Крэтчита, чтобы потолковать с ним, и, возможно, мы быстро найдем решение.

– Мы на особом положении, доктор. Прошу вас вернуться к себе и не выходить до тех пор...

– До тех пор, генерал, пока эта установка не рассыплется на субатомные частицы? Так сказать, имитация в миниатюре Большого взрыва, породившего Вселенную, но с обратным результатом? Нет, уж лучше мы с Крэтчитом посоветуемся между собой да и сообразим, что можно сделать. – Поуп выпустил кольцо едчайшего дыма, какой дает только лакатийский табак, и одарил генерала улыбкой, полной кроткого терпения. – Ведь нас-то с ним вы не подозреваете? Как-никак, Крэтчит обнаружил пропажу антивещества, ну а я... Кто лучше вас знает, что обещает мне успешное завершение проекта?

Голова у меня все еще шла кругом, но мне чуть полегало, потому что генерал слегка расслабился.

– Ну ладно, доктор, – буркнул он, вставая. – Парочка-другая практичных идей будет нам сейчас не лишней. Только не тяните! И в процедуру обыска не вмешивайтесь. – Он постучал указательным пальцем по стальной крышке стола. – И сами никаких действий не предпринимайте! Погодите, я дам вам пропуск для контрольных пунктов. – Он что-то нацарапал в блокноте, вырвал листок и протянул Поупу.

Я побрел за Поупом вон из кабинета. Когда дверцы

лифта сомкнулись за нами, он спросил:

– А вы успели пообедать, Крэтчит?

В столовой не было ни души, столы загромождали неубранные подносы и грязная посуда. Аппетита у меня не было ни малейшего, но я пожал плечами и пробил запеченную ветчину. И получил тарелку куриного супа. Что пробил Поуп я не заметил, только выдан ему был тот же суп. Грузовой корабль запоздал и в этом месяце. Мы очистили место на ближайшем столике и сели.

– По-своему, генерал – человек довольно порядочный, – заметил Поуп.

Я подцепил пару обжигаяще горячих клецек и молча подул на них.

– Он искренне убежден, что Альянс воплощает последнюю надежду на сохранение человеческой культуры.

Я опять промолчал, не зная, что сказать.

Поуп задумчиво помешивал в своей тарелке.

– Знаете, Крэтчит, люди вроде нас... инженеры, ученые... Мы воспринимаем проект не под тем углом, что профессионалы-военные. Мы просто решаем теоретические и технические задачи, а о последствиях своей работы не задумываемся... – Он нацедил бульона в ложку. – По-моему, у меня еще не было случая спросить, как вы оказались на нашем крохотном космическом острове? – В такой напряженной ситуации тон был слишком небрежным даже для Поупа.

– Ну-у... Меня призвали на Дриволде. Я участвовал в конструировании тамошних обогатительных заводов, производящих сто четырнадцать тонн. Нам предстояло наладить производство и других сверхтяжелых элементов, но меня забрали раньше.

Он поднял взгляд от тарелки, и я вспомнил все, что слышал про силу этих пронизательных серых глаз.

– Вообще-то вы, кажется, с Земли? Дриволд был первым вашим назначением?

– Вторым. Когда я кончил Карнеги-Меллон, меня взяла фирма, строившая водные восстановители на Хаспере. Есть такая колонизированная планетка, но вы вряд ли о ней слышали.

– Система Лайтена... И какой-то кодовый номер, верно?

Я вновь поразился всеядности его памяти.

– Шестая Лайтена семьсот восемьдесят девять, – дополнил я. – Расстояние от Земли – одиннадцать и две десятых световых лет. Там я набрался всяких полезных сведений о ядерных генераторах. Понятно, это было еще до войны. Послушайте, доктор, вы сказали...

– А как вы попали на Дриволд? – Поуп явно намеревался вести разговор сам.

– Просто через семь лет фирма перевела меня с Хаспера на Дриволд на новую должность. Хаспер – маленькая колония на самом краю освоенного пространства, ну а Дриволд густо населен, хотя и представляет собой огромную пылевую равнину. Воздух скверный, почва практически не годится для сельского хозяйства, зато – богатейшие запасы сверхтяжелых элементов. Из-за этих сверхтяжей, как мы их называли, население там все время увеличивалось. Меня послали снабдить относительно небольшие города новейшей системой водных восстановителей. А года через два началась война, и меня откомандировали на обогатительный завод. Я не особенно расстроился, так как нас бронировали от призыва. Мне пришлось подучиться кое-какой структуральной технологии... – Я вспомнил, что был тогда еще достаточно наивен, чтобы верить в необходимость этой войны, и искренне хотел внести свою лепту в победу.

Поуп молча ел суп, а я вспоминал и вспоминал... На Дриволде тоже был сочельник с елкой. Старший инженер, человек всего на своем веку навидавшийся, тайком привез ее с Лесистого мира, где их космолет заправлялся топливом. Конечно, к настоящим елкам это растень-

ище никакого отношения не имело, но оно было зеленым, и мы украсили его светодиодами. Мы пили коньяк и пели рождественские песни – даже снуки к нам присоединились. Уже ночью я подошел к окну барака. Ветра против обыкновения не было, дневная пыль успела осесть, и в небе яркими точками сияли звезды. Через минуту-другую я отыскал среди них земное Солнце, подозвал к окну остальных и показал им его. И тогда Джергинс, старик, подаривший нам елку, предложил тост. Глядя на эту звезду, мы выпили за родную планету и рождество.

– Значит, на Нью-Хэнфорд вы попали оттуда? – сказал Поуп, прерывая затянувшееся молчание.

– На следующий год военная ситуация ухудшилась, – ответил я. – Призывать начали уже не раз в полгода, а каждый месяц. Сверхтяжи имеют ограниченное применение в военных целях – главным образом сто четырнадцатый. Но почти все обогатительные заводы были уже запущены. Инженеры в моем бараке не сомневались, что их вот-вот призовут. Затем меня перевели на Нью-Хэнфорд, и больше я никого из них не видел... – Про себя я пожелал моим давним товарищам удачи, где бы они теперь ни находились.

Поуп бросил ложку на поднос и сунул руку в карман за трубкой.

– Типичная история, Крэтчит, – сказал он, насыпая в чашечку табак из свернутого кожаного кисета. – Война, боюсь, всех нас обездолила. У меня жена и двое детей, а я здесь – собираю для них это чудовище...

Поуп умолк, потому что по коридору прогремели бегущие ноги – патруль. В дверях вырос сержант и навел на нас лучевой пистолет.

– Доктор Поуп...

Поуп помахал листком, который дал ему Арбор.

– Все, по-моему, нормально, – сказал он и разжег трубку.

Каракули Арбора произвели 'желаемое действие:
– Да, сэр, – ответил сержант, возвращая листок. – Только не потеряйте его, сэр!

Он выбежал за дверь и топот постепенно затих дальше по коридору.

Появление патруля вернуло меня к действительности: все наши жизни висят на волоске, а Поупа словно бы ничего, кроме моего прошлого, не занимает!

– Доктор Поуп, вы, кажется, сказали, что у вас есть некоторые предположения, кто мог похитить антивещество?..

Поуп задумчиво выпустил облачко сизого дыма.

– А... да, что-то такое я вроде бы сказал. А знаете, Крэтчит, война, которую ведет Альянс, не слишком-то популярна. Немалое число людей считает, что эти двенадцать колоний... ведь их уже двенадцать, если не ошибаюсь?.. что они имеют право на независимость, имеют право сами определять свою судьбу...

Я невольно обвел взглядом пустые столики. Разговор не слишком обычный в царстве военных. И особенно на Нью-Хэнфорде. А уж если его заводит научный директор проекта – то и подавно.

Мое тревожное смущение вызвало у Поупа улыбку.

– Будет вам, Крэтчит! Конечно, тут всюду вмонтированы микрофончики, но генерал все это слышал от меня и раньше. Я ведь просто излагаю факты. С конца двадцатого века прошло более тысячи лет. Хотя не отрицаю, генерал Арбор может послужить неплохим призраком кого-нибудь из воротил тогдашнего военно-промышленного комплекса. Несколько осовремененным, конечно.

В тот момент я не понял подтекста его слов, но мне была известна его привычка прибегать ко всяким историческим и литературным параллелям. Во всяком случае, легче мне от них отнюдь не стало. А вдруг Поуп проверяет, насколько я лоялен?

– Послушайте, доктор, – сказал я, – конечно, меня не так уж огорчает, что я не на фронте, но в войну я верю и верю в то, чем мы тут занимаемся.

Вранье, естественно, и я не сомневался, что Поуп отлично это понимает, но что мне оставалось? Тем более если Арбор нас подслушивает.

Из рта Поупа вырвался бесформенный клуб дыма.

– Ничего иного я и не предполагал, Крэтчит. Я имел в виду лишь то, что у нас здесь, на Нью-Хэнфорде собрано свыше двух с половиной тысяч совершенно разных индивидов, относящихся к Альянсу каждый по-своему. – И вновь пронизательные серые глаза словно заглянули мне в самую душу. – Не кажется ли вам, что среди них кто-то может искренне верить, что то, чем мы занимаемся, противоречит всем принципам морали и этики?

Я отвел глаза.

– Да, конечно, – пробормотал я. – Во всяком случае, один такой нашелся – тот, кто похитил антивещество из сектора Б.

– Я ведь говорю не о тайном агенте колоний или диверсанта, подосланном со специальным заданием, а совсем о другом.

Он словно умышленно истолковал мои слова неверно.

– Послушайте, – возразил я, – конечно, это, может быть, и шпион, но также и анархист, или пацифист-фанатик... я в таких вещах не очень разбираюсь. О чем мы все-таки разговариваем, доктор? Что, собственно, вы хотите доказать?

Поуп помолчал, но я, казалось, чувствовал, как его взгляд сверлит мой мозг.

– Знаете, Крэтчит, – сказал он затем, – люди ведь выбирают профессию по самым странным порой причинам...

Еще один непонятный вольт непонятного человека. Я поднял на него глаза.

– Что вы подразумеваете, доктор?

Он вынул трубку изо рта и несколько секунд следил за струйкой дыма, завивающейся над мундштуком.

– Возьмите к примеру меня. В юности я увлекся физикой из-за... возможно, вам это покажется курьезным... из-за поэзии, в ней заложенной. В начальной школе – вообще-то на редкость унылом учебном заведении – меня, как сейчас помню, поразила музыка этой науки. Частицы со всей их необычностью, их обаяние, истина и красота. Восьмискладчатый Путь, благоухание симметрии, Пять Лепестков Единого Измерения, золотой гребень топологии... Точно колдовской язык, на котором беседуют с богами. И я стал физиком. Возможно, это была ошибка.

– Вы показали себя в физике не так уж плохо!

Худое лицо погрузнело.

– Это только видимость, Крэтчит. А правда в том, что я кое-чего нахватался, обладая способностью организовывать и направлять работу других. Я куда больше критик, чем творец! Если я и добавил что-то к сумме наших знаний, то просто вынуждая других – подлинных новаторов – использовать свой талант в полную меру, подхлестывая их интеллектуально.

Говорил он как будто с глубокой искренностью, но я не мог понять, для чего он говорит это мне – и сейчас.

– Доктор, вами все восхищаются, – сказал я от души.

Вновь наступило длительное молчание: Поуп задумался о чем-то своем. Наконец он сказал:

– Если я и окажусь этого достоин, то не благодаря физике.

Он взглянул на свои часы, и по его губам скользнула легкая улыбка.

– Быть может, этот момент и наступил, – сказал он. – Крэтчит, не прогуляться ли нам немножко?

Он уже встал и выбил пепел из трубки в пустую тарелку.

– Где? – спросил я с удивлением.

– Идемте, идемте, Крэтчит, – ответил Поуп. – Небольшая разминка поможет нам собраться с мыслями.

Я вышел следом за ним в коридор, и мы повернули в направлении тренировочного сектора. Нью-Хэнфорд – не самое уютное место, даже когда кругом спуют люди. Но теперь после объявления тревоги, когда коридоры и служебные помещения были пусты, меня невольно пробирала дрожь. Я ни на секунду не мог забыть, что где-то в лабиринте, окружающем нас, полным призрачных отзвуков, прячется готовый на все человек, который держит жизнь всех нас в руке, направляющей шар. Я шагнул рядом с Поупом, слушал глухое постукивание наших каблучков и пытался представить себе, какая «идея» им движет.

На пересечении двух коридоров нас остановил бледный как мел часовой. Поуп протянул ему листок, и он пропустил нас в полном молчании. Я до сих пор помню, какое юное и испуганное лицо было у этого часового.

Тренировочный сектор занимает значительную часть Нью-Хэнфорда. Там рабочие проходили обучение на безопасных моделях, точно повторяющих весь процесс производства, только без антивещества и ядерных источников энергии. Преподавание велось в трех аудиториях с амфитеатрами сидений. Мы прошли мимо внушительных двойных дверей. На одной висело объявление о завтрашней лекции: «13.30: страховочные системы, профилактика и проверка».

Дальше тянулись двери экзаменационных комнат и лабораторий, где проводились регулярные проверки физического состояния персонала с обязательной сдачей на анализ крови и мочи. Все было заперто, везде царила мертвая тишина.

Поуп ускорил шаг, словно точно зная, куда и зачем он идет. Мы не обменялись ни словом, после того как вы-

шли из столовой. Наконец я не выдержал и спросил громким шепотом:

– Доктор, сказали бы вы мне, что у вас на уме!

Он поднял руку, делая мне знак замолчать, и остановился перед дверью тренировочного комплекса, где персонал отрабатывал процедуру аварийной эвакуации. Как почти все обитатели Нью-Хэнфорда, я ненавидел это место.

Поуп взглянул направо и налево: коридор был пуст. Он достал кольцо с магнитными ключами, отпер дверь и втолкнул меня в непроницаемую тьму. Нет, не в сумрак, к которому глаза постепенно привыкли бы, но в смоляной мрак, где слышалось слабое гудение включенной аппаратуры. Я стоял, мокрый от пота, а перед глазами у меня плясали голубоватые искры. Раздался щелчок – это Поуп закрыл за собой дверь.

Вспыхнули плафоны, на мгновение меня ослепив.

– Добрый вечер, Ричард, – сказал кто-то.

– Добрый вечер, Нельс, – услышал я голос Поупа. – Как вы?

Мой взгляд сфокусировался на невысокой плотной фигуре в двух шагах передо мной. Смуглое лицо... математик Нельс Мехта.

– Я устал, Ричард, – сказал он. – Невыносимо устал.

Мехта был без пиджака: нашейный шарф развязан, рукава рубашки закатаны. А рядом с ним... Глаза у меня полезли на лоб. Рядом с ним в амортизированной левитационной люльке покоилось стальное яйцо, которое снес Нью-Хэнфорд. Крошка Тим.

– Микрофон и камеру вы обезвредили? – спросил Поуп почти обычным небрежным тоном.

Мехта кивнул.

– Инфракрасный канал замкнут на петлю видеозаписи пустого помещения. – Он кивнул на меня. – Крэтчита вы прихватили для поднятия тяжестей?

Я поглядел на Поупа, потом снова на Мехту. Уж не

знаю, какое выражение застыло у меня на лице.

– Вот именно, – сказал Поуп. – Думаю, втроем мы как-нибудь справимся. А ваше мнение, Крэтчит?

Губы у меня шевелились, но я был не в силах произнести ни звука.

Поуп подошел к кинетрансу и встал у зияющего люка аппарата.

– Знаете, Крэтчит, это очень интересная штука. У нас их на Нью-Хэнфорде сотни, но, как это часто бывает с созданиями рук человеческих, мы, в сущности, понятия не имеем о тех физических законах, которые управляют их действием. – Он погладил ячейки генератора над открытой камерой. – Нам известно, что кинетранс разлагает материю – людей, машины и так далее, – преобразует в закодированный луч энергии, а затем мгновенно синтезирует их в запрограммированном пункте. Мгновенно, Крэтчит! Переданные лучом часы не уходят вперед и не отстают ни на долю секунды – вопреки многим нашим излюбленным предположениям о том, как функционирует Вселенная. Луч не пронизывает пространство между двумя пунктами, а предсказуемо возникает в заданной точке. Существует немало теорий о том, куда девается луч, когда он покидает передатчик и возникает в приемнике. Например... Но тут мне придется прибегнуть к колдовскому языку, про который я упоминал: что луч распространяется по горизонту измерения. А это своего рода грань между... – рука Поупа описала широкую дугу, – этой Вселенной, то есть всем тем, что мы видим и знаем, и... чем-то еще. Иными словами, луч проходит сквозь грань симметрии. А это, словно причесывание волос на бильярдном шаре, непостижимо, если только не применить золотой гребень топологии...

– Ричард, – перебил его Мехта, – по-моему, нам следует поторопиться.

– Сейчас, Нельс. Видите ли, Крэтчит, весь этот год велись определенные исследования. Мы не знали твер-

до, что произойдет, если мы попытаемся транспортировать с помощью кинетранса антивещество. Мы провели опыт в прошлом месяце с микросфероидами. Магнитный генератор прибыл в целости и сохранности с действующим полем. Но антивещество исчезло. Бесследно. Мы полагаем, что оно осталось в... в чем-то еще, про которое я сейчас упомянул. Возможно, это вселенная, состоящая из антивещества, где вещество – такая же редкость, как у нас антивещество. – Поуп развел руками. – Мы не знаем. И быть может, никогда не узнаем.

– Ричард...

Поуп кивнул.

– Нельс прав, Крэтчит. Время крайне важно. Так вы поможете нам избавиться от этой дряни?

Я был так ошеломлен, что утратил способность думать, и только беспомощно махнул рукой в сторону левитационной люльки и ее чудовищного груза.

– Из... избавиться от бомбы?..

Поуп заглянул в камеру.

– Вот именно. Больше ничего не потребуется. Доктор Мехта, как я вижу, уже загрузил туда все сырье, включая 300 миллиграммов из сектора Б. Ну-ка, Крэтчит, подсоби́те! – Он уже шел к стальному яйцу. – Эта штука очень тяжела даже в левитаторе.

Я ошарашенно пошел за ним и послушно повел люльку к камере.

– Стоп! Так, пожалуй, хорошо, – сказал Поуп. – А теперь попробуем все втроем...

Я почувствовал, как адское творение запрыгало в левитационном поле, когда мы взялись за него.

– По счету «три», – скомандовал Мехта. – Раз, два, *три!*

Бомба соскользнула с поля в люк, громко звякнув.

– Отлично, – сказал Поуп. – И особого труда не потребовалось. А теперь, Нельс, предоставляем вам честь...

Мехта наклонился над контрольной панелью кинетранса.

По-видимому, мое лицо все еще хранило нелепое выражение. Во всяком случае Поуп положил руку мне на плечо.

– Ну-ну, Крэтчит! – произнес он мягко. – Я понимаю: профессиональная гордость инженера и все такое прочее. А эта бомбочка конструктивно была очень даже неплоха. Но не забывайте, мы же можем собрать еще одну года за три.

Кинетранс уже громко гудел – ячейки генератора включились на максимум. Мехта стоял рядом с аппаратом, положив правую ладонь на включающий рычаг.

– Ричард...

– Нажмите, Нельс, уже пора.

Мехта прижал левую ладонь ко лбу. Смуглая кожа собралась в болезненные морщины.

– Ричард, по-моему... Арбор, очевидно...

Поуп успел подхватить его на руки.

Мехта слепо пытался схватить рычаг, который выскользнул из его пальцев.

– Нет, старина ...дайте мне... отправить эту...

Он успел взяться за рычаг, но тут же его тело обмякло и повисло на руке Поупа.

– Что случилось? – еле выговорил я.

– Стирающий импульс, – ответил Поуп. – Он уничтожил запись личности. Я надеялся, что генерал не станет так торопиться.

Я потрясенно уставился на безжизненное тело Мехты.

– Запись личности... Так значит... значит, доктор Мехта был андроид?

Худое лицо Поупа совсем обострилось.

– Да. Нельс Мехта умер два года назад на Седьмой Антареса. Запись его личности поместили в эту физическую копию. Генерал, разумеется, знал об этом. Мне удалось убедить его, что специализированные знания

доктора Мехты нам абсолютно необходимы, и он дал согласие, чтобы я выписал копию сюда для участия в работе над проектом... Крэтчит, поддержите его, пожалуйста.

Поуп переложил неподвижную фигуру мне на руки. Трудно было поверить, что это остывающее тело никогда не было по-настоящему живым.

– Генерал, видимо, близок к панике, – сказал Поуп. – Несомненно, он уже знает, что бомба исчезла. И знает, что Нельса у него в комнате нет. Стирающий импульс – мера, к которой он прибегнул от отчаяния, на всякий случай. – Поуп обхватил кисть Мехты, все еще сжимавшую пусковой рычаг кинетранса. – Ну, Крэтчит, кончаем! – Он нажал на рычаг.

Раздался легкий треск.

Я поглядел в камеру. Она была пуста. Поуп отключил генераторы и гул затих.

– Ну вот, – сказал Поуп. – Нельса мы оставим тут. Дайте я вам помогу.

Вдвоем мы опустили тело на пол и прислонили к аппарату. Его правая рука все еще сжимала пусковой рычаг.

– Вполне убедительно, – заметил Поуп. – Генерал вот-вот явится. Тем не менее нам следует доложить ему... – Он поглядел на меня, а потом на безжизненное тело. – Такой чудесный человек, Крэтчит. Блестящий мыслитель, но не только: он принадлежал к тем по-настоящему хорошим людям, каких мне выпало счастье узнать.

Поуп сунул руку во внутренний карман и извлек трубку. Я с недоумением смотрел, как он спокойно уминает табак в чашечке – как будто кончил читать лекцию перед замороженными студентами.

– Кстати, Крэтчит, – сказал он сквозь первый клуб дыма, – вы, конечно, знаете, что отвечать генералу, когда он начнет вас допрашивать о случавшемся.

Я еще не собрался с мыслями, но ответил сразу:

– Я доложу ему, что доктор Мехта нажал на рычаг до того, как мы успели его остановить.

– Вот именно. У меня есть сыворотка на случай, если генерал сочтет нужным прибегнуть к наркодопросу, но, думаю, до этого не дойдет. Насторожить его может лишь одно: каким образом Нельс сумел в одиночку ввести бомбу в камеру. Однако генерал прекрасно знает, что у человека в отчаянном положении включаются все запасы сил. Не сомневаюсь, что он в конце концов придет именно к такому выводу.

Как ни ошеломили меня события последней четверти часа, на душе у меня было на редкость хорошо. Загадка доктора Ричарда Поупа немного прояснилась, но одно оставалось мне непонятным.

– Откуда вы знали, доктор? – спросил я невольно.

– Что именно, Крэтчит?

Я улыбнулся.

– Откуда вы знали, что я буду вам помогать?

Поуп ухмыльнулся и выпустил кольцо дыма.

– Я же говорил вам, что обладаю способностью будить в людях самое лучшее. – Он поглядел на часы. – А знаете, Крэтчит, если не ошибаюсь, пришло время обмениваться праздничными поздравлениями!

– Счастливого рождества, сэр! – ответил я.

Я знал, что нас с Поупом ждут не такие уж приятные часы в обществе генерала Арбора. Но кроме того, я знал, что мы сумеем выйти сухими из воды. И Поуп, если ему не найдут замены, начнет сборку новой бомбы для Альянса. А я? Скорее всего я, как и раньше, буду следить за процессом изготовления компонентов для нового чудовища под бдительным надзором генерала. Ведь в это рождественское утро мы всего лишь обеспечили человечеству еще три года, чтобы оно успело повзрослеть. Но во мне крепло убеждение, что этих трех лет окажется достаточно.

Поуп направился к голофону, чтобы связаться с каби-

нетом генерала, а во мне запылала радость, какой я не испытывал уже давным-давно.

«Триста световых лет от родной планеты! – думал я. – И Крэтчит, инженер, винтик военной машины, внес свою посильную лепту в дело мира. Вернее, помог другим внести ее».

И мне почудилось, что вокруг меня в это рождественское утро собрались призраки. Мой отец с колорадской елкой на плече... Из рта у него вырывается белый пар. И Джергинс, контрабандой провезший елку на Дриволд... От стопки с коньяком в его руке отражается звездный свет. И Блай, лилипут с Мирной Некко. И Нельс Мехта... С улыбкой на усталом лице.

«Настанет день, и с войной будет покончено, – сказал я им мысленно. – А пока: счастливого вам рождества!»

«...Нам будет нелегко сохранять наше сознание свободным от предубеждений и сохранять его ясным, а также сохранять ощущение красоты, и способность творить ее, и редкое умение видеть ее в самом далеком, непривычном и чуждом. Нам будет нелегко, всем нам, сохранять и поддерживать все это в огромном, широком, пронизанном ветрами мире. Но тогда мы сумеем помочь, потому что сохраним способность любить друг друга».

Роберт Оппенгеймер

Итак, человечеству обеспечено время, чтобы оно успело повзрослеть.

Чтобы оно наконец научилось подавлять «реакцию енота» – при всякой угрозе слепо бросаться навстречу верной и бессмысленной гибели. Преодолеть, как сформулировано в одноименном рассказе Джозефа Грина (США), «предрасположение к политике силы».

Новелла, пафос которой – необходимость переговоров, достижения взаимопонимания и договоренностей, написана с хорошим знанием политических структур современной Америки и ясным пониманием того, что человечество может быть по-

ставлено перед лицом иных глобальных угроз и не вправе позволить себе роскошь жить под угрозой ядерного уничтожения, рискуя забыть древнюю аксиому политики: «Война – последнее прибежище неумелого дипломата».

Логикой созданных им фантастических образов Грин убедительно свидетельствует о том, сколь губительной для Земли может стать

Реакция енота

Джозеф Грин

Лишь в третьем часу ночи завершилось мучительно тянувшееся совместное заседание по стратегическим вопросам. Последние трое суток советник Джоунз спал только урывками, самым неудобным образом в самолете или в машине. И сейчас, шагая по просторному вестибюлю космического Центра имени Кеннеди, он еле передвигал словно налитые свинцом ноги. Джоунз чувствовал себя таким усталым и разбитым, что был совершенно не способен соображать. К тому же он считал, что не так, как надо, отстаивал позицию государства от неотступного нажима представителей военного министерства.

Короткая ночная прогулка к стоянке для машин высокопоставленных чиновников (декабрь во Флориде не холодный) освежила Джоунза. Он включил зажигание и выехал из центра по парковой аллее на юг, держа путь к обширному жилому массиву под названием Меррит Айленд. Милдред предпочла родительский дом, где жила ее пожилая мать, шикарной квартире, предоставляемой государственным служащим высшего ранга, совсем рядом с базой BBC Патрик.

Пер. изд.: Green J. The Racoon Reaction.— N. Y.: Analog, September 1983.

© 1983 by Davis Publ.

© перевод на русский язык, «Мир», 1988.

Прошло четыре дня с тех пор, как огромный космический корабль с множеством отражателей вышел на стационарную орбиту в околоземном пространстве и завис над Атлантическим океаном, в тысяче миль от Габона. Охватившая мир паника только усилилась, когда двадцать четыре часа спустя на низких частотах искусственно звучащий голос передал по-английски краткое сообщение. Пришельцы объявили, что им нужен дейтерий (не уточнив – сколько именно), который они сами собираются добывать из океана. Никаких намерений относительно других природных ресурсов человечества они не имеют.

Короткое послание многих успокоило, хотя не остановило уже начавшихся широкомасштабных военных приготовлений. Затем через сорок восемь часов, без предупреждения или объяснения, пришельцы подняли гигантский водяной смерч в океане, прямо под своим кораблем. Смерч поднялся туманным цилиндром шириной свыше тысячи футов, устремляясь в космос. Через девять часов он достиг неопознанного космического корабля, по-видимому, не изменившись в размерах, и вышел оттуда в виде водяного пара.

Вот тогда-то и началась настоящая паника.

Президент США, не полагаясь на помощь ООН, учредила объединенную правительственную комиссию особого назначения. От администрации Белого дома в нее вошел помощник государственного секретаря Джоунз, обладающий богатым опытом работы с некоторыми удивительными цивилизациями, которые все еще вели замкнутый образ жизни в труднодоступных районах Земли. Между тем министерство обороны установило связь с пришельцами на базе ВВС США Патрик, используя станции восточной испытательной зоны. Последняя протянулась через Атлантику от Флориды до Южной Америки; ее оснащенные новейшим оборудованием станции слежения позволяли вести постоянное на-

блюдение за кораблем пришельцев. Комиссия особого назначения расположилась на базе Патрик и начала работу в двух направлениях: с одной стороны, занималась усиленной подготовкой военного нападения на пришельцев в случае необходимости, с другой – не прекращала попыток установить с ними контакт, который позволил бы начать переговоры.

Так советник Джоунз с женой и младшей дочерью вернулся на родину, во Флориду, где он родился и рос в тени башнеобразных радиолокационных антенн космического Центра имени Кеннеди, вынося все тяготы, выпадавшие на долю негров...

Усталость, притупившая мозг, замедлила и реакцию – как-никак, стукнуло шестьдесят один, хотя Джоунз изо всех сил старался поддерживать себя в форме. Его восприятие было ослаблено, когда на повороте он вдруг увидел низкую темную фигуру, перебегавшую дорогу. Он попытался затормозить, но было уже поздно...

Территорию космического Центра имени Кеннеди до сих пор удавалось в значительной степени уберечь от застройки – здесь на земле, покрытой лесами, болотами, апельсиновыми рощами, процветала живая природа, охраняемая как собственность государства. Существо, застывшее в ярком свете фар, было крупным енотом, вышедшим на ночную охоту.

Джоунз буквально почувствовал, как ощущение опасности вошло в сознание животного, когда фары внезапно высветили его. Енот повернулся (мгновенная, инстинктивная реакция), чтобы встретить приближающегося врага: пасть оскалена, небольшие клыки обнажены в боевом рычании, хвост задран вверх, угрожающе сморщившаяся морда – словно грабитель в черной маске.

Казалось, время остановилось, пока Джоунз нашел тормоз и нажал на него, не рискуя поворачивать. В от-

четливом резком фокусе он увидел маленькое животное, припавшее к земле, замершее, готовое драться – инстинкт подсказал еноту, что только так встречаются надвигающуюся опасность... в следующий же миг послышался глухой толчок – бампер ударил бросившего вызов енота и отбросил его в сторону, разбитого и искалеченного, умершего, прежде чем он коснулся земли.

Машина вздрогнула и замерла.

Джоунз посидел минуту, вцепившись в руль, затем понял, что вылезать бессмысленно. Он снова завел мотор. Будь глупое животное собакой, обладавшей уличной мудростью, и продолжай оно бежать... Но еноты так себя не ведут. Уж кому, как не Джоунзу, знать об этом. Мальчишкой, почти полвека назад, он много раз охотился здесь, на острове, на енотов.

Потрясенный случившимся, полный сожаления, думая, как скверно завершается этот и без того печальный долгий день, Джоунз выехал с территории центра и повернул к дому тещи на Норт-тропикэл-трэйл. Он вновь ощутил, как навалилась, сильнее чем прежде, усталость. Но, к счастью, ему нужно быть на базе не раньше одиннадцати утра. Хоть несколько часов удастся поспать.

Утром за поздним завтраком с Милдред Джоунз нехотяковырял в тарелке. Его мысли крутились вокруг не дававшей ему покоя проблемы пришельцев – он исследовал ее с разных сторон, возвращаясь к предыдущим вариантам, выискивая среди бесконечных возможностей лучшее решение. Джоунз знал, что после сегодняшнего заседания комиссия собиралась рекомендовать президенту вариант военных действий против пришельцев. При одной мысли о таком решении проблемы он испытывал ужас – это страшная ошибка, могущая иметь непредсказуемые последствия. Но он был в меньшинстве.

Подпрыгивая, в комнату вбежала Нейоми, вернувшаяся от живущих по соседству друзей, – стройная темноволосая девочка тринадцати лет. Милдред было сорок один, когда выяснилось, что у нее будет ребенок. Она решила сохранить его, и годы спустя они оба утвердились в мысли, что это было счастливое решение.

Нейоми пританцовывая подбежала к отцу и крепко обняла его. Она почти не видела его после приезда к бабушке. Девочка подцепила кружок колбасы с его тарелки и, пока говорила, не переставала жевать.

– Какие новости, папочка? Ребята говорят, что ВВС собираются запустить «челнок» с тремя ракетами на твердом топливе, оснащенными ядерными боеголовками, чтобы атаковать пришельцев сразу с трех сторон. Это правда?

Джоунз попытался ничем не выдать своего изумления. Именно таким был один из трех предложенных ВВС прошлой ночью планов военной операции. Правда, специалисты НАСА и те, кто занимается в ВВС челноками, отвергли этот план – по их мнению, подготовка и осуществление запуска займут минимум три недели. А к тому времени, как твердо знал Джоунз, подобная акция потеряет всякий смысл – уже произойдут непоправимые разрушения.

– А правда, что если это продлится еще неделю, то наступит новый ледниковый период? – продолжала Нейоми. Ее мальчишеское лицо было открытым и простодушным, но яркие карие глаза смотрели внимательно. Обычно Джоунз отделялся легкой улыбкой, если разговор касался щекотливых вопросов.

– Представители НОАА сказали об этом в выпуске новостей, Нейоми. Количество уже выделившегося водяного пара обеспечит нам очень холодные зимы в течение четырех-пяти лет.

– Но как могут ученые быть уверенными, делая такие прогнозы, дорогой? – спросила Милдред. В ее мягком

грудном голосе звучали тревога и сомнение.— Ведь раньше в космосе никогда не было водяного пара.

— Это так, но когда десять лет назад за один день дважды произошло извержение мексиканского вулкана Эль-Синчон, то количество пепла и двуокиси серы, выброшенных в верхние слои атмосферы, было тщательно измерено. Пепел выпадал примерно на протяжении года, газы держались в атмосфере еще дольше. Облако газов было тонким, но оно окутало все Северное полушарие. Наблюдалось множество временных локальных изменений климата. В течение последующих трех лет, пока газ естественным путем не перешел в серную кислоту и не выпал в виде кислотного дождя, температура под облаком держалась в среднем на один-два градуса ниже обычной. Впервые мы столкнулись с явлением такого масштаба, оно было тщательно изучено и дало метеорологам основательные базовые данные. По мнению ученых, их предсказания относительно влияния облака пара на климат планеты вполне обоснованны.

— Но разве все это не продлится тысячи лет?— спросила Милдред.

— Если пришельцы будут качать воду на стационарную орбиту еще неделю, льды двинутся через Канаду, Скандинавию и Сибирь еще при жизни Нейоми.

— Тогда почему мы просто *не отдадим* им дейтерий из наших запасов?— потребовала Нейоми.— Разве у нас не полно такого добра?

— Видишь ли, дружок, физики считают, что корабль пришельцев использует энергию дейтерий-дейтериевого термоядерного синтеза (в ходе процесса образуется также тритий). Нам трудно с уверенностью сказать, в чем суть подобной технологии или почему им нужен наш дейтерий. Мы только предполагаем, что пришельцы попали в аварию, в результате чего лишились собственных запасов, а дейтерия им необходимо иметь как можно больше, чтобы продолжать путь—домой или куда-

нибудь еще. Но, насколько мы можем судить, их корабль чрезвычайно велик, и если он действительно использует энергию термоядерного синтеза, то потребуются, вероятно, сотни миллионов фунтов дейтерия, чтобы разогнать его до субсветовых скоростей. Иными словами, корабль должен лететь достаточно быстро, чтобы покрыть расстояние, на которое с другой скоростью потребуется тысяча лет полета. Это означает – и имей в виду, таковы предположения ученых, – что они будут прогонять воду через корабль еще недели три. У нас нет в наличии и сотой части такого количества дейтерия. А пришельцы, как видно, не хотят ждать.

– И поэтому мы собираемся напасть на них и, может быть, уничтожить, – зло бросила Нейоми. На лице девочки появилось выражение вынужденной покорности, делающее ее не по годам взрослой.

– Мы все еще ищем мирное решение, дружок. Этим-то я и занимаюсь. Но я ничего не могу сделать, если они не отвечают – а они не ответили пока ни на одно наше послание, за исключением первоначально сделанного ими заявления.

– Что ж, если им нужен только дейтерий, то почему они не могут просто сливать воду обратно в океан, вместо того чтобы выпускать ее там, наверху, где она собирается в облако и зависает на орбите? – спросила Нейоми.

Джоунз хотел было объяснить, почему такая идея не сработает, и осознал, что закрыл рот, ничего не сказав. Физики считали, что пришельцы располагают техническими возможностями, позволяющими им создавать локализованные поля сведенной к нулю гравитации – фактически антигравитации. Казалось вполне резонным предположить, что если пришельцы способны поднять воду на орбиту, то с таким же успехом они могут спустить ее вниз – если только захотят.

– Интересная мысль, милая. И если пришельцы ког-

да-нибудь ответят на мои послания, я непременно задам им этот вопрос.

Джоунз по обыкновению старался не обращаться с Нейоми как с ребенком. Она была очень способной девочкой, ее коэффициент умственного развития лишь чуть-чуть не достигал уровня гения.

Нейоми бросила на отца холодный взгляд, потом вдруг поняла, что он говорит серьезно, чмокнула его в щеку и выбежала из комнаты.

Джоунз торопливо кончил завтракать и оделся. Надо было спешить – он едва успевал к началу совещания. Он очень не любил выходить, не почистив зубы после еды, но времени оставалось в обрез. А его присутствие сегодня необходимо. Президент настаивала на принятии решения. Если позиция государственного департамента – выждать и продолжать попытки установить контакт с пришельцами – не одержит верх... Джоунз не хотел и думать о возможных последствиях.

Советник Джоунз всегда сам сидел за рулем, когда ездил в Вашингтон, хотя по штату ему полагался шофер. Процесс вождения был для него чисто автоматическим и не отвлекал от размышлений. По пути на работу или обратно Джоунз разрешил немало трудных вопросов – машина идет плавно, мысли текут свободно в одиночестве, можно строить различные комбинации, еще и еще раз взвесить все за и против, пока его удивительный дар синтеза различных фактов и мнений не помогал найти ответ, приемлемый для всех сторон.

Сейчас он вновь вспомнил о еноте, которого нечаянно сбил прошлой ночью; перед его мысленным взором возникла словно одетая в маску морда, блестящие белые клыки, припавший к земле зверек, готовый к нападению или бегству. Это не было ни уловкой, ни притворством – еноты настроены воинственно, когда их загоняют в угол, но натасканная на енота собака почти всегда сумеет загнать и убить жертву. Чтобы избавить-

ся от погони, еноты ныряют в воду, оставляют ложный след или запутывают его. В качестве последнего средства, когда никакие уловки не помогают, они взбираются на дерево, откуда вызывающе рычат на ненавистных им собак, облаивавших их с земли.

Есть что-то притягательное, отзывающееся атавистическим трепетом глубоко в душе охотника, в тьяканье идущей по следу собаки, переходящем в залиvistый лай, когда собака загоняет свою добычу на дерево...

Джоунз попытался стряхнуть с себя воспоминания детства, проведенного на острове. Сейчас все человечество находилось на тонком дереве, и ветка под ним опасно согнулась.

Средства массовой информации получили в свои руки лакомый кусок (возможно, последний перед тем, как на типографских машинах и телевизионных антеннах образуются лед) – освещать самое сенсационное событие века. Весь мир с тревогой наблюдал за действиями маленькой группы на базе Патрик. Советский Союз направил гневное послание с упреками в адрес американского президента: руководитель страны, не получив приглашения участвовать в работе совещания, счел себя в высшей степени оскорбленным. Союзники США по НАТО настойчиво требовали включить их в состав комитета, ведущего переговоры с космическим кораблем (неужели они и в самом деле полагали, что переговоры ведутся?!). Однако тот факт, что корабль пришельцев находился в Атлантическом океане, в непосредственной близости к Америке, выдвинул США на передний план событий. Этому в немалой степени способствовала также роль, которую американцы сыграли в развитии космонавтики. Вот почему президент предпочла избавить членов комиссии от бесчисленных помощников и подсказчиков.

Но все же комиссия работала не столь успешно, как все надеялись.

Центральные ворота базы ВВС были открыты, но Джоунзу пришлось предъявить пропуск сотрудника государственного департамента, чтобы проехать мимо часового у временного командного пункта. Он опоздал на две минуты – совещание только началось, и за длинным столом незанятым оставалось лишь его место.

– Прошу внимания, господа, – председательствовал на удивление молодо выглядевший генерал-лейтенант по фамилии Иверсон, командующий североамериканскими войсками противовоздушной обороны. – Сейчас выступят с последними новостями представители НОАА, НАСА, ВВС и ЦРУ. Пожалуйста, ограничьте выступления до кратких выводов – только то, что должно войти в доклад правительству.

Джоунз знал, что были созданы группы специалистов (имена их известны лишь руководству) для обеспечения деятельности каждого подразделения, представители которого собираются выступать. И то, что достигало комнаты совещания, представляло собой выжимку из работы каждой группы – на уровне комиссии никто полностью не читал подробные доклады.

Седовласый человек с морщинистым коричневым личиком наклонился вперед в кресле, прочистил горло и начал:

– Постараюсь быть кратким. Мы уточнили первоначально расчеты по настоящей проблеме. Эти данные очень близки к оценке моего ведомства. При той скорости, с какой облако пара распространяется в настоящее время как к северу, так и к югу от экватора и по периферии стационарной орбиты, данные НОАА позволяют сделать вывод, что образующийся водяной пар через четыре дня достигнет достаточной массы, чтобы образовалось тонкое «облако» шириной свыше четырех тысяч миль. Через несколько месяцев облако окутает весь земной шар на высоте двадцати двух тысяч миль над уровнем моря.

Старый метеоролог взял следующий листок своего выступления. Он обвел взглядом присутствующих и его голос стал так тих, что Джоунзу пришлось напрячь слух, чтобы услышать его.

– Мы оцениваем теневое действие этого облака как достаточное для снижения средней глобальной температуры в экваториальных областях на один и две десятых градуса по Фаренгейту в течение последующих четырех лет. По приблизительным расчетам каждый день ожидаемое падение температуры будет возрастать на четыре десятых градуса. Если пришельцы прекратят подъем воды завтра, то оставят нам в наследство несколько исключительно холодных зим, лет на пять по меньшей мере. Я располагаю данными для отдельных регионов, но все вы, вероятно, хотели бы знать, как это скажется на зерновых площадях Канады, США и России. Ответ таков: до пятидесяти процентов потери урожая каждый год. Еще неделя – и ледниковый покров опять двинется на юг. Еще десять дней повергнут мир в глубокое оледенение, какого мы не знаем с последнего ледникового периода. Пятнадцать дней – и у нас не с чем будет сравнивать. Океаны замерзнут почти полностью, за исключением районов неизвестной протяженности на экваторе.

Маленький метеоролог устало откинулся в кресле, складывая свои бумаги в таинственном, но определенном порядке. Молчание нарушил Иверсон.

– ЦРУ?

Представителем этого ведомства был крупный, рылый человек с белыми руками и розовым лицом, одетый в отличный костюм из тонкой шерсти. Он носил очки в массивной оправе, которые то и дело снимал и надевал. В мягком свете ламп его почти лысая голова отливала потным глянцем. Говорил он размеренно, что придавало вес словам. На вид ему было не больше тридцати пяти лет.

– Мы завершили психологическое исследование при-

шельцев и сделали по возможности точные предположения, касающиеся их поведения в будущем. В нашем распоряжении были скудные исходные данные, потому выводы – прошу иметь это в виду – в известной степени умозрительны.

Мы допустили *a priori* определенные предположения, в частности следующее: пришельцы представляют не только технологически гораздо более развитую цивилизацию, но и значительно более разумную – или по крайней мере находящуюся на более высоком уровне образования. С нашей точки зрения, они в равной степени не боятся нас и не ненавидят – просто их никак не беспокоит наша судьба. Отказ отвечать на наши требования прекратить подъем воды, возможно, объясняется особенностями их психологии, нам совершенно неизвестной. Мы считаем, что они могут причинить нам колоссальный вред, если захотят, потому мы провоцируем их себе на беду.

Мы думаем, что они будут продолжать настоящую операцию с океанскими водами еще несколько дней (сколько именно, трудно сказать – будем надеяться, меньше недели), после чего покинут Землю, обратив при этом на нас не больше внимания, чем по прибытии. Они вряд ли причинят нам какой-нибудь вред, если мы оставим их в покое, – и именно это моя группа настоятельно советует сделать. Оставьте их в покое. Пусть уйдут с миром. Мы постараемся уладить климатологические проблемы, которые останутся после отлета корабля.

Среди сидящих за столом началось перешептывание. Джоунз, увидев застывшее холодное выражение на лице Иверсона, понял, что взгляды представителя ЦРУ не получают поддержки.

Впрочем, как и его собственные.

– НАСА? – спросил Иверсон. – Пожалуйста, не больше четырех минут. Президент, члены кабинета и лидеры

конгресса сейчас собираются на командном пункте. Я должен позвонить им до двенадцати. Они ждут наших рекомендаций, чтобы открыть совещание.

Представитель НАСА сообщил о том, что было решено на совещании, на котором Джоунз присутствовал накануне: за имеющееся время физически невозможно подготовить для полета «челнок» в качестве носителя оружия.

Глядя на дородного краснолицего сотрудника НАСА, Джоунз вспомнил, впервые за много лет, как велика его неприязнь к Управлению космическими исследованиями. Его родители были бедными неграми, работавшими на апельсиновых плантациях на Меррит Айленд в 1951 году, когда ВВС США впервые осуществили запуск ракет с мыса Канаверал. Он посещал школу для цветных перед тем, как Верховный Суд в 1952 году объявил эти учебные заведения «раздельными и несправедливыми». Каким-то чудом родители наскребли деньги, чтобы отправить его в университет, и он еще три года работал, как каторжный, прежде чем получил степень магистра. Вернувшись домой с ворохом ученых степеней, он учительствовал за смехотворно низкую плату в системе местных школ, где медленно осуществлялась расовая интеграция; тогда-то он и видел процветающих инженеров и специалистов, приезжавших в своих роскошных машинах на мыс Канаверал...

В конце пятидесятых годов работа консультантом по конфликтным проблемам сделала его местной знаменитостью, что дало шанс для выдвижения в государственный департамент. Там его способность обобщать, синтезировать обширные массивы слабо связанной между собой информации и непременно достигать компромиссного решения, которое спорящие стороны хотя и неохотно, но принимали, обеспечила ему неуклонное продвижение по служебной лестнице. Его личное возвышение шло параллельно с громадным ростом самосоз-

нения негритянского населения страны в бурные шестидесятые, когда США добились, казалось, невероятного, достигнув Луны; в то же время американское общество катилось к пропасти анархии, огни мятежа вспыхивали в гетто и начинали пылать городские кварталы...

Но каким-то образом страна уцелела, от зарева социальных волнений осталось лишь тусклое свечение, а космическая программа потеряла былую славу. Сейчас время от времени запускались планетарные зонды, а также коммерческие спутники, чьи владельцы финансировали программу исследований. Неприязнь Джоунза к неизменно находящимся в привилегированном положении сотрудникам космического управления так и не исчезла, хотя по-настоящему он подумал об этом только сейчас, возвратясь в родные края.

Представитель НАСА закончил, не добавив ничего нового к тому, что знал Джоунз, и он попытался сосредоточиться на следующем ораторе. Им был генерал-майор ВВС, представляющий командование стратегической авиации, который, казалось, волновался, очутившись здесь. Он кратко рассказал об имеющемся в распоряжении стратегической авиации вооружении, способном достичь стационарной орбиты. К своему изумлению, Джоунз узнал, что старые ракеты «Минитмен» и новые ракеты «МХ» могут быть использованы только для межконтинентальных запусков и потому в данном случае практически бесполезны. Но примерно через восемьдесят часов ВВС могли бы подготовить две ракеты типа «Титан-Центавр» и «Титан 34-Х», а также «челнок» с ракетой типа «Центавр» на базе Ванденберг для одновременного запуска. В ожидании разрешения президента на пуск все три водородные боеголовки уже доставлены к месту старта и необходимые приготовления для запуска начались. Генерал особо подчеркнул, что запуск может быть остановлен за минуту до включения всех систем, но осуществить его можно только по-

сле длительной подготовки.

Итак, вариант тройного атомного удара в конце концов становится реальностью! При этой мысли по телу Джоунза забегали мурашки страха. Значит, вот что они собираются рекомендовать президенту, и она согласится!

Джоунз окинул взглядом сосредоточенные, полные решимости лица сидящих за столом людей, которые несли ответственность за судьбу этого маленького уютного мира, и не нашел в себе силы упрекнуть их. Миллиарды умерших от холода и голода, ожесточенные схватки за теплые районы Африки и Южной Америки, когда цивилизация рухнет и воцарится первобытная мораль... А кроме того, мужчины всегда были воинами, владели землей и стояли на страже ее границ.

Но Джоунз все равно считал, что нападение на пришельцев равносильно самоубийству.

Оставались еще одно выступление и после него небольшая дискуссия, после чего генерал Иверсон успокаивающим жестом поднял руку, глядя поверх стола. ВВС представили единственный конкретный план действий. Казалось, выбор свелся к альтернативе: либо оставить пришельцев в покое в надежде, что те вскоре прекратят свою деятельность, либо атаковать.

И нынешний президент США, женщина агрессивная по складу характера, к тому же служившая в армии, почти наверняка примет рекомендации комиссии и тем самым подтвердит свою приверженность к политике силы.

Перед глазами Джоунза всплыло веселое, оживленное лицо Нейоми, и он увидел смерть и разрушения, пламенем нисходящие из космоса, чтобы погубить ее... Увидел енота, вызывающе рычащего, и что-то словно шелкнуло в его сознании, встало на свое место, и Джоунз оказался на ногах, требуя слова.

Джоунз увидел, как по гладкому лицу генерала Ивер-

сона скользнуло гневное выражение, но это его не остановило. По крайней мере, они должны его выслушать.

Какое-то мгновение Джоунз стоял молча, единственный из выступавших, кто подбирал свои доводы во время речи. Перед его внутренним взором возник образ енота, повернувшегося, чтобы встретить обрушившиеся на него свет и шум, готового к схватке – шерсть вздыблена, пасть открыта...

– Прошлой ночью, когда я возвращался из центра, я сбил на дороге енота, – медленно начал Джоунз и увидел удивленные взгляды заинтересованных таким неожиданным началом людей. Джоунз продолжал рассказывать о боевой стойке енота, о собственной медлительности при нажатии на тормоз, об агрессивности, которая привела храброе животное к смерти...

– Я вырос здесь, на Меррит Айленде. Мальчишкой охотился на енотов. Мой отец держал в доме четырех охотничьих собак. Ни с чем не сравнится лай собаки, когда она загоняет животное на дерево, – восхитительный звук.

Джоунз почувствовал, что интерес аудитории слабеет. Но было необходимо рассказать все, чтобы они поняли самое главное, ради чего он и начал говорить: животные ведут себя так, как предписывают им инстинкты, а человечество в данном случае должно подняться выше такого примитивизма.

– Я считаю, что мы начинаем реагировать на предполагаемую атаку, как енот, – убежденно сказал Джоунз, оглядывая присутствующих. – Мы оскалываем зубы, становимся в стойку и рычим перед схваткой. И оценка происходящего государственным департаментом совпадает с выводом ЦРУ: мы будем сокрушены силой, настолько превосходящей нас, что мы даже не знаем сущности ее действия, настолько могущественной, что она может отшвырнуть нас, уничтоженных и умирающих. Я считаю, что атаковать – означает подписывать

самим себе смертный приговор.

– Что же в таком случае вы предлагаете? – потребовал генерал Иверсон, сдерживая гнев. – Ждать и позволять окутывать наш мир облаком, которое удалить нам не по силам? Это же огромный корабль! – Он повысил голос. – Оценки ЦРУ совпадают с нашими относительно количества дейтерия, необходимого, чтобы разогнать такую массу. Если они не будут торопиться (с чего ради им это делать?), то речь идет еще как минимум о двух неделях, в течение которых пар будет выпускаться в космос. А это означает, что не только будущее наших детей поставлено на карту – большинство из нас при жизни увидят ледники, наползающие с севера.

– Конечно же, я полностью согласен с вами: мы должны остановить пришельцев. Но ваши методы не годятся. У меня есть предложение получше, – Джоунз огляделся, чтобы собраться с мыслями, и неожиданно с интересом подумал: как реагировали бы эти люди, обладающие такой большой властью, если бы узнали, что его идея спасения мира принадлежит тринадцатилетней чернокожей фантазерке.

– Я предлагаю сообщить пришельцам, что мы собираемся напасть на них, если они не согласятся на наше требование, – продолжал Джоунз, повысив голос. – А требование это таково: они должны начать отдавать воду, выходящую сейчас из корабля, в виде пара, выпуская его обратно в океан. Если используемое ими антигравитационное устройство позволяет регулировать подъем воды, то, уж конечно, они смогут вернуть ее таким же образом. Правда, могут возникнуть значительные разрушения в прибрежных районах Атлантического океана, но это мы переживем.

Джоунз мгновенно понял, что он завладел вниманием аудитории. Пока все молча осмысливали услышанное, толстяк из ЦРУ внезапно произнес:

– А знаете, мы в самом деле думаем, что пришельцы

не отвечали нам потому, что не хотели, чтобы их беспокоили. Как и мы не обращаем внимания на белок, с чьего дерева собираем орехи. Разве вы когда-нибудь отвечали на их трескотню и писк?

– По той простой причине, что белки не могут причинить нам вред. – В голосе генерала из стратегической авиации слышался затаенный гнев и разочарование. – Но если они угрожают напасть на нас...

– По-моему, пускай приготовления к запуску ракет не останавливаются, – ответил Джоунз, – но надо сообщить президенту, что мы собираемся предпринять последнюю попытку установить контакт с пришельцами и попросить их вернуть воду. И пусть послание, которое мы направляем, известит захватчиков, что мы собираемся напасть на них, если они не согласятся на наше весьма приемлемое требование. Может, на этот раз нам удастся привлечь их внимание.

Джоунз и другие члены комиссии – те, кто не был полностью измотан, – собрались на пункте управления базы Патрик, когда было передано новое сообщение. Оно заменило предыдущее, которое передавалось в течение последних тридцати шести часов и содержало просто требование прекратить водяной смерч.

Устное заявление, на тех же частотах, на которых пришельцы передали свое послание, посылалось в космос через каждые пять минут; передаваться оно должно было до самого запуска ракет. Джоунз был убежден, что ответ придет достаточно скоро – или же его не будет вовсе. Первый час ожидания был самым долгим в его жизни. Второй час тянулся еще дольше. И только Джоунз начал было подремывать в начале третьего часа, не в силах бороться со сном, пришел ответ.

– Любое враждебное действие против нас повлечет ответный удар такой силы, что вам его не вынести, – отдаленный, сейчас звучащий почти по-чело-

вечески резкий голос внезапно наполнил комнату.– Мы решительно не советуем применять какую-либо силу для нападения на наш корабль.

Джоунз внезапно почувствовал, как желудок сводит судорогой; все вокруг поплыло, голова закружилась, как от удара. Исчезла последняя надежда: ракеты стартуют независимо от высказанной угрозы, а пришельцы ответят ужасающим образом. Он вспомнил одну из древнейших заповедей своей профессии: «Война – последнее прибежище неумелого дипломата». Итак, дело все же дошло до военных действий, и его неудача достичь соглашения может привести к тому, что эти переговоры станут последними в истории человечества. И вновь перед ним возникло видение нисходящего с неба огненного дождя, печальное лицо Нейоми, поднятое, чтобы встретить его. Мир вокруг нее пылал.

– Нам потребовалось некоторое время, чтобы рассмотреть ваше требование, – продолжал далекий голос. – Нам необходимо еще девять часов в земном исчислении, чтобы подготовить оборудование для возвращения воды в океан второй колонной. Сожалею, что причинили ущерб вашему миру и людям.

В битком набитой небольшой комнате послышался дружный вздох облегчения. Джоунз почувствовал, что упал бы, если бы не поддержка жесткой спинки стула.

Генерал Иверсон поднялся со своего места и взглянул на Джоунза. Напряжение на его лице сменилось мальчишеской ухмылкой уважения и радости. Но он произнес лишь два слова:

– Позвоню президенту.

– Насколько я понимаю, нисходящая колонна воды пробьет гигантскую дыру на дне Атлантического океана, – сказала Милдред, глядя из окна самолета.

Пришельцы, как и обещали, сразу после полуночи предыдущего дня начали спуск воды, которая достигла Атлантики около шести утра. Семья Джоунзов находи-

лась на борту самолета, вылетевшего днем в Вашингтон.

– Да, к тому же это вызовет наводнения в некоторых прибрежных районах Южной Америки, ближайших к месту спуска, – Джоунз переждал, пока самолет перестанет взбираться на очередную воздушную горку и желудок опять займет свое место. – Но разрушения относительно невелики. Сейчас, когда между нами установился контакт, пришельцы признали, что собирались продолжать операцию еще три недели. За десять лет Земля превратилась бы в снежный ком, а бедствия, причиненные разбушевавшейся стихией, погубили бы нас гораздо раньше.

Нейоми сидела впереди родителей, наблюдая в окно, как земля убегает из-под крыла самолета. Она почти ничего не сказала относительно своего авторства идеи, спасшей мир, принимая тот факт, что идея сработала, как нечто само собой разумеющееся, не очень важное.

– На долю одних из нас выпало больше похвал, чем они заслуживают, на долю других – меньше, – добавил Джоунз, глядя на дочь. Помощник президента заверил его, что у него отличные шансы стать первым в истории США негром – государственным секретарем, если нынешний уйдет в отставку, оправившись от сердечного удара, случившегося с ним на командном пункте.

Милдред встревоженно взглянула на мужа.

– К тебе это не относится, мой дорогой, – ты получаешь не больше чем заслужил.

Но Джоунз думал уже о мудрости, которую мы извлекаем, прислушиваясь к умным детям, и вспоминал себя в бытность мальчишкой, охотившимся на енотов с собаками... Пришельцы, вступившие в контакт с землянами и потому настроенные сейчас вполне дружелюбно, предложили оставить радиомаяк, сигналы которого может воспринимать любой космический корабль, проходящий мимо Земли на расстоянии шести световых лет.

Так что в будущем контакты расширятся. И маяк пришельцы пошлют к Земле на антигравитационной платформе, которую земляне могут оставить у себя...

Джоунз глубоко вздохнул и задержал выдох; он попытался подняться над предубеждениями и ошибками молодости. Он пообещал себе, что завтра попросит президента ввести его в Национальный консультативный совет по освоению космоса. Опять пришло время ему учиться смотреть на вещи с иной точки зрения.

Итак, еще одно уместное напоминание о том, что нужно «учиться смотреть на вещи с иной точки зрения».

Французский писатель Пьер Буль, автор знаменитой «Планеты обезьян», справедливо полагает, что это требование в первую очередь касается военных, имеющих непосредственное отношение к ядерному оружию, которое в глазах фантаста, как заявлено уже в заглавии рассказа, – «Дьявольское оружие».

В генеральных штабах стран мира, надо полагать, разработаны стратегии на случай возникновения ядерного конфликта. Известно, по крайней мере, что Пентагон проигрывает и вариант «первого удара», и вариант «ограниченной ядерной войны», и другие варианты, предусматривающие взаимодействие родов войск в условиях применения ядерного оружия. И, возможно, теоретически все получается превосходно. Но, как говаривал еще Мефистофель у Гёте, «Теория, мой друг, суха...» У Буля кадровые военные всесторонне рассматривают проблему в самом что ни на есть жизненном ракурсе...

Дьявольское оружие

Пьер Буль

Когда в зале, где проходила конференция, появился принц, все члены комитета встали. Военные застыли в безукоризненной стойке «смирно», некоторые даже чуть

Печатается по изд.: Буль П. Дьявольское оружие. – Пер. с фр. – М.: ИЛ, № 5, 1983. – Boule P. L'arme diabolique. – Boule P. Histoires charitables. – Paris: Julliard, 1965.

© «Иностранная литература», 1983

слышно щелкнули каблуками. Штатские инстинктивно приняли почти такую же позу. Эти знаки почтения были продиктованы не только этикетом и субординацией: они выражали неподдельное уважение и восхищение, которое вызывал у всех глава государства. Принц привлекал к себе молодостью духа, умом и силой характера.

На такое приветствие он ответил благожелательным жестом, пожал руку председателю комитета генералу Перлю и занял свое место. Генерал тотчас же объявил заседание открытым, памятуя о том, что принц ненавидит ненужные предисловия.

Комитет закончил свою работу накануне, а сегодня его руководящие деятели собрались, чтобы рассмотреть результаты заседания, сделать практические выводы и отредактировать окончательный текст отчета, прежде чем представить его правительству.

Исследование, осуществленное комитетом, длилось больше года. Принц придавал ему столь большое значение, что решил лично присутствовать на заключительном заседании. Он любил непосредственные контакты и, прежде чем приступить к чтению официального доклада, хотел побеседовать с людьми, на которых он возложил миссию, крайне важную для будущего страны.

Идея создать этот чрезвычайный комитет возникла именно у принца. Она же во многом определила подбор членов комитета. Среди них преобладали военные. Разумеется, все они принадлежали к офицерской элите, но глава государства потребовал, чтобы критерием их подбора служила одна редкостная черта характера, которую он ставил превыше всего: ум, реалистический и одновременно наделенный богатым воображением, ум, не обремененный традициями и дисциплиной настолько, чтобы потонуть в рутине. Все эти военные обладали яркой индивидуальностью, все были молоды. Были также несколько штатских: принц придавал значение их

участию, считая, что важность обсуждаемых вопросов превосходит компетенцию технических специалистов и требует объективного взгляда на армию со стороны. Они выбирались из числа тех, кто способен отыскать и усвоить новые идеи, а также найти оригинальные решения важных актуальных проблем. Глава государства принципиально устранил от обсуждения этих проблем официальные органы власти, поскольку, как он считал, у них было обыкновение топтаться в пыли прошлого. Сам принц неизменно оставался ярым врагом рутины. Придя к власти, он сумел разбудить в стране тот дух поисков и новаторства, без которого не бывает значительных достижений и который, казалось, за последние недели несколько ослабел. После создания комитета принц одной фразой охарактеризовал качества, которые он хотел бы видеть у членов комитета. Эта фраза принадлежала не ему, но она точно выразила его мысль:

– Здесь собрались люди, которых война не застанет врасплох, способные предвидеть будущую войну и не истратившие сил на подготовку прошлых войн.

Именно о способности предвидеть ход войны и шла речь, как напомнил генерал Перль, взяв слово в начале заседания.

– ...К несчастью, господа, через год или через пять лет может разразиться война. Строить планы на более долгий срок было бы опасной химерой. Предсказать различные формы, которые может принять война, – такова миссия, которую год тому назад на нас возложило правительство. Мы должны предвидеть и подготовить программу эффективных мероприятий с тем, чтобы армия была готова ко всяким случайностям, а не застигнута врасплох, как это слишком часто бывало в прошлом из-за того, что лидеры по своей беспечности или робости не осмеливались дать волю воображению...

Принц одобрительно улыбнулся. Генерал, ободренный, продолжал:

– ...Предвидеть, подготовиться и, наконец, предложить правительству военную политику, вытекающую из результатов данного исследования, которое осуществляли вы все, представители различных родов войск. Вы не были во власти предвзятых идей и пользовались полной свободой мышления, вот что мне хотелось бы подчеркнуть. Полагаю, теперь можно добавить, что это исследование было плодотворным, поскольку оно помогло выработать единую четкую линию поведения, которую мы все согласны рекомендовать правительству.

Тут принц, вопреки своему намерению не вмешиваться в предварительный доклад, не смог удержаться от жеста и задал вопрос:

– Все согласны?

– Все, – сказал генерал.

– Все, – в один голос поспешили заверить принца члены комитета, отвечая на его вопросительный взгляд.

– Единая линия поведения? Вы хотите сказать, что среди вас не нашлось ни одного оппонента?

– Теперь уже нет, сир, – твердо ответил генерал Перль. – На наших первых заседаниях разногласий было много. Могу вас заверить, что всякие мыслимые возражения были сделаны и различные точки зрения были тщательно проанализированы. Но по мере того как наше исследование продвигалось вперед, мы все приходили к единому выводу, я настаиваю на этом. Он следует со строгостью математических выкладок из точного анализа всех данных по этой проблеме и совершенно объективного синтеза всех умозаключений. Вы сами, сир, неизбежно придете к такому заключению, я в этом уверен. Могу утверждать, что предлагаемая нами военная политика является единственно логичной и разумной в нынешних обстоятельствах.

Принц посмотрел на него долгим взглядом. Такие слова, как расчет, анализ, синтез, в принципе нравились

ему, и в устах Перля они не могли его удивить. Генерал был питомцем одного из самых крупных институтов, где преподавание точных наук, и в особенности математики, занимало существенное место. Хотя его еще и называли генералом, он несколько лет тому назад вышел в отставку и занимал важный пост в промышленности. Поручив этому логике руководство работой комитета, принц тем самым надеялся найти противовес пылкости и «авангардистским» тенденциям молодых, полных энтузиазма членов комитета, таким образом достигнув равновесия здравого смысла и фантазии, которые представляли два полюса его собственного ума. Слушая последние фразы, он неожиданно подумал, не допустил ли он ошибки, доверив генералу эту миссию. Принц ничем не обнаружил своих сомнений и просто спросил:

– В чем же суть вашего заключения?

– Если позволите, сир, я предложил бы выслушать сначала наших докладчиков, тогда заключение будет естественно вытекать из доказанных, неоспоримых фактов.

– Я слушаю вас, – ответил принц.

Генерал предоставил слово очень молодому полковнику, которому было доверено изучение вопросов, связанных с сухопутными войсками. Это был преданный солдат и в то же время блистательный тонкий мыслитель. Он участвовал в нескольких военных конфликтах и учился в самых знаменитых военных школах, но вместе с тем не был человеком, который слепо доверяет своему опыту или отвлеченным теориям. Его собственные оригинальные труды, по мнению некоторых специалистов, революционные по своему характеру, привлекали к нему внимание командования. Принц с интересом прочел их и настоял на том, чтобы полковнику доверили одно из главных направлений исследования.

Первую часть доклада полковник изложил методично, четким голосом. Сначала он извинился за то, что на-

поминает о фактах уже известных, но без которых трудно было бы составить полное представление о ситуации. Затем приступил к широкому последовательному обзору различных классических родов войск.

Пехота? Он должен был говорить о ней, поскольку она занимала важное место в современной организации войск. Но после глубокого изучения не представляется разумным отводить ей первую роль в будущей войне. Лично он убежден, что ее роль должна быть сведена едва ли не к нулю.

Он нашел убедительное доказательство своей мысли. В обороне любая значительная концентрация частей этого рода войск стала бы целью, легко доступной для ядерного оружия противника, и неизбежно привела бы к бессмысленной массовой гибели человеческих жизней и к материальным потерям.

По таким же мотивам недопустимо широкое наступление пехоты, подобное тем, которые были в прошлом.

– ...В этом смысле, – уточнил полковник, – было бы целесообразно продумать несколько операций, осуществляемых при помощи небольших изолированных войсковых группировок, которые должны нанести удары, ограниченные по масштабам своего разрушительного действия. В таком случае наше термоядерное оружие, отнюдь не уступающее в мощи и точности ядерному оружию других стран, позволило бы нам достичь более надежных и скорых результатов.

– Уже такое понятие, как оккупация, сир, – продолжал полковник, мало-помалу оживляясь, – важнейшая задача, стоявшая перед пехотой в прошлом, ныне представляется анахронизмом. Какой смысл занимать союзную или вражескую территорию, если ядерное оружие той или иной воюющей стороны наверняка сделает ее непригодной для обороны с первых же часов войны?

Танки? Различные бронетанковые части? Он спе-

циально изучал вопрос об использовании этих машин, сыгравших столь значительную роль в последней мировой войне. Ему ничего не стоит доказать, что их время прошло, что уже невозможно надеяться ни на какую крупную операцию, и при настоящем положении дел было бы нелепым надеяться укрепить безопасность страны при помощи исследований и каких-либо приготовлений в этой области. Доказательства? Он уже приводил. Современные средства обнаружения позволяют при помощи одной-двух точно нацеленных атомных бомб уничтожить значительное скопление механизированных частей. Если даже нескольким машинам удастся избежать мгновенного разрушения, необходимые для их функционирования запасы горючего, технические службы и мастерские будут наверняка уничтожены.

– Что касается совместного прорыва, подготовленного втайне, то, ваша светлость, допуская даже при многих оговорках возможность его осуществления, эффект внезапности такого прорыва выглядит буквально смехотворным по сравнению с тем ударом, который может произвести всего лишь одна из наших ракет с ядерным зарядом.

«Смехотворный» – это слово чаще других появлялось в докладе полковника. Он его использовал, когда говорил об артиллерии, о военно-инженерном деле, а также о некоторых вспомогательных службах, в отношении которых его исследование привело к тому же самому выводу: в сравнении с ядерным оружием все другие виды вооружений выглядят смехотворно.

Исходя из соображений более общего характера и выясняя последствия, о которых ранее он лишь вскользь упоминал, полковник в своем резюме еще раз подчеркнул очевидность этого обстоятельства.

– Мы пришли к убеждению, – сказал он, – что ввиду превосходства ядерного оружия наши войска и наша современная техника теперь бесполезны. Дело не только в

том, что классические методы использования этих войсковых соединений неэффективны. Гораздо серьезней то, что ни одно разумное существо не может представить себе рациональный способ их результативного применения. Я сожалею, что был вынужден обрисовать ситуацию в столь мрачном свете, но сокрытие правды я счел бы уклонением от моего долга. Это так. Всякое маневрирование становится наивным. Сегодня слова «стратегия и тактика» лишены смысла. Обучение в наших офицерских школах утратило всякую практическую ценность, а в целом военное ремесло стало похожим всего лишь на пустое времяпровождение, пригодное для забавы старичков.

Когда полковник сделал паузу, ему показалось, что по лицу принца пробежала тень. Чувствуя, что подобные заявления могут быть истолкованы не в его пользу, полковник счел необходимым заранее оправдаться. Он заговорил более пылко, и в интонациях его голоса слышалась болезненная страсть.

— О, не подумайте, сир,— воскликнул он,— что это мое мнение— всего лишь словесное оправдание лени или инертности военных руководителей. Тем более не подумайте, что оно базируется на абстрактных данных. Оно основано на констатации неопровержимых фактов. Опираясь на них же, я пришел к выводу, что нынешняя ситуация плачевна для всей армии. В ходе последних крупных маневров я встречался с сотнями офицеров всех рангов и возрастов. И у всех я заметил одно и то же беспокойство, нет, это слово недостаточно выразительно,— одно и то же отчаяние. Мы все вместе тысячу раз, десять тысяч раз искали способ спасения...

Так это и было. Во время последних маневров, не в меру затянувшихся, молодой полковник сделал все, что было в его силах. На время оставив теоретические спекуляции, он принял активное участие в военных маневрах. Вскоре он констатировал, что офицеры, коман-

дующие действующими соединениями, прекрасно сознавали угрозу, нависшую над их головами, и испробовали все доступные им средства, чтобы избежать ее. Сотрудничая с ними, он очень скоро убедился, что их усилия, равно как и его попытки, были совершенно безрезультатны. Все эксперименты приводили к одному выводу. Роботы, замещавшие ядерные ракеты, попадали точно в цель, в назначенное время. Следовательно, ракеты могли расстроить самые искусные планы, разрушить даже хорошо замаскированные военные сооружения и помешать любому маневрированию. Будучи наблюдателем, самый пристрастный арбитр, самый горячий сторонник обычного вооружения вынужден был бы признать, что оно обречено на гибель.

Так как полковнику в силу его положения был открыт доступ в самые высокие военные круги, он вошел в контакт с генеральным штабом и настоял на том, чтобы теоретические задачи маневров были изменены. В этих кругах он тоже чаще всего встречал понимание и доброжелательность. И он, и высокообразованные ученые-офицеры с жаром взялись за эту работу. Их страстное стремление к созданию новой стратегии было вызвано отчаянием. Старые генералы обретали молодость в этом лихорадочном поиске решения задачи – задачи найти форму войны, соответствующую дьявольской мощи ядерного оружия.

– Мы не нашли ничего, – сказал в заключение полковник дрожащим голосом и почти торжественно. – Мы ничего не нашли, сир. Мы ничего не нашли, господа. Вот почему мой долг вынуждает меня заявить сегодня: что касается наземных войск, атомная угроза фатально приводит к гибели военного искусства.

Он сел в глубокой тишине. Взгляды всех обратились к принцу, который молчал, нахмурив брови. Генерал Перль предоставил слово капитану корабля. Ему было поручено обследовать флот.

Капитан высказывался столь же энергично, как его коллега. Одинаково звучали и выводы обоих докладчиков. Только начал капитан с того, чем полковник кончил, упомянув о бесчисленных исследованиях, целью которых было найти возможное использование флота, оснащенного обычным вооружением. Он признался, что вместе со многими другими не мог сдерживать слез, убедившись в тщетности своих усилий. Но, само собой разумеется, его первейший долг сообщить, что гигантские авианосцы, броненосцы и крейсера, все остальные корабли обычного типа тоже обречены на почти тотальное уничтожение в первые же часы войны, и удары, которые они могли бы нанести, несопоставимы с разрушениями, причиняемыми самой маленькой ракетой с ядерной боеголовкой.

– Наше единственное эффективное оружие, – утверждал он, – это небольшие субмарины, действующие самостоятельно и вооруженные ракетами. Поскольку на сегодняшний день мы обладаем достаточным количеством подводных лодок, трудно представить, для каких целей могут понадобиться другие корабли, разве что для парада. Повторяю, многие из нас оплакивают их участь: ведь эти суда никоим образом не могут составить военный флот. Не возникает даже вопроса об их маневренности, что представляет самую суть нашего ремесла. Все сводится к перемещению по прямой линии на большую глубину по указанной отметке. Несколько армейских математиков с компьютерами составляют весь необходимый генеральный штаб. Что касается военно-морского флота, «кнопочная» война исключает все корабли, кроме подводных.

Этот вид войны был единственно возможным и в представлении специалиста по военно-воздушным силам, который выступил вслед за капитаном и привел столь же убедительные доводы. Не стоило никакого труда доказать, что современные авиаэскадрильи по-

лезны не больше, чем детские игрушки, и что существование термоядерного оружия сделало бессмысленной работу по созданию новых типов самолетов. Что касается тренировочных испытаний, которым подвергались летчики бомбардировщиков и истребителей, это было просто потерянным временем. Атомный призрак не давал возможности для осуществления какой-либо классической концепции сражения как на суше и на море, так и в воздухе.

Главные члены комитета закончили свои выступления. Генерал Перль повернулся к принцу, не сделавшему до сих пор ни одного замечания. Однако принц был явно озабочен и казался не совсем довольным. Конечно, изложенные здесь идеи были не новы для него. Конечно, они означали отказ от старых концепций, и такой подход не мог ему не понравиться. И все-таки он испытывал растерянность, почти испуг, видя тот негативный аспект, который, казалось, принимало заключение комитета. Если он собрал лучших специалистов в этой области, то именно для того, чтобы просто констатировать состояние дел, известное уже давно. Тут действительно было из-за чего сокрушаться! Таким образом, все результаты их исследования свелись к удобной возможности для полного отказа от армии.

Когда принц заговорил, интонации его голоса предвещали бурю.

– Подведем итоги, – сказал он генералу Перлю. – Если я правильно вас понял, вы все убеждены, что наша классическая военная техника – танки, пушки, корабли, самолеты – больше ни к чему не пригодна?

– Ни к чему, – без колебаний подтвердил генерал. – Ни к чему с той поры, когда получило развитие термоядерное оружие.

– Вы убеждены также, что все это представляет собой никому не нужный металлический хлам?

– Именно такова наша точка зрения.

– Вы убеждены, что в той же мере бесполезны наши войска, наши штабы и военные школы?

– Это так, сир.

– И что, следовательно, вам не остается ничего лучшего, как опустить руки и хныкать?! – взорвался принц.

– О, простите, сир!

Этот протест и в особенности сердитый, почти неуважительный тон, которым он был высказан, вернул главе государства некоторую надежду. Взглянув на членов комитета, он с удовольствием отметил, что его обвинение вызвало негодование у всех остальных членов комитета. Принц был удовлетворен, прочтя на их лицах чувства, весьма не похожие на смирение. Особенно метали молнии глаза полковника, говорившего о сухопутной армии. Принц в глубине души поздравил себя с удачным психологическим ходом. Всего лишь нескольких булавочных уколов такого рода оказалось достаточно, чтобы в полной мере возратить им бодрость духа. Теперь он уверен, что в этом собрании возникнет какая-то конструктивная идея. Выходит, он плохо думал о своих офицерах. Эти люди были не из тех, кто пассивно согласится с полным отказом от армии. Еще не все было сказано, их глубинная мысль еще ускользала от принца. Полностью успокоился он после первых же слов генерала Перля, который, немного придя в себя, продолжил свою речь, правда, в интонациях его голоса можно было еще почувствовать раздражение:

– Сир, я полагаю, что вы нас не вполне правильно поняли. Ни на один миг мы не упускали из виду, что в нашу миссию входило обязательство дать правительству положительные рекомендации.

– Я тоже так думаю, – примирительным тоном процедил сквозь зубы принц.

– Если мы и обрисовали ситуацию такой, какая она есть, делая акцент на худшей ее стороне, то только для того, чтобы обосновать эти рекомендации, которые но-

сят достаточно революционный характер.

– Революционный дух меня не пугает.

– Мы хотели показать необходимость пропагандируемой нами военной политики, поскольку она вступает в полное противоречие с той военной политикой, которую наше правительство проводило в последние годы и которой оно стремилось обеспечить победу на всех международных конференциях.

– Каково, наконец, ваше заключение?

– Позвольте мне, сир, добавить последнее слово к уже сделанным докладам: убедительная мощь ядерного оружия делает невозможной не только обычную войну, но и войну вообще. Кнопочная война – это утопия. Угроза всеобщего уничтожения слишком велика, чтобы какое-либо государство могло взять на себя за это ответственность. Это стало банальной, очевидной истиной.

– Допустим, – нетерпеливо бросил принц. – И тогда?

– Тогда, – воскликнул генерал Перль, – вывод напрашивается сам собой со всей математической строгостью, как я уже заявлял в начале нашего заседания... Тогда, – продолжал он торжествующим голосом, – нужно найти в себе мужество смотреть правде в глаза и в корне уничтожить зло. Атомное оружие делает войну невозможной, сир. Значит, надо запретить это дьявольское оружие. Необходимо объявить этот бич божий вне закона.

Итак, вывод военных: «Атомное оружие делает войну невозможной... Значит, надо запретить это дьявольское оружие».

Строго говоря, это уже не фантастика, а элементарный здравый смысл. Советская военно-политическая доктрина исходит из необходимости и технической осуществимости запрещения ядерного оружия и уничтожения его запасов. Такого же мнения придерживаются и многие военные на Западе – не «возлюбившие войну», а реалистически мыслящие. Решение вопроса упирается в добрую волю государств и правительств, а

поскольку государства – это народ, то в конечном счете все в тот же «человеческий фактор».

О доброй воле и солидарности повествует в небольшом, но емком по вложенной в него философии рассказе «Мы, народ» американец Джек Холдмен-младший (кстати, родственник Джо Холдмена, автора антимилитаристской новеллы «Рядовая война рядового Джекоба»).

Мы, народ

Джек Холдмен-младший

После дождя, заказанного на ночь, асфальт чуть лоснился. Улица за окном еще не проснулась. Марк неторопливо заканчивал завтракать в уютной тишине. Кот на диване лениво постукивал хвостом по солнечному пятну на покрывале – ждал утренней порции молока.

Марк встал, налил молока в блюдечко, поставил его на пол и направился к рабочему столу.

– Доброе утро, – привычно произнес он. В ответ по экрану побежали слова:

ДОБРОЕ УТРО, МАРК. КАК СПАЛОСЬ?

– Паршиво. Снова проклятый артрит.

ЭТО ПЛОХО. КОЛЕНИ?

– Нет, на этот раз руки. – Он взъерошил свои редкие седые волосы, взглянул на раздутые суставы пальцев. Чего уж, случаются вещи и похуже артрита.

ТРЕТИЙ ПРИСТУП ЗА МЕСЯЦ. МАРК, СВЯЗАТЬСЯ С ДОКТОРОМ?

– Спасибо, позже.

СЕГОДНЯ 15 АПРЕЛЯ.

Печатается по изд.: Холдмен Дж. Мы – народ! – Пер. с англ. – М.: Молодая гвардия, 1984 («Вокруг света», № 9). – Пер. изд.: Holdeman J. We, the People! – N. Y.: Analog, Mid-September 1983.

© 1983 by Davis Publ.

© «Молодая гвардия», 1984.

– Ну и что?

КРАЙНИЙ СРОК. ДО ПОЛУНОЧИ НЕОБХОДИМО ВЫПЛАТИТЬ ГОДОВОЙ НАЛОГ. ОТКЛАДЫВАТЬ БОЛЬШЕ НЕЛЬЗЯ. ПРИСТУПИМ?

– А нельзя ли как-нибудь... словом...– Марк недолюбливал эту длительную процедуру.

ГРАЖДАНСКИЙ ДОЛГ, МАРК. ЭТО И ВАШЕ ПРАВО, И ЗНАК ВЫСОКОГО ДОВЕРИЯ.

– Ладно, поехали.

В КРАТКОЙ ФОРМЕ ИЛИ ОБСТОЯТЕЛЬНО?

– Не спрашивай глупостей.

ВОПРОС ПОЛОЖЕН ПО ЗАКОНУ. НЕКОТОРЫЕ ИЗ ЭКОНОМИИ ВРЕМЕНИ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ ОБСТОЯТЕЛЬНОГО ВАРИАНТА. ТРИНАДЦАТЬ ЧЕЛОВЕК НА КАЖДЫЕ СТО ТЫСЯЧ.

– Ради часовой экономии я своим правом не поступлюсь.

Марк следил за цифрами, которые выстраивались на экране. Доходец ничего, больше чем предполагал. Впрочем, при нынешних ценах этого и не заметишь. Марк уже не работал, но по старой памяти организации, связанные с экологическими проблемами, привлекали его к разработке различных проектов. Он занимался дома, редко куда-нибудь выходил – годы уже не те.

Вспыхнула Цифра налога. Теперь право Марка – обстоятельно распределить по рубрикам, как использовать деньги, которые он отдаст государству. На экране стали появляться названия возможных вложений.

ПОМОЩЬ ДЕТЯМ БЕДНЯКОВ.

– Сто долларов, – сказал Марк, вспоминая о своем голодном детстве.

ПОМОЩЬ ОТСТАЛЫМ СТРАНАМ.

– Ноль. – «Их теперь практически нет», – подумал он в оправдание этого нуля.

ПРОТИВ БЕЗРАБОТИЦЫ.

– Пятьдесят.

НА НУЖДЫ ИСКУССТВА.

– Пятьдесят.

Трудно представить себе жизнь городка без музыки, без картин и памятников. Марк не мог забыть воскресные концерты на берегу реки – жена замороженно слушала оркестр, а дети глазели на танцоров. «Исправь на семьдесят пять», – сказал старик.

РАЗРАБОТКА НОВЫХ ВИДОВ ОРУЖИЯ.

Марк рассмеялся: в который раз норовят – что ни год. – «Ноль!» – отрезал он. Вот если бы придумали бомбу, которая истребит всех генералов, тогда другое дело.

На экране возникали все новые рубрики, и старик без суеты называл цифры.

Не один он дотянул до последнего дня. В то утро множество людей одновременно с Марком давали указания, как лучше использовать доллары, которые они платят в качестве налогов.

Преупевающая актриса Алиса Томпсон решила так: часть – на санаторий для престарелых актеров, часть – на молодежную драмстудию, часть – на проведение театральных фестивалей. Она отвергла рубрики вроде укрепления полиции, обновления тюрем. После распределения у нее осталась некоторая сумма, и Алиса задумалась: на что бы ее предназначить?

Инженер Эрик Хессе, проработавший сорок лет на одном заводе, направил свои деньги, предназначенные для выплаты налогов, на контроль за погодой (Эрик терпеть не мог куч грязного снега на улицах), на исследования по созданию новых сортов пива и на развитие женской гимнастики – его правнучка участвовала в состязаниях. Но после распределения налога у Эрика осталась неиспользованная сумма, и он никак не мог решить: как ее потратить?

Раймон Монтеро, член Верховного суда, без колебаний направил свои деньги на нужды библиотеки конгресса, на научные исследования и на социальные про-

граммы. После этого он задумался: куда пристроить остаток?

Том Ханна, рыжий фермер из Оклахомы, отнесся к акту выплаты налогов чрезвычайно серьезно и долго обмозговывал свой выбор. Он вложил деньги в развитие организаций, кредитующих фермеров, в кафедры сельского хозяйства при университетах, в ветеринарную школу и в местную футбольную команду. Но вот незадача – обнаружился остаток. Как быть с ним?

Люди по всей стране вкладывали деньги в программы, которые касались непосредственно их жизни. С тех пор как было введено самостоятельное распределение государственного бюджета налогоплательщиками, очень многое изменилось – к лучшему. Экономисты предрекали хаос, но ничего подобного не произошло. Налогоплательщики знали, чего хотели, и отметали все непопулярные проекты.

Тем временем Марк называл все новые цифры. Кот прыгнул ему на колени, навалился на ладони и задремал.

Марк привык к ежегодной процедуре и многие цифры называл машинально. Столько-то на дома престарелых. Столько-то на питание школьников. Столько-то на экологические проекты, на медицинские исследования, на развитие энергетической сети.

Он долго обдумывал только рубрику военных расходов. Оружия хватит не один раз уничтожить планету. Зачем же еще? Марк предпочел перевести деньги ветеранам войн. Он и сам понюхал пороку: хотя вьетнамская война закончилась еще до его рождения, он не избежал нефтяных войн, участвовал и в авантюрах в Латинской Америке. Оба его брата погибли в джунглях, а сам он получил два ранения. Если вложить еще денег в военные расходы, вернет ли это убитых братьев?

Слова на экране вдруг расплылись. Марк вынул ладонь из-под теплого живота мурлыкающего даже в дре-

ме кота и вытер слезы.

КОНЕЦ СПИСКА, МАРК. ОСТАТОК 795 ДОЛЛАРОВ 32 ЦЕНТА. ПОВТОРИТЬ ВОЗМОЖНЫЕ СТАТЬИ РАСХОДОВ?

– Нет, – сказал Марк, заморгав. Буквы снова расплылись.

ВЫ ОБЯЗАНЫ РАСПРЕДЕЛИТЬ ВЕСЬ НАЛОГ ДО ПОСЛЕДНЕГО ЦЕНТА.

...В те солнечные дни детства они проказили втроем. Счастливые дни закончились вместе с гибелью братьев. Да, скорбеть по павшим – святой долг, но был ли смысл в их гибели, был ли смысл?..

ПОВТОРИТЬ ВОЗМОЖНЫЕ СТАТЬИ РАСХОДОВ?

– Нет, – тихо ответил Марк.

ВВЕСТИ ДОПОЛНИТЕЛЬНУЮ СТАТЬЮ? – догадалась машина.

– Да, – сказал старик почти шепотом.

ЖДУ ВВОДА ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ СТАТЬИ.

– Мир, – сказал Марк, и слово зависло в тишине. **БУДЬТЕ ДОБРЫ, ТОЧНЕЕ.**

– Я сказал МИР, черт побери! – выкрикнул Марк. – Мир – вечный и нерушимый!

Кот испугался и прыгнул с колен хозяина. Марк резко встал, опрокидывая стул. Его глаза ничего не видели от слез. «Дурень, ну и дурень!» – тут же устыдился он своей горячности.

В тот же день, пятнадцатого апреля, больше двухсот миллионов налогоплательщиков высказали то же желание.

К рождеству оно осуществилось.

Итак, мир – вечный и нерушимый.

Вот это пока еще – фантастика. Человечество стоит на распутье, перед ним две дороги – дорога жизни и дорога смерти, прочный мир либо всеуничтожающая война. На протяжении своей истории людям постоянно приходилось выбирать ме-

жду войной и миром, и слишком часто, недопустимо часто выбор бывал неверен.

Как развивалась бы история, если б не было Тридцатилетней войны в Европе и Войны за независимость в Северной Америке, если б удалось предотвратить первую и вторую мировые войны? Или, с другой стороны, что было бы, когда б эти войны закончились не в свой срок, но продолжались еще какое-то время? Вопросы из области гипотетического, но фантастика на то и фантастика, чтобы среди прочего отвечать и на такие вопросы.

Сакё Комацу, подданный империи, которая первая и, к счастью, единственная испытала на себе разрушительную мощь ядерного оружия, «проигрывает» в новелле «Мир – Земле» подобное фантастическое допущение применительно к Японии и ее народу. Вскрывая безумие милитаризма как особо утонченной формы растления неокрепших душ, несущей гибель подросткам и юношам, еще толком не отведавшим жизни, писатель утверждает мир как непререкаемую ценность и верховное благо человека.

Несколько исторических фактов, необходимых, чтобы проникнуть в смелый замысел художника и оценить совершенство его воплощения.

6 августа 1945 года американцы взорвали атомную бомбу над Хиросимой, 9 августа – над Нагасаки. 15 августа император Хирохито выступил по радио с обращением к нации, в котором заявил о том, что Япония принимает условия Потсдамской декларации. 2 сентября Япония подписала Акт о капитуляции.

Мир – Земле

Сакё Комацу

Мелькнула человеческая тень. Он машинально спустил предохранитель, прицелился и затаил дыхание. Впереди тихо покачивался колос мисканта. Высокая по-

Печатается по изд.: Комацу С. Мир – Земле. Пер. с яп. – М.: Мир, 1967 («Времена Хокусая»). – Пер. изд.: Комацу С. Ти нива хэйва – во. – Tokyo: S-F Magazine, 1965.

желтая трава зашуршала, заколыхалась, и оттуда высунулся крестьянин плутоватого вида, с обмотанной грязным полотенцем головой и вязанкой хвороста за плечами.

Тогда он поднялся и шагнул навстречу старику, держа наготове карабин.

Старик в ужасе шарахнулся. Испуганное лицо на миг исказилось злобой, но тут же стало непроницаемым. Тот подошел вплотную к старику.

– Жратва есть? – спросил он. – Я голоден!

Тусклыми, точно высушенная солнцем речная галька, глазами крестьянин смерил его с головы до ног. Под гноящимися веками снова вспыхнул злобный огонь.

Перед крестьянином стоял исхудалый мальчик в рваной, висевшей клочьями одежде. Его шею и тощие, как куриные лапки, руки покрывала чешуйчатая пыль.

– Ты чего карабином тычешь? – сердито пролаял старик. – Не японец я, что ли?

Парнишка опустил карабин, но на предохранитель не поставил.

– Ты где живешь? – спросил мальчик.

– Недалеко... за горкой, – ответил крестьянин.

– Мне жратва нужна! Сейчас поесть и на дорогу.

Крестьянин снова нахмурился. Он злился. Еще бы не злиться! Какой-то мальчишка ему угрожает, карабином в грудь тычет. Еще покрикивает. Героя из себя строит. Добро бы действительно солдат был – не так уж обидно, стерпеть можно, а то сопляк какой-то!..

– Ты что, один или с друзьями? – спросил крестьянин.

Мальчик покачал головой. Огляделся по сторонам.

– Один я. Меня в разведку послали. Вернулся. Наших всех перебили. А кто жив остался, видать, в горы подался.

– Всех поймали! – со злорадной усмешкой сказал старик. – Вон по той тропиночке спускались, подняв руки.

Их лупили, подгоняли прикладами... даже раненых...
– Не может быть, чтобы всех... Кто-нибудь уцелел.
– И ты зря прячешься... Все одно – рано или поздно схватят.

Щелкнул затвор. Крестьянин прикусил язык. Он взглянул на мальчика затравленными глазами, налитыми кровью, как у быка.

– В Синсю проберусь, к нашим, – упрямо проговорил мальчик, поджав губы. – Там еще крепко держатся.

– В Синсю? – ехидно переспросил крестьянин. – А знаешь, как туда добираться? Все дороги охраняются.

– Ничего, без дорог, лесами, горами проберусь.

– Все одно сцапают, – тихо пробурчал старик и тут же, спохватившись, искоса взглянул на мальчика; потом добавил осторожно: – Сдавайся в плен... тебе же лучше будет.

Мальчик вскинул карабин.

Ну, вот! Слова им не скажи – сразу на рожон лезут. Бешеные какие-то! Такому ничего не стоит пальнуть. И дают же им оружие в руки!

– Пре-датель! – прошипел парнишка сквозь зубы. – Из-за вас проиграли!

– При чем тут мы? – пробормотал старик и торопливо добавил: – И вы не виноваты... На их стороне сила. У них всего вдоволь. А у нас что? Ни одного самолета, ни одного...

– Это не поражение, – упрямо повторил мальчик. – Умереть в бою, не сдавшись врагу... Наши в Синсю будут держаться до конца!

– Тогда всех японцев перебьют.

– А что, по-твоему, лучше холуем быть, лишь бы в живых остаться? – Он говорил таким тоном, точно отчитывал первоклассника. – Даже ребята вроде меня сражаются в смертном бою. Эх, ты!.. А еще взрослый!..

– Старуха у меня парализованная да дочка на шее, – ворчливо ответил крестьянин, – а вы-то что жрать буде-

те, если крестьяне работать перестанут?

Но, увидев, что мальчик снова приходит в ярость, старик повернулся и, сказав: «Пойдем!», зашагал прочь.

Одиноким дом в долине. Тошая, с торчащими ребрами корова щиплет траву, на морде у нее выражение полного безразличия и покорности. Поля вдоль ущелья давно убраны, всюду, как великаны, высятся скирды рисовой соломы.

– А их нет? – подозрительно спросил мальчик.

Старик покачал головой.

– Все до одного ушли... тут неподалеку... в соседней деревне, кажись, остался отряд...

Голос крестьянина заставил мальчика еще больше насторожиться. С этим старым пугалом надо держать ухо востро.

– Мать, это я! – крикнул крестьянин.

Вблизи дом казался большим. По двору бродили куры. Пахло перегноем и свежей соломой.

От одной мысли о яичнице рот переполнился слюной.

В доме кто-то заворочался. Старик вошел и с кем-то заговорил вполголоса. Парнишка разглядел уставившиеся на него выцветшие старческие глаза. Старик успокаивающе говорил: «Ничего, обойдется», а старуха требовала гнать оборвыша в шею.

Он сел, вытер пот. Еле сдерживался, чтобы не уснуть. Сон одолевал его.

– Сейчас приготовлю поесть, – сказал старик приветливым голосом. Он прошел в кухню, неслышно ступая по земляному полу. – Дочери дома нет, я дам тебе пока холодного рису.

– Ладно, все равно.

Урчало даже в горле. Шутка ли сказать: вторые сутки ничего в рот не брал. Так и спятить недолго.

– Замори покамест червячка, а к вечеру курочку нарежем. Переночуешь у нас, утречком уйдешь себе...

– Оставь! Ни к чему это, – сказал мальчик, недоверчиво вслушиваясь в елеинный голос старика. – Съем рис и на дорогу возьму немного. Курицу резать жалко!

– Чего ее жалеть? Старенькая. А то еще им достанется.

– «Им» достанется не за так, а в обмен на что-нибудь.

Старик расхаживал по кухне и сладко ворковал:

– Ты наедайся, наедайся, а то до Синсю не доберешься.

Рисовая каша, тушеные овощи, яйца, вяленая рыба.

Он знал, много есть опасно – расстроится желудок, так и умереть недолго, но остановиться не мог. Он отхлебнул зеленого чая, с трудом подавив в себе желание есть еще, набить желудок до отказа. Голод в нем сидел, как бес. Проклятый червь скребся не только в кишках, но и во всем теле, до кончиков пальцев.

Послышались шаги. Мальчик машинально схватил карабин. Старик глянул искоса и процедил: «Это дочка моя!» Потом вышел во двор. Не выпуская из рук карабина, мальчик подкрался к окну. Со двора доносился голос женщины и торопливый, глухой – старика. Говорили на местном диалекте. Казалось, о чем-то спорили.

Вдруг на миг к окну прижалось плоское женское лицо и тут же исчезло. Легкие удаляющиеся шаги затихли за домом. Тяжелой поступью в комнату вошел старик, насушенный, мрачный, но, встретившись глазами с мальчиком, деланно улыбнулся.

– Не слушает дочка отца... Да ты ложись, ложись, поспи...

Даже из упрямства не было сил держать глаза открытыми. Желудок отяжелел, усталость сковала ноги, руки.

– Поспи, а я пока баньку приготовлю.

– Какую еще баньку? – нахмурился мальчик.

– Помыться тебе надо, смотри, какой потный, грязный.

– Ничего не надо. Понял?

Веки слипались сами собой. Последним усилием воли он крепко сжал одной рукой карабин, другой – пистолет и заснул тяжелым свинцовым сном там, где сидел.

Проснулся от боли в животе: это было возмездие за обжорство. Солнце зашло, в полумраке комнаты при свете угасающего дня проступали очертания предметов. В кухне – никого, в комнате – темнота. Мальчик окликнул старика, хотел спросить, где уборная. Никто не отозвался, только в глубине комнаты заворочалась парализованная старуха.

Мальчик, взяв карабин, поплелся во двор. Обогнул дом. Нашел отхожее место.

«Если старик к ужину нарежет курицу, все равно буду есть. Подумаешь, понос! Идти, правда, будет нелегко, но ничего, от курятины не умирают. Куда же делся этот старик?»

Мальчик вышел. Вдали слышался гул. Не придав этому значения, мальчик обошел дом вокруг. В пристройке горел свет. Проходя мимо, мальчик заглянул в окно. Мелькнуло что-то розовое и красное. Он задержал на минуту взгляд. На стене висели два платья: розовое и красное.

Сидевшая перед зеркалом девушка испуганно повернула голову: сильно напудренное лицо, подведенные брови, накрашенные губы. Девушка смутилась, точно застигнутая врасплох, отвела взгляд. Она хотела улыбнуться, но при виде его сурового лица еще больше смешалась.

В углу комнаты стояла раскрытая коробка. А в ней аккуратно сложенные вещи: пачки сигарет, лимонная эссенция, печенье. Из довольствия врага.

– Вы... – девушка запнулась, голос у нее был хриловатый.

– Так вот кто сюда шляется! – прошипел парнишка.

Девушка, точно приняв какое-то решение, крикнула:

– Уходите! Сейчас же!!! Сегодня они не собирались

приходить, но отец... мог...

Не dokonчив фразы, она прислушалась.

– Значит, ты любовница врага! – вырвалось у него.

Он был слишком молод, чтобы делать различие между мужчинами и женщинами. Его мать покончила с собой, перерезав горло. Сестра скорее всего погибла при бомбежке. Единственное исключение он делал для солдат, попавших в плен ранеными. Ведь и с ним это могло случиться. Но женщина, позволившая врагу осквернить себя, ничего с собой не сделавшая после этого, не наложившая на себя руки... Он выхватил пистолет, сам не зная еще, решится ли на что-нибудь. Девушка побледнела, глядя, как он судорожно и бездумно ищет пальцем предохранитель. И вдруг разразилась гневом:

– Дурак!

Эта неожиданная вспышка заставила его отступить. Он дрожал от ярости, однако, натолкнувшись на ответную ярость, на секунду поколебался. На миг он сопоставил светлый образ матери, по его мнению идеал женщины, с этой девкой, которая, точно взбесившаяся корова, обрушила на него свой гнев.

Вдруг послышался шум мотора. Мальчик испуганно оглянулся. Раздались выхлопы, заскрипели тормоза, и машина остановилась. Чужая, режущая слух речь смешалась с тяжелой поступью многих ног. Девушка одним прыжком очутилась в углу комнаты, схватила коробку и сунула мальчику.

– На! Беги! – сказала она. – Леском можно пробраться в горы.

Он побежал. Сзади раздался крик. Мальчик обернулся: возле окна пристройки стоял старик, указывая рукой ему вслед. Другой рукой старик держал за шиворот дочь и тряс ее. Прежде чем прожектор нащупал мальчика в темноте, он обернулся и разрядил пистолет. Девушка, словно мешок, осела рядом со стариком. Тут же ударила автоматная очередь. Мальчик спрыгнул в неглубо-

кую ложбинку и пополз в сторону. Он сунул пистолет в кобуру и сдернул с плеча карабин. Сорвал гранату, подвешенную к плечу, зубами рванул предохранитель.

– Come out!*

В промежутках между очередями автомата орали чужие, сытые глотки:

– Не уйдешь! Стой! Сопротивление бесполезно! Выходи!

Он знал английский настолько, чтобы разгадать значение слов, хотя у преподавателя в гимназии было скверное произношение. Не переставая ползти, мальчик на глаз измерил расстояние до солдата с прожектором. Улучив момент, когда прожектор направили в другую сторону, он размахнулся и швырнул гранату. В тот самый момент, когда прогремел взрыв, спрыгнул с небольшого обрыва и бросился бежать к лесу у подножия горы. По ту сторону холма бешено застрекотали автоматы. Добежав до леса, он юркнул в бурьян. Перевел дыхание. В животе урчало, началась резь. Коробку он где-то обронил. Голоса и выстрелы отдалились, воздух наполнился гудением насекомых.

...Ни одного утешительного сообщения. Ни на одном участке ничего не обнаружено.

– Участок 1805! – вызвал начальник департамента.

Из усилителя послышался неясный голос:

– Пока никаких новостей.

– Поторопитесь! – приказал начальник, стиснув зубы. – Надо спешить, пока не случилось беды. Трагедия может повториться!

– Есть спешить!

– Людей вам подбросить?

– Нет, обойдемся.

Голос умолк. Начальник нервно похрустел пальцами.

* Выходи (англ.).

Сумасшедший продолжает нагромождать одно преступление на другое. А они даже не знали, где он, этот бешеный.

Вдруг вспыхнул сигнальный огонек вызова. Начальник вскочил с места.

– Важное сообщение, начальник! – объявил голос.

Послышался нарастающий гул мотора. Парнишка уткнулся в траву. Здесь, в горах, она редкая, короткая – ничего не стоит заметить человека сверху. Он выпрямился и одним махом юркнул за выступ скалы. Из сырой расщелины выползла огромная сколопендра. Схватив ее двумя пальцами возле головы, парнишка размозил ей голову камнем. Жаль, масла нет, из нее получилось бы отличное лекарство.

Над головой с диким ревом пронесся темно-зеленый самолет. До него было метров пятьдесят, не больше. Выхваляется, сволочь! На крыльях четко вырисовывались белые звезды, рыло тупое, точно лоснящийся жирный нос. Самолет сделал круг над вершиной и повернул обратно. Неужели засек?

Пролетая над горой, самолет накренился, вот-вот коснется скалы. Был виден летчик в желтом шлеме: он смотрел вниз, высунув за борт сияющее, розовое лицо. Казалось, до него можно дотянуться. Руки крепче сжали карабин. У, гад! Пальнуть бы по нему! Но если промах, тогда конец! На голой горе нигде не укроешься. Вспомнилось, как обучали стрельбе из карабина по самолетам. Можно со смеху лопнуть!.. Целься в небо – ха! – точно по воробьям стрелять учили...

Самолет с авианосца педантично готовился к новому заходу. Тонкий, стройный корпус, уходящие назад, как у чайки, крылья – самолет класса «корсиа». У изгиба крыла устрашающе чернеет дуло двухдюймовой автоматической пушки, а под брюхом висит бомба килограммов на двести пятьдесят... Гад, гад, гад!.. Хотя бы один свой

истребитель... Самолет, круто задрал нос и сверкнув ярким лезвием фюзеляжа, взмыл вверх, туда, где плыли перистые облака. Вдруг отчетливо донеслось пение птицы. Мальчик поднялся и сделал шагов сто к седловине вершины. В горле пересохло, кружилась голова. Стоял ясный, погожий день бабьего лета. Даже зло брало, какая тихая погода!

Достигнув вершины, мальчик присел на камень, вытер пот, сделал последний глоток из фляги. Болел живот, все еще несло. Интересно, сколько осталось до Синсю? Мальчик сдвинул брови, прикинул в уме. Он случайно взглянул за седловину – перед глазами блеснуло море. Откуда море? Верно, озеро?

Нет. Все-таки море; чуть пониже горизонта скользил черный длинный силуэт – авианосец! Разумеется, вражеский. Все японские военные корабли, и «акаги», и «танкаку», и «сёкаку», и «синано», давно пущены на дно. У островов японского архипелага не осталось и следа от боевых кораблей императорского военно-морского флота, некогда приводившего в трепет весь мир. Ходили слухи, что несколько покалеченных легких крейсеров скрываются в Японском море, но их тоже потопят – это вопрос времени.

Что за чушь! Откуда здесь море?.. Неужели он сбился с дороги? После того как его чуть не накрыли в доме крестьянина, он передвигался только с наступлением темноты. Ночи стояли безлунные, ориентироваться приходилось по звездам, но что это за ориентир в горах: мальчик постоянно сбивался с пути. Горы тянутся на восток, значит, море на юге. Что же это за море?

Придется поискать какое-нибудь человеческое жилье и узнать. Пожалуй, на этот раз лучше припрятать карабин и прикинуться бездомным сиротой. Обидно все-таки! Прятаться в своей собственной стране! На петлицах его формы – черные эбонитовые знаки отличия, цветок сакуры. А это значит, что он боец императорско-

го отряда обороны. Он потрогал значок рукой и посмотрел на небо.

Стояла осень. В воздухе носились паутинки. Кончался октябрь. Еще месяц, и все покроется инеем. Необходимо добраться до Синсю раньше. Это самая гористая местность Японии. Там еще сражаются десять дивизий. Главная ставка уже давно перенесена туда, в город Нагано, и его величество там.

– Все равно доберусь! – сказал мальчик вслух.

Слова тут же унесло ветром. Вдруг его охватило чувство дикого одиночества. Желтые, соломенные лучи солнца, горные массивы, расцвеченные багряными кленами. И уходящая в бесконечную даль горная цепь с поблескивающим в проемах морем. И он один, сбившийся с пути, голодный, измученный, между небом и землей, на вершине какой-то безымянной горы, открытой солнцу и ветру.

– Обнаружен! – кричал начальник департамента в трубку членам поисковой группы, рассеянным по разным участкам.

– Всем бригадам, начиная от бригады DZ и до бригады MU включительно, переправиться на участок LSTU-3506! Остальным бригадам оставаться на местах и продолжать поиски. Как только все бригады, от DZ до MU, прибудут на место, установить взаимную связь и объявить осадное положение!

– Докладывает бригада QV... – раздался едва слышимый голос. – Участок XT-6517 реагирует на сигналы.

– RW! Алло! RW! Окажите помощь QV! Повторяю, окажите содействие QV!

– Говорит RW, говорит RW! Вас понял!..

Итак, дело подвигается. В двух местах уже засекли. Интересно, есть ли еще где-нибудь? На участке LSTU обнаружили совсем случайно, благодаря сообщению внеучасткового сотрудника. Кто мог предположить!..

Значит, надо искать всюду... Этот психопат черт знает что может натворить, если не обнаружить его самого.

– До сих пор никак не найдут! – уже вслух проговорил начальник.

Примерно 10 августа пронесся слух, что война проиграна. О применении нового смертоносного оружия – сверхмощной бомбы – слышали все. Об этом с осторожностью сообщалось в газетах. Говорилось, что такую же бомбу сбросили в Хиросиме, но она не взорвалась и теперь изучается военным ведомством.

14 августа налета не было. Под палящими лучами солнца мальчики шли из общежития на завод, где производилось новое оружие. Ребята гордились, что участвуют в создании нового оружия, хотя ничего о нем не знали, кроме названия: человек-торпеда. К вечеру пошли слухи, что завтра в двенадцать часов ожидается важное сообщение и выступление по радио самого императора. Газеты подтвердили слух, и учитель с подобающей случаю торжественностью сообщил об этом ученикам.

15 августа опять выдался жаркий день. Снова ни одного налета. Незадолго до двенадцати часов возле огромного станка в цехе собралась толпа: под станком находилось бомбоубежище, правда не очень надежное. Радиоприемник трещал, ничего нельзя было разобрать.

В двенадцать часов две минуты голос диктора произнес:

– Назначенное на двенадцать часов выступление его императорского величества, – тут защелкали каблуки: все вытянулись по стойке «смирно», – ввиду особых обстоятельств переносится на четырнадцать часов. Не отходите от приемников – сейчас будет передано важное сообщение.

Все ждали. Минуты три длилось молчание, потом в приемнике снова затрещало и из него полились бра-

вурные звуки «Песни ударного отряда»: «Врагов десяток тысяч я выведу из строя и жизнь отдам взамен». Потом исполнили «Песню мобилизованных студентов» и «Марш победы».

– Простите, что заставили напрасно ждать. Передача важного сообщения переносится на четырнадцать часов. Просим в четырнадцать часов включить радио.

Люди взволновались. Работа не ладилась. О предстоящем сообщении высказывались самые противоречивые мнения. Учитель ходил по рядам, подгоняя мальчиков, но и это не помогало. Они вдруг поняли: работать бессмысленно. Это было страшнее всего. Сборочный цех разбомбило, токарный засыпало битым кирпичом. Правда, из литейного потоком шло литье, но в станочном не было станков: ни двенадцатифутовых токарных, ни фрезерных, ни револьверных, так что обрабатывали одну мелочь. Обработанные детали складывали прямо во дворе: ведь сборочного цеха больше не существовало.

Передачу перенесли с двух часов на три.

В три почему-то заиграли «Марш скорби»: «Выйдешь в море – трупы в волнах...» Все растерялись. Перед тем как высочайший голос прозвучит в эфире, надлежало исполнять государственный гимн «Кимигайо».

– Простите за вынужденное ожидание. Ввиду особых обстоятельств выступление его величества отменяется. Слушайте важное сообщение. Сегодня на рассвете во время экстренного заседания Тайного совета в результате несчастного случая погибли и получили тяжелые ранения члены кабинета министров, старейшины: премьер-министр генерал Кантаро Судзуки...

Далее следовали имена погибших и раненых.

– Это конец! – тихо произнес рабочий лет сорока. Он был очень бледен.

Погибли министр военно-морского флота Йонай, министр двора Кидо, председатель Информационного бю-

ро Ситамура и многие другие. Остальные были тяжело ранены.

– На заседании присутствовал его величество император, – продолжал диктор, – но благодаря милости небес высочайшая плоть не пострадала.

Все заволновались. Самые легкомысленные восторженно закричали «бандзай», человек десять подхватили, но без воодушевления. Потом голоса стихли.

– Полномочия премьер-министра временно взял на себя военный министр Анами. Сегодня ночью будет сформировано новое правительство... Через минуту вы услышите речи временного премьера генерала Анами, а также начальника Главного штаба военно-морских сил Тоёта.

Премьер-министр Анами заговорил скорбным голосом. Священная родина богов непобедима, послужим ей, исполним свой великий сыновний долг, дадим решительный отпор врагу на нашей территории. Подданные, сплотитесь еще теснее, будьте готовы принять смерть у подножия трона высочайшей особы его величества.

Выступивший вслед за премьером Тоёта сказал: «Для того чтобы дать врагу решительный бой, необходимо сплочение всех сил, мобилизация всех ресурсов. Все данные и расчеты свидетельствуют об обязательной победе войск его величества».

По выступлениям можно было догадаться, что именно произошло. Не случайно ведь остался невредимым военный министр. Не случайно уцелел и император. Почти весь народ догадывался о причине происшедшего. Догадывался, о чем сказал бы в своей речи его величество. Народ, приученный не протестовать, как всегда, молчаливо принял новый кабинет министров. Народ запел «Реформа Сёва». Песня эта была в моде лет десять назад. Теперь ее вспомнили и запели. Ее можно было понять двояко: и как одобрение нового правительства, и как осуждение его. Свыше был дан указ о запрещении

петь эту песню. И все же нет-нет да кто-нибудь замурлычет ее в перерыве.

16 августа возобновились бомбежки. Массированные и длительные. Весь промышленный район приморья был полностью уничтожен, шесть крупнейших городов Японии, за исключением Киото, превратились в руины.

Работать было негде. Заводов не стало.

Ребят погнали строить укрепления на побережье. Тем временем Советская Армия ураганом пронеслась с севера на юг Маньчжурии и отрезала Квантунской армии путь к отступлению у маньчжуро-корейской границы. Через несколько дней из гимназистов сколотили особый отряд обороны империи и началась муштра. Каждому хотелось, чтобы отряд назывался «Бяккотай», но так назывался отряд юношей, выступавших за сёгунат, против императора*. И называли его «Отряд черной сакуры».

В отряд брали только добровольцев от пятнадцати до восемнадцати лет. Большей частью тут были пятнадцатилетние. Ведь им представлялась возможность принять участие в настоящей войне, с настоящим оружием.

– Иди! – решительно сказала ему мать. – Сын военного должен быть достоин имени отца.

В эвакуации они жили в чьем-то доме, на втором этаже. В полумраке комнаты на фоне домашнего алтаря лицо матери казалось особенно торжественным. Отец погиб на войне, не дослужившись даже до майорского чина, но зато мать была дочерью генерал-майора.

* Речь идет о событиях 1868 года, так называемой «революции Мэйдзи», японской буржуазной революции. Сёгунат – военно-феодалная диктатура, столп феодализма в Японии – был свергнут, «восстановлены» права императора. К власти пришла буржуазия, договорившаяся с крупными аристократами-землевладельцами.

«Бяккотай» (Отряд белых тигров) – один из отрядов добровольцев-юношей, выступивших на стороне сёгуна.

– Сын мой, за меня ты можешь быть спокоен. Она достала меч, оставшийся после отца, изделие древних мастеров Сосю.

– В критическую минуту... я думаю, ты и без меня знаешь, как тебе следует поступить с собой.

В первом же ночном бою из восьмидесяти человек вернулись живыми семнадцать. Меч так и не пришлось ни разу вытащить из ножен: его разнесло на куски осколками снаряда. На душе полегчало, словно с нее камень свалился. К тому же этот чертов меч уже давно не воспринимался как память об отце. Видимо, еще раньше в самом мальчике что-то умерло. Единственное, что осталось в душе, – это нежелание свыкнуться с мыслью о поражении: думать об этом было слишком уж горько.

В начале сентября между полуостровом Сацума и южным побережьем Сикоку показались американские корабли. Значительно раньше, чем их ожидали. В «нихякутока», в двести десятый день года – время, когда над Японией проносятся ураганы, уничтожающие посевы, – на корабли противника налетели истребители-смертники. Однако под защитой превосходящих воздушных сил вражеские корабли спокойно отступили на запад, затем, когда опасность для них миновала, вернулись.

В середине сентября у города Тёси появились другие корабли американцев, пришедшие с Гавайских островов. Они разделились на две группы: одна направилась в Токийский залив, другая – к берегам Идзу.

Ребята молча смотрели, как истребитель с иероглифами «као» на фюзеляже поднялся в воздух и исчез в южном направлении. Вероятно, в этой машине, словно специально предназначенной для самоубийства, их старший товарищ, уже безразличный ко всему, шел навстречу смерти. Всякий раз с появлением в воздухе этих самолетов-смертников с авианосца противника в небо взмывало звено истребителей. И на глазах мальчишек японский сигарообразный самолет, изрыгая рывкое пла-

мя, накреньялся и падал вниз. Прежде чем он врезался в воду, раздавался взрыв, поднимался высокий столб воды.

Иногда со стороны моря доносился еле слышный гул орудий, похожий на отдаленный гром.

– Должно быть, бомбардировка с кораблей, – произносил кто-нибудь в окопе.

Остальные молчали, сжавшись в комок.

Они были вооружены карабинами устаревшего образца да двадцатью патронами. Окопы были защищены мешками с песком. Но останется ли что-нибудь от этих позиций? В какую кашу превратятся десять шестидюймовых гаубиц, пять восьмидюймовых полевых орудий да несколько станковых пулеметов и противотанковых ружей, если по ним шарахнут шестнадцатидюймовые корабельные орудия «Миссури» или «Айовы»?

Мальчишки сидели, сжавшись в комочек, не высказывая своих опасений. Говори не говори – ничего от этого не изменится. Они утратили всякое представление о войне, о смерти, о возможных потерях, и не было у них сил думать обо всем этом. Знали одно: сегодня обед состоит из комочка риса с соевым жмыхом да двух ломтиков горькой редьки.

Тупо, равнодушно смотрели они, как на небесной глади поблескивали эскадрильи Б-29, направлявшиеся бомбить города. Забыв жару, усталость, голод, ребята упивались этой суровой и строгой красотой. Вдруг небо прорезала полоска белого дыма. Дым еще таял в небесной лазури, когда донесся глухой отдаленный треск и один бомбардировщик Б-29, перекувырнувшись в воздухе, стал падать. Мальчики ликовали. Кто-то сообщил, что это и есть ракетный снаряд «сюзуй». Всем хотелось узнать о нем поподробнее, но толком никто ничего не мог сказать.

А как-то раз, когда над ними кружили вражеские самолеты с авианосца и мальчишки, прижавшись к земле,

сидели в замаскированном окопе, кто-то вдруг завопил:
– Самолет задом наперед летит!

Все посмотрели вверх. Самолет с уходящими далеко назад крыльями, с ярко-красным изображением солнечного диска на фюзеляже скользил в воздухе, почти касаясь земли. Долетев до моря, он круто взмыл вверх. Обладая преимуществом в скорости и маневренности, он в одиночку вступил в бой с звеном «грумманов» и тут же сбил двоих. На этот раз мальчишки завывали от восторга. Все в один голос повторяли одно слово: «Классически!» Сбив две вражеские машины, этот невиданный самолет, словно поддразнивая врага, отказался преследовать остальные машины и исчез.

Некоторое время только и было разговоров, что о новом самолете. Каждый день ждали его появления в воздухе. Думали, вот-вот мелькнет его быстрая стремительная тень. Но вместо этого пришли вести о флотилии неприятеля, продвигающейся на север к Суйдо.

Как всегда, эскадрилья шла под прикрытием истребителей. Возле Суйдо навстречу им поднялись два истребителя-смертника. Вероятно, тыловой аэродром был уже основательно разгромлен.

Все застыли в своих береговых укреплениях, когда вражеские корабли проходили мимо. Затаив дыхание, бледные от страха, смотрели они на линкоры класса «Айова», тяжелые крейсера и суетливо вертевшиеся вокруг них эсминцы.

«Кто же атакует вражеские корабли, какие самолеты – „сакурабана“, „татибана“ или „кайтэн“?» Но атаки не было: флотилия беспрепятственно прошла мимо и исчезла. Вскоре издалека донесся глухой грохот, к небу поднялось множество белых облачков. Корабли бомбардировали город О.

Когда вражеская флотилия на обратном пути проходила мимо, с холма по ней ударило орудие. Кто-то крикнул: «Идиоты! Что делают!»

Вытянувшись в цепь, корабли развернулись бортом к берегу. После первого же залпа двух линкоров батарея умолкла. Корабли врага, точно забавляясь, повернулись другим бортом и ударили двумя перекрестными залпами: слева направо и справа налево. Снаряды легли где-то сзади, но от взрывной волны мальчишки оглохли и ослепли. Когда они подняли свои землисто-серые лица, флотилии и след простыл. Стояла гробовая тишина. Лишь слышно было, как кто-то, не то раненый, не то тронувшийся от пережитого, заунывно плакал высоким детским голосом.

Не успели передохнуть, как был получен приказ выступать: километрах в пятидесяти на безлюдном побережье высадился вражеский десант и теперь находился в тридцати километрах от них.

Мальчик встал на ноги и начал спускаться по выступу седловины. Должна же где-то быть тропинка! Надо было найти человеческое жилье и набить желудок. Солнце клонилось к закату, но жара не унималась. Коснувшись ногой выступа скалы, парнишка случайно взглянул на свои башмаки и похолодел от ужаса: они вот-вот развалятся. Долго им не выдержать!

- Второй, третий, четвертый взводы, вперед!
- Третий взвод, в цепь!

На холмы, возвышавшиеся по обеим сторонам белеющего шоссе, втащили станковый пулемет и противотанковое орудие. Трясущимися руками спешно строили маскировочные сооружения. Прорвав линию фронта, большой вражеский отряд пехоты продвинулся вперед и оказался в двадцати километрах от линии обороны японцев. Японский танковый батальон застрял где-то глубоко в тылу. Было неясно, зачем оказывать сопротивление противнику именно здесь, почему не отойти на более выгодные позиции, прикрывая отход артиллерией. Но так решило командование: дать бой именно

здесь. Казалось, ими жертвовали, как пешками. У всех были бледные лица, воспаленные глаза. Но хуже других пришлось ребятам из второго, третьего и четвертого взводов. Они должны были окопаться у самой обочины шоссе, чтобы встретить врага гранатами. И не только бросать гранаты, но и самим бросаться в обнимку с противотанковыми минами под вражеские танки. Тощие, изможденные гимназисты спускались по откосам холма, еле волоча ноги. С их лиц градом струился пот. Что-то мягко шлепнулось: один упал, потеряв сознание. Командир взвода, старшеклассник, подбежал и ударил упавшего по лицу.

Какое счастье, что он не попал в эти подразделения, – всего за два человека перед ним стоял последний, отобранный туда.

У обочины показалась тень.

– Не стрелять! – раздалась команда. – Свои!

Еле волоча ноги, приближался отряд. От пыли и грязи люди казались черными. Даже издали было видно, что они вконец измотаны. Двух раненых несли на спине. У одного голова была перевязана окровавленным бинтом. Вдруг из последнего ряда выскочил солдат и, выбежав вперед, истошно завопил:

– Танки!

Несколько человек бросились на него. Но солдат продолжал отчаянно вопить:

– Танки! Танки! Танки!

Издали донесся нарастающий гул. Внезапно застрекотали кузнечики и тут же умолкли. Он прижал к плечу приклад ручного пулемета и вдруг почувствовал, как под штаниной вниз по ноге поползла теплая, липкая жидкость.

– Докладывает группа FT. Цель запеленгована!

Долгожданная весть наконец пришла.

– FT! Алло! FT! Слушайте внимательно! Коор-

динаты цели сообщите в Главный штаб и по всем участкам.

– FT понял. Передаю координаты цели.

Вскоре раздался свист вычислителей. Весь аппарат Главного штаба пришел в действие.

– Говорит Главный штаб. Бригадам от DZ до MU направиться в помощь FT! FT! FT! Вам посланы две боевые машины. Они в пути. Сообщите свое местонахождение в течение ближайших сорока минут. Бригадам из групп E и G, находящимся вблизи от бригады, оказать содействие в установке переключателя. Остальным продолжать поиски на своих участках.

– DZ, MU поняли.

– FT понял. Разрешите выслать разведывательный отряд для проверки.

– Разрешаю. Высылайте, – сказал начальник. – Не забывайте докладывать обстановку. Переходите на прямую связь.

Хватаясь за стволы, мальчик спускался с крутого склона, поросшего криптомериями. Глазам открылась крохотная поляна с одинокой крышей. Мальчик лег на живот и огляделся по сторонам. Там, где кончался лес, виднелась скалистая площадка. Он пополз на животе к краю обрыва. Внизу показалось несколько домишек, между которыми, петляя, бежала дорога. Перед домишками стояли палатка и два грузовика. По дороге, поднимая клубы пыли, приближалась колонна грузовиков с пехотинцами и боеприпасами. Мальчик выждал, когда грузовики поравняются с палаткой, и вынул из вещевого мешка бинокль. Этот бинокль достался ему от студента, его начальника, когда тому размозжило голову снарядом. Мальчик давно зарился на бинокль. Из-за него у них с мальчишкой из другой гимназии даже вышла потасовка. Тот тоже имел виды на бинокль, но ему так досталось, что даже вспомнить страшно. Не начнись

тогда атака, мальчишка наверняка применил бы оружие. А ведь двоих ребят расстреляли за применение оружия в драке. По приказу старшего лейтенанта, этой старой развалины. В гимназии он занимался муштрой. Там над ним здорово потешались, над этим лейтенантишкой...

В бинокль мальчик увидел немолодое багровое лицо американского офицера. Тот без умолку болтал, держа в зубах сигару.

Потом в глаза бросилась походная кухня: Она стояла рядом с большим сараем, перед которым прохаживался часовой. Очевидно, там хранились какие-то припасы. Из сарая вышел другой солдат, без оружия. Он что-то нес, вероятно, продовольствие. Да, склад охраняется слабо, можно обойти его сзади и оттуда пробраться.

Мальчик отполз от края обрыва и лег навзничь, дожидаясь темноты.

Первый танк подбили одновременно двумя выстрелами из гранатомета и противотанкового ружья. Но заплатили за это гибелью второго, третьего и четвертого взводов: их в упор расстреляли снарядами и огнеметами.

Сжав губы и захлебываясь от слез, мальчик стрелял из пулемета. Четыре танка, повернув башни, ударили из орудий по сопке. Гимназисты не кричали, сидели молча. Только некоторые вдруг выскакивали из укрытий и тут же падали. Один с оторванной рукой тихо скулил. Кричать уже не было сил.

Танки отступили. Дали команду прекратить стрельбу, и тогда стали слышны стоны раненых.

– Нужно отходить, – сказал младший сержант, уже побывавший на войне.

Боевых солдат среди них было только тридцать человек, включая артиллеристов.

Командир колебался, не зная, на что решиться.

– Заминируем шоссе и отступим. А то сейчас начнется артиллерийский обстрел, вот увидите,– уверенно сказал младший сержант.

Не успел он договорить, как на шоссе разорвался первый снаряд. Взвалив на спины раненых, стали отступать. Но было поздно. Плотная огневая завеса поднялась спереди и сзади. Лейтенант, стоявший на небольшом бугорке, взмахнул руками и исчез. Поднятые взрывами снарядов тучи песка и пыли не давали дышать.

Ничего не соображая, мальчик перебрался на ту сторону холма и стал скатываться вниз, на равнину.

Положение резко ухудшилось. Довольно быстро их отрезали от главных сил, и им оставалось только отступать. Иногда, натолкнувшись на своих, устраивали ночной привал, но ненадолго: приходилось снова отступать. По шоссе на север тянулись нескончаемые потоки беженцев из самого большого в этом районе города О. Старики и старухи едва плелись, нагруженные домашним скарбом. Женщины с грудными младенцами за спиной вели за руку детей, поддерживали самых дряхлых и больных. Молодые мужчины при виде вооруженных людей опускали глаза, старались затеряться в толпе.

К концу сентября союзные войска создали предмостные укрепления на острове Сикоку, на юге острова Кюсю, на берегу Кудзюкури-хама и на полуострове Кий. В начале октября провели десантную операцию у Йоцукаити. Почти в то же время у бухты Цуру высадились две советские дивизии. 7 октября западнее долины Сэкигахара был сброшен американский парашютный десант. Американские линейные корабли, появившиеся в заливе Исэ, открыли огонь по району Нагоя. Было совершенно очевидно, что враг намеревается вклиниться в самый центр острова Хонсю и разделить его на две части.

Предугадав замысел противника, центральный и западный военные округа мобилизовали все силы, чтобы сорвать эту операцию. Сомкнувшиеся было части неприятеля удалось разъединить, но ненадолго. В то же время вражеские войска, высадившиеся в районах Канто и Кинки, шаг за шагом продвигались в глубь страны, а флот, обстреляв и разрушив форты Юра и Авадзи, очистил водные пути Кий, проник в Осацкий залив, и вся береговая линия обороны оказалась под ударом. Войска, обороняющие Кинки, терпя поражение за поражением, быстро откатывались под натиском врага.

Две дивизии засели в горах Кий, у верховья реки Ёсино. В конце октября враг повторил попытку проникнуть в глубь страны с помощью парашютно-десантных войск.

К тому времени Отряд черной сакуры уже состоял всего из одного взвода и, отрезанный от главных сил, скитался в горах.

Наконец-то!.. Получена радостная весть: сумасшедший схвачен на участке VOOR, 6877. Его задержали как раз в тот момент, когда он готовился совершить третье преступление. Он довольно быстро и легко признался, что назначил для своих преступных действий три основных пункта. В двух из них он орудовал беспрепятственно, в третьем его задержали.

– Благодарю тебя, боже! – произнес начальник департамента нелепую фразу. – Благодарю тебя за то, что ты оградил его от совершения еще больших преступлений.

Сумасшедший! Но полно – сумасшедший ли он? При таком-то уме! При такой энергии! Разве не знания высшего порядка толкнули его на изыскание особых средств для осуществления своих преступных замыслов?... А если так, то можно ли назвать это преступлением? Разве он виноват, что его открытие опередило духовный рост человечества? Всякое великое открытие

есть предвосхищение этого роста и требует жертв. Ему можно способствовать, только экспериментируя, то есть ошибаясь и исправляя ошибки. Как это ни печально.

Наступила глубокая ночь. При тусклом свете звезд мальчик соскользнул со скалы. Днем он заметил, что задняя стена сарая находится под обрывом. Если удастся туда пробраться, то, вероятно, нетрудно будет проникнуть в сарай. А если обнаружат – справа от шоссе тянется лесок, со всех ног броситься туда. Главное – перебежать шоссе.

Затаив дыхание, мальчик сполз с обрыва. В палатке горел свет; порой мелькали зажженные фары «виллисов». В темноте по площадке взад и вперед расхаживал часовой с автоматом. Когда часовой удалялся в противоположную сторону, мальчик осторожно, часто останавливаясь, полз к сараю. Наконец рука коснулась задней стенки сарая. Доски прибиты крепко. С трудом удалось отодрать конец одной доски но сквозь узкую щель рука не пролезала. Часовой перестал ходить, закурил. Воспользовавшись шумом проезжающего грузовика, мальчик изо всех сил, рванул доску на себя. Часовой насторожился, прислушался – ничего. В образовавшееся отверстие легко прошла рука. Пошарила. Нашупала деревянный ящик – ожгло прикосновение холодных металлических глыб. Видно, снаряды. Парнишка пошарил в другой стороне. Кончики пальцев прикоснулись к гранатам. Он с трудом вытащил две штуки – больше рука не доставала. Жратвы никакой! Полный злости и отчаяния, он сунул гранаты в мешок и пополз назад. Когда взбирался на обрыв, из-под ног у него обрушился камень.

– Кто идет? – окликнул часовой.

При тусклом сиянии неба блеснули черное лицо и белые зубы – негр. Не давая противнику опомниться,

мальчик выстрелил. По нелепой случайности пуля угодила в цель. Солдат-негр вскрикнул высоким, как флейта, голосом и, воздев руки к небу, словно для молитвы, рухнул. Его автомат упал, полоснув темноту ночи огненной очередью. Возле палатки заметались черные тени. Съежившись в комок, мальчик швырнул обе гранаты, одну – в сарай, другую – в палатку, и перебежал на другую сторону шоссе. Раздались два глухих взрыва. Надо было убраться подальше, пока не взлетел на воздух сарай с боеприпасами. Сверху хлестнули пересекающиеся струи огня.

– Стой!

Очередью из автомата ему раздробило плечо. В тот же миг за спиной раздался оглушительный треск. Взрывной волной его подбросило вверх. Сознание застлало туманом. Его тело, ударившись обо что-то, глухо шлепнулось на землю.

Веки тяжелее свинца. Мальчику казалось, что глаза его открыты, но он ничего не видел. Мельтешили белые точки света.

Вернулось сознание. Небо было усеяно звездами. С двух сторон в небо вздымались рваные линии горизонта. Все тело ныло. Зудящая, обжигающая боль в плече. В горле пересохло. Левую щеку и лоб стягивала засохшая грязь, а может, и кровь.

Воздух звенел от неугомонных стенаний насекомых.

Мальчик лежал навзничь на крутом склоне обрыва, зацепившись за что-то. Сердце бешено колотилось. Ощувив тупую боль в правой ноге, попробовал пошевелить ею – и не мог. Крик разорвал гортань. Сломана! Сломана! В затылке появилась тупая, холодная, приковывающая к земле тяжесть. Он глубоко вздохнул и снова устремил глаза в небо. И только теперь отчетливо осознал, что вот он, Ясуо Коно, пятнадцати с половиной лет от роду, погиб, защищая родину. При этом он

уничтожил склад боеприпасов и вражеского офицера. Эта мысль явно доставила ему удовольствие, он усмехнулся. Для пятнадцати с половиной лет не так уж и плохо. Отец у него погиб, и мать погибла, и старший брат, и старшая сестра – все погибли. Теперь пришла его очередь – в этой горной глуши в единоборстве с противником погибнет и он. Японцы будут драться до последнего. Горы, леса и реки исчезнут под грудой трупов, земля пропитается кровью.

Левой, здоровой рукой он потрогал раненое плечо. Оно было мокрое, липкое, но боли уже не чувствовалось. Эта сковывающая слабость тоже скоро пройдет. Мальчик пошарил у себя за плечами – рука нащупала последнюю гранату. Он зажмурился и почувствовал, что весь покрылся потом. Вздыхнул. В рюкзаке, под ним, был еще пистолет, но до него не дотянуться.

Не открывая глаз, мальчик зажал зубами предохранитель. «Должен же я что-то ощущать», – подумал он, но в голову ничего не лезло. Сжимая зубами предохранитель, он в последний раз открыл глаза и взглянул на звездное небо. И вдруг, ощутив чье-то присутствие, невероятным усилием воли повернул голову.

Шагах в двадцати от себя он увидел тень. Судя по росту и облику, это был враг. Оружия у него не было.

– Подожди! – крикнул он мальчику. – Не бросай!

Странный акцент, с каким были сказаны эти слова, вызвал определенный рефлекс. Мальчик знал, что на двадцать шагов ему гранату не кинуть, и все же кинул. Граната упала рядом, шагах в пяти-шести от него. Он снова зажмурился в ожидании: сейчас его разорвет в клочья. Однако взрыва не последовало. Мальчик потерял сознание.

– Докладывает номер пятнадцатый из первого отряда бригады ФТ... – затрещало в звукоприемнике; телеприем был невозможен из-за страшных искривлений в

пространстве-времени.– Говорит номер пятнадцатый... Алло, Главный штаб, как слышимость?

– Слышимость нормальная, сообщите, как дела.

– Страшнее не придумаешь...– Голос пятнадцатого стал затухать.– В десантной операции с обеих сторон погибло сто пятьдесят тысяч... Слышите?

– Слышу, продолжайте.

– Потери повсюду огромны. В рядах японцев сражаются и гибнут подростки, почти дети. Алло, Главный штаб, примите срочные меры. Остатки японских частей сосредотачиваются в центральных районах острова Хонсю... Алло, вы слышите? С каждой минутой растет число самоубийств среди женщин и детей... Лежи, лежи, не шевелись... Что, больно?... Алло, Главный штаб! Докладывает номер пятнадцатый из передового отряда бригады FT. Партизаны в западном и центральном районах продолжают бои без всякого расчета на победу.

– Алло! Пятнадцатый!– с беспокойством прервал начальник департамента.– Вы не один? Что это значит?..

– Видите ли...

– Вы нарушаете первый пункт устава!

– Но он ранен...

– Докладывает номер шестнадцатый из передового отряда,– перебил другой голос.– В промышленном районе Хансии восстали рабочие. Вы меня слышите? Восстанием руководят японцы, пользующиеся покровительством советской армии. Начались вооруженные стычки между разного рода рабочими группировками, а также выступления против японских и американских солдат. Поторопитесь, пожалуйста, с Д-переключателем.

– Алло, докладывает номер пятнадцатый из передового отряда...– на этот раз голос был едва слышен.– Часть японских войск перешла на сторону союзников. Давайте Д-переключатель.

Да, бесспорно, положение казалось хуже, чем можно было предположить. Что это? Неужели такая крохот-

ная страна намерена бороться против всего мира? Это же самоубийство!

– Транспортная бригада! – вызвал начальник департамента. – Слышите? Транспортная бригада, немедленно сообщите свои координаты! Поторопитесь с переключателями! Дорога каждая секунда, а то эти психопаты и в самом деле уничтожат себя!

– Докладывает транспортная бригада, – ответил бодрый голос. – Оба Д-переключателя доставлены в полюса указанных зон, приступаем к их установке.

– Группа Е! Группа G! Всем бригадам вернуться и оказать помощь бригаде FT! Поторопитесь с установкой переключателей!

На участке XT-6517 действие разворачивалось в девятнадцатом веке, масштабы соответствующие, так что управится одна бригада QV. К счастью, третья попытка сумасшедшего осталась нереализованной. Так что можно сконцентрировать все свободные силы на участках LSTU и XT. В особенности в LSTU...

– QV, RW, – вызвал начальник. – Докладывайте, что у вас?

– Говорит QV. Переключатель получен. Пока изменений никаких!

– Ладно, действуйте по своему усмотрению, полагаюсь на вас! – Начальник обратился ко всем бригадам: – Всем отрядам поисковых групп перебраться на участок LSTU-3506. Помогите бригаде FT установить переключатель!

– Болит? – спросил незнакомец.

Мальчик открыл глаза. При свете звезд он увидел светлое, прекрасное лицо незнакомца. Плечо было плотно забинтовано, но, когда мальчик дотронулся до него, он нащупал что-то упругое, похожее на резину.

– Хорошо бы тебе принять болеутоляющее, но я не медик: у меня с собой только средства первой помощи.

Мальчик с удивлением прислушался к странному акценту незнакомца. Происходило что-то необъяснимое. То незнакомец разговаривал с мальчиком, то пропадал, словно превращаясь в невидимку, потом опять появлялся. Мальчик вспомнил, что незнакомец пропал и в тот момент, когда он бросил гранату. Потом возник совсем рядом с ним и снял шлем.

Из-за скалы выглянул месяц. При его свете мальчик увидел красивые золотистые волосы незнакомца. Он посмотрел мальчику в глаза и улыбнулся.

– Убей! – пробормотал мальчик.

Лицо незнакомца вытянулось от удивления.

– Убей меня! – повторил мальчик.

Боли он не чувствовал, но все равно после всего случившегося жить не хотелось.

Незнакомец склонился над ним и ласково сказал:

– Я же тебя спас.

Мальчик пристально взглянул на незнакомца, и лицо его осветилось догадкой.

– А-а-а, понимаю: вы немец. Верно? А то, думаю, зачем вы меня спасли?

Мужчина слегка покачал головой.

– Нет, я не гитлеровец.

– Кто же вы?

– Я из Службы времени, – ответил тот. – Хотя тебе этого все равно не понять.

Послышались голоса. По небу скользнул луч прожектора.

– Плохо, – пробормотал незнакомец. – Придется отступить. Не сочтут же нарушением устава перемещение с одного места на другое.

– Махни на это рукой, – сказал чей-то тихий голос.

Мальчик повернул голову и посмотрел туда, откуда донесся голос, но никого, кроме золотоволосого незнакомца, вблизи не было. Незнакомец взял мальчика за руку. Раздался щелчок, похожий на звук откупоривае-

мой бутылки. Взор застлало серой пеленой.

– Хочешь знать, кто я? – спросил незнакомец.

Они очутились над обрывом и смотрели сверху на то место, которое только что оставили. Это произошло в мгновение ока, точно во сне, мальчика даже слегка подташнивало.

– Скажи тебе – ты все равно не поверишь...

Мальчик задумался, не в силах понять, почему это он не поверит, и только сказал:

– Главное – друг вы или враг?

Мужчина задумчиво почесал в затылке. Вопрос был настолько наивен, что мужчина просто пришел в умиление.

– На это ответить еще труднее. Дело в том, что я не имею никакого отношения к вашей эпохе.

Мальчик, видимо, решил, что у того мозги не в порядке.

– Почему ты не дал мне умереть? – сурово спросил он.

– Мог ли я поступить иначе? – ответил тот. – Если бы мы обнаружили ваше время часа на два раньше, тебя бы вообще не ранили. Разумеется, при условии, что мы с тобой встретились бы:

– Что ты собираешься со мной делать? – снова спросил мальчик. – У меня сломана нога, плена мне не избежать. Сделай милость: убей меня!

– Почему ты так торопишься умереть? – спросил мужчина, в недоумении разведя руками. – Я не понимаю, что вы тут затеяли, но через пять часов этот мир все равно исчезнет.

Мальчик тряхнул головой. Какая ерунда! Мальчику было наплевать, исчезнет мир или нет, – так или иначе его ожидала смерть.

– Пожалуй, я выразился неточно. Мир не исчезнет, а войдет в свою историческую колею.

– А мне плевать! – запальчиво выкрикнул мальчик. – Помоги мне добраться до своих или убей. А впрочем, можешь оставить меня здесь!

– Ну и оставлю! – вспыхнул мужчина. – Безумный мальчишка!.. А я-то думал, что японские гимназисты этой эпохи смысленнее. Я и так нарушил устав, вступив с тобой в контакт! Прощай! Я ухожу.

– Стой! – крикнул вдогонку мальчик. Проведя рукой по воротнику, он нащупал на петличке значок черной сакуры, оторвал его и протянул мужчине. – На, возьми! Если встретишь по дороге наших, скажи, что Ясуо Коно из 1077-го Отряда черной сакуры был тяжело ранен и не мог покончить с собой, но живым в плен не сдастся.

Мужчина поглядел на мальчика долгим, проникновенным взглядом и мгновенно исчез. Значка черной сакуры он не взял. На глазах у мальчика выступили слезы. Какой позор – не суметь умереть! Собрав последние силы, преодолевая боль, мальчик перевернулся на живот, орудуя одной здоровой рукой и одной ногой, подполз к краю обрыва и бросился вниз. Если упасть на скалу с десятиметровой высоты, вполне можно разбиться... Но его подхватили в воздухе.

– Брось свои дурацкие штучки! – взмолился мужчина. – Не дам я тебе умереть у меня на глазах. Послушай, я тебе все объясню, только дай мне слово, что перестанешь искать смерти... Пойми: сражения, в которых ты участвуешь, ненастоящие.

– Как это – ненастоящие?

Ясуо, снова водворенный на скалу, со злостью накинулся на мужчину.

– Мы участвуем в исторической битве! Что же тут ненастоящего? Мы сражаемся против этих хищников, американцев и англичан, и погибнем все до одного – сто миллионов человек. Знаешь, как разбивается яшма? Вдребезги! Так же и мы. С нами его величество... Подданные японской империи до конца дней своих останут-

ся верны чувству долга и справедливости. Что же тут ненастоящего?..

– Пожалуй, «ненастоящее» – это не то слово, – неторопливо прервал мужчину и тряхнул головой. – Я хотел сказать – все это неправильно. Потому что на самом деле в ваше время Япония безоговорочно капитулировала. Пятнадцатого августа. По рескрипту, подписанному императором.

– Что? Что ты сказал? – У Ясуо загорелись глаза. – Япония капитулировала?!

– Но ведь так было на самом деле – это история.

Мужчина снял шлем и пригладил золотистые волосы.

Далеко в небе мерцала Полярная звезда, она переместилась. Стояла глубокая ночь. Мальчик взглянул в лицо мужчины. Оно было необыкновенно добрым.

– Ты хочешь сказать, что наша война несамделишная? – с издевкой спросил мальчик. – Моя мать проткнула себе кинжалом горло. Все мои товарищи погибли. Все японцы – женщины, старики, дети – сражаются до последней капли крови. Я убил много американских солдат, теперь сам умираю... И после этого ты осмеливаешься говорить, что все выдумка?

– Я не сказал – выдумка, – с состраданием возразил мужчина. – Я хотел сказать – придуманный ход истории. На самом деле все у вас было совсем не так.

– Ну, что ты понимаешь в нашей истории? По-твоему, лучше было капитулировать, да? – почти крикнул Ясуо.

Вдруг над обрывом вспыхнула ракета и упала, просвистев над головой.

Мужчина ладонью прикрыл мальчику рот.

– Подлец! Шпион! Рыжая сволочь!.. Что ты понимаешь!..

– Молчи! – сказал мужчина. – Какой ты бестолковый мальчишка! Неужели тебе не ясно, что лучше всего было капитулировать пятнадцатого августа?

– Чем же лучше? – заскрежетав зубами, гневно спросил Ясуо. – Кто дает тебе право так говорить?!

– Никто. Просто история должна быть такой, какой была на самом деле. Ход истории един. А если история выходит из своего правильного русла, наш долг вернуть ее туда, иначе нарушится ход всемирной истории.

– Но кто вам дал на это право? – злобно повторил Ясуо. – Разве ты поймешь, за что я воюю, за что умираю?.. Я горжусь тем, что умираю за императора... А ты готов все это разрушить!

– Почему «разрушить»? Исправить! – горячо возразил мужчина. – Пойми, что с ликвидацией неправильно-го хода истории исчезнет и неправильное осмысление событий. Понимаешь? Человек не может ратовать за собственное уничтожение. Он не ищет уничтожения. Наоборот, боится его.

– Значит, в то, другое время Япония капитулирует?.. – с сарказмом произнес мальчик. – А я что же? Я-то ведь все равно покончу с собой!

Мужчина взглянул на него строго, точно намереваясь принять какое-то важное решение.

– Не все ли равно, покончишь ты с собой или нет, – ответил он немного погодя. – Пусть так. Но ведь то, что ты называешь «другим временем», все равно существует, а это время, где ты собираешься умереть в пятнадцать лет, само умрет через четыре часа. И ты ничего не вспомнишь, что было здесь. Эх, так и быть, сделаю еще одно нарушение: покажу тебе твою настоящую жизнь.

Мужчина взял мальчика за руку и сказал:

– Я не уверен, что разыщу тебя, но попробую. Где ты жил? Где учился?

Мальчик сказал. В следующий миг его глаза снова застлало туманом. Когда туман рассеялся, он увидел перед собой мрачную картину. Черные и коричневые развалины – следы пожаров и бомбежек. Он сразу уз-

нал местность – это были здания, прилегающие к гимназии. Рядом высился и ее обгорелый корпус.

Ясуо не помнил, чтобы когда-нибудь перед станцией железной дороги слонялось столько грязных оборванцев. Расстелив на голой земле рогожки, они торговали едой и всяким хламом. Тут были бататы, ириски, галеты, кастрюли, сковородки. Неопрятно одетые мужчины с землистыми лицами сновали взад и вперед, держа в руках дырявые мешки. Вдруг появились ребята с гербами их гимназии на фуражках. Разговаривая между собой, гимназисты с жадностью поглядывали на еду.

И среди ребят – он! Без обмоток на ногах, в таком затрапезном виде! Промчался «виллис». Ребята помахали ему вслед. Водитель, американский солдат, бросил им пакетик жевательной резинки. Гимназисты набросились на нее.

– Подлец! – крикнул Ясуо. – Разве такое можно стерпеть!

– Ты не торопись, – утихомирил его мужчина.

По улице, едва прикрывшись каким-то тряпьем, расхаживали под руку с американскими солдатами японки... Издалека надвигалась толпа. Впереди несли красное знамя. Мужчины с решительными лицами пели: «Вставай, поднимайся, рабочий народ!»

– Разве Японию заняли красные? – спросил мальчик.

Мужчина покачал головой. Картина снова сменилась. Над потоком демонстрантов реяли полотнища лозунгов. «Эй, взяли! Эй, взяли!» – раздался дружный крик, и демонстранты побежали зигзагами. И вдруг впереди демонстрантов мальчик снова увидел себя, теперь студентом.

Не вынеся такого, он закричал:

– Это подлость!

И вновь картина сменилась. На сей раз он гулял с девушкой вечером в парке. Он не поверил собственным

глазам. Вдруг все исчезло.

– Это преступление! – сказал светловолосый. – Нельзя сидеть сложа руки! Мне сообщили, что Америка приготовила третью атомную бомбу. С Марианских островов уже вылетел самолет Б-29.

Он появится над Синсю. Начальник департамента приказал переключить установку преобразователя времени через полчаса. Надо устранить этот мир до взрыва третьей атомной бомбы. Нельзя нагромождать одну трагедию на другую. Прощай!

– Постой! – крикнул мальчик ему вслед. – Перенеси меня в Синсю. Я хочу умереть там, где его величество...

Мужчина в недоумении пожал плечами и взял мальчика за руку. Глаза застлало серой пеленой тумана... На этот раз мальчик почувствовал резкий толчок. Он шлепнулся в траву, тронутую первым налетом инея. Перед его мутным взором поплыла уходящая вдаль горная цепь с острыми зазубренными вершинами на фоне безоблачного неба. Сознание медленно угасало.

Он понял, что умирает. Он уже не чувствовал ни рук, ни ног. Только ощущал зудящую легкую боль в ране, точно по ней водили волоском. Этот зуд все удалялся, удалялся и отступил куда-то далеко, за много километров. Холод смерти подступал снизу – от ног, подбирался к животу, полз выше, готовясь завладеть сердцем. Мелькнула мысль: человек начинает умирать с ног. Раза два-три волна мрака захлестывала сознание, а когда в промежутках оно возвращалось, мальчик видел горы и небеса, безмятежные, словно поверхность огромного озера. Он лежал на траве и глядел, как там, наверху, точно примерзшие к небосводу, сияют тусклые звезды.

Из горла вырвался предсмертный хрип. И Ясво понял – конец. И вдруг он вспомнил, что забыл исполнить последний долг: собрав оставшиеся силы, хотел крикнуть: «Его величеству бандзай!», как вдруг перед глаза-

ми пронеслись недавние видения. Япония потерпела поражение! Нет! Глупости! Этого не могло быть... Но страшные мысли о возможности такого исхода, словно призраки, роились в сознании. И он опять собрал последние силы, чтобы бороться со своими мыслями. Ведь это же чудовищно – на пороге смерти потерять веру в Японию! Нет-нет, невозможно! Иначе его смерть и смерть всех японцев окажется бессмысленной... Внутренняя борьба поглотила все его силы. Он уже не мог крикнуть: «Его величеству бандзай!» – и решил провозгласить эту здравицу в душе. Однако им завладела еще более неуместная и дурацкая мысль: «Куда я дел значок черной сакуры? Я держал его в руке и...»

Перед Ямамото, начальником департамента особого управления по розыску во времени, сидел сумасшедший, доставленный из далекого иномерного временно-го пространства. Желтоватая кожа, орлиный нос, черные волосы... Из-под нависающего лба класса «экстра-1» умственных способностей глядели глаза страстного, почти одержимого человека. Бросало в дрожь при мысли об умственном потенциале этой феноменальной личности. Безумие и властность при исключительной гениальности – истинный князь тьмы!..

– Как вы решились на такой чудовищный поступок? Во имя чего? – Начальник департамента говорил вежливо: сидящий перед ним человек все же был доктором наук. – В практике нашего департамента особого розыска во времени вы – первый настоящий преступник против истории. Будем надеяться, что и последний тоже... Так ответьте, зачем вы это сделали?..

В департаменте особого розыска было зарегистрировано немало нарушений во времени. Большей частью преступники пытались своим вмешательством изменить ход истории. Однако чаще всего это были маньяки, фанатики и люди умственно неполноценные. Фантазии

у них хватало только на то, чтобы отправиться в прошлое, убить какую-нибудь историческую личность... Например, один из преступников, начитавшись Паскаля, решил изуродовать нос Клеопатры. Он даже понятия не имел о том, что Клеопатр может быть несколько. Или, скажем, другой, который убил Наполеона ребенком. А ведь еще в XIX веке Жан Батист Перес отрицал существование Наполеона. Ну что дало убийство Наполеона? Ровным счетом ничего: появился другой Наполеон, который и стал императором. Свойство Неопределенности Частных Фактов (коэффициент НЧФ Симса) при неизменяемости исторических событий прошлого исключало возможность преступлений против истории.

Однако открытие субпространственного способа космонавигации, позволявшего скачкообразно передвигаться в разномерные пространства, дало такую возможность. Соединение установки переключения измерений с машиной времени допускало создание желаемого числа ходов истории одной и той же эпохи. Первым указал на эту возможность доктор Адольф фон Кита, молодой ученый из Института истории. Однако, поскольку это открытие сделал человек гуманитарной специальности, физики не придали ему значения, а поэтому и не учли опасности, которую оно в себе таило.

Лишь инспектор департамента особого розыска Инри Вовазан заинтересовался этим открытием. И тотчас подал о нем рапорт, где, между прочим, указывал, что доктор Адольф фон Кита – натура импульсивная, склонная к действиям атавистического характера; он состоит членом некой тайной организации; в области исторических наук доктором открыта весьма оригинальная теория о возможности изменения хода истории.

И вдруг из галактики Поллукса, откуда с давних пор велись наблюдения за иномерными пространствами, было получено сообщение о его появлении в иномерном

пространстве солнечной системы. Благодаря бдительности инспектора Вовазана департамент принял все меры предосторожности.

– Ответьте, пожалуйста, на вопрос, – снова сказал начальник департамента. – Вас не удивило, что мы вас так быстро нашли?

– Я бы предпочел, чтобы меня не тревожили, – спокойным голосом проговорил сумасшедший.

– Увы, простите, это невозможно, – возразил начальник департамента. – Нельзя нарушать основной ход истории.

– Ну вот еще! – закричал сумасшедший. – По какому праву вы судите?

Пятнадцатый, стоявший возле начальника, вздрогнул. Это были слова того мальчика.

– Скажем... – начальник на мгновение прикрыл глаза, задумался – ...с нравственной позиции.

Сумасшедший расхохотался.

– Теперь мне ясно, – сказал он. – В деле, которое вы на меня завели, написано: маньяк, поклонник тиранов и героев-разрушителей. Опынен самурайской моралью, существовавшей в Японии примерно с десятого века. Темы научных работ: Калигула, Нерон, сын Люйцзы император Ши, Цезарь Борджа, Робеспьер, Наполеон, Гитлер. Последняя тема: работы из истории Японии.

– Почему вы выбрали Японию? – спросил начальник департамента. – Принесли победу войскам сёгуната в реформации Мэйдзи, применили тактику выжженной земли в войне сороковых годов двадцатого века... Были у вас какие-нибудь особые основания для такого выбора?..

– Первый опыт, так сказать, проба сил, – ответил маньяк. – И потом, я хорошо осведомлен во всем, что касается этого времени... Но главное – во мне течет японская и немецкая кровь. Хотелось поэкспериментировать здесь, потом приняться за другое...

Лицо начальника департамента потемнело. Если бы этому психу удалось создать несколько ходов истории, то в корне изменилась бы мораль и система современного мира.

– В мои планы входило: принести победу нацистам на европейском фронте с помощью атомных бомб и ФАУ; в Америке принести победу на президентских выборах не Франклину Рузвельту, а более прогрессивному кандидату – Уоллесу; а в послевоенной Франции и Италии предоставить власть коммунистам...

Доктор фон Кита перечислял, загибая пальцы.

– Ну зачем вам это! – не выдержав, крикнул пятнадцатый. – Для чего столько перемен в двадцатом веке? Вы знаете, сколько это породит новых трагедий? Я вам могу рассказать про одного пятнадцатилетнего мальчика, которого там встретил...

– Трагедия?! – У доктора загорелись глаза. – А разве бывает история без трагедий? Вопрос в том, что человечество получает, пройдя через эти мучительные испытания. Во второй мировой войне погибли десятки миллионов людей, почти половина из них – зверски замученные евреи. Но ведь вы не знаете, каким стал бы мир, если бы тогда действительно было уничтожено десять процентов людей! Понимаете ли вы, к чему привела тогдашняя половинчатость? Вот тысяча лет прошло с тех пор, а ведь человечество еще не освободилось от своих язв.

Доктор стукнул кулаком по столу и вскочил – теперь это был действительно сумасшедший. Его воспаленные глаза дико горели, в уголках губ выступила пена.

– Жертвы принесены, а я вас спрашиваю: где польза? Такая история бессмысленна. Двадцатый век оказал влияние на последующие века именно своей половинчатостью. Оппортунизм в мировых масштабах. Короче говоря, жертвы, принесенные во второй мировой войны, оказались бесполезными. Человечество, испугавшись ужасов, которые само изобрело, побоялось траге-

дий и пошло на компромисс. В Японии рескрипта императора оказалось достаточно, чтобы все подняли руки. А что они получили в результате?

Инспектор Вовазан переглянулся с начальником департамента, и тот понимающе кивнул.

– Японии следовало понести большие жертвы, но все же вырвать у истории что-нибудь по-настоящему дельное. Ведь на протяжении долгих веков она только и делала, что страдала. Какая же разница? Так не лучше ли пойти на самоуничтожение, применить тактику выжженной земли? Не лучше ли, чтобы государство, имеваемое Японией, вовсе перестало существовать? Погибло бы одно государство, зато родился бы новый Человек, проникнутый сознанием космической солидарности. В истории есть такое положение: «Превратить империалистическую войну в гражданскую». Когда вы меня обнаружили, в Японии как раз вспыхнуло восстание рабочих.

– Доктор...– тихо вмешался инспектор Вовазан,– насколько нам известно, вы несколько раз побывали в Японии той эпохи, чтобы изучить ее историю.

– Ну и что?– воскликнул сумасшедший.

– Разве вам не известно, что пункт первый правил водительства машины времени запрещает ездить в одну и ту же эпоху несколько раз подряд? В результате длительного пребывания в иновременных условиях наступают нежелательные мозговые изменения. Возможна потеря памяти и даже психическое заболевание.

– Вы хотите сказать, что изучение японской истории сказалось на моей психике?– спросил сумасшедший, ослабившись.

– Нет, я хочу сказать, что вы рассуждаете, пожалуй, как некоторые японцы той эпохи.

– При чем тут та эпоха? Мой метод годится для любой эпохи и любой страны,– раздраженно возразил доктор.– Почему бы не изменить ход истории, если это осу-

щество? Не создать несколько параллельных и независимых друг от друга ходов истории? Это принесет только пользу! Если человечество в состоянии испытывать безграничное число исторических вариантов, зачем ему ограничиваться одним-единственным? Право всегда дается возможностью. Мы вправе выбрать лучший вариант исторического события. – Сумасшедший воздел руки к небу. – Я освободил человечество от неизбежности истории!

– Вы ошибаетесь, – спокойно возразил начальник департамента. – Ваша мания сама есть продукт исторической обусловленности.

– Мания?! – с издевкой переспросил сумасшедший. – Да где вам это понять!

– Наша эра давно отказалась от такого подхода к истории, – спокойно возразил начальник департамента, барабанив пальцами по столу. – Человечеству он не нужен, ибо, только живя в истории, которая едина и неизменяема, человек остается человеком. Человек отказывается от многих исторических перспектив в интересах самосохранения. – Начальник департамента усмехнулся. – Даже таких рационалистических, как, например, поедание друг друга... Человек отказался от хирургической операции, дающей ему вечную жизнь. Отказался от пересадки человеческого мозга в машину...

– Вы консерваторы! Вы и есть преступники против истории! – закричал сумасшедший в гнев. – Вы лишили человечество его безграничных возможностей!

– Для того чтобы сохранить вид, именуемый человеком, – отвечал начальник департамента. – История – это монолитный процесс, она не нуждается в различных вариантах. Только при сохранении ее монолитности каждая данная эпоха будет иметь свою, соответствующую ей культуру. В условиях многообразия исторических течений человек перестанет понимать самого себя. – Начальник обернулся и взглянул на хроноскоп. – Нрав-

ственность нашей эры заключается в том, чтобы сохранить существующий порядок вещей. Она сильно напоминает мораль, бытовавшую несколько десятков веков назад... Очевидно, возврат к старинной нравственности происходит в силу исторической необходимости...

– Идемте, – сказал инспектор Вовазан, беря доктора за локоть.

– Итак, в Суд времени?

– Нет, в больницу, – спокойно поправил инспектор. – На психиатрическую экспертизу. Я уверен, что вам удастся избежать судебного наказания.

– Вопреки очевидности вы подозреваете меня в идиотизме?

– Мне неприятно говорить вам об этом. Но, вероятно, в связи с частыми путешествиями во времени у вас произошло смещение исторического сознания.

– Ну, знаете ли! Я же историк. Я просто увлечен конкретной исторической эпохой.

– Не в том дело, доктор, – мягко улыбнулся инспектор. – Не только в том, что вы рассуждаете, как человек двадцатого века. Это можно было бы отнести за счет сильной впечатлительности... А вы действительно считаете себя нормальным?

– Что за вопрос?

– Вот это мне и хотелось знать. В разговоре с начальником департамента вы обмолвились, что раны двадцатого века сказываются на современности даже теперь, спустя тысячу лет. То есть вы мыслите и чувствуете, как человек тридцатого века... Но ведь со времен второй мировой войны прошла не тысяча... а пять тысяч лет...

– Яч-ча-ан!.. Ясухико-чан! – прозвучал женский голос.

Жена звала ребенка. Ясуо закрыл книгу. Он как раз прочел «Обретенное время», последний том эпопеи Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». Он

мечтал об этом еще со студенческой скамьи. Ясуо развалился на траве.

Над головой простиралось бездонное голубое небо. Веял прохладный осенний ветерок. От его прикосновения по телу пробежал озноб. Это было плоскогорье Сига.

Послышались голосок трехгодовалого сынишки и звучный альт жены. Голоса приближались. Ясуо слушал, прикрыв глаза.

Мир на земле! Свет в небе!..

Сейчас к нему направятся маленькие ноги и в лицо уткнутся нежные, пахнущие молоком губы. Притворившись спящим, он ждал.

Впервые после шести лет работы в фирме выдался спокойный отдых. Но завтра он снова пойдет на работу. Кончилось лето.

Опять послышались голоса жены и сына.

– Брось! Ясухико-чан! Фу! Бяка! Брось! Ты слышал, что я сказала?

– Не-е-ет! – ответил упрямый ребенок.

Упрямством мальчик пошел в него. Ясуо невольно улыбнулся. Послышался топот ножек, из травы вынырнула круглая головенка, и сынишка разжал кулачок.

– На, папочка!

Улыбаясь, Ясуо взял из рук мальчика какую-то круглую маленькую пластинку из эбонита.

– Ясухико-чан нехороший! Не слушается маму... Ясуо, что он там нашел?

Ясуо стер с пластинки присохшую грязь – появился рисунок.

– Какой-то значок, – ответил он жене. – Значок в виде цветка сакуры.

– Не может быть! Какой сакуры? – рассмеялась жена. – Разве сакура черная?

И вдруг он сжал в кулаке значок, точно вспоминая о чем-то. На мгновение, всего лишь на мгновение, темные

глубины сознания сковал ледяной холод. Все кругом потускнело, словно небо заволокло тучами. И все, что его очаровывало, – высокое, чистое небо, отдых в кругу семьи, он сам и все окружающее, – показалось таким серым, темным, позорным, словно от него исходило злование.

Но это длилось всего лишь мгновение. Ясуо вернул значок малышу и поднял мальчика высоко в небо.

- Ну, пошли в гостиницу. Пора обедать.
- Я хочу есть, – торжественно произнес малыш.
- А завтра поедem домой. Хорошо?
- Папочка... красное, красное...

Вдали опускалось огромное багряное солнце.

Муж, жена и ребенок – все втроем запели: «День кончается пламенем алой зари... Мир – Земле!..»

- Ясухико-чан, дай мне, я это выброшу!..
- Это бяка... Выброшу...

Маленький черный значок, брошенный детской рукой, полетел в траву, пересекая багровый диск заходящего солнца.

- Бай-бай! – кричит малыш.

«Звонит колокол в храме на горе...»

МИР – ЗЕМЛЕ!

Итак, мир – Земле.

Невозможно задним числом переделать и даже переписать историю человечества, да это и ненужно – ясно ведь, что «только живя в истории, которая едина и неизменяема, человек остается человеком». Но в будущем у истории имеются, как называет их Комацу, «параллельные ходы». Ядерное самоубийство и мир.

В этом отдают себе отчет все авторы сборника, если не считать того, что новелла П. Братта написана в доядерную эпоху. Двадцать семь писателей из пятнадцати стран, социалистических, капиталистических и развивающихся, объясняют на языке фантастики, почему считают войну безумием, а мир – самым важным достоянием человечества. У каждого из них

свой стиль и поворот темы, война по-своему окрашена, а мир разнолик. Но все едины в главном: мир кончается там, где начинается война, и наступает, когда войны нет.

Поэтому других, лучших слов, чем сказанные Сакё Комацу, трудно найти, чтобы закончить ими этот сборник.

Мир – Земле!

И только так.

В. Скороденко

Содержание

В. Скороденко. Мир Земле (путеводитель по сборнику)	5
Артур Кларк. «И если я, Земля, тебя забуду...» <i>Пер.</i> <i>с англ. Н. Куняевой</i>	8
Одд Солумсмуен. Грядущая катастрофа. <i>Пер. с норв.</i> <i>Э. Панкратовой</i>	15
Петер Братт. Бомба и облако. <i>Пер. с нем. П. Френ-</i> <i>келя</i>	25
Дино Буццати. Линкор смерти. <i>Пер. с итал. Т. Вое-</i> <i>водиной</i>	29
Гарри Гаррисон. Космические крысы ДДД. <i>Пер. с англ.</i> <i>В. Бабенко и В. Баканова</i>	69
Джо Холдмен. Рядовая война рядового Джекоба. <i>Пер. с англ. В. Бабенко</i>	87
Роберт Шекли. Абсолютное оружие. <i>Пер. с англ.</i> <i>Ю. Виноградова</i>	95
Вольфганг Кёлер. Ошибка Платона. <i>Пер. с нем.</i> <i>И. Свирского</i>	107
Айзек Азимов. Они не прилетят. <i>Пер. с англ. А. Ша-</i> <i>рова</i>	110
Адам Сыновец. Игра. <i>Пер. с польск. В. Дунина</i> . . .	112
Лайош Мештерхази. Ракеты, звезды, рецепты. <i>Пер.</i> <i>с венг. С. Фадеева</i>	120
Ингмар Бергман. Стыд и позор. <i>Пер. с шв. Н. Фе-</i> <i>доровой</i>	150

Альберто Ванаско. <i>Post bombum. Пер. с исп. Н. Лопатенко</i>	208
Боб Шоу. Путешествие в эпицентр. <i>Пер. с англ. А. Корженевского</i>	219
Рэй Брэдбери. Ржавчина. <i>Пер. с англ. З. Бобырь</i> . . .	370
Яцек Савашкевич. Патент. <i>Пер. с польск. Е. Вайсброта</i>	377
Иван Мариновски. Тотем поэта. <i>Пер. с болг. В. Боровишки</i>	386
Любен Дилов. Вперед, человечество! <i>Пер. с болг.</i> . . .	394
Йозеф Несвадба. Процесс, о котором никто не узнал. <i>Пер. с чешск. И. Герчиковой</i>	405
Фабиан Доблес. Письмо. <i>Пер. с исп. Н. Лопатенко</i>	414
Вольфрам Кобер. Война. <i>Пер. с нем. Е. Факторовича</i>	418
Фред Сейберхэген. О мире и о любви. <i>Пер. с англ. А. Иорданского</i>	446
Томас Дулски. Мой сочельник на Нью-Хэнфорде. <i>Пер. с англ. И. Гуровой</i>	457
Джозеф Грин. Реакция енота. <i>Пер. с англ. В. Гопмана</i>	488
Пьер Буль. Дьявольское оружие. <i>Пер. с фр. Ю. Денисова</i>	508
Джек Холдмен-младший. Мы, народ. <i>Пер. с англ. В. Задорожного</i>	521
Сакё Комацу. Мир — Земле. <i>Пер. с японск. Э. Рахима</i>	526

Литературно-художественное издание

МИР – ЗЕМЛЕ

Сборник антивоенных научно-фантастических
произведений

Заведующий редакцией В. С. Власенков
Старший научный редактор И. Я. Хидекель
Младший научный редактор М. А. Харузина
Художник К. А. Сошинская
Художественный редактор Н. М. Иванов
Технический редактор Л. П. Емельянова
Корректор Т. И. Стифеева

ИБ № 6597

Сдано в набор 03.03.87. Подписано к печати 20.11.87. Формат
70 × 100/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура таймс.
Объем 9 бум. л. Усл.печ. л. 23,40. Усл.кр.-отт. 47,16. Уч.-изд. л. 25,90.
Изд. № 9/5482. Тираж 200 000 экз. Зак. 264. Цена 3 р. 50 коп.

Издательство «Мир»

129820, ГСП, Москва, И-110, 1-й Рижский пер., 2

Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государ-
ственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. 143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Издательство «Мир»

в 1988 году

в серии

«Зарубежная фантастика»

выпустит сборник

научно-фантастических произведений

«В тени сфинкса»

В сборник вошли рассказы и повести писателей социалистических стран: Болгарии, Венгрии, ГДР, Кубы, Польши, Чехословакии, Югославии.

Издательство «Мир»

в 1989 году

в серии

«Зарубежная фантастика»

выпустит сборник

научно-фантастических произведений

«Ночь, которая умирает»

В сборник включены произведения, написанные в жанре детектива писателями Англии, ГДР, Польши, США, Франции, Японии.

Зарубежная

фантастика

3 р. 50 к.

Издательство «Мир» Москва